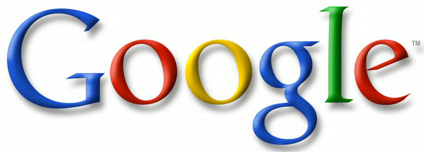
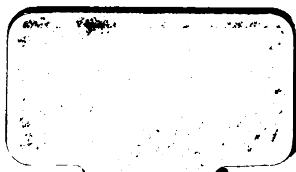

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CXCII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная № 38)
1870.

BODLEIAN
P
16 OCT 1956
LIBRARY

СКВОЗЬ МРАКЪ КЪ СВѢТУ.

повѣсть

Карла Гуцкова.

I.

Домъ «Скачущаго коня».

— Годдэмъ, вы клевещете! — въ этомъ домѣ живутъ ангелы!..

— Клянусь святымъ Патрикомъ, я готовъ согласиться, что тамъ вправду есть одинъ ангелъ, но его держитъ въ когтяхъ дьяволъ...

— Кто? Кого? Если вы говорите о папистѣ, объ вашемъ землякѣ, такъ вы пожалуй правы...

— Папистъ! Гм! Онъ изъ шайки цареубійцъ! Онъ ни во что не вѣруетъ, вы его никогда въ церкви не увидите...

— Ну, нѣтъ, онъ молится, но только объ своей мошнѣ...

— Ходятъ разные слухи...

— Просто на просто, это фальшивый монетчикъ!

— Кто? сосѣдъ-то мой? человѣчекъ-то этотъ? Что вы, — да это душа-человѣкъ, благодѣтель бѣдныхъ, у него для всѣхъ дверь отперта...

Такого рода противорѣчивыя мнѣнія высказывались за кружкой эля объ одномъ лондонскомъ жителѣ въ сосѣднемъ съ его домомъ шинкѣ. Дѣло было въ 1713 году, какъ разъ въ то время, когда въ блестящихъ хоромахъ ганноверскаго дворца курфюрстъ Георгъ-Лудовикъ съ часу на часъ готовился отплыть изъ одной изъ своихъ маленькихъ гаваней для принятія скипетра уже и тогда владычествовавшей надъ морями Англіи, каковой скипетръ тоже съ часу на часъ готовился вывалиться изъ рукъ больной родственницы курфюрста, королевы Анны.

На стѣнѣ дома Джона Робертсона — такъ звали человѣка, о

которомъ происходилъ вышеприведенный разговоръ,—былъ изображенъ скучущій бѣлый конь.

Торговый людъ имѣлъ о Джонѣ Робертсонѣ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія, чѣмъ посѣтители полпивныхъ. Было извѣстно, что онъ жилъ нѣкогда въ крайней бѣдности, несмотря на то, что получилъ кое-какое наслѣдство и затѣмъ выгодно женился. Разсказывали, что онъ обѣднѣлъ вдругъ, вскорѣ послѣ своей женитьбы, и многіе сильно упрекали его въ томъ, что онъ будто бы втерся въ довѣріе почтеннаго семейства съ цѣлью употребить женино приданое либо на уплату долговъ молодости, либо на отчаянныя спекуляціи, которыя его и разорили. Другіе отрицали это и называли Робертсона скрягой, который тотчасъ же послѣ женитьбы на Мэри Вильсонъ, дочери сельскаго священника, принудилъ свою молодую жену отказывать себѣ во всемъ и сталъ неустанно копить деньги, такъ что теперь у него денегъ куры не клюютъ. Но и противъ этого предположенія существовали солидныя возраженія. Всѣ знали, что послѣ многихъ годовъ бѣдности, Робертсонъ сталъ жить очевидно все шире и шире, и повидимому жена его пользовалась всѣми удобствами этой новой, лучшей жизни, — впрочемъ недолго, потому что она рано умерла. Такимъ образомъ, и скрягой Робертсона назвать было нельзя, и сосѣди поневолѣ должны были остановиться на томъ неопредѣленномъ положеніи, что Робертсонъ человѣкъ странный, окруженный какою-то таинственностью.

Маленькій, сѣденькій человѣчекъ, добродушно здоровавшійся со всѣми сосѣдями, жилъ въ собственномъ домѣ и жильцовъ къ себѣ не пускалъ. Домъ былъ невеликъ; маленькіе балконы, большія стрѣльчатыя окна и улиткообразныя лѣстницы придавали ему старинный видъ, но онъ былъ совершенно удобенъ. Мало того, эти три этажа, соединенные витыми лѣстницами, устланными коврами, нисколько не отставали отъ тогдашнихъ понятій о блескѣ и комфортѣ. Робертсонъ еще въ тяжелую пору своей жизни привыкъ обходиться почти безъ прислуги и потому и теперь держалъ ея немного. Вся обстановка и весь складъ его жизни были очень своеобразны. Такъ, онъ не любилъ оставаться съ кѣмъ нибудь долго вдвоемъ; интимныхъ, дружескихъ отношеній не имѣлъ ни съ кѣмъ. Самъ онъ жилъ въ нижнемъ этажѣ, но держалъ у себя ключи отъ всего дома и нерѣдко лично отворялъ дверь посѣтителямъ, и лично же тушилъ по вечерамъ огни въ домѣ. Странности эти еще болѣе способствовали распространенію фантастическихъ слуховъ объ немъ. Разсказывали, что онъ днемъ запирался у себя по цѣлымъ часамъ, и

никто не могъ отгадать, чѣмъ онъ въ это время занимается. Такъ-какъ по ночамъ въ его комнатахъ слышался какой-то странный шумъ, то можно было думать, что днемъ онъ спитъ. Изъ своей спальни онъ утромъ никогда не показывался раньше одинадцати часовъ, когда онъ садился за обычный въ то время завтракъ — приправленный пряностями бульонъ. За то ложился онъ очень поздно, хотя и требовалъ, чтобы всѣ домашніе были въ кровати не позже одинадцати часовъ. Слѣдовало думать, что онъ не спалъ чуть не до утра и можетъ быть — на этотъ счетъ мнѣнія раздѣлялись — либо совсѣмъ уходилъ изъ дому, либо принималъ у себя неизвѣстныхъ, загадочныхъ людей.

Единственный человѣкъ, состоявшій въ короткихъ отношеніяхъ съ Джономъ Робертсономъ, былъ старый лавочникъ изъ самого отдаленнаго предмѣстья этой части Лондона. Звали этого грязнаго и во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательнаго лавочника Вилль Мордаунтъ.

Съ Виллемъ Мордаунтомъ Джонъ Робертсонъ былъ въ очень пріятельскихъ отношеніяхъ, и надо замѣтить, что связь эта играла не малую роль въ ходившей о Робертсонѣ двусмысленной молвѣ и бросала на него дурную тѣнь. Мистеръ Мордаунтъ былъ во всемъ околоткѣ извѣстенъ за человѣка не строгой нравственности: онъ былъ закладчикъ и ростовщикъ, бралъ страшные проценты, надувалъ на товарахъ, бралъ на себя такого рода порученія, какъ напримѣръ пріисканіе прислуги, причемъ выговаривалъ себѣ извѣстный процентъ съ жалованья. Однимъ словомъ, Вилль Мордаунтъ слылъ за безсовѣстнаго сквалыгу далеко за предѣлами Ипсвичской улицы, въ которой онъ жилъ. И у этого-то человѣка часто бывалъ добродушно улыбающійся, всегда изящно одѣтый, въ башмакахъ съ пряжками, со шпагой у бедра — сэръ Робертсонъ. Мало того, они запирались вдвоемъ, вели какіе-то денежные счеты, и все это уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Немудрено, что многіе изъ людей, признававшихъ за Робертсономъ всевозможныя достоинства, держались отъ него вдалекѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ человѣчекъ очень повидимому желалъ стать къ нимъ ближе. А такіе случаи бывали. Джонъ Робертсонъ былъ до извѣстной степени гостепріименъ. Какъ ни были таинственны его ночи и утра, онъ часто испытывалъ потребность пригласить къ своему обѣду, какъ во времена своего перваго хорошаго житья, всякаго встрѣчного. Многіе являлись охотно. Онъ держалъ хорошій столъ, и вина его могли удовлетворить и знатока. Но, являясь въ другой разъ и въ другое время, гости

получали отвѣтъ, что хозяинъ спитъ или что его нѣтъ дома. Окна оказывались завѣшанными, двери запертыми, и весь домъ подъ вывѣской бѣлаго скакуна точно вымершимъ.

У Джона Робертсона была дочь, милое созданіе по имени Элеонора. Робертсонъ женился на Мэри Вильсонъ лѣтъ тридцати-шести и послѣ девяти или десяти лѣтъ бездѣтной жизни, Мэри родила Элеонору, и затѣмъ, спустя нѣсколько недѣль, умерла. Отецъ ухаживалъ за ребенкомъ лучше любой няньки. Сначала, пока дѣвочку приходилось кормить коровьимъ молокомъ—для чего нарочно была куплена корова—отецъ посвящалъ ей всецѣло даже свои ночи, которыя повидимому были ему особенно дороги, носилъ ее постоянно на рукахъ и вообще берегъ какъ зѣницу ока. Подозрительные наблюдатели его уже тогда загадочнаго образа жизни поговаривали: «ну теперь, когда Робертсонъ по ночамъ съ своимъ ребенкомъ возится, ему ужь нѣкогда фальшивыя гинеи дѣлать». Другіе пускались въ доказательства, что ему теперь навѣрное придется жениться во второй разъ, потому что надо же кому нибудь ходить за ребенкомъ, а чужаго человѣка Робертсонъ никакъ не впуститъ въ таинственную атмосферу своего существованія. И дѣйствительно, именно по этой причинѣ Робертсонъ ходилъ самъ за дѣвочкой. Только позже, когда ребенокъ подросъ, Робертсонъ поручилъ ухаживаніе за нимъ по ночамъ экономкамъ, которыхъ помѣщалъ въ третьемъ этажѣ и часто мѣнялъ. Отецъ самъ слѣдилъ за воспитаніемъ дочери, выписывалъ лучшихъ учителей для обученія ея музыкѣ и французскому языку. Въ то время въ Англіи было въ большомъ презрѣніи все родное и высоко цѣнилось все иностранное и въ особенности французское. Робертсонъ также выучился французскому языку, но единственно для того, чтобы упражнять Элеонору въ разговорахъ. На всѣхъ урокахъ онъ присутствовалъ непремѣнно, да иначе ему некуда было и время дѣвать. Занятія его были исключительно ночныя и днемъ ему было нечего дѣлать. Приняться опять за торговлю онъ не хотѣлъ, потому что это значило бы разстаться съ мирною домашнею жизнью, съ которою онъ такъ свыкся. Вилль Мордаунтъ неоднократно предлагалъ ему вступить съ нимъ въ товарищество, но какъ ни были, повидимому, тѣсны узы, связывавшія этихъ двухъ людей, Робертсонъ не имѣлъ никакой склонности къ торговымъ принципамъ своего пріятеля. Капиталъ свой онъ помѣстилъ въ банкъ Остъ-Индской Компаніи, дававшій высокіе проценты, которыхъ почти половину Робертсонъ могъ опять приложить къ капиталу, сохранявшемуся для Элеоноры. Однако у него были и еще доходы, но откуда они шли—

это оставалось тайной даже для его дочери. Элеонорѣ былъ теперь семнадцатый годъ, она составляла радость и гордость отца, и никто бы не угадалъ, что судьба назначила ей быть причиной большого горя для него.

Была чудесная весна, которая чувствовалась даже въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ, въ маленькомъ садикѣ при домѣ «Скачущаго Коня». Природа просыпалась, и даже садовыя ножницы, подстрекаемыя безвкусіемъ того времени, и подстригавшія множество чуть зеленѣвшей листвы кустарниковъ, не могли совершенно обезобразить дѣло природы. Элеонора радовалась каждому цвѣтку, который расцвѣталъ въ ея комнатѣ въ изящныхъ горшкахъ изъ только что вошедшаго въ употребленіе фарфора. Уже у высокой стѣны, примыкавшей къ Венлокской улицѣ, зазеленѣлъ рядъ сиреней, покрытыхъ безчисленными полуоткрытыми лиловыми гвоздиками. И какъ разъ въ такую чудесную пору надъ тихой жизнью Джона Робертсона стали собираться темныя тучи.

II.

Кумъ Мордаунтъ въ Ипсвичской Улицѣ.

Мы сказали уже, что Вилль Мордаунтъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Джонъ Робертсонъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но этого мало. Казалось, будто Мордаунтъ имѣетъ какую-то власть надъ Робертсономъ; будто онъ его держитъ въ рукахъ. Однажды, когда Робертсонъ зашелъ къ своему другу, между ними произошелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ:

— Ну, старый пріятель, говорилъ съ чахоточнымъ кашлемъ старикъ вѣтошникъ и ростовщикъ: — хоть я и не очень близокъ къ смерти, но мои молодцы, Томъ и Самъ, заставляютъ меня объ этомъ предметѣ подумывать. Вы вѣдь знаете, что отецъ не оставилъ имъ ничего, кромѣ моей дѣдовской нѣжности,— чортъ бы ее взялъ! Я копилъ, копилъ, чтобы сдѣлать изъ моихъ внуковъ важныхъ господъ, которые, пожалуй, и не поклонятся старому дѣду, когда придется проходить мимо него съ своими знатными итонскими или оксфордскими товарищами. А что подѣлаешь съ родственнымъ чувствомъ... Законы Англіи, которые сдѣлали ее могущественною и, дастъ Богъ, сдѣлаютъ для нея еще больше, на зло всѣмъ попамъ и французскому ко-

варству, старые законы Англіи предписываютъ мнѣ позаботиться о Томѣ въ ущербъ младшему Саму...

Джонъ Робертсонъ, повидимому, очень хорошо понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ дружески ударилъ по плечу стараго сквалыгу, глаза котораго (по выраженію его внука Сама) терялись на изрытомъ оспой лицѣ, какъ два кусочка масла на блюдѣ вареннаго гороха, и сказалъ, въ полной увѣренности, что колеблетъ слабую струну души Мордаунта:

— Я и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю, кумъ, какъ я крестилъ этихъ славныхъ ребятъ. Какъ вы тамъ ни ворчите, а я готовъ пари держать, что вы бы не иначе хотѣли отпраздновать свой восьмидесятый день рожденія, какъ принимая у себя епископа винчестерскаго! Дорого бы я далъ, чтобы дожить до той поры, когда Томъ поднимется на эту ступень!

Дѣдъ Тома и Сама Мордаунтовъ и не подумалъ опровергать возможность такого шага для своего внука Тома, хотя послѣдній только что былъ сдѣланъ викаріемъ. Онъ сообщилъ Робертсону, что получилъ извѣстіе о помолвкѣ его старшаго внука Тома съ дочерью одного очень почтеннаго альдермана изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ. Помолвка должна была состояться очень скоро, но родители невѣсты, альдерманъ изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ и его супруга, требовали, чтобы передъ ними было предварительно выяснено имущественное положеніе достопочтеннаго Томаса Мордаунта и размѣръ имѣемаго имъ въ виду наслѣдства.

Дѣдъ Вилль рѣшилъ передать все, что онъ имѣлъ, — а онъ имѣлъ не мало,—по англійскому обычаю, первенцу своего сына, имѣя въ виду устроить младшаго внука инымъ путемъ, давно уже обдуманнымъ и взлелѣяннымъ въ душныхъ комнатахъ стараго дома въ Ипсвичской улицѣ. Дѣдъ Вилль разсчитывалъ устроить счастіе своего второго внука, баккалавра правъ Самуила Мордаунта при посредствѣ своего стараго друга и кума Джона Робертсона.

Джонъ Робертсонъ былъ богаче своего друга. У Вилля Мордаунта былъ когда-то сынъ, котораго неудачная женитьба довела почти до совершенной ссоры съ отцомъ, а потомъ и до смерти. Онъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, обремененный долгами, уплата которыхъ значительно поразстроила состояніе Мордаунта. Да и его торговыя операціи были такого рода, что немедленно вслѣдъ за громадными барышами онъ могъ ожидать такихъ же громадныхъ убытковъ. Но состояніе его было совершенно прилично для будущаго «епископа винчестерскаго»,

или по крайней мѣрѣ для расчистки ему пути вверхъ по лѣстницѣ почестей. Что же касается до втораго внука, юриста, дерзкаго и расточительнаго, но не менѣе любимаго Самуила Мордаунта, то старый лавочникъ давно уже предназначалъ ему руку Элеоноры Робертсонъ, какъ средства для полученія — почему же бы нѣтъ? — мѣста въ парламентѣ и портфёля по малой мѣрѣ младшаго государственнаго секретаря, если не самого лорда-канцлера; конечно, не при жизни царствующей королевы Анны, но ужъ навѣрное при ея преемникѣ, если — въ чемъ старо-англійскіе патріоты были твердо увѣрены — если престолъ божіею милостію дѣйствительно перейдетъ въ руки протестантской династіи въ Ганноверѣ, а не къ католическимъ Стюартамъ.

Отецъ Элеоноры тоже давно освоился съ этимъ планомъ. Онъ часто, еще до рожденія Элеоноры, говорилъ своему другу: «Старый Вилль, хоть бы ваши внуки были такъ же безобразны, какъ вы сами, я приму ихъ къ себѣ, какъ своихъ дѣтей, если у меня не будетъ собственныхъ; только бы вы имъ не передали своей жадности къ деньгамъ и своей нечистоплотности». Но вотъ у него родилась дочь у самого, а оба молодые Мордаунты съ лѣтами повыправились, и Самъ оказался обладающимъ тѣмъ характеристическимъ безобразіемъ, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, особенно при умѣ и огненныхъ глазахъ, скорѣе привлекаетъ, чѣмъ отталкиваетъ.

Элеонора очень хорошо знала крестника своего отца. Ребенкомъ она съ нимъ играла. Самъ былъ одинъ изъ немногихъ мужчинъ, которыхъ ей доводилось видѣть довольно часто. Эти люди были на перечетъ: ея отецъ — «морской рачекъ», какъ она прозвала его еще ребенкомъ за то, что онъ обыкновенно ходилъ въ красномъ платьѣ; старый, теперь уже умершій домовый сторожъ; владѣлецъ коровы, молокомъ которой она кормилась, и телята которой давно уже сами сдѣлались коровами; разнощикъ газетъ и Вилль Мордаунтъ, наружность котораго внушила дѣвочкѣ понятіе, что всѣ важные и имѣющіе значеніе люди непремѣнно рябые (Самъ былъ тоже рябой и тоже отъ оспы, тогда не знали еще оспопрививанія), — вотъ и всѣ, если прибавить сюда Сама. Старшаго внука Вилля, Томаса, Элеонора тоже знала, но очень мало, вслѣдствіе большой разницы въ лѣтахъ. Отецъ не торопился расширять кругъ ея знакомыхъ. «Морской рачекъ» очень хорошо зналъ, какія акулы и другія хищныя рыбы встрѣтили бы въ этомъ морѣ его дорогое дитя. Лондонскіе нравы были тогда не изъ строгихъ, и отцы имѣли многія причины оберегать молодыхъ

дочерей. Самуилъ Мордаунтъ въ послѣдніе годы совершенно исчезъ изъ Лондона, и только изрѣдка наѣзжалъ къ дѣду изъ Итона, Оксфорда и Кэмбриджа. Можетъ быть, въ качествѣ пріятеля разныхъ молодыхъ лордовъ, онъ стыдился царившей въ Ипсвичской улицѣ грязи. Тѣмъ не менѣе, Элеонора невольно привыкла сравнивать съ Самомъ всѣхъ мужчинъ, о которыхъ ей приходилось читать или слышать. И оказывалось, что всѣ молодые люди, на которыхъ отцы или дѣды ихъ могли возлагать большія надежды, имѣли непремѣнно черные, блестящіе глаза, сверкающіе бѣлизной зубы, нѣсколько смуглый цвѣтъ лица, густые, черные волосы, само собою разумѣется, шпагу у бедра, а на губахъ постоянно ту своеобразно-лукавую усмѣшку, которая отличала Сама. Рябины не смущали Элеонору. Въ особѣ Сама было нѣчто столь оригинальное, нѣчто и привлекающее, и отталкивающее вмѣстѣ, — что Элеонорѣ было вполнѣ знакомо то смѣшанное чувство страха и удовольствія, съ которымъ женщины часто вспоминаютъ о мужчинахъ. Однако, чувство это никогда не мѣшало ей отъ души радоваться посѣщеніямъ сначала студента, потомъ баккалавра и, наконецъ, молодаго практиканта-юриста Сама Мордаунта.

Чѣмъ старше они становились, тѣмъ страннѣе выходило отношеніе между скоростію біенія сердца Элеоноры, когда ждали Сама, и скоростію его шаговъ по лѣстницѣ дома «Скачущаго Коня». И именно, чѣмъ старше она становилась, тѣмъ скорѣе билось ея сердце, тогда какъ шаги Сама, напротивъ, въ такой же пропорціи замедлялись. Въ послѣдній годъ онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ, являясь въ домъ Робертсона, и «морской рачекъ» въ немъ многое порицалъ. Онъ былъ недоволенъ, что Самъ, послѣ трехлѣтнихъ практическихъ занятій въ качествѣ помощника адвоката, даже послѣ поѣздки въ Парижъ съ цѣлью докончить юридическое образованіе, все-таки разъѣзжаетъ по университетамъ; далѣе, «морской рачекъ» замѣчалъ, что Самъ сдѣлался очень угрюмъ, часто раздражителенъ, разсѣянъ, неразговорчивъ, и вообще сталъ не тотъ, чтò былъ прежде. Элеонора вступалась за Сама. Поэтому, въ то чудесное майское утро, когда завязался между Робертсономъ и его кумомъ приведенный разговоръ, «морской рачекъ» могъ съ чистою совѣстію и полною беззаботностію отвѣтить старому Мордаунту:

— Кашлять-то вы, кумъ, перестаньте такъ ужасно, а все остальное устроится какъ нельзя лучше. Мы съ Элеонорой живемъ въ ладу, и еще ни разу не расходились въ чемъ-нибудь важномъ. Она искренно и прямо скажетъ свое «да» ва-

шему молодцу, если только онъ самъ не мѣтитъ на какую-нибудь графскую дочку...

— Гм! проворчалъ Мордаунтъ.—Послѣднее замѣчаніе польстило, правда, ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ было по многимъ причинамъ непріятно. Ему приходилось тяжело отъ высокомѣрія его внука, которое, по его словамъ, тотъ получилъ въ наслѣдство отъ своей матери, а его, Вилля Мордаунта, невѣстки, стоившей ему многихъ безсонныхъ ночей, кучи денегъ и, наконецъ, смерти единственнаго сына,—сына, который, можетъ быть—гм! гм!—это соображеніе онъ обыкновенно проглатывалъ—можетъ быть, еще исправился бы.

Оба старика были согласны въ томъ, что Самъ слишкомъ мало знается съ людьми, наиболѣе къ нему близкими. Но старый Вилль имѣлъ для него оправданіе.

— Вельможи должны расчистить ему дорогу, говорилъ онъ.—Прочтите это письмо, сэръ, и вы увидите, въ чемъ дѣло. Они чуть не разодрались съ братомъ, и Томъ, хоть и духовное лицо, даже за ножъ схватился, когда Самъ заговорилъ о его женитьбѣ на пэмфордской гусынѣ, — а у нея дѣйствительно кажется слишкомъ длинная шея, но за то очень бѣлая кожа, — и обо всѣхъ этихъ дѣлахъ по наслѣдству. Но тутъ ничего не подѣлаешь. Я иначе и къ мистеру Кэрсби (такъ звали нотаріуса) не пойду, и завѣщаніе иначе не составлю, какъ по желанію этихъ пэмфордскихъ. А Самъ явится на дняхъ сюда, устроитъ здѣсь свою адвокатскую лавочку, и прибьетъ къ ней вывѣску: «Здѣсь обрѣзываютъ веревки висѣльникамъ». Ха! ха! ха! Такъ онъ самъ пишетъ. Ну, однимъ словомъ, онъ устраивается въ качествѣ адвоката. А что̀ онъ при этомъ объ вашей Элеонорѣ думаетъ,—это ужь вы, кумъ, сами прочтите. Я думаю, изъ нихъ выйдетъ славная христіанская парочка...

Кумъ Джонъ сталъ читать бѣглое маранье молодаго адвоката, который писалъ, что онъ теперь въ Шотландіи, и скоро пріѣдетъ въ Лондонъ. Затѣмъ дѣло шло объ Элеонорѣ. Она сравнивалась съ цвѣтками земляники, которые Самъ уже видѣлъ въ Нортумберландскихъ лѣсахъ. Самъ посылалъ ей сердечный поклонъ, и называлъ ее горлицей, потому что, какъ онъ слышалъ, она хотѣла учиться пѣть, да неудачно. Онъ прибавлялъ, что хорошо быть и просто милымъ, дорогимъ, хоть и неумѣющимъ пѣть, голубкомъ. Это мѣсто письма привело въ восторгъ Джона Робертсона. Онъ объявилъ, что надежды молодаго (ему было двадцать-пять лѣтъ) Сама Мор-

даунта навѣрное осуществятся, и обѣщалъ сегодня же сообщить своей ненаглядной Элеонорѣ о предстоящей ей участи.

Дальнѣйшему обсужденію этого, столь важнаго жизненнаго вопроса помѣшали дѣла старика Мордаунта. Явились два депутата отъ общества методистовъ, желавшихъ переселиться въ Пенсильванію въ виду распространившихся тревожныхъ слуховъ о скоромъ предстоящемъ преобладаніи католической церкви въ Англіи. Они желали купить у Вилля Мордаунта цѣлый ворохъ стараго платья. Поднимаясь съ посѣтителями на верхъ въ свои кладовыя, Мордаунтъ сказалъ:

— Посмотрите въ той тетради страницу 7,850, тамъ записана ваша сегодняшняя получка.

Джонъ, развернувъ 7,850 страницу, прочиталъ: «двѣ гинеи одинадцать шиллинговъ», и испустилъ вздохъ, соотвѣтствовавшій, повидимому, очень тяжелымъ мыслямъ. Онъ задумчиво отправился въ тихій домъ на Кавендишской улицѣ, чтобы увѣдомить свое дорогое дѣтище, что на дняхъ состоится ея помолвка съ Самомъ Мордаунтомъ, а черезъ какой-нибудь годъ и свадьба. Онъ не сомнѣвался въ полномъ согласіи Элеоноры, но тѣмъ не менѣе испытывалъ какую-то тяжесть, выходя изъ дома въ Ипсвичской улицѣ. Можетъ быть, его нѣсколько досадовало то обстоятельство, что «будущій лордъ-канцлеръ Англіи», какъ иногда величалъ себя Самъ Мордаунтъ, называлъ своего будущаго тестя въ письмѣ не «морскимъ рачкомъ», а «суркомъ». Джонъ Робертсонъ понималъ очень хорошо, что это намекъ на необыкновенную пору его спанья.

III.

Изъ жизни морскаго рачка.

Очень странная манера ходить была у Джона Робертсона. Онъ всегда смотрѣлъ на ходу въ землю. Многіе утверждали, что причиною тому нечистая совѣсть. Но, указывая на Робертсона, какъ на живое, ходящее угрызеніе совѣсти, этимъ людямъ тотчасъ приходилось самимъ со стыдомъ опускать глаза, какъ только маленькій человѣкъ случайно на нихъ взглядывалъ. Въ его глазахъ было столько почти дѣтской чистоты, такая свѣтлая улыбка играла на его губахъ, что шапки непризванныхъ моралистовъ невольно соскакивали съ головъ, и концами своими чуть не подметали тротуара. Въ 1713 году раскланивались обстоятельнѣе, чѣмъ въ наши дни.

Мы сказали уже, что домъ Робертсона находился въ Кавендишской улицѣ, въ тѣ времена постоянно пустынной и тихой. Дома этой улицы были сзади окружены маленькими садиками, да и передъ домами торчали нерѣдко старыя липы. Отъ Робертсонова дома шла пристройка въ небольшой садъ, окруженный высокой стѣной. Когда ему надобно было выдти изъ дому такъ, чтобы этого никто не зналъ, то ему не приходилось проходить ни черезъ садъ, ни черезъ дверь, надъ которою красовался скачущій бѣлый конь, потому что существовала особенная маленькая, всегда запертая дверь, которая выходила прямо въ до поздней ночи оживленную Венлаксвую улицу. По этой-то улицѣ, гдѣ не такъ легко было обратить на себя вниманіе, Робертсонъ прошелся и теперь задумчиво нѣсколько разъ взадъ и впередъ, потомъ остановился, и, наконецъ, повернулъ въ Кавендишскую улицу.

Онъ обдумывалъ планъ передачи Элеонорѣ своего разговора съ Виллемъ Мордаунтомъ.

Все вышло прекрасно, какъ Робертсонъ и ожидалъ. Правда, онъ началъ, можетъ быть, слишкомъ издалека. Онъ завелъ сперва рѣчь о теченіи времени, о тревогахъ жизни, о жизни и смерти человѣка вообще и о переселеніи въ Пенсильванію въ частности; затѣмъ перешелъ къ болѣзненному виду Вилля Мордаунта и къ его одышкѣ при прогулкахъ по головоломнымъ лѣстницамъ тряпичнаго магазина; коснулся предстоящей женитьбы Томаса Мордаунта и распространился о положеніи Пемфорда въ Пемфордширѣ и приготовляющемся тамъ вкусномъ сырѣ, и наконецъ добрался до адвокатской вывѣски Сама Мордаунта, надпись на которой: «Здѣсь обрѣзываютъ веревки висѣльникамъ», совершенно согласовавшаяся съ тогдашними нравами и обычаями, очень разсмѣшила Элеонору.

— Нѣтъ, продолжалъ отецъ:—я постараюсь, чтобы онъ не дѣлалъ изъ себя прибѣжища для преступниковъ. Эти адвокаты теперь совсѣмъ побратались съ желѣзными рѣшетками ньюгэтской тюрьмы. Человѣку, у котораго на душѣ убійство, они радуются точно какому нибудь рѣдкому растенію изъ Индіи! Нѣтъ, Самъ долженъ предложить свое искусство молодымъ парамъ, которыя хотѣли бы соединиться, но встрѣчаютъ препятствія со стороны родителей или родственниковъ. Пусть онъ для этого вступитъ въ честное товарищество съ своимъ братомъ викаріемъ; пусть онъ напишетъ на своей вывѣскѣ «Здѣсь вѣнчаютъ!». Я ужь такую вывѣску видѣлъ на Бау-стритѣ.

Элеонора отъ души смѣялась и была въ эту минуту такъ мила, что отецъ потерялъ нить своей рѣчи.

Разныя мысли проносились въ его головѣ. Поднялась, между прочимъ, передъ нимъ и рѣзкая противоположность между Самомъ Мордаунтомъ и Элеонорой. Самъ былъ натура необузданная, и старый Джонъ сравнивалъ его съ леопардомъ, тогда какъ тихая, милая Элеонора выглядѣла настоящей голубкой. Робертсонъ съ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Какъ мило сидѣла она передъ нимъ въ высокомъ креслѣ изъ дорогаго индійскаго дерева съ перламутровыми инкрустаціями. Солнце—рѣдкій гость въ Лондонѣ, но когда оно показывалось, его лучамъ былъ съ двухъ сторонъ доступъ въ угловую комнату Элеоноры. Въ эту минуту они падали прямо на ея розовое личико, раскраснѣвшееся отъ ожиданія конца рѣчи Робертсона. У Элеоноры были кроткіе голубые глаза и вьющіеся, настоящіе англійскіе бѣлокурые волосы. Въ этотъ день, они были оригинально зачесаны въ видѣ короны, а ниспадающіе локоны поддерживались ниткой крупнаго янтаря. Желтое на желтомъ!—замѣтитъ слѣдящая за модой читательница. Модныхъ журналовъ тогда не было, да и вкусъ дѣло условное: послѣдовательно проведенное безвкусіе можетъ производить пріятное впечатлѣніе. Къ желтизнѣ волосъ и желтизнѣ янтаря слѣдуетъ еще прибавить тяжелое шолковое желтое же платье. Отецъ имѣлъ полное право называть сегодня Элеонору своею «золотою дочерью» и «канарейкой». На ней были даже желтые башмаки съ желтыми высокими каблуками. Слѣдуетъ помнить, что мы разсказываемъ о 1713 годѣ. Наше время, разумѣется, иначе разукрасило бы эту стройную фигурку и эту «кровь съ молокомъ» лица. Въ комнатѣ Элеоноры стояла китайская кукла съ качающейся головой, висѣли часы, производившіе ежечасно ужаснѣйшій трескъ, долженствовавшій изображать небесную мелодію. Тутъ же стояло зеркало въ рамкѣ изъ золоченыхъ гирляндъ и множество искусственныхъ цвѣтовъ въ расписныхъ горшкахъ. На столѣ лежали молитвенники и различныя описанія путешествій по Японіи и Цейлону. Въ тѣнистомъ углу стоялъ спинетъ—тогдашній музыкальный инструментъ съ черными клавишами, издававшими тончайшіе звуки. Ноты были снабжены французскимъ текстомъ. Одна стѣна была вся закрыта зеркаломъ; на другой, въ вычурныхъ бронзовыхъ рамкахъ, висѣли изображенія храбраго Тамерлана и гордой Зиновіи. Это были любимые герои тогдашнихъ театральныхъ пьесъ, которыя, къ сожалѣнію, Элеонорѣ не часто доводилось видѣть. Не то чтобы морской рачекъ раздѣлялъ пуританскія воззрѣнія

нѣкоторыхъ изъ своихъ благочестивыхъ соотечественниковъ; нѣтъ, но у него была какая-то особенная антипатія къ Гэймаркету, гдѣ преимущественно изображались монгольскія и ассирійскія государственныя дѣла, къ Ковентгардену, гдѣ пѣли итальянскіе пѣвцы, и къ Друрилену, гдѣ въ то время Шекспиръ обратился въ совершенно неизвѣстную величину и былъ потрясенъ и погребенъ не хуже Геркуланума и Помпеи. Теперь тамъ изо всѣхъ отраслей драматическаго искусства, процвѣталъ только заѣзжій изъ Нидерландовъ театръ обезьянъ.

Оказалось, что Элеонора уже по одному тому не отворачивалась отъ предстоящаго брака съ Самуиломъ Мордаунтомъ, что этимъ путемъ открывалось удобное средство къ скорѣйшему осуществленію нѣкоторыхъ ея завѣтныхъ желаній. Вопервыхъ, ей очень хотѣлось имѣть попугая. Она часто посматривала на этихъ птицъ, которыя продавались на берегу Темзы, у доковъ, вмѣстѣ съ кокосовыми орѣхами, другими южными плодами и обезьянами. Недавно нанятая компаньонка Элеоноры, «Mam'selle» Китти видѣла въ Парижѣ (дѣвица Китти была настоящая, чистокровная англичанка изъ Йоркшира, но, воспользовавшись стеченіемъ обстоятельствъ, имѣла случай научиться въ Парижѣ завивать волосы)—такъ въ Парижѣ «Mam'selle» Китти видѣла, что у всякой знатной дамы есть даже обезьяна. Но Элеонора хотѣла именно птицу, съ которой можно бы было разговаривать. Можетъ быть, ее прельщала и перспектива частыхъ прогулокъ въ носилкахъ на берегъ, гдѣ было бы такъ весело покупать разныя разности, а въ томъ числѣ непремѣнно и Бàба, — такъ окрестила она своего будущаго попугая. Элеонора знала изъ разговоровъ, слышанныхъ ею отъ рѣдкихъ гостей отца, что замужняя женщина свободнѣе, можетъ чаще выходить изъ дома, что у нея есть рука, на которую она можетъ опереться во время прогулокъ, а не все прогуливаться въ носилкахъ или ѣздить со старымъ кучеромъ, ворчливымъ мистеромъ Твистлемъ.

Но сегодня отецъ ей обѣщалъ купить Бàба еще до свадьбы! Среди разговоровъ о выгодныхъ сторонахъ предстоящаго брака, о необыкновенномъ умѣ молодаго адвоката, о его знатныхъ знакомыхъ, милый ребенокъ вскричалъ вдругъ:

— Ну, надо мнѣ сходить въ Гэймаркетъ и посмотрѣть на комедію «Она хочетъ и не хочетъ»!...

Отецъ прервалъ свою смѣшливую дочь слѣдующими словами:

— Я вижу, мое дитя, что ты послушная дочь. Ты наслѣдовала отъ своей матери всѣ ея хорошія качества, которыя были 56-й пробы, если такъ можно выразиться. Это проба высокая и бòльшей нельзя и требовать, потому что человѣкъ не мо-

жетъ избѣжать лигатуры въ видѣ темперамента, плоти и крови, наслѣдственныхъ привѣсковъ. Иначе мы были бы ангелами уже на землѣ, а не только на небѣ, какъ это слишкомъ рано случилось съ доброй Мэри. Я очень радъ, что ты снимаешь со стараго Цербера въ Ипсвичской улицѣ заботу о его младшемъ внукѣ, будущемъ лордѣ-канцлерѣ Англіи. Я буду молитѣся Богу, чтобы ты всегда была послушна и не было между вами никакого несогласія. Но въ Гэймаркетъ... нѣтъ, ужь пусть тебя туда Самъ ведетъ! Я этихъ театровъ не выношу...

При этихъ словахъ на лицѣ Робертсона показалось выраженіе не религіозной нетерпимости, а просто ужаса; старикъ почти дрожалъ. Вслѣдъ затѣмъ, его сѣдыя брови сдвинулись, впрочемъ не отъ чего другаго, какъ отъ представленія того веселаго и торжественнаго шума, состоящаго изъ бѣготни по лѣстницамъ, поздравленій, смѣха и проч., который неизбѣженъ при всякомъ объявленіи о сватьбѣ, и неминуемо долженъ былъ разразиться и въ тихомъ домѣ Скачущаго Коня. Прежде всѣхъ о великомъ событіи были оповѣщены mam'selle Китти, кухарка Жанна, прозванная Элеонорой «Пуддингъ-Жанна» за то, что она лучше прежнихъ кухарокъ готовила англійское національное кушанье; затѣмъ дворникъ Бобъ и разсыльный Абрамъ. Кромѣ того, случайнымъ свидѣтелемъ торжества оказался разнощикъ газетъ, особа, въ тѣ времена зачинающейся періодической печати, поважнѣе теперешнихъ кольпортеровъ, шмыгающихъ по полпивнымъ. Любопытно, что старый Джонъ Робертсонъ усердно читалъ всѣ ежедневныя и еженедѣльныя газеты; но еще любопытнѣе, что онъ особенно внимательно перечитывалъ послѣднія страницы газеты,—«гдѣ стояли объявленія о бѣглыхъ и разъискиваемыхъ судомъ!» замѣтила mam'selle Китти, весьма быстро посвятившаяся, при помощи слугъ и сосѣдей, въ таинственные слухи о домѣ Скачущаго Коня.

Теперь, среди перекрестнаго огня поздравленій и пожеланій, mam'selle Китти заявила о необходимости посѣтить всѣ публичныя увеселительныя мѣста. По ея мнѣнію, необходимо было ознаменовать радостное событіе этимъ способомъ. Она утверждала, что надо уже наконецъ посмотрѣть на Лондонъ, что было бы совершенно «респектабельно», еслибы сэръ Робертсонъ, въ сообществѣ людей «своего круга» (Китти была достаточно смѣла, чтобы не исключать своей собственной личности изъ этой геометрической фигуры), побывалъ на пѣтушьемъ боѣ, на травлѣ собакъ, и во всякомъ случаѣ въ Гэймаркетѣ или Дрюрилэнѣ. Тамъ, по программѣ mam'selle Китти, надле-

жало усѣсться въ первыхъ рядахъ и предоставить всему свѣту любоваться, какъ молодая дѣвушка смѣется и добываетъ лакомства изъ огромной бонбоньерки, купленной ея кавалеромъ. Mam'selle Китти замѣчала, что, помимо удовольствія, это было бы и поучительно. Она прибавила, что, по крайней мѣрѣ, она свое французское образованіе почерпнула главнымъ образомъ изъ парижскихъ театровъ. Она произносила даже наизусть, впрочемъ поанглійски, цѣлыя тирады изъ слышанныхъ ею, по ея словамъ, въ Версали пьесъ и была очень недовольна, когда въ немногихъ произносимыхъ ею пофранцузски фразахъ Робертсонъ открывалъ всѣ тонкости йоркширскаго прононса. Робертсонъ, для англичанина, говорилъ хорошо пофранцузски.

Къ сожалѣнію, многостороннія обязанности mam'selle Китти незамедлили оторвать ее въ кухню, и отецъ опять остался наединѣ съ дочерью. Рѣшено было тотчасъ же приступить къ удовлетворенію первыхъ, необходимѣйшихъ потребностей, именно къ покупкѣ попугая и къ покупкѣ новаго, богатаго платья. Для практическаго рѣшенія обѣихъ этихъ задачъ необходимы были носилки. Послали къ содержателю наемныхъ носилокъ мистеру Пиппѐртону, къ великой досадѣ кучера Твистля, который, стоя у своихъ воротъ, долженъ былъ видѣть, что, вмѣсто его лошадей, нанимаются два здоровыхъ носильщика изъ геркулесо-подобныхъ, широкоплечихъ валлійцевъ. Но Джонъ Робертсонъ вообще довѣрялъ этимъ валлійцамъ больше, чѣмъ лошадямъ мистера Твистля. Въ ожиданіи носилокъ, Элеонора весело сказала Робертсону:

— Будьте покойны, отецъ, не надо мнѣ ни Гэймаркета, ни Дрюрилэна, если ужь вы такъ боитесь за спасеніе моей души.

— О, дѣло не въ твоей душѣ! возразилъ отецъ. — Души наши искуплены Христомъ, и не бѣда, если ты хорошенько посмѣешься глядя на «Она хочетъ и не хочетъ». Нѣтъ, продолжалъ Робертсонъ, и вдругъ остановился, какъ бы забывъ, объ чемъ онъ говорилъ. Онъ смотрѣлъ на послѣдній нумеръ «Меркурія» (лондонскій листокъ объявленій, крохотный карликъ въ сравненіи съ теперешнимъ Таймсомъ), который держалъ въ рукахъ. Онъ проворчалъ что-то про себя и потомъ, бросивъ долгій и счастливый взглядъ на любимую дочь, продолжалъ уже безъ всякихъ признаковъ волненія:

— Сегодня, когда ты мнѣ дала такое доказательство своего послушанія, я могу разсказать тебѣ, почему я чувствую такое отвращеніе ко всѣмъ театрамъ. Я ихъ не потому такъ ненавижу, что на нихъ изображаются разныя исторіи изъ жизни и примѣры божескаго правосудія. Я знаю, что даже въ тѣхъ,

кто на эти вещи смотритъ, какъ на простое скоморошество, остается отъ представленія иногда кое что хорошее. И я все-таки ненавижу театръ, потому что съ нимъ связано у меня воспоминаніе объ ужаснѣйшемъ событіи въ моей жизни, такое воспоминаніе, рядомъ съ которымъ блѣднѣетъ даже воспоминаніе о смерти твоей матери. Потому что всѣ мы должны умереть, и теперь твоя мать ждетъ, можетъ быть, меня тамъ наверху...

— Отецъ! съ упрекомъ перебила Элеонора.

— Ну, хорошо. Такъ страшенъ, я говорю, былъ тотъ часъ, когда я потерялъ документъ, который долженъ былъ осчастливить и твою мать, и меня...

— Это было до вашей женитьбы? спросила Элеонора. — Она думала, что отецъ говоритъ о свадебномъ контрактѣ. Иного документа, который могъ бы осчастливить двухъ человѣкъ, она себѣ представить не могла.

— Нѣтъ, дитя, отвѣчалъ Робертсонъ, съ рѣдкою въ немъ сообщительностью.—Еслибы мы пережили этотъ ужасный вечеръ до нашего брака, то Богъ-знаетъ, что̀ бы изъ брака вышло.

Робертсонъ разсказалъ Элеонорѣ слѣдующую исторію. У Мэри Вильсонъ, дочери сельскаго священника, былъ одинъ страшно богатый родственникъ, который очень боялся смерти и ненавидѣлъ, и отклонялъ отъ себя все, что̀ могло объ ней напомнить. Онъ былъ старый холостякъ и надо ему было составить завѣщаніе. Родственники, впрочемъ, отнюдь не наводили его на мысль о завѣщаніи, потому что имъ было бы выгоднѣе, еслибы онъ умеръ, не распорядившись своимъ имуществомъ. Всѣ знали, что онъ хотѣлъ завѣщать значительную долю своего богатства благотворительнымъ заведеніямъ, школамъ, больницамъ. Но у него никогда не хватало духу взглянуть прямо въ лицо смерти. Притомъ же онъ боялся остаться при послѣднихъ дняхъ безъ всякой помощи и участія, если завѣщаетъ имущество не тѣмъ, которые увивались около него, повидимому, съ любовью, а въ сущности какъ нетерпѣливые наслѣдники. Мэри Вильсонъ не была законной наслѣдницей и могла получить что нибудь только по завѣщанію, и дядя Бокъ хотѣлъ ее сдѣлать своей наслѣдницей, потому что любилъ ее больше всѣхъ родныхъ. Отца Мэри, нордгемптонскаго священника, онъ не жаловалъ, какъ и вообще священниковъ, видъ которыхъ наводилъ его на ненавистную мысль о смерти. Маленькая Мэри такъ ласково приносила ему цвѣты, такъ любовно цаловала его морщинистыя щеки. Когда Мэри была обручена съ Джономъ, «да, Элли, говорилъ Робертсонъ, сегодня объ этомъ поневолѣ вспомнишь... Такъ, когда мы были обручены, дядя

Бокъ подарилъ намъ три тысячи фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ, чтобы мы получили эти деньги послѣ его смерти. Документъ былъ подписанъ рукой дяди и вообще сдѣланъ съ соблюденіемъ всѣхъ формъ». Робертсонъ былъ тогда молодой купецъ, выгодно занимавшійся торговлей кораблестроительными матеріалами. Имѣя въ виду документъ, который,—по всѣмъ видимостямъ, дядѣ было уже семьдесять лѣтъ,—долженъ былъ скоро превратиться въ три тысячи фунтовъ, Робертсонъ расширилъ свои торговыя операціи. И въ самомъ дѣлѣ, дядя скоро умеръ. Нетерпѣливые наслѣдники не замедлили наложить руку на имущество покойника и были не особенно пріятно поражены, когда узнали о существованіи документа, въ силу котораго они должны были выплатить молодому Джону Робертсону и его женѣ три тысячи фунтовъ. Адвокатъ Робертсона умолялъ своего кліента не выпускать документа изъ рукъ, и дѣйствительно тотъ постоянно держалъ его на груди, да и тамъ-то все ощупывалъ. И вдругъ, незадолго до рѣшительной минуты, когда подлинность подписи дяди Бока должна была быть засвидѣтельствована формальнымъ порядкомъ, Робертсонъ потерялъ документъ и потерялъ въ Дрюриленскомъ театрѣ, гдѣ былъ вмѣстѣ съ женой.

Элеонора видѣла, что и теперь отецъ волнуется, вспоминая объ этомъ происшествіи. Однако, онъ сдерживался и очевидно нарочно смягчалъ краски. Онъ даже усмѣхнулся и сказалъ:

— Это было наказаніе за то, что мы вздумали повеселиться во время траура по родственникѣ, который позаботился объ нашемъ благоденствіи!

Но Элеонора поняла теперь, почему отецъ всегда съ такими глубокими вздохами говорилъ о внезапной бѣдности, въ которую впалъ вскорѣ послѣ женитьбы. И какъ будто сегодня она вдругъ достигла совершеннолѣтія и созрѣла для обсужденія серьёзныхъ практическихъ вопросовъ.

— Но развѣ права матери не могли быть поддержаны свидѣтельствомъ людей, которые видѣли бумагу? спросила она.

— Нѣтъ, дитя, отвѣчалъ Робертсонъ, усмѣхаясь естественному, но непрактическому замѣчанію своей неопытной дочери.— Нѣтъ, дитя. Нужно было свидѣтельство такъ-называемыхъ экспертовъ въ нортгемптонскомъ судѣ, которые, сличивъ подпись на документѣ съ другими рукописями дяди Бока, должны были удостовѣрить ея подлинность и тѣмъ устранить обвиненіе въ фальсификаціи, выставленное противной стороной. Но документа не было! Наши клятвы и увѣренія не вели ни къ чему... О, какъ я тогда искалъ, искалъ, искалъ!... Да, дитя, три дня и три ночи въ окрестностяхъ Дрюрилена бродилъ полусума-

сшедшій человѣкъ съ устремленными въ землю глазами, заглядывая во всѣ уголки и разспрашивая встрѣчныхъ, не находили ли они исписаннаго клочка бумаги. Я разсылалъ объявленія, обѣщалъ награду тому, кто доставитъ мнѣ этотъ клочокъ бумаги, никому ненужный, которымъ никто не могъ воспользоваться, кромѣ Мэри Вильсонъ, тогда уже Мэри Робертсонъ. Это былъ первый и страшный ударъ для твоей матери. Я долженъ былъ тотчасъ же закрыть свою контору, потому что не могъ расплатиться съ кредиторами и исполнить принятыя на себя обязательства. Я былъ потерянный человѣкъ... И все это изъ-за театральной пьески, изъ-за оперетки «Любовь-волшебница», сочиненной лордомъ Ландсдоуномъ! Да, Элеонора, «Любовь-волшебница», она и насъ съ твоею матерью околдовала и ослѣпила. Бумага выпала у меня изъ боковаго кармана, вѣроятно, въ то время, когда мы брали въ театральной кассѣ билеты; тѣснота была страшная, да къ тому же сильный вѣтеръ сорвалъ съ меня шляпу, такъ что я долженъ былъ догонять ее на улицѣ, между тѣмъ, какъ твоя мать смѣялась! Въ театрѣ я былъ веселъ, слушалъ пѣніе, смотрѣлъ на танцы и радовался, идя по окончаніи спектакля, уже на улицѣ. Я съ такою стремительностью бросился назадъ, въ опустѣлый театръ, такъ жадно искалъ потерянной бумаги, что меня навѣрное всѣ приняли за человѣка, только что вырвавшагося изъ Бедлама...

Джонъ Робертсонъ видимо волновался, и Элеонора постаралась отвлечь его вниманіе отъ тяжелыхъ воспоминаній.

— Да, въ сравненіи съ вашимъ горемъ, горе вотъ этой леди просто мыльный пузырь, сказала она, указывая на сегодняшній нумеръ «Меркурія».

Отецъ понялъ это замѣчаніе. Онъ уже видѣлъ на послѣдней страницѣ «Меркурія» объявленіе о потерѣ одною изъ знатнѣйшихъ дамъ Сентъ-Джемскаго квартала дорогого браслета.

Mam'selle Китти между тѣмъ вновь появилась въ комнатѣ и, слыша о горѣ леди Арабеллы Ратклифъ, замѣтила:

— Я еще въ Парижѣ знала эту знатную даму, я ее тамъ часто видѣла у посланника нашей благополучно царствующей королевы. Я была очень хорошо знакома съ поваромъ посланника и даже чуть-чуть за него замужъ не вышла. Но я не понимаю, продолжала mam'selle, хватая нумеръ «Меркурія» и тѣмъ свидѣтельствуя, что и она умѣетъ читать: — я не понимаю, какимъ образомъ такая знатная дама могла потерять золотой съ жемчугомъ браслетъ въ самой грязной и отвратительной части Лондона. Должно быть, браслетъ былъ посланъ къ ювелиру, а лакей забѣжалъ въ шинокъ гдѣ-нибудь въ Доугамѣ.

Джонъ Робертсонъ наклонилъ голову въ знакъ согласія и даже продолжалъ идею мудрой mam'selle, выразивъ предположеніе, что должно быть лакей леди Арабеллы забрелъ въ эту часть города по какимъ-нибудь своимъ любовнымъ дѣламъ.

— «Любовь-волшебница», усмѣхнулся онъ, и сталъ даже напѣвать что-то изъ этой знаменитой во времена его молодости оперетки. Аристократическій авторъ этой пьески, въ составъ которой входили и музыка, и танцы, и волшебныя превращенія, лордъ Ландсдоунъ, еще былъ живъ. Въ свое время онъ былъ въ большой славѣ. Онъ и Шекспирова «Венеціанскаго купца» передѣлалъ въ «Венеціанскаго жида», веселую шутку тоже съ пѣніемъ и танцами. Весь Лондонъ восхищался поддѣльнымъ Шейлокомъ, тогда какъ настоящаго, шекспировскаго Шейлока помнили развѣ только въ нѣкоторыхъ избранныхъ кружкахъ.

Явился дворникъ Бобъ съ увѣдомленіемъ о прибытіи носилокъ отъ мистера Пиппертона. Робертсонъ проводилъ дочь до самыхъ дверей, и она отправилась сначала въ Корнгилль за ліонскимъ платьемъ, а потомъ къ докамъ за пестрой птицей изъ Бразиліи.

Робертсонъ остался дома и сталъ читать газету. Онъ слѣдилъ и за политическими новостями, и въ особенности за вопросомъ дня, за отношеніями Франціи къ Стюартамъ, и къ курфюрсту ганноверскому. Въ своей памятной книжкѣ Робертсонъ записалъ имя леди Арабеллы Ратклифъ.

IV.

Будущій лордъ-канцлеръ Англіи.

Былъ дождливый ноябрьскій день. Черезъ Ислингтонскія ворота, въ сѣверо-западной части Лондона, въѣзжалъ рядъ экипажей и странно одѣтыхъ всадниковъ.

Всѣ знали, что̀ это за процессія. То были окончившіе курсъ студенты, которые, по царившему тогда въ Англіи обыкновенію, послѣ многолѣтняго пребыванія въ Кэмбриджѣ или Оксфордѣ, въѣзжали въ Лондонъ съ особенной помпой. Въ этомъ выставленіи своихъ личностей на показъ всему міру сказывался старый средневѣковый духъ, еще до сихъ поръ пробивающійся во многихъ сферахъ англійской жизни. Теперь, съ уменьшеніемъ значенія личнаго *я* и возрастаніемъ общности интересовъ, эти осколки

старины исчезаютъ, а въ частности студентскіе торжественные въѣзды даже совсѣмъ исчезли.

Сегодняшній въѣздъ черезъ Ислингтонскія ворота съ собаками, обезьянами и фантастическими украшеніями на повозкахъ и лошадяхъ, — былъ неудаченъ. Дождь вымочилъ всѣхъ и все. Десять или двѣнадцать молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ экипажахъ (между ними, нѣкоторые были одѣты женщинами; что же касается до накладныхъ бородъ, украшавшихъ лица нѣкоторыхъ мужчинъ, то хотя возрастъ тогдашнихъ студентовъ нисколько не препятствовалъ этимъ бородамъ быть натуральными, но тогда былъ обычай бриться) старались выказать полное равнодушіе къ потокамъ воды, струившимся съ полуоткрытыхъ верховъ повозокъ; они кричали, пѣли, щелкали длинными бичами. Но всадники въ убранныхъ перьями шапкахъ представляли поистинѣ печальное зрѣлище: они насквозь промокли.

На Броджватерской площади поѣздъ остановился, и приступлено было къ совѣщанію относительно дальнѣйшаго путешествія. Имѣлось въ виду проѣхать съ шумомъ и гвалтомъ по всему городу, вдоволь досадить обитателямъ Сити, и разъѣхаться только на берегу Темзы; но теперь рѣшили, что такой парадъ не произведетъ должнаго эффекта, а потому каждому надлежитъ ѣхать прямо домой или туда, гдѣ онъ думаетъ устроить себѣ домъ.

Въ то время на улицахъ Лондона царствовала особеннаго рода свобода, далеко несоотвѣтствовавшая желаніямъ гражданъ вообще и партіи виговъ въ особенности. Англія только что увѣнчалась временною славой, только что посрамила Францію и Испанію на сушѣ и на морѣ. Королева Анна, болѣзненная дочь Іакова II, могла ссылаться на эту славу и приличное побѣдителямъ великодушіе, когда раздавались жалобы на ея правленіе и въ особенности на ея отношенія къ торіямъ и католическимъ Стюартамъ. Ея министры были изъ торіевъ и тайные сторонники жившаго во Франціи претендента, родного брата королевы. Да она и сама обнадеживала его въ его видахъ на англійскій престолъ послѣ ея смерти, тогда какъ парламентъ и народъ былъ на сторонѣ мужа ея сестры, курфюрста ганноверскаго Георга-Лудовика. Партіи обрисовывались все рѣзче и рѣзче, по мѣрѣ приближенія момента смерти больной королевы.

Послѣ всевозможныхъ шалостей и глупостей, такъ легко уживающихся въ юношахъ рядомъ съ чистѣйшими и благороднѣйшими стремленіями, послѣ криковъ, подражаній собачьему лаю и кошачьему визгу, процессія молодыхъ баккалавровъ раз-

строилась. Члены ея разошлись и разъѣхались въ разныя стороны, обѣщая другъ другу вновь сойтись въ назначенныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ повернулъ почти назадъ и вступилъ въ самую узкую и густо населенную часть Лондона, гдѣ пролегала Инсвичская улица. Онъ вышелъ изъ экипажа, въ которомъ остался молодой человѣкъ, обѣщавшій ему доставить весь его багажъ «въ извѣстное мѣсто».

— Смотри, не опоздай! прибавилъ молодой человѣкъ на прощанье: — посидимъ за чайникомъ.

Надо замѣтить, что чайникъ употреблялся тогда не для одного чая, а и для вещей, болѣе крѣпкихъ.

Отдѣлившійся пѣшеходъ шелъ большими шагами, презирая какъ уличную грязь, такъ и наемные экипажи, которыхъ тогда въ Лондонѣ было до восьмисотъ штукъ. Это былъ человѣкъ высокій и широкоплечій. Лицо его было закрыто снизу краснымъ плащемъ съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и множествомъ другихъ воротниковъ, ниспадавшихъ одинъ на другой, какъ теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кучера носятъ. Сверху на самые глаза была надвинута высокая, украшенная перьями шляпа, такъ что пѣшеходъ только-только могъ разсмотрѣть дорогу и не наткнуться на что-нибудь. Тѣмъ не менѣе, этотъ промокшій человѣкъ не пропускалъ безъ тщательнаго осмотра ни одной встрѣчной женщины. Если эта было старуха, онъ со студенческимъ шикомъ пропускалъ сквозь зубы: «вѣдьма!», а если молодая, то громко говорилъ: «ангелъ!» Впрочемъ, эти восклицанія не мѣшали ему рѣшительно шагать впередъ, не обращая дальнѣйшаго вниманія на обиженныхъ старухъ, изъ которыхъ иная пускала ему вслѣдъ возгласъ: «Коли ты, негодяй ты этакой, не хочешь состарѣться, такъ пусть тебя повѣсятъ, пока ты молодъ!»

Нашъ оксфордскій питомецъ, уже вышедшій изъ поры ранней юности, шелъ въ Инсвичскую улицу. Если прибавить, что лицо его было покрыто слѣдами оспы, что у него были необыкновенно блестящіе черные глаза, вздернутый носъ и выдающійся впередъ подбородокъ, то читатель догадается, что это былъ Самуилъ Мордаунтъ. Онъ былъ уже докторомъ правъ, но не отсталъ еще отъ студентскихъ замашекъ. Несмотря на предстоящее обрученіе, онъ прогулялъ весну, лѣто и осень и наконецъ явился въ отеческій домъ. Дѣда онъ засталъ больнымъ, въ кровати. Извѣстные читателю пенсильванскіе переселенцы слишкомъ долго задержали Вилля Мордаунта на сквозномъ вѣтру, потому что въ кладовыхъ, гдѣ у него хранилось подержаное платье, постоянно были выставлены рамы въ ви-

дахъ истребленія моли. Тяжело отозвались на старомъ Виллѣ, кромѣ того, сношенія съ альдерманомъ изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ и съ внукомъ Томасомъ, викаріемъ въ томъ же Пемфордѣ, гдѣ приготовлялся знаменитый сыръ. Завѣщаніе всего имущества Мордаунта старшему внуку совершилось при содѣйствіи нотаріуса Кроксби, и прощальныя слова этихъ трехъ людей, то-есть нотаріуса, альдермана и внука Тома, звучали такъ неласково, какъ будто бы всѣ трое хотѣли сказать: «Ну, старина, теперь тебѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ поскорѣе убраться на тотъ свѣтъ». Отъ такого прощанья дѣду Виллю не поздоровилось не меньше, чѣмъ отъ сквознаго вѣтра.

«Это вѣрно; бѣлая рука хорошенькой Элеоноры твоя. Теперь ужъ ты самъ себя обдирай, коли думаешь, что деньги надо бросать во всѣ стороны, и ни во что не ставить трудъ, которымъ они добыты!»

Такъ говорилъ Вилль Мордаунтъ своему внуку съ высоты кровати, достойной ближайшаго разсмотрѣнія. Кровать была очень высока и покрыта тюфякомъ, набитымъ пухомъ съ Шетландскихъ острововъ, гдѣ водится дикій гусь. Подъ кроватью стоялъ здоровый, обитый желѣзомъ сундукъ, къ которому была придѣлана небольшая цѣпь; на ночь Вилль Мордаунтъ прикрѣплялъ эту цѣпь къ своей ночной курткѣ. Лондонскіе воры—первые мастера своего дѣла; они нѣсколько разъ обкрадывали и Вилля, пока наконецъ ему не пришла въ голову остроумная идея устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы всякое ночное покушеніе на его сундукъ съ деньгами непремѣнно будило его самаго. Комната, въ которой Вилль Мордаунтъ спалъ, была и его кабинетомъ, тутъ лежали и счетныя книги, отсюда онъ не выходилъ и днемъ. Домъ былъ очень старъ. Потолки и стѣны были, по всей вѣроятности, нѣкогда оштукатурены, но теперь сквозь потолокъ были очень ясно видны балки. Тѣмъ не менѣе, это было все-таки убѣжище отъ вѣтра и непогоды и только пожара надо было бояться, а пожары въ тѣ времена истребляли цѣлые кварталы заразъ. А это было бы большимъ несчастіемъ, потому что у Вилля было накоплено много всякой всячины, и многое носило еще слѣды вкуса и роскоши.

У дѣда Мордаунта былъ фактотумъ—Вильки, старикъ, полуидіотъ и почти совсѣмъ глухой. Онъ помогъ Саму снять мокрое платье и принесъ изъ верхнихъ кладовыхъ другое, имѣвшее даже видъ новаго. Больной былъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ вовсе недоволенъ и выразилъ даже предположеніе,

что внукъ какъ бы нарочно устроилъ дурную погоду и промокъ, чтобы экипироваться на дѣдовскій счетъ.

— Нѣтъ, дѣдъ, возразилъ Самъ: — насъ этому не учили. Впрочемъ, вы пожалуй и правы. Во времена оны, когда еще живы были Дунсъ Скоттъ и Альбертъ-Великій, тогда въ университетѣ можно было научиться дѣлать хорошую и дурную погоду. Но для этого надо было продать душу чорту, а это для меня невозможно. Нѣтъ, дѣдъ, я добрый христіанинъ, но теперь страшно хочу ѣсть и пить. Велите-ка мнѣ достать чего-нибудь. Да насчетъ питья лучше двѣ кружки, чѣмъ одну, потому что я знаю, что въ вашей харчевнѣ въ кушанье слишкомъ много луку кладутъ.

Самъ Мордаунтъ съ большимъ аппетитомъ истреблялъ все, что̀ ему, по приказанію дѣда, принесъ Вильки. Время было какъ разъ обѣденное, двѣнадцать часовъ, а въ эту пору и въ Ипсвичской улицѣ можно было достать кое-какой лакомый кусокъ изъ харчевни для безсемейныхъ рабочихъ и мелкихъ прикащиковъ, живущихъ не на «хозяйскихъ харчахъ» (а харчи эти, между прочимъ, были ужасны).

Покончивъ съ своей овсянкой, — онъ больше ничего не ѣлъ, — старикъ возвратился къ вопросу о погодѣ и переодѣваньи.

— Странно это, сердито говорилъ онъ: — странно, что изъ-за дождя или изъ-за пыли или чортъ тамъ знаетъ изъ-за чего, а ты всякій разъ оставляешь мнѣ на память платье, въ которомъ приходишь, и всякій разъ унесешь другое, котораго я ужь больше и не увижу.

— На память? Нѣтъ, дѣдъ, это платье я вамъ не оставлю, отвѣтилъ Самъ и сталъ расхваливать изящество своего костюма. Но старикъ утверждалъ, что этотъ толстый красный плащъ годится развѣ надѣть оксфордскому палачу. Онъ со злостью смотрѣлъ на черный бархатный, обшитый золотомъ кафтанъ, въ который Самъ только что нарядился и который какъ влитый сидѣлъ на его стройномъ станѣ. Изъ-подъ кафтана виднѣлся бѣлый жилетъ съ перламутровыми пуговицами.

— Ступай-ко ты теперь къ своей невѣстѣ, заговорилъ опять Вилль Мордаунтъ: — да поцѣлуй хорошенько ея бѣлую руку, которую я для тебя выклянчилъ. И ты шесть мѣсяцевъ не показывался!... Посмотримъ, какъ-то еще тебя примутъ!... Смотри, обѣщай, что будешь хорошимъ адвокатомъ, что станешь заниматься только честными дѣлами и постараешься попасть въ парламентъ. Не мути ты мнѣ пожалуйста души, не возись ты съ этими дворянчиками, если только они тебѣ не дадутъ поско-

рѣе какого-нибудь «гнилаго мѣстечка», чтобы ты могъ попасть въ «трехгодовалые», — такъ называлъ Мордаунтъ членовъ парламента, избиравшихся въ то время на три года: — да и то вѣдь имъ придется за это заплатить особо...

Самуилъ старался успокоить старика. Его очень занимало предстоящее обрученіе съ маленькой обитательницей тихаго дома въ Кавендишской улицѣ. Хоть онъ съ ранняго дѣтства былъ пріученъ смотрѣть на Элеонору, какъ на свою будущую невѣсту, но приближеніе событія, представляемаго ему дѣдомъ всегда въ видѣ необыкновеннаго и неоцѣненнаго счастія, все-таки сильно волновало его, насколько могъ вообще волноваться этотъ холодный и рѣшительный человѣкъ. Съ жосткой усмѣшкой, причемъ блеснули его прекрасные зубы, сказалъ онъ Виллю:

— Только бы мнѣ не навязать себѣ на шею и ту веревку, которая въ одинъ прекрасный день затянетъ горло моему будущему тестю!

Дѣдъ невольно отшатнулся въ сторону, гремя привязанною къ его ночной курткѣ цѣпью. Оба внука никогда не жили у него подолгу и были совершенно незнакомы съ внутреннимъ механизмомъ его торговыхъ операцій. Они не разъ наводили разговоръ на загадочное происхожденіе богатства стараго Робертсона, на его странные нравы и обычаи, и преимущественно на его ночные выходы изъ дому. Смотря по расположенію духа, Вилль Мордаунтъ отвѣчалъ на эти разспросы либо съ сердцемъ, либо въ шутливомъ тонѣ. Когда онъ былъ веселъ, то утверждалъ, что старый сѣдой мистеръ Джонъ—фальшивый монетчикъ и братается съ ворами и убійцами. Понятно было, что высказанное такимъ тономъ утвержденіе было отрицаніемъ ходячихъ слуховъ о Робертсонѣ. Если же Мордаунтъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, то онъ чаще всего просто молчалъ и былъ видимо недоволенъ. Но сегодня его даже въ дрожь бросило отъ рѣчей Сама, который, не стѣсняясь присутствіемъ глухого Вильки, продолжалъ:

— Да, теперь я узнаю, что̀ дѣлается у мистера Джона въ подвалѣ, въ пристройкѣ и въ другихъ закоулкахъ; узнаю, что̀ это за маленькая дверца, что̀ выходитъ на Венлокскую улицу.

Дѣдъ не отвѣчалъ ни слова, а только страшно закашлялся, какъ будто переворачивались у него всѣ внутренности. На улицѣ шумѣли экипажи, а въ комнатѣ едва можно было собственныя слова разслышать. Когда Вилль Мордаунтъ отдохнулъ отъ припадка кашля, Самъ объявилъ ему, что онъ будетъ жить у племянника лорда Нэрна, лорда Артура Максвелля, который его уже теперь ждетъ, и у котораго находится и его ба-

гажъ. Вильки долженъ былъ отнести къ лорду только что снятое, мокрое, но «драгоцѣнное» платье, въ которомъ Самъ прибылъ.

Вилль Мордаунтъ горько усмѣхнулся и проворчалъ что-то въ родѣ того, что, молъ, онъ и тряпокъ своихъ не хочетъ мнѣ оставить. Но Самъ былъ объ этихъ тряпкахъ очень высокаго мнѣнія. Ему показалось, что Вильки недостаточно бережно и аккуратно укладываетъ ихъ, а потому онъ выхватилъ у старика коробку и сталъ самъ укладывать платье. Вильки вышелъ изъ комнаты, чтобы послать за наемнымъ экипажемъ, дабы мистеръ Самъ могъ комфортабельнѣе совершить свои визиты и главнымъ образомъ съ сухими ногами явиться къ Элеонорѣ Робертсонъ.

Открывъ большую коробку, предназначенную вмѣстить въ себѣ его платье, Самъ замѣтилъ на днѣ ея какой-то твердый предметъ, завернутый въ старую бумагу. Онъ взялъ его въ руки. Дѣдъ услышалъ шорохъ и быстро, и тревожно поднялся на своей кровати. Кромѣ кашля, его мучила еще подагра, заставлявшая его время отъ времени болѣзненно вскрикивать.

— Это что такое!? съ изумленіемъ вскричалъ Самуилъ, развертывая бумагу: — золотой браслетъ?!

Старый дѣдъ уже спустилъ одну ногу съ кровати, но такъ-какъ послѣдняя была очень высока, то онъ не могъ скоро ступить на полъ.

— Что̀ такое! Тамъ ничего для тебя нѣтъ! вскричалъ онъ, устанавливая обутую въ длинный чулокъ ногу на подставку, стоявшую возлѣ кровати.

— Что̀ я вижу! продолжалъ Самуилъ съ выраженіемъ возрастающаго удивленія. — На браслетѣ знакомый вензель Б. Ш...

Его губы дрожали. Онъ процѣдилъ сквозь зубы: «Бланка», но фамилія, начинавшаяся съ буквы Ш, замерла на его полуоткрытыхъ губахъ.

— Откуда это у васъ? Браслётъ украденъ у дамы, которую я знаю.

— Украденъ! продолжалъ старикъ. — Ужь не хочешь ли ты съ этого браслета крючкотворство свое начать?!

— Откуда у васъ эта драгоцѣнность? Браслетъ стоитъ по малой мѣрѣ сорокъ гиней!

Пользуясь изумленіемъ внука, Вилль Мордаунтъ выхватилъ у него изъ рукъ браслетъ. Несмотря на свою болѣзнь и одолѣвавшій его гнѣвъ, старикъ представлялъ очень смѣшную фигуру. Длинные чулки, куртка съ поясомъ, къ которому придѣ-

лана цѣпь отъ сундука съ деньгами, ночной колпакъ, верхушка котораго упала ему на лицо и почти закрывала побѣлѣвшій отъ страха носъ, — надъ всѣмъ этимъ внукъ невольно посмѣялся бы, еслибы не былъ такъ занятъ браслетомъ.

— Объ этой штукѣ было объявлено въ «Меркуріѣ», какъ о пропавшей, и Вильки посчастливилось ее найти. Онъ пойдетъ за вознагражденіемъ, хотя въ любой лавкѣ ему бы навѣрное дали впятеро больше этого «приличнаго вознагражденія», обѣщаннаго леди, какъ бишь ее? посмотри листокъ тамъ на окнѣ...

Вилль Мордаунтъ еще не успѣлъ окончить этого объясненія, какъ Самъ уже отъискалъ нумеръ «Меркурія», о которомъ шла рѣчь, и прочиталъ объявленіе. Онъ не замѣтилъ, что нумеръ былъ уже очень старый.

— У леди Арабеллы Ратклифъ на Гросвенoръ-скверѣ! повторилъ Самъ, покачивая головой. Онъ съ раскраснѣвшимся лицомъ сталъ слушать старика, который опять взобрался на кровать, придерживая браслетъ у груди.

— Онъ былъ потерянъ, должно быть, въ Ламбетстритѣ, говорилъ дѣдъ. — Чортъ ихъ знаетъ, этихъ повѣсъ-лакеевъ... Его должно быть несли къ золотыхъ дѣлъ мастеру въ починку, потому что вотъ тутъ у шалнера не хватаетъ одного штифтика, — того и гляди развалится. Гдѣ ты это нашелъ, Вильки? обратился старикъ къ своему глухому фактотуму, который только что вошелъ, сопровождаемый шумомъ экипажа, въѣзжавшаго на дворъ. — Гдѣ ты эту золотую вещь нашелъ? кричалъ дѣдъ. — Вѣдь ты третьяго-дня былъ въ Ламбетстритѣ или гдѣ тамъ? помнишь, еще выпивши былъ?

Вилль Мордаунтъ произнесъ послѣднія фразы не тѣмъ усиленнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ съ глухими, а такимъ тономъ, какимъ вопрошающій подсказываетъ отвѣтъ вопрошаемому.

Бобъ Вильки не выдалъ своего стариннаго патрона и кормильца. Онъ нетолько не протестовалъ противъ свалившагося на него точно съ неба обвиненія въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, но предоставилъ Виллю Мордаунту полную свободу разсказать происшествіе, въ которомъ будто бы онъ, Вильки, игралъ столь важную роль. Дѣдъ очень обстоятельно и съ большими подробностями разсказалъ, что Вильки «третьяго-дня ночью, между десятью и одиннадцатью часами» наткнулся на вещь, которую принялъ сначала за мѣдное кольцо съ лошадиной сбруи; но потомъ, съ изумленіемъ видя, что это вещь дорогая, принесъ ее Мордаунту, какъ знатоку и постоянному читателю «Мер-

курія». Во время этого разсказа, Вильки довольствовался поддакиваніями и лаконическимъ поясненіемъ: «Въ Бёджъ-Родѣ!» и затѣмъ поторопился доложить, что экипажъ дожидается внизу и что онъ нанятъ на часы.

— Въ Бёджъ-Родѣ? переспросилъ Самуилъ.

Бобъ Вильки заговорилъ что-то объ домѣ за сводчатою дверью недалеко отъ таверны «Морской дѣвы», но дѣдъ, взглянувъ на висѣвшіе надъ кроватью стѣнные часы, заторопилъ внука ѣхать, потому-что наемный экипажъ обходится каждую минуту шесть пенсовъ.

Мордаунтъ крѣпко держалъ браслетъ въ правой рукѣ, пальцы которой, казалось, одеревѣнѣли. Самъ уже въ шестой разъ толковалъ Бобу Вильки, гдѣ живетъ молодой лордъ Артуръ Максвель, куда слѣдовало отнести коробку съ платьемъ, и Бобъ наконецъ понялъ и отправился. Саму нечего было и думать о томъ, чтобы еще разъ выглянуть на браслетъ съ красовавшимися на немъ надъ короной буквами Б и Ш. Дѣдъ низачто бы не далъ ему въ руки этой драгоцѣнности, потому-что ужь не въ первый разъ случалось, что внукъ, по пріѣздѣ изъ Оксфорда, овладѣвалъ какою нибудь вещью въ этомъ родѣ и затѣмъ не казалъ глазъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ. При томъ же, предпріимчивый духъ Самуила, всегда неуклонно и не разбирая средствъ добиравшійся до предположенной цѣли, былъ на этотъ разъ парализированъ изумленіемъ и думами о томъ, какимъ образомъ Б. Ш. (онъ зналъ, что если она въ Лондонѣ, то живетъ непремѣнно у леди Арабеллы Ратклифъ) могла очутиться въ такой мѣстности, какъ Бёджъ-Родъ и даже возлѣ какой-то «Морской дѣвы». Кромѣ того Саму надо было еще просить у старика денегъ, какъ для житья въ Лондонѣ, такъ и для уплаты кое-какихъ оксфордскихъ долговъ. Вилль Мордаунтъ съ ворчаньемъ отперъ какимъ-то особеннымъ секретнымъ ключомъ старинный дубовый шкафъ и удовлетворилъ просьбу внука, прибавивъ:

— Смотри, я тебѣ въ послѣдній разъ даю. Я не хочу, чтобы твой братъ, хоть онъ и духовное лицо, проклиналъ меня. Я тебѣ расчистилъ дорогу и ступай теперь по ней самъ, какъ знаешь!

Нѣкогда, когда старикъ Мордаунтъ переселился изъ деревни въ Лондонъ, онъ былъ изъ тѣхъ крѣпкихъ, широкоплечихъ здоровяковъ, которымъ на роду написано быть носильщиками, если только на ихъ широкихъ плечахъ не сидитъ умная, хитрая голова. Но уже давно ослабѣла сила его мускуловъ, и теперь, когда старикъ дрожалъ отъ озноба, когда онъ съ охами и

ахами опять лѣзъ на свою высокую кровать, — въ эту минуту Самуилъ совершалъ актъ милосердія, довольствуясь на первый разъ пригоршнею кронъ и оставляя пока дѣда въ покоѣ. Въ интересахъ Сама было, чтобы Вилль прожилъ по возможности дольше и чтобы такимъ образомъ пемфордскій викарій по возможности дольше числился только наслѣдникомъ. Самъ очень хорошо понималъ, что пока дѣло отъ обрученія съ Элеонорой Робертсонъ дойдетъ до самой свадьбы, времени пройдетъ не мало, и помощь дѣда потребуется не разъ.

— Позовите-ко доктора, да напейтесь горячаго, — легче станетъ, сказалъ онъ почти въ участіемъ и вышелъ, оставивъ дѣда одного, съ его поясомъ, въ ночной курткѣ, съ таинственно покрытыми ножками кровати, со старымъ дубовымъ шкафомъ, съ большими счетными книгами, съ лѣстницей, у которой вмѣсто перилъ служила натянутая веревка, съ кучами всевозможнаго хлама въ кладовыхъ, гдѣ можно было едва пробраться среди канатовъ, кожаныхъ товаровъ и т. п., и съ огромнымъ звонкомъ у низенькой входной двери; звонокъ этотъ звонилъ два раза—когда дверь отпиралась и когда она потомъ запиралась, такъ что дѣдъ, не выходя изъ своей спальни-кабинета, всегда зналъ о состояніи двери.

Дождь еще не перестаалъ. Самъ вспрыгнулъ въ одноконный экипажъ и велѣлъ везти себя прямо въ Кавендишскую улицу въ домъ «Скачущаго Коня».

V.

Браслетъ.

Несмотря на дурную погоду, Самуилъ Мордаунтъ не засталъ дома ни своего будущаго тестя, ни Элеоноры. Самъ былъ знакомъ съ порядками въ домѣ «Скачущаго Коня» и потому не удивился отсутствію Робертсона, — мнимому или дѣйствительному, потому-что легко могло быть, что мистеръ Джонъ былъ дома, но еще спалъ. Былъ уже часъ, и городъ былъ давнымъ давно на ногахъ, но въ домѣ Скачущаго Коня какъ будто только что начиналось утро.

Прислуга, уже успѣвшая опять перемѣниться, объяснила Саму, что Элеонора вышла изъ дому вмѣстѣ съ mamselle Китти, которой онъ еще не зналъ. Дорогое вѣнчальное платье, заказанное еще шесть мѣсяцовъ тому назадъ, до сихъ поръ было неготово. Всѣ различныя буфы и вычурныя украшенія, требуемыя

тогдашней модой, не могли быть скоро окончены, тѣмъ болѣе, что Робертсонъ не хотѣлъ, чтобы платье было шито дома, такъ что Элеонора раза по два въ день ходила примѣрять его. Въ тѣ времена новое платье даже для богатыхъ людей составляло важное событіе. Новые слуги, правда, не знали Самуила Мордаунта въ лицо, но имъ были извѣстны его будущія отношенія къ Робертсонамъ, и потому, какъ только онъ сказалъ свое имя, его встрѣтили рядомъ поздравленій и пожеланій во вкусѣ того времени. Самъ потребовалъ, чтобы его провели наверхъ, въ комнату его нареченной.

Бабъ, новый пестрый обитатель дома, чувствовалъ себя повидимому прекрасно въ огромной клѣткѣ, привѣшанной къ потолку за толстый красный снурокъ. Теплота, исходившая отъ камина, должна была напоминать птицѣ ея прекрасную родину. Въ комнатѣ, убранной дѣтскимъ вкусомъ Элеоноры, было вообще очень уютно. На маленькомъ столѣ, у окна, давно уже не видавшаго солнца, лежала начатая работа. Въ пестромъ горшкѣ стояла бенгальская роза съ ея маленькими красноватыми бутонами и полураспустившимися блѣдными цвѣтами. По стѣнамъ висѣли голландскія гравюры въ узкихъ рамкахъ. Нѣсколько большихъ тетрадей изображеній морскихъ битвъ валялось на жесткомъ диванѣ съ вызолоченной по краямъ спинкой; тетради лежали такимъ образомъ, какъ будто бы Элеонора или ея отецъ только что пересматривали ихъ. Робинзонъ Крузое только нѣсколько позже сдѣлался настольною книгой всѣхъ и каждаго, а теперь англичане зачитывались исторіями флибустьеровъ, путешествіями въ Патагонію и тому подобными произведеніями, не мало вліявшими своимъ фантастическимъ характеромъ на духъ того времени.

Самъ едва-ли могъ достаточно оцѣнить впечатлѣніе, которое производила эта непредназначенная для чужихъ взглядовъ комната. Хотя онъ и объявилъ, что будетъ дожидаться возвращенія Элеоноры, но скоро ушелъ, утверждая, что его гонитъ несносный попугай, оравшій на него, какъ индѣйскій пѣтухъ на красный платокъ. Онъ заткнулъ уши, велѣлъ кланяться отцу и дочери, пообѣщалъ придти сегодня вечеромъ и оставилъ тихій, таинственный домъ, отпустивъ каждому изъ слугъ по блестящей кронѣ.

Въ сущности молодой адвокатъ не былъ недоволенъ тѣмъ, что не засталъ Робертсоновъ. Чувство было для Самуила Мордаунта балластомъ, которымъ когда нужно нагружаютъ корабль, а когда нужно, такъ и выбрасываютъ за бортъ. Его необузданная страстность принимала иногда видъ стойкаго и глубокаго чувства, но тогда огонекъ разгорался въ пламя, пламя

въ пожаръ. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда владѣлъ собой и въ случаѣ надобности умѣлъ ограничивать себя. Понятное дѣло, что онъ сдерживался въ полномъ сознаніи своей цѣли и потому задержанная сила воли получала вслѣдствіе этого еще бо̀льшую эластичность и могла бы въ слѣдующій моментъ даже перебросить его за предѣлы указанной цѣли, еслибы эта замѣчательно устроенная голова не умѣла даже счастіемъ пользоваться съ умѣренностью. Не потому, чтобы онъ въ дѣйствительности довольствовался тою долею счастія, которую забиралъ на первый разъ. Въ свое время наступалъ и моментъ полнаго осушенія чаши наслажденія, мести или удовлетвореннаго честолюбія; въ свое время наступалъ и тотъ моментъ, когда онъ отталкивалъ ногой лѣстницу, по которой взобрался, когда онъ съ величайшимъ презрѣніемъ относился къ людямъ, которымъ долго льстилъ. Но къ этому моменту онъ подвигался всегда медленно и разсчетливо. По дорогѣ къ взрыву полнѣйшаго эгоизма и холоднаго, высокомѣрнаго торжества, онъ могъ быть добрымъ малымъ, и такимъ его и считали многочисленные друзья и товарищи. Благодаря свой маскѣ добраго малаго, онъ вполнѣ владычествовалъ надъ разными сыновьями герцоговъ и молодыми лордами. Онъ составилъ себѣ извѣстную систему морали, совершенно въ духѣ Болингброка, только что сдѣлавшагося правой рукой королевы и усердно хлопотавшаго о возвращеніи Стюартовъ и удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ Чёрчиллей — отродья герцога Марльборо. И Самуилъ Мордаунтъ ненавидѣлъ «лавочный духъ» Англіи и протестантско-республиканскіе элементы своей націи. Его, какъ и его друзей, влекло къ Франціи, къ роскошному версальскому двору, гдѣ скоро, именно со смертью Лудовика XIV и вступленіемъ въ управленіе государствомъ герцога Орлеанскаго, роскошь и блескъ совсѣмъ переплелись съ распущенностью. Самъ, въ сопровожденіи своихъ друзей, побывалъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль въ этихъ новыхъ волшебныхъ садахъ моды и фешёня и т. п., и сегодня найденный браслетъ занималъ его гораздо больше, чѣмъ давно уже считавшееся за нимъ сердечко Элеоноры, съ придачей ея богатства.

Въ домѣ лорда Стера, англійскаго посланника въ Парижѣ, онъ познакомился съ очаровательною дочерью юга Франціи— Бланкою, виконтессою де-Шамфлери. Онъ не зналъ, вдова ли она, или замужемъ, или еще дѣвица. Судя по ея лѣтамъ и житейскому такту, она повидимому должна бы была быть вдовой. Самъ Мордаунтъ попалъ въ Парижѣ въ большой свѣтъ. И тамъ женщины, въ родѣ Бланки Шамфлери, попадались дале-

ко не на каждомъ шагу, и тамъ это было явленіе единственное въ своемъ родѣ. Понятно, какое впечатлѣніе должна была она произвести на Сама. Его отецъ арендовалъ имѣнія; въ этомъ кругу Самъ видѣлъ женщинъ съ большими претензіями, и ни одна не простирала ихъ дальше, чѣмъ его собственная мать, но вообще говоря, всѣ эти леди-попадьи, леди-гувернантки, леди-профессорши были не что иное, какъ слабыя, жалкія творенія, постоянно нуждающіяся въ опекѣ. И вдругъ, въ Парижѣ, въ лицѣ полу-итальянки Шамфлерп, онъ впервые встрѣтилъ самостоятельный, смѣлый женскій характеръ, не останавливающійся передъ трудностями и, повидимому, не нуждающійся въ помощи мужчины. Виконтесса говорила о современныхъ событіяхъ, какъ тонкій политикъ, о религіозныхъ вопросахъ, какъ мыслитель. Смѣлый новаторъ Болингброкъ, который, къ сожалѣнію, не съумѣлъ примирить свободу мысли съ высотою нравственнаго уровня, когда бывалъ въ Парижѣ, или когда въ Лондонѣ была виконтесса, ни съ кѣмъ такъ охотно не говорилъ, какъ съ этой блестящей женщиной, замѣчательной, кромѣ того, непринужденностію своего обращенія съ людьми. Въ прошломъ году, Самъ опять повстрѣчался съ ней въ домѣ леди Арабеллы Ратклифъ, на Гросвеноръ-скверѣ. Уѣзжая тогда изъ Лондона, она обѣщала скоро опять вернуться, и такъ прощалась, и вообще такъ держала себя съ Самомъ, что этотъ скорѣе некрасивый, чѣмъ красивый молодой человѣкъ, этотъ мѣщанскій другъ благорожденныхъ товарищей не могъ не почувствовать себя польщеннымъ и обнадеженнымъ. Самъ обратилъ на себя ея вниманіе, помимо своихъ личныхъ качествъ, еще отношеніями къ окружающимъ его людямъ, которые ему видимо подчинялись. Она неодновратно говаривала, что признаетъ только одну красоту — красоту духа; что ничто не отталкиваетъ ее въ такой мѣрѣ, какъ такъ-называемая голова Антиноя, образъ женственности; по ея словамъ, отсутствіе бороды сильно мѣшаетъ красотѣ Аполлона. Самуилу было двадцать-пять лѣтъ, а тѣ три года, которые онъ по окончаніи курса провелъ въ практическихъ занятіяхъ при адвокатской конторѣ, съ разу доставили ему такую массу опытности и ловкости, на пріобрѣтеніе которой другой употребилъ бы втрое больше времени.

Отъ Робертсоновъ, Самъ поѣхалъ на Лейчестерскую площадь къ другу своему, лорду Максвеллю, который занялъ въ домѣ своего родственника, лорда Нэрна, такое обширное помѣщеніе, что могъ бы пріютить не одного изъ университетскихъ товарищей. Вильки уже доставилъ туда коробку съ платьемъ.

Саму очень хотѣлось разузнать отъ стараго, глухаго слуги Вилля Мордаунта подробности о находкѣ браслета. Онъ думалъ узнать что-нибудь отъ лорда Максвелля, который, можетъ быть, разговаривалъ съ Вильки, но Артуръ былъ въ эту минуту у своей тетки, леди Нэрнъ, гостепріимной владѣтельницы дома, который въ то время выдвигался въ улицу далеко за предѣлы теперешнихъ тротуаровъ. Лорда Нэрна не было въ Лондонѣ.

Подъ вліяніемъ ассоціаціи идей, Самъ напѣвалъ французскія пѣсенки, вспоминая, съ какимъ обворожительнымъ лукавствомъ пѣвала ихъ Бланка Шамфлери. Ему припомнились слова, сказанныя ею годъ тому назадъ въ Лондонѣ за минуту передъ тѣмъ, какъ она позволила ему себя поцаловать: «Сэръ Самуилъ, говорила она, вы рождены быть тираномъ, къ счастію нетолько для насъ женщинъ, а и для мужчинъ. Неронъ и Калигула были плохіе тираны; какъ видно изъ разсказа Светонія, они выбирали дурныя средства. Ядомъ и цѣпями нельзя долго господствовать. Долгаго господства можно добиться только добротою, примѣромъ и разумомъ. Господствуйте же и вы надъ молодежью, которую вы, я вижу, тиранизируете не съ помощью бутылки или картъ, а умомъ и хорошимъ примѣромъ».

Можно себѣ представить, какое вліяніе могла имѣть эта смѣсь красоты, легкомыслія и ума на молодаго, честолюбиваго, даровитаго человѣка, находившагося при томъ какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда для мужчины дѣйствительность сливается съ идеаломъ, выращеннымъ его мечтами.

«Бланка въ Лондонѣ!» эта мысль неотвязно преслѣдовала Сама. Она вертѣлась у него въ головѣ и въ то время, когда онъ перебиралъ свой гардеробъ, стараясь добыть оттуда что-нибудь такое, въ чемъ можно было, не краснѣя, предстать предъ знатными лордами и даже предъ самой Бланкой Шамфлери. Время отъ времени къ встававшимъ передъ нимъ картинамъ счастія и веселья примѣшивались и мрачныя полосы, сущность которыхъ могла бы быть выражена вопросомъ: какимъ образомъ знатная, изящная француженка могла потерять браслетъ въ Ламбет-стритѣ, на Бѣджъ-Родѣ? Въ такія мѣста не пойдетъ и не такая женщина. И почему (здѣсь сказывалось уже чутье адвоката) Вильки говорилъ о Ламбет-стритѣ, когда эта улица отстоитъ довольно далеко отъ Бѣджъ-Рода и все-таки нѣсколько приличнѣе?

Явился молодой лордъ Максвелль. Онъ представлялъ совершенную противоположность своему другу. Комната тотчасъ огласилась его веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ, тогда какъ Самъ

смѣялся рѣдко. Лордъ Артуръ Максвелль былъ членомъ одной изъ первыхъ шотландскихъ фамилій, но онъ былъ младшій сынъ и, слѣдовательно, принадлежалъ къ разряду тѣхъ, выражаясь языкомъ лорда Бруггама, поросятъ-сосунковъ, которые, не имѣя своего соска на материнской груди, присасываются къ хвостамъ братьевъ и сестеръ; затѣмъ, для нихъ неминуемо слѣдовала бы голодная смерть, еслибы, какъ утверждаетъ Дугласъ Джерольдъ, англійское государственное устройство не замѣняло материнской груди. Но лордъ Артуръ Максвелль былъ, къ сожалѣнію, шотландецъ и потому имѣлъ мѣсто только въ заднихъ рядахъ государственнаго организма. Все, чего онъ могъ до сихъ поръ добиться, было позволеніе купить на деньги одного богатаго родственника патентъ гвардейскаго офицера. Требуемыя деньги были уже давно внесены въ военное министерство и можетъ быть уже сослужили свою долю службы при отливкѣ новыхъ пушекъ. Но лордъ Артуръ Максвелль все еще имѣлъ только право на офицерскій чинъ. Въ ожиданіи вакансіи онъ былъ, такъ сказать, почетнымъ лейтенантомъ шотландской гвардіи. Артуръ охотнѣе воспользовался бы навсегда пропавшею суммою, внесенною за него въ министерство, потому что онъ предпочиталъ войнѣ мирныя занятія, и не только такія, какъ боксированіе, верховая ѣзда, охота, но и науки. Благодаря своему знаменитому имени, онъ могъ разсчитывать на положеніе болѣе блестящее, чѣмъ мелкая военная служба, еслибы якобитское движеніе, къ которому склонялся и лордъ Максвелль, одержало верхъ по смерти королевы.

Лордъ Максвелль разсказалъ Саму любопытный разговоръ, только что происходившій между нимъ и его теткой, леди Нэрнъ. Эта почтенная дама выразила согласіе принять подъ свою кровлю хоть половину оксфордскихъ товарищей племянника, если только они не принадлежатъ къ той шайкѣ, которая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ казнила короля, а нынѣ, по мнѣнію леди, готова низложить самого Бога. Артуръ отъ души смѣялся, и старался на этомъ пунктѣ дать теткѣ болѣе успокоительныя свѣдѣнія, чѣмъ насчетъ своего офицерства, которому леди, мундира ради, придавала большое значеніе, и которое самъ Артуръ чуть не ненавидѣлъ.

— Если я здѣсь долженъ буду прикидываться правовѣрнымъ, такъ придется перебираться въ гостиницу, сказалъ Самуилъ, тѣмъ не менѣе, продолжая устраиваться въ предоставленной ему прекрасной комнатѣ съ зеркалами и позолотой. Ненависть ко всему, что̀ отзывалось богословіемъ, связывалась у Сама

съ воспоминаніемъ о своемъ первородномъ братѣ Томѣ. Насчетъ шотландской гвардіи онъ выразился такъ:

— Какъ только я попаду въ Лондонъ, такъ и вижу, что ваши длинные мечи годятся только на вертела, а шлемы — на кухонные горшки.

— Ну, годятся и для тряпичной лавки твоего старика, возразилъ Максвеллъ, нимало не чувствуя себя, впрочемъ, обиженнымъ.—Онъ боленъ? продолжалъ онъ тономъ участія.—Я говорилъ съ вашимъ Вильки. Ну, что̀ Элеонора? Какъ ты ее нашелъ? Смотри, чтобы перваго ребенка крестилъ я. Впрочемъ, до тѣхъ поръ мнѣ, пожалуй, руки отстрѣлятъ! Ты его назови Артуромъ. Да? Артуръ чудесное имя, и такъ-какъ я, пожалуй, его не стою, то могу подарить твоему сыну. Другаго подарка вамъ и не нужно, какъ только богатства мистера Робертсона будутъ въ вашихъ рукахъ. А знаешь, что̀ я теперь думаю объ его дѣлахъ? Я его только разъ видѣлъ, и мнѣ показалось, что у него для убійцы на большой дорогѣ грудь слишкомъ узка; а для такого разбойника, который отравляетъ сторожевыхъ собакъ, онъ выглядитъ слишкомъ добродушно. У него совсѣмъ такія же сѣдыя кудри, какъ у моего Іонафана Кнопса, который меня училъ читать и писать, и всегда плакалъ, когда я себя дурно велъ. Я думаю, онъ ходитъ по ночамъ на верхнюю Темзу осетровъ ловить, — вѣдь они только ночью и ловятся. Кстати, его видали съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и съ коробкой за плечами; а это обычные снаряды рыба̀ковъ, что̀ осетровъ ловятъ. Они бьютъ рыбу шестомъ по головѣ, и потомъ, когда она обезпамятѣетъ, гонятъ въ коробку, которую держатъ на половину въ водѣ. Употребляются для этого и сѣти. Оттого-то Робертсонъ такъ много и съ твоимъ дѣдомъ водится, у дѣда вѣдь продается и крученая пенька?

Самуилъ Мордаунтъ былъ слишкомъ занятъ предстоящимъ ему вступленіемъ въ фешёнебельные кружки и на первый разъ въ аристократическій кружокъ леди Нэрнъ, чтобы разбирать мнѣніе лорда Максвелля о занятіяхъ стараго Робертсона. У него была на этотъ счетъ другая гипотеза. По крайней-мѣрѣ, прежде она казалась ему наиболѣе вѣроятною. Робертсонъ, послѣ своего внезапнаго разоренія, могъ постепенно поправить дѣла при помощи сношеній съ предпріимчивыми контрабандистами. Счастливыя войны приносили Англіи много славы, но требовали также большихъ налоговъ. Охранять отъ контрабанды берега острова было очень трудно, и, несмотря на то, что таможенные законы становились со дня на день строже, было уже и тогда не мало формъ, подъ которыми обманывали

государство, прибѣгая иногда и къ открытому насилію. Иной лордъ, возвращаясь изъ Парижа съ багажемъ, подлежащимъ таможенной пошлинѣ, сдавалъ его въ Кале особому агенту, имѣвшему видъ настоящаго джентльмена, въ шляпѣ съ галунами, съ золотымъ набалдашникомъ на трости въ мягкой и бѣлой рукѣ, а тотъ уже устраивалъ дѣло съ настоящими работниками. Въ таможенныхъ постановленіяхъ, черезъ двѣ строки на третьей говорилось о висѣлицѣ и изгнаніи; но это не мѣшало контрабандѣ процвѣтать рядомъ съ законной торговлей, какъ двумъ дочерямъ одного и того же отца, не роднымъ только по матери.

Между тѣмъ, къ Саму и Максвеллю присоединились еще два молодыхъ человѣка: графъ Винтоунъ и лордъ Виддрингтонъ. Разговоръ шелъ о новыхъ собакахъ, видѣнныхъ оксфордцами у ихъ многочисленныхъ знакомыхъ; затѣмъ о важномъ шагѣ тогдашней цивилизаціи, о кофейныхъ домахъ, которыхъ, по увѣренію молодаго лорда Виддрингтона, тогда въ Лондонѣ было уже десять тысячъ, тогда какъ лордъ Артуръ Максвелль слышалъ отъ одного правительственнаго лица, что кофейныхъ домовъ, обложенныхъ податью, только три тысячи. Далѣе перешли къ вопросу о модныхъ парикахъ и пряжкахъ на башмакахъ, а также къ новому боксерскому пріему, который (именно маскированный двойной ударъ противъ лѣваго легкаго и втораго ребра) преподавался научнымъ образомъ въ Гайдпаркѣ. Новинка эта была немедленно испробована практически. Въ концѣ-концовъ рѣчь перешла къ женщинамъ, которыя для нашихъ молодыхъ людей все-таки составляли предметъ, наиболѣе достойный вниманія. При этомъ всколыхнулись самыя мутныя и неприглядныя волны, на которыхъ сыскались, однако, и два бѣлыхъ лебедя: Бланка, бѣлый лебедь, по крайней-мѣрѣ, по имени, и Элеонора Робертсонъ. Послѣдняя выплыла, главнымъ образомъ, потому, что Максвелль поставилъ вопросъ о неблаговидности со стороны жениха-Сама вздыхать по француженкѣ. Число благорожденныхъ гостей все увеличивалось, и всѣ поздравляли Сама съ предстоящимъ богатствомъ, имѣя въ виду, что теперь ужь онъ развернетъ для пріятелей карманъ; онъ и прежде неоднократно снабжалъ юныхъ лордовъ деньгами, но до сихъ поръ могъ это дѣлать только при помощи стараго дѣда и своей удивительной находчивости въ денежныхъ дѣлахъ, выражаясь точнѣе, благодаря своему таланту занимать деньги.

— Нѣтъ больше вѣрности на свѣтѣ! говорилъ лордъ Артуръ Максвелль, распоряжаясь насчетъ копченой лососины и

портвейна для гостей. — Нѣтъ вѣрности ни въ политикѣ, ни въ любви! Можно ли говорить объ этой нарумяненной и набѣленной француженкѣ, въ которой все поддѣльно, кромѣ ея проклятаго гнусяваго говора, недоступнаго настоящимъ великобританскимъ языкамъ, можно ли объ ней говорить, когда имѣешь право на англійскія розовыя губки... Можетъ быть, эти губки кладутъ въ эту минуту кусочекъ индѣйскаго сахара въ клювъ попугая...

— А! малютка изъ Кавендишской улицы!—воскликнули нѣкоторые изъ друзей.

— Которая какъ только услышитъ конскій топотъ, такъ и прыгъ къ окну! подхватилъ одинъ юный лордъ, членъ парламента, очень регулярно блиставшій своимъ отсутствіемъ въ парламентскихъ засѣданіяхъ. Юный членъ парламента намекалъ на нетерпѣніе, съ которымъ Элеонора такъ давно ожидала своего жениха. Но Самъ былъ весьма мало тронутъ этимъ напоминаніемъ о любви Элеоноры.

— Твой старый учитель, Іонафанъ Кноксъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Максвеллю: — навѣрное прослезился бы, услышавъ твою рѣчь, потому что въ ней что ни слово, то клевета; клевета и то, что Бланка Шамфлери румянится; я готовъ пари держать, что на ея нѣжныхъ щекахъ нѣтъ ничего поддѣльнаго. Недаромъ ее зовутъ Blanche Champfleury.

Ѣда, а потомъ куреніе изъ маленькихъ голландскихъ трубокъ—обычай, сильно входившій въ моду—помѣшали дальнѣйшему развитію бесѣды въ этомъ направленіи. При томъ же это были такого рода предметы, громогласное обсужденіе которыхъ было крайне неудобно въ домѣ леди Нэрнъ. Женщины еще составляли нѣкоторое время тему дебатовъ, но оживленность смѣнилась основательностью. Въ подобныхъ случаяхъ голоса молодыхъ людей понижаются, принимаютъ характеръ таинственности и членораздѣльные звуки въ значительной степени замѣняются мимикой. Другое дѣло охота, собаки, боксъ, наконецъ война и политика, — обо всемъ этомъ наша аристократическая молодежь трактовала гораздо свободнѣе и громче. По части политики Самъ высказалъ сегодня — совершенно неожиданно для присутствующихъ — мнѣніе, вызвавшее живое опроверженіе со стороны молодыхъ лордовъ. И, безъ сомнѣнія, сама люди Нэрнъ охотно присоединилась бы къ поднятой ими бурѣ, потому что она была изъ числа фанатическихъ приверженцевъ изгнанныхъ Стюартовъ.

— Совѣтую всякому, сказалъ Самъ Мордаунтъ: — кому не нравится наша новая Англія, созданная Кромвеллемъ, убирать-

ся куда нибудь. Кому кажется, что наша страна недостаточно благочестива, пусть переселяется въ Пенсильванію! Кому кажется, что она слишкомъ благочестива,—пусть ѣдетъ... пусть ѣдетъ въ Римъ! Не даромъ же Англія взяла на свою душу грѣхъ цареубійства! Да вы не горячитесь, не хватайтесь за шпаги! Я не хочу закрашивать этого пятна. Но дѣло сдѣлано, и если наша совѣсть нуждается въ очищеніи, пусть оно найдется въ дѣятельности, въ развитіи и прогрессѣ во всѣхъ сферахъ жизни. Семья, школа, церковь, — все впередъ. Королева должна подумать, что сила опять можетъ попасть въ руки парламента...

Нѣкій лордъ Тимтемплъ выпустилъ нѣсколько густыхъ клубовъ дыму изъ своей глиняной трубки и, поднявъ вверхъ бутылку изъ-подъ портвейну, обратилъ вниманіе хозяина на ея пустоту. Максвелль позвонилъ, и явилось подкрѣпленіе. Лордъ Тимтемплъ былъ членъ парламента, но это не помѣшало большинству молодыхъ людей разразиться противъ парламента, что̀, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, было пожалуй и лестно лорду Тимтемплю.

— А гдѣ же сила и теперь? раздались голоса, и многіе стали перечислять строжайшіе законы, изданные противъ якобитовъ, проскрипціи, награды, обѣщанныя за головы виднѣйшихъ сторонниковъ старой династіи и даже за голову самого претендента.

— Ни одинъ англичанинъ, хоть будь онъ завзятѣйшій протестантъ, не польстится на эту цѣну крови, на эти 100,000 фунтовъ, обѣщанные за голову Іакова III! воскликнулъ молодой лордъ Виддрингтонъ.

— За мистера Сама я не поручусь, замѣтилъ лордъ Винтоунъ. — Лордъ Боллингброкъ съумѣлъ бы его соблазнить, не онъ первый, не онъ послѣдній.

— Лордъ Боллингброкъ! вскричали другіе. — Да вѣдь онъ изъ нашихъ!

Лордъ Максвелль сталъ опровергать возможность соблазнить Сама деньгами, когда въ его рукахъ будетъ Элеонора Робертсонъ. Затѣмъ Артуръ опять свелъ разговоръ на женитьбу Сама, требуя торжественнаго празднества для всѣхъ товарищей по поводу этого событія. Самъ, съ кажущимся хладнокровіемъ, молча пуская клубы дыма изъ своей маленькой глиняной трубки, выслушивалъ описаніе того зрѣлища, когда въ роскошно убранной залѣ явится на этотъ разъ вымытый и прифранченный дѣдъ, Вилль Мордаунтъ изъ Ипсвичской улицы, а Томъ Мордаунтъ, викарій изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ, произнесетъ

торжественную рѣчь, если только у него будетъ ворочаться языкъ къ тому времени, когда рѣчь потребуется. Въ кругу бѣдныхъ «младшихъ сыновей», этихъ паріевъ старой Англіи, осужденныхъ вести жизнь, полную лишеній или, вѣрнѣе говоря, не лишеній, а долговъ, въ этомъ кругу охотно валили всѣ возможные грѣхи на перворожденныхъ, а слѣдовательно и на Тома Мордаунта.

Въ концѣ концовъ, Бланка Шамфлери все-таки одержала побѣду надъ всѣми остальными тэмами для разговора. Француженка эта вызвала цѣлый рядъ такихъ разсужденій, что посторонній слушатель былъ бы не мало изумленъ тою основательностію и глубиною, съ которыми эти молодые и, повидимому, неопытные люди трактовали о различныхъ вопросахъ, касающихся женской красоты, кокетства, изящества и тому подобное. Поднята была и исторія браслета. Самуилъ обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что браслетъ найденъ Бобомъ Вильки, слугою его, Самуила Мордаунта, дѣда; онъ объявилъ далѣе, что въ этомъ совпаденіи, по законамъ откровенной религіи, подвергавшейся въ то время разнымъ нападеніямъ со стороны мыслителей и въ томъ числѣ лорда Боллингброка, слѣдуетъ видѣть перстъ божій, предсказывающій оратору успѣхъ у обворожительной француженки. Никто не возражалъ противъ логичности такого умозаключенія, но испытать счастія рѣшились всѣ и потому сговорились сегодня же вечеромъ отправиться къ леди Арабеллѣ Ратклифъ.

Самуилу предстояло еще исполнить нѣсколько важныхъ порученій и неотлагательныхъ собственныхъ дѣлъ, а то бы онъ навѣрное раньше другихъ соискателей явился въ гордый домъ леди Арабеллы Ратклифъ. Только поздно вечеромъ освободился онъ и полетѣлъ, чувствуя, что сердце его бьется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ ожиданіи свиданія съ Элеонорой.

На Гросвеноръ-Скверѣ онъ встрѣтилъ лорда Максвелля, уже возвращавшагося отъ леди Ратклифъ. Артуръ разсказалъ, что къ Саму не перемѣнились, что его ждутъ, что Бланка стала еще прекраснѣе, что она выучилась говорить поанглійски и чисто подѣтски радовалась найденному браслету.

— Говорилъ ты съ ней о томъ, какимъ образомъ она попала въ ту трущобу, гдѣ браслетъ нашелся? спросилъ Самъ.

Максвелль объяснилъ, что онъ больше всего настаивалъ на томъ пунктѣ, что браслетъ, такъ порадовавшій виконтессу, былъ найденъ слугою дѣда его друга Сама; что онъ особенно старался свести разговоръ на этотъ интересный фактъ, а равно и на теологическое объясненіе, данное этому совпаденію Самомъ.

Максвелль хлопоталъ единственно въ видахъ доставить удовольствіе своему другу. Онъ былъ очень добродушенъ. Но уже не въ первый разъ Самъ называлъ непростительнымъ ребячествомъ то, что̀ другимъ въ Артурѣ казалось добродушіемъ. Самъ былъ очень недоволенъ розсказнями друга и упоминаніемъ объ его неблестящихъ родственныхъ связяхъ. Онъ замѣтилъ, что удивляется, какъ это Максвелля еще не угораздило разспрашивать дамъ о томъ, сколько Вильки получилъ за свою находку.

— И объ томъ спрашивалъ! весело вскричалъ лордъ Максвелль.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! выругался Самъ.—Да наймись ты въ вожаки къ какому-нибудь старому слѣпому и протягивай за него руку прохожимъ!

— А что̀ же тутъ дурнаго? возразилъ Максвелль. — Слушай же дальше. Когда дамы узнали, что браслетъ, уже полгода пропадавшій безъ вѣсти, былъ доставленъ слугою твоего дѣда, леди Арабелла позвонила и спросила камердинера, сколько получилъ этотъ честный человѣкъ. Камердинеръ говоритъ: крону. Когда онъ вышелъ, я выразилъ предположеніе, что негодяй навѣрное далъ какихъ-нибудь два шиллинга, но леди Арабелла возстала противъ такого пессимизма. Эта добрая барыня не знаетъ, что насъ больше всего надуваютъ тѣ именно люди, въ которыхъ мы видимъ воплощенную честность. Я обѣщалъ основательно разузнать дѣло, разспросить твоего дѣда насчетъ награды и выдать Вильки цѣлую гинею, въ случаѣ, если онъ получилъ меньше. Виконтесса при этомъ только и дѣла дѣлала, что говорила: «Добрый monsieur Мордаунтъ! Какъ я цѣню его умъ, его остроуміе! Онъ некрасивъ, это правда, но онъ мужественъ, и я хотѣла бы видѣть его во главѣ или арміи, или министерства!»

Молодому адвокату была какъ нельзя болѣе по сердцу послѣдняя часть разсказа Максвелля, и только одна капля горечи замѣшалась сюда: «онъ некрасивъ!» Тѣмъ не менѣе, гнѣвъ Сама стихъ. Онъ не заблуждался относительно своей внѣшности. Да и наконецъ слова: «онъ некрасивъ» подняли въ его памяти одинъ счастливый моментъ, пережитый имъ рядомъ съ Бланкой. Однажды онъ простеръ свою смѣлость до того, что цаловалъ нетолько ея руки, а и щеки и губы, — и Бланка не сопротивлялась, а только повторяла: «Fi! fi! Comme vous êtes laid, monsieur!»

Максвелль, охотно становившійся во всѣхъ практическихъ дѣлахъ въ положеніе ученика и воспитанника своего друга, долженъ былъ дать слово, что совершенно прекратитъ слѣд-

ствіе по дѣлу о вознагражденіи Боба Вильки за найденный браслетъ и никогда не затронетъ этой тэмы въ салонѣ леди Ратклифъ. Затѣмъ Самъ нанялъ экипажъ и подъѣхалъ наконецъ къ дому Ратклифъ. Ему показалось, что болтовня его пріятеля произвела нѣкоторое вліяніе на характеръ физіономій лакеевъ леди Ратклифъ. Они обращались съ нимъ,—по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось — далеко не съ тою почтительностью, какую онъ встрѣчалъ прежде на этой лѣстницѣ съ изящными желѣзными перилами, усыпанными золочеными гербами и коронами. Такъ что когда къ нему было приложено обычное правило знатныхъ домовъ, и лакей отправился посмотрѣть «дома ли господа», — въ Самѣ опять поднялось негодованіе противъ Артура Максвелля. Оно еще усилилось, когда лакей явился съ отвѣтомъ, что господа уѣхали и не будутъ дома до поздней ночи.

Саму очень хотѣлось прикрикнуть на одѣтаго въ блестящую ливрею лакея: «Негодяй, ты и не думалъ докладывать обо мнѣ! Ты хочешь отомстить за то, что твоя продѣлка съ Вильки не осталась подъ спудомъ!» Однако, онъ удержался и былъ радъ ужь тому, что получилъ отказъ въ самомъ низу лѣстницы, такъ что удаленіе его изъ аристократическаго дома было, по крайней-мѣрѣ, не слишкомъ торжественно постыдно. У воротъ онъ сѣлъ на своего извощика и, самъ не зная, что̀ ему дѣлать, крикнулъ: «къ мосту!» Въ пріемныхъ комнатахъ леди Ратклифъ окна были освѣщены, и нашъ молодой юристъ это видѣлъ. Онъ проѣхалъ полъ-Лондона, не слыша раздававшейся кругомъ него ночной суетни, и велѣлъ остановиться только у «Лондонскаго моста», соединяющаго сѣверную и южную часть города. Дождь пересталъ. Самъ расплатился съ извощикомъ и, завернувшись отъ холода и тумана въ плащъ, уныло побрелъ вдоль берега сначала по направленію къ западу, потомъ повернулъ къ востоку.

Народъ сновалъ во всѣ стороны, на улицахъ было множество всадниковъ, пѣшеходовъ, экипажей. Темза блестѣла безчисленными огнями, горѣвшими на стоявшихъ на якорѣ судахъ. Все шумѣло. Продавцы во все горло предлагали фрукты, напитки, хлѣбъ, а также летучіе листки и новыя газеты изо всѣхъ странъ міра. Среди этого волнующагося моря, сквозь которое Саму приходилось мѣстами пробираться съ немалыми усиліями, ему ни разу не вспомнилась маленькая угловая комната, въ которой его въ эту минуту съ нетерпѣніемъ ждали Элеонора и ея отецъ. Не вспомнилась ему и кровать, на которой, охая отъ боли, валялся его дѣдъ надъ сундукомъ съ

деньгами, можетъ быть, скоро имѣющими перейти во владѣніе Тома Мордаунта. Онъ былъ до такой степени переполненъ только что пережитою имъ непріятностью, что, напримѣръ, машинально остановился у темпльскаго сада передъ балаганомъ англійскаго полишинеля, Пёнча, и смотрѣлъ и слушалъ, ничего не видя и не слыша. А между тѣмъ народное остроуміе могло бы прійтись ему по вкусу, потому что оно было направлено на современныя политическія дѣла какъ разъ въ томъ духѣ, который онъ еще сегодня обнаружилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, правда только par dépit. Пёнчъ изображалъ папу не иначе, какъ закадычнымъ пріятелемъ чорта, и обоимъ доставалось поровну.

На Ламбет-стритѣ нашъ странникъ замѣтилъ группу людей, показавшихся ему подозрительными, а тѣ въ свою очередь пытливо смотрѣли на его закутанную въ плащъ фигуру, предполагая, что онъ прохаживается тутъ съ какою-нибудь цѣлью.

«Шпіоны должно быть», подумалъ Самъ: «сыщики, которые выслѣживаютъ какого-нибудь вора».

Лондонъ тогда еще не былъ такъ переполненъ полисменами, какъ теперь. Когда Самъ замѣтилъ еще нѣсколько отрядовъ солдатъ, то двигающихся, то останавливающихся, ему пришло въ голову, что присутствіе здѣсь людей, принимаемыхъ имъ за констеблей, находится, быть можетъ, въ связи съ состояніемъ политической атмосферы. Королева была очень больна. Ей было не болѣе пятидесяти лѣтъ, но она была часто беременна, и дѣти ея умирали съ роковою акуратностью, и это обстоятельство, равно какъ и невыгодное положеніе среди борящихся виговъ и торіевъ, давно уже подкопали ея жизненныя силы. Можно было почти навѣрное предсказать, что немедленно вслѣдъ за ея смертью вспыхнетъ революція. Уже и теперь парламентъ и министерство, состоявшее изъ торіевъ, были въ открытой враждѣ, да не было согласія и въ средѣ самихъ министровъ.

Когда любопытство Сама бывало возбуждено какимъ-нибудь обстоятельствомъ, онъ съ находчивостью и наблюдательностью слѣдователя подъискивалъ факты въ пользу родившагося въ немъ предположенія. Такъ и на этотъ разъ ему показалось, что люди, считаемые имъ переодѣтыми блюстителями общественной безопасности, подходили ко всѣмъ экипажамъ побогаче, медленно двигавшимся по многолюднымъ и узкимъ улицамъ. Экипажи тогда были очень низкіе, и заглянуть въ нихъ было очень удобно.

Можетъ быть, открыты слѣды заговора? Можетъ быть, ищутъ какое нибудь подозрительное лицо, скрывающееся у кого нибудь изъ знати? Можетъ быть, ищутъ самого претендента?

Самъ вышелъ къ Ватеръ-Лэну и здѣсь встрѣтилъ экипажъ, на которомъ увидѣлъ гербъ Ратклифовъ графовъ Дервенватеровъ, игравшихъ нѣкогда въ исторіи Шотландіи такую важную роль. Самъ не разъ видѣлъ леди Арабеллу въ этомъ экипажѣ. Онъ торопливо догналъ его и заглянулъ внутрь. — тамъ не было никого. Значитъ, легко можетъ быть, что леди Арабеллы дѣйствительно не было дома, когда онъ у нея былъ. Но какимъ образомъ леди Ратклифъ или Бланка могли заѣхать въ эту мѣстность, куда не ступаетъ ни одна фешёнебльная нога? И почему онъ встрѣтилъ экипажъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Бланка потеряла, какъ онъ думалъ, нѣсколько дней тому назадъ, браслетъ? Возбужденный этимъ рядомъ встававшихъ въ его головѣ бѣглыхъ мыслей, молодой адвокатъ пошелъ по Ватеръ-Лэну, осматривая чуть не каждое окно, каждый камень, каждую лужу на этой грязной улицѣ. Дома здѣсь были узкіе и необыкновенно высокіе; каменныя лѣстницы спускались отъ подъѣздовъ почти до середины и безъ того узкой мостовой. На каждые три дома приходилось по тавернѣ, изъ которыхъ Самъ не могъ не обратить вниманіе на «Морскую дѣву». Неужели Бланка, изящная версальская француженка, дѣйствительно здѣсь бываетъ? Не можетъ быть. А между тѣмъ, еслибы она здѣсь бывала, то безъ сомнѣнія пріѣзжала бы въ томъ самомъ экипажѣ, который только что повстрѣчался Саму. Экипажъ повстрѣчался, слѣдовательно, чего добраго, онъ и въ самомъ дѣлѣ возилъ Бланку.

Самъ вспомнилъ, что въ этомъ кварталѣ, благодаря близости Темзы, жили красильщики и прачки. Третьи и четвертые этажи старыхъ домовъ Ватеръ-Лэна были обведены галлереями, на которыхъ, поддуваемое вѣтромъ, колыхалось изъ стороны въ сторону бѣлье, какъ рядъ ночныхъ привидѣній. Здѣсь легко могла жить какая нибудь французская швея, какая-нибудь искусная парижская прачка. Наше время и понятія не имѣетъ о томъ, сколько труда и искусства поглощали въ прошломъ столѣтіи разные кружевные воротники, рукавчики, манжеты и т. п.

Въ сущности безцѣльная и во всякомъ случаѣ безуспѣшная прогулка утомила, наконецъ, Сама. Онъ опять дошелъ до Ламбет-стрита, откуда уже исчезли подозрительныя физіономіи полисменовъ. Самъ завернулъ въ «Морской дѣвѣ», у входа въ которую высился огромный деревянный женскій бюстъ. Общество онъ засталъ въ этой шумной тавернѣ довольно смѣшанное. Тутъ были матросы, штурмана, таможенные досмотрщики, нѣсколько городскихъ обывателей, разсчитывавшихъ найдти здѣсь портеръ и эль получше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наконецъ,

два, три безногіе офицера, пріобрѣвшіе свои деревяшки въ недавнихъ сраженіяхъ при Рамильи и Мальплякэ. Были и женщины, конечно, не претендовавшія на безупречную репутацію.

Самъ сидѣлъ уже съ полчаса въ этой компаніи, окруженный густою табачною атмосферой и лѣниво потягивая свой стаканъ элю. Ему вспомнились Робертсоны, и онъ раздумывалъ о послѣдствіяхъ своей женитьбы на Элеонорѣ. Отъ этихъ соображеній онъ былъ отвлеченъ приходомъ двухъ странныхъ молодыхъ людей, сдѣлавшихъ нѣсколько шаговъ по тускло-освѣщенной масляными лампами комнатѣ и тотчасъ же повернувшихъ назадъ. Немедленно вслѣдъ за ихъ уходомъ поднялись трое изъ посѣтителей «Морской дѣвы», очевидно, дожидавшихся двухъ первыхъ, и вышли слѣдомъ. Не могло быть сомнѣнія, что стройные молодые люди принадлежали къ общественному слою, неимѣвшему ничего общаго съ обычными посѣтителями шинковъ. Въ старшемъ нетрудно было узнать переодѣтаго офицера; его выдавали и его осанка и шпоры, звенѣвшія на высокихъ сапогахъ.

Самъ невольно обратилъ вниманіе на какое-то соглашеніе, очевидно, существовавшее между этими пятью лицами. Но въ особенности поразили его физіономіи и фигуры двухъ молодыхъ людей, своимъ приходомъ подавшихъ по всѣмъ видимостямъ какой-то знакъ остальнымъ тремъ. Одного изъ нихъ Самъ призналъ тотчасъ же. Это былъ сынъ леди Арабеллы, молодой капитанъ шотландской гвардіи, Яковъ Ратклифъ графъ Дервенватеръ. Самъ его часто видалъ въ домѣ его матери и кромѣ того еще недавно встрѣчался съ нимъ въ Эдинбургѣ. Графъ ходилъ обыкновенно съ голыми колѣнями, въ пледѣ, шотландской шапкѣ, словомъ, въ обычномъ костюмѣ горныхъ шотландцевъ, но на этотъ разъ онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ лондонскіе жители. Это не помѣшало Саму его узнать. Но кто былъ его спутникъ? Бѣлизна его кожи, его стройная, маленькая фигура составляли рѣзкій контрастъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица, высокимъ ростомъ и широкими плечами молодаго воина. Шляпа незнакомца была надвинута почти на глаза. Двѣ мысли, другъ друга перебивая, пробѣжали въ головѣ Сама: вопервыхъ, это— переодѣтая женщина, вовторыхъ —эта переодѣтая женщина — Бланка Шамфлери!

Самъ бросился изъ «Морской дѣвы» и скоро почти догналъ таинственную группу. Между ними было уже какихъ нибудь двадцать шаговъ, а Самуилъ все прибавлялъ шагу, что̀ не ускользнуло отъ вниманія преслѣдуемыхъ. Графъ Дервенватеръ сначала обернулся и хотѣлъ пропустить Сама впередъ, но узнавъ

его въ свою очередь, ускорилъ шаги. Молодому незнакомцу, котораго Самъ принималъ за переодѣтую Бланку, приходилось подпрыгивать, чтобы не отстать отъ товарищей. Всѣ пятеро повернули за уголъ и очутились въ мрачной улицѣ, въ которой не видно было ни души. Самъ шелъ слѣдомъ.

— Капитанъ! капитанъ! крикнулъ онъ, съ свойственной ему рѣшительностью, на всю улицу.

Трое спутниковъ графа Дервенватера и предполагаемой Бланки обнажили шпаги, а графъ быстро дернулъ звонокъ у дверей одного изъ домовъ. Это былъ мрачный, точно нежилой домъ съ узкими балконами на первомъ и второмъ этажахъ, со сводчатою готическою дверью и многочисленными навѣсами. Нетолько крыша, но и стѣны его были выложены черепицей.

Предполагаемая Бланка, повернувшись къ Саму спиной, прижалась къ двери и видимо ждала, чтобы дверь пріотворили хоть чуть-чуть, чтобы проскользнуть внутрь дома.

— Капитанъ! Что̀ вы здѣсь дѣлаете? Куда вы ведете виконтессу Шамфлери?! крикнулъ еще разъ Самъ, тоже хватаясь за шпагу.

Онъ совсѣмъ уже подошелъ къ молодому незнакомцу, спутники котораго пытались его остановить. Завязалась борьба, какъ вдругъ дверь отворилась, и графъ, Бланка, трое ихъ товарищей и Самъ Мордаунтъ въ жару борьбы всѣ вмѣстѣ, какъ клубокъ, ввалились въ домъ.

Когда кое-кто изъ сосѣдей, разбуженные суматохой, выглянули изъ оконъ, на улицѣ было уже все тихо. Была уже ночь. Улица эта называлась Фичъ-ленъ-винкль. Что же касается до дома, у дверей котораго происходила возня, то въ немъ только что поселился зубной врачъ, французъ Ришаръ.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ГЕЙНЕ[1].

I.

Ты смотришь на меня, о дѣвушка моя,
Все отгадавшими, прекрасными глазами...
Да, ты права! Есть бездна между нами:
Ты такъ добра, чиста, — такъ золъ и гадокъ я!

Такъ гадокъ я, такъ желчь мою волнуетъ кровь!
Въ даръ отъ меня лишь смѣхъ холодный получала
Та, что̀ была всегда и кротость, и любовь,
И даже, ахъ, ни разу не солгала!

II.

День цѣлый я думалъ о милой моей,
Я думалъ о ней и полъ-ночи;

[1] Въ 1-мъ нумерѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года мы познакомили читателей съ содержаніемъ главныхъ статей въ *прозѣ*, вошедшихъ въ составъ посмертнаго тома сочиненій Гейне. Предлагаемъ теперь переводъ лучшихъ стихотвореній, сгруппировавъ ихъ сообразно содержанію: именно, первыя семь служатъ какъ бы дополненіемъ къ извѣстной «Книгѣ Пѣсень», затѣмъ, слѣдуютъ пять сатирическаго содержанія и, наконецъ, четыре относятся къ тому циклу, который поэтомъ озаглавленъ и въ прежнихъ его стихотвореніяхъ «Lazarus», и въ который введены стихотворенія, написанныя среди страшныхъ мученій болѣзни. При этомъ считаемъ нелишнимъ напомнить, что три изъ этихъ посмертныхъ стихотвореній, именно поэма «Бимини», «Странствующія Крысы» и «Дикій хаосъ» уже напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» (см. 12 № прошедшаго года и 1 № нынѣшняго). Есть еще нѣсколько стихотвореній, которыя покамѣсть остались непереведенными по разнымъ обстоятельствамъ. *П. В.*

Когда же сомкнулись усталыя очи,
Примчало меня сновидѣніе къ ней.

Цвѣтетъ, какъ весенняя роза, она,
Сидитъ такъ спокойно, склонивши головку
Къ канвѣ и, безмовнаго счастья полна,
Прилежно на ней вышиваетъ коровку.

И смотритъ такъ кротко... Загадочно ей,
Что̀ значитъ мой видъ безнадежно-унылый?
«Какъ блѣденъ ты, Генрихъ! Скажи мнѣ скорѣй,
Скажи мнѣ, *гдѣ* боль твоя, милый?»

И смотритъ такъ кротко... Не можетъ понять,
О чемъ ея милый безмолвно рыдаетъ...
«Какъ горько ты плачешь! Скажи, *кто* страдать,
Мой Генрихъ, тебя заставляетъ?»

И взоръ ея кротко спокоенъ... А я —
Почти въ агоніи. «Страдать такъ жестоко
Пришлось отъ тебя, дорогая моя,
А боль — въ эту грудь забралася глубоко».

Тутъ, вставши торжественно съ мѣста, она
На грудь положила мнѣ руку, —
И вдругъ уничтожила страшную муку,
И весело я пробудился отъ сна.

III.

Когда два сердца разобьются,
На небѣ звѣздочки смѣются,
Смѣются въ выси голубой
И говорятъ между собой:

«Отъ всей души другъ друга любятъ
Бѣдняжки-люди, но и губятъ
Себя любовью; имъ она
На гибель только и дана.

«Изъ насъ никто не ощущаетъ
Любви, которая терзаетъ
Людскія души и умы —
И оттого безсмертны мы».

IV.

Зеленѣютъ лѣсъ и поле,
Свищетъ птичка въ высотѣ.
Вотъ весна въ своей блестящей,
Ароматной красотѣ.

И отъ свиста птички таетъ
Мой замерзшій духъ, — и вотъ
У меня изъ сердца грустно
Пѣсня — жалоба встаетъ.

Птичка свищетъ: «Что̀ поешь ты
Такъ печально, такъ чудно̀?»
Ахъ, малютка, эту пѣсню
Я пою уже давно.

Я пою, съ печалью въ сердцѣ,
Въ темной рощѣ, у ручья,
Эту пѣсню ужь слыхала
Даже бабушка твоя.

V.

Бѣгство.

Освѣщенныя луною,
Волны искрятся въ рѣкѣ;
Милый съ милою несутся
Быстро, въ утломъ челнокѣ.

— Ты блѣднѣешь и блѣднѣешь
Ненаглядная моя!

— Милый! Слышишь? нагоняетъ
Насъ отцовская ладья...

— Бросимъ челнъ и вплавь скорѣе,
Ненаглядная моя!
— Милый! брань отца, и крики,
И проклятья слышу я!

— Голову держи повыше,
Ненаглядная моя!
— Милый! мнѣ ужь въ уши входитъ
Леденящая струя!

— У меня нѣмѣютъ ноги,
Ненаглядная моя!
— Милый! смерть въ твоихъ объятьяхъ
Съ наслажденьемъ встрѣчу я!

VI.

То счастье, что меня вчера еще лобзало,
Сегодня вдругъ пропало безъ слѣда...
Ахъ, небо вѣрною любовью никогда
На долгій срокъ меня не надѣляло!

Въ объятія мои ужь не одну
Толкала любопытства сила;
Но каждая, взглянувши въ глубину
Моей души, сейчасъ же уходила.

Однѣ ушли, насмѣшливо шутя,
Другія — вздрогнувъ отъ испуга,
И, Китти, только ты, ты, покидая друга,
Рыдала, какъ дитя.

VII.

Блаженства человѣкъ исполненъ
И очень человѣкъ слабѣетъ,

Когда, имѣя трехъ любовницъ,
Онъ только двѣ ноги имѣетъ.

Къ одной изъ нихъ бѣгу я утромъ,
Къ другой — при наступленьи ночи,
А третья въ полдень ужь приходитъ
Сама ко мнѣ... Совсѣмъ нѣтъ мочи!

Прощай, возлюбленная тройка!
Я только двѣ ноги имѣю...
Иду въ деревню наслаждаться
Природой милою моею!

VIII.

Ты знаешь хорошо, о мопсикъ,
Что крѣпко я тебя люблю;
Ты руку лижешь мнѣ, когда я
Тебя конфектами кормлю.

И по наружности, и въ сердцѣ
Псомъ остаешься ты всегда;
Мои пріятели другіе
Всѣ лицемѣрятъ безъ стыда.

IX.

Отступнику.

Священный молодости пылъ!
Какъ быстро ты себя смирилъ —
И, взвѣсивъ дѣло хладнокровно,
Съ врагомъ сошелся полюбовно!

И вотъ, ты пресмыкаться сталъ
Предъ тѣмъ, кого ты презиралъ,

Кого еще вчера ты съ нами
Стремился растоптать ногами!

О, ужь всегда конецъ такой
Отъ чтенья Шлегелей, и Бурка,
И Галлера... Вчера — герой,
Сегодня — подлая фигурка!

X.

Политическому поэту.

Поешь ты, какъ въ старое время Тиртей,
Весь полный геройской отваги своей,
Но время для пѣнья и публики кругъ
Совсѣмъ неудачно ты выбралъ, мой другъ.

Она съ одобреньемъ внимаетъ всегда
И даже въ восторгѣ кричитъ иногда,
Что много въ идеяхъ твоихъ красоты,
Что съ формой отлично справляешься ты.

Случается также, — за рюмкой вина
Тебя на *ура*! подымаетъ она
И пѣсню, въ которой зовешь ты на бой,
Во всю свою глотку реветъ за тобой.

Рабъ любитъ въ трактирѣ, въ компаньи своихъ,
Пѣть громкія пѣсни свободы: отъ нихъ
И пища въ желудкѣ варится скорѣй,
И пиво и водка гораздо вкуснѣй!

XI.

Эдуарду Г.

Ну, вотъ, наградами засыпанъ ты совсѣмъ:
Чины и ордена, быть можетъ даже званье

Сіятельства, въ гербѣ — дворянскій древній шлемъ...
Но для меня, ты все — ничтожное созданье.

На благородство чувствъ, которое умно
И ловко ты привилъ къ себѣ въ такомъ излишкѣ,
Я холодно смотрю, хотя блеститъ оно
Какъ запонка — брильянтъ въ филистерской манишкѣ.

Ахъ, подъ мундирною одеждой золотой
Сидитъ не кто иной, — я знаю это вѣрно,
Какъ голый человѣкъ, весь хилый и больной,
Кряхтящій, стонущій, влачащій жизнь мизерно.

Я знаю, что, какъ всѣ, не можешь ты и дня
Безъ пищи обойтись, что нуждъ другихъ природныхъ
Ты рабъ такой, какъ всѣ, — отстань же отъ меня
Съ трескучей болтовней о чувствахъ благородныхъ!

XII.

Добрый совѣтъ.

Выводя ословъ на сцену въ басенкахъ твоихъ
Называй ты поименно каждаго изъ нихъ;
А иначе выйдетъ плохо: вдругъ изъ всѣхъ угловъ
Набѣгутъ къ твоей картинѣ дюжины ословъ.
Зареветъ сейчасъ же каждый, впавши въ ярый гнѣвъ:
«Ахъ, *мои* вѣдь это уши! Этотъ мерзкій ревъ —
Голосъ *мой*! Оселъ-то этотъ — *я*, ей-Богу, я,
И меня сейчасъ узнаетъ родина моя,
Несмотря на то, что скрыто прозвище мое!
Я въ ослѣ представленъ этомъ, я... І—йо! І—йо!»
Одного скота хотѣлъ ты пощадить — и вотъ
На тебя сейчасъ же стадо цѣлое реветъ!

XIII.

Средневѣковую грубость
Вытѣсняетъ эстетичность;
Фортепьяно — нынче главный
Инструментъ образованья.

И желѣзныя дороги
Для семейной жизни — благо:
Съ ними легче намъ держаться
Отъ родныхъ своихъ подальше.

Какъ мнѣ жалко, что сухотка
Моего хребта спиннаго
Скоро мнѣ велитъ покинуть
Міръ столь крупнаго прогресса!

XIV.

Когда насосется ужь досыта пьявка,
Насыпьте ей на спину соли — и вдругъ
Она отвалится отъ вашего тѣла...
Но чѣмъ отъ тебя я избавлюсь, мой другъ?

Мой другъ, мой патронъ, кровопійца мой старый,
Ахъ, гдѣ бы мнѣ соли найти для того,
Чтобъ кончить съ тобою? Ты высосалъ нѣжно
Весь мозгъ изъ спиннаго хребта моего.

И какъ исхудалъ! Какъ высохъ! Несчастный,
Мизерный скелетъ! Но за то накормилъ
По горло я друга... Какой онъ румяный!
Какое брюшко у себя отростилъ!

О, Боже, пошли мнѣ бандита любого!
Пусть разомъ зарѣжетъ меня молодецъ!...

Но этой противнѣйшей пьявки сосанье...
Нѣтъ силъ... Отпадетъ ли она наконецъ?

XV.

Смерть подошла! Теперь, теперь скажу я смѣло,
То, что̀ изъ гордости таилъ внутри себя:
Лишь для тебя во мнѣ, Марія, для тебя
И билось сердце, и горѣло!

Мой гробъ готовъ. Идутъ въ могилу опускать...
Тамъ отдыхъ, наконецъ, найду я, —
Но ты, Марія, ты, — ты обо мнѣ, тоскуя
И плача, будешь вспоминать.

И даже, можетъ быть, не разъ заломишь руки...
Утѣшься, другъ, всему, что̀ честно, и умно,
И благородно, — знать лишь муки
И жалко гибнуть суждено!

XVI.

Умирающій.

Убито все въ груди моей:
И къ благамъ суетнымъ стремленье,
И ненависть и отвращенье
Къ тому, что̀ зло и гадко; — ей
Ужь нынче стали даже чужды
Моя нужда, чужія нужды, —
Все, все лежитъ въ могильномъ снѣ —
И только смерть живетъ во мнѣ!

Спектакль оконченъ весь. Завѣсу
Спустили и, прослушавъ пьесу,
Любезный нѣмецъ — зритель мой
Идетъ, зѣваючи, домой.

О, милые друзья не глупы:
На ихъ столахъ дымятся супы
И сядутъ ужинать они
Среди веселой болтовни.
Ахъ, древній витязь благородный,
Ахъ, какъ ты былъ глубоко правъ,
Изъ устъ Гомера провѣщавъ:
Филистеръ, никуда негодный,
Но свѣта бѣлаго жилецъ,
Счастливѣй въ городишкѣ скромномъ,
Чѣмъ я, Пелидъ, герой — мертвецъ,
Владыка въ царствѣ ада темномъ.

П. Вейнбергъ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866)[1].

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

1848—1866.

Германія въ тысяча-восемьсотъ-сорокъ-восьмомъ году.

Германія чувствуетъ потребность въ политическихъ реформахъ. Волненіе умовъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Перемѣны въ Виртембергѣ, Нассау, Гессенѣ; съѣздъ «пятидесяти мужей» въ Гейдельбергѣ 5-го марта 1848 г. Комитетъ «семи мужей». Новыя уступки нѣмецкихъ государей общественному мнѣнію. Уступчивость германскаго союзнаго сейма. Политическое положеніе Австріи до 1848 года. Венгерская оппозиція въ 1848 году. Рѣчь Кошута 3-го марта 1848. Начало волненіи въ Вѣнѣ. Уступчивость австрійскаго императора. Отставка Меттерниха. Императорскій патентъ съ обѣщаніями реформъ. Политическое состояніе Пруссіи до 1848 года. Сходки въ зоологическомъ саду. Кровопролитныя столкновенія войска съ народомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV дѣлаетъ уступки общественному мнѣнію. Королевскій патентъ съ обѣщаніями реформъ. Торжество 21-го марта. Похоронная процессія 22-го марта. Перемѣны въ Саксоніи и Ганноверѣ. Баварскій король Людвигъ и Лола Монтесъ. Перемѣны въ Баваріи. Министерсто Кампгаузена въ Пруссіи. Предварительный парламентъ во Франкфуртѣ, 31-го марта 1848. Революціонныя демократическія движенія въ югозападной Германіи. Неудачи Геккера и Струве. Шлезвигъ и Голштинія выражаютъ желаніе отдѣлиться отъ Даніи. Смуты въ Познани и Краковѣ. Выборы въ нѣмецкое учредительное собраніе. Открытіе нѣмецкаго учредительнаго собранія, 18-го мая 1848. Эрцгерцогъ Іоаннъ избранъ въ блюстители нѣмецкой имперіи. Борьба и перемиріе нѣмцевъ съ датчанами. Смуты во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, 17-го сентября 1848 года. Прусское учредительное собраніе въ Берлинѣ 22-го мая 1848. Смуты въ Берлинѣ 15-го іюня. Министерство Пфуля. Кровопролитіе въ Берлинѣ 16-го октября. Министерство графа Бранденбурга. Протестъ демократовъ. Перенесеніе учредительнаго собранія изъ Берлина въ Бранденбургъ. Прусская жалованная конституція. Австрійская конституція 25-го апрѣля. Смуты въ Вѣнѣ. Отъѣздъ императора въ Иннсбрукъ 17-мая 1848. Новыя смуты въ Вѣнѣ 26-го мая. Пиллерсдорфъ и вѣнская демократія. Славянское движеніе въ 1848 году. Съѣздъ славянъ въ Прагѣ, 31-го мая. Пражское возстаніе. Торжество Виндишгреца. Эрцгерцогъ Іоаннъ назначенъ намѣстникомъ императора въ Вѣнѣ. Открытіе австрійскаго учредительнаго національнаго собранія въ Вѣнѣ, 10 іюля. Возвращеніе императора въ столицу. Смуты въ Вѣнѣ 21-го августа. Закрытіе комитета безопасности. Положеніе крестьянъ въ Австрійской имперіи. Пренія въ учредительномъ собраніи объ освобожденіи крестьянъ. Разрывъ между австрійскимъ правительствомъ и Венгріей. Сочувствіе вѣнскихъ демократовъ венгерскому возстанію. Столкновеніе между войскомъ и національною гвардіей 6-го октября. Умерщвленіе военнаго министра Латура. Императоръ удаляется въ Ольмюцъ. Виндишгрецъ подступаетъ къ Вѣнѣ. Конецъ вѣнскаго возстанія. Торжество реакціи.

Событія, совершившіяся во Франціи въ концѣ февраля 1848 года, не могли остаться безъ вліянія на Германію, гдѣ давно

---

[1] См. «Отеч. Зап.» № 12, 1869 г.

уже обнаруживалось недовольство устарѣлыми государственными учрежденіями. Между правительствами и народами Германіи все еще не было той нравственной связи, которую обѣщали когда-то утвердить основатели священнаго союза. Политическая система Меттерниха находила все больше и больше противниковъ, германскій союзный сеймъ падалъ все ниже и ниже въ общественномъ мнѣніи. Лучшіе писатели Германіи старались поднять національное чувство нѣмцевъ и укрѣпить друзей справедливости въ борьбѣ съ произволомъ. Недовольство общественнымъ и государственнымъ строемъ проникло въ самыя темныя массы народа и обнаружилось рядомъ возстаній, въ 1846 и 1847 годахъ, по поводу голода и дороговизны. Чего же хотѣло общественное мнѣніе? Оно хотѣло отмѣны феодальныхъ повинностей, тяготѣвшихъ надъ большинствомъ крестьянъ въ Германіи, установленія гражданской и политической свободы и соединенія отдѣльныхъ частей Германіи въ одно федеральное государство.

Быстрое окончаніе швейцарской междоусобной войны, торжество либеральныхъ кантоновъ и основаніе въ Швейцаріи единаго союзнаго государства на умѣренно-демократическихъ началахъ, — все это не могло не имѣть вліянія на настроеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи: нѣмцы давно уже помышляли совершить то же самое у себя дома, лишь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Надолго, можетъ быть, дѣло ограничивалось бы восторженными патріотическими пѣснями нѣмецкихъ поэтовъ и либеральными рѣчами профессоровъ, еслибы французская революція не дала Германіи внѣшняго толчка, возбудившаго въ нѣмцахъ надежду на скорое осуществленіе ихъ желаній.

Сочувствіе французской революціи прежде всего обнаружилось въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, населеніе котораго отличается особенною живостію и политическою подвижностію. Еще въ сентябрѣ 1847 года, когда Францію занималъ вопросъ о парламентской реформѣ, въ баденскомъ городкѣ Оффенбургѣ адвокатъ Геккеръ излагалъ, на публичной многолюдной сходкѣ, свои мысли о необходимости народнаго самоуправленія, объ обезпеченіи труда со стороны государства, о прогрессивномъ и подоходномъ налогѣ, о національной гвардіи. Въ половинѣ февраля 1848 года, въ баденскомъ парламентѣ депутатъ Бассерманъ доказывалъ необходимость учрежденія общегерманскаго представительнаго собранія. 27-го февраля баденскіе патріоты собрались въ Маннгеймъ, потолковать о нуждахъ отечества. Руководителемъ преній избранъ былъ умѣренный

демократъ Итцштейнъ, и по его-то предложенію составленъ былъ на сходкѣ адресъ, на имя великаго герцога баденскаго, заключавшій въ себѣ просьбу объ установленіи свободы печати, о введеніи суда присяжныхъ и о всеобщемъ вооруженіи гражданъ. Не всѣ, собравшіеся на сходку, одобрили редакцію адреса. Крайніе демократы, во главѣ которыхъ былъ Струве, издатель журнала «Зритель», толковали о правѣ всѣхъ и каждаго не только на свободу, но еще на образованіе и благосостояніе, и мирились только съ полнымъ соціальнымъ переворотомъ. Тѣмъ не менѣе адресъ былъ покрытъ достаточнымъ количествомъ подписей и представленъ, чрезъ депутата Шлоссера, баденской палатѣ. Въ то же время депутатъ Суаронъ внесъ въ палату прошеніе о правѣ сходокъ, о равноправности всѣхъ религіозныхъ сектъ и общинъ, объ установленіи правильныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Представители страны отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ этимъ заявленіямъ, министры же обнаружили готовность уступить разумнымъ требованіямъ народа. Немедленно возстановлена была свобода печати, согласно закону 28-го декабря 1831 года. Вслѣдъ за тѣмъ провозглашены были законы о всенародномъ вооруженіи, объ отвѣтственности министровъ, объ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, объ обязанности чиновниковъ и войска присягать на вѣрность конституціи. Всѣ эти уступки приняты были народомъ съ благодарностію, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, національная гвардія, всюду организованная, ревностно охраняла этотъ порядокъ. Крайніе демократы и соціалисты не были довольны уступками правительства и, 19-го марта, устроили въ Оффенбургѣ сходку, для обсужденія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. На сходку эту прибыло со всей Германіи болѣе 15,000 человѣкъ. Ораторы обсуждали множество важныхъ предложеній, изъ которыхъ самыми радикальными были: уничтоженіе верхней палаты, удаленіе всѣхъ реакціонныхъ депутатовъ изъ нижней палаты, слитіе регулярныхъ войскъ съ національною гвардіей. Ораторы и слушатели разошлись въ отмѣнномъ порядкѣ, не принявъ никакого положительнаго рѣшенія. Но вскорѣ распространенъ былъ во множествѣ экземпляровъ, неизвѣстно кѣмъ составленный, манифестъ, доказывавшій необходимость установить въ Германіи республиканскую форму правленія. «Громадные годовые оклады содержанія, чрезмѣрныя траты на войско, цѣлые легіоны чиновниковъ и государственныхъ пенсіонеровъ, министры съ царскими окладами жалованья, расточительные и безполезные посланники, цѣлый рой явныхъ и

тайныхъ полицейскихъ агентовъ и шпіоновъ, громадные расходы на взиманіе всевозможныхъ косвенныхъ налоговъ, — вотъ непроизводительныя статьи, отъ которыхъ освободила бы Германію республиканская форма правленія». Такъ взывали къ народу радикалы, но всѣ подобныя краснорѣчивыя воззванія не могли поколебать въ немъ покорности властямъ, а потому многіе изъ радикаловъ удалились за Рейнъ, дабы призвать подъ республиканское знамя проживавшихъ во Франціи нѣмцевъ.

Примѣру баденскаго послѣдовало виртембергское правительство: перваго марта виртембергскій король отмѣнилъ цензуру, а втораго — объявилъ, что охотно исполнитъ всѣ, сообразныя съ духомъ времени, желанія народа. Желанія же эти, выраженныя въ многочисленныхъ прошеніяхъ на имя короля и палаты, заключались въ слѣдующихъ реформахъ: даровое воспитаніе и образованіе для всѣхъ, покровительство труду и гарантія труда, отмѣна всякихъ привиллегій, право сходокъ, всенародное вооруженіе, подоходный налогъ. Общественное мнѣніе съ восторгомъ приняло декретъ о свободѣ печати и съ довѣріемъ отнеслось къ дальнѣйшимъ обѣщаніямъ.

Въ великомъ герцогствѣ Гессенъ-Дармштадтскомъ правительство обнаружило ту же уступчивость, обѣщало тѣ же реформы и кромѣ того—судъ присяжныхъ. Порукою за исполненіе всѣхъ этихъ обѣщаній было новое министерство, во главѣ котораго стоялъ Генрихъ Гагернъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ дѣятелей тогдашняго времени.

Въ Висбаденѣ, нассауской столицѣ, народъ, въ отсутствіе герцога, потребовалъ отъ министровъ цѣлаго ряда реформъ, и между прочимъ: свободы печати, свободы сходокъ, гласнаго и устнаго судопроизводства съ присяжными, всенароднаго вооруженія. Министръ Дунгернъ согласился на всенародное вооруженіе и свободу печати; герцогиня-мать обѣщала исполненіе остальныхъ народныхъ требованій; герцогъ же, по возвращеніи своемъ въ Висбаденъ, утвердилъ всѣ, сдѣланныя его именемъ, уступки. Замѣчательно, что свобода печати составляетъ одно изъ главныхъ требованій общественнаго мнѣнія въ 1848 году: союзный германскій сеймъ не могъ не видѣть этого, и уже 3-го марта вынужденъ былъ объявить, что «всякое нѣмецкое государство вольно уничтожить цензуру».

Курфюрстъ Гессенскій Фридрихъ-Вильгельмъ I не хотѣлъ знать ни о какихъ реформахъ. Депутаты, явившіеся 3-го марта изъ многихъ провинцій курфюршества въ Кассель, съ просьбою о перемѣнѣ министерства, о распущеніи палаты, объ амнистіи по-

литическимъ арестантамъ, о свободѣ политическихъ и религіозныхъ сходокъ, о свободѣ совѣсти, — всѣ эти депутаты получили отказъ. Курфюрстъ дѣлалъ видъ, что презираетъ народныя желанія и грозилъ двинуть всѣ войска свои на Ганау, гдѣ составился уже народный комитетъ, грозившій правительству упорнымъ сопротивленіемъ. Угрозы не дѣйствовали, не помогали и уступки, на которыя наконецъ курфюрстъ рѣшился, правда, неохотно и со всевозможными оговорками. Народный комитетъ, поддержанный сочувствіемъ всего ганаускаго и кассельскаго населенія, представилъ, 7-го марта, курфюрсту ультиматумъ, въ которомъ прямо было высказано, что «народъ недовѣряетъ его высочеству, такъ-какъ законныя требованія народа имъ отвергнуты». Изъяснивъ, въ чемъ именно заключаются эти требованія, ультиматумъ гласилъ: «вашему высочеству дается трехдневный срокъ, по истеченіи котораго ваше молчаніе будетъ принято за знакъ отказа. Настало время, когда ваши намѣренія должны обнаружиться. Не медлите ни минуты, уступите то, чего отъ васъ требуютъ. Благомыслящіе люди говорятъ вамъ, что народное волненіе достигло страшныхъ размѣровъ. Сосѣдніе города шлютъ въ Кассель вооруженныхъ людей». Курфюрстъ оказался непреклоннымъ; ганаускіе депутаты готовы уже были воротиться домой, какъ въ Касселѣ вспыхнуло возстаніе. Народъ окружилъ дворецъ курфюрста. Этотъ послѣдній, видя, что все колеблется около него, объявилъ народу, что исполнитъ его требованія, совершитъ всѣ необходимыя реформы и призоветъ въ министерство людей, пользующихся довѣріемъ народнымъ.

Въ то же время, важныя реформы совершены были въ Зигмарингенѣ, Ольденбургѣ и въ четырехъ вольныхъ городахъ Германскаго Союза. Но всѣ эти реформы, всѣ попытки освободить германскій народъ не повлекли бы за собой никакихъ важныхъ послѣдствій, еслибы движеніемъ не овладѣли искусные руководители. Старая либеральная или конституціонная партія въ юго-западной Германіи съ самаго начала умѣла стать во главѣ революціоннаго движенія и удержать требованія народа въ извѣстныхъ границахъ. По приглашенію, вышедшему изъ Маннгейма, либеральные депутаты многихъ нѣмецкихъ сеймовъ и конституціонныхъ палатъ, а также и многія другія лица, воодушевленныя патріотическимъ чувствомъ, собрались 5-го марта въ Гейдельбергъ, посовѣтоваться о нуждахъ Германіи. Между собравшимися на этотъ съѣздъ наиболѣе извѣстны: Гервинусъ, Итцштейнъ, Струве, Геккеръ, Бассерманнъ, Велькеръ, Суаронъ, Рёмеръ, Генрихъ фонъ-Гагернъ, Кирхгеснеръ, Гангеманъ; всѣхъ

же собралось пятьдесятъ-одинъ человѣкъ. Они обратились къ нѣмецкому народу съ такимъ воззваніемъ: «Пятьдесятъ депутатовъ отъ различныхъ государствъ Германіи, собравшись въ Гейдельбергъ, обсуждали важные вопросы нашего времени. Они согласились въ томъ, что Германія не должна вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Нѣмцы не должны отказывать другимъ народомъ въ независимости и свободѣ, которыхъ сама Германія требуетъ для себя. Необходимо созвать національное собраніе, котораго членами должны быть избранники народа». Депутаты рѣшились обратиться къ своимъ правительствамъ съ приглашеніемъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Они учредили коммисію изъ семи членовъ, съ цѣлію изготовить проектъ обще-германскаго народнаго представительства. Въ число членовъ «коммисіи семи» попали между прочими: Гагернъ, Итцштейнъ, Рёмеръ, и Велькеръ.

Правители Германіи сочли за лучшее привлечь на свою сторону руководителей движенія. Они призвали въ свои министерства умѣренныхъ либераловъ и тѣмъ оградили себя отъ опасности со стороны крайнихъ. Оппозиціонные виртембергскіе депутаты Рёмеръ, Пфиццеръ и Дювернуа получили въ Виртембергѣ министерскіе портфёли; Велькеръ, лишенный за свои либеральныя убѣжденія профессорской каѳедры, отправленъ былъ въ мартѣ 1848 года во Франкфуртъ уполномоченнымъ посломъ отъ Бадена; Іорданъ, долго содержавшійся за свой либерализмъ въ тюрьмѣ, получилъ такое же почетное назначеніе отъ кургессенскаго правительства. Даже союзный нѣмецкій сеймъ, привыкшій къ произволу и угнетенію свободы, вдругъ вздумалъ принять сообразное съ духомъ времени направленіе и снизойти до уступокъ, чтобы окончательно не потерять авторитета. Марта девятаго, союзный сеймъ объявилъ цвѣта прежняго имперскаго знамени цвѣтами Германскаго Союза и возстановилъ старинный имперскій гербъ. На слѣдующій день постановлено было: «пригласить всѣ союзныя правительства къ созванію именитыхъ мужей, пользующихся особымъ довѣріемъ, которые бы могли положить начало преобразованію сейма на новыхъ началахъ, сообразныхъ съ духомъ времени».

Какъ ни быстро распространялось революціонное движеніе въ западной и южной Германіи, оно не имѣло бы великаго значенія, еслибы не вовлекло въ свой круговоротъ Австріи и Пруссіи.

Австрійское правительство съ давнихъ поръ стремилось къ тому, чтобы въ подвластныхъ ему народахъ сдерживать всякое умственное движеніе, противодѣйствующее рутинѣ, заградить

всѣ пути, которыми либеральныя идеи могли проникнуть въ Австрію. Но это удалось ему только отчасти. Есть умственныя теченія, которыхъ ничѣмъ не остановишь. Снаружи казалось, что все въ Австріи движется по мѣркѣ, данной правительствомъ; казалось, что идеалъ нравственной и политической неподвижности осуществленъ: церковь, школа, управленіе, полиція, военная дисциплина, всѣ государственныя учрежденія, повидимому, поддерживали въ народѣ чувство зависимости и покорности. Но литература и наука не могли быть совершенно изгнаны изъ Австріи; съ свободными иностранными государствами нельзя было прекратить всякія сношенія; была наконецъ въ большихъ городахъ Австріи живая общительность, было постоянное соприкосновеніе различныхъ національностей, языковъ и нравовъ, которое не допускало полнаго оцѣпенѣнія народнаго духа.

Стыдъ за политическую ничтожность, на которую осуждены были образованные классы населенія Австріи, негодованіе массъ на то унизительное положеніе, въ которое ставили ихъ полиція и администрація, все это давно уже чувствовалось повсюду, хотя правительство и не примѣчало этого. Законы и учрежденія патріархально-политическаго государства оставались тѣ же, но они потеряли прежнюю упругость, износились. Изъ тѣхъ лицъ, кои заправляли ходомъ этой ржавой машины, нѣкоторые утомлялись однообразнымъ и бездушнымъ ея движеніемъ, другихъ же долговременная привычка къ безусловному господству убаюкивала въ лѣнивой безпечности. Такимъ образомъ буря, начавшаяся въ Парижѣ и съ шумомъ пронесшаяся надъ югозападною Германіей, нашла въ Австріи однихъ въ воспламененномъ, другихъ въ какомъ-то оцѣпенѣломъ состояніи: однихъ увлекла впередъ, другихъ ниспровергла при первомъ натискѣ.

Кромѣ Франціи и югозападной Германіи на вѣнскую политику обнаружила вліяніе подвластная Габсбургскому даму страна, Венгрія. Въ Венгріи, въ средѣ самаго привиллегированнаго сословія, образовалось, къ концу сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, сильнѣйшая оппозиція австрійскому абсолютизму. Во главѣ этой оппозиціи стоялъ Людвигъ Кошутъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ, краснорѣчивѣйшихъ и искуснѣйшихъ агитаторовъ. На сеймѣ въ Пештѣ Кошутъ, 3-го марта (1848 г.), произнесъ сильную и смѣлую рѣчь противъ австрійской правительственной системы, и рѣчь эта не только выслушана была съ восторгомъ, но даже распространилась въ публикѣ во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ. «Мы ворочаемъ камень Сизифа — сказалъ между прочимъ ораторъ, — и скорбь о нашей неподвижности

терзаетъ душу мою. Сердце обливается кровью, когда посмотрю, сколько благородныхъ силъ, сколько честныхъ талантовъ истощается въ неблагодарной работѣ, похожей на безплодное верченіе мельничнаго жернова. Вѣнская правительственная система, словно смертоносный вѣтеръ, отравляетъ насъ своимъ дыханіемъ, подавляетъ наши нравственныя силы». Такъ отозвался ораторъ о системѣ Меттерниха. Припомнивъ за тѣмъ многочисленныя жертвы, принесенныя мадьярами австрійскому двору, и указавъ, какъ дурно оцѣнены эти жертвы, ораторъ доказываетъ, что вѣнское правительство должно измѣнить свою политику и вступить на путь реформъ, для своего же собственнаго блага. «Система Меттерниха, сказалъ ораторъ, принадлежитъ къ такимъ, которыя не укрѣпляются отъ времени и для которыхъ наступаетъ наконецъ моментъ, когда поддерживать ихъ опасно. Царствующей въ Вѣнѣ династіи предстоитъ выборъ между своимъ собственнымъ благополучіемъ и гнилою политическою системой. Ничто не можетъ быть такою прочною опорой правительствъ, какъ свобода народовъ, ибо искренно вѣрнымъ можетъ быть только свободный человѣкъ. За любимую династію народы готовы пролить кровь свою, за тягостную же правительственную систему никто воробья не пожертвуетъ. Если же есть въ Вѣнѣ человѣкъ, который, чтобъ удержать свою власть и силу, готовъ вовлечь страну въ тѣсный союзъ съ деспотическими державами, то онъ долженъ понять, что друзья бываютъ иногда хуже враговъ. Я твердо убѣжденъ, что наша царственная династія много выиграетъ, когда различные народы, составляющіе Австрійскую Имперію, соединятся въ братскій союзъ. Основу же этому братству можетъ положить только полноправность каждой національности и конституціонная система, всюду пробуждающая одинаковыя чувства. Чиновники и солдаты не могутъ поддержать братства и единенія».

Депутаты пештскаго сейма составили адресъ, въ которомъ выразили просьбу о пересмотрѣ венгерской конституціи. Свобода устнаго и печатнаго слова, распространеніе избирательнаго права на бо̀льшую часть народонаселенія, отвѣтственность министровъ и всѣхъ органовъ власти, отмѣна всѣхъ феодальныхъ привиллегій дворянства и привлеченіе этого сословія къ уплатѣ поземельной и другихъ прямыхъ податей, равномѣрное и справедливое распредѣленіе всѣхъ общественныхъ повинностей, освобожденіе крестьянъ отъ барщины и помѣщичьихъ оброковъ, основаніе національнаго банка, — такова была про-

грамма венгерской сеймовой оппозиціи, принятая за образецъ во многихъ другихъ областяхъ Австрійской Имперіи.

Чѣмъ болѣе озадачены и встревожены были маститые старцы, засѣдавшіе въ вѣнскомъ государственномъ совѣтѣ, успѣхами французской революціи и вліяніемъ ея на Германію, тѣмъ болѣе старались они выказать свою храбрость, тѣмъ менѣе обнаруживали готовности сдѣлать уступки общественному мнѣнію. Въ вѣнскихъ газетахъ появилась, 4-го марта, полуофиціальная статья, родъ правительственнаго манифеста, въ которомъ февральская революція названа заговоромъ учениковъ Бабёфа, имѣющихъ намѣреніе подвести Францію подъ иго коммунизма. Государственный канцлеръ Меттернихъ велъ переговоры съ прусскимъ чрезвычайнымъ посломъ, генераломъ Радовицемъ, и полагалъ, что слѣдуетъ созвать германскій дипломатическій конгрессъ въ Дрезденѣ, а до поры до времени держаться политики невмѣшательства. Между тѣмъ, въ Вѣнѣ развязались у публики языки, и то, что̀ прежде говорилось шопотомъ, теперь провозглашалось громко на улицахъ; цензура перестала дѣйствовать; полиція струсила. Безсиліе власти было очевидно, и свободолюбцы рѣшили, что настало время важныхъ, коренныхъ преобразованій. Словно эпидемическая лихорадка распространилась въ Вѣнѣ страсть подавать прошенія и адресы правительству; всякое званіе, состояніе, общество сочиняло свой адресъ: книгопродавцы просили объ отмѣнѣ цензуры, промышленное вѣнское общество, въ публичномъ засѣданіи своемъ (8-го марта), выразило желаніе, чтобы правительство тѣснѣе сблизилось съ гражданами.

Совершенно неожиданно для публики, въ либеральномъ движеніи приняли участіе студенты и многіе профессора вѣнскаго университета, прежде весьма мало обращавшіе вниманія на политику. Наука въ Австріи не была въ особенномъ почетѣ; университеты замѣщались плохо, профессорами недаровитыми, угодниками правительства. По недостатку живаго содержанія въ преподаваніи этихъ профессоровъ, университетская молодёжь увлекалась крайне демократическими теоріями, съ жадностію читала статьи Струве и другихъ южно-германскихъ соціалистовъ. Среди всеобщаго волненія вѣнскіе студенты не могли остаться спокойными, и рѣшились, въ свою очередь, подать адресъ правительству. Заявляя готовность жертвовать за отечество жизнію, студенты просили императора установить свободу устнаго и печатнаго слова, свободу преподаванія и вѣроисповѣданій. Профессора Гіе и Эндлихеръ вручили этотъ ад-

ресъ (12-го марта) императору. Отвѣтъ послѣдовалъ ласковый, но уклончивый.

Столь же ново, какъ и внезапное появленіе академическаго юношества на политической аренѣ, было броженіе, обнаружившееся въ средѣ многочисленныхъ рабочихъ, обитавшихъ въ вѣнскихъ предмѣстьяхъ. Рабочіе не могли не сознавать своего тягостнаго положенія, своей бѣдности и зависимости, и воспользовались случаемъ, чтобы заявить свои права на участіе въ политической жизни страны, на образованіе, на благосостояніе посредствомъ труда и на экономическую независимость.

Нижнеавстрійскій сеймъ, котораго открытія теперь, вопреки обычаю, ждали съ нетерпѣніемъ, изготовилъ адресъ къ императору, и въ этомъ адресѣ, обративъ вниманіе на опасное положеніе государства, указалъ на необходимость расширенія земскаго представительства и свободы печати. Утромъ 13-го марта сеймъ открылся, но въ то же время въ зданіе университета (Aula) явилось огромное сборище студентовъ, чтобы узнать, какъ императоръ принялъ, представленное ему Гіе и Эндлихеромъ, прошеніе. Вдругъ изъ среды этой возбужденной толпы поднялся голосъ: «въ ландтагъ!» Шествіе тотчасъ открылось, и многочисленная толпа народа примкнула къ студентамъ. Предводителями всей этой массы были докторъ Гольдмаркъ и врачъ Фишгофъ. Народъ нахлынулъ въ залу засѣданій сейма. Предсѣдатель этого собранія, Монтекукули, старался задобрить толпу, и просилъ Фишгофа выбрать изъ нея двѣнадцать человѣкъ, которые, въ качествѣ свидѣтелей и представителей народа, могли бы присутствовать при совѣщаніяхъ. Многіе члены сейма, вмѣстѣ съ студентами, отправились въ Гофбургъ, просить императора объ удовлетвореніи народныхъ желаній. Засѣданіе было прервано. Въ залѣ, которую оставили члены сейма, образовался изъ гражданъ и студентовъ комитетъ, который, чтобъ воспрепятствовать употребленію военной силы противъ движенія, потребовалъ отъ магистрата немедленнаго составленія городской милиціи. Масса народа, однажды приведенная въ движеніе, все болѣе и болѣе возрастала, и становилась все шумнѣе и безпокойнѣе. По примѣру, поданному Фишгофомъ и Гольдмаркомъ, появились ораторы изъ народной среды. Но эта толпа не была кровожадною и свирѣпою, и, въ сущности, желала только того, чего требовали представители нѣмецкаго конституціонализма въ Маннгеймѣ, Гейдельбергѣ и другихъ мѣстахъ.

Часть гарнизона уже утромъ, когда показались первые при-

знаки безпокойнаго настроенія народной толпы, была изъ казармъ и предмѣстій придвинута къ внутреннему городу. Были привезены пушки; всѣ улицы, ведущія къ Гофбургу, всѣ площади, находящіяся по сосѣдству, заняты были пѣхотой и конницей. Но плана военныхъ дѣйствій составлено не было. При дворѣ хотя и мало понимали нравственное ничтожество меттерниховой системы, почувствовали, однакожь, что она была политической ошибкой, и вызвала опасное положеніе. Стрѣлять въ одну часть безпокойной массы, чтобы устрашить другую, было неудобно, въ виду возбужденнаго состоянія, въ которомъ находилась въ это время не только Австрія, но и цѣлая половина Европы. Впрочемъ, дѣло не обошлось безъ столкновеній. Войско прибыло къ зданію, гдѣ засѣдалъ сеймъ, чтобы защитить это собраніе отъ раздраженной толпы, которая, негодуя на нерѣшительность правительства, нежелавшаго исполнять ея требованій, разломала и опустошила въ зданіи сейма все сверху донизу. Обломки мёбели бросаемы были изъ оконъ въ солдатъ, причемъ народъ не щадилъ и нелюбимаго имъ эрцгерцога Альбрехта, стоявшаго во главѣ вооруженной силы. Отрядъ пѣхоты сдѣлалъ залпъ, и нѣсколько человѣкъ было убито и ранено. Толпа разсыпалась, но скоро снова собралась и напала на войско, впрочемъ, съ оружіемъ, мало для него опаснымъ — съ камнями и кирпичами. Между тѣмъ, депутація за депутаціей отправлялась отъ ландтага и университета къ эрцгерцогамъ Карлу и Людвигу, съ предложеніями мѣръ къ возстановленію спокойствія. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ происходили непрерывныя совѣщанія объ укрощеніи бунта, но никто не могъ придумать что либо дѣльное и цѣлесообразное. Князь Меттернихъ, противъ котораго направлено было все это движеніе, оставался совершенно безучастнымъ зрителемъ событій. Привыкнувъ съ давнихъ лѣтъ къ успѣхамъ, достававшимся безъ всякой борьбы, и часто незаслуженнымъ, Меттернихъ, при первыхъ знаменіяхъ возстанія, почувствовалъ себя какъ будто пришибеннымъ. Онъ сложилъ съ себя, по настоянію эрцгерцога Іоанна, свое высокое званіе (13-го марта), удалился тайно изъ Вѣны, и благополучно прибылъ въ Англію. Впрочемъ, канцлеръ имперіи давно уже пережилъ себя, и, въ послѣдніе годы своего управленія, былъ лишь тѣнью прежняго Меттерниха. Эрцгерцогъ Альбрехтъ и князь Виндишгрецъ вызывались положить конецъ возстанію силою оружія, но императоръ и большинство членовъ императорской фамиліи были склонны къ уступкамъ. Гражданская

гвардія въ Вѣнѣ достигла весьма значительной цифры; находившееся въ городскомъ цейхгаузѣ оружіе было раздѣлено между народомъ, который привыкъ уже видѣть опасность и проливать свою кровь, и, перейдя отъ ужаса къ гнѣву, принялъ вызывающее положеніе по отношенію къ войскамъ. Изъ предмѣстій и близлежащихъ деревень многочисленныя толпы народа нахлынули во внутренній городъ. Еслибы дѣло дошло до борьбы, то Гоффбургъ, сокровища искусства, общественныя зданія,—все подверглось бы разрушенію. Императоръ Фердинандъ, который былъ еще въ то время привязанъ къ своей столицѣ и резиденціи, и лично былъ любимъ въ ней, не хотѣлъ дальнѣйшаго кровопролитія, и согласился, наконецъ, на вооруженіе народа, на свободу печати, и обѣщалъ дать, сообразную съ требованіями времени, конституцію [1] всему австрійскому государству, кромѣ тѣхъ его областей, гдѣ конституція уже существовала и нуждалась лишь въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

13-го марта въ Вѣнѣ было убито и ранено въ разныхъ мѣстахъ до 50-ти человѣкъ — цифра незначительная, если взять во вниманіе громадныя массы народа и войска, стоявшія другъ противъ друга на незначительномъ разстояніи: ни съ той, ни съ другой стороны не было обнаружено никакого личнаго раздраженія. Возбужденная толпа опустошила въ Вѣнѣ только домъ засѣданій ландтага и домъ князя Меттерниха, не воспользовавшись, однако, ни одною изъ находившихся тамъ вещей. Напротивъ, въ предмѣстьяхъ чернь, вмѣстѣ съ выпущенными изъ тюремъ арестантами, разграбила многіе уединенно стоявшіе дома, превратила въ пепелъ таможни, и употребила насилія противъ многихъ чиновниковъ этого вѣдомства. Впрочемъ, насиліямъ скоро положенъ былъ конецъ вооруженными гражданами и студентами. Пойманные и уличенные въ грабежѣ были немедленно посажены въ тюрьмы внутренняго города.

15-го марта, императоръ Фердинандъ, въ сопровожденіи брата своего и его сына, нынѣшняго императора Франца-Іосифа, въ открытомъ экипажѣ совершилъ прогулку по городу, во время которой народъ встрѣчалъ его заявленіями самой горячей привязанности. Патентъ съ сдѣланными Фердинандомъ уступками и обѣщаніями былъ, между тѣмъ, напечатанъ, прочитанъ императорскимъ герольдомъ передъ дворцомъ импера-

---

[1] Впрочемъ, самое слово «конституція» не было произнесено.

тора и розданъ народу въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Вечеромъ того же дня прибыла въ Вѣну депутацiя венгерскаго сейма, чтобы представить императору требованiя венгерской нацiи въ вѣрноподданническомъ адресѣ. Кошутъ, имя котораго, послѣ рѣчи, произнесенной имъ 3-го марта въ Пештѣ, было въ Вѣнѣ на устахъ у каждаго, нашелъ въ столицѣ Австрiи такой радушный, и вмѣстѣ торжественный прiемъ, что лучшаго не могъ бы найти и въ самой Венгрiи. При свѣтѣ факеловъ, при громѣ музыки онъ имѣлъ торжественный въѣздъ; впереди процессiи, торжественно несли на острiѣ штыка императорскiй патентъ, украшенный цвѣтами. Кошутъ дважды обращался къ народу съ рѣчью о происшествiяхъ дня. Необыкновенный ораторскiй талантъ Кошута побѣдилъ трудности непривычнаго ему языка, и производилъ въ Вѣнѣ такое же сильное впечатлѣнiе на слушателей, какъ и въ Пештѣ. Въ заключенiе торжества, нацiональная гвардiя (какъ съ этого времени стало называться войско изъ гражданъ), вооруженный корпусъ студентовъ и безчисленная толпа невооруженнаго народа принесли императору, появившемуся на балконѣ гоффбургскаго дворца, восторженное заявленiе своей искренней вѣрноподданнической преданности, которымъ Фердинандъ былъ видимо тронутъ.

Событiя, совершившiяся въ Вѣнѣ съ 13 по 15 марта, были важны не по отношенiю только къ данной минутѣ, но и по влiянiю на дальнѣйшую судьбу Австрiи. Свобода, добытая въ эти дни, могла быть потеряна, вслѣдствiе злоупотребленiй ею со стороны самого народа и вслѣдствiе внѣшней силы ея враговъ, но даже и непродолжительное обладанiе свободой не могло пройти безслѣдно. Абсолютизмъ въ Вѣнѣ, въ этомъ сильнѣйшемъ изъ своихъ укрѣпленiй, получилъ рану, за которую впослѣдствiи непреминулъ отмстить, но эта рана была для него все-таки смертельною.

Въ Пруссiи такъ же много было горючаго матерiала, какъ и въ Австрiи, но онъ былъ другаго качества и другаго происхожденiя. Прусское правительство никогда не задерживало умственнаго развитiя своихъ подданныхъ, напротивъ, оно ревностно заботилось о распространенiи въ народѣ грамотности и всевозможныхъ знанiй; по умственнымъ сокровищамъ, которыми обладалъ прусскiй народъ, это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ народовъ въ Европѣ: недоставало ему только политической свободы. Правда, между государственными и общественными учрежденiями Пруссiи нѣкоторыя были превосход-

ны; такъ, напримѣръ, финансовое управленіе страны, военная организація, земледѣліе, промышленность—все это было предметомъ удивленія для сосѣднихъ странъ; но все это составляло лишь внѣшнюю сторону общественной жизни: внутреннее святилище ея лишено было теплоты и движенія, потому что не имѣло свободы. Уже изъ того, что Пруссія, величайшее изъ чисто-нѣмецкихъ государствъ, оставалась при своихъ сословныхъ сеймахъ, тогда какъ меньшія государства: Баварія, Баденъ, Веймаръ, имѣли конституціонные парламенты, можно видѣть, что политическія учрежденія Пруссіи не соотвѣтствовали умственному развитію ея населенія.

Недовольство такимъ порядкомъ вещей чувствовалось, повидимому, только въ средѣ высшихъ и образованныхъ классовъ общества, но толчокъ, данный странѣ французскою февральскою революціей, обнаружилъ, что недовольство долго таилось и накоплялось въ самыхъ массахъ народныхъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ.

Извѣстіе о французской революціи и о волненіяхъ, происшедшихъ въ югозападной Германіи, было для берлинскаго народонаселенія сначала только предметомъ живаго любопытства. Но 6-го марта нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ литературнымъ кружкамъ, смѣшавшись съ подмастерьями и рабочими, составили въ зоологическомъ саду сходку, на которой завели рѣчь о необходимости представить королю вѣрноподданническій адресъ о нуждахъ народа. На другой день повторилась такая же сходка, но уже при большемъ участіи публики. Составленъ былъ адресъ, похожій на тотъ, что поданъ былъ баденскому великому герцогу. Берлинцы требовали безусловной свободы устнаго и печатнаго слова, полнаго освобожденія и прощенія политическихъ преступниковъ, а равно и лицъ, согрѣшившихъ противъ законовъ о печати; далѣе требовали они права сходокъ, равенства всѣхъ передъ закономъ, равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій, суда присяжныхъ и независимости судей, уменьшенія постояннаго войска, учрежденія гражданской гвардіи съ свободнымъ выборомъ офицеровъ, общаго представительства нѣмецкаго народа, общей подачи голосовъ и скорѣйшаго собранія государственныхъ чиновъ. Полиція воспрепятствовала агитаторамъ отправить депутацію съ этимъ адресомъ въ королевскій дворецъ, но дозволила прибить этотъ документъ на какомъ-нибудь открытомъ мѣстѣ, для собранія подписей. Король не хотѣлъ и слышать о принятіи адреса и высказалъ свое живѣйшее неудовольствіе по поводу всѣхъ, затѣянныхъ въ Берлинѣ демонстрацій.

13-го марта, въ томъ же зоологическомъ саду и на той же площадкѣ «передъ палатками», собралась густая толпа народа потолковать о текущихъ происшествіяхъ. О какихъ-либо революціонныхъ мѣропріятіяхъ, о какихъ-либо угрозахъ и оскорбленіяхъ правительству здѣсь не было и рѣчи: рѣчь шла о самомъ невинномъ вопросѣ—объ устройствѣ нѣмецкаго флота. Возвращаясь домой, тысячи лицъ, принимавшихъ участіе въ разговорахъ о флотѣ, встрѣтили «подъ липами», по близости дворца и въ сосѣднихъ улицахъ значительные отряды войскъ. Между толпою народа и солдатами завязалась драка, по окончаніи которой нѣсколько человѣкъ оказались тяжело ранеными.

14-го марта, король принималъ депутацію отъ магистрата и отъ городскихъ уполномоченныхъ берлинскаго сейма, которая вручила ему адресъ съ изъясненіемъ желаній и ожиданій страны. Фридрихъ-Вильгельмъ отказался отъ всякаго отвѣта на адресъ, отложивъ обсужденіе затронутыхъ въ немъ вопросовъ до 27-го апрѣля, т.-е. до начала засѣданій сейма. При этомъ король не могъ не намекнуть на «добрый старый нѣмецкій порядокъ и на сословное расчлененіе націй». Но съ тѣхъ поръ, какъ сказана была имъ на эту тему рѣчь при открытіи перваго прусскаго сейма, многое измѣнилось.

Можетъ быть, начавшееся движеніе прошло бы мирно, еслибы 14, 15 и 16-го марта не произошло нѣсколько кровавыхъ столкновеній между народомъ и солдатами. Солдаты дѣйствовали наступательно и употребляли огнестрѣльное оружіе; народъ защищался каменьями и всѣмъ, что̀ попадалось подъ руку. На слѣдующій день (17-го марта), можно было ждать новыхъ столкновеній войска съ народомъ, но случилось совершенно иное: наступила поразительная тишина и спокойствіе, какъ будто народъ и войско хотѣли сберечь свои силы для приближавшейся рѣшительной борьбы. 17-го марта, прибыла въ Берлинъ депутація изъ Кёльна, съ оберъ-бургомистромъ Витгенштейномъ во главѣ. Она указала королю на опасность, грозившую въ это время рейнскимъ провинціямъ, и дала ему понять, что въ случаѣ нежеланія короля совершить реформы въ государственной жизни народа, прирейнскіе подданные его легко могутъ отложиться отъ Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отвѣчалъ, что заявленныя ему желанія вполнѣ согласны съ его собственными взглядами, и что нельзя долѣе медлить введеніемъ реформъ, оказывающихся необходимыми.

18-го марта, въ берлинскомъ народонаселеніи обнаружилось сильное движеніе, впрочемъ нисколько не воинственное. Въ различныхъ частяхъ города утромъ были собранія гражданъ,

и на этихъ собраніяхъ рѣшено было массою отправиться во дворецъ для непосредственнаго заявленія королю нуждъ и требованій народа. Депутація, представившая адресъ королю, принята была благосклонно и воротилась съ надеждою на близкое исполненіе народныхъ желаній. Въ этотъ день стояла ясная и тихая погода, и народная толпа съ часу на часъ возрастала на дворцовой площади, а также и въ сосѣднихъ улицахъ. Около двухъ часовъ пополудни, отвѣтъ короля былъ обнародованъ: въ прибавленіи къ «Всеобщей прусской газетѣ» напечатаны были два королевскіе патента, заключавшіе въ себѣ слѣдующія уступки общественному мнѣнію: уничтоженіе цензуры, ускоренное созваніе соединеннаго прусскаго ландтага, вмѣсто 27-го на 2-е апрѣля, преобразованіе нѣмецкаго союза государствъ въ союзное государство, которое, какъ утверждалъ король, непремѣнно потребуетъ конституціоннаго устройства для всѣхъ нѣмецкихъ земель. Такимъ образомъ, король соглашался на все, о чемъ мечтали патріоты еще до начала катастрофы и что̀ въ послѣднія двѣ недѣли считалось предѣломъ народныхъ желаній. Листъ, содержавшій въ себѣ патенты, былъ прочитанъ всѣми съ истиннымъ удовольствіемъ. Радостное чувство овладѣло массами; столпившись на дворцовой площади, народъ громко выражалъ благодарность королю. Фридрихъ-Вильгельмъ IV два раза появлялся на балконѣ дворца и радостно былъ привѣтствуемъ тысячами голосовъ. Среди этихъ торжественныхъ заявленій, нѣкоторые изъ гражданъ, при видѣ стоявшихъ близь дворца войскъ, вспомнили объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ народу войскомъ, и объ убійствахъ 15 и 16 марта. «Долой войско! не нужно войска! король долженъ довѣриться своимъ гражданамъ!» закричала толпа. Король, которому сообщено было требованіе, отказалъ въ немъ наотрѣзъ. Извѣстіе объ отказѣ облетѣло массу народа съ быстротою молніи. Крики: «долой войско! не надо войска!» поднялись снова, смѣшанные съ угрозами и проклятьями. Тогда командиръ гвардейскаго драгунскаго полка приказалъ своему отряду обнажить сабли и придвинуться къ столпившемуся народу. Въ то же время батальонъ императора Франца полка устремился на средину площади, а потомъ, сдѣлавъ поворотъ къ длинному мосту, погналъ часть толпы передъ собою. Въ эту минуту въ рядахъ солдатъ раздались два выстрѣла, которые впрочемъ никого не ранили. Толпа сочла эти выстрѣлы условнымъ знàкомъ къ избіенію народа и въ страхѣ разбѣжалась съ криками: «намъ измѣнили! къ оружію! къ оружію!» Тотчасъ началась постройка баррикадъ, для сооруженія которыхъ употреблены были те-

лѣги, бочки, камни съ мостовыхъ и т. д. Вскорѣ баррикады были готовы всюду, даже въ отдаленныхъ частяхъ города. На нихъ развѣвалось трехцвѣтное нѣмецкое знамя, считавшееся символомъ свободы, между тѣмъ на прусское народъ смотрѣлъ какъ на вывѣску стараго военно-полицейскаго государства. Баррикады устроены были съ искусствомъ и могли съ успѣхомъ быть защищаемы противъ войска, неопытнаго въ войнѣ подобнаго рода. Но у берлинскаго народа былъ недостатокъ въ оружіи, особенно огнестрѣльномъ, и этого недостатка не могли вознаградить энергія и неустрашимость бойцовъ.

Въ началѣ четвертаго часа пополудни, войска начали нападеніе на одну изъ баррикадъ въ Егерской улицѣ. Около пяти часовъ послышались первые картечные выстрѣлы, около семи — большая часть Королевской улицы взята была солдатами, которые, входя въ домы, изъ оконъ или съ крышъ которыхъ раздавались выстрѣлы, не различали вооруженныхъ отъ безоружныхъ. Съ мирными и беззащитными гражданами весьма часто поступали они, какъ съ непріятелями. Когда смерклось, раздался набатный звонъ, и до самаго разсвѣта въ разныхъ частяхъ города гудѣли, наводя на мирныхъ жителей уныніе и страхъ, набатные колокола. Въ эту, и безъ того свѣтлую ночь, городъ освѣщенъ былъ пламенемъ пожара: сожжены были возставшимъ народомъ артиллерійскіе сараи и чугунный заводъ. Войско захватило много плѣнныхъ, которые тотчасъ посажены были въ подземныя тюрьмы и потомъ отправлены въ Шпандау. Между ними было немало такихъ, которые не принимали никакого участія въ борьбѣ, но вмѣстѣ съ прочими подверглись брани, грубымъ толчкамъ и ударамъ. Много сдѣлано было попытокъ, чтобы склонить короля на удаленіе войскъ, но онъ требовалъ, чтобы прежде убраны были баррикады. Утромъ, 19-го марта, обнародована, составленная ночью, прокламація, въ которой король заклинаетъ гражданъ оставить борьбу и обѣщаетъ исполнить всѣ желанія народа.

«Обитатели дорогого, роднаго мнѣ Берлина! говоритъ король между прочимъ:—мой сегодняшій патентъ о созваніи сейма даетъ вамъ ручательство въ честныхъ намѣреніяхъ вашего короля относительно васъ и общаго нашего нѣмецкаго отечества. Вы восторженно выразили мнѣ вашу благодарность, но еще не окончили вашихъ заявленій радости и благодарности, какъ толпа возмутителей, воспользовавшись двумя неумышленными выстрѣлами, произвела столкновеніе народа съ войскомъ и кровопролитіе. Войска мои, ваши же братья и сограждане, отразили лишь сдѣланное на нихъ нападеніе. Вамъ теперь,

обитатели моего роднаго города, надлежитъ предотвратить дальнѣйшія, могущія случиться, несчастія. Сознайте,—вашъ король и вѣрнѣйшій другъ заклинаетъ васъ объ этомъ,—сознайте свое заблужденіе. Успокойтесь, снимите баррикады, пришлите мнѣ мужей, одушевленныхъ мужествомъ, для переговоровъ, какіе умѣстны между подданными и королемъ, и я даю вамъ мое королевское слово, что войска въ ту же минуту очистятъ всѣ улицы и площади, и что гарнизонъ останется только у тѣхъ зданій, гдѣ онъ необходимъ, и то лишь на время. Послушайтесь отеческихъ словъ вашего короля, обитатели моего прекраснаго и вѣрнаго Берлина. Забудьте все, что произошло, какъ забуду и я въ интересахъ будущаго, открывающагося для Пруссіи, а чрезъ нее и для всей Германіи. Ваша любезная королева тяжко сокрушается и со слезами присоединяетъ свои усердныя просьбы къ моимъ».

Хорошо снабженное запасами и оружіемъ войско вездѣ имѣло перевѣсъ надъ безоружною или развѣ только полувооруженною толпою, но утромъ 19-го марта, оно почувствовало уже себя истощеннымъ отъ постояннаго напряженія въ послѣдніе 8 дней, особенно отъ усилій послѣдней ночи; народъ же могъ разсчитывать на подкрѣпленіе и не обнаруживалъ ни утомленія, ни унынія. Это обстоятельство, по всей вѣроятности, не мало способствовало уступчивости короля. Въ девять часовъ утра отдано было королемъ приказаніе, чтобъ войска удалились въ казармы; спустя нѣсколько часовъ они выведены были изъ столицы. Въ полдень обнародованъ былъ королевскій приказъ, которымъ объявлялась отставка прежнихъ министровъ. Президентомъ новаго министерства назначенъ былъ Арнимъ-Бойценбургъ. Вновь учрежденная гражданская стража была снабжена оружіемъ изъ королевскаго арсенала. Все это произвело на народъ успокоительное дѣйствіе. Баррикады были снесены.

Во время уличной битвы въ Берлинѣ пало изъ народа 216 человѣкъ; изъ войска — всего 18. Съ обѣихъ сторонъ было, кромѣ того, много раненыхъ. Трупы павшихъ со стороны народа, убранные цвѣтами и зелеными вѣтвями, привезены были на дворъ королевскаго дворца и находились тамъ до тѣхъ поръ, пока король съ королевой появились на внутренней галлереѣ дворца, гдѣ, въ присутствіи ихъ, началось пѣніе церковнаго гимна: «Іисусе, мое упованіе!»

Чтобы еще болѣе успокоить общественное мнѣніе, король, при каждомъ удобномъ случаѣ, обращался къ народу съ патріотическими рѣчами, въ которыхъ повторялъ свои обѣщанія.

Такъ, около полудня 21 марта, король, въ сопровожденіи находившихся въ Берлинѣ принцевъ и генераловъ, совершалъ торжественный выѣздъ изъ своего дворца, причемъ самъ онъ и его свита украшены были трехцвѣтными (черно-красно-золотыми) бантами. Впереди королевскаго поѣзда шли студенты и граждане съ трехцвѣтнымъ нѣмецкимъ знаменемъ. Подлѣ университета процессія остановилась, и король обратился къ профессорамъ, студентамъ и всему собравшемуся народу съ рѣчью, въ которой высказалъ между прочимъ: «Трехцвѣтная нѣмецкая кокарда, корорую я ношу, вовсе не означаетъ желанія моего нарушить чьи либо права: я хочу лишь единства, свободы и благоустройства Германіи. Уже много разъ и прежде, когда Германіи грозила опасность, могущественные государи и герцоги становились во главѣ нѣмецкой націи, съ цѣлію отвратить бѣду. Я слѣдую примѣру этихъ патріотовъ и надѣюсь, что государи Германіи сочувственно отнесутся ко мнѣ и что воля народа поддержитъ меня». Воззваніе, озаглавленное словами: «Къ моему народу и къ нѣмецккой націи», еще утромъ 21-го марта вышедшее изъ придворной типографіи, дало понятіе о намѣреніяхъ короля тѣмъ изъ его подданныхъ, кои не могли слышать его рѣчи. Масса народа толковала по своему слова Фридриха-Вильгельма и не разъ провозглашала его «императоромъ Германіи», но король всякій разъ съ неудовольствіемъ отказывался отъ такого привѣтствія.

22-го марта происходило погребеніе павшихъ въ дни возстанія гражданъ. Всѣ классы народонаселенія приняли участіе въ похоронной процессіи, которая совершена была съ подобающею торжественностію. Когда процессія шла мимо дворца, король стоялъ на балконѣ и оставался съ обнаженною головой дотолѣ, пока пронесены были гробы съ упокоившимися бойцами за свободу. Этимъ торжествомъ заключились великія тревожныя сцены возстанія, обозначающаго собою поворотный пунктъ во внутренней исторіи Пруссіи.

Бо̀льшая часть нѣмецкихъ правительствъ еще до вѣнскаго и берлинскаго возстаній объявили свою готовность совершить реформы, которыхъ требовало общественное мнѣніе. Только Саксонія и Ганноверъ не хотѣли согласиться ни на уничтоженіе цензуры, ни на представительство народа на союзномъ сеймѣ. Но паденіе Меттерниха побудило саксонскаго короля Фридриха-Августа къ уступчивости. Онъ призвалъ въ министерство людей, пользовавшихся довѣріемъ общества, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый впослѣдствіи профессоръ Пфордтенъ. Извѣстіе о берлинской революціи перемѣнило образъ мыслей ган-

новерскаго короля Эрнста-Августа. Этотъ послѣдній поручилъ либеральному оснабрюкскому бургомистру Стюве составить новое министерство. Какъ въ Саксоніи, такъ и въ Ганноверѣ въ основу реформъ принята была баденская программа.

Въ Баваріи, король Людвигъ, превратившійся изъ карбонарія въ ультрамонтана и подчинившійся вліянію католическаго духовенства, утратилъ всю прежнюю свою популярность. Вопреки своему строго-религіозному направленію, этотъ, превосходный во многихъ отношеніяхъ, государь до того очарованъ былъ, на старости лѣтъ, прелестями красивой танцовщицы Лолы Монтесъ, что позволилъ ей вмѣшиваться въ общественныя дѣла, даже назначать министровъ, и тѣмъ возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе въ Мюнхенѣ. Народъ находился еще подъ вліяніемъ этихъ, хотя уже окончившихся, но незабытыхъ отношеній, когда пламя февральской революціи проникло въ Германію. Въ началѣ марта мюнхенцы подали королю адресъ, покрытый десятью тысячами подписей и по содержанію сходный съ баденскимъ. Въ тотъ же день (2-го марта) народъ вломился въ квартиру нелюбимаго министра Бёрка и принудилъ его спасаться бѣгствомъ. Такъ-какъ король медлилъ своимъ согласіемъ на заявленныя народомъ требованія, то 6-го марта толпа вломилась въ арсеналъ и вооружилась. Даже и въ эти политическія движенія страннымъ образомъ вплетено было имя Лолы Монтесъ; мюнхенцы думали, что она снова прибыла въ столицу, съ цѣлію забрать въ свои руки короля. Мнимое ея убѣжище, зданіе полиціи, было опустошено. Король Людвигъ уже прежде согласился на все, чего желалъ отъ него народъ, но не хотѣлъ самъ править страною по новой системѣ и передалъ престолъ сыну своему Максимиліану. Преемникъ Людвига подтвердилъ всѣ конституціонныя обѣщанія отца своего и высказалъ желаніе, чтобъ нѣмецкій народъ имѣлъ своихъ представителей въ союзномъ сеймѣ.

Рѣчи и воззванія Фридриха-Вильгельма IV (особенно же рѣчь, произнесенная имъ 21-го марта къ берлинскому народу) произвели дурное впечатлѣніе въ большей части Германіи. Какъ реакціонеры, такъ и крайніе демократы заподозрили прусскаго короля въ желаніи властвовать надъ всею Германіей; только умѣренная, конституціонная партія вѣрила въ чистоту его намѣреній и желала, чтобъ въ обновленной Германіи Пруссія играла первенствующую роль.

Въ Пруссіи общественное мнѣніе не было довольно министерствомъ Арнима-Бойценбурга, которое притомъ еще не было вполнѣ составлено. Чтобы обезпечить правительству большин-

ство въ соединенномъ ландтагѣ, нѣкоторые вожди оппозиціи должны были войти въ министерство, а графъ Арнимъ-Бойценбургъ, принадлежавшій къ старой бюрократіи — выйти въ отставку. Новое министерство составить поручено было президенту кёльнской торговой палаты Кампгаузену. Первымъ дѣломъ Кампгаузена было поставить короля внѣ борьбы партій. Онъ исходатайствовалъ у короля, чтобы всѣ просьбы и заявленія народа, относящіяся къ дѣлу конституціи, были передаваемы для окончательнаго обсужденія въ министерство, которое должно отвѣчать за всѣ королевскія распоряженія. Указомъ 22-го марта было объявлено, что новая конституція должна подвергнуться обсужденію не соединеннаго ландтага, а парламента, составленнаго на основаніи новаго закона о выборахъ. Этотъ новый законъ, обнародованный уже послѣ 22-го марта, требовалъ избранія депутатовъ въ парламентъ посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. На соединенномъ ландтагѣ, который собрался 2-го апрѣля и продолжался всего восемь дней, министерство успѣло, несмотря на противодѣйствіе феодальной оппозиціи, провести всѣ свои проекты. Поспѣшность, съ какою дѣйствовалъ соединенный ландтагъ, противорѣчія, въ которыя онъ впадалъ, неосновательность нѣкоторыхъ его рѣшеній, — все это не осталось безъ дурнаго вліянія на послѣдующія событія.

Между тѣмъ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ собрался предварительный парламентъ. По первоначальному плану онъ долженъ былъ состоять только изъ членовъ національныхъ собраній различныхъ государствъ Германіи; но, 22-го марта, коммисія, которой поручено было созвать и устроить предварительный парламентъ, пригласила во Франкфуртъ и особенныхъ депутатовъ отъ нѣкоторыхъ городовъ. Кромѣ того, посланы были приглашенія къ нѣкоторымъ почтеннымъ лицамъ, незанимавшимъ никакого оффиціальнаго положенія, но пользовавшимся народнымъ довѣріемъ.

Предварительный парламентъ былъ открытъ 31-го марта, подъ предсѣдательствомъ профессора Миттермайера, въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Большинство собранія держалось конституціонныхъ началъ и надѣялось примирить монархію съ свободой; меньшинство же, во главѣ котораго стояли Геккеръ и Струве, требовало уничтоженія наслѣдственной монархіи и замѣны ея свободно избраннымъ республиканскимъ парламентомъ. Это меньшинство желало превратить Германскій Союзъ въ федеральную республику, по образцу сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Предложенія рес-

публиканской партіи были, послѣ бурныхъ преній, отвергнуты. Напротивъ, съ великимъ единодушіемъ было рѣшено принять въ Германскій Союзъ восточную Пруссію и Шлезвигъ, какъ неразрывно связанный съ Голштиніею по національному и государственному праву. Раздѣлъ Польши былъ признанъ справедливымъ, но вопросъ о положеніи герцогства Познанскаго оставленъ безъ разрѣшенія. Въ германскій парламентъ постановлено было призывать по одному депутату отъ пятидесяти тысячъ жителей. Выборъ депутатовъ объявленъ свободнымъ отъ ценза, вѣроисповѣданія и сословныхъ разграниченій. За народомъ Германіи признаны были всѣ тѣ права, которыхъ требовала умѣренно-конституціонная партія. Но изъ всѣхъ рѣшеній, принятыхъ предварительнымъ парламентомъ, всего важнѣе было то, которымъ признавалось за будущимъ національнымъ собраніемъ право утвердить будущую нѣмецкую конституцію, не спрашивая согласія отдѣльныхъ правительствъ. Это самообольщеніе демократической партіи было причиною неудачи всего дѣла. Высказывая принципъ верховной власти народа, предварительный парламентъ не позаботился о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для утвержденія этого принципа, а понадѣялся лишь на нравственную силу демократической идеи и на правоту ея.

Окончивъ, въ четыре засѣданія, все то дѣло, для котораго былъ призванъ, предварительный парламентъ составилъ коммисію «Пятидесяти Мужей», задачею которой было помогать союзному сейму въ охраненіи національныхъ интересовъ и способствовать быстрѣйшему осуществленію реформъ, обѣщанныхъ правительствами Германіи.

Выше было упомянуто, что союзный сеймъ, по случаю великаго броженія, обнаружившагося въ югозападной Германіи, согласился, въ мартѣ 1848 г., на нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію. Кромѣ либеральнаго закона о свободѣ печати, сеймъ издалъ постановленіе, которымъ выразилъ свою готовность на пересмотръ союзной конституціи. Въ силу этого постановленія, во Франкфуртъ послано было правительствами Германіи семнадцать человѣкъ, пользовавшихся хорошею извѣстностью. Изъ нихъ особенно выдавались Шмерлингъ, Дальманъ, Гагернъ, Уландъ, Гервинусъ, Дройзенъ, Бассерманнъ и Іорданъ. Но и этотъ комитетъ «семнадцати мужей» не могъ спасти союзный нѣмецкій сеймъ отъ окончательнаго паденія, несмотря на то, что 2-го апрѣля отмѣнены были всѣ, изданные сеймомъ, со времени карлсбадскихъ рѣшеній, чрезвычайные или исключительные законы.

Между тѣмъ, югозападная Германія была близка къ междоусобной войнѣ. Республиканская партія, не успѣвъ провести своихъ началъ путемъ свободнаго обсужденія, стала дѣйствовать посредствомъ возмущенія народныхъ массъ. Геккеръ и Струве во многихъ городахъ Баденскаго великаго герцогства провозгласили республику, въ то же время вооруженныя толпы воротившихся изъ Франціи нѣмцевъ-работниковъ и политическихъ изгнанниковъ, собравшись въ числѣ 12,000 человѣкъ въ различныхъ пограничныхъ городахъ Германіи, объявили свою готовность ратовать за демократическіе и соціальные принципы. Но силы эти были недостаточны для борьбы съ правительствами и съ консервативнымъ большинствомъ населенія Германіи. Братъ Генриха Гагерна, Фридрихъ Гагернъ, находившійся прежде въ нидерландской службѣ, назначенъ былъ командиромъ гессенъ-дармштадтскаго корпуса, которому поручено было возстановить спокойствіе въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ сосредоточились главныя силы демократовъ и республиканцевъ. Встрѣтившись при Кандернѣ съ Геккеромъ и его волонтерами, генералъ Гагернъ обратился къ нимъ съ рѣчью въ примирительномъ духѣ. Но его слова не возъимѣли никакого дѣйствія. Когда же, послѣ безплодныхъ переговоровъ, онъ хотѣлъ воротиться къ своимъ войскамъ, то волонтеры Геккера сдѣлали въ него нѣсколько выстрѣловъ, и Гагернъ упалъ, пораженный на смерть тремя пулями. Такъ плачевно кончилъ дни свои человѣкъ, на котораго конституціонная партія возлагала большія надежды. Солдаты, мстя за смерть своего предводителя, напали на волонтеровъ и обратили ихъ въ бѣгство. Геккеръ ушелъ; Струве же взятъ былъ въ плѣнъ, но скоро отпущенъ на волю. Баварцы, между тѣмъ, заняли Констанцъ и положили тамъ конецъ республиканскому движенію. Такой же конецъ имѣла революціонная попытка Герве, прибывшаго изъ Франціи съ толпою нѣмецкихъ волонтеровъ и разбитаго при Доссенбахѣ отрядомъ виртембергской пѣхоты.

Въ то же время на другомъ концѣ Германіи происходила упорная борьба, между сильными нѣмцами и слабыми датчанами. Въ началѣ января 1848 года, датскій король Фридрихъ VII, только-что вступившій на престолъ, далъ своимъ подданнымъ конституцію. Всѣ подданные его были ею довольны, кромѣ нѣмецкаго населенія Шлезвига и Голштиніи. Обѣ эти страны предпочли сохраненіе своей національности свободѣ, которую предлагала имъ Данія. 17 февраля 1848 года, чины обоихъ нѣмецкихъ герцогствъ протестовали противъ общедат-

ской конституціи. 18 марта они, собственною властію, составили одно собраніе въ Реденсбургѣ и потребовали, чтобы Шлезвигъ и Голштейнъ приняты были въ Германскій Союзъ. Этотъ смѣлый шагъ датскихъ нѣмцевъ произвелъ въ Копенгагенѣ сильное волненіе и былъ поводомъ къ назначенію новаго министерства, которое объявило, что будетъ править страною въ чисто-датскихъ интересахъ. 24 марта, представители шлезвингъ-голштейнскаго земства учредили временное правительство, во главѣ котораго стали герцогъ Аугустенбургскій, графъ Ревентловъ и адвокатъ Безелеръ. Герцогъ Аугустенбургскій, который считалъ себя лишеннымъ своего наслѣдственнаго права на власть въ герцогствахъ, обратился въ Берлинъ, гдѣ ему обѣщана была защита и помощь и гдѣ признано было соединеніе Голштейна и Шлезвига. Союзный сеймъ согласился на это и принялъ Мадаи въ свою среду, посланникомъ отъ Шлезвигъ-Голштейна. Датчане тотчасъ начали войну и нанесли отдѣльнымъ отрядамъ инсургентовъ чувствительное пораженіе при Бау. Но пруссаки, прибывшіе въ Голштейнъ по требованію союзнаго сейма, разрушили, подъ начальствомъ генерала Врангеля, Даневиркъ, а на слѣдующій день (24 апрѣля) датчане разбиты были при Эверзенѣ. 18 мая Врангель вступилъ въ Ютландію и наложилъ на датчанъ контрибуцію въ три милліона талеровъ. Онъ объявилъ, что не выведетъ своего войска изъ этой провинціи дотолѣ, пока датчане не вознаградятъ нѣмецкой торговли за причиненные ей убытки. Около этого же времени, прусскими войсками было подавлено возстаніе поляковъ въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Предводители польской національной партіи хотѣли воспользоваться моментомъ, когда Пруссія и Австрія были, повидимому, обезсилены внутри, чтобы освободить изъ-подъ власти этихъ державъ древне-польскія области, и тѣмъ положить начало возстановленію всей старинной Польши. Въ Познани образовался польскій національный комитетъ, и даже въ Краковѣ патріоты втайнѣ работали надъ составленіемъ заговора противъ австрійскаго владычества. Прусское правительство дѣлало въ пользу своихъ польскихъ подданныхъ все, что̀ было возможно. Оно хотѣло отдѣлить восточную часть Познанскаго герцогства, гдѣ преобладаетъ польская національность, отъ западной, гдѣ господствуетъ нѣмецкій элементъ, и дать прусской Польшѣ національное управленіе, даже отдѣльную военную организацію. Но поляки требовали всего великаго герцогства. Даже крайніе нѣмецкіе демократы и космополиты, каковы, напримѣръ, Струве, Геккеръ, отвергали такое притязаніе, считая несправедли-

вымъ отдавать многочисленное нѣмецкое населеніе Познани на произволъ поляковъ, только для того, чтобъ возстановить старинное польское государство. Между отрядами вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ предводителями были польскіе дворяне, и прусскими войсками было много сраженій (29-го апрѣля при Ксвонзѣ и 30-го при Милославѣ). Поляки были разбиты совершенно, и 9-го мая при Бардо сдались на капитуляцію: тѣмъ возстаніе и кончилось. Мѣрославскій, бывшій во главѣ всего этого движенія, долженъ былъ положить оружіе. Въ Краковѣ, 26-го мая, въ кровавой уличной борьбѣ была подавлена послѣдняя попытка возстанія поляковъ.

Въ апрѣлѣ 1848 г. вниманіе всей Германіи устремлено было на выборы въ нѣмецкое національное учредительное собраніе. Впродолженіе выборовъ, во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ обнаруживалось чисто національное воодушевленіе, чуждое цѣлей партій и частныхъ интересовъ. Даже въ нѣкоторыхъ славянско-нѣмецкихъ земляхъ, обнаружилась въ массѣ народонаселенія непритворная преданность общегерманскимъ интересамъ. Черно-красно-золотыя знамена развѣвались на церковныхъ башняхъ уединеннѣйшихъ селеній въ Штирійскихъ и Тирольскихъ Альпахъ. Стародавнія воспоминанія о прежнемъ величіи Германіи оживились.

18-го мая, въ три часа пополудни, около 330 депутатовъ нѣмецкой націи собрались во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ имперской залѣ ратуши, и отправились оттуда въ торжественной процессіи, съ обнаженными головами, въ церковь св. Павла, гдѣ, послѣ троекратнаго «ура!», объявили себя утвержденными. На слѣдующій день, Генрихъ Гагернъ, оставившій должность гессенъ-дармштадтскаго министра, избранъ былъ временнымъ президентомъ собранія. По своимъ личнымъ качествамъ, извѣстности, характеру, талантамъ, этотъ человѣкъ какъ будто созданъ былъ для такого почетнаго мѣста; онъ не обманулъ возложенныхъ на него ожиданій и, при меньшихъ препятствіяхъ, конечно, принесъ бы много пользы своему германскому отечеству. Огромное большинство нѣмецкаго парламента, вмѣстѣ съ президентомъ, принадлежало къ конституціонной партіи, крайніе демократы и реакціонеры были въ меньшинствѣ. Никогда еще не бывало ни одного политическаго собранія, въ которомъ бы столь многіе члены и въ такой степени были знакомы съ исторіей, съ политической жизнію своего народа. Большинство нѣмецкаго парламента состояло изъ профессоровъ, ученыхъ писателей и высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Прежде всего, въ національномъ собраніи поднятъ былъ вопросъ объ отношеніи его къ отдѣльнымъ государствамъ,—вопросъ, который въ нѣдрахъ самой демократической партіи былъ разсматриваемъ съ многоразличныхъ точекъ зрѣнія. Раво высказалъ мнѣніе, что одновременно съ всеобщимъ франкфуртскимъ парламентомъ могутъ собираться и земскія представительства въ каждомъ изъ отдѣльныхъ государствъ Германскаго Союза. Предполагалось, что эти земскія собранія, охваченныя національнымъ воодушевленіемъ, будутъ противодѣйствовать особеннымъ, эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ государствъ. Робертъ Блюмъ оспоривалъ это предложеніе, стараясь доказать, что земскія представительныя собранія не подчинятся вполнѣ общегерманскому парламенту. Собраніе рѣшило, что всѣ опредѣленія отдѣльныхъ нѣмецкихъ представительствъ, несогласныя съ общенѣмецкою конституціей, могутъ имѣть значеніе въ той мѣрѣ, въ какой найдетъ это справедливымъ общегерманскій парламентъ.

Послѣ повѣрки выборовъ, оказалась возможность приступить къ избранію чиновъ собранія на законномъ основаніи, такъ-какъ бывшіе доселѣ считались лишь временными. Большинствомъ 499 голосовъ противъ 19, президентомъ избранъ былъ Генрихъ Гагернъ, его намѣстниками фонъ-Суаронъ и баронъ фонъ-Андріанъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей австрійскаго возстанія (1848). Три президента избираемы были каждый разъ на четыре недѣли, секретари же—на все время собранія. Впрочемъ, послѣдніе, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, могли сложить съ себя свою должность.

Еще до мартовскихъ событій, въ Германіи часто шла рѣчь объ основаніи нѣмецкаго флота. Теперь борьба съ Даніей должна была дать этой мысли новое движеніе. Особая коммисія, которой поручена была разработка вопроса о союзномъ флотѣ, потребовала на первый разъ 6 мильйоновъ талеровъ; сумма эта была обѣщана, но съ условіемъ, чтобы право распоряжаться ею принадлежало будущей центральной власти.

Образованіе временной центральной власти было важнѣйшимъ изъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію парламента. Но когда онъ приступилъ къ обсужденію этого вопроса, то обнаружились самыя разнообразныя воззрѣнія на сущность его. Независимо отъ предложеній особой коммисіи, поступило 16 предложеній отъ разныхъ депутатовъ, и не менѣе 223 ораторовъ просили позволенія записаться на дебаты. Послѣ восьмидневныхъ преній, избранъ былъ (29-го іюня) блюстителемъ Германскаго Союза эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ, одинъ изъ

превосходнѣйшихъ и популярнѣйшихъ нѣмецкихъ князей, но уже 66-тилѣтній старецъ, притомъ непривыкшій къ самостоятельному веденію дѣлъ правленія. Громъ пушекъ и звонъ колоколовъ возвѣстили народу объ этомъ событіи; депутація изъ семи членовъ парламента отправлена въ Вѣну, чтобы извѣстить эрцгерцога объ этомъ выборѣ. Хотя парламентъ, по формѣ, избралъ регента собственною властью, однакожь, предварительно шли по этому предмету переговоры съ наиболѣе значительными нѣмецкими дворами, и получено ихъ согласіе. Блюститель Германіи, впрочемъ, избранъ былъ только на время, до избранія императора. Въ императоры же большинство конституціоналистовъ думало избрать прусскаго короля, но противъ него въ то время было еще слишкомъ много предубѣжденныхъ, особенно въ южной Германіи. Гагернъ, Дальманъ и ихъ многочисленные приверженцы надѣялись, что эти препятствія современемъ можно будетъ устранить.

11-го іюля, регентъ Іоаннъ имѣлъ торжественный въѣздъ во Франкфуртъ, среди всеобщаго ликованія, а на слѣдующій день онъ составилъ министерство, въ которомъ, бывшій австрійскій первый посланникъ Шмерлингъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, прусскій генералъ Пейкеръ получилъ въ завѣдываніе военныя дѣла, гомбургскій адвокатъ Гекшеръ—юстицію. Министры регента были отвѣтственны предъ національнымъ собраніемъ за всѣ дѣйствія правительства, самъ же онъ былъ объявленъ неотвѣтственнымъ. Союзный сеймъ, который, несмотря на равнодушіе къ нему однихъ и отвращеніе другихъ, даже въ послѣдніе мартовскіе и апрѣльскіе дни обнаруживалъ еще признаки жизни, сложилъ съ себя власть въ руки регента и, казалось, на всегда окончилъ свое существованіе.

Національное собраніе имѣло нужду въ исполнительной власти; но избранная имъ власть, несмотря на всю свою добрую волю, не оказала дѣлу возстановленія Германіи тѣхъ услугъ, которыхъ ожидала нація. Престарѣлый принцъ, поставленный во главѣ имперіи, которую еще нужно было создавать, безъ денегъ, безъ войска, не въ состояніи былъ сдѣлать что-либо достойное націи, которою призванъ былъ управлять. Въ герцогствѣ Лимбургскомъ нидерландское правительство велѣло сорвать черно-красно-золотыя знамена. Данія вовсе не хотѣла знать регента и вела переговоры только съ Пруссіей. Въ Лондонѣ и Парижѣ нѣмецкіе имперскіе посланники фонъ-Раумеръ и фонъ-Андріанъ были приняты только оффиціальнымъ образомъ и не видѣли ничего, кромѣ пустыхъ вѣжливыхъ формаль-

ностей. Въ самой Германіи скоро обнаружилась слабость имперской власти. Военное имперское министерство дало всѣмъ союзнымъ войскамъ приказъ, 6-го августа принести присягу регенту съ отправленіемъ парада и съ провозглашеніемъ троекратнаго «ура». Это приказаніе было исполнено только въ небольшихъ государствахъ. Манифестомъ 30-го августа регентъ объявилъ, что онъ желаетъ дѣйствовать согласно съ мѣстными правительствами и увѣренъ вполнѣ въ ихъ содѣйствіи; но слова его были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: правительства Германіи обнаружили мало сочувствія регенту.

Уже предварительный парламентъ въ своихъ совѣщаніяхъ обозначилъ нѣкоторыя права народа, какъ необходимыя требованія времени; національное собраніе также занялось опредѣленіемъ основныхъ правъ, но уже слишкомъ много драгоцѣннаго времени потратило оно на составленіе опредѣленій, которыя, пока не существовало еще никакого союзнаго государства, казалось, носились въ воздухѣ. Относительно первыхъ двухъ словъ въ *основныхъ правахъ*: «каждый нѣмецъ»—члены собранія могли согласиться только послѣ горячихъ споровъ, продолжавшихся нѣсколько часовъ. Характеристическая болѣзнь нѣмецкаго ума, блужданіе въ безплодныхъ частностяхъ, подъ предлогомъ основательнаго разсмотрѣнія предмета, педантическое мелочное самолюбіе, вымучиваніе желаемаго смысла изъ разныхъ словъ, страсть къ безконечнымъ повтореніямъ,—все это въ настоящемъ случаѣ породило крайне широкіе, но не очень глубокіе потоки доктринерскихъ рѣчей, которыя иногда общеизвѣстное и несомнѣнное дѣлали темнымъ и сомнительнымъ, и могли утомить самое напряженное вниманіе.

Изъ того, что̀ говорено было въ національномъ собраніи о внѣшнихъ сношеніяхъ, имѣла практическій смыслъ лишь постановка шлезвигъ-голштинскаго вопроса. Послѣ того, какъ Врангель проникъ въ Ютландію, онъ получилъ (24-го мая) изъ Пруссіи приказъ: отступить. Приказъ этотъ, послѣдовавшій вслѣдствіе вліянія на прусскій кабинетъ иностранныхъ державъ, особенно Россіи, возбудилъ во всей Германіи великое неудовольствіе. Ободренные этимъ, датчане напали на ганноверцевъ при Голльбюлѣ (5-го іюня), но на слѣдующій день разбиты были пруссаками при Дюппелѣ. Между тѣмъ корабли ихъ блокировали всѣ нѣмецкія гавани и причиняли сильный вредъ торговлѣ. Пруссаки же вели войну съ этого времени такъ небрежно, что казалось, какъ будто совсѣмъ хотѣли уклониться отъ нея. Имперское военное министерство рѣшилось поэтому выставить

союзное войско, чтобы продолжать войну въ случаѣ нужды и безъ помощи Пруссіи. Въ южногерманскихъ государствахъ пробудилась, повидимому, усиленная ревность къ нѣмецкому дѣлу. Храбрый баварскій полковникъ фонъ-деръ-Таннъ повелъ противъ датчанъ отрядъ волонтеровъ, а между тѣмъ къ сѣверу двинулись виртембергскіе и баденскіе контингенты. Но такъ-какъ во вліятельныхъ сферахъ теперь болѣе, чѣмъ прежде всѣ были убѣждены, что безъ Пруссіи войну вести невозможно, то регентъ уполномочилъ прусское правительство начать, отъ имени имперіи, переговоры съ Даніей о перемиріи, которое и было заключено въ шведскомъ городѣ Мальмё, 26-го августа, при посредствѣ шведскаго правительства. Данія согласилась на общее правительство для Шлевввга и Голштейна, съ тѣмъ, чтобы члены его наполовину были назначаемы отъ Даніи и наполовину отъ нѣмецкаго союза. Всѣ постановленія временнаго правительства объявлены были недѣйствительными, и шлезвигскія войска должны были отдѣлиться отъ голштинскихъ и остаться въ Шлезвигѣ, голштинскія же возвратиться въ свою землю; военноплѣнные должны были быть возвращены. Впрочемъ, обѣ стороны не связывали себя условіями перемирія при заключеніи будущаго окончательнаго мира.

Перемиріе въ Мальмё произвело въ національномъ собраніи взрывъ неудовольствія и негодованія. Дальманъ и словомъ, и перомъ болѣе всѣхъ дѣйствовавшій за права герцогствъ, объявилъ, что честь Германіи поругана заключеннымъ съ Даніею договоромъ, и договоръ этотъ былъ отвергнутъ національнымъ собраніемъ въ засѣданіи 5-го сентября. Всѣ имперскіе министры подали въ отставку. Дальману поручено было составить новое министерство, но это не удалось ни ему, ни депутату Герману. А такъ-какъ безъ Пруссіи продолжать войну казалось невозможнымъ, то 16-го сентября перемиріе въ Мальмё было принято большинствомъ собранія.

Недовольство, которое произвела уступка нѣмецкаго парламента датчанамъ, опасеніе, что она была только переходомъ къ окончательному отдѣленію герцогствъ отъ Германскаго Союза, все это возбудило въ высшей степени экзальтацію демократовъ, которые и безъ того никогда не успокоивались и жадно ловили всякій случай, чтобы заявить свои бурныя стремленія. Всего сильнѣе на этотъ разъ было броженіе во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ, гдѣ оппозиція національнаго собранія находилась въ непосредственной связи съ своими единомышленниками внѣ собранія.

*

17-го сентября на троицкомъ лугу, близь Франкфурта, происходило народное собраніе, состоявшее по крайней мѣрѣ изъ 20,000 человѣкъ, на которомъ депутаты Шлеффель, Симонъ изъ Трира, Цитцъ изъ Майнца говорили рѣчи, возбуждавшія къ открытой борьбѣ. Депутаты, принявшіе мальмёскій договоръ, объявлены были измѣнниками нѣмецкому народу. Тайное намѣреніе предводителей было разогнать національное собраніе и объявить республику, но внѣшнимъ образомъ они вели себя такъ, какъ будто хотѣли только путемъ большой петиціи требовать отмѣны ненавистнаго договора съ Даніей. Имперское министерство, узнавъ о тайныхъ намѣреніяхъ демократовъ, вызвало изъ Майнца нѣсколько австрійскихъ и прусскихъ батальоновъ. Когда настало время для передачи петиціи, заготовленной на троицкомъ лугу, толпа увидѣла, что окрестности Павловской церкви заняты войсками. Дѣло дошло до столкновенія, которое скоро окончилось при незначительномъ числѣ убитыхъ. Народъ построилъ баррикады, которыя были взяты войсками, съ потерею только восьми человѣкъ. Эта борьба ознаменована была трагическою смертію двоихъ прусскихъ членовъ національнаго собранія, князя Лихновскаго и генерала Ауэрсвальда, которая бросаетъ яркій свѣтъ на настроеніе, господствовавшее тогда въ низшихъ классахъ революціонной партіи. Оба они поѣхали на встрѣчу союзнымъ войскамъ, собравшимся для подавленія возстанія, но недалеко отъ города на нихъ напала толпа и убила ихъ. Ауэрсвальдъ палъ мертвый на мѣстѣ, Лихновскій умеръ на другой день. Даже имперскій министръ Гекшеръ, прежде пользовавшійся большою популярностію, и старый отецъ нѣмецкихъ гимнастовъ Янъ, находились въ великой опасности. Регентъ, обнаруживавшій доселѣ мало энергіи, вдругъ преобразился, объявилъ городъ въ осадномъ положеніи, уничтожилъ сходки и принялъ строгія мѣры къ возстановленію спокойствія. Возстаніе 17-го сентября во Франкфуртѣ, который тогда почитался политическою столицей Германіи, было событіемъ гораздо болѣе важнымъ, нежели казалось по внѣшнему ходу. Масса объявила себя противъ національнаго собранія, которое теперь отъ насильственнаго распущенія могло спасаться только при помощи военной силы. Парламентъ не могъ болѣе разсчитывать на народъ, а солдаты, которые его защищали, легко могли, въ случаѣ борьбы народа съ парламентомъ, стать противъ послѣдняго.

Нѣсколько дней спустя послѣ открытія нѣмецкаго парламента, было созвано въ Берлинѣ прусское національное собраніе для

переговоровъ о конституціи. Въ немъ было 68 крестьянъ-собственниковъ, 28 ремесленниковъ, 27 учителей, 50 духовныхъ лицъ, болѣе 170 чиновниковъ и весьма немного дворянъ. Дворянское сословіе, рѣшительно преобладавшее въ прежнихъ ландтагахъ, увидѣло себя почти совершенно исключеннымъ изъ собранія, которому поручено было преобразовать политическія учрежденія Пруссіи. Этотъ прусскій парламентъ открытъ былъ самимъ королемъ 22-го мая. Въ тронной рѣчи своей Фридрихъ-Вильгельмъ IV выразилъ надежду, что избранники народа дадутъ странѣ такую конституцію, которая расширитъ политическія права народа и укрѣпитъ тѣсный союзъ его съ царствующимъ домомъ. Но уже въ первыя засѣданія національнаго собранія замѣтно было отсутствіе прямыхъ и искреннихъ отношеній между правительствомъ, депутатами и народомъ, особенно же обнаружилось это при возвращеніи прусскаго наслѣднаго принца въ Берлинъ, откуда отлучился онъ на два мѣсяца послѣ мартовскихъ смутъ. Такъ-какъ принцъ оставилъ столицу по своей волѣ и во время своего отсутствія даже избранъ былъ депутатомъ, то считалъ себя въ правѣ воротиться во всякое время и занять свое мѣсто въ національномъ собраніи. Тѣмъ не менѣе, министерство вошло по этому предмету съ ходатайствомъ къ королю, какъ будто были законныя препятствія возвращенію принца. Казалось даже, что правительство хочетъ принять на себя ручательство за конституціонный образъ мыслей принца. Это подало демагогамъ поводъ повторить всѣ пущенныя противъ принца, въ мартѣ, обвиненія и выставить его человѣкомъ, полнымъ враждебныхъ замысловъ противъ народа. Когда же принцъ явился въ національное собраніе, въ качествѣ депутатата отъ одного изъ познанскихъ избирательныхъ округовъ, большинство собранія намѣренно забыло при его пріемѣ, что этотъ депутатъ былъ вмѣстѣ и признанный наслѣдникъ престола.

8-го іюня депутатъ Берендсъ предложилъ собранію признать бойцовъ 18-го и 19-го марта «людьми, оказавшими услугу отечеству», но предложеніе его было отвергнуто незначительнымъ большинствомъ. Населеніе Берлина не было довольно этимъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, Арнимъ, равно какъ и депутатъ, проповѣдникъ Сидовъ, возвращаясь изъ національнаго собранія, подверглись оскорбленіямъ со стороны уличной толпы и должны были спасаться бѣгствомъ отъ дальнѣйшихъ непріятностей.

15-го іюня многочисленная толпа народа напала на цейхгаузъ, разграбила, разрушила его и была остановлена въ

этихъ своихъ подвигахъ, когда скандалъ былъ уже совершенъ. Кампгаузенъ, убѣдившись, что народъ не вполнѣ довѣряетъ ему и подозрѣваетъ его въ реакціонныхъ замыслахъ, оставилъ, 22-го іюня, министерство, и Ганземаннъ составилъ новое, въ которое вошли Рудольфъ Ауэрсвальдъ, Шверинъ, Родбертъ и Мильде. Это новое министерство представило національному собранію проектъ конституціи, выработанный еще при Кампгаузенѣ, и, по духу своему, вполнѣ сообразный съ требованіями времени. Но вмѣсто того, чтобы его усовершенствовать, національное собраніе приступило къ разработкѣ совершенно новаго проекта. Дѣло это шло медленно. Между министерствомъ и народными представителями не было необходимыхъ точекъ соприкосновенія; король же видимо началъ сомнѣваться въ успѣхѣ начатаго политическаго преобразованія страны. Правительство, въ началѣ сессіи, дало на обсужденіе національнаго собранія весьма мало вопросовъ, и депутатамъ сначала нечего было дѣлать. Впослѣдствіи проявилось болѣе жизни и энергіи въ національномъ собраніи, особенно въ отдѣльныхъ его коммисіяхъ, работавшихъ надъ различными отраслями законодательства; но законодательный матеріалъ, собранный этими коммисіями, остался впослѣдствіи, когда власть перешла въ руки ретроградовъ, безъ всякой пользы. Броженіе въ массахъ, слабость министровъ, боязнь реакціи, — все это мѣшало даже дѣльнымъ и мужественнымъ людямъ спокойно заниматься законодательными работами. Ссоры между народомъ и войскомъ были такъ часты и принимали по мѣстамъ такой грозный характеръ, что 9-го августа національное собраніе вынуждено было потребовать отъ офицеровъ, чтобъ они были далеки отъ всякихъ реакціонныхъ стремленій. Офицеры, съ политическими убѣжденіями которыхъ было несогласно это постановленіе, приглашены были выйти въ отставку. Такъ-какъ это постановленіе не было исполнено, то 7-го сентября огромное большинство собранія снова его подтвердило, послѣ чего министерство вышло въ отставку. Король назначилъ новый, реакціонный кабинетъ, въ которомъ генералъ Пфуль занялъ мѣсто президента и военнаго министра, а графъ Дёнгофъ и Эйхманъ — люди старой дипломатіи и бюрократіи — министерства иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Въ столицѣ и въ провинціяхъ непрерывно продолжались всевозможныя безпокойства и безпорядки, которыми реакціонеры пользовались для своихъ цѣлей.

16-го октября въ Берлинѣ произошло кровавое столкновеніе между гражданскою стражею и рабочими; въ тотъ же день вспыхнуло революціонное движеніе въ пунктахъ, находившихся

на далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго: въ Эльбингѣ, Грейфсвальдѣ и Лигницѣ. Нисшіе классы берлинскаго народонаселенія сдѣлались недовѣрчивы и враждебны даже къ большинству національнаго учредительнаго собранія, и нерѣдко члены правой его стороны терпѣли личныя оскорбленія отъ уличной толпы. Министерство не принимало никакихъ мѣръ къ тому, чтобы предотвратить подобныя выходки. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ которые случилось столько безпорядковъ, народная стража не получила должной организаціи. Реакція, выжидавшая только удобной минуты, чтобы овладѣть кормиломъ правленія, увидѣла, что насталъ часъ ея, когда 31-го октября толпа народа въ Берлинѣ окружила театръ, въ которомъ засѣдало національное собраніе, оскорбила нелюбимыхъ депутатовъ при входѣ и выходѣ ихъ изъ собранія, во время же вечерняго засѣданія заколотила большую часть дверей, а снаружи повѣсила веревки, какъ указаніе на то, что нѣкоторые депутаты заслуживаютъ висѣлицы.

На кабинетъ Пфуля съ самаго начала всѣ смотрѣли какъ на переходное министерство. Всѣ чувствовали, что тогдашнее положеніе дѣлъ не могло быть продолжительнымъ. Пфуль съ своими товарищами вышелъ въ отставку, и король поручилъ составленіе новаго кабинета генералу графу Бранденбургу, побочному сыну Фридриха-Вильгельма II. Узнавъ о такомъ реакціонномъ шагѣ короля, національное собраніе послало своего президента съ депутаціею въ Потсдамъ, протестовать противъ назначенія графа Бранденбурга. Король не далъ никакого отвѣта на адресъ и, повидимому, былъ весьма раздраженъ депутаціею, особенно когда одинъ изъ членовъ ея, докторъ Якоби, позволилъ себѣ сказать ему на прощаньи: «несчастье королей въ томъ и состоитъ, что они не хотятъ слышать истины».

9-го ноября былъ объявленъ кабинетскій приказъ объ отставкѣ Пфуля и о назначеніи новаго министерства, съ графомъ Бранденбургомъ во главѣ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Мантейфель. Въ тотъ же день послѣдовало королевское повелѣніе о перемѣщеніи учредительнаго собранія изъ Берлина въ Бранденбургъ и о перерывѣ засѣданій до 27-го ноября. Въ основаніе такой перемѣны приводились опасности и насилія, которымъ депутаты нѣсколько разъ подвергались въ Берлинѣ. Большинство учредительнаго собранія протестовало противъ такого перемѣщенія, оспаривая у короны право на такую мѣру.

10-го ноября генералъ Врангель вошелъ въ Берлинъ съ многочисленнымъ войскомъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопро-

тивленія. Городъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, гражданская стража распущена и сдѣлано распоряженіе о всеобщемъ обезоруженіи. Правая сторона учредительнаго собранія послѣдовала приказанію короля и отправилась въ Бранденбургъ; большинство же, съ президентомъ Унру во главѣ, пыталось продолжать свои засѣданія въ Берлинѣ, гдѣ было изгоняемо изъ одного убѣжища въ другое. Предъ окончательнымъ закрытіемъ своихъ совѣщаній, это либеральное большинство народныхъ представителей издало манифестъ, которымъ запрещалось платить подати новому министерству.

27-го ноября національное учредительное собраніе было дѣйствительно открыто въ Бранденбургѣ, куда депутаты оппозиціи явились лишь для того, чтобы протестовать противъ незаконности дѣйствій собранія. Въ засѣданіи 1-го декабря, въ ту минуту, когда потребовалась подача голосовъ, сто членовъ оппозиціи оставили парламентскую залу и тѣмъ остановили выборъ президента. 5-го декабря король распустилъ національное собраніе, даровалъ народу, собственною властью, новую конституцію, установившую раздѣленіе парламента на двѣ палаты, приказалъ произвести новые выборы и назначилъ открытіе новаго парламента на 26-е февраля, въ Берлинѣ.

Между тѣмъ революція въ Вѣнѣ прошла чрезъ тѣ же стадіи, что и въ Берлинѣ, съ тою только разницей, что, начавшись меньшимъ кровопролитіемъ, она имѣла здѣсь насильственный конецъ. Правительство въ Вѣнѣ, съ половины марта, лишилось всякаго нравственнаго вліянія на народъ; предводители демократической партіи дѣйствовали безъ всякаго плана; масса же народная, по спаденіи съ нея тяжелаго ига, обнаружила мало такта и благоразумія. Впрочемъ, министерству Фикельмонта, составившемуся 1-го апрѣля 1848, удалось успокоить, на время, общественное мнѣніе, рядомъ уступокъ, сдѣланныхъ весьма неохотно. Изданъ былъ, по настоянію университета, довольно либеральный законъ о печати, обнародованы доходы и расходы государства съ 1841 по 1847 годъ, а равно и бюджетъ на 1848, по которому расходы простирались до 155.800,000 флориновъ. Чтобы успокоить крестьянъ, министерство обѣщало имъ широкія соціальныя реформы: 13-го апрѣля обнародованъ былъ указъ о выкупѣ феодальныхъ натуральныхъ повинностей и о замѣнѣ ихъ денежными сборами; 25-го апрѣля, въ день рожденія императора, правительство обнародовало новую конституцію для всей Австрійской монархіи, за исключеніемъ венгерскихъ земель. Этою конституціей за подданными австрійскаго императора утверждались слѣдующія права: равенство

всѣхъ передъ закономъ, личная свобода, свобода совѣсти и религіи, неприкосновенность національности и языка, свобода печати, неприкосновенность тайны частной корреспонденціи, свобода сходокъ, устный и гласный судъ съ присяжными засѣдателями, отвѣтственность министровъ, публичность засѣданій обѣихъ законодательныхъ палатъ. Эти и многія другія вольности были по душѣ умѣреннымъ либераламъ; но крайніе были недовольны дарованною правительствомъ конституціею, ибо она ограничивала выборы въ палату депутатовъ цензомъ и допускала существованіе верхней палаты.

Вслѣдъ за обнародованіемъ конституціи, министры хотѣли распустить центральный комитетъ студентовъ и національной гвардіи, присвоившій себѣ, до нѣкоторой степени, правительственную власть. Узнавъ объ этомъ, вечеромъ 15-го мая, академическій легіонъ, съ оружіемъ въ рукахъ, собрался у зданія, гдѣ совѣщалось министерство. Городъ освѣтился, на многихъ улицахъ поднялись баррикады, распространились слухи о готовящемся народномъ возстаніи. Дворъ пришелъ въ смущеніе, и послѣ полуночи апрѣльская конституція объявлена была отмѣненною. Постановлено было созвать учредительное собраніе, для кореннаго преобразованія государственнаго устройства Австріи. Членовъ этого собранія повелѣно было избрать посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Императоръ, напуганный частыми возмущеніями, вспыхивавшими въ столицѣ, рѣшился тайно оставить Вѣну, что̀ и было исполнено имъ 17-го мая. Императорская фамилія, вмѣсто того, чтобы, послѣ обычной прогулки своей въ Шёнбруннъ, воротиться въ Вѣну, направилась къ Инсбруку. Жители столицы смущены были внезапнымъ удаленіемъ двора, министры же почувствовали припадокъ рѣшительности. Центральный комитетъ студентовъ и національной гвардіи былъ уничтоженъ; нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ агитаторовъ принуждены скрыться. Многочисленныя депутаціи отправлены были жителями столицы въ Инсбрукъ, ко двору, съ просьбою о возвращеніи. Но министры не съумѣли воспользоваться такимъ благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ умовъ и слишкомъ враждебно отнеслись къ революціонной партіи. Они объявили, что императорская фамилія воротится только въ томъ случаѣ, когда распущенъ будетъ студенческій или академическій легіонъ, и уже обнародовали декретъ о его распущеніи. Слѣдствіемъ этого было новое, уже третье возстаніе 26-го мая. Министры должны были взять назадъ свой декретъ. Мало того: министръ внутреннихъ дѣлъ, баронъ Пиллерсдорфъ, возстановить порядокъ поручилъ прежнимъ нарушителямъ его и допу-

стилъ учрежденіе въ Вѣнѣ *комитета безопасности*, составленнаго изъ національныхъ гвардейцевъ, студентовъ и членовъ общинныхъ совѣтовъ. Такимъ образомъ провозглашена была народная диктатура, которая устранила отъ правительственной дѣятельности не только министровъ, но и всю партію порядка и умѣреннаго прогресса.

Къ довершенію несчастій вѣнскаго правительства, общественное спокойствіе было нарушено не только въ Венгріи и Италіи, но еще и въ славянскихъ областяхъ. Чехи вспомнили о своей старинной независимости и враждебно высказались противъ австрійскаго ига. Палацкій, даровитый защитникъ чешской національности, доказывалъ, что Богемія не принадлежитъ Германіи и удерживалъ чеховъ отъ выборовъ во франкфуртское національное собраніе. Чешскіе ораторы, принимая во вниманіе число славянъ въ Австрійской имперіи, заявляли, что Австрія есть скорѣе славянская земля, чѣмъ нѣмецкая, и мечтали о федераціи всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, австрійскихъ славянъ. Чтобы сосредоточить свои силы, предводители чешскаго движенія задумали созвать славянскій съѣздъ въ Прагѣ и обратились ко всѣмъ своимъ единоплеменникамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Братья славяне! Кто изъ насъ не съ грустію смотритъ на наше прошедшее? кому неизвѣстны всѣ бѣдствія, испытанныя нами отъ того, что мы долго были разъединены? Но, разъединенные столько вѣковъ, теперь мы сознаемъ, что мы—одно, что мы—братья. Настали времена важныя, времена, освободившія столько народовъ и снявшія съ этихъ народовъ бремя, подъ тяжестью котораго они стенали. Эти времена сняли много бремени и съ насъ, и мы можемъ теперь высказать, что уже давно чувствовали, обдумать и предпринять то, что служитъ къ нашей пользѣ. Европейскіе народы сговариваются и соединяются. Нѣмцы, для своего соединенія, составили во Франкфуртѣ парламентъ, который стоитъ на томъ, чтобы Австрійская имперія... со всѣми невенгерскими землями вошла въ составъ новаго нѣмецкаго царства. Такой шагъ разрушилъ бы не только единство Австріи, но и соединеніе и самобытность славянскихъ племенъ, которыхъ народность подверглась бы, при этомъ, опасности. Мы должны твердо защищать то, что есть у насъ самаго святаго. Пришло время и намъ, славянамъ, сговориться и соединить наши намѣренія. И потому, радостно соглашаясь на многія желанія, заявленныя намъ изъ разныхъ славянскихъ краевъ, мы взываемъ ко всѣмъ славянамъ Австрійской имперіи и вызываемъ всѣхъ мужей, которые пользуются довѣріемъ народа, и которымъ дорога наша общая

польза—собраться къ 31-му мая сего года въ старославянской Прагѣ чешской, гдѣ бы мы съобща обсудили все то, чего требуетъ польза нашего народа и чтò мы должны дѣлать въ эти важныя времена. Если и другіе славяне, живущіе внѣ нашего государства, захотятъ почтить насъ своимъ присутствіемъ, добро пожаловать! мы будемъ рады имъ, какъ дорогимъ гостямъ. Прага, 1-го мая 1848 года».

Общеславянскій съѣздъ, подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, открытъ былъ въ Прагѣ въ назначенный день. На немъ имѣли своихъ представителей всѣ славянскія племена; представителемъ русскаго народа явился, извѣстный впослѣдствіи, Бакунинъ. Важныхъ, непосредственныхъ результатовъ съѣздъ не имѣлъ, но онъ далъ новый и сильный толчокъ стремленію славянскихъ племенъ составить самостоятельную федерацію. Со времени этого съѣзда славянскія племена стали тѣснѣе сближаться другъ съ другомъ и болѣе, чѣмъ прежде, сознавать свою силу.

Отвращеніе къ нѣмецкой Вѣнѣ и недовѣріе къ министерству, преданному исключительно нѣмецкимъ интересамъ, подало чехамъ поводъ учредить въ Прагѣ временное правительство, съ тою, повидимому, цѣлію, чтобы, наперекоръ мятежной Вѣнѣ, сохранить вѣрность императору. Но умыселъ другой тутъ былъ: вожди чешскаго движенія имѣли при этомъ въ виду выгоды чешской національности. Одинъ изъ знаменитыхъ славянскихъ ораторовъ, Ригеръ, составилъ конституцію для своего отечества, Богеміи, но императоръ не утвердилъ ея, къ великому неудовольствію чеховъ. Время отъ времени на улицахъ Праги происходили у чеховъ съ солдатами-нѣмцами столкновенія, ссоры и драки; дѣло дошло, наконецъ, до кровопролитной борьбы. Начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Прагѣ, былъ рѣшительный и искусный генералъ, князь Виндишгрецъ, врагъ демократіи, прославившійся изрѣченіемъ: «человѣкъ начинается только съ барона». Понятно, что этотъ генералъ не могъ уважить требованія пражскихъ демократовъ, желавшихъ имѣть въ своемъ распоряженіи двадцать-четыре пушки, двѣ тысячи ружей и 80,000 патроновъ, для защиты города отъ какихъ бы то ни было нападеній. Депутація студентовъ и горожанъ, отправленная къ генералу съ просьбою объ оружіи и боевыхъ припасахъ, не имѣла никакого успѣха. Узнавъ объ этомъ, взволновалось все населеніе Праги, и принялось строить баррикады. Пять дней, начиная съ 12-го іюня, продолжалась упорная и кровопролитная борьба жителей чешской столицы съ расположенными на возвышенномъ, выгодномъ мѣстѣ, войсками Вин-

дишгреца, и, наконецъ, Прага должна была сдаться, усмиренная пушечными ядрами.

Послѣ 26-го мая въ Вѣнѣ наступила, недолгая, впрочемъ, пора спокойствія. Демократическая партія желала возвращенія императора, чтобы добиться отъ него утвержденія принятыхъ ею мѣръ, а потому избѣгала всего, что могло бы продлить его отсутствіе. Императоръ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Вѣнѣ эрцгерцога Іоанна, который вскорѣ долженъ былъ отправиться во Франкфуртъ, чтобы стать тамъ во главѣ центральнаго германскаго правительства. Впрочемъ, какъ во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, такъ и въ отсутствіе свое, эрцгерцогъ не имѣлъ никакой силы: какъ до него, такъ и при немъ всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались или въ университетѣ, или въ комитетѣ безопасности.

10-го іюля открыто было самимъ эрцгерцогомъ Іоанномъ, при многочисленномъ стеченіи публики, австрійское учредительное національное собраніе. Оно состояло изъ 383 членовъ, между которыми было 92 крестьянина.

12-го августа, императоръ возвратился въ Вѣну. На этотъ разъ онъ встрѣченъ былъ столичнымъ населеніемъ довольно холодно, кое-гдѣ даже насмѣшками; прежняя искренняя любовь народа къ его личности, повидимому, совершенно исчезла. Какъ мало присутствіе императора имѣло нравственнаго вліянія на массы народонаселенія, можно видѣть изъ того, что, 21-го августа, между національною гвардіей и пролетаріями произошла открытая борьба вслѣдствіе пониженія платы за публичныя, производившіяся насчетъ государства, работы. Пролетаріи были побѣждены, оставивъ на мѣстѣ кровопролитія десятки убитыхъ и раненыхъ. Это столкновеніе послужило поводомъ къ закрытію комитета безопасности, опиравшагося преимущественно на рабочихъ. Но среди всѣхъ этихъ печальныхъ замѣшательствъ и въ цѣломъ весьма мало утѣшительныхъ совѣщаній австрійскаго сейма, совершилось событіе, весьма обильное благодѣтельными послѣдствіями — это освобожденіе крестьянъ.

Положеніе крестьянъ въ Австріи мало измѣнилось съ 1807 года, то-есть съ тѣхъ поръ, когда было отмѣнено личное крѣпостное право и всѣ феодальныя повинности перенесены были съ душъ на пользованіе землею. Въ 1848 году, наканунѣ революціи, сельское населеніе Австрійской имперіи можно раздѣлить на четыре группы. Къ первой, состоявшей изъ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ, принадлежали крестьяне

Тироля, Форарльберга, саксонскіе — въ Трансильваніи, часть истрійскихъ и далматскихъ. Ко второй группѣ принадлежали временно-обязанные крестьяне Ломбардо-венеціанскаго королевства, волошскаго Тироля, части Истріи и Далмаціи. Нѣкоторые изъ нихъ были свободными временными, нѣкоторые же наслѣдственными арендаторами. Третью группу составляли крестьяне Австріи, Штиріи, Каринтіи, Краины, Богеміи, Моравіи, Силезіи, Галиціи и древне-австрійской Истріи, которые хотя и пользовались по закону личною свободою, но на дѣлѣ зависѣли отъ произвола помѣщика, пользовавшагося судебною властью. Крестьяне богемскіе, моравскіе и галицiйскіе лишены были даже права пріобрѣтать землю въ собственность. Въ самомъ жалкомъ положеніи находились крестьяне четвертой группы: венгерскіе, славянскіе и валахскіе, населявшіе Венгрію и Трансильванію. Здѣсь между закономъ и дѣйствительностію была цѣлая пропасть. По закону крестьяне эти были свободны, но въ дѣйствительности помѣщикъ содержалъ ихъ какъ въ прежнія добрыя времена. Разница была только въ томъ, что въ старыя времена помѣщикъ сѣкъ крестьянина въ силу патріархальнаго обычая, въ 1848 же году, наканунѣ переворота,—въ силу своей патримоніально-судебной власти. По закону, крестьянинъ имѣлъ право оставлять помѣщика и переселяться въ другія мѣста, но переходъ этотъ былъ стѣсненъ множествомъ тяжелыхъ условій: крестьянинъ обязанъ былъ уплатить стоимость усадьбы и пріискать себѣ преемника, который бы удовлетворилъ вкусамъ помѣщика. Достаточно было помѣщику объявить крестьянина негоднымъ работникомъ или опаснымъ членомъ сельскаго общества, чтобы согнать крестьянина съ участка. Хотя барщинныя работы и были опредѣлены урочнымъ положеніемъ (еще при Маріи-Терезіи), но при беззащитности крестьянъ, нигдѣ это положеніе не исполнялось. Гдѣ было крестьянину найти защиту? Обиженный крестьянинъ принужденъ былъ вчинать искъ противъ обидѣвшаго его помѣщика у сего же послѣдняго, какъ первой инстанціи. Рѣшеніе состояло обыкновенно въ присужденіи крестьянину извѣстнаго числа палочныхъ ударовъ. Если истецъ переносилъ дѣло въ высшую инстанцію, въ комитатскій судъ, то тамъ обыкновенно разсматривали его жалобу съ нѣжно-патріархальной точки зрѣнія, какъ жалобу сына на отца, и рѣшали дѣло въ пользу отца-помѣщика. Если же крестьянинъ переносилъ дѣло еще въ высшую инстанцію, въ королевскій судъ, составленный тоже изъ магнатовъ, то могъ получить 99 ударовъ, вмѣсто 100, присужденныхъ комитатскимъ судомъ.

Но обыкновенно приговоръ низшихъ инстанцій приводился такъ поспѣшно въ исполненіе, что крестьянской спинѣ не приходилось воспользоваться и этой небольшой скидкой процентовъ наказанія. Эти паріи между крестьянами Австріи не имѣли даже права выкупать свои повинности. Оно было запрещено закономъ, даже еслибы помѣщикъ соглашался на выкупъ и крестьянинъ имѣлъ для того средства. Распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ крестьянинъ не имѣлъ права; только дѣти могли ему наслѣдовать; если же ихъ не было, то двѣ трети достоянія крестьянинъ могъ отказать по завѣщанію, одна треть доставалась помѣщику. Если же крестьянинъ, умирая, не оставилъ завѣщанія, то помѣщикъ наслѣдовалъ все. Барщинная повинность лежала тяжелымъ бременемъ на крестьянахъ, поглощая въ провинціяхъ третьей и четвертой группы отъ 104 до 156 дней въ году у каждаго работника. И несмотря на все это, помѣщичьи земли приносили сравнительно ничтожный доходъ.

Понятно, что австрійскій сеймъ долженъ былъ живо интересоваться крестьянскимъ вопросомъ. 26-го іюля, нѣкто Гансъ Кудлихъ, силезецъ, младшій членъ сейма, докторантъ вѣнскаго университета, внесъ въ собраніе слѣдующее предложеніе: «Да будетъ угодно высокому собранію объявить, что крѣпостныя отношенія отмѣнены со всѣми, вытекающими изъ нихъ правами и обязанностями, съ тѣмъ, что особо отъ сего будетъ опредѣлено, слѣдуетъ ли за это и какое именно вознагражденіе». Предложеніе Кудлиха было выслушанно благосклонно, большинство рукоплескало оратору; но тѣмъ не менѣе предложеніе его, по внесеніи на очередь, залежалось, оттѣсненное другими, нетерпѣвшими отлагательства, дѣлами, какъ-то: редакціей отвѣтнаго адреса.

8-го августа, Кудлихъ снова заговорилъ о крестьянскомъ вопросѣ. «Жаворонокъ свободы—сказалъ онъ—поетъ свою пѣсню, крестьянинъ—Прометей звенитъ своими цѣпями. Дадимте земледѣльцу рождественскій подарокъ. Постановленіе сейма будетъ тронною рѣчью державнаго народа. Скажите слово, которое вѣстникомъ мира пронесется съ оливковою вѣтвію по хижинамъ убогихъ, но раздастся громомъ во дворцахъ богачей». Несмотря на всѣ рукоплесканія, которыми собраніе наградило оратора, желанное слово не было на этотъ разъ произнесено. Одинъ за другимъ стали всходить на трибуну безчисленные ораторы (не изъ крестьянъ) и доказывали трудность выкупа земель и повинностей. Предложено было много поправокъ къ

проекту Кудлиха и много совершенно новыхъ проектовъ по крестьянскому вопросу.

Усилія реакціонеровъ не увѣнчались успѣхомъ. Крестьянскій вопросъ рѣшенъ былъ самою жизнію, ибо со времени мартовской революціи помѣщики перестали получать оброки, крестьяне отказались платить повинности. Оставалось рѣшить лишь вопросъ о выкупѣ. Пренія по этому вопросу, какъ и слѣдовало ожидать, были весьма оживлены. Крестьяне старались доказать, что помѣщики не имѣютъ права на выкупную сумму, и предлагали помѣщикамъ, считающимъ себя обиженными, апеллировать къ предкамъ. Очень сильное впечатлѣніе произвела рѣчь депутата Капусцяка изъ Галиціи, особенно же слова его: «Да, дворянинъ ласково обходился съ мужикомъ: недѣлю заставлялъ его работать, а въ воскресенье запиралъ въ хлѣвѣ и накладывалъ на него цѣпи. Да, дворянинъ человѣколюбивъ: онъ ободряетъ измучившагося мужика хлыстомъ, а когда мужикъ говоритъ, что у него скотина слабая, то дворянинъ кричитъ: такъ запрягись самъ съ женою! Въ трехстахъ шагахъ отъ господскаго дворца снимали мы наши шапки, и если у насъ дѣло было до барина, то должны были задобрить еврея, ибо еврей одинъ вправѣ бесѣдовать съ бариномъ; мужикъ — не вправѣ. На порогъ барскаго дома мужикъ не можетъ вступить: мужикъ-де воняетъ». Не менѣе сильное впечатлѣніе, но только въ другомъ родѣ, произвела рѣчь нѣмца Гельферта, который, между прочимъ, сказалъ: «Отмѣна крестьянскихъ повинностей есть повтореніе легенды о святомъ Криспинѣ: у помѣщиковъ хотятъ украсть кожу, чтобы сшить изъ нея сапоги для крестьянъ».

Результатомъ преній собранія было освобожденіе крестьянъ съ землею за опредѣленную выкупную сумму. Законъ этотъ утвержденъ былъ императоромъ 9-го сентября 1848 года.

Въ началѣ октября произошелъ явный разрывъ между Венгріей и императорскимъ дворомъ, и часть вѣнскаго гарнизона должна была, 6-го октября, двинуться къ венгерской границѣ. Одинъ гренадерскій батальйонъ отказался отъ повиновенія, но когда, призванная начальствомъ, кавалерія хотѣла силою принудить его къ выступленію, то онъ нашелъ себѣ поддержку въ національной гвардіи, въ студентахъ и рабочихъ. На таборскомъ мосту произошла кровопролитная схватка, въ которой были убиты генералъ Бреди и полковникъ Клейнъ. Столкновеніе произошло и въ средѣ самой національной гвардіи, ибо часть ея, склонявшаяся на сторону императора, хотѣла помѣ-

шать звонить въ набатный колоколъ на башнѣ св. Стефана, другая же требовала этого звона. Всюду построены были баррикады, толпа народа устремилась къ зданію военнаго министерства, чтобы отыскать военнаго министра Латура, которому народъ приписывалъ враждебныя мѣры противъ венгерцевъ. Извлеченный изъ своего убѣжища, Латуръ былъ умерщвленъ толпою, которая затѣмъ направилась къ цейхгаузу и запаслась тамъ отличнѣйшимъ оружіемъ. Вѣнская демократія въ этотъ день одержала побѣду, но впослѣдствіи дорого за нее расплатилась.

На слѣдующій день императорская фамилія исчезла изъ Шённбруна; императоръ, въ сопровожденіи сильнаго отряда войскъ, отправился въ Ольмюцъ, поручивъ князю Виндишгрецу покорить Вѣну. Виндишгрецъ, назначенный главнокомандующимъ всѣхъ императорскихъ войскъ, за исключеніемъ итальянскихъ, приблизился 24 октября къ столицѣ и соединился съ баномъ Іелачичемъ, а также и съ вѣнскимъ гарнизономъ, выведеннымъ 6 октября изъ столицы. Вѣна, отрѣзанная отъ остальной монархіи, должна была защищаться одними собственными средствами. Попытка привлечь къ дѣлу возстанія сельскій народъ неудалась. Крестьяне были удовлетворены отмѣною крѣпостнаго права и не хотѣли болѣе принимать никакого участія въ движеніи. Изъ Венгріи нельзя было ждать никакого подкрѣпленія, ибо Кошутъ требовалъ, чтобы національное собраніе открыто прервало всякую связь съ императоромъ, на что не послѣдовало согласія.

20 октября Виндишгрецъ объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи. Національное собраніе продолжало свои засѣданія какъ и прежде, но его ряды стали значительно рѣже: послѣ 6-го октября правая его сторона и большая часть чеховъ оставили столицу. Даже нѣкоторые изъ ораторовъ и вождей движенія сдѣлались невидимыми. Мало помогли столицѣ и прибывшіе въ нее изъ Франкфурта два члена нѣмецкаго парламента: Робертъ Блумъ и Юлій Фребель, хоть и много обнаружили они твердости и мужества. Регентъ сдѣлалъ попытку принять на себя посредничество между дворомъ и Вѣною, но представленія его не были уважены императоромъ. 22-го октября императоръ потребовалъ, чтобы рейхстагъ перенесъ засѣданія свои въ моравскій городъ Кремзьеръ, но рейхстагъ не исполнилъ этого требованія и объявилъ всѣ мѣры, принятыя Виндишгрецомъ противъ столичнаго населенія, незаконными.

23-го октября Вѣна окружена была восьмидесятьютысячнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Виндишгреца, Іелачича и Ауер-

сперга. Въ Вѣнѣ также было много вооруженныхъ людей, но у нихъ не было единства власти. Впрочемъ, и при самомъ лучшемъ предводителѣ долговременная защита столицы была бы невозможна, ибо сельское населеніе не желало поддерживать возстаніе. Тѣмъ не менѣе жители Вѣны защищались упорно и мужественно, и каждый шагъ уступали войскамъ только съ бою. Борьба не прерывалась ни днемъ, ни ночью и съ обѣихъ сторонъ ведена была съ упорствомъ. Защитою города заправлялъ неустрашимый Мессенгаузеръ, бывшій австрійскій офицеръ и писатель, принявшій на этотъ разъ начальство надъ національною гвардіей. Самая активная роль во время борьбы принадлежала польскому генералу Бему, начальнику академическаго легіона и подвижной гвардіи, защищавшему внѣшнія линіи вѣнскихъ укрѣпленій. Другой полякъ, полковникъ Еловицкій, командовалъ артиллеріей. Баррикады построены были методически, но онѣ представляли недостаточную оборону передъ напоромъ регулярныхъ войскъ. Несмотря на упорное мужество осажденныхъ, императорскія войска, при помощи отличной артиллеріи, пробились, 29-го октября, до гласиса, отдѣлявшаго внутренній городъ отъ предмѣстій. Вечеромъ того же дня Мессенгаузеръ объявилъ, что военные припасы всѣ вышли, и что защищать долѣе городъ невозможно. На другой день онъ пригласилъ національную гвардію и прочіе корпуса положить оружіе. Огромное большинство населенія Вѣны уже готово было подчиниться условіямъ, объявленнымъ отъ Виндишгреца, какъ въ полдень, съ башни св. Стефана было примѣчено приближеніе мадьярской арміи, которая, подъ предводительствомъ генерала Мога̀, перешла венгро-австрійскую границу. Но Мога̀ не подалъ Вѣнѣ помощи, которой съ такимъ нетерпѣніемъ ждали осажденные: послѣ непродолжительной схватки съ отрядомъ Виндишгреца, онъ пошелъ назадъ, повинуясь приказаніямъ изъ Пешта.

31-го октября императорскія войска взяли Вѣну штурмомъ.

1-го ноября столица Австріи приняла совершенно новый видъ: національная гвардія, академическій легіонъ, корпуса волонтеровъ, — все это исчезло. Помѣщеніе рейхстага было заперто, а само это собраніе подчинилось волѣ императора, желавшаго перемѣстить его въ Кремзьеръ.

Тотчасъ же по окончаніи борьбы началась кровавая расправа съ главными участниками мятежа. Въ первомъ ряду стоялъ Робертъ Блумъ, который, какъ членъ нѣмецкаго парламента, считалъ себя безопаснымъ отъ преслѣдованій австрійскаго правительства. 9-го ноября Робертъ Блумъ былъ разстрѣлянъ; Мес-

сенгаузеръ, явившійся добровольно, потерпѣлъ ту же участь, хотя въ своей должности главнокомандующаго онъ признанъ былъ министерствомъ и рейхстагомъ. Казнено было множество писателей, національныхъ гвардейцевъ, дезертировъ. За одно и то же преступленіе однихъ разстрѣливали, другихъ миловали; одно и то же обстоятельство было для однихъ причиною смягченія кары, для другихъ — усиленія. Безграничный военный деспотизмъ воцарился въ Вѣнѣ и долго господствовалъ надъ нею. Тупое отчаяніе надолго овладѣло самымъ веселымъ и оживленнымъ изъ городовъ Германіи.

В. Покровскій.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА.

Подтвержденіе покаянія. Заключеніе[1].

Онъ былъ ужасенъ.

Но онъ сознавалъ это лишь въ слабой степени и съ какою-то суровою скромностью оговаривался. «Идетъ нѣкто за мной», говорилъ онъ, «который будетъ еще ужаснѣе меня».

Онъ былъ ужасенъ; но, сверхъ того, онъ былъ кротокъ и съ изумительною невозмутимостью соединялъ непреклонность, почти граничившую съ идіотствомъ. Никто не могъ обвинить его въ воинственной предпріимчивости, какъ обвиняли, напримѣръ, Бородавкина, ни въ порывахъ безумной ярости, которымъ были подвержены Брудастый, Негодяевъ и многіе другіе. Страстность была вычеркнута изъ числа элементовъ, составлявшихъ его природу, и замѣнена непреклонностью, дѣйствовавшею съ регулярностью самаго отчетливаго механизма. Онъ не жестекулировалъ, не возвышалъ голоса, не скрежеталъ зубами, не гоготалъ, не топалъ ногами, не заливался начальственно-язвительнымъ смѣхомъ; казалось, онъ даже не подозрѣвалъ нужды въ административныхъ проявленіяхъ подобнаго рода. Совершенно безчувственнымъ голосомъ выражалъ онъ свои тре-

---

[1] По «краткой описи градоначальникамъ» мѣстами встрѣчается путаница, которая ввела въ заблужденіе и издателя «Лѣтописи». Такъ, напримѣръ, послѣдній очеркъ нашъ («Отеч. Зап.» № 4), былъ законченъ появленіемъ Перехватъ-Залихватскаго, между тѣмъ, по болѣе точнымъ изслѣдованіямъ, оказывается, что за Грустиловымъ слѣдовалъ не Перехватъ-Залихватскій, а Угрюмъ-Бурчеевъ, «бывой прахвостъ», который, по «краткой описи», совсѣмъ пропущенъ. Что касается до Перехватъ-Залихватскаго, то существованіе его хотя и не подлежитъ спору, но онъ явился позднѣе, то-есть въ то время, когда исторія Глупова уже кончилась, и лѣтописецъ даже не описываетъ его дѣйствій, а только даетъ почувствовать, что произошло нѣчто болѣе, нежели то *обыкновенное*, которое совершалось Бородавкиными, Негодяевыми и проч. Всѣ эти ошибки нынѣ исправляются. *Издатель.*

*

бованія, и неизбѣжность ихъ выполненія подтверждалъ устремленіемъ пристальнаго взора, въ которомъ выражалась какая-то неизрѣченная безстыжесть. Человѣкъ, на которомъ останавливался этотъ взоръ, не могъ выносить его. Рождалось какое-то совсѣмъ особенное чувство, въ которомъ первенствующее значеніе принадлежало не столько инстинкту личнаго самосохраненія, сколько опасенію за человѣческую природу вообще. Въ этомъ смутномъ опасеніи утопали всевозможныя предчувствія таинственныхъ и непреодолимыхъ угрозъ. Думалось, что небо обрушится, земля разверзнется подъ ногами, что налетитъ откуда-то смерчъ и все поглотитъ, все разомъ... То былъ взоръ, свѣтлый какъ сталь, взоръ, совершенно свободный отъ мысли, и потому недоступный ни для оттѣнковъ, ни для колебаній. Голая рѣшимость—и ничего болѣе.

Какъ человѣкъ ограниченный, онъ ничего не преслѣдовалъ, кромѣ правильности построеній. Прямая линія, отсутствіе пестроты, простота, доведенная до наготы,—вотъ идеалы, которые онъ зналъ, и къ осуществленію которыхъ стремился. Его понятіе о «долгѣ» не шло далѣе всеобщаго равенства передъ сермягою и шпицрутеномъ; его представленіе о «простотѣ» не переступало далѣе простоты звѣря, обличавшей совершенную наготу потребностей. Разума онъ не признавалъ вовсе, и даже считалъ его злѣйшимъ врагомъ человѣка, опутывающимъ его сѣтью обольщеній и опасныхъ привередничествъ. Передъ всѣмъ, что̀ напоминало веселье, или просто досугъ, онъ останавливался въ недоумѣніи. Нельзя сказать, чтобъ эти естественныя проявленія человѣческой природы приводили его въ негодованіе: нѣтъ, онъ просто на просто не понималъ ихъ. Онъ никогда не бѣсновался, не закипалъ, не мстилъ, не преслѣдовалъ, а подобно всякой другой безсознательно-дѣйствующей силѣ природы, шелъ впередъ, сметая съ лица земли все, что̀ не успѣвало посторониться съ дороги.

Во̀ время посторониться—вотъ все, что̀ было нужно. Районъ, который обнималъ кругозоръ этого идіота, былъ очень узокъ; внѣ этого района можно было и болтать руками, и громко говорить, и дышать, и даже ходить распоясавшись; внутри района—можно было только маршировать. Еслибъ глуповцы поняли это, имъ сто̀ило только встать нѣсколько въ сторонѣ, и ждать. Но они сообразили это поздно, и въ первое время, по примѣру всѣмъ начальстволюбивыхъ народовъ, какъ нарочно совались ему на глаза. Отсюда, безчисленное множество вольныхъ истязаній, которыя словно сѣтью, охватили существованіе обывателей, отсюда же — далеко незаслуженное названіе

«сатаны», которое народная молва присвоила Угрюмъ-Бурчееву. Когда у глуповцевъ спрашивали, что̀ послужило поводомъ для такого эпитета, они ничего толкомъ не объясняли, а только дрожали. Молча указывали они на вытянутые въ струну дома свои, на разбитые передъ этими домами палисадники, на форменные казакины, въ которые однообразно были обмундированы всѣ жители до одного,—и трепетныя губы ихъ шептали: сатана!

Самъ лѣтописецъ, вообще довольно благосклонный къ градоначальникамъ, не можетъ скрыть смутнаго чувства страха, приступая къ описанію дѣйствій Угрюмъ-Бурчеева. «Была въ то время», такъ начинаетъ онъ свое повѣствованіе, «въ одномъ изъ городскихъ храмовъ картина, изображавшая мученія грѣшниковъ въ присутствіи врага рода человѣческаго. Сатана представленъ стоящимъ на верхней ступени адскаго трона, съ повелительно-простертою впередъ рукою и съ мутнымъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство. Ни въ фигурѣ, ни даже въ лицѣ врага человѣческаго не усматривается особливой страсти къ мучительству, а видится лишь нарочитое упраздненіе естества. Упраздненіе сіе произвело только одно явственное дѣйствіе: повелительный жестъ,—а затѣмъ, сосредоточившись само въ себѣ, перешло въ окаменѣніе. И что весьма достойно примѣчанія: какъ ни ужасны пытки и мученія, въ изобиліи по всей картинѣ разсѣянныя, и какъ ни удручаютъ душу кривлянья и судороги злодѣевъ, для коихъ тѣ муки приуготовлены, но каждому зрителю непремѣнно сдается, что даже и сіи страданія менѣе мучительны, нежели страданія сего подлиннаго изверга, который до того всякое естество въ себѣ побѣдилъ, что и на сіи неслыханныя истязанія хладнымъ и непонятливымъ окомъ взирать можетъ». Таково начало лѣтописнаго разсказа, и хотя далѣе слѣдуетъ перерывъ, и лѣтописецъ уже не возвращается къ воспоминанію о картинѣ, но нельзя не догадываться, что воспоминаніе это брошено здѣсь не даромъ.

Въ городскомъ архивѣ до сихъ поръ сохранился портретъ Угрюмъ-Бурчеева. Это мужчина средняго роста съ какимъ-то деревяннымъ лицомъ, очевидно никогда неосвѣщавшимся улыбкой. Густые, остриженные подъ гребенку и какъ смоль черные волосы покрываютъ коническій черепъ и плотно, какъ ермолка, обрамливаютъ узкій и покатый лобъ. Глаза сѣрые, впавшіе, осѣненные нѣсколько припухшими вѣками; взглядъ чистый, безъ колебаній; носъ сухой, спускающійся отъ лба почти въ прямомъ направленіи книзу; губы тонкія, блѣдныя, опушенныя подстриженною щетиной усовъ; челюсти развитыя, но безъ вы-

дающагося выраженія плотоядности, а съ какимъ-то необъяснимымъ букетомъ готовности раздробить или перекусить пополамъ. Вся фигура сухощавая съ узкими плечами, приподнятыми кверху, съ искусственно выпяченною впередъ грудью, и съ длинными, мускулистыми руками. Одѣтъ въ военнаго покроя сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и держитъ въ правой рукѣ сочиненный Бородавкинымъ «Уставъ о неуклонномъ сѣченіи», но, повидимому, не читаетъ его, а какъ бы удивляется, что могутъ существовать на свѣтѣ люди, которые даже эту неуклонность считаютъ нужнымъ обезпечивать какими-то уставами. Кругомъ, пейзажъ, изображающій пустыню, посреди которой стоитъ острогъ; сверху, вмѣсто неба, нависла сѣрая солдатская шинель...

Портретъ этотъ производитъ впечатлѣніе очень тяжелое. Передъ глазами зрителя возстаетъ чистѣйшій типъ идіота, принявшаго какое-то мрачное рѣшеніе, и давшаго себѣ клятву привести его въ исполненіе. Идіоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непремѣнно злы, а потому, что они чужды всякимъ человѣческимъ соображеніямъ, и всегда идутъ напроломъ, какъ будто дорога, на которой они очутились, принадлежитъ исключительно имъ однимъ. Издали можетъ показаться, что э́то люди суровыхъ, но крѣпко сложившихся убѣжденій, которые сознательно стремятся къ твердо означенной цѣли. Однакожь, это оптическій обманъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ увлекаться. Это просто дурашливыя существа, которыя ломятъ впередъ, потому что не въ состояніи сознать себя въ связи съ какимъ бы то ни было порядкомъ явленій...

Обыкновенно, противу идіотовъ принимаются извѣстныя мѣры, чтобъ они, въ неразумной стремительности, не все опрокидывали, что̀ встрѣчается имъ на пути. Но мѣры эти почти всегда касаются только простыхъ идіотовъ; когда же придаткомъ къ идіотству является властность, то дѣло огражденія общества значительно усложняется. Въ этомъ случаѣ, грозящая опасность увеличивается всего суммою неприкрытости, въ жертву которой, въ извѣстные историческіе моменты, кажется отданною жизнь... Тамъ, гдѣ простой идіотъ расшибаетъ себѣ голову или наскакиваетъ на рожонъ, идіотъ властный раздробляетъ и перекусываетъ пополамъ всевозможные рожны и совершаетъ свои, такъ сказать, безсознательныя злодѣянія вполнѣ безпрепятственно. Даже въ самой безплодности, или очевидномъ вредѣ этихъ злодѣяній онъ не почерпаетъ никакихъ для себя поученій. Ему нѣтъ дѣла ни до какихъ результатовъ, потому что результаты эти выясняются не на немъ, а

на чемъ-то иномъ, съ чѣмъ у него не существуетъ никакой органической связи. Еслибы, вслѣдствіе усиленной идіотской дѣятельности, весь міръ обратился въ пустыню, то и этотъ результатъ не устрашилъ бы идіота. Кто знаетъ, быть можетъ, пустыня и представляетъ въ его глазахъ именно ту обстановку, которая изображаетъ собой идеалъ человѣческаго существованія?

Вотъ это-то отвержденное и вполнѣ успокоившееся въ самомъ себѣ идіотство и поражаетъ зрителя въ портретѣ Угрюмъ-Бурчеева. На лицѣ его не видно никакихъ вопросовъ; напротивъ того, во всѣхъ чертахъ выступаетъ какая-то солдатски-невозмутимая увѣренность, что всѣ вопросы давно рѣшены. Какіе это вопросы? Какъ они рѣшены?—это загадка до того мучительная, что рискуешь перебрать всевозможные вопросы и рѣшенія и не напасть именно на тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, это вопросъ о всеобщемъ истребленіи, а можетъ быть, только о томъ, чтобы всѣ люди имѣли грудь выпяченную впередъ на манеръ колеса. Ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что этотъ неизвѣстный вопросъ во чтò бы ни стало будетъ приведенъ въ дѣйствіе. А такъ-какъ подобное противоестественное пріуроченіе извѣстнаго къ неизвѣстному запутываетъ еще болѣе, то послѣдствіе такого положенія можетъ быть только одно: всеобщій паническій страхъ.

Самый образъ жизни Угрюмъ-Бурчеева былъ таковъ, что еще болѣе усугублялъ ужасъ, наводимый его наружностію. Онъ спалъ на голой землѣ, и только въ сильные морозы позволялъ себѣ укрыться на пожарномъ сѣновалѣ; вмѣсто подушки, клалъ подъ головы камень; вставалъ съ зарею, надѣвалъ вицъ-мундиръ, и тотчасъ же билъ въ барабанъ; курилъ махорку до такой степени вонючую, что даже полицейскіе солдаты, и тѣ краснѣли, когда до обонянія ихъ доходилъ занахъ ея; ѣлъ лошадиное мясо, и свободно пережевывалъ воловьи жилы. Въ заключеніе, по три часа въ сутки маршировалъ на дворѣ градоначальническаго дома, одинъ безъ товарищей, произнося самому себѣ командные возгласы, и самъ себя подвергая дисциплинарнымъ взысканіямъ.

Было у него и семейство; но покуда онъ градоначальствовалъ, никто изъ обывателей не видалъ ни жены, ни дѣтей его. Былъ слухъ, что они томились гдѣ-то въ подвалѣ градоначальническаго дома, и что онъ самолично, разъ въ день, черезъ желѣзную рѣшотку, подавалъ имъ хлѣбъ и воду. И дѣйствительно, когда послѣдовало его административное исчезновеніе, были найдены въ подвалѣ какія-то нагія и совершен-

но дикія существа, которыя кусались, визжали, впивались другъ въ друга когтями и огрызались на окружающихъ. Ихъ вывели на свѣжій воздухъ и дали горячихъ щей; сначала, увидѣвъ паръ, они фыркали и выказывали суевѣрный страхъ; но потомъ обручнѣли, и съ такою звѣрскою жадностію набросились на пищу, что тутъ же объѣлись и испустили духъ.

Разсказывали, что возвышеніемъ своимъ Угрюмъ-Бурчеевъ обязанъ былъ совершенно особенному случаю. Жилъ будто бы на свѣтѣ какой-то начальникъ, который вдругъ встревожился мыслію, что никто изъ подчиненныхъ не любитъ его.

— Любимъ, вашество! увѣряли подчиненные.

— Всѣ вы такъ на досугѣ говорите, настаивалъ на своемъ начальникъ: — а дойди до дѣла, такъ никто и пальцемъ для меня не пожертвуетъ!

Мало по малу, идея эта до того окрѣпла въ головѣ ревниваго начальника, что онъ рѣшился испытать своихъ подчиненныхъ, и кликнулъ кличъ:

— Кто хочетъ доказать, что любитъ меня, глашалъ онъ:— тотъ пусть отрубитъ указательный палецъ правой руки своей!

Никто, однакожь, на кличъ не спѣшилъ; одни не выходили впередъ, потому что были изнѣжены, и знали, что порубленіе пальца сопряжено съ болью; другіе не выходили по недоразумѣнію: думали, что начальникъ опрашиваетъ, всѣмъ ли довольны, и вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросъ, только во весь ротъ зѣвали: «рады стараться, ваше-е-е-ество-о!»

— Кто же хочетъ доказать! выходи! не бойся! повторилъ свой кличъ ревнивый начальникъ.

Но и на этотъ разъ отвѣтомъ было молчаніе, или же такіе крики, которые совсѣмъ не исчерпывали вопроса. Лицо начальника сперва побагровѣло, потомъ какъ-то грустно поникло.

— Сви...

Но не успѣлъ онъ кончить, какъ изъ рядовъ вышелъ простой, изнуренный шпицрутенами прахвостъ, и веліимъ голосомъ возопилъ:

— Я хочу доказать!

Съ этимъ словомъ, положивъ палецъ на перекладину, онъ тупымъ тесакомъ раздробилъ его.

Сдѣлавши это, онъ улыбнулся. Это былъ единственный случай во всей многоизбіенной его жизни, когда въ лицѣ его мелькнуло что-то человѣческое.

Многіе думали, что онъ совершилъ этотъ подвигъ только ради

освобожденія своей спины отъ палокъ; но нѣтъ, у этого прахвоста созрѣла своего рода идея...

При видѣ раздробленнаго пальца, упавшаго къ ногамъ его, начальникъ сначала изумился, но потомъ пришелъ въ умиленіе.

— Ты меня возлюбилъ, воскликнулъ онъ: — а я тебя возлюблю сторицею!

И послалъ его въ Глуповъ.

Въ то время еще ничего не было достовѣрно извѣстно ни о коммунистахъ, ни о соціалистахъ, ни о такъ-называемыхъ нивелляторахъ вообще. Тѣмъ не менѣе, нивелляторство существовало, и притомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Были нивелляторы «хожденія въ струнѣ», нивелляторы «бараньяго рога», нивелляторы «ежовыхъ рукавицъ» и проч. и проч. Но никто не видѣлъ въ этомъ ничего угрожающаго обществу или подрывающаго его основы. Казалось, что ежели человѣка, ради сравненія съ сверстниками, лишаютъ жизни, то хотя лично для него, быть можетъ, особливаго благополучія отъ сего не произойдетъ, но для сохраненія общественной гармоніи это полезно, и даже необходимо. Сами нивелляторы отнюдь не подозрѣвали, что они — нивелляторы, а называли себя добрыми и благопопечительными устроителями, въ мѣрѣ усмотрѣнія радѣющими о счастіи подчиненныхъ и подвластныхъ имъ лицъ...

Такова была простота нравовъ того времени, что мы, свидѣтели эпохи позднѣйшей и вынесшіе на плечахъ своихъ всю сладость нивелляторства, съ трудомъ можемъ перенестись даже воображеніемъ въ тѣ недавнія времена, когда каждый эскадронный командиръ, не называя себя коммунистомъ, вмѣнялъ себѣ, однакожь, за честь и обязанность быть онымъ отъ верхняго конца до нижняго.

Угрюмъ-Бурчеевъ принадлежалъ къ числу самыхъ фанатическихъ нивелляторовъ этой школы. Начертавши прямую линію, онъ замыслилъ втиснуть въ нее весь видимый и невидимый міръ, и притомъ съ такимъ непремѣннымъ разсчетомъ, чтобъ нельзя было повернуться ни взадъ, ни впередъ, ни направо, ни налѣво. Предполагалъ ли онъ при этомъ сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества?—утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ трудно. Скорѣе, однакожь, можно думать, что въ головѣ его вообще никакихъ предположеній ни о чемъ не существовало. Лишь въ позднѣйшія времена (почти на нашихъ глазахъ) мысль о сочетаніи идеи прямолинейности съ идеей всеобщаго осчастливленія была возведена въ довольно прочную

административную теорію, но нивелляторы стараго закала, подобные Угрюмъ-Бурчееву, дѣйствовали въ простотѣ души, единственно по инстинктивному отвращенію отъ кривой линіи и всякихъ зигзаговъ и извилинъ. Угрюмъ-Бурчеевъ былъ прахвостъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Не потому только, что онъ занималъ эту должность въ полку, но прахвостъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми помыслами; словомъ, прахвостъ въ душѣ. Прямая линія соблазняла его не ради того, что она въ то же время есть и кратчайшая — ему нечего было дѣлать съ краткостію — а ради того, что по ней можно было весь вѣкъ маршировать, и ни до чего не домаршироваться. Виртуозность прямолинейности, словно ивовый колъ, засѣла въ его скорбной головѣ, и пустила тамъ цѣлую непроглядную сѣть корней и развѣтвленій. Это былъ какой-то таинственный лѣсъ, преисполненный волшебныхъ сновидѣній. Тѣни гуськомъ шли одна за другой, застегнутыя, выстриженныя, однообразнымъ шагомъ, въ однообразныхъ одеждахъ, все шли, все шли... Всѣ онѣ были снабжены одинаковыми физіономіями, всѣ одинаково молчали, и всѣ одинаково куда-то исчезали. Куда? Казалось, за этимъ сонно-фантастическимъ міромъ существовалъ еще болѣе фантастическій провалъ, который разрѣшалъ всѣ затрудненія тѣмъ, что въ немъ все пропадало, все безъ остатка. Когда фантастическій провалъ поглощалъ достаточное количество фантастическихъ тѣней, Угрумъ-Бурчеевъ, если можно такъ выразиться, перевертывался на другой бокъ, и снова начиналъ другой такой же сонъ. Опять шли гуськомъ тѣни одна за другой, все шли, все шли...

Еще задолго до прибытія въ Глуповъ, онъ уже составилъ въ своей головѣ цѣлый систематическій бредъ, въ которомъ, до послѣдней мелочи, были регулированы всѣ подробности будущаго устройства этой злосчастной муниципіи. На основаніи этого бреда, вотъ въ какой приблизительно формѣ представлялся тотъ городъ, который онъ вознамѣрился возвести на степень образцоваго.

Посрединѣ — площадь, отъ которой радіусами разбѣгаются во всѣ стороны улицы, или, какъ онъ мысленно называлъ ихъ, роты. По мѣрѣ удаленія отъ центра, роты пересѣкаются бульварами, которые въ двухъ мѣстахъ опоясываютъ городъ, и въ то же время представляютъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Затѣмъ форштадтъ, земляной валъ—и свѣту конецъ. Ни рѣки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка, — словомъ, ничего такого, что̀ могло бы служить препятствіемъ для вольной ходьбы, онъ не предусмотрѣлъ. Каждая рота имѣетъ шесть са-

женъ ширины—не больше и не меньше; каждый домъ имѣетъ три окна, выдающіяся въ палисадникъ, въ которомъ растутъ: барская спѣсь, царскія кудри, бураки и татарское мыло. Всѣ дома окрашены свѣтло-сѣрою краской, и хотя въ натурѣ одна сторона улицы всегда обращена на сѣверъ или востокъ, а другая на югъ или западъ, но и это упущено было изъ вида, а предполагалось, что и солнце, и луна всѣ стороны освѣщаютъ одинаково, и въ одно и то же время.

Въ каждомъ домѣ живутъ по двое престарѣлыхъ, по двое взрослыхъ, по двое подростковъ и по двое малолѣтковъ, причемъ лица различныхъ половъ не стыдятся другъ друга. Одинаковость лѣтъ сопрягается съ одинаковостію роста. Въ нѣкоторыхъ ротахъ живутъ исключительно великорослые, въ другихъ — исключительно малорослые, или застрѣльщики. Дѣти, которыя, при рожденіи, оказываются необѣщающими быть твердыми въ бѣдствіяхъ, умерщвляются; люди крайне престарѣлые, и негодные для работъ, тоже могутъ быть умерщвляемы, но только въ такомъ случаѣ, если, по соображеніямъ околодочныхъ надзирателей, въ общей экономіи наличныхъ силъ города чувствуется излишекъ. Въ каждомъ домѣ находится по экземпляру каждаго полезнаго животнаго мужескаго и женскаго пола, которыя обязаны исполнять свойственныя имъ работы и размножаться. На площади сосредоточиваются каменныя зданія, въ которыхъ помѣщаются общественныя заведенія, какъ-то: присутственныя мѣста и всевозможные манежи: для обученія гимнастикѣ, фехтованію и пѣхотному строю, для принятія пищи, для общихъ колѣнопреклоненій и проч. Присутственныя мѣста называются штабами, а служащіе въ нихъ — писарями. Школъ нѣтъ, и грамотности не полагается; наука числъ преподается по пальцамъ. Нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а потому лѣтосчисленіе упраздняется. Праздниковъ два: одинъ весною, немедленно послѣ таянья снѣговъ, называется «Праздникомъ Неуклонности», и служитъ приготовленіемъ къ предстоящимъ бѣдствіямъ; другой — осенью, называется «Праздникомъ Предержащихъ Властей», и посвящается воспоминаніямъ о бѣдствіяхъ, уже испытанныхъ. Отъ будней эти праздники отличаются только усиленнымъ упражненіемъ въ маршировкѣ.

Такова была внѣшняя постройка этого бреда. Затѣмъ предстояло урегулировать внутреннюю обстановку живыхъ существъ, въ немъ захваченныхъ. Въ этомъ отношеніи фантазія Угрюмъ-Бурчеева доходила до опредѣлительности по истинѣ изумительной.

Всякій домъ есть не что иное, какъ *поселенная единица*,

имѣющая своего командира и своего шпіона, и принадлежащая къ десятку, носящему названіе *взвода*. Взводъ въ свою очередь имѣетъ командира и шпіона; пять взводовъ составляютъ роту, пять ротъ—полкъ. Всѣхъ полковъ четыре, которые образуютъ, вопервыхъ, двѣ бригады, и, вовторыхъ, дивизію; въ каждомъ изъ этихъ подраздѣленій имѣется командиръ и шпіонъ. Затѣмъ слѣдуетъ собственно городъ, который изъ Глупова переименовывается въ «вѣчно-достойныя памяти великаго князя Святослава Игоревича» городъ Непреклонскъ. Надъ городомъ паритъ, окруженный облакомъ, градоначальникъ, или иначе сухопутныхъ и морскихъ силъ города Непреклонска оберъ-комендантъ, который со всѣми входитъ въ пререканія, и всѣмъ даетъ чувствовать свою власть.

Въ каждой поселенной единицѣ время распредѣляется самымъ строгимъ образомъ. Съ восходомъ солнца всѣ въ домѣ поднимаются; взрослые и подростки облекаются въ единообразныя одежды (по особымъ, апробованнымъ градоначальникомъ рисункамъ), подчищаются и подтягиваютъ ремешки. Малолѣтные сосутъ на скорую руку материнскую грудь; престарѣлые произносятъ краткое поученіе, неизмѣнно оканчивающееся непечатнымъ словомъ; шпіоны спѣшатъ съ рапортами. Черезъ полчаса въ домѣ остаются лишь престарѣлые и малолѣтки, потому что прочіе уже отправились къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Сперва они вступаютъ въ «манежъ для колѣнопреклоненій», гдѣ нà скоро прочитываютъ молитву; потомъ направляютъ стопы въ «манежъ для тѣлесныхъ упражненій», гдѣ укрѣпляютъ организмъ фехтованіемъ и гимнастикой; наконецъ, идутъ въ «манежъ для принятія пищи», гдѣ получаютъ по куску чернаго хлѣба, посыпаннаго солью. По принятіи пищи, выстраиваются на площади въ карè, и оттуда, подъ предводительствомъ командировъ, повзводно разводятся на общественныя работы. Работы производятся по командѣ. Обыватели разомъ нагибаются и выпрямляются; сверкаютъ лезвія косъ, стучатъ заступы, сохи бороздятъ землю,—все по командѣ. Землю пашутъ, стараясь выводить сохами вензеля, изображающіе начальныя буквы именъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые наиболѣе прославились неуклонностію. Около каждаго рабочаго взвода стоитъ солдатъ съ ружьемъ, и черезъ каждыя пять минутъ стрѣляетъ въ солнце. Посреди этихъ мѣрныхъ взмаховъ, нагибаній и выпрямленій прохаживается по прямой линіи самъ Угрюмъ-Бурчеевъ, весь покрытый пòтомъ, и затягивая:

Разъ — первòй! разъ — другой!

а за нимъ всѣ работающіе подхватываютъ:

Ухнемъ!
Дубинушка, ухнемъ!

Но вотъ, солнце достигаетъ зенита, и Угрюмъ-Бурчеевъ кричитъ: шабашъ! Опять повзводно строятся обыватели, и направляются обратно въ городъ, гдѣ церемоніальнымъ маршемъ проходятъ черезъ «манежъ для принятія пищи», и получаютъ по куску чернаго хлѣба съ солью. Послѣ краткаго отдыха, состоящаго въ маршировкѣ, люди снова строятся, и прежнимъ порядкомъ разводятся на работы впредь до солнечнаго заката; по закатѣ, всякій получаетъ по новому куску хлѣба и спѣшитъ домой лечь спать. Ночью, надъ Непреклонскомъ витаетъ духъ Угрюмъ-Бурчеева и стережетъ обывательскій сонъ...

Ни Бога, ни идоловъ — ничего...

Въ этомъ фантастическомъ мірѣ нѣтъ ни страстей, ни увлеченій, ни привязанностей. Всѣ живутъ каждую минуту вмѣстѣ, и всякій чувствуетъ себя одинокимъ. Жизнь ни на мгновенье не отвлекается отъ исполненія безчисленнаго множества дурацкихъ обязанностей, изъ которыхъ каждая разсчитана заранѣе и надъ каждымъ человѣкомъ тяготѣетъ, какъ рокъ. Женщины имѣютъ право ражать дѣтей только зимой, потому что нарушеніе этого правила можетъ воспрепятствовать успѣшному ходу лѣтнихъ работъ. Союзы между молодыми людьми устраиваются не иначе, какъ сообразно росту и тѣлосложенію, такъ-какъ это удовлетворяетъ требованіямъ правильнаго и красиваго фронта. Нивелляторство, упрощенное до опредѣленной дачи чернаго хлѣба — вотъ сущность этой кантонистской фантазіи...

Тѣмъ не менѣе, когда Угрюмъ-Бурчеевъ изложилъ свой бредъ передъ начальствомъ, то послѣднее не только не встревожилось, но съ удивленіемъ, доходившимъ почти до благоговѣнія, взглянуло на темнаго прахвоста, задумавшаго уловить вселенную. Страшная масса исполнительности, дѣйствующая какъ одинъ человѣкъ, поражала воображеніе. Весь міръ представлялся испещреннымъ черными точками, въ которыхъ, подъ бой барабана, двигаются по прямой линіи люди, и все идутъ, все идутъ. Эти поселенныя единицы, эти взводы, роты, полки — все это, взятое вмѣстѣ, не намекаетъ ли на какую-то лучезарную даль, которая покамѣсть еще задернута туманомъ, но современемъ, конечно, туманы разсѣются, и тогда... Что же это, однако, за даль? что̀ скрываетъ она?

— Ка-за-р-рмы! совершенно опредѣлительно подсказывало возбужденное до героизма воображеніе.

— Казар-р-рмы! въ свою очередь, словно эхо, вторилъ угрюмый прахвостъ, и произносилъ при этомъ такую несосвѣтимую

клятву, что начальство чувствовало себя какъ бы опаленнымъ какимъ-то таинственнымъ огнемъ...

Управившись съ Грустиловымъ и разогнавъ безумное скопище, Угрюмъ-Бурчеевъ немедленно приступилъ къ осуществленію своего бреда.

Но въ томъ видѣ, въ какомъ Глуповъ предсталъ глазамъ его, городъ этотъ далеко не отвѣчалъ его идеаламъ. Это была скорѣе безпорядочная куча хижинъ, нежели городъ. Не имѣлось яснаго центральнаго пункта; улицы разбѣгались вкривъ и вкось; домà лепились кое-какъ, безъ всякой симметріи, по мѣстамъ тѣснясь другъ къ другу, по мѣстамъ оставляя въ промежуткахъ огромные пустыри. Слѣдовательно, предстояло не улучшать, но создавать вновь. Но что̀ же можетъ значить слово «создавать» въ понятіяхъ такого человѣка, который съ юныхъ лѣтъ закалился въ должности прахвоста? — «Создавать» — это значитъ представить себѣ, что находишься въ дремучемъ лѣсу; это значитъ взять въ руки топоръ и помахивая этимъ орудіемъ творчества направо и налѣво, неуклонно идти куда глаза глядятъ. Именно такъ Угрюмъ-Бурчеевъ и поступалъ.

На другой же день по пріѣздѣ, онъ обошелъ весь городъ. Ни кривизна улицъ, ни великое множество закоулковъ, ни разбросанность обывательскихъ хижинъ — ничто не остановило его. Ему было ясно одно: что передъ глазами его дремучій лѣсъ, и что слѣдуетъ съ этимъ лѣсомъ распорядиться. Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюмъ-Бурчеевъ на минуту вперялъ въ нее недоумѣвающій взоръ, но тотчасъ же выходилъ изъ оцепенѣнія и молча дѣлалъ жестъ впередъ, какъ бы проектируя прямую линію. Такъ шелъ онъ долго, все простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазамъ его предстала рѣка, онъ почувствовалъ, что съ нимъ совершилось что-то необыкновенное.

Онъ позабылъ... онъ ничего подобнаго не предвидѣлъ... До сихъ поръ, фантазія его шла все прямо, все по ровному мѣсту. Она устраняла, разсѣкала и воздвигала моментально, не зная препятствій, а питаясь исключительно своимъ собственнымъ содержаніемъ. И вдругъ... Излучистая полоса жидкой стали сверкнула ему въ глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла подъ взглядомъ этого административнаго василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какіе-то особенные, но несомнѣнно живые звуки. Она жила.

— Кто тутъ? спросилъ онъ въ ужасѣ.

Но рѣка продолжала свой говоръ, и въ этомъ говорѣ слышалось что-то искушающее, почти зловѣщее. Казалось, эти звуки говорили: хитеръ, прахвостъ, твой бредъ, но есть и другой бредъ, который, пожалуй, похитрѣй твоего будетъ. Да; это былъ тоже бредъ, или лучше сказать, тутъ встали лицомъ къ лицу два бреда: одинъ, созданной лично Угрюмъ-Бурчеевымъ, и другой, который врывался откуда-то со стороны и заявлялъ о совершенной своей независимости отъ перваго.

— Зачѣмъ? спросилъ, указывая глазами на рѣку, Угрюмъ-Бурчеевъ у сопровождавшихъ его квартальныхъ, когда пришелъ первый моментъ оцепенѣнія.

Квартальные не поняли; но во взглядѣ градоначальника было нѣчто до такой степени устраняющее всякую возможность уклониться отъ объясненія, что они рѣшились отвѣчать, даже не понимая вопроса.

— Рѣка-съ... навозъ-съ... лепетали они какъ попало.

— Зачѣмъ? повторилъ онъ испуганно, и вдругъ, какъ бы боясь углубляться въ дальнѣйшіе разспросы, круто повернулъ налѣво кругомъ и пошелъ назадъ.

Судорожнымъ шагомъ возвращался онъ домой и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Уймý! я ее уймý!

Дòма, онъ черезъ минуту уже рѣшилъ дѣло по существу. Два одинаково великихъ подвига предстояли ему: разрушить городъ и устранить рѣку. Средства для исполненія перваго подвига были обдуманы уже заранѣе; средства для исполненія втораго представлялись уму неясно и сбивчиво. Но такъ-какъ не было той силы въ природѣ, которая могла бы убѣдить прахвоста въ невѣденіи чего бы то ни было, то въ этомъ случаѣ невѣжество являлось совершенно равносильнымъ знанію.

Онъ не былъ ни технологъ, ни инженеръ; но онъ былъ твердой души прахвостъ, а это тоже своего рода сила, обладая которою можно покорить міръ. Онъ ничего не зналъ ни о процессѣ образованія рѣкъ, ни о законахъ, по которымъ онѣ текутъ внизъ, а не вверхъ, но былъ убѣжденъ, что стоитъ только указать: отъ сихъ мѣстъ до сихъ — и на протяженіи отмѣреннаго пространства навѣрное возникнетъ материкъ, а затѣмъ, попрежнему, и направо и налѣво, будетъ продолжать течь рѣка.

Остановившись на этой мысли, онъ началъ готовиться.

Въ какой-то дикой задумчивости бродилъ онъ по улицамъ, заложивъ руки за спину, и бормоча подъ носъ невнятныя сло-

ва. На пути, встрѣчались обыватели, одѣтые въ самыя разнообразныя лохмотья, и кланялись въ поясъ. Передъ нѣкоторыми онъ останавливался, вперялъ непонятливый взоръ въ лохмотья и произносилъ:

— Зачѣмъ?

И, снова впавши въ задумчивость, продолжалъ путь далѣе.

Минуты этой задумчивости были самыми тяжелыми для глуповцевъ. Какъ оцѣпенѣлые, застывали они передъ нимъ, не будучи въ силахъ оторвать глаза отъ его свѣтлаго какъ сталь взора. Какая-то неисповѣдимая тайна скрывалась въ этомъ взорѣ, и тайна эта тяжелымъ, почти свинцовымъ пологомъ нависла надъ цѣлымъ городомъ.

Городъ приникъ; въ воздухѣ чувствовались спертость и духота.

Онъ еще не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, не высказалъ никакихъ мыслей, никому не сообщилъ своихъ плановъ, а всѣ уже понимали, что пришелъ *конецъ.* Въ этомъ убѣждало безпрерывное мельканіе идіота, носившаго въ себѣ тайну; въ этомъ убѣждало тихое рычаніе, исходившее изъ его внутренностей. Незримо ни для кого, прокрался въ среду обывателей смутный ужасъ, и безраздѣльно овладѣлъ всѣми. Всѣ мыслительныя силы сосредоточивались на загадочномъ идіотѣ, и въ мучительномъ безпокойствѣ кружились въ одномъ и томъ же волшебномъ кругѣ, котораго центромъ былъ *онъ.* Люди позабыли прошедшее и не задумывались о будущемъ. Нехотя исполняли они необходимыя житейскія дѣла, нехотя сходились другъ съ другомъ, нехотя жили со дня на день. Къ чему? — вотъ единственный вопросъ, который представлялся каждому, при видѣ грядущаго вдали идіота. Зачѣмъ жить, если жизнь нанавсегда отравлена представленіемъ объ идіотѣ? Зачѣмъ жить, если нѣтъ средствъ защитить взоръ отъ его ужаснаго вездѣсущія? Глуповцы позабыли даже взаимныя распри и попрятались по угламъ, въ тоскливомъ ожиданіи...

Казалось, онъ и самъ понималъ, что конецъ наступилъ. Никакими текущими дѣлами онъ не занимался, а въ правленіе даже не заглядывалъ. Онъ порѣшилъ однажды навсегда, что старая жизнь безвозвратно канула въ вѣчность, и что слѣдовательно незачѣмъ и тревожить этотъ хламъ, который не имѣетъ никакого отношенія къ будущему. Квартальные нравственно и физически истерзались; вытянувшись и затаивши дыханіе, они становились на линіи, по которой *онъ* проходилъ, и ждали, не будетъ ли приказаній; но приказаній не было. Онъ молча проходилъ мимо и не удостоивалъ ихъ даже взглядомъ.

Не стало въ Глуповѣ никакого суда: ни милостиваго, ни немилостиваго, ни скораго, ни нескораго. На первыхъ порахъ, глуповцы, по старой привычкѣ, вздумали-было обращаться къ нему съ претензіями и жалобами другъ на друга; но онъ даже не понялъ ихъ.

— Зачѣмъ? говорилъ онъ, съ какимъ-то дикимъ изумленіемъ обозрѣвая жалобщика съ головы до ногъ.

Въ смятеніи оглянулись глуповцы назадъ, и съ ужасомъ увидѣли, что назади дѣйствительно ничего нѣтъ.

Наконецъ, страшный моментъ насталъ. Послѣ недолгихъ колебаній, онъ рѣшилъ такъ: сначала разрушить городъ, а потомъ уже приступить къ рѣкѣ. Очевидно, онъ еще надѣялся, что рѣка образумится сама собой.

За недѣлю до Петрова дня, онъ объявилъ приказъ: всѣмъ говѣть. Хотя глуповцы всегда говѣли очень охотно, но выслушавши внезапный приказъ Угрюмъ-Бурчеева, смутились. Стало быть, въ самомъ дѣлѣ предстоитъ что-нибудь рѣшительное, коль скоро, для принятія этого рѣшительнаго, потребны такія приготовленія? Этотъ вопросъ сжималъ всѣ сердца тоскою. Думали сначала, что *онъ* будетъ палить, но, заглянувъ на градоначальническій дворъ, гдѣ стоялъ пушечный снарядъ, изъ котораго обыкновенно палили въ обывателей, убѣдились, что пушки стоятъ незаряженныя. Потомъ остановились на мысли, что будетъ произведена повсемѣстная «выемка», и стали готовиться къ ней: прятали книги, письма, лоскутки бумаги, деньги и даже иконы, — однимъ словомъ все, въ чемъ можно было усмотрѣть какое-нибудь оказательство.

— Кто его знаетъ, какой онъ вѣры? шептались промежь себя глуповцы: — можетъ, и фармазонъ?

А *онъ* все маршировалъ по прямой линіи, заложивъ руки за спину и никому не объявлялъ своей тайны.

Въ петровъ день всѣ причастились, а многіе даже соборовались наканунѣ. Когда запѣли причастный стихъ, въ церкви раздались рыданія, «больше же всѣхъ вопили голова и предводитель, опасаясь за многое имѣніе свое». Затѣмъ, проходя отъ причастія мимо градоначальника, кланялись и поздравляли, но онъ стоялъ дерзостно и прямо, и никому даже не кивнулъ головой.

День прошелъ въ тишинѣ невообразимой. Стали люди разгавливаться, но никому не шелъ кусокъ въ горло, а всѣ опять заплакали. Но когда проходилъ мимо градоначальникъ (онъ въ этотъ день ходилъ форсированнымъ маршемъ), то поспѣшно отирали слезы и старались придать лицамъ безпечное и до-

вѣрчивое выраженіе. Надежда не вся еще исчезла. Все думалось: вотъ увидятъ начальники нашу невинность, и простятъ...

Но Угрюмъ-Бурчеевъ ничего не увидѣлъ и ничего не простилъ.

«30-го іюня», повѣствуетъ лѣтописецъ, «на другой день празднованья памяти святыхъ и славныхъ апостоловъ Петра и Павла, былъ сдѣланъ первый приступъ къ сломкѣ города». Градоначальникъ, съ топоромъ въ рукѣ, первый выбѣжалъ изъ своего дома и бросился на городническое правленіе. Обыватели послѣдовали примѣру его. Раздѣленные на отряды (въ каждомъ уже свечера былъ назначенъ особый урядникъ и особый шпіонъ), они разомъ на всѣхъ пунктахъ начали работу разрушенія. Раздался стукъ топора и визгъ пилы; воздухъ наполнился криками рабочихъ и грохотомъ падающихъ на землю бревенъ; пыль густымъ облакомъ нависла надъ городомъ и затемнила солнечный свѣтъ. Всѣ были на лицо, всѣ до единаго; взрослые и сильные рубили и ломали; малолѣтные и слабосильные сгребали мусоръ и свозили его къ рѣкѣ. Отъ зари до зари, люди неутомимо преслѣдовали задачу разрушенія собственныхъ жилищъ, а на ночь укрывались въ устроенныхъ на выгонѣ баракахъ, куда было свезено и обывательское имущество. Они сами не понимали, что̀ дѣлаютъ, и даже не вопрошали другъ друга, точно ли все это на яву происходитъ. Они сознавали только одно: что конецъ наступилъ и что за ними вездѣ, вездѣ слѣдитъ непонятливый взоръ угрюмаго идіота. Мелькомъ, словно во снѣ, припоминались нѣкоторымъ старикамъ примѣры изъ исторіи, а въ особенности изъ эпохи, когда градоначальствовалъ Бородавкинъ, который навелъ въ городъ оловянныхъ солдатиковъ и однажды, въ минуту безумной отваги, скомандовалъ имъ: ломай! Но вѣдь тогда все-таки была война, а теперь... безъ всякаго повода... среди глубокаго земскаго мира...

Угрюмъ-Бурчеевъ мѣрнымъ шагомъ ходилъ среди всеобщаго опустошенія, и на губахъ его играла та же самая улыбка, которая озарила лицо его въ ту минуту, когда онъ, въ порывѣ начальстволюбія, отрубилъ себѣ указательный палецъ правой руки. Онъ былъ доволенъ, онъ даже мечталъ. Мысленно, онъ уже шелъ дальше простаго разрушенія. Онъ разсортировывалъ жителей по росту и тѣлосложенію; онъ разводилъ мужей съ законными женами и соединялъ съ чужими; онъ раскассировывалъ дѣтей по семьямъ, соображаясь съ положеніемъ каждаго семейства; онъ назначалъ взводныхъ, ротныхъ и другихъ командировъ, избиралъ шпіоновъ и т. д. Клятва, данная начальни-

ку, на половину уже выполнена. Все на чеку, все кипитъ, все готово вынырнуть во всеоружіи; остаются подробности, но и тѣ давнымъ давно предусмотрѣны и рѣшены. Какая-то сладкая восторженность пронизывала все существо угрюмаго прахвоста, и уносила его далеко, далеко.

Въ упоеніи гордости, онъ вперялъ глаза въ небо, смотрѣлъ на свѣтила небесныя, и, казалось, это зрѣлище приводило его въ недоумѣніе.

— Зачѣмъ? бормоталъ онъ чуть слышно, и долго-долго о чемъ-то думалъ и что-то соображалъ.

Что именно?

Черезъ полтора или два мѣсяца не оставалось уже камня на камнѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ работа опустошенія приближалась къ набережной рѣки, чело Угрюмъ-Бурчеева омрачалось. Рухнулъ послѣдній, ближайшій къ рѣкѣ домъ; въ послѣдній разъ звякнулъ ударъ топора, а рѣка не унималась. Попрежнему, она текла, дышала, журчала и извивалась; попрежнему, одинъ берегъ ея былъ крутъ, а другой представлялъ луговую низину, на далекое пространство заливаемую, въ весеннее время, водой. Бредъ продолжался.

Громадныя кучи мусора, навоза и соломы уже были сложены по берегамъ, и ждали только манія, чтобъ исчезнуть въ глубинахъ рѣки. Нахмуренный идіотъ бродилъ между грудами и велъ имъ счетъ, какъ бы опасаясь, чтобъ кто-нибудь не похитилъ драгоцѣннаго матеріала. Повременамъ, онъ съ увѣренностью бормоталъ:

— Уйму! я ее уйму!

И вотъ вождѣленная минута наступила. Въ одно прекрасное утро, созвавши будочниковъ, онъ привелъ ихъ къ берегу рѣки, отмѣрилъ шагами пространство, указалъ глазами на теченіе, и яснымъ голосомъ произнесъ:

— Отъ сихъ мѣстъ—до сихъ!

Какъ ни были забиты обыватели, но и они восчувствовали. До сихъ поръ, разрушались только дѣла рукъ человѣческихъ, теперь же очередь доходила до дѣла извѣчнаго, нерукотвореннаго. Многіе разинули рты, чтобъ возроптать, но онъ даже не замѣтилъ этого колебанія, а только какъ бы удивился, зачѣмъ это люди такъ долго мѣшкаютъ.

— Гони! скомандовалъ онъ будочникамъ, вскидывая глазами на колышущуюся толпу.

Борьба съ природой восприяла начало.

Масса, съ тайными вздохами ломавшая дома свои, съ тайными же вздохами закопошилась въ водѣ. Казалось, что рабо-

*

чія силы Глупова сдѣлались неистощимыми, и что чѣмъ болѣе заявляла себя безстыжесть притязаній, тѣмъ растяжимѣе становилась сумма орудій, подлежащихъ ея эксплуатаціи.

Много было наѣзжихъ людей, которые раззоряли Глуповъ; одни—ради шутки, другіе—въ минуту грусти, запальчивости или увлеченія; но Угрюмъ-Бурчеевъ былъ первый, который задумалъ раззорить городъ серьёзно. Отъ зари до зари кишѣли люди въ водѣ, вбивая въ дно рѣки сваи, и заваливая мусоромъ и навозомъ пропасть, казавшуюся бездонною. Но слѣпая стихія шутя рвала и разметывала наносимый цѣною нечеловѣческихъ усилій хламъ, и съ каждымъ разомъ все глубже и глубже прокладывала себѣ ложе. Щепки, навозъ, солома, мусоръ—все уносилось быстриной въ невѣдомую даль, и Угрюмъ-Бурчеевъ, съ удивленіемъ, доходящимъ до испуга, слѣдилъ «непонятливымъ» окомъ за этимъ почти волшебнымъ исчезновеніемъ его надеждъ и намѣреній.

Наконецъ, люди истомились, и стали заболѣвать. Сурово выслушивалъ Угрюмъ-Бурчеевъ ежедневные рапорты десятниковъ о числѣ выбывшихъ изъ строя рабочихъ, и, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, командовалъ:

— Гони!

Появлялись новыя партіи, которыя, какъ цвѣтъ папоротника, гдѣ-то таинственно наростали, чтобы немедленно же исчезнуть въ пучинѣ водоворота. Наконецъ, привели и предводителя, который, одинъ въ цѣломъ городѣ, считалъ себя свободнымъ отъ работъ, и стали толкать его въ рѣку. Однако, предводитель пошелъ не сразу, но протестовалъ и сослался на какія-то права.

— Гони! скомандовалъ Угрюмъ-Бурчеевъ.

Толпа загоготала. Увидѣвъ, какъ предводитель, краснѣя и стыдясь, засучивалъ штаны, она почувствовала себя бодрою и удвоила усилія.

— Ради стараться, ваше-е-ство! кричала она на встрѣчу обезпамятѣвшему отъ страха представителю глуповской интеллигенціи.

Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе: груды мусора убывали въ виду всѣхъ, такъ что скоро нечего было валить въ рѣку. Принялись за послѣднюю груду, на которую Угрюмъ-Бурчеевъ надѣялся, какъ на каменную гору. Рѣка задумалась, забуровила дно, но черезъ мгновеніе потекла дальше и веселѣе прежняго.

Однажды, однакоже, счастье улыбнулось ему. Собравъ послѣднія усилія, и истощивъ весь запасъ мусора, жители при-

нялись за строительный матеріалъ, и разомъ двинули въ рѣку цѣлую массу его. Затѣмъ, толпы съ гикомъ бросились въ воду и стали погружать матеріалъ на дно. Рѣка всею массою своихъ водъ хлынула на это новое препятствіе и вдругъ закрутилась на одномъ мѣстѣ. Раздался трескъ, свистъ и какое-то громадное клокотаніе, словно милліоны невѣдомыхъ гадинъ разомъ пустили свой шипъ изъ водяныхъ хлябей. Затѣмъ, все смолкло; рѣка на минуту остановилась и тихо-тихо начала разливаться по луговой сторонѣ.

Къ вечеру разливъ былъ до того великъ, что не видно было предѣловъ его, а вода между тѣмъ все прибывала и прибывала. Откуда-то слышался гулъ; казалось, что гдѣ-то рушатся цѣлыя деревни, и тамъ раздаются вопли, стоны и проклятія. Плыли по водѣ стоги сѣна, бревна, плоты, обломки избъ, и достигнувъ плотины, съ трескомъ сталкивались другъ съ другомъ, ныряли, опять выплывали, и сбивались въ кучу въ одномъ мѣстѣ. Разумѣется, Угрюмъ-Бурчеевъ ничего этого не предвидѣлъ, но, взглянувъ на громадную массу водъ, онъ до того просвѣтлѣлъ, что даже получилъ даръ слова и сталъ хвастаться, что съ нимъ заодно само всеблагое Провидѣніе.

— И тако да видятъ людіе! сказалъ онъ, думая попасть въ господствовавшій въ то время фотіевско-аракчеевскій тонъ; но потомъ, вспомнивъ, что онъ все-таки не болѣе, какъ прахвостъ, обратился къ будочникамъ и приказалъ имъ согнать городскихъ поповъ:—гони!

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ воображеніе прахвоста, несдерживаемаго уздою и неугрожаемаго непрерывнымъ представленіемъ о возможности наказанія на тѣлѣ. Однажды возбужденное, оно сбрасываетъ съ себя всякое иго дѣйствительности, и начинаетъ рисовать своему обладателю предпріятія самыя грандіозныя. Погасить солнце, провертѣть въ землѣ дыру, черезъ которую можно было бы наблюдать за тѣмъ, что̀ дѣлается въ аду — вотъ единственныя цѣли, которыя истинный прахвостъ признаетъ достойными своихъ усилій. Голова его уподобляется дикой пустынѣ, во всѣхъ закоулкахъ которой возстаютъ образы самой привередливой демонологіи. Все это мятется, свиститъ, гикаетъ, и, шумя невидимыми крыльями, устремляется куда-то, въ темную, безразсвѣтную даль...

То же произошло и съ Угрюмъ-Бурчеевымъ. Едва увидѣлъ онъ массу воды, какъ въ головѣ его уже утвердилась мысль, что у него будетъ свое собственное море. А такъ-какъ за эту мысль никто не угрожалъ ему шпицрутенами, то онъ сталъ

развивать ее дальше и дальше. Есть море — значитъ, есть и флоты: вопервыхъ, разумѣется, военный, потомъ торговый. Военный флотъ то и дѣло бомбардируетъ; торговый — перевозитъ драгоцѣнные грузы. Но такъ-какъ Глуповъ всѣмъ изобилуетъ и ничего, кромѣ розогъ и административныхъ мѣропріятій, не потребляетъ, другія же страны, какъ-то: село Недоѣдово, деревня Голодаевка и проч. суть совершенно голодныя и притомъ до чрезмѣрности жадныя, то естественно, что торговый балансъ всегда склоняется въ пользу Глупова. Является великое изобиліе звонкой монеты, которую, однакожь, глуповцы презираютъ и бросаютъ въ навозъ, а изъ навоза секретнымъ образомъ выкапываютъ ее евреи и употребляютъ на исходатайствованіе желѣзно-дорожныхъ концессій.

И что жь! — всѣ эти мечты рушились на другое же утро. Какъ ни старательно утаптывали глуповцы вновь созданную плотину, какъ ни охраняли они ея неприкосновенность въ теченіе цѣлой ночи, измѣна уже успѣла проникнуть въ ряды ихъ.

Едва успѣвъ продрать глаза, Угрюмъ-Бурчеевъ тотчасъ же поспѣшилъ полюбоваться на произведеніе своего генія, но, приблизившись къ рѣкѣ, всталъ какъ вкопанный. Произошелъ новый бредъ. Луга обнажились; остатки монументальной плотины въ безпорядкѣ уплывали внизъ по теченію, а рѣка журчала и двигалась въ своихъ берегахъ, точь въ точь, какъ за день тому назадъ.

— Зачѣмъ? возопилъ Угрюмъ-Бурчеевъ, не довѣряя собственнымъ глазамъ.

Но квартальные только хлопали глазами; народъ стоялъ поодаль и трепеталъ.

Нѣкоторое время, Угрюмъ-Бурчеевъ безмолвствовалъ. Съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ слѣдилъ онъ, какъ волна плыветъ за волною, сперва одна, потомъ другая, и еще, и еще... И все это куда-то стремится, и гдѣ-то, должно быть, исчезаетъ...

Вдругъ онъ пронзительно замычалъ и порывисто повернулся на каблукѣ.

— Напра-во круг-гомъ! за мной! раздалась команда.

Толпа дрогнула.

Онъ рѣшился. Рѣка не хотѣла уйти отъ него—онъ уйдетъ отъ нея. Мѣсто, на которомъ стоялъ старый Глуповъ, опостылѣло ему. Тамъ не повинуются стихіи, тамъ овраги и буераки на каждомъ шагу преграждаютъ стремительный бѣгъ; тамъ воочію совершаются волшебства, о которыхъ не говорится ни

въ регламентахъ, ни въ сепаратныхъ предписаніяхъ начальства. Надо бѣжать!

Скорымъ шагомъ удалялся онъ прочь отъ города, а за нимъ, понуривъ головы и едва поспѣвая, слѣдовали обыватели. Наконецъ, къ вечеру онъ пришелъ. Передъ глазами его разстилалась совершенно ровная низина, на поверхности которой не замѣчалось ни одного бугорка, ни одной впадины. Куда ни обрати взоры—вездѣ гладь, вездѣ ровная скатерть, по которой можно шагать до безконечности. Это былъ тоже бредъ, но бредъ точь въ точь совпадавшій съ тѣмъ бредомъ, который гнѣздился въ его головѣ...

— Здѣсь! крикнулъ онъ ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ.

Строился новый городъ на новомъ мѣстѣ, но одновременно съ нимъ выползало на свѣтъ что-то иное, чему еще не было въ то время придумано названія, и что̀ лишь въ позднѣйшее время сдѣлалось извѣстнымъ подъ довольно опредѣленнымъ названіемъ «дурныхъ страстей» и «неблагонадежныхъ элементовъ». Неправильно было бы, впрочемъ, полагать, что это «иное» появилось тогда въ первый разъ; нѣтъ, оно уже имѣло свою исторію, и бдительное начальство не разъ обращало свое вниманіе на это явленіе, но только не умѣло назвать его настоящимъ именемъ. Вездѣ существуютъ «корни и нити»; они существовали и здѣсь точно также, какъ существовали и охотники до разслѣдованія этихъ корней и нитей. И хотя «Московскія Вѣдомости» того времени язвительно укоряли начальство за то, что оно допускало свободное накопленіе и развитіе яда, но, какъ мы увидимъ далѣе, ядъ распространялъ свое жало далеко не такъ привольно, какъ это можно было бы предполагать, судя по этимъ отзывамъ.

Еще во времена Бородавкина, лѣтописецъ упоминаетъ о нѣкоторомъ Іонкѣ Козырѣ, который, послѣ продолжительныхъ странствій по теплымъ морямъ и кисельнымъ берегамъ, возвратился въ родной городъ и привезъ съ собой собственнаго сочиненія книгу подъ названіемъ: «Письма къ другу о водвореніи на землѣ добродѣтели». Разумѣется, оказалось, что это не книга, а чума, и Іонку... Но такъ-какъ біографія этого Іонки составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго либерализма, то читатель, конечно, не посѣтуетъ, если она будетъ разсказана здѣсь съ нѣкоторыми подробностями.

Отецъ Іонки, Семенъ Козырь, былъ простой мусорщикъ, который, воспользовавшись смутными временами, нажилъ себѣ

значительное состояніе. Въ краткій періодъ безначалія (см. «Отеч. Зап.» 1869 г. № 1. «Сказаніе о шести градоначальницахъ»), когда, въ теченіе семи дней, шесть градоначальницъ вырывали другъ у друга кормило правленія, онъ, съ изумительною для глуповца ловкостью, перебѣгалъ отъ одной партіи къ другой, при чемъ такъ искусно заметалъ слѣды свои, что законная власть, посрамленная въ то время въ лицѣ помощника градоначальника, ни на минуту не усумнилась, что Козырь всегда оставался лучшею и солиднѣйшею поддержкой ея. Пользуясь этимъ ослѣпленіемъ, онъ сначала продовольствовалъ войска Ироидки, потомъ—войска Клементинки, Амальки, Нельки, и наконецъ, кормилъ крестьянскими лакомствами Дуньку-толстопятую и Матрену-ноздрю. За все это онъ получалъ деньги по справочнымъ цѣнамъ, которыя самъ же сочинялъ, а такъ-какъ для Мальки, Нельки и прочихъ время было горячее, и считать деньги нѣкогда, то разсчеты кончались тѣмъ, что онъ запускалъ руку въ мѣшокъ и таскалъ оттуда пригоршнями.

Ни помощникъ градоначальника, ни неустрашимый штабъ-офицеръ—никто ничего не зналъ объ интригахъ Козыря, такъ что когда пріѣхалъ въ Глуповъ подлинный градоначальникъ Двоекуровъ, и началась разборка «онаго нелѣпаго и смѣха достойнаго глуповскаго смятенія», то за Семеномъ Козыремъ не только не найдено ни малѣйшей вины, но напротивъ того оказалось, что это «подлинно достойнѣйшій и благопоспѣшительнѣйшій къ подавленію революцій гражданинъ».

Двоекурову Семенъ Козырь полюбился по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, за то, что жена Козыря, Анна, пекла превосходнѣйшіе пироги; вовторыхъ, за то, что Семенъ, сочувствуя просвѣтительнымъ подвигамъ градоначальника, выстроилъ въ Глуповѣ пивоваренный заводъ и пожертвовалъ сто рублей для основанія въ городѣ академіи; втретьихъ, наконецъ, за то, что Козырь не только не забывалъ ни Симеона-богопріимца, ни Гликеріи-дѣвы (дней тезоименитства градоначальника и супруги его), но даже праздновалъ имъ дважды въ годъ. Вслѣдствіе всего этого, милости и льготы потекли на Козыря въ такомъ изобиліи, что онъ потому только не захлебнулся ими, что утроба его соотвѣтствовала утробамъ четырнадцати лошадиныхъ силъ.

Долго памятенъ былъ указъ, которымъ Двоекуровъ возвѣщалъ обывателямъ объ открытіи пивовареннаго завода и разъяснялъ вредъ водки и пользу пива. «Водка», говорилось въ томъ указѣ, «не токмо не вселяетъ веселонравія, какъ многіе

полагаютъ, но, при довольномъ употребленіи, даже отклоняетъ отъ онаго и порождаетъ страсть къ убивству. Пива же можно кушать сколько угодно и безъ всякой опасности, ибо оное не печальныя мысли внушаетъ, а токмо добрыя и веселыя. А потому совѣтуемъ, и приказываемъ: водку кушать только передъ обѣдомъ, но и то изъ малой рюмки, въ прочее же время безопасно кушать пиво, которое нынѣ въ весьма превосходномъ качествѣ и не весьма дорогихъ цѣнъ изъ заводовъ 1-й гильдіи купца Семена Козыря отпущается». Послѣдствія этого указа были для Козыря безчисленны. Въ короткое время, онъ дотого процвѣлъ, что началъ уже находить, что въ Глуповѣ ему тѣсно, а «нужно-де мнѣ, Козырю, въ самой скорости въ Петербургѣ быть, а тамо явиться и ко двору».

Во время градоначальствованія Ѳердыщенки, Козырю посчастливилось еще больше, благодаря вліянію ямщичихи Аленки, которая приходилась ему внучатной сестрой. Въ началѣ 1776 года онъ угадалъ голодъ и сталъ заблаговременно скупать хлѣбъ. По его наущенію, Ѳердыщенко поставилъ у всѣхъ заставъ полицейскихъ, которые останавливали возы съ хлѣбомъ и гнали ихъ прямо на дворъ къ скупщику. Тамъ Козырь объявлялъ, что платитъ за хлѣбъ «по такціи», и ежели между продавцами возникали сомнѣнія, то недоумѣвающихъ отправлялъ въ часть. Голодъ наступилъ...

Но какъ пришло это баснословное богатство, такъ оно и улетучилось. Вопервыхъ, Козырь не поладилъ съ Домашкой-стрѣльчихой, которая заняла мѣсто Алёнки. Вовторыхъ, побывавъ въ Петербургѣ, Козырь сталъ хвастаться; князя Орлова звалъ Гришей, а о Мамоновѣ и Ермоловѣ говорилъ, что они умомъ коротки, что онъ, Козырь, «много имъ насчетъ національной политики толковалъ, да мало они поняли».

Въ одно прекрасное утро, нежданно-негаданно, призвалъ Ѳердыщенко Козыря и повелъ къ нему такую рѣчь:

— Правда ли, говорилъ онъ:—что ты, Семенъ, свѣтлѣйшаго Римской имперіи князя Григорія Григорьевича Орлова Гришкою величалъ и ходючи по кабакамъ, передъ всякаго званія людьми за пріятеля себѣ выдавалъ?

Козырь замялся.

— И на то у меня свидѣтели есть, продолжалъ Ѳердыщенко такимъ тономъ, который не дозволялъ усомниться, что онъ подлинно знаетъ, что̀ говоритъ.

Козырь поблѣднѣлъ.

— И я тотъ твой бездѣльный поступокъ, по благодушію своему, прощаю! вновь началъ Ѳердыщенко: — а которое ты

имѣніе награбилъ, и то имѣніе твое отписываю я, бригадиръ, на себя. Ступай и молись Богу.

И точно: въ тотъ же день отписалъ бригадиръ на себя всю Козыреву движимость и недвижимость, подаривъ однако виновному хижину на краю города, чтобы было гдѣ душу спасти и себя прокормить.

Больной, озлобленный, всѣми забытый доживалъ Козырь свой вѣкъ, и на закатѣ дней вдругъ почувствовалъ приливъ «дурныхъ страстей» и «неблагонадежныхъ элементовъ». Сталъ проповѣдовать, что собственность есть мечтаніе, что только нищіе да постники взойдутъ въ царствіе небесное, а богатые да бражники будутъ лизать раскаленныя сковороды и кипѣть въ смолѣ. При чемъ, обращаясь къ Ѳердыщенкѣ (тогда было на этотъ счетъ просто: грабили, но правду выслушивали благодушно), прибавлялъ:

— Вотъ и ты, чортовъ угодникъ, въ аду съ братцемъ своимъ сатаной калеными угольями трапезоватъ станешь, а я, Семенъ, тѣмъ временемъ на лонѣ Авраамлемъ почивать буду!

Таковъ былъ первый глуповскій демагогъ.

Іоны Козыря не было въ Глуповѣ, когда отца его постигла страшная катастрофа. Когда онъ возвратился домой, всѣ ждали, что поступокъ Ѳердыщенки приведетъ его, по малой мѣрѣ, въ негодованіе, но онъ выслушалъ дурную вѣсть спокойно, не выразивъ ни огорченія, ни даже удивленія. Это была довольно развитая, но совершенно мечтательная натура, которая вполнѣ безучастно относилась къ существующему факту, и эту безучастность восполняла большою дозою утопизма. Въ головѣ его мелькалъ какой-то рай, въ которомъ живутъ добродѣтельные люди, дѣлаютъ добродѣтельныя дѣла и достигаютъ добродѣтельныхъ результатовъ. Но все это именно только мелькало, не укладываясь въ опредѣленныя формы и не идя далѣе простыхъ и не вполнѣ ясныхъ афоризмовъ. Самая книга «О водвореніи на землѣ добродѣтели» была не что иное, какъ сводъ подобныхъ афоризмовъ, неуказывавшихъ и даже не имѣвшихъ цѣлью указать на какія-либо практическія примѣненія. Іонѣ пріятно было сознавать себя добродѣтельнымъ, а еще было бы пріятнѣе, еслибъ и другіе тоже сознавали себя добродѣтельными. Это была потребность его мягкой, мечтательной натуры. Сожительство добродѣтельныхъ людей съ добродѣтельными, отсутствіе зависти, огорченій и заботъ, кроткая бесѣда, тишина, умѣренность—вотъ идеалы, которые онъ проповѣдовалъ, ничего не зная о способахъ для ихъ осуществленія, и предполагая, конечно, что было бы всего удобнѣе,

еслибъ добродѣтельное житіе установилось само собою, разомъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара.

Несмотря на свою расплывчивость, ученіе Козыря пріобрѣло однакожь столько прозелитовъ въ Глуповѣ, что градоначальникъ Бородавкинъ счелъ нелишнимъ обезпокоиться этимъ, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило въ самый разгаръ предпринятыхъ имъ войнъ противъ просвѣщенія. Сначала онъ вытребовалъ къ себѣ книгу «О водвореніи на землѣ добродѣтели» и освидѣтельствовалъ ее; потомъ вытребовалъ и самаго автора для освидѣтельствованія.

— Чёлъ я твою, Іонкину, книгу, сказалъ онъ:—и отъ многихъ написанныхъ въ ней злодѣйствъ былъ приведенъ въ омерзенье.

Іонка казался изумленнымъ. Бородавкинъ продолжалъ:

— Мнишь ты всѣхъ людей добродѣтельными сдѣлать, а про то позабылъ, что добродѣтель не отъ тебя, а отъ Бога, и отъ Бога же всякому человѣку пристойное мѣсто указано.

Іонка изумлялся все больше и больше этому приступу, и не столько со страхомъ, сколько съ любопытствомъ ожидалъ, къ какимъ Бородавкинъ придетъ выводамъ.

— Ежели есть на свѣтѣ клеветники, тати, злодѣи и душегубцы (о чемъ и въ указахъ неотступно публикуется), продолжалъ градоначальникъ:—то съ чего же тебѣ, Іонкѣ, на умъ взбрело, чтобъ имъ не быть? и кто тебѣ такую власть далъ, чтобы всѣхъ сихъ людей отъ природныхъ ихъ званій отставить и заурядъ съ добродѣтельными людьми въ нѣкоторое смѣха достойное мѣсто, тобою «раемъ» продерзостно именуемое, включить, и тамо въ плясках, пѣсняхъ, и бездѣльныхъ разговорахъ время препровождать заставитъ?

Іонка разинулъ-было ротъ, для нѣкоторыхъ разъясненій, но Бородавкинъ прервалъ его.

— Погоди. И ежели всѣ люди въ пѣсняхъ и плясках время препровождать будутъ, то кто же, по твоему, Іонкину, разумѣнію, землю пахать станетъ? и вспахавши сѣять? и посѣявши жать? и собравши плоды, оными господъ дворянъ и прочихъ чиновъ людей довольствовать и питать?

Опять разинулъ ротъ Іонка, и опять Бородавкинъ удержалъ его порывъ.

— Погоди. И за тѣ твои безсовѣстныя рѣчи судилъ я тебя, Іонку, судомъ скорымъ, и присудилъ тако: книгу твою, изодравъ, растоптать (говоря это, Бородавкинъ разодралъ и растопталъ), съ тобой же самимъ, яко съ растлителемъ добрыхъ

нравовъ, по предварительной отдачѣ на поруганіе, поступить какъ мнѣ, градоначальнику, заблагоразсудится.

Такимъ образомъ, Іоной Козыремъ начался мартирологъ глуповскаго либерализма.

Разговоръ этотъ происходилъ утромъ въ праздничный день, а въ полдень вывели Іонку на базаръ, и дабы сдѣлать видъ его болѣе омерзительнымъ, надѣли на него сарафанъ (такъ-какъ въ числѣ послѣдователей Козырева ученія было очень много женщинъ), а на груди привѣсили дощечку съ надписью: *бабникъ и прелюбодѣй*. Въ довершеніе всего, квартальные приглашали торговыхъ людей плевать на преступника, что̀ и исполнялось. Къ вечеру Іонки не стало.

Таковъ былъ первый дебютъ глуповскаго либерализма. Несмотря, однакожь, на неудачу, «дурныя страсти» не умерли, а образовали традицію, которая переходила преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе при всѣхъ послѣдующихъ градоначальникахъ. Къ сожалѣнію, лѣтописцы не предвидѣли страшнаго распространенія этого зла въ будущемъ, а потому, не обращая должнаго вниманія на происходившіе передъ ними факты, заносили ихъ въ свои тетрадки съ прискорбною краткостью. Такъ напримѣръ, при Негодяевѣ упоминается о нѣкоемъ дворянскомъ сынѣ Ивашкѣ Фарафонтьевѣ, который былъ посаженъ на цѣпь за то, что говорилъ хульныя слова, а слова тѣ въ томъ состояли, что «всѣмъ-де людямъ въ ѣдѣ равная потреба настоитъ, и кто-де ѣстъ много, пускай дѣлится съ тѣмъ, кто ѣстъ мало». «И сидя на той цѣпи, Ивашка, умре», прибавляетъ лѣтописецъ. Другой примѣръ случился при Микаладзе, который хотя былъ самъ либералъ, но, по страстности своей натуры, а также по новости дѣла, не всегда могъ воздерживаться отъ заушеній. Во время его управленія городомъ, тридцать-три философа были разсѣяны по лицу земли за то, что «нелѣпымъ обычаемъ говорили: трудящійся да ястъ, нетрудящійся же да вкуситъ отъ плодовъ бездѣлія своего». Главный же зачинщикъ, дьяческій сынъ Миронъ Промптовъ, «по исправѣ плетьми», былъ посаженъ въ укромное мѣсто, и «тамо умре». Третій примѣръ былъ при Беневоленскомъ, когда былъ «подвергнутъ разспроснымъ рѣчамъ» дворянскій сынъ, Алешка Безпятовъ, за то, что въ укору градоначальнику, любившему заниматься законодательствомъ, утверждалъ: «худы-де тѣ законы, кои писать надо, а тѣ законы исправны, кои и безъ письма въ естествѣ у каждаго человѣка нерукотворно написаны». И онъ тоже «отъ тѣхъ разспросныхъ рѣчей, да съ испугу и съ боли умре». Послѣ Безпятова, либеральный мартирологъ временно прекратился.

Прыщъ и Ивановъ были глупы; Дю-Шаріо же былъ и глупъ, и, кромѣ того, самъ зараженъ либерализмомъ. Грустиловъ, въ первую половину своего градоначальствованія, не только не препятствовалъ, но даже покровительствовалъ либерализму, потому что смѣшивалъ его съ вольнымъ обращеніемъ, къ которому отъ природы имѣлъ непреодолимую склонность. Только впослѣдствіи, когда блаженный Парамоша и юродивенькая Анисьюшка взяли въ руки бразды правленія, либеральный мартирологъ вновь воспріялъ начало, въ лицѣ учителя каллиграфіи Линкина, доктрина котораго, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что «всѣ мы, что человѣки, что скоты—всѣ помремъ и всѣ къ чортовой матери пойдемъ». Вмѣстѣ съ Линкинымъ чуть-было не попались въ просакъ два знаменитѣйшіе философа того времени, Фуничъ и Мерзицкій, но во̀-время спохватились и начали, вмѣстѣ съ Грустиловымъ, присутствовать при «восхищеніяхъ» (см. «Отеч. Зап.» 1870 г., № 4-й, «Поклоненіе мамонѣ и покаяніе»). Поворотъ Грустилова далъ либерализму новое направленіе, которое можно назвать центробѣжно-центростремительнымъ-неисповѣдимо-завиральнымъ. Но это былъ все-таки либерализмъ, и потому успѣха имѣть не могъ, ибо уже наступила минута, когда либерализма не требовалось вовсе. Не требовалось совсѣмъ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ какихъ формахъ, ни даже въ формѣ нелѣпости, ни даже въ формѣ восхищенія начальствомъ.

Восхищеніе начальствомъ! что̀ значитъ восхищеніе начальствомъ? Это значитъ такое онымъ восхищеніе, которое въ то же время допускаетъ и возможность онымъ *не*восхищенія! А отсюда до революціи—одинъ шагъ!

Со вступленіемъ въ должность градоначальника Угрюмъ-Бурчеева, либерализмъ въ Глуповѣ прекратился вовсе, а потому и мартирологъ не возобновлялся. «Будучи, выше мѣры, обременены тѣлесными упражненіями — говоритъ лѣтописецъ — глуповцы, съ устатку, ни о чемъ больше не мыслили, кромѣ какъ о выпрямленіи согбенныхъ работой тѣлесъ своихъ». Такимъ образомъ продолжалось все время, покуда Угрюмъ-Бурчеевъ разрушалъ старый городъ и боролся съ рѣкою. Но, по мѣрѣ того, какъ новый городъ приходилъ къ концу, тѣлесныя упражненія сокращались, а вмѣстѣ съ досугомъ, изъ-подъ пепла возникало и пламя измѣны...

Долго сдерживаемые, «неблагонадежные элементы» прорвались, и чѣмъ больше употреблено было насилія для стѣсненія ихъ въ прошедшемъ, чѣмъ болѣе таинственности требовалось для ихъ проявленія въ настоящемъ, тѣмъ пагубнѣе былъ тотъ новый путь, который они для себя выбрали. Это очень резонно

поняли «Московскія Вѣдомости» того времени, но поняли, однако, лишь тогда, когда фактъ измѣны уже совершился. «Представьте себѣ — писали онѣ — что измѣна дѣйствуетъ съ открытымъ лицомъ: мы, конечно, имѣли бы полную возможность безъ труда ее обличить. Но вотъ, благодаря услужливымъ людямъ, накинувшимъ на это мрачное дѣло покровы таинственности, оно успѣло такъ ловко устроиться и такъ далеко пустить свои мерзкіе корни и нити, что даже мы, несмотря на нашу чуткость, ничего не видали, а слѣдовательно и обличить никого не могли». На что «Петербургскіе куранты» (тоже того времени) въ свою очередь весьма резонно отвѣчали: «Мы надѣемся, что никто не обвинитъ насъ въ сочувствіи постыдному дѣлу, подробности котораго раскрываются предъ нами во всей ихъ гнусной наготѣ; но, съ другой стороны, мы далеки и отъ тѣхъ наивныхъ удивленій, которыя заявляются по этому поводу «Московскими Вѣдомостями». Странно было бы требовать, чтобы измѣна ходила «съ открытымъ лицомъ»; на то она и «измѣна», чтобы содержать свое лицо въ тайнѣ и во тьмѣ сѣять свое пагубное сѣмя. Итакъ, вмѣсто того, чтобы домогаться невозможнаго, не лучше ли всѣмъ благонамѣреннымъ гражданамъ» и т. д., и т. д.

Дѣло въ томъ, что по окончательномъ устройствѣ города послѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ. Вопервыхъ, назначенъ былъ праздникъ по случаю переименованія города изъ Глупова въ Непреклонскъ; вовторыхъ, послѣдовалъ праздникъ въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ бывшими градоначальниками надъ обывателями; и втретьихъ, по случаю наступленія осенняго времени, самъ собой подошелъ праздникъ «предержащихъ властей». Хотя, по первоначальному проекту Угрюмъ-Бурчеева, праздники должны были отличаться отъ будней только тѣмъ, что въ эти дни жителямъ, вмѣсто работъ, предоставлялось заниматься усиленной маршировкой, но на этотъ разъ бдительный градоначальникъ оплошалъ. Безсонная ходьба по прямой линіи до того сокрушила его желѣзные нервы, что когда затихъ въ воздухѣ послѣдній ударъ топора, онъ едва успѣлъ крикнуть «шабашъ!», какъ тутъ же повалился на землю и захрапѣлъ, не сдѣлавъ даже распоряженія о назначеніи новыхъ шпіоновъ.

Изнуренные, обруганные, уничтоженные, глуповцы, послѣ долгаго перерыва, въ первый разъ вздохнули свободно. Они взглянули другъ на друга — и вдругъ устыдились. Они не понимали, что̀ именно произошло вокругъ нихъ, но чувствовали, что воздухъ наполненъ сквернословіемъ, и что далѣе дышать въ этомъ воздухѣ невозможно. Была ли у нихъ исторія, были ли въ этой исторіи мо-

менты, когда они имѣли возможность проявить свою самостоятельность?—ничего они не помнили. Помнили только, что у нихъ были Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевы, Негодяевы, Бородавкины и, въ довершеніе позора, этотъ ужасный, этотъ безславный прахвостъ! И все это глушило, грызло, рвало зубами—во имя чего? Груди захлестывало кровью, дыханіе занимало, лица судорожно искривляло гнѣвомъ при воспоминаніи о безславномъ идіотѣ, который, съ топоромъ въ рукѣ, пришелъ невѣдомо отколь и съ неисповѣдимою наглостью изрекъ смертный приговоръ прошедшему, настоящему и будущему...

А онъ между тѣмъ неподвижно лежалъ на самомъ солнечномъ припёкѣ и тяжело храпѣлъ. Теперь онъ былъ у всѣхъ на виду; всякій могъ свободно разсмотрѣть его и убѣдиться, что это подлинный идіотъ—и ничего болѣе. Когда онъ разрушалъ, боролся со стихіями, предавалъ огню и мечу, еще могло казаться, что въ немъ олицетворяется что-то громадное, какая-то всепокоряющая сила, которая, независимо отъ своего содержанія, можетъ поражать воображеніе; теперь, когда онъ лежалъ поверженный и изнеможенный, когда ни на комъ не тяготѣлъ его, исполненный безстыжества, взоръ, дѣлалось яснымъ, что это «громадное», это «всепокоряющее» — не что иное, какъ идіотство, не нашедшее себѣ границъ. Несмотря, однакожь, на это откровеніе, страхъ исчезалъ лишь мало по малу. Наслоенный вѣками, онъ опуталъ узами всѣ умы, наполнилъ безнадежностью и колебаніями всѣ сердца. Казалось, что и идіотству принадлежитъ какая-то роль въ исторіи, что и за сквернословіемъ стоитъ вѣковая сила, которую невозможно сразу устранить, не нанеся ущерба сложившемуся строю жизни. Тѣмъ не менѣе, сознаніе, что устраненіе необходимо, чувствовалось всѣми, жило во всѣхъ сердцахъ...

Съ перваго взгляда, такое внезапное наитіе сознанія можетъ показаться необъяснимымъ. Однакожь, если мы пристальнѣе вглядимся даже въ обыденную жизнь, то увидимъ, что и тамъ факты подобнаго рода небезпримѣрны. Бываютъ случаи, что человѣкъ очень долго и терпѣливо выслушиваетъ всевозможныя сквернословія, и вдругъ, въ одинъ моментъ, ему дѣлается тошно и невыносимо-тоскливо. По внѣшности, кажется, что переломъ произошелъ внезапно, но нѣтъ сомнѣнія, что и ему предшествовала своего рода подготовительная работа, которая гдѣ-то незнаемо зрѣла, покуда, наконецъ, одно лишнее оглушеніе не распутало нитей ея. Дѣло умнаго оглушителя именно въ томъ и состоитъ, чтобы угадать, въ какомъ положеніи находится эта подготовительная работа, и оглушать лишь въ той мѣрѣ, въ какой оглу-

шаемый субъектъ представляется готовымъ къ принятію оглушеній. Но Угрюмъ-Бурчеевъ, какъ идіотъ и прахвостъ, конечно, ничего подобнаго не могъ ни сообразить, ни соблюсти. Онъ глушилъ безъ всякаго соображенія съ суммою прошедшихъ оглушеній и безъ всякаго отношенія къ оглушеніямъ будущимъ. Словомъ сказать, не соблюдалъ того, что̀ на административномъ языкѣ называется благоразумною экономіей. Стало быть, очень возможно, что его оглушеніе было тѣмъ самымъ оглушеніемъ, которое проливало свѣтъ на всѣ предыдущія, и дѣлало устраненіе ихъ въ будущемъ настоятельнѣйшею потребностью человѣческаго существа. Но, сверхъ того, у лѣтописца встрѣчается намекъ и на другое объясненіе этой кажущейся внезапности. «Было — говоритъ онъ — множество молодыхъ глуповцевъ, которые, незадолго передъ тѣмъ, для ученія, а также ради ратнаго дѣла, долгое время странствовали по чужимъ землямъ, а къ тому времени возвратились въ домы свои. И видѣвши иные порядки, невзлюбили порядковъ глуповскихъ. И сдѣлалось имъ жить въ своемъ городѣ досадно и даже гнусно». Вотъ эти-то молодые глуповцы, повидимому, и ускорили пробужденіе общественнаго сознанія...

Какъ ни запуганы были умы, но потребность освободить душу отъ обязанности вникать въ таинственный смыслъ выраженія: курицынъ сынъ — была на столько сильна, что измѣнила и самый взглядъ на Угрюмъ-Бурчеева. Это былъ уже значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ преуспѣянія «неблагонадежныхъ элементовъ». Прахвостъ проснулся, но взоръ его уже не произвелъ прежняго впечатлѣнія. Онъ раздражалъ, но не пугалъ. Убѣжденіе, что это не злодѣй, а простой идіотъ, который шагаетъ все прямо и ничего не видитъ, что̀ дѣлается по сторонамъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтало все бо̀льшій и бо̀льшій авторитетъ. Но это раздражало еще сильнѣе. Мысль, что шаганіе безсрочно, что въ идіотѣ таится какая-то сила, которая цѣпенитъ умы, сдѣлалась невыносимою. Никто не задавался предположеніями, что идіотъ можетъ успокоиться или обратиться къ лучшимъ чувствамъ, и что при такомъ оборотѣ жизнь сдѣлается возможною и даже, пожалуй, спокойною. Не только спокойствіе, но даже самое счастье, если оно возможно, казалось обиднымъ и унизительнымъ въ виду этого прахвоста, который однимъ своимъ лицомъ сокрушилъ цѣлую массу мыслящихъ существъ!

И онъ дастъ какое-то счастіе! и они примутъ его! Онъ скажетъ имъ: вотъ, я васъ раззорилъ и оглушилъ, а теперь позволяю вамъ быть счастливыми! и они выслушаютъ эту рѣчь

хладнокровно! они воспользуются его дозволеніемъ и будутъ счастливы! Позоръ!!

А Угрюмъ-Бурчеевъ все маршировалъ и все смотрѣлъ прямо, отнюдь не подозрѣвая, что подъ самымъ его носомъ кишатъ дурныя страсти и чуть-чуть не во очію выплываютъ на поверхность неблагонадежные элементы. По примѣру всѣхъ благопопечительныхъ благоустроителей, онъ видѣлъ только одно: что мысль, такъ долго зрѣвшая въ его заскорузлой головѣ, наконецъ, осуществилась, что онъ подлинно обладаетъ прямою линіей и можетъ маршировать по ней сколько угодно. Затѣмъ, имѣется ли на этой линіи что-нибудь живое, и можетъ ли это «живое» ощущать, мыслить, радоваться, страдать; способно ли оно, наконецъ, изъ «благонадежнаго» обратиться въ «неблагонадежное» — все это не составляло для него даже вопроса...

Раздраженіе росло тѣмъ сильнѣе, что глуповцы все-таки обязывались выполнять всѣ запутанныя формальности, которыя были заведены Угрюмъ-Бурчеевымъ. Чистились, подтягивались, проходили черезъ всѣ манежи, строились въ каре, разводились по работамъ и проч. Всякая минута казалась удобною для освобожденія и всякая же минута казалась преждевременною. Происходили безпрерывныя совѣщанія по ночамъ въ томъ самомъ упраздненномъ зданіи (въ старомъ городѣ), въ которомъ нѣкогда собиралъ своихъ адептовъ Грустиловъ для восхищеній; тамъ и сямъ прорывались одиночные случаи нарушенія дисциплины; но все это было какъ-то до такой степени разрознено, что, въ концѣ концовъ могло, самою медленностью процесса, возбудить подозрительность даже въ такомъ убѣжденномъ идіотѣ, какъ Угрюмъ-Бурчеевъ.

И точно: онъ началъ нѣчто подозрѣвать. Его поразила тишина во время дня и шорохъ во время ночи. Онъ видѣлъ, какъ, съ наступленіемъ сумерекъ, какія-то тѣни бродили по городу и исчезали невѣдомо куда, и какъ, съ разсвѣтомъ дня, тѣ же самыя тѣни вновь появлялись въ городѣ и разбѣгались по домамъ. Нѣсколько дней сряду повторялось это явленіе, и всякій разъ онъ порывался выбѣжать изъ дома, чтобы лично разслѣдовать причину ночной суматохи, но суевѣрный страхъ удерживалъ его. Какъ истинный прахвостъ, онъ боялся чертей и вѣдьмъ.

Но все-таки онъ уже подозрѣвалъ...

И вотъ однажды появился по всѣмъ поселеннымъ единицамъ приказъ, возвѣщавшій о назначеніи шпіоновъ. Это была капля, переполнившая чашу...

Но здѣсь я долженъ сознаться, что тетрадки, которыя заключали въ себѣ подробности этого дѣла, неизвѣстно куда утра-

тились. Быть можетъ, современемъ онѣ отыщутся, и тогда я, конечно, воспользуюсь ими, чтобы разсказать читателямъ во всей подробности исторію этого замѣчательнаго проявленія дурныхъ страстей и неблагонадежныхъ элементовъ; но теперь нахожусь вынужденнымъ ограничиться лишь передачею развязки этой исторіи, и то благодаря тому, что листокъ, на которомъ она описана, случайно уцѣлѣлъ.

«Черезъ недѣлю (послѣ чего?) — пишетъ лѣтописецъ — глуповцевъ поразило неслыханное зрѣлище. Сѣверъ потемнѣлъ и покрылся тучами; изъ этихъ тучъ нѣчто неслось на городъ: не то ливень, не то смерчъ. Полное гнѣва, *оно* неслось, буровя землю, грохоча, гудя и стеня и повременамъ изрыгая изъ себя какіе-то глухіе, каркающіе звуки. Хотя *оно* было еще не близко, но воздухъ въ городѣ заколебался, колокола сами собой загудѣли, деревья взъерошились, животныя обезумѣли и метались по полю, не находя дороги въ городъ. *Оно* близилось, и по мѣрѣ того, какъ близилось, время останавливало бѣгъ свой. Наконецъ, земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ницъ. Неисповѣдимый ужасъ выступилъ на всѣхъ лицахъ, охватилъ всѣ сердца.

«*Оно* пришло...

«Въ эту торжественную минуту, Угрюмъ-Бурчеевъ вдругъ обернулся всѣмъ корпусомъ къ оцѣпенѣлой толпѣ и яснымъ голосомъ произнесъ:

«— Придетъ...

«Но не успѣлъ онъ договорить, какъ раздался трескъ, и бывой прахвостъ моментально исчезъ, словно растаялъ въ воздухѣ.

«Исторія прекратила теченіе свое».

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О корени происхожденія глуповцевъ [1].

«Не хочу я, подобно Костомарову, сѣрымъ волкомъ рыскать по земли, ни, подобно Соловьеву, шизымъ орломъ ширять подъ облакы, ни, подобно Пыпину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезныхъ мнѣ глуповцевъ, по-

[1] Статью эту слѣдовало напечатать въ самомъ началѣ «Исторіи одного города», но тетрадка, въ которой она заключалась, долгое время считалась утраченною и только на дняхъ счастливый случай доставилъ ее въ мои руки.
Изд.

казавъ міру славныя ихъ дѣла и предобрый тотъ корень, отъ котораго знаменитое сіе древо произрасло, и вѣтьвями своими всю землю покрыло»[1].

Такъ начинаетъ свой разсказъ лѣтописецъ, и затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ въ похвалу своей скромности, продолжаетъ:

Былъ, говоритъ онъ, въ древности народъ, головотяпами[2] именуемый, и жилъ онъ далеко на сѣверѣ, тамъ, гдѣ греческіе и римскіе историки и географы предполагали существованіе Гиперборейскаго моря. Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имѣли привычку «тяпать» головами обо все, что̀ бы ни встрѣтилось на пути. Стѣна попадется — объ стѣну тяпаютъ; Богу молиться начнутъ — объ полъ тяпаютъ. По сосѣдству съ головотяпами, жило множество независимыхъ племенъ, но только замѣчательнѣйшія изъ нихъ поименованы лѣтописцемъ, а именно: моржеѣды, лукоѣды, гущеѣды, клюковники, куралесы, вертячіе бобы, лягушечники, лапотники, чернонёбые, долбежники, проломленныя головы, слѣпороды, губошлепы, вислоухіе, кособрюхіе, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вѣроисповѣданія, ни образа правленія эти племена не имѣли, замѣняя все сіе тѣмъ, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись другъ другу въ дружбѣ и вѣрности, когда же лгали, то прибавляли «да будетъ мнѣ стыдно», и были напередъ увѣрены, что «стыдъ глаза не выѣстъ». Такимъ образомъ, взаимно раззорили они свои земли, взаимно надругались надъ своими женами и дѣвами, и въ то же время гордились тѣмъ, что радушны и гостепріимны. Но когда дошли до того, что ободрали на лепешки кору съ послѣдней сосны, когда не стало ни женъ, ни дѣвъ, и нечѣмъ было «людской заводъ» продолжать, тогда головотяпы первые взялись за умъ. Поняли, что кому-нибудь да надо верхъ взять и послали сказать сосѣдямъ: будемъ другъ съ дружкой до тѣхъ поръ головами тяпаться, пока кто кого перетяпаетъ. «Хитро это они сдѣлали — говоритъ лѣтописецъ — знали, что головы у нихъ на плечахъ ростутъ крѣпкія — вотъ и предложили». И дѣйствительно, какъ только простодушные

---

[1] Очевидно, лѣтописецъ подражаетъ здѣсь «Слову о полку Игоревѣ». «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслью по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». И далѣе: «о Бояне! соловію стараго времени! Абы ты сіа пълки ущекоталъ» и т. д. *Изд.*

[2] «Головотяпами» собственно называются егорьевцы. См. Сахарова «Сказанія русскаго народа». *Изд.*

сосѣди согласились на коварное предложеніе, такъ сейчасъ же головотяпы ихъ всѣхъ, съ Божьею помощью, перетяпали. Первые уступили слѣпороды и рукосуи; больше другихъ держались гущеѣды, ряпушники и кособрюхіе. Чтобы одолѣть послѣднихъ, вынуждены были даже прибѣгнуть къ хитрости. А именно: въ день битвы, когда обѣ стороны встали другъ противъ друга стѣной, головотяпы, неувѣренные въ успѣшномъ исходѣ своего дѣла, прибѣгли къ колдовству: пустили на кособрюхихъ солнышко. Солнышко-то и само по себѣ такъ стояло, что должно было свѣтить кособрюхимъ въ глаза, но головотяпы, чтобы придать этому дѣлу видъ колдовства, стали махать въ сторону кособрюхихъ шапками: вотъ, дескать, мы каковы, и солнышко-то заодно съ нами. Однако, кособрюхіе не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали изъ мѣшковъ толокно, и стали ловить солнышко мѣшками. Но изловить не изловили, и только тогда, увидѣвъ, что правда на сторонѣ головотяповъ, принесли повинную.

Собравъ воедино куралесовъ, гущеѣдовъ и прочія племена, головотяпы начали устроиваться внутри, съ очевидною цѣлью добиться какого-нибудь порядка. Исторіи этого устройства, лѣтописецъ подробно не излагаетъ, а приводитъ изъ нея лишь отдѣльные эпизоды. Началось съ того, что Волгу толокномъ замѣсили, потомъ теленка на баню тащили, потомъ въ кошелѣ кашу варили, потомъ козла въ соложеномъ тѣстѣ утопили, потомъ свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потомъ лапти растеряли да по дворамъ искали: было лаптей шесть, а сыскали семь, потомъ рака съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, потомъ щуку съ яицъ согнали, потомъ комара за восемь верстъ ловить ходили, а комаръ у пошехонца на носу сидѣлъ, потомъ батьку на кобеля промѣняли, потомъ блинами острогъ конопатили, потомъ блоху на цѣпь приковали, потомъ бѣса въ солдаты отдавали, потомъ небо кольями подпирали, наконецъ, утомились, и стали ждать, что̀ изъ этого выйдетъ.

Но ничего не вышло. Щука опять на яица сѣла; блины, которыми острогъ конопатили, арестанты съѣли; кошели, въ которыхъ кашу варили, сгорѣли вмѣстѣ съ кашею. А рознь да галдѣнье пошли пуще прежняго: опять стали взаимно другъ у друга земли раззорять, женъ въ плѣнъ уводить, надъ дѣвами ругаться. Нѣтъ порядку да и полно. Попробовали снова головами тяпаться, но и тутъ ничего не доспѣли. Тогда надумали искать себѣ князя.

— Онъ намъ все мигомъ предоставитъ, говорилъ старецъ Добромыслъ: — онъ и солдатовъ у насъ надѣлаетъ, и острогъ, какой слѣдоваетъ, выстроитъ! Айда̀, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть въ трехъ соснахъ не заблудилися, да спасибо случился тутъ пошехонецъ-слѣпородъ, который эти три сосны какъ свои пять пальцевъ зналъ. Онъ вывелъ ихъ на торную дорогу и привелъ прямо къ князю на дворъ.

— Кто вы такіе? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали? вопросилъ князь посланныхъ.

— Мы головотяпы! нѣтъ насъ въ свѣтѣ народа мудрѣе и храбрѣе! Мы даже кособрюхихъ и тѣхъ шапками закидали! хвастали головотяпы.

— А что̀ вы еще сдѣлали?

— Да вотъ комара за семь верстъ ловили, начали-было головотяпы, и вдругъ имъ сдѣлалось такъ смѣшно, такъ смѣшно... Посмотрѣли они другъ на дружку и прыснули.

— А вѣдь это ты, Пётра, комара-то ловить ходилъ! насмѣхался Ивашка.

— Анъ ты!

— Нѣтъ, не я! у тебя онъ и на носу-то сидѣлъ!

Тогда князь, видя, что они и здѣсь, передъ лицомъ его, своей розни не покидаютъ, сильно распалился, и началъ учить ихъ жезломъ.

— Глупые вы, глупые! сказалъ онъ: — не головотяпами слѣдуетъ вамъ, по дѣламъ вашимъ, называться, а глуповцами! Не хочу я володѣть глупыми! а ищите такого князя, какого нѣтъ въ свѣтѣ глупѣе — и тотъ будетъ володѣть вами.

Сказавши это, еще маленько поучилъ жезломъ и отослалъ головотяповъ отъ себя съ честію.

Задумались головотяпы надъ словами князя; всю дорогу шли, и все думали.

— За что онъ насъ раскастилъ? говорили они: — мы къ нему всей душой, а онъ послалъ насъ искать князя глупаго!

Но въ то же время выискались и другіе, которые ничего обиднаго въ словахъ князя не видѣли.

— Что же! возражали они: — намъ глупый-то князь, пожалуй, лучше будетъ! Сейчасъ мы ему коврижку въ руки: жуй, а насъ не замай!

— И то правда, согласились прочіе.

Воротились добры-молодцы домой, но съ начала рѣшили опять попробовать устроиться сами собою. Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ не убѣжалъ, божку съѣли... Однако, толку все не было. Думали-думали и пошли искать глупаго князя.

Шли они по ровному мѣсту три года и три дня, и все никуда придти не могли. Наконецъ, однако, дошли до болота.

Видятъ: стоитъ на краю болота Чухломецъ-рукосуй, рукавицы торчатъ за поясомъ, а онъ другихъ ищетъ.

— Не знаешь ли, любезный рукосуюшко, гдѣ бы намъ такого князя съискать, чтобы не было его въ свѣтѣ глупѣе? взмолились головотяпы.

— Знаю, есть такой, отвѣчалъ Рукосуй: — вотъ идите прямо черезъ болото, какъ разъ тутъ.

Бросились они всѣ разомъ въ болото, и больше половины ихъ тутъ потопло («многіе за землю свою поревновали», говоритъ лѣтописецъ); наконецъ, вылѣзли изъ трясины, и видятъ: на другомъ краю болотины, прямо передъ ними, сидитъ самъ князь да глупый-преглупый! сидитъ и ѣстъ пряники писанные. Обрадовались головотяпы: вотъ такъ князь! лучшаго и желать намъ не надо!

— Кто вы такіе? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали? молвилъ князь, жуя пряники.

— Мы головотяпы! нѣтъ насъ народа мудрѣе и храбрѣе! Мы гущеѣдовъ — и тѣхъ побѣдили! хвастались головотяпы.

— Что же вы еще сдѣлали?

— Мы щуку съ яицъ согнали, мы Волгу толокномъ замѣсили... начали-было перечислять головотяпы, но князь не захотѣлъ и слушать ихъ.

— Я ужь на что глупъ, сказалъ онъ: — а вы еще глупѣе меня! Развѣ щука сидитъ на яйцахъ? или можно развѣ вольную рѣку толокномъ мѣсить? Нѣтъ, не головотяпами слѣдуетъ вамъ называться, а глуповцами! Не хочу я володѣть вами, а ищите вы себѣ такого князя, какого нѣтъ въ свѣтѣ глупѣе, — и тотъ будетъ володѣть вами!

И наказавъ жезломъ, отпустилъ съ честію.

Задумались головотяпы: надулъ курицынъ сынъ Рукосуй! Сказывалъ, нѣтъ этого князя глупѣе — анъ онъ умный! Однако, воротились домой и опять стали сами собой устраиваться. Подъ дождемъ онучи сушили, на сосну Москву смотрѣть лазили. И все нѣтъ какъ нѣтъ порядку, да и полно. Тогда надоумилъ всѣхъ Пётра Комаръ.

— Есть у меня, сказалъ онъ: — другъ пріятель, по прозванью воръ-новоторъ, ужь если этакая выжига князя не съищетъ, такъ судите вы меня судомъ милостивымъ, рубите съ плечъ мою голову безталанную!

Съ такимъ убѣжденіемъ высказалъ онъ это, что головотяпы послушались и призвали новотора-вора. Долго онъ торговался съ ними, просилъ за розыскъ алтынъ да деньгу, головотяпы

же давали грошъ, да животы свои въ придачу. Наконецъ, однако, кое-какъ сладились и пошли искать князя.

— Ты намъ такого ищи, чтобъ не мудрый былъ! говорили головотяпы новотору-вору: — на чтò намъ мудраго-то, ну его къ ляду!

И повелъ ихъ воръ-новоторъ сначала все ельничкомъ да березничкомъ, потомъ чащей дремучею, потомъ перелѣсочкомъ, да и вывелъ прямо на поляночку, а посередь той поляночки самъ князь сидитъ.

Какъ взглянули головотяпы на князя, такъ и обмерли. Сидитъ — это передъ ними князь да умной-преумной; въ ружьецо попаливаетъ, да сабелькой помахиваетъ. Что ни выпалитъ изъ ружьеца, то сердце насквозь прострѣлитъ, что ни махнетъ сабелькой, то голова съ плечъ долой. А воръ-новоторъ, сдѣлавши такое пакостное дѣло, стоитъ, брюхо поглаживаетъ да въ бороду усмѣхается.

— Что ты! съ ума никакъ спятилъ! пойдетъ ли этотъ къ намъ? во сто разъ глупѣе были, — и тѣ не пошли! напустились головотяпы на новотора-вора.

— Ништо! обладимъ! молвилъ воръ-новоторъ: — дай срокъ, я глазъ на глазъ съ нимъ слово перемолвлю.

Видятъ головотяпы, что воръ-новоторъ кругомъ на кривой ихъ объѣхалъ, а на попятный ужъ не смѣютъ.

— Это, братъ, не то, что съ «кособрюхими» лбами тяпаться! нѣтъ, тутъ, братъ, отвѣтъ подай: каковъ таковъ человѣкъ? Какого чину и званія? гуторятъ они межъ собой.

А воръ-новоторъ этимъ временемъ дошелъ до самого князя, снялъ передъ нимъ шапочку соболиную и сталъ ему тайныя слова на ухо говорить. Долго они шептались, а про что — не слыхать. Только и почуяли головотяпы, какъ воръ-новоторъ говорилъ: «драть ихъ, ваша княжеская свѣтлость, завсегда очень можно»; но и этого на свой счетъ не приняли, а подумали, что, должно быть, онъ про свою же братью, про новоторовъ, такъ говоритъ.

— Этихъ точно, что драть надо, гуторили они межъ собой: — потому, они воры сущіе. Построили намѣднись желѣзную дорогу, доходу отъ нея показываютъ полтораста рублевъ въ день, а расходу сколько — того не показываютъ!

Наконецъ, и для нихъ насталъ чередъ встать передъ ясныя очи его княжеской свѣтлости.

— Чтò вы за люди? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали? обратился къ нимъ князь.

— Мы головотяпы! нѣтъ насъ народа храбрѣе, начали-было головотяпы, но вдругъ смутились.

— Слыхалъ, господа головотяпы! усмѣхнулся князь («и таково ласково усмѣхнулся, словно солнышко просіялъ!» замѣчаетъ лѣтописецъ): — весьма слыхалъ! И о томъ знаю, какъ вы рака съ колокольнымъ звономъ встрѣчали — довольно знаю! Объ одномъ не знаю, зачѣмъ же ко мнѣ-то вы пожаловали?

— А пришли мы къ твоей княжеской свѣтлости вотъ что объявить: много мы промежь себя убивствъ чинили, много другъ дружкѣ раззореній и наругательствъ дѣлали, а все правды у насъ нѣтъ. Иди и володѣй нами!

— А у кого, спрошу васъ, вы допрежь сего изъ князей братьевъ моихъ съ поклономъ были?

— А были мы у одного князя глупаго, да у другаго князя глупаго жь — и тѣ володѣть нами не похотѣли!

— Ладно. Володѣть вами я желаю, сказалъ князь: — а чтобъ идти къ вамъ жить—не пойду! Потому, вы живете звѣринымъ обычаемъ: съ безпробнаго золота пѣнки снимаете, снохъ портите! А вотъ, посылаю къ вамъ, замѣсто себя, самаго этого новотора-вора: пущай онъ вами дòма правитъ, а я отсель и имъ и вами помыкать буду!

Понурили головотяпы головы, и сказали:

— Такъ!

— И будете вы платить мнѣ дани многія, продолжалъ князь:— у кого овца ярку принесетъ, овцу на меня отпиши, а ярку себѣ оставь; у кого грошъ случится, тотъ разломи его нàчетверо: одну часть мнѣ отдай, другую мнѣ же, третью опять мнѣ, а четвертую себѣ оставь. Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочаго вамъ ни до чего дѣла нѣтъ!

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

— И тѣхъ изъ васъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, я буду миловать; прочихъ же всѣхъ — казнить.

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

— А какъ не умѣли вы жить на своей волѣ, и сами, глупые, пожелали себѣ кабалы, то называться вамъ впредь не головотяпами, а глуповцами.

— Такъ! отвѣчали головотяпы.

Затѣмъ, приказалъ князь обнести пословъ водкою, да одарить по пирогу да по платку алому, и обложивъ данями многими, отпустилъ отъ себя съ честію.

Шли головотяпы домой и воздыхали. «Воздыхали не ослабляючи, вопіяли сильно!» свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. «Вотъ она, княжеская правда какова!» говорили они. И еще говорили:

«тàкали мы, тàкали, да и протàкали!» Одинъ же изъ нихъ, взявъ гусли, запѣлъ:

Не шуми, мати зелена дубровушка!
Не мѣшай добру молодцу думу думати,
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, на допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя...

Чѣмъ далѣе лилась пѣсня, тѣмъ ниже понуривались головы головотяповъ. «Были между ними», говоритъ лѣтописецъ, «старики сѣдые, и плакали горько, что сладкую волю свою прогуляли; были и молодые, кои той воли едва отвѣдали, но и тѣ тоже плакали. Тутъ только познали всѣ, какова такова прекрасная воля есть». Когда же раздались заключительные стихи пѣсни:

Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя столбами съ перекладиною...

то всѣ пали ницъ и зарыдали.

Но драма уже совершилась безповоротно. Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и заложивъ на ней городъ, назвали Глуповымъ, а себя по тому городу глуповцами. «Такъ и процвѣла сія древняя отрасль», прибавляетъ лѣтописецъ.

Но вору-новотору эта покорность была не по нраву. Ему нужны были бунты, ибо усмиреніемъ ихъ онъ надѣялся и милость князя себѣ снискать, и собрать хабару съ бунтующихъ. И началъ онъ донимать глуповцевъ всякими неправдами, и, дѣйствительно, не въ долгомъ времени возжегъ бунты. Взбунтовались сперва заугольники, а потомъ сычужники. Воръ-новоторъ ходилъ на нихъ съ пушечнымъ снарядомъ, палилъ неослабляючи, и перепаливъ всѣхъ, заключилъ миръ, то-есть у заугольниковъ ѣлъ палтусину, у сычужниковъ — сычуги. И получилъ отъ князя похвалу великую. Вскорѣ, однако, онъ до того проворовался, что слухи объ его несытомъ воровствѣ дошли даже до князя. Распалился князь крѣпко, и послалъ невѣрному рабу петлю. Но новоторъ, какъ сущій воръ, и тутъ извернулся: предварилъ казнь тѣмъ, что, не выждавъ петли, зарѣзался огурцомъ.

Послѣ новотора-вора, пришелъ «замѣсть князя» Одоевецъ, тотъ самый, который «на грошъ постныхъ яицъ купилъ». Но и онъ догадался, что безъ бунтовъ ему не жизнь, и тоже сталъ донимать. Поднялись кособрюхіе, калашники, соломатники — всѣ отстаивали старину да права свои. Одоевецъ пошелъ противъ бунтовщиковъ, и тоже началъ неослабно палить, но

должно быть палилъ зря, потому что бунтовщики нетолько не смирялись, но увлекли за собой чернонёбыхъ и губошлёповъ. Услыхалъ князь безтолковую пальбу безтолковаго Одоевца и долго терпѣлъ, но напослѣдокъ не стерпѣлъ: вышелъ противъ бунтовщиковъ собственною персоною, и перепаливъ всѣхъ до единаго, возвратился во свояси. Затѣмъ, вырвалъ у Одоевца ноздрю, и послалъ его править на Вятку.

— Посылалъ я сущаго вора—оказался воръ, печаловался при этомъ князь:—посылалъ Одоевца по прозванію «продай на грошъ постныхъ яицъ»—и тотъ оказался воръ же. Кого пошлю нынѣ?

Долго раздумывалъ онъ, кому изъ двухъ кандидатовъ отдать преимущество: Орловцу ли — на томъ основаніи, что «Орелъ да Кромы — первые воры» — или Шуянину, на томъ основаніи, что онъ «въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ, и тутъ не упалъ», но, наконецъ, предпочелъ Орловца, потому что онъ принадлежалъ къ древнему роду «Проломленныхъ Головъ». Но едва прибылъ Орловецъ на мѣсто, какъ встали бунтомъ Старичане, и, вмѣсто воеводы, встрѣтили съ хлѣбомъ съ солью пѣтуха. Поѣхалъ къ нимъ Орловецъ, надѣясь въ Старицѣ стерлядями полакомиться, но нашелъ, что тамъ только грязи довольно. Тогда онъ Старицу сжегъ, а женъ и дѣвъ старицкихъ отдалъ самому себѣ на поруганіе. «Князь же, увѣдавъ о томъ, урѣзалъ ему языкъ».

Затѣмъ, князь еще разъ попробовалъ послать «вора попроще», и въ этихъ соображеніяхъ выбралъ Калязинца, который «свинью за бобра купилъ», но этотъ оказался еще пущимъ воромъ, нежели Новоторъ и Орловецъ. Взбунтовалъ семендяевцевъ и заозерцевъ, и «убивъ ихъ, сжегъ».

Тогда князь выпучилъ глаза и воскликнулъ:

— Нѣсть глупости горшія, яко глупость!

«И прибыхъ собственною персоною въ Глуповъ, и возопи:

— Запорю!»

Съ этимъ словомъ, начались историческія времена.

Н. Щедринъ.

СОЛИДНЫЯ ДОБРОДѢТЕЛИ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Ранними декабрьскими сумерками не мало трусило пѣшеходовъ въ Москвѣ по Тверской, взадъ и впередъ. Стояла морозная, сухая погода. Паръ такъ и валилъ съ клячёнокъ, тянувшихъ, на изволокъ, пошевни ванекъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Народъ шелъ весело. Въ воздухѣ стоялъ легкій, неторопливый гулъ отъ скрипа полозьевъ, лошадиныхъ копытъ, говора вдоль тротуаровъ, покрикиванья сбитенщиковъ, по угламъ переулковъ. Кое-гдѣ въ магазинахъ показались огни; но фонари еще не горѣли. Съ колокольни Страстнаго монастыря послышался медленный звонъ къ вечернѣ.

У входа въ Долгоруковскій переулокъ столкнулись двое мужчинъ: одинъ высокій, въ довольно-короткой шубкѣ и круглой шляпѣ, нѣсколько согнутый; другой ниже ростомъ, коренастѣе, въ бараньей шапкѣ и въ плотно застегнутомъ пальто на сѣрыхъ мерлушкахъ. Изъ-подъ шапки, надѣтой назадъ, виднѣлись волосы, остриженные точно въ кружало; золотые очки особенно ярко выдѣлялись на фонѣ широкаго лица, съ безпорядочной бородкой.

— Ваше степенство, куда? вскричала шапка, останавливая высокаго мужчину за полу его шубки.

— Да хочу вотъ завернуть къ юношамъ.

— Въ Капернаумъ?

— Да въ Капернаумъ.

— Валимъ вмѣстѣ. Я тоже, грѣшнымъ дѣломъ, пошелъ пройтись. Башка трещитъ, подлая, что̀ твой пивной котелъ.

Геморой, батюшка, доѣзжаетъ. Все это отъ сидѣнья на докторскихъ пролеткахъ. Мы его теперь разомнемъ...

Баранья шапка говорила громко, съ особымъ, немосковскимъ пòшибомъ, кое-гдѣ упирая на букву «о». Привычное ухо угадало бы тотчасъ волжскій говоръ.

Они перешли на другую сторону переулка и скрылись въ подъѣздѣ меблированныхъ комнатъ, извѣстныхъ, во всемъ студенческомъ мірѣ, подъ фирмой «Леманши».

Шапка продолжала говорить, взбираясь по темной и, довольно-таки, вонючей лѣстницѣ:

— Мягкотѣліе, поди, спитъ. Вѣдь этакая собака. А вопросы рѣшаетъ!... Этта, мы съ нимъ чаи распивали, распоясамшись, добрымъ порядкомъ, и молоко было хуже, съ позволенія сказать, всякой поганой слякоти, такъ онъ, мерзецъ, чтò бы вы думали, съ этого самаго молока, да на чтò же своротилъ?

— На чтò? спросилъ высокій веселымъ голосомъ, шагая черезъ ступеньку.

— Нѣтъ, придумай, отецъ родной... на Сципіона Африканскаго!... Я инда вскочилъ и кричу ему: откудова сіе?... А онъ, собака, ножищи свои въ телячьи туфли вонзилъ и давай по нумеру шагать, и все-то обобщаетъ, и все-то обобщаетъ. То-есть я вамъ скажу, до зеленаго змія довелъ меня... Такъ я и катаюсь, такъ и катаюсь, а онъ-то сажаетъ... чуть ли не до Пелазговъ дошелъ, ей-ей.

И здоровый, раскатистый смѣхъ разнесся по сѣнямъ. Надо было подниматься въ самый верхъ и искать двери ощупью. Душный коридоръ охватилъ ихъ смѣсью всякихъ испареній.— На окнѣ, въ концѣ коридора, налѣво отъ входа, сидѣла женская фигура. Баранья шапка сейчасъ же воззрилась въ нее и сдѣлала крутой поворотъ на каблукѣ:

— Мечтать изволите, украшеніе Капернаума? крикнулъ онъ, подходя къ молодой женщинѣ въ красной кофточкѣ, съ взбитыми на лбу волосами. Она курила папиросу.

— А! докторъ! Что же вы меня все надуваете?...

— Какъ такъ?

— А лекціи Коха кто обѣщалъ, а Сканцони кто обѣщалъ?...

— Сладчайшая дочь науки!... Все это я заключилъ въ утробу свою и памятовалъ денно и нощно; но нѣкій шельмецъ коховскія тетрадки у меня слюзилъ, и я теперь по пяти разъ на дню на земляной валъ собственной персоной отправляюсь... Насчетъ же Сканцони, это точно, достоинъ шельмованія и весьма живота лишенія, ибо обѣщалъ легкомысленно, понадѣ-

ясь на другую собаку; а оный пёсъ повилялъ только хвостомъ, книги же въ положенный день не далъ.

— Да у васъ нешто нѣтъ своихъ книгъ? Какой же вы докторъ... А еще заграницу ѣдете...

— Милѣйшая изъ милѣйшихъ! Всѣ мои книжицы я отправилъ во свояси и состою теперь налегкѣ. Да все это — кимвалъ бряцаяй; а вы вотъ ручку пожалуйте и скажите, скоро ли мы въ законный-то бракъ?

— Благодарю покорно. Я ужь отвѣдала его... законнаго-то брака, довольно съ меня и одного раза.

— Ну инако, коли такъ не желаете... Вотъ у римлянъ, сказывалъ мнѣ одинъ юсъ, шесть сортовъ брачнаго сожительства было, ей-же-ей, и всѣ законные; выбирай то-есть какой тебѣ по ндраву придется и на какой угодно срокъ. Да и въ Японіи тоже, насчетъ эстаго какъ отмѣнно устроено; наши моряки...

— А вы полноте молоть-то, перебила его кофточка, ударивъ по рукѣ:—будутъ ли тетрадки-то, а то я Красноглазова попрошу.

— Будутъ, будутъ, зрачокъ глаза моего!... Дайте срокъ, завтра еще на земляной валъ сбѣгаю, и ужь этотъ пёсъ отъ меня никуда морду свою не спрячетъ...

Высокій стоялъ нѣсколько въ сторонѣ; но, видя, что спутникъ его вступилъ въ продолжительную бесѣду, пододвинулся и промолвилъ:

— Здравствуйте, Софья Платоновна.

— А, это вы, а я васъ совсѣмъ не узнала... Вотъ докторъ все такую околесину несетъ... пояпонски какъ-то хочетъ вѣнчаться...

— Первый сортъ! мнѣ капитанъ-лейтенантъ Севрюгинъ сказывалъ...

— Ну, и пускай его; а я ни пояпонски, ни порусски не хочу.

— Значитъ, свободное желаете имѣть обращеніе промежду народа православнаго? Одобряю...

Кофточка расхохоталась. Высокій еще ближе пододвинулся къ ней и спросилъ:

— Ну, какъ же идетъ ученье?

— Ничего, хожу въ воспитательный...

— Отроковицъ повивати, ввернула шапка:—и чадъ любви на тотъ свѣтъ препровождати?...

— По скольку же часовъ работаете? спрашивалъ высокій.

— Да какъ случится, до обѣда-то какъ умаешься...

— Ну, а вечеркомъ, грѣшнымъ дѣломъ, можно и въ маскарадъ; завтра, благо, въ большомъ съ лотереей, я бы ужь, такъ и быть, бѣлый галстухъ воздѣлъ и ланиты бы свои выбрилъ.

— Не въ шутку собираетесь?

— Собираюсь, сладчайшая, собираюсь, и васъ свезу съ преподнесеніемъ дароваго билета.

— Экъ, чѣмъ прельстили, я и безъ васъ съумѣю пройти.

— Значитъ, всякія вереи сокрушая... перчаточекъ парочку, отмѣннаго колеру, не желаете ли?

— Перчатки, это другое дѣло... Только вы купить не съумѣете... Я шесть съ четвертью ношу... возьмите у Буассонада... Да вы опять надуете, все равно, что съ тетрадками.

— Лопни моя утроба!... Вотъ посидѣвши у того пса, въ семнадцатомъ нумерѣ, и требушину свою пополоскавши китайскими травами, устремляюсь непосредственно на Кузнецкій и пріобрѣтаю пару рукавичекъ... Довольна ли ваша мордочка, асъ?...

— Какъ вы смѣете мое лицо мордочкой называть, ахъ вы мовешка!

— Да какъ же не мордочка? Что̀ же можетъ быть слаще такого эпитета?... Глазокъ, одно слово!

И шапка взяла кофточку за подбородокъ. Раздалось хихиканье. Высокій слегка отвернулся.

— Не смѣть трогать! Экій, право, скорый... а вы вотъ что̀ лучше скажите, пріятель-то вашъ, въ семнадцатомъ нумерѣ, ѣдетъ ли на вакацію?

— Ѣдетъ, а что̀?

— Вотъ это совсѣмъ напрасно. Вы скажите ему, чтобъ остался лучше. Ну, на что же это похоже изъ Москвы къ святкамъ уѣзжать...

— Те, те, те... Насчетъ любви изволите прохаживаться?... Экая собака, это мягкотѣліе, вонзилъ стрѣлу! вонзилъ, бестія!...

— Да, ужь не вамъ чета... какой хорошенькій... глаза одни чего стоятъ, голубые-разголубые, и волосы пепельнаго цвѣта... красавчикъ...

— Мать моя! Святые угодники! Втюримшись! а я-то, аряссина, ихъ знакомилъ, вотъ такъ убилъ бобра!...

— Вы что̀ орёте-то? Вѣдь онъ услышитъ... Смотрите, скажите же ему, а то въ маскарадъ не поѣду.

— Значитъ, все-таки ѣдемъ?...

— Коли перчатки привезете.

— А съ мягкотѣліемъ-то, выходитъ, насчетъ японскаго сожительства?... Отмѣнно...

Шапка нагнулась и въ темнотѣ раздалось что-то въ родѣ поцѣлуя, налету, и затѣмъ хихиканье...

— Ступайте, ступайте, шептала кофточка, отталкивая шапку.

Она пихнула его отъ себя въ коридоръ и взяла за руку высокаго.

— Александръ Павлычъ, заговорила она, мѣняя тонъ:—вы, быть можетъ, думаете, что я цѣлый день, шабалы бью... Ей богу, я занимаюсь...

— Ну, и прекрасно, Сонечка, только...

— Только что̀... вотъ въ маскарадъ-то?... Еще не знаю, поѣду ли... Да вѣдь и то сказать, одурь возьметъ, цѣлый-то день... хочется поболтать...

— То-то, промолвилъ высокій:—какъ знаете, ваше дѣло; сами говорили, что время-то летитъ, а нуженъ кусокъ хлѣба.

— Такъ-то такъ, да... не знаю, что̀ мнѣ съ моей натурой дѣлать.

Съ другаго конца тьмы кромѣшной раздался голосъ шапки:

— Сладчайшій!... Что̀ застряли, или обращаете на путь истинный?

— Экій озорникъ! разсмѣялась кофточка... а вѣдь онъ добрый, Александръ Павлычъ, только ему пальца въ ротъ не клади... Погоди же—я завтра тебя накачу.

— Стало быть, все-таки въ маскарадъ? спросилъ добродушно высокій.

— И закаюсь до новаго года... Да, я и забыла совсѣмъ! эхая я дрянь, атласъ-то вы мнѣ прислали. Мерси. Ну, идите, и скажите и вы тому, голубоглазому, чтобы онъ не смѣлъ ѣхать на вакацію... Экая темень... Прощайте, добрый Александръ Павлычъ, вы долго еще пробудете?

— Нѣтъ, Сонечка, я ѣду дня черезъ три.

— Нѣтъ, быть не можетъ?

— Честное слово.

— Ну, пропала моя головушка!

— Какъ такъ?...

— Совсѣмъ я собьюсь съ толку... Этотъ студентъ... Да что же вы, въ самомъ дѣлѣ, не хотите пожить!

— Надо быть къ новому году въ Парижѣ.

— Да новый годъ еще за горами.

— Нѣтъ, заграницей-то другой календарь, на двѣнадцать дней раньше.

— Ишь ты.

— Стало быть, къ нашему 20 декабря...

— Ну, такъ прощайте же, заторо̀питесь, васъ и не увидишь,

пожалуй... Спасибо, спасибо вамъ, кабы я была не я, такъ оно по другому бы вышло... Этакихъ бы людей побольше около нашей сестры... А что изъ меня выдетъ?... Знаю, что ничего путнаго...

— Ваша воля.

— Старушка на двое сказала, моя ли; ну, да что тутъ толковать. Вамъ въ ножки кланяюсь... всякаго счастія... Полюбила бы женщина хорошая... Хоть француженка, что ли, а насъ лихомъ не поминайте. Ужь вы не сердитесь, я васъ поцалую на прощаньи...

Послѣднія слова были сказаны со слезами.

Высокій нагнулся. Раздался звонкій поцалуй. И, какъ разъ, въ эту минуту растворилась дверь въ концѣ корридора и раздалось:

— Га-га! Вотъ такъ оказія!... Японія, значитъ!...

Кофточка убѣжала. Высокій направился къ двери, гдѣ его съ хохотомъ приняло цѣлое общество.

II.

Широкая комната съ перегородкой, пыльная, безпорядочная и съ волнами дыма тускло освѣщалась керасиновой лампой, съ абажуромъ, обгорѣлымъ съ одного края. Можно было, однакожь, разглядѣть лица: они даже рѣзче оттѣнялись отъ двойственнаго, смутнаго свѣта лампы.

Вошедшій, снявши свою шубку и шляпу, оказался сухощавымъ брюнетомъ съ овальнымъ, смугловатымъ лицомъ и жидкими кудрявыми волосами. Глаза не ярко, но замѣтно блестѣли, взглядъ ихъ переходилъ съ одного предмета на другой съ одинаковой мягкостью. Нѣсколько впалыя щеки зарумянились отъ мороза. Подъ тонкимъ и острымъ носомъ съ длинными ноздрями лежали такіе-же тонкіе усы. Борода была не особенно старательно выбрита. Подбородокъ удлиннялся, но не придавалъ лицу непріятной угловатости: на немъ сидѣла добродушная ямочка. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый цвѣтъ.

Спутникъ его тоже снялъ свое пальто и шапку. Большая четвероугольная голова его покрыта была точно примасленными прядями русыхъ, изъ-рыжа, волосъ. Одна прядь заходила даже на щеку, въ родѣ пейса. По всему лицу шли яркія, темныя веснушки, губы выпячивались, двѣ рѣзкія складки легли вдоль щекъ, бородка торчала вѣеромъ. Просторный двубортный сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшковато.

— Японія! кричалъ онъ, обнимая вошедшаго за бока. — Ай-да учитель!... Юноши, подражайте сему индуктивному методу... Внимай, мягкотѣліе, ибо ты молодъ, глупъ, сопливъ и кривоногъ!...

Тотъ, къ кому обращалось это привѣтствіе, былъ хозяинъ квартиры, молодой малый очень крупнаго тѣлосложенія, съ длинными волосами пепельнаго цвѣта, пухлымъ лицомъ и кисло-сладкой доброй улыбкой. Онъ прикрывался байковымъ домашнимъ пиджакомъ и ноги его шлепали въ телячьихъ туфляхъ.

— Турусовъ, здравствуйте, сказалъ ему ласково вошедшій брюнетъ, потрепавши его по плечу. — Чайку намъ соорудите, прозябъ ужасно.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Да вотъ Григорій Пантелѣичъ справитъ. Его наша Анисья больше слушается, чѣмъ коренныхъ постояльцевъ.

— Еще-бы, отозвался Григорій Пантелѣичъ, взъерошивая свою бородку и оправляя очки. — Потому, государи мои, оная Анисья чувствуетъ, что у насъ пигментъ имѣется...

— Такъ вы ужь соблаговолите, просилъ хозяинъ.

— Ладно; а тутъ, чтобы мнѣ была папироса скручена. Я — живой рукой.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

— Благодушествуете, Турусовъ? спросилъ брюнетъ.

— Да, такъ вотъ, почитывали тутъ съ товарищемъ. Позвольте васъ познакомить: Александръ Павловичъ Крутицынъ, студентъ Алаевъ.

Студентъ Алаевъ пылалъ здоровьемъ и былъ совсѣмъ красный. Онъ, съ особеннымъ рвеніемъ, пожалъ руку Крутицына.

— А я вѣдь къ вамъ, Турусовъ, и проститься вмѣстѣ завернулъ, сказалъ брюнетъ, опускаясь на диванъ и начиная скручивать папиросу.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— Да, послѣ завтра думаю двинуться.

— Неужели прямо въ Парижъ?

— Теперь съѣзжу къ теткѣ, тамъ пробуду нѣсколько деньковъ, да и въ Питеръ, а тамъ въ Эйдкуненъ.

— Эхъ кабы съ вами закатиться. Вотъ бы житье... То-есть все бы это по душѣ...

Турусовъ остановился посрединѣ комнаты, сдѣлалъ жестъ правой рукой и подсѣлъ къ гостю на диванъ.

— Да, голубчикъ, Александръ Павловичъ, лихо бы я теперь съ вами зажилъ, и работа-то, и насчетъ идейныхъ началъ. А тутъ вотъ изволь зубристикой этой мозги удручать... Зоологія

эта, чтобъ ей ни дна, ни покрышки... Третью недѣлю читаемъ объ однихъ анслидахъ... Да паукообразные недѣльки двѣ возьмутъ, и приклеивай ты всѣ эти ярлыки и ввинчивай ихъ въ память до безчувствія... Махну-ка я, право, въ Парижъ! Ну его къ лѣшему и дипломъ-то. Развѣ нельзя его потомъ добыть?

Турусовъ говорилъ на «онъ» и рѣчь его показывала чистокровнаго нижегородца.

— Нѣтъ, торопиться вамъ нечего, остановилъ его гость:—да вамъ, по вашей специальности, и не въ Парижъ вовсе слѣдуетъ.

— Знаю я, что мнѣ въ Лейпцигъ, въ Гейдельбергъ, въ Вюрцбургъ... одно слово къ нѣмцамъ; да́ вѣдь не одна сласть сидитъ въ микроскопѣ... Кругозоръ-отъ поскорѣй бы, то-есть, расширить... Теперь эта выставка поспѣетъ, всякіе языци и чудеса въ рѣшетѣ... Гдѣ же и набраться-то идейныхъ началъ? И съ вами жить въ одной квартирѣ, какое счастіе!... Я, точно, пофранцузски и знаю всего-то: человѣкъ ломъ, ломъ, душа — ламъ, ламъ, да съ вами-то у насъ это все бы шло по писанному...

— Кончайте курсъ въ маѣ и являйтесь... Выставку еще застанете...

— Это точно, да вотъ теперь-то больно ужь не хочется отпускать васъ...

Крутицынъ дотронулся рукой до круглаго и широкаго плеча юноши и промолвилъ:

— Спасибо, спасибо.

— Я вотъ при Алаевѣ скажу, Александръ Павлычъ, намъ профессоровъ нужно та́кихъ, какъ вы. Вы вотъ, и медицины докторъ, и химіи докторъ, а значитъ, какъ въ писаніи говорится: «не имаше здѣ пребывающаго града, а грядущаго взыскуяй». Ходу вамъ нѣтъ, да позвольте сказать, никогда и не будетъ, потому вы — душа человѣкъ, а тутъ надо другую линію вести, по части, значитъ, благонамѣренности... Ну, да ужь шутъ ихъ дери тамъ!... Я на прощаньи скажу только: по гробъ жизни вамъ обязанъ... меня дурака обтесали маненько, зубристику-то, нашу дурацкую раскрыли предо мной, на пути и дороги указали, куда нашему брату идти слѣдуетъ... Да ужь одно слово: прозрѣлъ, и тѣмъ никому иному не обязанъ, какъ Александру Павлычу Крутицыну и никакого гонорара онъ за это съ меня дурака не содралъ!...

И Турусовъ схватилъ своими широкими пальцами руку Крутицына и началъ трясти. Румяная физія студента Алаева покрылась какимъ-то масломъ, и онъ радостно смотрѣлъ на предметъ изліяній товарища.

— Вы все въ лирическомъ тонѣ, Турусовъ, отвѣтилъ ему гость:—не торопитесь памятникъ-то мнѣ воздвигать. Вотъ дайте срокъ, свидимся съ вами за границей, я и погляжу: какое произошло уподобленіе умственной жизни... Главное, другъ: укрѣпиться надо на чемъ-нибудь... Разумѣется, это сразу не дается. Теперь идетъ расчистка и щупка собственныхъ мозговъ... А вотъ черезъ годикъ, черезъ два надо итоги подводить. И не въ микроскопѣ, или другомъ чемъ — вся суть, вы это уже чувствуете, а въ умственныхъ устояхъ... Безъ міровоззрѣнія все будете блуждать и колебаться.

— Одно слово: вскую шаташася!

— Именно. Спеціальность не уйдетъ, при привычкѣ къ труду. Немножко больше фактовъ — немножко меньше — дѣло времени. Вотъ вы теперь анслидовъ зубрите...

— Чтобъ имъ пусто было!

— И видите, небось, что одна систематика — мертвечина, когда она не освѣщена плодотворнымъ обобщеніемъ?

— Еще бы!...

— Ну, и по части «идейныхъ-то началъ», какъ вы выражаетесь, вамъ надо еще какъ поработать! Разумѣется, тутъ и дѣловую сторону нельзя не прикинуть; поэтому-то я и сказалъ, что придется вамъ покоптѣть у нѣмцевъ; но безъ крупныхъ центровъ культуры не сбросите съ себя никогда скорлупы филистерства.

— Восчувствовалъ я это, Александръ Павлычъ, восчувствовалъ всѣмъ нутромъ моимъ. Оттого-то меня такъ и тянетъ съ вами закатиться. У меня теперь всего на все тысченокъ шесть остается животишекъ, я ихъ всѣ и ухну на выучку... Годковъ пять протреплюсь и сначала съ «центровъ», какъ вы изволите глаголить, съ центровъ начну, и потомъ уже пущусь ковырять, вплотную, гистологію у всякой, значитъ, многоученой нѣмчуры... Да и кто ее знаетъ, Александръ Павлычъ, слѣдуетъ ли еще мнѣ оную гистологію ковырять? Вѣдь это мы здѣсь, съ проголоди-то кидаемся на спеціальность... Оно какъ-будто мундиръ тебѣ какой выкраиваютъ, медаль на шею. Спеціалистъ, молъ, и шапку предо мною гни. А тамъ и выкажется, что совсѣмъ не за то ты, другъ милый, взялся... не микроскопъ тебѣ надо, а испанскій плащъ и Гамлета тебѣ слѣдуетъ изображать!

Турусовъ заходилъ по комнатѣ. Товарищъ его прыспулъ: Крутицынъ, покуривая полегоньку, тихо улыбался.

— Да-съ, батюшка Александръ Павлычъ... У меня вотъ съ дѣтства къ театральному охота есть:

«Влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть».

Иной разъ и сплю и вижу, какъ бы, то-есть, изобразить принца Датскаго?!... Къ комедіи нѣтъ у меня такого зуда, а вотъ къ патетическому, значитъ... Только ноньче актеришки-то вывелись... Одинъ Корнелій Николаичъ, да и тотъ совсѣмъ слинялъ. Такъ вотъ она и загвоздка! Кто-ё-знаетъ: куда меня нелегкая-то дернетъ? Вдругъ, какъ съ гистологіи-то да хвачу на ярмарочный балаганъ Ляпунова, а то такъ Чацкаго ломать.

И Турусовъ, вывернувъ руки кренделемъ, всталъ въ позицію, встряхнулъ своими неумѣренно-длинными волосами и загудѣлъ «по театральному»:

«Людей съ душой — гонительница, бичь!...
Молчалины — блаженствуютъ на свѣтѣ!»

Крутицынъ все время глядѣлъ на него своими свѣтлыми и кроткими глазами. Краска на его блѣдно-смуглыхъ щекахъ выступила сильнѣе. Губы улыбались и пальцы худой руки перебирали лежавшій на столѣ карандашъ.

Когда Турусовъ прогудѣлъ свое двустишіе, Крутицынъ приподнялся и вышелъ на середину комнаты.

— Такъ, такъ, юноша, началъ онъ голосомъ посильнѣе и поотрывистѣе:—надо еще пощупать себя, съ разныхъ сторонъ, и театральство это — не безъ причины. Значитъ, есть жажда извѣстныхъ ощущеній, которыхъ наука не даетъ. И тутъ надо поле наблюденій. Вотъ отправитесь на западъ, походите по театрамъ... Я въ этомъ дѣлѣ не большой знатокъ; но на столько-то я его знаю, чтобы поставить тамошнія сцены повыше нашихъ... Походите, поглядите и убѣдитесь, быть можетъ, что въ шкуру настоящаго артиста вамъ влѣзать не рука. А коли придете къ противному убѣжденію — съ Богомъ. Неужели и свѣтъ весь, что въ кабинетномъ трудѣ?... Нѣтъ, гнать надо прочь, сколько хватаетъ силъ, это филистерство; кромѣ тупости и суши ничего оно родить не можетъ. Не набирайтесь вы цѣховой гордыни... Даровитый актеръ ничѣмъ не ниже никакого Кёлликера!...

Крутицынъ, по мѣрѣ того, какъ начиналъ горячо говорить, мѣнялъ нетолько интонацію, но и всю посадку тѣла. Молча и сидя, или въ спокойныхъ рѣчахъ, онъ смотрѣлъ гонорнымъ, или, по крайней-мѣрѣ, сдержаннымъ и нѣсколько сладковатымъ. Доказывая что-нибудь съ одушевленіемъ, онъ сейчасъ же выпрямлялся, сильно краснѣлъ и жестикулировалъ.

Рѣчь его была перебита шумнымъ входомъ его спутника.

— А! заговорилъ онъ, становясь между Крутицинымъ и Турусовымъ: — идетъ возрощеніе интеллигентныхъ овощей?... Валяй, валяй его!... Вонъ оно мягкотѣліе-то какое. Совершенно-

лѣтія еще не достигъ, а двойнымъ подбородкомъ обзавелся... Смотри-ка — вотъ оно отложеніе-то, ровно у индюка какого... Берите бистурій, сладчайшій, и отмахните ему вотъ отсюда, вдоль musculus gluteus maximus, кусъ жира. А то взбѣсится пса... Діагнозу сію скрѣпилъ докторъ медицины и хирургіи Григорій Пантелѣевъ сынъ Швецовъ!...

— А вы погодите блажить-то, Григорій Пантелѣичъ, заговорилъ Турусовъ, сильно упирая на *о*, что у него являлось, какъ только ему что-нибудь не по вкусу: — Александръ Павлычъ тутъ, по душѣ, въ самое, можно сказать, нутро забрался и все это развить желалъ; а вы сейчасъ съ прибаутками...

— Обижается пса... Хвостъ-то, хвостъ-то какъ началъ дѣйствовать... Нѣтъ, еще въ тридцати котлахъ варить его надо... а-то такъ и больше... Ты вотъ мнѣ, Гамлетъ, скажи: до Сципіона-то африканскаго какъ дошелъ, а?... А второе дѣло: дѣвицъ у насъ отбиваешь... Взялъ мягкотѣліемъ и любовныя страсти возбуждаешь, туруса ты этакая, безпардонная?

— Какія такія страсти? спросилъ, поморщившись, Турусовъ.

— Какія? Знаешь самъ, собака!... На коридорѣ-то кто амурничаетъ?... Кто, небось, очи-то ваши миндальныя разглядѣлъ, да волосики пепельные, а?...

— Да кто, говорите-инъ, нешто Сонечка?

— То-то нешто Сонечка!... Какъ еще смѣешь обзывать, мерзецъ, ласкательнымъ именемъ благородную вдову шляхетнаго происхожденія?...

И, мѣняя тонъ, Швецовъ обратился къ Крутицыну и сказалъ съ разстановкой:

— Безешку-то изволили запечатлѣть, хоша и съ возрощеніемъ цивическихъ овощей?

Крутицынъ вскинулъ на него глазами и сдѣлалъ движеніе рукой, которой говорилъ: «что же мнѣ было дѣлать, я не виноватъ».

— Неужли поцѣловала? спросилъ Турусовъ.

— Чай самъ видѣлъ, пса. И выходитъ, что развиватель-то почище насъ съ тобой дѣла обдѣлываетъ, по амурной-то части.

— Ну, ужь вотъ не угадали, оправдывался наивнымъ тономъ Крутицынъ, возвращаясь къ дивану.

Швецовъ помѣстился у стола и сталъ закручивать папиросу.

— Такъ вы и въ самомъ дѣлѣ хотѣли развиватъ вдовицу-то, выговорилъ онъ, уже совершенно серьёзно, но съ шутливымъ выраженіемъ своихъ толстыхъ губъ: — въ сурьёзъ, Александръ Павлычъ?

— Какое же тутъ развиванье? Вы, докторъ, злоупотребляете жалостными словами.

— Какъ такъ?

— Разумѣется... Развиванье — значитъ навязыванье того, что̀ вовсе ненужно данному субъекту, что̀ представляетъ собою вашу собственную блажь, диллетантизмъ и недомысліе.

— Ну, хоть и не совсѣмъ такъ; но почти на то же выходитъ.

— А развѣ тутъ есть что-нибудь подобное?

— А какъ же? Сладчайшій!... Вы меня извините: не ожидалъ даже, чтобы въ мужѣ, положительныхъ знаній преисполненномъ, до сихъ поръ сидѣлъ такой непочатой уголъ идеализма... Да, сладчайшій... Вы берите вещи съ самой простой, житейской стороны... Видимое дѣло, что оная Сонечка обитаетъ въ меблированныхъ комнатахъ не для того, чтобы дѣвицѣ Сусловой подражать и въ Цюрихѣ на доктора медицины экзаменъ держать. Ни къ чему другому она не способна, какъ къ срыванію цвѣтовъ удовольствія, съ особами военнаго и штатскаго званія. Ее хоть голодомъ мори, она все-таки наукамъ обучаться не станетъ; находясь въ первопрестольной столицѣ, конечно гладу себя подвергать не будетъ, а изыщетъ подходящіе способы быть сытой и облекать себя въ виссонъ и багряницу. Что̀ она такое, смѣю спросить? Она—продуктъ цѣлаго наслоенія культуры, она выкинута волнами того общественнаго моря, которое я именую московской селянкой. Все въ ней сложилось и улеглось по клѣточкамъ. Всѣ функціи работаютъ по яркимъ и неизмѣннымъ типамъ и даже ея эпителія вамъ не удастся измѣнить, не токма́ что дать ей другую селезенку и другіе мозги... Это — признаки родовые. А индивидуальные еще безнадежнѣе. Въ головѣ ходитъ вѣтеръ и умственныхъ наслажденій она ввѣкъ испытывать не будетъ. А окромѣ того, сидитъ въ оной вдовицѣ темпераментъ, которымъ управляютъ не полушарія, сердечный Александръ Павлычъ, а область симпатическаго нерва и низменныя части головнаго мозга... Вотъ вамъ и весь сказъ! Dixi et animam levavi! Стало-быть, надо обращаться къ вышепоименованной Сонечкѣ съ тѣмъ, къ чему она имѣетъ прирожденное влеченіе...

Швецовъ перевелъ духъ. Оба студента взглядывали то на него, то на Крутицына. Абсолютно-молчаливый Алаевъ совсѣмъ подернулся масломъ. Турусовъ скривилъ ротъ, что̀ у него означало усиленное вниманіе.

— Вы по своему правы, началъ неторопливо Крутицынъ, и голосъ его тотчасъ же дрогнулъ: — но ваша діагноза подлежитъ поправкѣ, какъ и всякая другая. Вамъ кажется, что на

такую Сонечку надо поставить крестъ... Вы и дѣйствуете такъ. Изъ-за чего же, въ самомъ дѣлѣ, толочь въ ступѣ воду? Но мнѣ кажется, что и я, на сколько, вообще, я тутъ причастенъ, дѣйствовалъ совершенно просто... Эта молодая женщина, разговорившись со мною, сказала мнѣ, что она живетъ на послѣднія свои деньжонки, что ей придется скоро работать, въ гувернантки она не хочетъ, да ничего порядочно и не знаетъ, а видитъ, что всего подходящѣе пойдти въ акушерки. Я ее поддержалъ въ этомъ намѣреніи, это правда, но и ничего больше. Гдѣ же тутъ навязыванье и развиванье?

— Въ акушерки!... Пущай ее. Это званіе амурнаго свойства. Вотъ и я ей лекціи достаю; да зачѣмъ въ серьёзъ-то такъ все это брать, зачѣмъ священнодѣйствовать? Акушерки-то изъ нея, быть можетъ, и не выдетъ, а какъ Сонечка она у насъ подъ руками и я, не оскорбляя ее нимало, держусь съ ней настоящаго, реальнаго тона...

— Нѣтъ, докторъ, перебилъ его горячо Крутицынъ, и щеки его вспыхнули. — Ужь если позволите вполнѣ откровенное слово, я съ вами совершенно не согласенъ. По моему, коли тетрадки ей доставлять, такъ зачѣмъ держаться съ ней тона, который прямо ведетъ къ чему?

— Извѣстно, къ чему! къ срыванію цвѣтовъ удовольствія!...

— Ну да, и такое легкое отношеніе я не могу признать правильнымъ. Я не знаю, что̀ выдетъ изъ этой Сонечки; но если я, хоть сколько-нибудь, поддерживаю ее въ серьёзныхъ стремленіяхъ, если я сочувствую такому опыту, я не стану, въ то же время, дѣйствовать на ея симпатическій нервъ и потакать ея безпорядочнымъ инстинктамъ; я предоставлю это другимъ...

— Истину глаголете! вскричалъ Турусовъ, потирая руки.

— Чистѣйшій идеализмъ, отрѣзалъ Швецовъ. — Да что я развѣ какіе-нибудь подходы подводилъ? Чай при васъ разговоръ былъ... и стоило мнѣ однимъ словомъ объ маскарадѣ заикнуться, и она сейчасъ ужь разомлѣла и перчаточки съ умиленіемъ приняла... И пока мы съ вами тутъ разводы разводимъ, вотъ эта мягкотѣлая пса давнымъ давно все въ наилучшемъ видѣ обработалъ...

— Я? спросилъ недоумѣвая Турусовъ.

— А то кто же, собака?

— Вотъ-те Христосъ! Ни-же-ни.

— Врешь, мерзецъ, адски врешь!

— Честное слово... Всего только разъ и разговоръ былъ... Даже не знаю, въ какомъ и нумерѣ стоитъ.

— Все равно, довольно и того, что приказала передать, чтобы здѣсь на вакаціи остаться...

— Это совсѣмъ другая статья, докторъ, возразилъ Крутицынъ: — тутъ капризъ, молодость, или нарождающееся чувство, все равно, это еще далеко не разумъ и не проституція.

— Вотъ я вамъ дамъ «чувство», завтра послѣ маскарада...

— Старуха еще на двое сказала! крикнулъ Турусовъ.

— И я былъ бы очень радъ, еслибъ вы, докторъ, вернулись домой solo, заключилъ Крутицынъ.

III.

Разговоръ былъ прерванъ. Скрипнула дверь и показалась фигура въ бухарскомъ халатѣ. Всѣ оглянулись и на губахъ Турусова проскользнула гримаса.

— Можно? спросилъ новый гость жидкимъ фальцетомъ съ растягиваніемъ, на московскій ладъ, послѣдняго звука.

— Садитесь, гостемъ будете, проговорилъ Турусовъ, привставая. — Господа, кандидатъ филологіи Петинъ.

Кандидатъ филологіи смотрѣлъ невзрачно. Жидкое, вытянутое, нескладное туловище болталось въ складкахъ халата. На длинной и морщинистой шеѣ сидѣла маленькая голова, покрытая темными волосами, зачесанными въ височки, кпереди. Лицо было жолто и сжато въ комочекъ. Золотые очки скрывали косоглазіе. Губы сложены были въ приторную улыбку и открывали гнилые зубы. На подбородкѣ торчало нѣсколько волосковъ.

Приходъ этого человѣка не только прервалъ оживленный разговоръ, но и пахнулъ холодомъ и припужденіемъ. Турусовъ ёжился и не зналъ, какъ начать бесѣду. Красный Алаевъ уткнулъ носъ въ пакетецъ съ табакомъ. Крутицынъ незамѣтно оглядывалъ новаго гостя, выпуская тонкія струйки дыма. Швецовъ замурлыкалъ, не удостоивая вниманія кандидата филологіи.

— Я, кажется, нарушилъ горячій диспутъ? заговорилъ Петинъ, глядя правымъ глазомъ на Турусова и улыбаясь Крутицыну.

— Нѣтъ, какое же, ничего не нарушили, отвѣтилъ Турусовъ небрежно: — такъ разговоръ былъ...

— А о чемъ, смѣю спросить?

— Да такъ, не то чтобы общій...

— А значитъ спеціальный... Петинъ захихикалъ. Смѣхъ его видимо всѣхъ раздражалъ.

Вышла томительная пауза.

— Вы, господа, продолжалъ онъ, разжевывая слова и процѣживая ихъ, точно сквозь какое сито: — все естествоиспытатели вѣроятно?... Такъ намъ въ вашъ храмъ и вступать страшно. Мы—синтезъ, вы—анализъ... Весьма жалѣю, что не посвящонъ въ таинства вашей положительной науки.

Слово «положительной» произнесъ онъ съ намѣреннымъ подчеркиваніемъ.

— Объ дѣвицахъ говорили, отрѣзалъ Швецовъ: — коли вамъ желательно знать...

— О какихъ же это, смѣю спросить?

— Легкаго чтенія...

Алаевъ прыгнулъ.

— Сюжетецъ пикантный...

Опять вышла пауза. Крутицынъ хотѣлъ-было что-то вставить для оживленія разговора; но, къ счастью, подоспѣла коридорная служительница Анисья, рябая и отмѣнно нечистоплотная особа, съ такимъ же неопрятнымъ самоваромъ.

— Глазокъ! крикнулъ ей Швецовъ: — носъ-то у тебя на коемъ мѣстѣ?

— Чаво?

— Носъ-то, спрашиваю, гдѣ?

— Ишь лѣшій... чай, видишь гдѣ.

— А ты покрути-ка имъ.

— Для-чего?

— Окисью углерода хочетъ извести насъ... Ишь не можешь расчухать, какого ты духу напустила?...

Этотъ дружескій діалогъ между Анисьей и Швецовымъ нѣсколько разсмѣшилъ компанію; но улыбка Петина портила все дѣло...

Анисья понюхала, чѣмъ пахнетъ, дунула въ трубу и увѣренно проговорила:

— Брешешь! вскипѣлъ. — Никакого духу нѣтъ.

Послѣ чего и удалилась. Швецовъ толкнулъ ее въ бокъ и сталъ возиться около самовара.

Крутицынъ спросилъ кандидата филологіи:

— Вы здѣшняго университета?

— Такъ точно-съ. Живу по сосѣдству вотъ съ г. Турусовымъ, только другого мы лагеря, хи, хи, хи... У нихъ все еще бродятъ эти принципы... какъ бы ихъ назвать... антропологическіе... А культуру-то и херятъ-съ, и херятъ-съ великую-то культуру... Подчасъ и забавно бываетъ... Въ логическій диспутъ тоже не желательно вступать; а больше все изъ Воронова

статеекъ понадергали доводовъ... Все это, конечно, отлетитъ-съ.

— Когда же это отлетитъ-то? нахмурившись прервалъ Турусовъ.

— Когда все юношество пройдетъ сквозь великое образовательное вліяніе классической культуры... Сомнѣваться, впрочемъ, въ этомъ нечего, ибо все уже направлено по непреклонному пути стараньемъ просвѣщенныхъ руководителей.

Крутицынъ, зажмуря глаза, прослушалъ двѣ тирады кандидата филологіи и не разсудилъ вступать съ нимъ въ теоретическіе разговоры, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ только спросилъ, когда тотъ перевелъ духъ:

— Вы преподаватель?

— Никакъ нѣтъ-съ, я—магистрантъ и собираюсь совершить поѣздку за границу для дальнѣйшихъ штудій.

Швецовъ оторвался отъ чая, при словѣ «штудій» и такъ взглянулъ на Турусова, что столько же смѣшливый, сколько и молчаливый Алаевъ долженъ былъ спрятать голову совсѣмъ подъ столъ, чтобы не прыснуть.

— На казенный счетъ? допрашивалъ полегоньку Крутицынъ.

— Да-съ, съ приготовленіемъ къ каѳедрѣ.

— И надолго?

— На два года-съ.

— Въ Германію, конечно?

— Исключительно къ германскимъ свѣтиламъ...

Эти «свѣтила» могли произвести неудержимое фырканье Алаева, еслибъ не вторичный приходъ Анисьи, пришедшей объявить, что «коли самоваръ очення ужь воняетъ, то она, пожалуй, и вынесетъ его».

Всѣ разсмѣялись. Швецовъ обнялъ ее и крикнулъ:

— Великодушная мордашка! Гряди съ миромъ! Мы уже наглотались угару.

— Ну, такъ шутъ съ вами... Привередники!..

Эта импровизованная сцена все-таки не смазала бесѣды. Турусовъ усердно пилъ чай, подувая на блюдечко. Швецовъ громко щелкалъ зубами, разгрызая куски сахару. Крутицынъ чувствовалъ, что серія его вопросовъ истощалась.

Допивши стаканъ, Швецовъ всталъ и взялся за шапку.

— Ну, мягкотѣліе, заговорилъ онъ: — требушину нашу мы достаточно выполоскали. Нагуливай жиру на твоихъ анслидахъ и завтра въ вольный машкарадъ являться не смѣй, а то вы-

рѣзанъ будетъ ремень изъ самаго крестца. Вы, сладчайшій, остаетесь? обратился онъ къ Крутицыну.

— Нѣтъ, я тоже двигаюсь.

— Да что же это вы, господа? запросилъ, испуганно, Турусовъ:—такъ добрые люди не дѣлаютъ. Хоть еще по чашечкѣ, куда же спозаранку взбаламутились? Вѣдь всего-то шестой часъ въ началѣ...

— Мнѣ надо уложиться, Турусовъ, отвѣтилъ, вставая, Крутицынъ: — я вѣдь завтра утромъ ѣду.

— Да хоть флаконъ, что ли, сокрушить на прощаньи.

— Ишь, собака... наклонности-то какія... вставилъ Швецовъ.

— Право, флакончикъ бы по душѣ...

Турусовъ стоялъ уже посрединѣ комнаты и удерживалъ Крутицына за полу.

— Да я не совсѣмъ вонъ, юноша, отговаривался Крутицынъ:—я назадъ дня чрезъ три, а тамъ еще денька два пробуду въ Москвѣ; такъ успѣемъ еще проститься, и если вамъ хочется, и флаконъ сокрушимъ.

— Посидите, Александръ Павлычъ, почти хныкалъ Турусовъ, и вполголоса продолжалъ: — мнѣ ножъ вострый эта слякоть, не знаю, куда отъ нея спрятаться, хоть въ другіе нумера съѣзжай... Не покидайте меня...

— Вамъ полезно... Вотъ и изучайте классическую культуру-то.

— Чорта съ два!

— Не заражайтесь нетерпимостью. И отъ него можно коечѣмъ позаимствоваться...

— Да вы посидите.

— Все равно, по душѣ, по вашему, разговору не будетъ, а я уложусь тѣмъ временемъ.

— Ну, такъ Богъ съ вами!... Ужь позвольте облобызаться, по православному, значитъ, обычаю... Оно отъ меня и не такъ сладко, какъ отъ дѣвицы, за то отъ всей утробы.

Они поцаловались три раза. Алаевъ, совладавшій кое-какъ со своимъ фырканьемъ, опять также крѣпко-накрѣпко сжалъ руку Крутицына, и даже шаркнулъ почему-то ногой... Крутицынъ, обернувшись къ самовару, произнесъ погромче.

— Имѣю честь кланяться.

Фраза дошла до слуха кандидата филологіи. Онъ былъ поглощенъ питьемъ чая. Свои косые глаза обратилъ онъ, сколько могъ, во внутренность стакана и хлебалъ чай съ какимъ-то сладострастіемъ, размѣшивая сахаръ ложечкой и причмокивая.

— А! господа! Мое всенижайшее почтеніе. Не имѣлъ счастья

слышать вашихъ именъ и отчествъ, а также и званій. Молодой нашъ хозяинъ, по разсѣянности...

Но ни Швецовъ, ни Крутицынъ не слыхали конца фразы. Они уже были въ корридорѣ. Турусовъ пошелъ провожать ихъ до сѣней.

IV.

— Пущай его, собака, попрѣетъ, балагурилъ Швецовъ, спускаясь съ лѣстницы:—ему эта сравнительная филологія задастъ копоти! Вдоль другаго musculus gluteus тоже куска клѣтчатки не досчитается...

— А какъ на вашъ вкусъ пришелся оный филологъ? спросилъ весело Крутицынъ.

— Насажденія Панфила-мудреца и аггеловъ его...

— Занимателенъ.

— Свѣтилами-то онъ ужь больно доѣхалъ того студентика; я думалъ, съ нимъ корчи сдѣлаются отъ фырканья...

— Въ состояніи вы относиться объективно къ такимъ экземплярамъ?

— И очень.

— Будто бы?

— А какъ же... Они, сами по себѣ, ничего не значатъ. Да это еще не главное... Въ нихъ сидитъ настоящая школа для нашего брата, для всѣхъ насъ, обзывающихъ себя естественниками. Вонъ мягкотѣліе воображаетъ, что онъ всю антропологическую премудрость проглотилъ; а вѣдь онъ, пса, дѣйствительно, не выдержитъ диспута вотъ съ такой классической ящерицей. Забьетъ она его въ конецъ. Это вѣрно. А отчего? Оттого, что въ котлахъ не варенъ, вѣруетъ въ свои принципы, а въ исторію-то человѣчества порядкомъ не заглядывалъ, великой культуры, какъ скнипа эта выражается, ни бельмеса не знаетъ. А вѣдь родъ-то людской не даромъ нѣсколько сотъ лѣтъ жилъ, и философію свою, и то, и сё, и пятое, и десятое выдумалъ, до нашей эры... Коли хочешь нотой выше взять, такъ ты все это спервоначалу произойди. Я, батюшка, самъ ежесекундно локти-то кусаю, что дальше учебниковъ по этой части не пошелъ...

Швецовъ договорилъ свою тираду на крыльцѣ, держа Крутицына за рукавъ.

— Такъ ли я смекаю? спросилъ онъ.

— Совершенно вѣрно, и, признаюсь, я не ожидалъ даже отъ васъ такого объективизма.

— За олуха царя небеснаго, стало быть, считали меня? Благодаримъ пóкорно. Нѣтъ, сладчайшій, я не изъ фанатиковъ. Я—человѣкъ дѣла, слѣдственно, всякое лыко идетъ у меня въ строку.

— Ну, а педагогическое владычество классиковъ васъ не смущаетъ?

— Пущай ихъ: это отлетитъ когда нужно будетъ. Перепортятъ малую толику изъ россійскаго юношества... Да, по крайности, объявится, чтò въ этой эквилибристикѣ лежáло образовательнаго. Вѣдь я, сладчайшій, въ этомъ дѣлѣ не судья. Шутъ ее знаетъ, чтò мозгамъ полезнѣе въ извѣстный періодъ? Сдáется мнѣ, что надо хоть чему-нибудь толкомъ обучать, а вотъ этого-то мы и не имѣли. Одначе, о педагогіи-то мы больно уже раскалякались. Великій Дагоберъ сказалъ: нѣтъ той компаніи, которая бы не расходилась.

— Вѣдь это онъ собакамъ говорилъ...

— А мы кто же? Мы всѣ — псы. У меня по этой части цѣлая теорія есть. Когда-нибудь на досугѣ разовью...

Они были уже на Тверской. Швецовъ оглянулъ улицу вправо и влѣво, заломилъ шапку совсѣмъ на затылокъ и спросилъ скороговоркой:

— Вы до дому?

— До дому.

— А коли есть четверть часа лишнихъ, заверните ко мнѣ. Я вѣдь здѣсь, неподалечку, въ голяшкинскихъ комнатахъ съ небелью... Мнѣ вамъ желательно поднести экземплярчикъ моей диссертаціи. А коли соблаговолите, такъ и самоварчикъ одолѣемъ. Эта ящерица у меня всю охоту отбила. Я на второмъ стаканѣ сбрендилъ. Чмокаетъ, бестія, точно чушка какая, и одинъ-то глазъ на насъ, а другой на Арзамасъ... Такъ соблаговолите, что ли?

— Съ бóльшимъ удовольствіемъ. Я еще успѣю уложиться.

— Ну такъ, гайда!

Они черезъ нѣсколько минутъ очутились въ квартирѣ Швецова, состоявшей изъ двухъ довольно чистенькихъ комнатъ.

Хозяинъ тотчасъ же преобразился въ татарина, надѣлъ казанскую тебетейку, ермолку и разноцвѣтные сафьянные сапоги съ узорами.

— Дѣлаю я, сладчайшій, опыты надъ корридорнымъ нашимъ, по части идіотизма — отмѣнный экземпляръ. Замѣняетъ мнѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, флурансовыхъ куръ... Я спервоначалу

думалъ, что онъ изъ швейцарскихъ долинъ, а оказывается, что онъ изъ обывателей города Зарайска...

Явился коридорный, дѣйствительно, крайне-тупаго вида и получилъ отъ Швецова обстоятельное наставленіе о самоварѣ, лимонѣ и прочемъ. По уходѣ корридорнаго, Швецовъ досталъ изъ письменнаго стола брошюру и поднесъ ее Крутицыну, съ комическимъ поклономъ:

— Удостойте, давно дожидался сей чести, и дедикація сдѣлана, званію вашему приличная.

— Спасибо, много утѣшили, говорилъ Крутицынъ, пожимая руку Швецова и прочитывая заглавіе.

— Практическая, батюшка, по медицинской полиціи, на то я и городовой врачъ, безъ мудрствованій; но, смѣю думать, съ цѣнными фактиками...

— Я очень жалѣю, докторъ, что не зналъ про вашъ диспутъ. Мы тогда, кажется, и знакомы не были.

— Не были, не были... да немного и потеряли... Руготня была, всякую мѣру превышающая... Меня вы немножко знаете... Малый я съ сердцемъ отходчивымъ; но пигментъ есть... Тутъ приватдоцентишка накинулся на меня съ своей эрудиціей... Я его такъ ошпарилъ... одно слово — сожралъ... хвостика даже не осталось... А вообще—пустая комедія, и самому послѣ тошно становится...

— Такъ вы здоровы браниться?

— Еще бы!.. Ѣшь меня, лупи сколько душѣ твоей угодно; но ходи въ правилѣ, не ломайся, не пущай пыли въ глаза...

— Мнѣ кажется, докторъ, что намъ бы съ вами трудно было разбраниться въ лоскъ, несмотря на вашъ пигментъ...

— Это точно. Потому, мы два полюса. Въ васъ—нервность на подкладкѣ мягкаго сангвинизма. Во мнѣ — холеризмъ. Задору въ васъ нѣтъ, кичливости нѣтъ, чувствуется контрабасъ, который всему даетъ тонъ... А коли пошло ужь на изліянія, вѣдь навѣрно вы меня тогда, какъ въ первой у мягкотѣлія узрѣли, небойсь поди за олуха царя небеснаго приняли?

— Ну, ужь и за олуха...

— Одначе... позвольте-ка пощупать...

— Да, вы мнѣ показались гораздо менѣе развитымъ...

— Попросту, неучемъ и провинціаломъ — дуракомъ... Знаю, и нимало этимъ не обижаюсь. Скорлупа у меня ежовая, и какимъ я сложился, сладчайшій, такимъ и останусь. По интеллигентнымъ овощамъ я, супротивъ вашего, куда позади, да и некогда было ихъ возрощать. Объ этомъ рѣчь будетъ впереди;

а вы лучше мнѣ вотъ что скажите: какъ нашему брату вашу милость разумѣть?

— То-есть?

— То-есть, въ чемъ же заключается суть вашего житья-бытья? Кто вы такой? Я на чистоту веду допросъ. Вы меня извините, да сдается мнѣ, что вамъ, вотъ въ эту именно минуту, хочется поковыряться въ душевной-то требушинѣ. Я какъ на васъ разокъ, другой поглядѣлъ, слышу: такія ученыя степени имѣетъ, и медицины докторъ, и спеціалистъ по химіи, высшую степень и по этой части заполучилъ, работы печаталъ; каѳедру, коли не ошибаюсь, занималъ... одно слово, генералъ отъ положительнаго знанія и разныхъ интеллигентныхъ орденовъ кавалеръ... И что же... нахожу я васъ на какомъ-то перепутьи... на перекресткѣ... живете, сдается мнѣ, безъ опредѣленнаго дѣла, безъ званія, какъ добрые люди выражаются, къ студентикамъ на чай ходите, возращаете овощи на головахъ ихъ, отроковицъ легкаго чтенія на путь истинный наставляете... Дѣло это,—кто говоритъ,—не послѣднее; но, сладчайшій, по плечу ли оно вамъ? Имъ можно, между прочимъ, заняться; но не расходовать же на него всѣ свои мозговые капиталы... Поэтому-то, я съ такимъ засосомъ и перекидывался съ вами аргументами, когда рѣчь зашла объ Сонечкѣ. Пущай, молъ, явлюсь я киникомъ въ глазахъ неиспорченнаго юношества, но меня злость разбирала, видя, какъ это вы, каждую, съ позволенія сказать, пустяковину въ серьёзъ берете!... Вотъ я и сбитъ съ панталыку и не могу къ вамъ настоящаго ярлыка пришпилить.

— А нужно вамъ непремѣнно пришпилить ко всякому ярлыкъ?

— Безпремѣнно! я — практикъ. Для меня загадочныя натуры — статья неподходящая. Давай мнѣ живьё, давай мнѣ хомутъ, куда человѣкъ впрягъ себя, а то все у меня расползется, промежъ пальцевъ уйдетъ, какъ слизнякъ какой-нибудь. Такъ-то-съ!...

— Понимаю васъ, докторъ, и сейчасъ же отвѣчу на ваши допросные пункты, заговорилъ гораздо одушевленнѣе Крутицынъ, откидываясь на спинку дивана.—Вы хотите пришпилить ярлыкъ къ моей личности... Сдѣлать это трудно, быть можетъ, и совсѣмъ невозможно...

— Это отчего?

— Оттого, что званія у меня, въ настоящую минуту, дѣйствительно нѣтъ, и хомутъ на мнѣ, такъ сказать, не обособился; много я ихъ таскалъ на своей выѣ и, весьма вѣроятно,

буду еще больше таскать; но ярлыка все-таки на мнѣ нѣтъ... Загадочной натурой назвать меня никоимъ образомъ нельзя... Мнѣ вотъ скоро минетъ тридцать-четыре года и все время, съ того возраста, какъ я сталъ на ноги, я съ собственной своею личностью нимало не возился. Былъ я долго студентомъ, лѣтъ семь, выбралъ себѣ спеціальность сознательно; но не захотѣлъ ограничиться ею; кромѣ облюбленнаго предмета, работалъ по всѣмъ частямъ точной науки; вотъ почему я, между прочимъ, ношу степень доктора медицины. Потомъ, ѣздилъ не мало по чужимъ землямъ, застраховывалъ себя отъ цѣховой учености, не оставался ни на минуту безъ дѣла, печаталъ работы, отдавался изученію разныхъ сторонъ быта, прожигалъ жизнь въ самыхъ разнохарактерныхъ сферахъ, вернулся, получилъ каѳедру, профессорствовалъ, споткнулся о нѣкоторыя зацѣпки, долженъ былъ оставить профессуру, потомъ былъ отвращенъ жизнью же, года на два, на три, въ сторону отъ научнаго труда, потомъ... очутился, какъ вы говорите, на перекресткѣ... беру дѣло, какое представляется... ѣду черезъ недѣлю въ Парижъ, корреспондентомъ и агентомъ по выставкѣ. Вотъ вамъ конспектъ моей, таки довольно сложной, Одиссеи.

Крутицынъ выговорилъ все это неспѣшно, какъ бы вслушиваясь, и повѣряя самаго себя; но въ звукѣ голоса было замѣтно внутреннее волненіе. Онъ взглянулъ на Швецова; тотъ взбудараживалъ свою бородку и переминался, стоя посрединѣ комнаты.

— И все? вскричалъ онъ.

— Кажется все, кромѣ, разумѣется, подробностей.

— Ну, вотъ видите, генералъ отъ интеллигенціи; сейчасъ же чуетъ нашъ братъ, верхнимъ-то чутьемъ простаго эмпирика, что у вашего сіятельства, несмотря на объективный тонъ, какая-то струна, да надтреснута. Какой, смѣю спросить, годокъ вамъ?

— Тридцать-четвертый пошелъ.

— Такъ я и призналъ. Есть осѣдлость? Нѣтъ осѣдлости. Есть семья? Нѣтъ семьи. Есть болото, въ которое увязъ по сіе время? Нѣтъ этакого болота. Что̀ жь это обозначаетъ въ русскомъ переводѣ? А то, государь мой, что спокойствія нѣтъ, равновѣсіе не найдено, червь, какой ни на есть, заѣдаетъ ваше благоутробіе. Иначе бы все шло, какъ по маслу. Хомутъ былъ бы, потому: къ нашимъ съ вами годамъ ему быть слѣдуетъ. Десять-пятнадцать лѣтъ нельзя не промаячить безъ того, чтобъ житейскимъ мхомъ не обрости, чтобы и здѣсь, и тамъ не было привязокъ съ той окрошкой изъ разныхъ человѣчьихъ

пожеланій, вожделѣній и лихихъ болѣстей, каковая на элегантномъ нарѣчіи «средою» прозывается. Одно слово, должна быть пуповина, по которой переходитъ въ насъ изъ общаго тѣла должная пласма, утробу нашу питающая...

Швецовъ какъ-то особенно зарычалъ, и потрепалъ себя по животу, кончивши послѣднюю тираду. Крутицынъ не могъ не разсмѣяться.

— Пуповина имѣется, докторъ, безъ пуповины какъ же возможно...

— А почему же она въ здобь нейдетъ, почему червь заѣдаетъ?

— Почему?... сразу всего не перескажешь.

— А потому, овощей насадитель, что все среду-то желаетъ вашъ братъ по своему передѣлывать, а это — неосновательная забава. Вотъ возьмите вы меня, Григорія Пантелѣева сына Швецова... Я, батенька, тоже рвался бы въ горнюю... Да какъ вышелъ я на распутье съ лекарскимъ свидѣтельствомъ... Кругомъ туземцы, мало чѣмъ отличающіеся отъ папуанцевъ. Другой бы сейчасъ фыркать: вы такіе-сякіе. А я нѣтъ. Я ихъ приласкалъ: цыпъ, цыпъ... Всякое имъ уваженіе и разговоры «по душѣ», что̀ твое мягкотѣліе. Съ купечествомъ, да съ мѣщанствомъ пришлось мнѣ возжаться; я рыло свое не токмо что не отвращалъ отъ сихъ обывателей, но оное усиленно къ нимъ обращалъ, и всячески ихъ степенныя морды обнюхивалъ и ласкалъ. Прошелъ годикъ, а глядишь ужь и практика на три тысячи поднялась. Куда ни пойду: батюшка Григорій Пантелѣичъ, наше вамъ почтеніе, и всякая штука. И говорю я моимъ папуанцамъ: не плохое бы дѣло вамъ свою больницу, хоть немудрящую, завести... Подаются. Умираетъ тутъ старче изъ моихъ паціентовъ, и оставляетъ на устройство больницы кушъ въ пятнадцать тысячъ... Въ одинъ годъ больница сооружена, и лекарь Швецовъ ею орудуетъ; а папуанцы кланяются и благодарятъ. Практика ростетъ, въ день двухъ вятокъ заѣзживаю. Только мозги-то продолжаютъ дальше работать. Думаю себѣ: «съ вами тутъ какъ разъ жиромъ обростешь, и въ свою премудрость возвѣруешь; надо встряхнуться, поработать у нѣмцевъ, шутъ ее совсѣмъ и практику». Задумалъ я это крѣпко, и черезъ полтора года сталъ вести линію. Обывателямъ своимъ говорю: «коли, молъ, вы желаете имѣть у себя заправскаго лекаря, отпустите меня на полтора года докторскій дипломъ въ Москвѣ взять, а потомъ у нѣмцевъ поучиться. На свое мѣсто я вамъ предоставлю товарища, а по возвращеніи, опять приму бразды правленія». Они все это уразъ

умѣли, да мнѣ жалованье на все время отпуска и оставили. И выхожу я, нѣкоторымъ образомъ, рѣдкій экземпляръ, ибо на счетъ обывательскій въ наукахъ усовершенствоваться отправляюсь... Такъ вотъ, сладчайшій, какъ можно вести обхожденіе съ тѣмъ, что̀ средой-то прозывается. Какая она ни на есть, съ ней только и жизнь красна. Этакъ вотъ выѣдешь утромъ-то, и чувствуешь, что всякій тебя знаетъ, каждому замухрышкѣ ты нуженъ, всякій песъ къ тебѣ съ своими лихими болестями лѣзетъ... А пропади эта житейская окрошка, спади этотъ хомутъ,—ну, и засосетъ тебя своя личная блажь!... Васъ я не хочу этимъ щунять... А сдается мнѣ, что изволили слишкомъ долго на разныхъ головахъ овощи интеллигенціи возращать, и не спохватились, какъ пуповина-то ослабѣла, а то такъ и совсѣмъ надорвалась!...

У Крутицына не было охоты прерывать Швецова; но тотъ самъ остановился: закурить папиросу. Закуривши ее, Швецовъ оглядѣлъ, какъ-то сбоку, своего гостя, и добродушно расхохотался.

— Кряхтитъ интеллигенція, ха, ха, въ самое естество, значитъ, уязвилъ!...

— Да, уязвилъ... точно. Все это—святая истина, но только съ вашего штандпункта. Есть, однакожъ, возможность посмотрѣть на жизнь совсѣмъ иначе. У васъ, какъ я вижу, на первомъ планѣ—личность, воля, планъ, преднамѣренность...

— Еще бы!...

— Вы купаетесь въ этомъ воздухѣ: таковъ вашъ темпераментъ. Безъ личнаго значенія и достиженія цѣлей жизнь для васъ — трава безвкусная...

— Ну, а для кого же, смѣю спросить, она — амброзія, коли подъ ногами нѣтъ почвы, а идемъ мы сами не знаемъ куда?

— Будто бы вы и знаете, куда вы идете?

— А то какъ же? Если кондрашка или другая какая напасть не хватитъ, я вамъ все разскажу, стоя вотъ на семъ мѣстѣ: что̀ со мною въ два года случится. Сказано было: ты поѣдешь въ Москву, сдашь тамъ экзаменъ, и защитишь диссертацію. Сдѣлано. Послѣ того сядешь ты въ вагонъ, и начнешь колесить по Европѣ, вотъ въ такомъ-то направленіи. Будетъ сдѣлано. Вернешься ты тогда-то. Такъ оно и будетъ. Станешь благодѣтельствовать папуанцамъ и сдирать сильные поборы съ разныхъ анемическихъ Митродоръ Кузьминишнъ, и все это исполнится іота въ іоту, какъ записано въ книгѣ живота! Да какъ же безъ этого-то, сладчайшій? Особливо въ такой странѣ, каково наше любезное отечество? Что̀ же мы бу-

демъ съ буддизмомъ-то, ваше степенство? Сложить калачикомъ ноги, да взирать на радугу: вонъ, молъ, диво-дивное: миріады водяныхъ пузырьковъ отражаютъ лучи солнечные, и ежесекундно лопаются. Такъ, молъ, и жизнь наша, въ сей земной юдоли, не что иное, какъ разноцвѣтная радуга, изъ лопающихся индивидуальныхъ жизней состоящая...

— Браво, докторъ, образъ прекрасный!...

— Потому, де, продолжалъ, не останавливаясь, Швецовъ:— и должны мы отдаться теченію; а о личныхъ побужденіяхъ и соизволеніяхъ своихъ отнюдь не помышлять. Нѣтъ, батюшка!... Слякоть это, а не міровоззрѣніе, вотъ что̀ я вамъ доложу... Мы всѣ здѣсь, какъ звѣри; грыземся за лишній кусокъ мяса, за клочокъ воздуха, за лужу грязной водицы.

— Борьба за существованіе.

— Да, милѣйшій, безпощадная борьба, и въ ней только и спасенье отъ солитера, который вы, сколько мнѣ сдается, уже вскормили въ вашихъ внутренностяхъ... А вотъ и мой зарайскій обыватель. Побалуемтесь чайкомъ.

Самоваръ произвелъ перерывъ въ бесѣдѣ; но она опять возобновилась, какъ только Швецовъ поразмягчилъ маленько «свою требушину».

— Я на васъ любуюсь, сказалъ ему Крутицынъ, глядя на него съ сочувственной улыбкой:—мало я встрѣчалъ въ людяхъ нашей генераціи такихъ цѣльныхъ натуръ... Съ вами становится свѣтлѣе, впереди начинаетъ что-то блестѣть, бляха какая-то: она зоветъ васъ и кричитъ: «умѣй только попасть въ самую середину, и выскочитъ нумеръ, и съ нимъ ты прощеголяешь весь свой вѣкъ». Да!... Жить съ такимъ темпераментомъ — завидный удѣлъ. Но не очень ли вы уже мрачно описываете, докторъ, то распутье, на которомъ столькимъ приходится очутиться?... Человѣкъ безъ хомута, безъ пуповины, въ данную минуту — безполезенъ ли онъ, лишній ли онъ, и въ состояніи ли такой практикъ, какъ вы, опредѣлить свою мощь, годность и реальность?...

— Те-те-те, это, ваше степенство — антимонія на водѣ. Извѣстное дѣло, съ точки зрѣнія какого-нибудь Вирхова или Клода-Бернара нашъ братъ — практикъ въ ступѣ воду толчетъ. Да не въ этомъ вовсе дѣло. Надо, чтобы толчея работала безъ устали и самогрызѣнія. А какой для этого критерій? Собственное довольство. Когда пёсъ радъ тому, что онъ на свѣтъ рожденъ, хвостъ у него и туда и сюда, и кренделемъ изовьется, и въ трубу вытянется, и всякіе финты вы-

дѣлываетъ. Вотъ это норма. А извивается ли онъ, этотъ самый хвостъ, у вашего хоть бы превосходительства?

— Вамъ это лучше видно.

— По моему, вовсе не извивается; а такъ-себѣ шевелится въ минорномъ тонѣ: не то робость, не то смиренномудріе, не то желудочное трясеніе изображая...

Оба разсмѣялись, но тотчасъ же, послѣ смѣха, наступила пауза, и Швецовъ увидалъ на лицѣ гостя весьма явственное выраженіе грусти.

— Мы съ вами, заговорилъ Крутицынъ: — разно относимся къ личному хотѣнію, потому что оно, какъ я вижу, играло въ жизни каждаго изъ насъ совершенно различную роль... Вы плывете на всѣхъ парусахъ оттого именно, что сильно хотите; а мнѣ бы надо было, во всѣхъ почти случаяхъ, сократить свое хотѣніе...

— Сократить по видимости только, но затѣмъ, чтобъ потомъ всего достичь...

— Обходиться умѣючи съ папуанцами...

— Это первое дѣло. Посему не брезгайте моимъ вамъ совѣтомъ: въ Парижъ съѣздивши, берите вы, батенька, какое ни на есть дѣло, впрягающее въ хомутъ... Профессура, такъ профессура. Уступите средѣ, до поры до времени, поладьте, во что бы то ни стало, хотя бы съ самыми отъявленными скотами. Они же будутъ передъ вами на заднихъ лапкахъ...

— Эхъ, прервалъ Крутицынъ: — программы легко составлять...

— Безъ всякихъ программъ!... Есть у васъ порохъ, ну, и будете палить; только зачѣмъ же попусту-то патроны тратить? Такъ-то, милѣйшій... Быть можетъ, вамъ такой разговоръ и не больно по вкусу... Кто знаетъ: что можетъ зашевелиться, когда нутро-то немножко поковыряешь... Я вотъ съ допросныхъ пунктовъ началъ; а вѣдь все еще ярлыка-то къ вамъ не пришпилилъ... Вы нынче не въ ударѣ... Дайте срокъ, мы еще вѣдь увидимся.

— Въ Парижѣ? спросилъ Крутицынъ.

— Безпремѣнно. Я туда послѣ зимняго семестра; а запоздаю, такъ послѣ осенняго; вѣдь выставка-то, слышно, до сентября протянется?

— Полгода, до октября.

— Ну, значитъ, свидимся. И мягкотѣлію тамъ вдвоемъ операцію произведемъ. То-то, собака, животныя-то свои функціи тамъ распустить!... Покажетъ она вамъ «идейныя начала» въ этомъ, какъ бишь его, балъ-то студенческій.

— Closerie des lilas.

— Ну, да, лилія такая будетъ, что небу жарко... А вамъ, перво на перво, желаю хандроватость свою на составныя части разложить. Вы со мной вотъ, какъ съ эскулапомъ-то не бесѣдовали. Пожалуй, это желудокъ пошаливаетъ... Катарръ многрѣшный зимовать остался, и выдѣлываетъ разныя колѣнца...

Швецовъ взглянулъ на часы.

— Ну, сладчайшій, я съ вами безъ церемоній... Надо Сонечкины коммисіи исполнить. Ужь вы мнѣ, рабу божью, отпустите мое окаянство. Я, какъ видите, разомъ по двумъ стезямъ веду оную отроковицу. Перчаточками ввожу ее въ храмъ Афродиты, а коховскими лекціями вонзаю въ область гинекологіи!...

На прощаньи они обмѣнялись адресами: Крутицынъ далъ парижскій, Швецовъ—берлинскій. Вышли они вмѣстѣ на Тверскую, и вмѣстѣ же спустились по Газетному переулку. Швецовъ побѣжалъ къ Кузнецкому мосту, Крутицынъ взялъ направо.

V.

Тихо двигался Крутицынъ къ себѣ въ «Челыши» по Театральной площади. Бѣлесоватый свѣтъ тусклой, точно молочнымъ чѣмъ подернутой, луны облекалъ всю зимнюю картину сплошнымъ саваномъ. Началъ попархивать снѣжокъ. Четырехугольникъ Театральной площади казался безконечнымъ. Въ глубинѣ, стѣна города сливалась съ бѣлымъ, молодымъ снѣгомъ, и раздвигала окраину площади; крыши и главы церквей какъ бы висѣли въ воздухѣ. Чувствовалась оттепель, наступившая вдругъ съ порханіемъ рѣдкихъ снѣжинокъ. Онѣ садились на разгорѣвшіяся щоки Крутицына и щекотали ихъ.

Онъ шелъ и думалъ: какъ непріятно ему будетъ вернуться въ свой «нумеръ», по номенклатурѣ коридорнаго, какимъ одиночествомъ и тупой скукой повѣютъ на него опять эти глупыя, грязныя обои и пыльныя гардины, и разношерстная мёбель, и вся совокупность трактирной обстановки. У Швецова—та же обстановка. И онъ живетъ теперь начеку, и собирается заграницу. Ихъ лѣта почти тѣ же, ихъ нравственныя силы почти одинаковы...

Но... и Крутицынъ запнулся на этомъ «но». То, что̀ онъ разсказалъ Швецову о своей житейской долѣ, было далеко не

все. На душѣ лежалъ еще грузъ, который не такъ легко было выгружать даже и передъ хорошимъ человѣкомъ... А Швецовъ всталъ передъ нимъ въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ призналъ въ этой *пигментной* натурѣ типъ славнаго русака, себѣ на умѣ, съ самолюбіемъ, и даже самодурствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ искренняго, цѣльнаго, умнаго, тактичнаго. И его цѣльность уязвила Крутицына. Онъ видѣлъ передъ собою живой примѣръ человѣка, у котораго нервы и воображеніе не смѣли брать верхъ надъ смѣкалкой и главной сутью жизни, какъ онъ ее уразумѣлъ, и хотѣлъ устроить вопреки тысячѣ препятствій. И вспомнилъ онъ славянскій текстъ, приведенный Турусовымъ, вспомнилъ и поправилъ его. Еще не такъ давно попалась ему въ руки книжка какого-то духовнаго журнала. Виньетка изображала странника, стоящаго на колѣняхъ на пригоркѣ. Вдали городъ со множествомъ церковныхъ главъ, должно быть, Іерусалимъ... Внизу—текстъ: «Не имамы здѣ пребывающаго града, а грядущаго взыскуемъ». И тогда текстъ этотъ сразу же врѣзался въ память. Почему? Крутицыну показалось, что въ этихъ мистическихъ словахъ — точно символъ его житейскихъ мытарствъ. «Града» дѣйствительно не было... И вопросъ Швецова звучалъ еще во всей своей реальной рѣзкости: «есть довольство?» Приходилось отвѣчать и на него отрицательно...

— Эхъ, все это—разводы! почти вслухъ выговорилъ Крутицынъ, и сталъ укладывать бѣлье и платье въ чемоданъ, таки сослужившій ему долгую службу.

Въ полдюжинѣ рубашекъ, въ дюжинѣ платковъ съ кое-какой другой рухлядью, да въ двухъ парахъ платья состояло все его добро... Книги онъ упаковалъ раньше, и оставилъ у знакомыхъ. Недолго было уложиться; но укладываніе шло медлительно...

Тоскливый видъ нумера особенно давилъ его. Въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ часовъ онъ только и дѣлалъ, что переходилъ изъ одного «мумера» въ другой. И приходилось сознаться, что въ этихъ тѣсныхъ, пыльныхъ, неприглядныхъ «комнатахъ съ мёбелью» проходитъ жизнь того, что̀ молодо тѣломъ и духомъ, что̀ стремится, желаетъ, мыслитъ... Какія радости, какія удовлетворенія у всѣхъ этихъ «лучшихъ людей» земли своей? Гдѣ просторъ, гдѣ блескъ, гдѣ приволье и поле яркихъ, охватывающихъ могучею струею, жизненныхъ проявленій?... Сидѣнье на стоптанномъ диванѣ, пріятельскій споръ за грязнымъ самоваромъ, папироска, ломтикъ лимона, интрижка съ какой-нибудь Соничкой, да и то еще про великій праздникъ, купончикъ въ маломъ театрѣ, зубренье, погоня за «слад-

кимъ» трудомъ, глоданье прѣсныхъ и сухихъ корокъ сѣренькаго житьишка,—вотъ общая колея такъ-называемой «интеллигенціи». Одиночество, тѣснота рамокъ, бѣдность впечатлѣній, отсутствіе тѣхъ здоровыхъ щекотаній чувственности, воображенія, крови, молодаго задора, таланта, безъ которыхъ жизнь дѣлается, на самомъ порогѣ огромной храмины грядущаго, травой безвкусной — вотъ роковой удѣлъ почти всѣхъ тѣхъ, кто начинаетъ жить по своему духовному идеалу, и все «взыскуетъ грядущаго града». Даже такіе практики, какъ Швецовъ, тянутъ лямку того же неприглядинаго житьишка. Они только ловчѣе обставляютъ глоданье прѣсныхъ и сухихъ корокъ. Они съ остервенѣніемъ «вопзаются» въ хомутъ свой, и навьючиваютъ на себя столько всякой рухляди, сколько не свезти и доброму лошаку. День ихъ раздѣленъ на клѣточки, они заѣзживаютъ двухъ вятокъ на своихъ докторскихъ дрожкахъ, они перещупаютъ пульсы и перекинутся прибаутками съ цѣлой галлереей «папуанцевъ»; завтракъ и обѣдъ проглатываютъ они кое-какъ, полусидя, съ одной ногой, занесенной опять на крыло пролетки... Вечеромъ привезетъ ихъ третья вятка домой; они ложатся на диванъ и полощутъ свою «требушину» въ одеревенѣломъ состояніи... Въ головѣ нѣтъ мысли, въ тѣлѣ энергіи, въ воображеніи свѣтлыхъ образовъ... У лошака послѣ такой пряжки больше аппетита, онъ усерднѣе и вкуснѣе пережевываетъ свой кормъ... А что же у такого доктора Швецова есть дома въ его «atrium», въ его задушевной «святой святыхъ»? Все то же, что и у студента Турусова. Придетъ пріятель, много два, попьютъ чайку съ лимончикомъ, побалакаютъ кое о чемъ, и кончатъ сознаніемъ, что «градъ» хоть и есть, но въ немъ безъ кретинизующей работы лошака человѣку, «взыскующему» чего-нибудь поярче и пошире, не жить... Отнимите вы у того же Швецова его поденщину, онъ изноетъ подъ тяжестью сѣренькаго житья... Пересадите вы его въ столицу, надѣньте такой же хомутъ, и его «atrium» не измѣнится: потянется та же жизнь холостыхъ, душныхъ комнатокъ съ табачнымъ дымомъ, грязнымъ самоваромъ, балаканьемъ кое о чемъ и осадкомъ прѣсноты и одиночества... Потому-то онъ такъ горячо и проповѣдуетъ спасеніе посредствомъ хомута... А казалось бы, какъ легко людямъ съ умомъ, съ свѣжестію помысловъ и сострастій, со вкусомъ и мышечной бодростію создать себѣ другую обстановку: шире, богаче красками, испытаніями, наслажденіями. Вѣдь видно же довольство, видно же удовлетвореніе инстинктовъ и желаній по ту сторону вала, который раздѣлилъ людей на два стана. Тамъ, гдѣ преданіе

еще владычествуетъ надъ мозговымъ анализомъ, гдѣ человѣкъ держится за свои родовые и видовые устои, гдѣ онъ нейдетъ дальше того, что нужно для существованія, улегшагося въ типъ, хотя бы доживающій и безсмысленный, тамъ все справляется на міру, тамъ неизвѣстны одиночество и хандра, тамъ, походя, смѣются и радуются, ѣдятъ со вкусомъ, пьютъ съ трескомъ, женятся, наживаютъ и проживаютъ капиталы, толкаются промежъ себя въ раззолоченныхъ залахъ и нарядныхъ гуляньяхъ, умѣютъ каждый инстинктъ свой облечь въ благородную форму, и ловко обдѣлывать свои дѣлишки, расширяя «районъ своей эксплуатаціи», и ежесекундно срывая «цвѣты удовольствія»... И если въ этомъ бытовомъ стану говорятъ иногда о скукѣ и сплинѣ, о потерѣ вкуса къ жизни, то такіе припадки желудочнаго происхожденія, или повтореніе задовъ, запоздалое интересничанье... Скука этихъ людей вовсе не исходъ внутренняго горѣнія мысли, назойливыхъ, страстныхъ стремленій. Это — «спорадическіе симптомы», какъ выражаются медики. Это—временнное неудовлетвореніе прочныхъ, неустанныхъ позывовъ. Въ данную минуту аппетитъ не утоленъ... Но средствъ къ утоленію такъ много у бытовыхъ людей. Скучновато здѣсь вотъ, въ этой столицѣ, кончился или не задался сезонъ, мало приманокъ, новости и скандалы блѣдны; уѣхала Патти, женщины не щеголяютъ тѣломъ, или многія носятъ трауръ, вонъ!—вагонъ мчитъ въ другую столицу, или въ Монако, или въ Баденъ, или въ Трувиль... Да и на одномъ мѣстѣ такъ нетрудно обжиться: и весна, и лѣто, и осень, и зима полны ежедневныхъ позывовъ пріятнаго свойства, а собственная органическая машина требуетъ такого старательнаго ухода, когда хочешь содержать ее въ порядкѣ, что хандрѣ никакъ нельзя забраться и производить опустошенія подъ костянымъ сводомъ черепа. Стоитъ только отдаваться теченію общей жизни того рода или вида, къ которому принадлежишь... И каждый отдѣльный экземпляръ, даже не изъ самыхъ отборныхъ, безъ запинки отвѣтитъ на рядъ инквизиторскихъ вопросовъ доктора Швецова:

— Есть осѣдлость?

— Есть.

— Есть семья?

— Есть.

— Есть «московская селянка», именуемая средою?

— Есть.

— Хвостъ завивается кренделемъ?

— Завивается.

А по сю сторону общественнаго вала тянется сѣренькое житьишко «мумеровъ» и «комнатъ съ небелью», и ихъ обитатели, точно по заказу, гложутъ куски того, что псалмопѣвецъ называлъ когда-то «хлѣбомъ сокрушенія».

Кого идея задѣла хоть однимъ кончикомъ своего лучезарнаго хвоста, тотъ простись съ равновѣсіемъ, у того житейскій чемоданъ запроситъ все новой и новой клади, а ее не хватитъ, пожалуй, и на первую станцію. И сдобная фигура студента Турусова предстала передъ Крутицынымъ. Кому бы еще не жить въ свое удовольствіе, какъ не этому волжскому пареньку? Но онъ вырвался изъ пеленокъ быта, онъ вкусилъ «идейныхъ началъ», его тянетъ и туда, и сюда. Теперь еще жиръ смазываетъ ему органическую машину; но пройдетъ два-три года, жиръ этотъ улетучится отъ неустаннаго жара внутренней работы, если только онъ, въ самомъ дѣлѣ, отдастъ свой мозгъ въ крѣпостную зависимость взыскуемымъ имъ «идейнымъ началамъ». И сравните его тогда, какъ нибудь, яркимъ морознымъ полднемъ, на Невскомъ, съ молодымъ «самцомъ» его же лѣтъ изъ того стана, что по ту сторону общественнаго вала. Взгляните на эти румяныя щеки, на ухарскую посадку, на развитіе мышцъ, на ясность выраженія глазъ, на непробудное довольство, живописующееся на крупныхъ яркихъ губахъ. Все блеститъ на немъ: и фуражка съ краснымъ околышемъ, и погоны, и палашъ, а превыше всего: душевное спокойствіе, гармонія всѣхъ отправленій, точность и опредѣленность позывовъ и цѣлей. Онъ — идеалъ, ибо онъ типъ. Въ немъ сказывается пластическое изящество, всегда неразлучное съ безъидейностію. Всмотритесь въ вѣчные мраморы Эллады: въ Милосскую Венеру, въ Юнону на виллѣ Людовизи, въ версальскую Діану, въ Аполлона, въ Антиноя, развѣ ихъ лица думаютъ о чемъ нибудь? Ни о чемъ! Да имъ и не объ чемъ думать... Они не затѣмъ выходили изъ-подъ рѣзца бытоваго ваятеля. Стоятъ они безмятежно прекрасные передъ мятущимися дѣтьми нашей эпохи и говорятъ имъ: «Смотрите на насъ, мы проявляемъ культъ прекраснаго тѣла. Мы всѣ въ линіяхъ и формахъ, и больше никакихъ откровеній отъ насъ не ждите». Не трудили свои мозги и тѣ атлеты, что служили натурщиками Фидіасу. Они доводили свое тѣло до высочайшаго идеала и ни мало не горевали о томъ, что рабы должны были обливать землю потомъ, въ то время, какъ они вкушали свою растительную эллинскую жизнь: «молодые люди одного околодка, идя къ учителю музыки, двигались по улицамъ нагіе и въ добромъ порядкѣ, хотя бы снѣгъ падалъ, какъ мука, сквозь сито;

придя, они садились разставивъ ноги, и ихъ учили пѣть гимны...». Такъ хвалитъ у Аристофана защитникъ древне-эллинскаго быта выправку идеальныхъ самцовъ съ богоподобными формами.... Румяный молодецъ Невскаго пониже расой, похуже выправкой, неизмѣримо грубѣе формами и линіями; но и онъ знаменуетъ собою культъ изящнаго тѣла и вся его жизнь вставлена въ прочныя рамки; упражненія, обязанности, желанія, аппетитъ, радости, все идетъ неспѣшной чередой, ничто не переступаетъ предѣла достижимаго, ничто не даетъ мукъ Тантала, не поднесетъ чаш' съ цикутой за слишкомъ смѣлый умственный порывъ... А ря' чъ съ этимъ мирно-воинскимъ типомъ стоитъ другой, тамъ на британскомъ островѣ. Видите вы эту вереницу джентльменовъ въ Гайдъ-Паркѣ, или на эпсомскихъ скачкахъ? Посмотрите, какъ полно, выпукло, отчетливо сложился этотъ видовой типъ, какъ въ немъ все дышетъ долгимъ и неустаннымъ уходомъ за расой... Сколько мяса потребилось рядомъ поколѣній, сложившихся въ скульптурное цѣлое, сколько даровыхъ капиталовъ и безпробудной китайщины пошло на выработку этихъ выточенныхъ подбородковъ, этихъ значительныхъ носовъ, этихъ большихъ безмятежныхъ глазъ, этихъ благородныхъ усмѣшекъ, этой патентованной мускулатуры, этой полированной кожи... Тутъ все — «first rate», все носитъ на себѣ клеймо и штемпель высокой вещественной культуры... И какое выполненіе мельчайшихъ признаковъ видоваго типа и бытія! У каждаго джентльмена одинъ и тотъ же пошибъ лица, тѣ же бакенбарды, тотъ же проборъ, тѣ же надломленные воротнички, та же сѣрая шляпа, тотъ же зеленый зонтикъ... И вся масса джентльменовъ, въ данный моментъ, преисполняется однимъ и тѣмъ же инстинктомъ... Вотъ скачетъ кровная кобыла «Franchise» или «Prosecution». Вся масса джентльменовъ начинаетъ вопить, прискакивать, махать платками, наконецъ, рычать:

— Prosecution! Prosecution!...

И потомъ, какъ только лошадиная морда, принадлежащая «Prosecution» или «Franchise», оставила позади себя скаковой столбъ, порывъ стихаетъ, «respectability» овладѣваетъ бытовымъ міромъ, джентльменъ опорожниваетъ свои карманы и если совсѣмъ, то, вернувшись домой, пускаетъ себѣ пулю въ ротъ... а видъ продолжаетъ жить, слѣдуя законамъ своего растительнаго типа...

«Да, рѣшилъ Крутицынъ, мягкотѣлый Турусовъ черезъ три-четыре года, поставленный рядомъ съ молодцомъ Невскаго или

джентльменомъ эпсомскихъ скачекъ, будетъ изображать собой мерзость запустѣнія».

Дума Крутицына повела его и еще дальше. Онъ не любилъ перебирать свою собственную жизнь, считая это пустымъ нервничаньемъ; но тутъ мысли его начали вращаться съ особой назойливостью вокругъ того вопроса, который такъ безпричинно и часто всплываетъ въ сознаніи людей, знакомыхъ съ душевной борьбой...

Идти ли дальше? Стоитъ ли, полно, тормошиться? На что еще надѣяться? И веснусчатая рожа доктора Швецова точно выплыла изъ полусвѣта скучнаго нумера и точно кричала ему, показывая свои широкіе бѣлые зубы:

— Надѣвай хомутъ, безъ него нѣтъ спасенья! Возись съ папуанцами! Пріобрѣтай осѣдлость!...

Крутицынъ присѣлъ къ столу и не могъ сдержать наплыва ѣдкой тоски, которую онъ считалъ, хоть и не совсѣмъ искренно, припадками чисто-матеріальнаго свойства. И съ нервической усмѣшкой отыскалъ онъ въ своемъ прошедшемъ одну страницу, подходящую къ настроенію этой минуты... Когда онъ впервые взялъ въ руки дантовъ «Адъ», онъ цѣлый день сидѣлъ надъ трехстишіемъ, которое десятки и сотни комментаторовъ толковали и толкуютъ по своему и все-таки безрезультатно. Стихи врѣзались въ память Крутицына.

„O roi, ch'avete gl'intelletti sani",
„Mirate la dottrina che s'asconde"
„Sotto'l velame delli versi strani".

Поломавши голову, Крутицынъ сильно разсердился на творца «Божественной комедіи».

— Чортъ тебя знаетъ! вскричалъ онъ тогда:—что̀ ты за доктрину хотѣлъ прикрыть твоими «Странными стихами»? Вотъ у меня и здоровый интеллектъ, да я ничего не могу разобрать! Да и зачѣмъ намъ доктрина, которую нужно облекать въ чертовщину?.. Толку въ ней не можетъ быть никакого!..

И теперь, вспомнивъ этотъ молодой юмористическій задоръ, Крутицынъ прибавилъ:

— Да полно вся-то наша земная юдоль — не это ли трехстишіе Данта? Написано на ней, что подъ вычурными разводами хранится нѣкая истина, которую довлѣетъ уразумѣть. Ну, и толчемся мы, и потѣемъ, и скрежещемъ зубами, и мечемся, придумывая комментаріи на то, что̀ называется жизнью... А ядра-то въ ней, быть можетъ, и нѣтъ, а такъ, сами мы выдумали нѣкій сокровенный смыслъ!

— Что за чушь! громко выговорилъ Крутицынъ и даже взялся за пульсъ.

Ему стало совѣстно. Онъ не могъ объяснить себѣ, какъ это ему, съ его міровоззрѣніемъ, могло придти въ голову что либо подобное... Онъ поторопился раздѣться и лечь... Но заснулъ онъ только во второмъ часу.

Не стоялъ ли онъ на рубежѣ двухъ жизненныхъ итоговъ: того, когда наступаетъ безразличіе передъ всѣми ударами судьбы, великими и малыми дѣлами человѣчества, страдательное отбываніе своего единичнаго бытія, приниженное повтореніе задовъ, безъ всякаго порыва и новой попытки, или же того, когда страждущій духъ надломленъ, когда живительный нервъ разбитъ и нѣтъ ни охоты жить, ни силъ предаваться чему-либо кромѣ всепоглощающаго горя, когда изъ груди вылетаетъ, полный трагической жалости и ужаса, крикъ:

„... .... Farewell!“
„Othello's occupation's gone“.

Мы это увидимъ.

VI.

Утро задалось очень морозное. Крутицынъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо: голова отяжелѣла, по спинѣ пробѣгала дрожь. Но ѣхать ему надо было. Онъ, противъ своего обыкновенія, взялъ билетъ въ первомъ классѣ, чтобы сидѣть въ тепломъ вагонѣ.

Купивши два нумера газеты, онъ размѣстился на диванѣ одного изъ отдѣленій вагона, подальше отъ печки: отъ нея шелъ сухой, непріятный жаръ. — Вслѣдъ за нимъ показался въ дверяхъ высокій благообразный пожилой купецъ въ богатой ильковой шубѣ. Крутицынъ, взглянувши на него, проговорилъ про себя:

«Какой типичный византіецъ».

Купецъ, войдя, перекрестился большимъ крестомъ, двуперстнымъ сложеніемъ. Сѣлъ онъ рядомъ съ Крутицынымъ, отдавши ему легкій поклонъ, наклоненіемъ головы. Изъ-подъ шубы видно было нѣмецкое платье, степеннаго покроя. Только что онъ запахнулся, доставши платокъ, вошелъ молодой паренекъ, такого же типа, въ такой же богатой ильковой шубѣ, только поменьше ростомъ. И онъ остановился на порогѣ, оглянувъ вагонъ скорымъ боковымъ взглядомъ и перекрестился такимъ же двуперстнымъ большимъ крестомъ. Онъ сѣлъ противъ перваго.

Крутицына заинтересовала эта пара.

— Не угодно ли? сказалъ онъ пожилому купцу, подавая ему одну изъ своихъ газетъ.

— Благодарствуйте... Только я безъ очковъ-то плохо сталъ читать, да и качка на этой дорогѣ большая...

Говорилъ онъ помосковски, пріятнымъ теноромъ, съ интонаціей болѣе чѣмъ грамотнаго человѣка, даже съ какой-то тонкостью.

— А что же есть хорошенькаго? спросилъ онъ, помолчавъ, Крутицына.

— Да вотъ очень неглупая статья объ нашей кяхтинской торговлѣ.

Купецъ подсѣлъ ближе. Степенное лицо его улыбнулось... Въ эту минуту поѣздъ двинулся, и когда шумъ вошелъ въ свой ровный, однообразный ритмъ, разговоръ опять завязался.

— И что же-съ такое пишутъ? спросилъ купецъ.

— Генералы наши департаментскіе обличаются... Очень они, какъ видно, прытки по части реформъ, не спросившись: что отъ этихъ реформъ станетъ и какія отрасли промышленности совсѣмъ сгинутъ.

И пожилой и молодой паренекъ навострили уши. Оба все больше и больше улыбались.

— Вотъ и разсказывается тутъ, продолжалъ имъ передавать Крутицынъ: — что его превосходительство...

— Ужъ не Александромъ ли Иванычемъ прозывается? перебилъ молодой.

— Да кажется такъ... вотъ стоятъ буквы А. И.

— Такъ, такъ, промолвилъ пожилой, поглаживая свою слегка подернувшуюся сѣдиной, небольшую бороду.

— А вы его знаете?

— Какъ не знать-съ.

Сказано это было не безъ ироніи. Молодой даже осклабился.

— Его превосходительство обозрѣвалъ фабрики и посѣтилъ фабрику нѣкого Алексѣя Аввакумовича Купоросова... Въ одномъ изъ отдѣленій видитъ онъ чуть не цѣлую сотню пустыхъ станковъ — безъ работы стоятъ. «Что же это они такъ стоятъ?» спрашиваетъ его превосходительство. А хозяинъ и отвѣчаетъ ему: «что, молъ, на этихъ станкахъ плисъ ткали, а теперь дѣлъ съ китайцами не имѣется мѣновыхъ и сразу-де потерянъ былъ капиталъ не въ одну сотню тысячъ съ прекращеніемъ производства». Генералъ сейчасъ же распоряжается: «ну, такъ вы миткаль на этихъ станкахъ тките!» на что ему Алексѣй Авва-

кумовичъ отвѣтилъ, что, «такъ, по щучьему велѣнью изъ плиса миткаля не выдѣлаешь!»

По мѣрѣ того, какъ Крутицынъ передавалъ содержаніе статьи, лица обоихъ купцовъ все больше и больше оживлялись.

— Такъ все это и написано-съ? спросилъ осклабляясь паренекъ.

— Да вотъ, какъ я вамъ передавалъ, отвѣтилъ Крутицынъ, и, обращаясь къ пожилому прибавилъ:—вамъ, вѣроятно, извѣстенъ этотъ фактъ?

Съ умной усмѣшкой откашлялся тотъ и проговорилъ:

— Все это вѣрно отъ перваго слова до послѣдняго.

— Да?

— Такъ точно. Гг. журналисты, иной разъ, кое-что и прикрасятъ, а тутъ все, какъ оно было. Генералы-то наши очень ужь прытки. По книжкамъ-то выходитъ прекрасно, кто говоритъ, свободная торговля, и все такое, да надо же и нашему брату дать возможность изъ плиса-то канифасъ выкраивать...

— Вы, быть можетъ, и знакомы съ этимъ Алексѣемъ Аввакумычемъ?

— Да ужь если позволите отрекомендоваться: я самый и есть Алексѣй Аввакумычъ...

Крутицынъ разсмѣялся — и протянулъ ему руку.

— Очень радъ съ вами познакомиться, Алексѣй Аввакумычъ. Я объ васъ много наслышанъ...

И въ самомъ дѣлѣ: объ этомъ московскомъ тузѣ онъ не разъ слыхалъ разныя подробности, и въ Москвѣ, и въ провинціи.

Алексѣй Аввакумовичъ представилъ ему паренька, который оказался его племянникомъ. Большой словоохотливости онъ не заявилъ; но говорилъ благосклонно, внимательно, тономъ почти свѣтскаго человѣка, несмотря на свое «древнее благочестіе».

— Вы держите въ рукахъ десятки тысячь народа, сказалъ ему Крутицынъ:— и представляете собою всемогущество капитала...

Алексѣй Аввакумовичъ обошелъ этотъ щекотливый пунктъ; но на болѣе фактическіе вопросы Крутицына далъ обстоятельные отвѣты: о происхожденіи фирмы, о положеніи промысла, гдѣ, онъ самъ называлъ себя «не изъ послѣднихъ». Въ длинныя разсужденія онъ не пускался, но не скрывалъ своихъ желаній, по части покровительственной системы; и все это въ крайне мягкихъ оборотахъ...

«Шельма трехпробная!» подумалъ Крутицынъ и добавилъ: «надо бы сюда Швецова, вотъ онъ закрутилъ бы ему хвостъ».

Рѣчь зашла о парижской выставкѣ. Крутицынъ сказалъ, что ѣдетъ агентомъ одного химическаго завода и корреспондентомъ газеты. Алексѣй Аввакумовичъ позволилъ себѣ тутъ освѣдомиться о занятіяхъ Крутицына. Онъ увидалъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ теоретическимъ, но не чуждымъ общихъ вопросовъ крупной промышленности. Вообще бесѣда шла у нихъ очень складно и Крутицынъ не чувствовалъ никакой неловкости съ этимъ «папуанцемъ».

На четвертой или пятой станціи Алексѣй Аввакумовичъ всталъ и началъ собираться.

— Вы уже пріѣхали? спросилъ Крутицынъ.

— Тутъ мое угодьишко, проговорилъ, кротко улыбаясь, тузъ... въ Парижъ-то и я, Богъ дастъ, угожу лѣтомъ, такъ послѣ петрова-дня... Душевно радъ знакомству; въ Москву когда еще завернете, милости прошу...

И онъ пожалъ крупной бѣлой рукой руку Крутицына съ почтительнымъ поклономъ. Пареневъ встряхнулъ волосами, надѣлъ соболью шапку и выговорилъ:

— Мое высокопочитаніе...

Оба опять истово перекрестились, передъ выходомъ изъ вагона.

Эта встрѣча оживила Крутицына. Бытовая фигура Алексѣя Аввакумовича перенесла его въ тотъ міръ, съ которымъ ему никогда не приводилось хорошенько познакомиться. Экземпляръ былъ первосортный. И какъ онъ дышалъ спокойствіемъ и равновѣсіемъ... Отъ благообразной бороды, до двуперстнаго креста все на фабричномъ тузѣ говорило: я крѣпко сижу на моей почвѣ и ничто не нарушитъ той формы, въ какую меня вылили. И достоинство, и тактъ, и изящество, и всеобъемлющее «себѣ на умѣ» были въ этомъ воротилѣ, и до всего этого онъ, конечно, дошелъ самоучкой, на мѣдныя деньги...

«Чего же мнѣ лучше?» перебиралъ въ головѣ своей Крутицынъ, покачиваясь на диванѣ: «какого же болѣе прямаго сближенія съ такими Алексѣями Аввакумычами, какъ не на выставкѣ? Ихъ, навѣрно, притащится не мало. Вѣдь они — цари капитала. Подъ ихъ лапой трещатъ цѣлыя населенія. Сколько можно дѣла надѣлать, если умѣючи «обнюхивать ихъ морды», слѣдуя пріемамъ доктора Швецова. Сумѣй поладить, покалякай съ ними, напейся чайку, пригодись ему твоей наукой и, вей изъ него веревки; онъ тебѣ и больницы, и банки, и школы для рабочихъ заведетъ и сдѣлаетъ ихъ, пожалуй, участниками эксплуатаціи...»

Поѣздка въ Парижъ стала принимать въ глазахъ Крутицына

иные размѣры. То, что̀ онъ взялъ какъ первый попавшійся заработокъ, какъ кусокъ хлѣба, могло сдѣлаться преддверіемъ въ пріобрѣтенію осѣдлости, хорошимъ прочнымъ хомутомъ... Почему же и не примѣнить иначе своихъ большихъ теоретическихъ познаній? Профессура не задалась... Чистая наука требуетъ ухода за собственною личностью, обезпеченности, средства, хорошую лабораторію, богатую библіотеку. Не предвидится всего этого безъ новой возни, гдѣ вовсе не такъ легко ладить съ папуанцами, какъ увѣряетъ Швецовъ,—ну и по боку чистую науку!.. Мыло варить, селитру, древесный уксусъ, стеариновыя свѣчи мастерить... мало ли что... Алексѣевъ Аввакумовичей — за бока и войдти плотью и кровью въ цѣлый міръ народнаго труда, гдѣ все тотъ же мужичокъ кряхтитъ и потѣетъ и, мѣняя свою избу съ кустарнымъ промысломъ на душную фабричную камеру, на атмосферу паровиковъ и котловъ, съ каждымъ лишнимъ рублемъ обзаводится пьянствомъ, ёрничествомъ, болѣзнями, бездушіемъ и кончаетъ, сплошь и рядомъ, тѣмъ же маразмомъ пролетарія, какъ и углекопъ въ бассейнѣ Шарлеруа, какъ и оборванецъ лондонскихъ доковъ... Не прямое ли призваніе людей, прошедшихъ долгій искусъ положительной науки, извѣдавшихъ что̀ такое поденный трудъ и тягость безысходной поденщины, стать между пузатымъ капиталомъ и его батраками, протянуть руку этимъ батракамъ, указывать имъ на способы и пути, какъ сплотиться между собою, какъ поскорѣй и подешевле исправить свое производство, какъ обзавестись желанными гарантіями, какъ добыть въ свои руки альфу и омегу коллективнаго труда-орудія. А пузатый капиталъ надо побороть интеллигенціей, соскоблить съ него кору вѣковаго себялюбія, указать ему на возможность быть человѣчнѣе, не разставаясь съ своей любезной мошной, растолковать ему выгоду лада и соглашенія съ рабочими, опасность барышничества, кулачества и жидоморства, чреватыхъ всѣми ехиднами ожесточенной борьбы труда съ капиталомъ... Въ такой задачѣ — цѣлое море плодотворныхъ начинаній; въ ней и страждущій духъ найдетъ живительное... И если не установится осѣдлость потому что частный трудъ — почва зыбкая, то хомутъ-то ужь навѣрно плотно сядетъ на плечахъ. Будутъ мѣняться патроны, заведенія, фабрики, жалованье, мѣстности; но останется все та же цѣль, все тотъ же дорогой объектъ: — темный, согнувшій выю человѣкъ, прикованный роковою цѣпью къ поденному труду...

А чистая наука?..

Подъ шумъ и укачиванье поѣзда, Крутицынъ впалъ въ по-

лудремоту, продолжая думать все на ту же тему... Вотъ онъ студентомъ стоитъ у своего окна и подогрѣваетъ спиртовой лампой реторту, гдѣ бурая масса пыжится и потрескиваетъ; а къ горбу реторты собираются ярко-малиновыя капли и мелкіе кристалики... Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ неофита слѣдитъ за простымъ процессомъ перегонки. — Смеркается. Лабораторія — тѣсная, грязноватая, темная кухня, не такая, какія заведены нынче, съ мраморными досками и газовыми аппаратами... Въ углу за большой изразцовой печкой храпитъ сторожъ Вавило, держа въ рукахъ бутыль и полотенце. Гдѣ-то, старый кранъ капаетъ мелкими, но звучными каплями на деревянный столъ... Гдѣ-то, должно быть, подъ печуркой, скребется мышь. Въ паровой ванне слегка вздрагиваетъ большая чашка, и отъ нея доносится до Крутицына какой-то вяжущій и сладковатый запахъ. Какъ ему хорошо въ этой лабораторной тишинѣ!.. Съ какимъ умиленіемъ глядитъ онъ на свой старый вицмундиръ, весь покрытый, по обшлагамъ, красными пятнами, выѣденными кислотой... Посмотритъ онъ внутрь реторты, поправитъ фитиль, пододвинетъ сальную свѣчу къ развернутой толстой книгѣ, прочтетъ нѣсколько строкъ и опять къ ретортѣ... То ему кажется, что сквозь пузырь, связывающій реторту съ колбою, проходитъ улетучивающееся вещество; то сдается ему, что охлажденіе недостаточно, что весь аппаратъ стоитъ криво на косо... Но вотъ онъ успокоивается. Перегонка идетъ прекрасно, все налажено, выходитъ такъ, какъ значится въ толстой книгѣ Либиховскаго «Jahresbericht'a», онъ облокачивается на подоконникъ и говоритъ про себя почти вслухъ:

«Можетъ ли быть что выше науки — химіи? Наука-наукъ! Проникать въ сокровенный составъ тѣлъ, объяснять сложеніе всей вселенной, распутывать причинную связь каждой былинки и изъ милліона былинокъ создавать цѣлое мірозданіе! Что же не сводится къ химіи? Все! Кора земная и ея судьбы — химія. Жизнь растеній—химія. Человѣкъ со всѣми его отправленіями— химія... Ей отдамся я, какъ верховному знанію, и въ ней найду отвѣты на всѣ тайны бытія»!

И какъ онъ негодуетъ на «жизненную силу» старыхъ филистеровъ. Въ немъ живетъ вѣра, что съ ретортой и нужными элементами, онъ вамъ состряпаетъ человѣческій организмъ; homunculus вылѣзетъ у него изъ колбы совсѣмъ готовый.

Но пока изготовленъ будетъ homunculus, онъ радуется и на эту темномалиновую жидкость, которую бережно выливаетъ изъ колбы въ фарфоровую чашечку и такъ же бережно ставитъ на круглое отверстіе паровой ванны, страстно желая, чтобы

завтра утромъ красовались крупные многогранные кристалы... Лампа затушена. Вавило все храпитъ. Но надо его разбудить и собираться домой... Крутицынъ убираетъ аппараты, чиститъ склянки и цѣдилки, ставитъ все это въ порядокъ на свое окно. Уходить ему не хочется. Онъ открываетъ ящикъ, кладетъ туда толстый «Jahresbericht» и вынимаетъ другую книгу, въ сѣрой оберткѣ, очень зачитанную... Это — почти запретный плодъ... Въ аудиторіи у нѣмца-профессора царитъ еще старая систематика, «либиховщина», какъ выражается въ сердцахъ Крутицынъ; а сѣрая зачитанная книга — евангеліе новаго ученія. Любовно смотритъ Крутицынъ на имя автора. Книгу выписалъ онъ изъ Парижа раньше профессора и не показывалъ ему. Это—«Метода» Лорана... Сколько разъ перечелъ Крутицынъ предисловіе Біо и статью «Revue des deux mondes», гдѣ разсказывалась горькая доля того, кто двинулъ химію по плодоносному пути... Ему такъ живо представлялся этотъ Лоранъ, забитый, больной, отталкиваемый цѣховыми учеными, безъ каѳедры, безъ работы, почти безъ куска хлѣба, *безъ лабораторіи!* съ ужасомъ и негодованіемъ повторялъ Крутицынъ... И круглая рожа Берцеліуса видѣлась ему, генерала-Берцеліуса, издѣвающагося сквернымъ французскимъ языкомъ надъ бреднями и глупостями француза—теоретика, и двоедушно одобряющее высокомѣрное обличье сенатора—Дюма видѣлось ему, Дюма, преисполненнаго тупой ученой гордыни и преданности дѣлу 2-го декабря, и весь синклитъ нѣмцевъ, съ Либихомъ во главѣ, видѣлся ему, синклитъ, со скрежетомъ зубовнымъ накидывающійся на французика, посмѣвшаго выступить съ идеями и построеніями, отъ которыхъ валились, какъ гнилыя щепки, ихъ полудѣтскія клѣточки и дѣленьица!... Вотъ и тотъ чуланчикъ, гдѣ Лоранъ, въ тѣснотѣ и скудности, сердечными приношеніями горсти молодыхъ учениковъ, устроилъ кое-какую аудиторьишку и развивалъ свои «бредни» и «глупости». Изъ этого чуланчика вышли Жерары и Зинины, Вюрцы и Бертело, на идеяхъ этого чуланчика воспитались Вилльямсоны и Наке, Бутлеровы и Менделѣевы... И слезы жалости и надсады навертывались на глазахъ студента, склоняющаго свою горячую голову надъ зачитаннымъ евангеліемъ, возгласившимъ революцію въ наукѣ, которая казалась ему мудростью боговъ... Чистая, нетлѣнная, безплотная, незыблемая теорія манила его къ себѣ. Ея высоты блистали въ его воображеніи чѣмъ-то лучезарнымъ, захватывающимъ духъ отъ полноты умственнаго удовлетворенія... Все прикладное: техника, медицина, фармація казались такой жалкой пустяковиной, такимъ мѣщанствомъ знанія, гнилымъ дил-

летантизмомъ, почти кощунствомъ... И съ какою жалостью смотрѣлъ Крутицынъ на студентовъ фармаціи, приходившихъ въ лабораторіи производить анализы... Онъ не понималъ тогда возможности что либо любить, кромѣ чистой науки, чему либо иному отдавать свои думы и упованія, на что либо иное удѣлить хоть полчаса времени... Сальный огарокъ догараетъ, Вавило всхрапываетъ и просыпается, надо идти домой. Любовнымъ взглядомъ окидываетъ Крутицынъ грязную кухню и еще разъ подходитъ къ чашечкѣ, гдѣ выпаривается темно-малиновая жидкость...

— Вещи прикажете? пробасилъ кто-то надъ ухомъ Крутицына.

Онъ очнулся.

— Пріѣхали? спросилъ онъ у багажнаго служителя.

— Пріѣхали-съ. Багажъ имѣете?

Онъ отдалъ ему билетъ и вышелъ на платформу, безъ навѣса. Ночной морозъ немножко смякъ; но охватилъ его таки, послѣ душнаго вагона.

— Батюшка! Александръ Павлычъ, здѣсь я, пожалуйте!

Крутицынъ оглянулся и разглядѣлъ въ толпѣ, припертой къ барьеру, фигуру въ шинели съ волчьимъ воротникомъ и картузѣ съ наушниками.

— Евстигней! радостно крикнулъ Крутицынъ.

— Онъ, онъ самый! Лошадка здѣсь, барыня прислала... Я думалъ, не случилось ли чего... Опоздалъ вѣдь поѣздъ... Да вы пожалуйте въ вокзалъ... Я живымъ манеромъ. Багажъ-то.

— Я ужь распорядился, не тормошись... иди на крыльцо.

— Батюшка! Радость-то какая! Сподобились мои глаза!

Конца Крутицынъ уже не разслыхалъ. Волчій воротникъ потѣснили къ двери. На подъѣздѣ Евстигней подбѣжалъ къ Крутицыну. Сѣдая, плотно обстриженная голова обнажилась. Старое умиленное лицо хотѣло сначала приблизиться къ губамъ Крутицына; но, потомъ, тотчасъ же поворотило къ плечику.

Крутицынъ взялъ его за плечи и поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Здравствуй, старый, все ещё попрыгиваешь?

— Прыгаю, батюшка, прыгаю...

И голосъ его дрогнулъ отъ худо сдерживаемыхъ слезъ.

— Здорова тетенька?

— Слава богу... чай какъ заждались... цѣлыхъ вѣдь двадцать минутъ опоздалъ поѣздъ... А вотъ и чемоданчикъ вашъ... все тотъ же... Сюда малый, сюда—Ѳедотовскія сани кричи.

*

Старикъ не зналъ, что̀ ему нести, и хваталъ все маленькій сакъ, бывшій въ рукахъ Крутицына.

Сѣли они въ пошевни.

— Новый кучеръ-то, шепнулъ Евстигней:—всего недѣлю живетъ...

Отъ радости онъ не зналъ, съ чего начать разговоръ. Все ему хотѣлось сѣсть на облучекъ и онъ смертельно ежился, повторяя:

— Ножки-то укутать бы, вотъ полостью-то хорошенько.

Пошевни покатились подъ горку бойкой рысцой. Яркая, совсѣмъ серебряная луна озарила, передъ Крутицынымъ, знакомыя красоты зимнихъ ночей. Они спустились на рѣку. Направо, крутымъ взъемомъ, шелъ нагорный берегъ. На выдающихся пригоркахъ снѣгъ блестѣлъ и даже алѣлъ подъ лучами мѣсяца. А тамъ, совсѣмъ на верху, виднѣлась круглая башня Кремля, такая же бѣлая и ускользающая въ глубь блѣдноголубаго неба. Полотно рѣки разстилалось необъятно и темнѣла изсиня по окраинамъ полыней. Весело мелькали елки, наставленныя вдоль дороги. Не слышно было гулу съ набережной. Только какой-то особый, непримѣтный, но немолчный приливъ и отливъ отдаленныхъ звуковъ говорилъ про что-то живое, среди этого ледянаго моря, этой застывшей на долгіе мѣсяцы, недвижной водяной красавицы, дождавшейся своего алмазнаго убора.

VII..

— Саша! голубчикъ!

— Тетушка! дорогая моя!...

Крутицынъ обнималъ женщину лѣтъ за пятьдесятъ, безъ чепца, въ темномъ капотѣ съ пелеринкой. Волосы, съ легкой просѣдью, были плотно приглажены на высокомъ лбу. Лицо отцвѣло уже, но хранило еще слѣды пріятности, сразу говорящей о неистощимомъ запасѣ доброты. Каріе, небольшіе глаза́, окруженные мелкими морщинками, разглядывали съ любовью каждую черту Крутицына.

Встрѣча и первые отрывочные вопросы произошли въ передней, такъ жарко натопленной, что Крутицынъ почувствовалъ себя точно въ банѣ.

— Снимай, снимай шубу-то. Налегкѣ же ты, точно съ катанья... Евстигней! ужинать поскорѣе, говорила нѣсколько нервнымъ голосомъ тетушка.

Крутицынъ очутился опять въ томъ деревянномъ желтомъ домикѣ съ мезониномъ, куда не заглядывалъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Прошли неосвѣщенную зальцу, съ гипсовымъ амуромъ въ углу, съ горшками жасмина и старымъ флигелемъ, и чопорную гостиную, такую же миніатюрную, какъ и зала, съ бѣлоснѣжными чехлами на рѣдко разставленной мёбели, и опять съ жасминами. А вотъ и угольная, любимая комната Крутицына и самой тетушки, гдѣ на каждомъ стулѣ и на каждой козеткѣ посидѣлъ Крутицынъ по своей привычкѣ безпрестанно мѣнять мѣсто. Тепленько въ ней было, не холоднѣе, чѣмъ въ передней.

— Поужинаемъ въ чайной, говорила тетушка, усаживая Крутицына на мягкій диванчикъ, гдѣ у нея подъ бокомъ стояли всегда маленькія пяльцы. — Ну-ка, дай на себя взглянуть.

— Постарѣлъ?

— Нѣтъ, не очень... Правымъ глазомъ я нынче почти ничего не вижу, особливо вечеромъ, а кажется какъ будто вотъ на правомъ-то вискѣ что-то серебрится...

— Не сказывайте никому, тетушка, страшно сѣдѣю!

— Пора, это у васъ въ роду. А съ лица все такой же... Испанцемъ смотришь...

Она его поцаловала въ лобъ.

— А вы дайте, голубушка, на себя-то поглядѣть. Вотъ и родинка на лѣвой щекѣ, все такая же.

— Да что жь ей сдѣлается?

— И подбородокъ такой же добрый...

— Ну, какъ же подбородокъ-то можетъ быть добрый?... Что это ты, Саша... А ты скажи ужь лучше сразу: надолго ли?

— Да денька...

— Какъ денька?

— Денька два...

— Что это, Саша, за глупости?... Куда несетъ тебя, скажи на милость?

— Вѣдь вы знаете, тетушка... Пора въ Парижъ...

Тетушка опустила голову и улыбка исчезла съ ея маленькаго, все еще красиваго, рта.

— Вотъ ты все этакъ-то рыщешь... Оттого-то мы съ тобой до старости лѣтъ доживемъ, а какъ перстъ останемся... одиноки.

— Неимамы здѣ пребывающаго града.

— Что такое?

— Да вотъ въ писаніи такъ говорится: не имѣемъ-де постояннаго мѣстожительства.

— Ну, ужь, дружокъ... писаніе-то оставь...

— Развѣ я смѣюсь?

— То-то же. Ахъ, Саша, Саша, дитя мое, какъ мнѣ всегда грустно сдѣлается въ минуту свиданія съ тобой. Дурно дѣлаю, что говорю тебѣ это, а оно такъ... Ты точно съ закрытыми глазами ходишь... не боишься, что жизнь-то уйдетъ, а радостей никакихъ не будетъ... И себя-то я, когда о тебѣ думаю, кляну...

— За что же это?

— Какъ за что? Я, старая дура, наполовину виновата въ твоей горькой судьбѣ.

— Полноте, голубушка.

— Да, да, все у меня затѣи сантиментальныя... любящія сердца соединять... Вотъ и соединила... Ты меня прости... совсѣмъ не то я говорю, на радостяхъ старческая болтливость одолѣвать начала.

Въ дверяхъ показалась физія Евстигнея.

— Матушка, Елена Петровна, кушать готово-съ, проговорилъ онъ какимъ-то ласкательно-таинственнымъ голосомъ.

— Старый-то Личарда твой вчера совсѣмъ съ ума сошелъ, когда письмо твое принесли и я ему сказала, что будешь завтра... Пожевать пойдемъ.

— Вы вѣдь не ужинаете, тетушка?

— Все равно.

— Да и я отсталъ.

— Съ дороги, какъ же безъ ѣды?

Пришли въ чайную, гдѣ висѣла та же темная, претемная картина, изображающая Иродіаду, съ блюдомъ на плечѣ, и усѣченной головой Іоанна Крестителя на блюдѣ. Только и видно было, что одно бѣлесоватое пятно посреди копоти.

Крутицыну совсѣмъ не хотѣлось ѣсть. Пріятное волненіе и нервное безпокойство, остающееся послѣ желѣзно-дорожной тряски, отнимали аппетитъ. Елена Петровна сидѣла около него, облокотившись на столъ локтемъ и поддерживая голову ладонью.

— Наташа хотѣла тебя къ себѣ... заговорила она тише: — да я не уступила. Она нынче у Власьевыхъ на именинахъ, а то бы пріѣхала... Съ какой стати! у нихъ дѣти, кричатъ, ты человѣкъ нервный... У меня цѣлый мезонинъ. Да и супругъ ея какъ еще посмотритъ...

— Беременна? спросилъ съ улыбкой Крутицынъ.

— Кажется... что-то жалуется на тошноту.

— Похвально!

— Да, четвертый годъ замужемъ — двое дѣтей... да у ней

шестнадцать штукъ будетъ... Такой ужь складъ. У меня хоть своихъ-то и не было, да я сейчасъ же вижу!..

— Ну, а Иванъ Ѳедорычъ что?

— Земство — и никакого другаго разговора. Такъ и преисполненъ...

— Важности?

— Нѣтъ, не то, чтобы важности, а какъ бы это сказать... Америку они съ этимъ земствомъ открыли, и такія намъ благодѣянія сулятъ... Газомъ хотятъ и нашъ переулокъ освѣтить. Что же, пускай ихъ!... Съ меня бы только поменьше за домишко поборовъ брали. Только на что хозяйничать-то будутъ... На жалованье себѣ чуть не сто тысячъ отмежевали...

— И доволенъ онъ?

— Какъ же не быть довольнымъ... Особа! чувствуетъ себя не послѣднею спицей въ колесницѣ! жалованье, свой доходъ, жена молодая въ глаза ему смотритъ, дѣти, домъ въ отличномъ порядкѣ, здоровье не такое, какъ у насъ съ тобой, на нервы не жалуется.

— Одно слово: цѣльный человѣкъ.

— Да, цѣльный... Только я, Саша, вѣкъ прожила, а не умѣю цѣнить такихъ людей. Браню себя, чувствую ихъ превосходство надъ нами. Мы что̀ въ сравненіи съ ними? Вотъ и ты тоже... Мечтатели, сумасброды, наивны, какъ дѣти... Всѣмъ-то увлекаемся, всему-то вѣримъ и всегда въ дуракахъ, всегда въ дуракахъ... Обидно... Они и мудры, и практичны, и всякую штуку знаютъ и разсчетъ у нихъ каждой пустой вещи... Себя не обсчитаютъ, ну, да и другихъ въ обманъ не введутъ. Цѣльные, какъ ты говоришь, цѣльные люди, а цѣнить ихъ я все-таки не умѣю, и такихъ вотъ, какой сама себя чувствую, больше люблю... Эгоизмъ, да что жь дѣлать... Себя ужь не передѣлаешь по пятьдесятъ-третьему году... Ивана Ѳедорыча я уважаю... Говорю это безъ всякой задней мысли; но воздухомъ разнымъ мы дышемъ съ нимъ...

— Ну, а Параша?

Елена Петровна взглянула на Крутицына съ боку и какъ бы съ сдержаннымъ вздохомъ сказала:

— Вотъ увидишь... Славная женщина, но...

— Но?

— Не нашего съ тобой лагеря... Все это говорю не въ осужденіе.

— А въ потуженіе?

Елена Петровна разсмѣялась и потрепала его по плечу.

— Вотъ съ тобой только я и болтаю, точно мнѣ двадцать

лѣтъ съ плечъ долой... Одного поля ягода... И недостатки-то твои всѣ люблю... Помнишь, Саша, ты мнѣ какъ-то прочелъ, давно ужь, стихи въ какомъ-то журналѣ, кажется Жемчужникова, гдѣ родъ людской раздѣленъ на двѣ половины: люди положительные...

— Иванъ Ѳедорычи.

— Да, и нашъ братъ... Пустыя головы... Какъ бишь тамъ два стиха было?

— Я вамъ сейчасъ подскажу. Дайте припомнить...

— Ты припомнишь... У тебя не моя память.

— Вотъ, голубушка:

Гадатели, бродяги, утописты...

— Да, да, какъ разъ эти самые.

— Ну, а дальше-то я забылъ... Риѳму помню:

Почти всѣ *маны, логи, исты.*

— Такъ, такъ... Вотъ что̀ такое мы съ тобой. Поэтому, когда я тебѣ натацію читаю, мнѣ самой смѣшно становится: что, молъ, ты степенность-то на себя напускаешь, а дай-ко тебѣ ноги хорошія, такъ ты сейчасъ на Монбланъ полѣзешь и надъ красотами природы въ три ручья плакать станешь.

Крутицынъ поцаловалъ правую руку Елены Петровны, лежавшую на столѣ, около него.

— Да, неисправимы мы съ вами, тетушка.

— Мнѣ что... Я земную свою юдоль ужь почти покончила. А ты молодой еще человѣкъ; пора бы успокоиться.

— Хомутъ на себя надѣть...

— Какой? То-есть женитьбу, что ли? Нѣтъ, дружокъ, грѣха опять на душу не возьму; а по прочему бы, говорю, надо сѣсть... Боюсь, эта поѣздка опять тебя въ разныя мѣста начнетъ мыкать. Все это непрочно вѣдь, Саша... Сегодня сытъ, а завтра и ступай на всѣ четыре стороны. Денегъ-то хватитъ ли на дорогу-то? спросила шопотомъ Елена Петровна, когда Евстигней, прождавъ безплодно, не возьметъ ли Крутицынъ еще кусочекъ, наконецъ удалился.

— Есть, тетушка, цѣлый бумажникъ набитъ.

— Повѣрю я!

— Право же, я ѣду на очень хорошихъ условіяхъ...

— Ну, то-то же, со мной бы грѣшно, кажется, церемониться.

Евстигней сдѣлалъ новое нападеніе съ жаркимъ; но Крутицынъ отвелъ блюдо рукой. Старикъ, обернувшись къ барынѣ, съ видимымъ огорченіемъ выговорилъ:

— Ничего не кушаютъ!...

И упрашиванія Елены Петровны не подѣйствовали. Аппетиту окончательно не было, и Крутицынъ запросился опять въ угловую.

— Хлѣбенное, батюшка! почти съ отчаяніемъ вскрикнулъ Евстигней.

— Видишь, не желаетъ, успокоила Елена Петровна и добавила: — ну, старый, радость радостью-то, а все ли Александру Павлычу приготовлено наверху?

— Какъ слѣдуетъ, матушка, и Маргарита туда побѣжала, да и я вотъ живымъ манеромъ...

И старикъ суетливо и пресмѣшно повернулся въ двери со своимъ непочатымъ «хлѣбеннымъ» на блюдѣ.

— А Маргарита? спросилъ Крутицынъ тетушку, переходя въ угловую: — неужели все еще въ дѣвичествѣ?

— Въ дѣвичествѣ, дружокъ, въ дѣвичествѣ, и все просится въ монастырь. Кажется, тутъ въ самомъ дѣлѣ романъ какой-то былъ... Ты недаромъ напророчилъ, что явится искушеніе. Я не допрашиваю... Такая она стала безмятежная, вся точно восковая, и, по моему, еще красивѣе... Я ей говорю: погоди ужь, ты меня переживешь, а тамъ и ступай съ богомъ...

— Ну, вотъ мы тутъ опять и потолкуемъ по старому, перебилъ тетушку Крутицынъ, усаживаясь на диванѣ.

— Нѣтъ, голубчикъ, нельзя этого... мы вѣдь съ тобой полуночники... тары, да бары, да глядишь до третьяго часу ночи. Я твои нервы знаю, особливо съ дороги. Горячо поговорилъ, или засидѣлся, ну и промечешься всю ночь.

— Да я, право...

— Нечего, самъ докторъ, чувствуешь, что правду говорю. Ужь я бы не отпустила, коли бы не вредно... Вотъ и Личарда ползетъ. Готово?

— Все готово, матушка барыня.

— Ну, посвѣти тамъ на лѣстницѣ.

Евстигней ушелъ. Тетушка встала и взяла за руку Крутицына.

— Пойдемъ, я тебя провожу.

— А вотъ этого я не позволю, тетушка; я вѣдь медикъ, вы сами говорите, у васъ одышка, всходить на лѣстницу безъ нужды вамъ не полагается.

— Слушаю-съ... Я тебѣ, Сашенька, велѣла постелить въ Парашиной комнатѣ... А отъ другой-то...

Елена Петровна остановилась и даже какъ бы потупилась.

— Ты на меня не разсердишься, Саша?

— За что?

— Я въ другую-то комнату... твой портретъ повѣсила... Такъ мнѣ тамъ одно мѣсто на диванѣ тебя напоминало, я вотъ иной разъ поднимусь... и посижу тамъ, портретъ-то и оживляетъ мнѣ цѣлую картину... Комната, знаешь вѣдь, посвѣтлѣе, да я думала, ты не захочешь...

— Полноте, голубушка!...

И онъ поцаловалъ Елену Петровну.

— Ну да, ну да, шептала она со слезами. — Ты зла не помнишь... Не умѣешь ты судить... Вотъ за это-то я тебя такъ и люблю... У меня, Сашенька, ключъ отъ комнаты... Вариной... вотъ онъ, завтра, можетъ быть, заглянешь... А въ Парашиной-то все оно лучше будетъ, безъ волненій... да она и суше.

Елена Петровна сунула въ руку Крутицына ключъ и скоро-скоро отерла глаза.

— Ну, прощай, а то мы съ тобой какъ разъ тутъ разнервничаемся... Извини меня, христа ради, совсѣмъ неподходящій разговоръ завела... Евстигней! крикнула тетушка, подходя къ двери въ корридоръ: — ты свѣтишь?

— Свѣчу, матушка, чай изволите видѣть.

— А Маргарита тамъ?

— Здѣсь еще, шторы спускаетъ.

— Это она нарочно копается, шепнула тетушка: — съ тобой любезничать. Ужь, право, кажется, съ безнадежной любви къ тебѣ хочетъ свои красоты въ келью схоронить... Ну, господь съ тобой, дитя мое.

Тетушка перекрестила и поцаловала еще разъ Крутицына.

Онъ взбѣжалъ на мезонинъ, гдѣ на площадкѣ ждалъ его со свѣчей старый его Личарда, помигивая на особый манеръ, какъ онъ только умѣлъ мигать въ минуту душевнаго умиленія.

— Ну, Евстигней Парамонычъ! Какъ изволите быть довольны европейскимъ равновѣсіемъ? спросилъ его Крутицынъ, трепля по плечу.

— Эхъ, батюшка, совершенно ничего-таки не знаю... «Московскія Вѣдомости» совсѣмъ бросилъ читать... литера мелкая-размелкая... развѣ вотъ когда барыня что̀ разскажетъ. Васъ-то и не чаялъ увидать!... Въ послѣдній разокъ...

— Что такъ?

— Да какъ же, батюшка, седьмой десятокъ... Къ ущербу пошло дѣло, къ ущербу... Полегоньку... тутъ порогъ... небось запамятовали...

Онъ пятился и свѣтилъ Крутицыну. Съ верхней площадки

направо была дверь въ комнату, гдѣ ему приготовили постель. Кто-то у входа взялъ его за руку.

— А! Маргарита!

— Батюшка, ручку пожалуйте...

— Ручки не дамъ; а поцаловаться желаю...

— А она и подавно, ввернулъ Евстигней.

Облобызались.

Маргарита стояла передъ Крутицынымъ все такая же, въ темномъ ситцевомъ платьѣ съ длинной тальей и узкими рукавами, высокая, немного согнутая, съ кроткими и крупными чертами, съ волосами льнянаго цвѣта, заплетенными въ двѣ косицы, за уши, такъ, какъ она чесалась пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Что это, Маргарита! вскричалъ Крутицынъ, беря ее за руку: — да у тебя, должно быть, есть живая вода...

— Есть, есть, самъ видѣлъ, хихикалъ Евстигней.

— Какъ это можно такъ ни на капельку не мѣняться?...

— Полноте, батюшка, вы на меня днемъ-то поглядите, я вся точно лимонъ какой.

— Это отъ спѣсивости, Маргарита Семеновна... мою руку отвергаете, продолжалъ балагурить расходившійся старикъ.

— Такъ ужь мы рады вамъ, Александръ Павлычъ!

— А Фаустъ-то когда же явится, Маргарита?

— Фауста вашего я и ждать перестала...

— Въ чернички наровитъ, ввернулъ опять Евстигней.

— Слишкомъ рано, говорилъ Крутицынъ, смѣясь ей въ лицо и оглядывая ея типичную и умную фигуру:—это въ самомъ концѣ, ты вѣдь, конечно, не забыла... Сначала долженъ явиться Фаустъ съ Мефистофелемъ... и нарушить миръ и тишину сердца...

— Вотъ я и хочу, батюшка, совсѣмъ удалиться...

— Стало быть, Мефистофель смущалъ?

Маргарита отвернулась немножко въ сторону и проговорила полушутя, полусерьёзно:

— Врагъ всякаго смущаетъ, на то мы рождены на свѣтъ, да меня ужь теперь и три вашихъ Мефистофеля не соблазнятъ.

— Окаменѣла, значитъ, заключилъ Евстигней.

— Ну тебя, старый! нахмурилась на него Маргарита.—Вотъ этакъ хи-хи-хи, да ха-ха-ха, да безъ покаянія и умрешь...

— Все въ волѣ божьей... Маргарита Семеновна.

— Я вамъ, Александръ Павлычъ, постелила, какъ вы любите, высоко... Утромъ-то, что изволите кушать, чай, или кофей?

— Чай, по прежнему...

Евстигней взялъ Маргариту за талію:

— Въ барина вы влюбимшись, это мы знаемъ, одначе почивать имъ слѣдуетъ послѣ дороги...

— Иду, иду, вотъ вѣдь онъ у насъ какой дошлый! заговорила Маргарита и какъ будто немного покраснѣла.

— Ты ко мнѣ зайди старину-то вспомнить, сказалъ ей Крутицынъ, провожая до двери.

— Мнѣ послѣ Парамонычъ проходу не дастъ...

— Ничего, я вѣдь ни въ Фаусты, ни въ Мефистофели не гожусь...

— Ручку-то позвольте.

— Ручки не будетъ; а поцаловаться ..

— Нѣтъ-съ... что ужь меня старую; покойной ночи, батюшка, коли я чѣмъ не потрафила, такъ завтра извольте сказать.

Поклонившись еще разъ, низкимъ поклономъ, Маргарита, со свѣчой въ рукахъ, беззвучно выплыла изъ комнаты.

— Золото дѣвка!... промолвилъ, озираясь назадъ, Евстигней, съ улыбкой, обращенной къ Крутицыну.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ монастырь собирается?

— Взаправду... брачнаго сожитія, значитъ, вкусить не желаетъ.

Евстигней плутовски подмигнулъ. Онъ, въ качествѣ стараго холостяка, любилъ-таки пройдтись насчетъ любовныхъ сюжетовъ.

— Ну, старый, сказалъ ему Крутицынъ: — ты, я думаю, насилу на ногахъ стоишь...

— Чего же, батюшка, я какъ встрепанный... Прикажете раздѣться подать...

— Нѣтъ, я это все самъ сдѣлаю. Прощай, Парамонычъ. Завтра мы еще покалякаемъ. Да не хочешь ли со мной въ Парижъ, на выставку?

— Что-жь, я мигомъ... Съ вами, батюшка, другая кровь въ жилахъ потечетъ...

Съ неохотой удалился Евстигней, все обертываясь и посылая поклоны.

VIII.

Елена Петровна хоть и отправила Крутицына вò время, но ему не спалось. Маргарита взбила ему подушки на славу. Въ альковѣ было такъ уютно и снотворно, а сонъ все-таки не смыкалъ глазъ...

Разумѣется, онъ началъ думать о тетушкѣ. Она мало измѣ-

нилась въ лицѣ, но Крутицынъ чувствовалъ, что душевныя силы подаются натиску лѣтъ и физической немощи. Да и жизнь отлетѣла, что была вокругъ Елены Петровны когда-то. Онъ съ отроческихъ лѣтъ не только привязался къ ней, но сталъ про себя оцѣнивать ее, вглядываться въ ея нравственную физіономію, смотрѣть на нее, какъ на мѣрило своихъ добрыхъ и худыхъ дѣлъ, пошлости и рѣдкихъ свѣтлыхъ сторонъ того, что̀ окружало. Крутицынъ не воспитывался у Елены Петровны. Онъ только заѣзжалъ къ ней и подолгу живалъ въ этомъ самомъ желтомъ домикѣ съ мезониномъ. Елена Петровна не была даже его родной теткой; но ближе и дороже у него никого не было, и въ лѣта отрочества, и теперь. Какъ только онъ сталъ наблюдать и осмысливать свои наблюденія, а началось это очень рано, онъ увидалъ, что тетушка, живя въ бытовой жизни провинціальнаго барскаго общества, съ его преданіями и мелочами, не разрывая съ нимъ связи, не возмущая людей своего сословія и быта, носила въ себѣ, неизмѣнно, другой лучшій завѣтъ и идеалъ, отзывалась совсѣмъ не такъ, какъ другія, на то, что̀ хоть сколько нибудь похоже было на правду и красоту жизни. Елена Петровна вышла замужъ не очень молодой, лѣтъ двадцати четырехъ-пяти. Она и въ дѣвичествѣ страдала нервами. Нервность осталась у ней и въ замужествѣ, и послѣ замужества. Овдовѣла она рано. Дѣвицей она развила сама себя подъ наитіемъ новыхъ, запретныхъ и, тогда еще туманныхъ идей человѣчности и общественнаго освобожденія. Первые романы, гдѣ сказывался протестъ за женщину и пролетарія, первыя статьи и книги, гдѣ литература и жизнь освѣщались шире, свободнѣе, теплѣе—дѣйствовали на Елену Петровну въ эпоху самаго разгара привольной рабовладѣльческой жизни, когда кромѣ ѣды, питья, картъ, пляса, женитьбы, чиновъ и урожая не слышно было ни о какихъ другихъ позывахъ и стремленіяхъ... «Мечтательна» была Елена Петровна въ дѣвицахъ, слѣдуя тогдашней номенклатурѣ; мечтательной осталась и замужемъ. Въ этомъ она отдавала дань своему времени... Тогда все лучшее и свѣжее жило воображеніемъ... Дюмасовскій «Antony» и «Эрнани» Гюго были тогдашніе герои, мрачные, непонятные и непонятые, говорящіе о чемъ-то смѣломъ и новомъ, несущіе съ собою, въ дикой формѣ, какой-то протестъ, нѣчто именуемое всеобъятнымъ тогда словомъ «романтизмъ». А рядомъ съ игрой фантазіи являлись безпощадныя изобличенія реалиста Бальзака, дѣловая и высоко-даровитая картина самодовольной буржуазіи, въ которой чуткое сердце и наблюдательный умъ могли легко найдти много общаго съ довольнымъ и ожирѣлымъ рабовла-

дѣльческимъ міромъ... Ламартинъ пѣлъ о чемъ-то неуловимомъ, сладко, плѣнительно, и... опять-таки человѣчно. И чувственность блуднаго сына своей эпохи, Альфреда де-Мюссе, говорила про упованія, права̀ и силы, которымъ не дали ходу, исковеркали, задушили, загрязнили... И образы своей, русской художественной литературы являли то же, хотя и въ сдавленныхъ формахъ... Ѣдкій юморъ и безпардонный смѣхъ, лиризмъ и резонерство, простодушные разсказы и намѣренно-мрачныя картины — все звучало надсадой и жалобой, все рвалось къ лучшему и звало новыхъ людей къ неустанной борьбѣ съ вѣковыми преградами, съ грязью и тупостію, съ кнутомъ и скотоподобнымъ самодовольствомъ застоя и крѣпостничества... Ничто не было ярко-формулировано, ни до чего еще никто не договорился, нельзя было ни выработать себѣ строгой доктрины, ни броситься въ свалку съ великанами мрака, зла и пошлости; но можно было чувствовать и помогать. Елена Петровна и начала это дѣлать. Крутицынъ мальчикомъ сталъ подмѣчать, на что̀ уходитъ жизнь этой женщины и что̀ приливаетъ къ ея личности... И видѣлъ онъ, что тетушка центръ молодости, таланта, граціи, порыва, самоотверженности; ея маленькій домикъ—пріютъ всего, что̀ забито, непонято, безпомощно, запугано и оклеветано. У Елены Петровны дѣти не родились; а любить она должна была, любить всѣхъ, въ комъ только видѣлось что-либо человѣческое. Такой доброты нельзя и въ сказкѣ сочинить, какая исполняла существо этой женщины. Доброта ея не расплывалась въ слащавость и приторность. Она облечена была въ оригинальную и обаятельную грацію; поэтому-то Елена Петровна, не бывши никогда особенно красивой, всегда очень нравилась молодымъ людямъ. Къ ней влекло безпредѣльно всякое молодое существо: юношу ли, дѣвочку ли, всѣхъ, кому хотѣлось, чтобы ихъ выслушали, приласкали, поняли. Елена Петровна не сочиняла новыхъ интересовъ, она не указывала невѣдомыхъ путей, но никто не умѣлъ такъ откликаться на то, что̀ было получше въ тогдашней жизни, и поддерживать въ каждомъ «искру божію». Чтеніе не прекращалось въ желтомъ домикѣ. Приносили новые романы, сборники стиховъ, статьи, рукописныя тетрадки съ какимъ-нибудь запретнымъ плодомъ. Музыка не переводилась. Елена Петровна воспиталась на Бетговенѣ, на Фильдѣ, на порываніяхъ къ романтическому «нѣчто», которое одно сдѣлало музыку такой назойливой потребностью. Играли, пѣли, привязывались къ той или иной гармоніи, наполняли ею многіе душевные пробѣлы. Затѣвалось ли что-нибудь такое въ городѣ, въ чемъ нуженъ былъ художественный вкусъ: живыя картины,

спектакль, лоттерея, что бы то ни было, Елена Петровна одна умѣла соорудить все дешевыми средствами, все уладить, подобрать, выбрать людей, нарисовать, обдумать костюмъ, отдѣлать детали. И никогда она не была совершенно-свѣтской женщиной, даже и для губернскаго общества. Въ ней сидѣлъ непочатый уголъ застѣнчивости, съ которой она, до старости, не могла сладить. Но самая эта застѣнчивость сразу располагала и дѣлала приближеніе къ ней доступнымъ и теплымъ. Въ ея угловой комнатѣ перебывало нѣсколько поколѣній молодыхъ людей и женщинъ и она была хранительницею ихъ сердечныхъ дѣлъ, испытаній и надеждъ. Каждая новость въ литературѣ, въ искусствѣ, въ мірѣ вкуса попадала прежде всего въ желтый домикъ, дѣлалась тамъ предметомъ искреннихъ, хоть и немудрыхъ, толковъ, возбуждала надежду на лучшія времена. И Елена Петровна не могла провести вечера, чтобы вокругъ нея не видно было молодыхъ лицъ и не слышно было молодаго, задушевнаго говора. Все это, конечно, не выходило за предѣлы тогдашнихъ интересовъ, но дышало чистотой помысловъ, искренностью побужденій, наивнымъ желаніемъ куда нибудь дѣть свои нравственныя силы, не растратить ихъ понапрасну. И подъ такимъ «благодушествомъ» губернскаго кружка текла еще другая жизнь Елены Петровны: помощь всему, чему только можно было помочь. Она не ограничивалась безсознательною благотворительностію; она становилась на сторону страждущей личности и всячески выводила ее изъ бѣды, съ хлопотами, лишеніями, волненіями, нервными припадками, непрестанной затратой душевныхъ силъ и здоровья. Вотъ тутъ-то узналъ Крутицынъ, когда сталъ уже взрослымъ, какое бездонное море любви и человѣчности было въ этой нервной и «мечтательной» женщинѣ. Природа, точно съ умысломъ, не дѣлаетъ ихъ матерями. Она не даетъ имъ исключительныхъ органическихъ привязанностей, ограждаетъ ихъ отъ всепоглощающаго чувства къ дѣтенышу и семьѣ. Потому-то, при всей своей привязчивости, Елена Петровна никогда не уходила совсѣмъ въ такія чувства къ отдѣльнымъ личностямъ, внѣ которыхъ пропадай хоть весь міръ. Человѣкъ, въ его высшихъ качествахъ, такъ-какъ она его представляла себѣ, стоялъ для нея поверхъ всѣхъ простыхъ смертныхъ ближайшей обстановки. Когда она увидала, по газетамъ только, простодушный героизмъ Гарибальди, она сказала Крутицыну со слезами умиленія:

— Хоть однимъ бы глазкомъ поглядѣть на него, голубчика, и умереть!...

Очагъ Елены Петровны былъ полнѣйшей противоположностью

такимъ «домашнимъ очагамъ», гдѣ, если хотите, интересуются немножко, и тѣмъ, и семъ, и Гарибальди, и меньшей братіей, но въ сущности живутъ только въ самихъ себя, въ ахи и въ охи, въ болѣзненную нервность семейнаго эгоизма. Съ мужемъ Елена Петровна жила, по своему, счастливо, потому-что ея личная требовательность тотчасъ-же уступала потребности прощать, помогать и облегчать. Потеря его наложила на нее какъ бы налетъ грусти; но она осталась все съ тѣми же воспріятіями къ добру и сочувствію. Она не начала драпироваться въ резигнацію и смиреніе передъ волей всеблагаго провидѣнія. Ея вѣра лишена была всякаго аскетизма. Она говорила, что религія поддерживаетъ ее; но, что въ ней нѣтъ того «пламени» и той «твердости», какіе бы нужно было имѣть. И все это выходило у ней такъ просто, понятно, симпатично, человѣчно. Крутицынъ никогда даже не помыслилъ вступить съ ней въ полемику «по религіозному вопросу», какъ онъ тогда выражался. Религіозность Елены Петровны, хоть она и соблюдала довольно строго посты, сливалась всецѣло съ нравственнымъ завѣтомъ добра и всепрощенія, которымъ ея существо было одухотворяемо. Доброта неразлучна съ простодушной довѣрчивостію; а народное себѣ на умѣ говоритъ не даромъ: «простота хуже воровства». Несчетное число разъ бывала она вводима въ обманъ, дурно помѣщала свое добро, согрѣвала змѣй на груди своей. Ее то и дѣло эксплуатировали самымъ безстыднымъ манеромъ. Но она все выносила съ улыбочкой, долго не вѣрила злу и обману, и когда они были очевидны, говорила съ тихимъ юморомъ:

— Ну, что-жь, не я одна глупости дѣлаю; каюсь, не такъ бы надо жить для другихъ, какъ я живу.

Свою довѣрчивость она прекрасно знала, и подчасъ доказывала, что безъ этой слабости «въ сердцѣ какъ разъ очутится мѣдный пятакъ». Но положительные люди, умники и практики не прощали ей ни одной «дурно-помѣщенной» симпатіи, ни одной сантиментальный исторіи, гдѣ она попадалась въ просакъ. Въ ихъ глазахъ она была «восторженная», нервная барыня, способная совать первому встрѣчному все, что у ней есть, охать надъ каждой блажью, соединять любящія сердца безъ всякаго толку, волноваться «Богъ знаетъ изъ-за чего».

— Хорошо еще, говорили они: — что у ней нѣтъ своихъ дѣтей, а то бы она ихъ по міру пустила!..

Знала Елена Петровна и про эти толки, не обижалась ими, но горячо отстаивала свое душевное добро, не жалѣя нисколько о сдѣланныхъ «глупостяхъ».

— Разумѣется, говорила она: — хорошо бы было попадать только на ангеловъ; да такъ не проживешь! Кто подойдетъ, или кого сама увижу въ бѣдѣ — ну, и дѣлаю, что могу... А тамъ ужь вина моей слабой головы, если овецъ отъ козлища не отличаю.

И при всемъ своемъ лиризмѣ, Елена Петровна осталась вѣрна эпохѣ. Она стремленіями заходила впередъ; но не смогла уже сама дѣйствовать, когда пришло время подрубить устои рабовладѣльческаго зданія, когда можно было думать о разумномъ служеніи обществу. Она стояла за все, что̀ несло съ собою свободу и лишній кусокъ хлѣба меньшей братіи, поддерживала своими симпатіями тѣхъ, кто вокругъ нея ратовалъ за новые порядки, и въ то же время чувствовала, что ей уже не будетъ прежняго мѣста въ обществѣ, какъ оно сложится черезъ десять лѣтъ. Обезпеченность барскаго быта, созерцательная жизнь, задушевный міръ симпатій и добро въ сферѣ единичныхъ существованій обставляли и наполняли ея бытіе, и вобрали въ себя всѣ ея душевныя силы. Вокругъ Елены Петровны все измѣнилось, прежнія семьи распались или перевелись, старые люди сократились, стали считать послѣдніе гроши, ущли въ свои норы, молодые иначе говорили, иначе чувствовали, стремились къ другимъ цѣлямъ, проповѣдовали другія начала. Елена Петровна не отвращала отъ нихъ лица своего, даже не пугалась ихъ; но она видѣла, что нѣтъ общаго воздуха, что она для нихъ старомодное существо, а смѣшной ей не хотѣлось быть. И стала она тосковать одиночествомъ, особливо въ послѣдніе два года; но не позволила бы, ни Крутицыну, ни другому кому посвятить ей свою жизнь, коротать съ ней время. Она перебирала старыя завѣтныя упованія и картины прошлаго, боролась съ «бреннымъ тѣломъ». И доживала свой вѣкъ все въ той-же атмосферѣ нравственнаго изящества, кротости и высокаго удовлетворенія, при видѣ того, какъ бредни гуманизма и всепрощенія начали переходить въ живое дѣло...

Въ желтомъ домикѣ Елена Петровна жила одна только четвертый годъ. Бездѣтная, она взяла на воспитаніе двухъ дѣвочекъ — сиротокъ, дочерей подруги, безвременно умершей. Съ ними она сжилась, какъ съ родными дѣтьми. И вотъ это-то тріо сдѣлалось, уже двадцать лѣтъ тому назадъ, роднымъ домомъ Крутицына. Такъ хорошо было ему и тамъ, внизу въ угловой тетушки, и здѣсь, въ комнатахъ дѣвочекъ. Каждый годъ пріѣзжалъ онъ на вакацію, дѣлаясь все «ученѣе» и серьёзнѣе и встрѣчая все тотъ же пріемъ, любовался Еленой Пет-

ровной, «купался въ струяхъ ея доброты и душевнаго изящества», какъ онъ говорилъ, привозилъ книжекъ дѣвочкамъ, училъ ихъ, думалъ за нихъ, десятки разъ устроивалъ по новому ихъ судьбу въ своей фантазіи, плакалъ, цалуя, на прощаньи, эти три дорогія существа, писалъ имъ цѣлыя тетради, вѣрилъ, что желтый домикъ такъ и простоитъ до скончанія вѣка... Дѣвочки выросли. Одну онъ началъ вдругъ готовить себѣ въ невѣсты...

Но другая стала его женой.

IX.

Часу въ одинадцатомъ тетушка отпустила Крутицына къ Парашѣ. Онъ прошелъ переулкомъ, повернулъ на Дворянскую улицу и позвонилъ у чистенькаго штукатуреннаго дома, окрашеннаго въ свѣтлорозовый цвѣтъ. Мѣдныя ручки наружной двери такъ и сіяли. Все крыльцо поражало чистотой.

Ему отперъ мальчикъ въ сѣромъ ливрейномъ фракѣ. Передняя отвѣчала чистотѣ крыльца. Въ ней было уже накурено порошкомъ.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ мальчикъ, не признавшій Крутицына.

— Не надо докладывать. Гдѣ Прасковья Васильевна?

— У себя-съ, или въ дѣтской...

— Ну, такъ я пройду, я знаю дорогу...

Пройдя двумя гостиными, одной побольше, другой поменьше, гдѣ царили такая же чистоплотность и такой же порядокъ, точно все было только что принесено изъ лавки и поставлено на показъ, Крутицынъ остановился на порогѣ третьей комнаты, куда вела маленькая дверка. Онъ отворилъ дверку и заглянулъ.

Спиной къ нему, у большой кровати, за рабочимъ столикомъ, сидѣла молодая женщина въ сѣромъ платьѣ. Она нагнулась надъ работой. Видны были: шея, полная и бѣлая, круглыя и высокія плечи и приподнятый шиньонъ блестящихъ, черныхъ волосъ. Крутицынъ подошелъ сзади, беззвучными шагами по ковру, и поцаловалъ ее въ шею.

— Кто это! вскрикнула она, почти испуганнымъ голосомъ, и быстро обернулась.

— Свой!

— Ахъ, Саша! Голубчикъ! Когда?

Вмѣсто отвѣта, Крутицынъ обнялъ и поцаловалъ ее.

— Ты меня испугалъ, право. Мама не говорила вчера на-

вѣрно, что ты пріѣдешь. Я только собиралась пойдти узнать. А отчего не ко мнѣ въѣхалъ? Нехорошо, ты насъ совсѣмъ разлюбилъ. Ну, садись, а то ты начнешь ходить взадъ и впередъ, у меня голова сейчасъ закружится... Чай пилъ?

— Пилъ.

Крутицынъ опустился на диванчикъ, держа руку Параши и оглядывая ее. Она вся улыбалась ему какъ-то подѣтски и немного пятилась назадъ. Фигура ея была совсѣмъ круглая, небольшаго роста, крѣпкая и широкая. По лицу шли ямочки, двойной подбородокъ придавалъ ему добродушную степенность; но темносѣрые маленькіе глаза искрились и игриво смѣялись. Шея, плечи, грудь, талія принимали самыя роскошныя очертанія. Такихъ женщинъ французы называютъ «boulotte».

— Идетъ слухъ, Параша, заговорилъ Крутицынъ: — что вы не совсѣмъ хорошо изволите вести себя?

— Какъ?

— Будто бы опять...

И онъ поглядѣлъ значительно на ея талію.

Параша покраснѣла и засмѣялась.

Смѣялась она особенно мило. Сначала у ней вздрагивали плечи и подавались впередъ, потомъ горло и щеки, и потомъ уже слышалась въ груди дѣтская смѣхотворная перхота, переходившая въ негромкое, раскатистое хихиканье. Такъ смѣяться умѣла только Параша.

Крутицынъ началъ ей вторить и привлекъ ее на диванъ.

— Все тотъ же мышечный аппаратъ? спросилъ онъ, дотронувшись пальцемъ до щеки.

— Какой аппаратъ?... Ахъ! вспомнила... Да, тотъ же, какъ, бишь, называешь ты это?

— Musculus zygomaticus... всегда въ дѣйствіи...

Онъ взялъ ея руку, маленькую, бѣлую, пухлую съ ямочками и пальцами, точно огурчики, и поцаловалъ.

— Какой ты лизунъ сталъ, Саша. Смотри, мужъ мой, пожалуй, приревнуетъ...

— А что Иванъ Ѳедорычъ?

— Въ управѣ, онъ рано уходитъ...

Лицо Параши тотчасъ же сдѣлалось солиднымъ, какъ только рѣчь зашла о мужѣ. Она даже выпрямилась и, сидя на диванчикѣ, сложила руки на груди.

— Работаетъ?

— Цѣлый день... Они, Саша, такъ довольны имъ. Jean, навѣрно, на слѣдующихъ выборахъ попадетъ въ предсѣдатели управы.

— А ты въ предсѣдательши...

— Я, что... Ты знаешь, я никакой роли играть не желаю... Гдѣ мнѣ... но мнѣ, конечно, пріятно видѣть, какимъ Jean пользуется уваженіемъ и вліяніемъ...

И опять musculus zygomaticus опустился, и ямочки перестали играть.

— Похвально, проговорилъ Крутицынъ.

— Какимъ ты это тономъ сказалъ, Саша?... Вотъ и нехорошо. Ты совсѣмъ не цѣнишь моего мужа.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Да я ужь это чувствую... Ты считаешь его такъ чѣмъ-то... А онъ, вѣдь, Саша, также учился. Въ академіи былъ... И посмотри, какъ онъ умѣлъ себя поставить здѣсь въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ... Безъ него наше земство шагу не ступитъ... Это тебѣ каждый скажетъ... Эхъ, Саша! вотъ ты и ученъ, и дипломы всякіе, а какъ твоя жизнь проходитъ?... Никакой радости не имѣешь... Все это оттого, мой другъ, что ни на чемъ не хочешь остановиться, на положительномъ... Твои тамъ идеи, все это прекрасно, а мой Jean вотъ сидитъ на мѣстѣ, да дѣло дѣлаетъ... Газомъ городъ освѣтятъ... и желѣзная дорога будетъ своя... вотъ что!

Тонъ Параши сдѣлался совершенно наставительнымъ. Она опустила глаза и красныя ея губки выговаривали слова съ какимъ-то напряженіемъ степенности.

Крутицынъ чуть-чуть не расхохотался ей въ лицо.

— Такъ газъ-то будетъ?

— Ты вотъ все дурачишься!... Я этакъ не хочу, Саша...

И она надула губки.

— Полно, полно, душа моя, заговорилъ онъ, беря ее за обѣ руки. — Откуда ты выдумала, что я не уважаю твоего мужа, что я смѣюсь надъ его дѣятельностью? Напротивъ!... чувствую и признаю его превосходство. Онъ человѣкъ практическаго дѣла, такіе люди нужны на мѣстѣ... безъ нихъ ничто не двинется...

— Ну, то-то же... Если все это ты отъ души говоришь — ты мальчикъ пай, вотъ тебѣ.

И она его поцаловала въ голову.

— Ну, а чада? спросилъ Крутицынъ.

— Ты что спрашиваешь? Ты вѣдь дѣтей ни крошечки не любишь.

— Дѣлаю успѣхи.

— Какіе это?

— Сталъ любить собакъ...

— Что это, Саша!

— Значитъ, скоро перейду къ дѣтямъ, таковъ нормальный путь.

— Не грѣхъ этакъ зубоскалить, а еще женатъ былъ.

И Параша остановилась, точно закусила языкъ. Крутицынъ этого не замѣтилъ: онъ въ эту минуту низко опустилъ голову надъ подушкой и игралъ кисточкой.

— Такъ чада въ вожделѣнномъ здравіи?

— Мишу я отправила гулять. Онъ такъ и ползетъ, Богъ съ нимъ. Глаза у него стали совсѣмъ какъ у Jean... И такой же онъ будетъ степенный.

— Такъ ты это сейчасъ и угадала?

— Разумѣется!

— И въ земствѣ будетъ служить?

— Ну, и въ земствѣ...

— Ахъ, да! вскричалъ Крутицынъ: — вѣдь и забылъ совсѣмъ, втораго чада я и не видалъ еще...

— Слава-богу, спохватился... Куда какъ хорошъ! А ты не кричи. Вѣдь Оля вотъ тутъ лежитъ, уснула... Я тебѣ ее послѣ обѣда покажу. И кормилицу наряжу. Она у меня красавица ..

— Прасковья Васильевна, постыдитесь, голубушка, зачѣмъ же это кормилица? Или нечѣмъ кормить?

Параша опять покраснѣла и разсмѣялась по своему.

— Вотъ и ученъ, а не все, видно, знаешь... Мнѣ запретили. Ужь я не мало плакала... Мишу выкормила, а Олю нѣтъ... Вонъ посмотри, я съ Миши фотографію сняла...

Параша подошла къ своему письменному столу. Крутицынъ за ней.

Онъ сказалъ ей тихо:

— А гдѣ же портретъ... Вари?

Она быстро оглянулась на него, опять немного покраснѣла и проговорила, запинаясь:

— Я думала, Саша, что тебѣ будетъ тяжело...

Крутицынъ взялъ ее за талью, поцаловалъ и промолвилъ:

— Полно, Параша, вы съ тетушкой очень меня ограждаете... и что мнѣ не совсѣмъ пріятно: не чувство мое, а самолюбіе... Кажется, пора вамъ убѣдиться, что я все это пережилъ, простилъ... да и прощать-то нечего... Никто и ни въ чемъ не виноватъ. Дай мнѣ портретъ.

Параша молча подошла къ шкапчику, отперла его и достала довольно большой портретъ въ бархатной складной рамкѣ. Она молча же подала его Крутицыну.

Изъ круглаго золотого ободка съ темнымъ фономъ выставля-

лось худое, продолговатое, очень красивое лицо молодой женщины въ какой-то фантастической прическѣ. Глаза смотрѣли немного вверхъ, но не восторженнымъ, а тревожнымъ взглядомъ.

Крутицынъ долго глядѣлъ на него. Параша тоже, изъ-за его плеча.

Когда онъ обернулся, глаза ихъ встрѣтились. Параша всплакнула. Они оба опустились опять на диванчикъ.

— Вотъ я, Саша, часто думаю, какъ это все случилось... Ужь еслибы тебѣ жениться, такъ не на Варѣ... а на мнѣ... да ты и собирался... Вѣдь собирался, скажи?

— Да, мой другъ, отвѣтилъ со вздохомъ Крутицынъ.

— Что-жь... Я когда и съ мужемъ объ этомъ говорю, ничего не скрываю... Дѣло прошлое... такъ ужь, кажется, давно .. Ты мнѣ вѣдь очень нравился... Мы когда съ Варей, бывало, по ночамъ болтали, еще дѣвчонками... такъ тебя ужь и записали въ мои мужья. Ты пріѣдешь гостить, я къ тебѣ и прикомандировывалась... Толкуешь это ты мнѣ, а я все потомъ въ книжку записываю и на носу себѣ зарубаю: «ты, молъ, будешь его женой, такъ запоминай все хорошенько, онъ вѣдь спроситъ послѣ». И, право, Саша, хвалить себя не годится, а тебѣ вотъ *такая* жена, какъ я, и нужна бы. Ты все тормошишься, а мой характеръ видишь какой... Ужь и теперь я ничѣмъ не волнуюсь, развѣ вотъ что съ дѣтьми... Я-то счастлива, а ты...

И Параша покачала головой.

— Это мама все, начала она тише.

— Что мама? спросилъ Крутицынъ.

— Она тебя сбила съ толку.

— Не правда, Параша, тетушку не въ чемъ тутъ упрекнуть...

— Ты, разумѣется, всегда ее защищаешь... Вы оба восторженные такіе... Ахъ! вздохнула Параша, взглянувши опять на портретъ. — Варя, бѣдная, такъ и сгорѣла!

Они помолчали.

— Какъ же это ты опять будешь одинъ по свѣту шататься, Саша? Знаешь что... выбери ты себѣ, за границей, англичанку хорошую, вдову что ли, право... Онѣ лучше насъ... Ты теперь въ Парижъ ѣдешь?

— Въ Парижъ.

— Ну, а потомъ-то, опять безъ мѣста?

«Безъ хомута», подумалъ Крутицынъ.

— Не предвидится, мой другъ.

— Ты, Саша, не хочешь, а то бы какъ не найдти... да вотъ хоть и въ земствѣ...

— Надо быть собственникомъ, а у меня рогатаго скота пѣтухъ да курица, да и тѣхъ нѣтъ.

— Беззаботность твоя, начала опять Параша наставительнымъ тономъ: — а то ли бы дѣло, устроился ты на одномъ мѣстѣ, какъ бы хорошо... Вотъ посмотри на насъ съ Jean, какъ мы живемъ. Никуда мы не рвемся. Jean идетъ своей дорогой, всегда веселъ, здоровъ, отъ меня никакихъ тонкостей не требуетъ. Домъ у насъ — полная чаша. Дѣтки... сколько радости; я и не вижу, какъ проходитъ время... Встанешь, около дѣтей повозишься, поработаешь, обѣдъ закажешь, а тамъ вернется Jean, пообѣдаемъ, а тамъ онъ отдохнуть ляжетъ, я почитаю...

— Читаешь?

— Немного... разглагольствованій, этихъ статей журнальныхъ не люблю... больше романы англійскіе и зады твержу.

— Какіе зады?

— А чему училась. Какъ же, Саша, вѣдь вотъ Миша и Оля подростутъ, надо будетъ съ ними заняться. Я хотѣла тебя расспросить, да отъ тебя толкомъ этихъ вещей не добьешься... ты дѣвицъ развивать мастеръ; а что для маленькихъ дѣтей требуется, ничего ты не знаешь...

— Ну, а вечера?

— Вечера тоже идутъ скоро... Jean пьетъ чай, разсказываетъ, что̀ у нихъ толковали въ управѣ, разные проекты, мнѣнія... Меня это интересуетъ, я вижу, что Jean во всемъ...

— Первая особа...

— Ну да, а то какъ же?... Разумѣется, первая особа... Вотъ и сидимъ такъ, газеты принесутъ, Jean почитаетъ вслухъ... статьи о желѣзныхъ дорогахъ и все, что про земство. Кто-нибудь придетъ, пульку составимъ.

— Ты ужь играешь?...

— Ужасная, Саша, картежница... Да какъ же у насъ не играть, чѣмъ же занимать нашихъ барынь?

— Какъ чѣмъ: молодыя женщины не могутъ собраться и коротать время иначе, какъ за картами? Никакихъ другихъ интересовъ!

— Ахъ, Саша, вотъ ты и закричалъ сейчасъ: интересы! Это все по книжному! У каждой есть интересы дома, а вечеромъ не о философіи же разсуждать... Стриженыя дѣвки и у насъ завелись, тѣ сами по себѣ, пускай ихъ швальни устроиваютъ... А мы проводимъ время по старому, подворянски, какъ нашему званію прилично... амурными дѣлами, кокетствомъ мы не зани-

маемся... Молодые люди у насъ степенные... да, по правдѣ сказать, и мало какъ-то ищутъ дамскаго общества, все больше въ клубѣ... ну, мы и остаемся между собою... Намъ и лучше, и рядимся меньше... Поиграемъ, поболтаемъ кое о чемъ, да и разъѣдемся.

— Во что же играете, въ преферансъ?

— Ахъ, какой ты малолѣтній, Саша, это при царѣ Горохѣ играли въ преферансъ...

— Виноватъ, мой другъ, въ этомъ я — совершеннѣйшій неучъ...

— Въ стуколку играемъ, а то такъ въ рамсъ.

— Въ рамсъ, это что такое?

— Очень простая игра, видишь... сдаютъ... да что я тебѣ стану разсказывать, ты вѣдь ничего не поймешь, да потомъ надо мной же начнешь подтрунивать... Погоди, кажется, звонокъ въ передней...

— Я ничего не слыхалъ.

— Это Миша съ нянькой. Я тебя хотѣла спросить... У него...

Дверь съ шумомъ отворилась; пожилая нянька въ бѣличьемъ салопѣ ввела мальчугана, пухлаго, бѣлаго, кудряваго, въ тулупчикѣ и огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ.

— Вотъ и мама, говорила нянька:—гдѣ же гостинчикъ-то? подай мамѣ гостинчикъ, батюшка.

Мальчуганъ вынулъ изъ кармана своего тулупчика баранку, и поднесъ ее, ухмыляясь, Парашѣ: у него на лицѣ была уже такая же игра, какъ и у матери.

— Мамочка, гостинчикъ мнѣ принесъ!... И Параша начала его усиленно цаловать...

Крутицынъ любовался группой...

— А вотъ дядя пріѣхалъ, поцалуй его.

Мальчуганъ подставилъ Крутицыну свои щеки и сталъ, вытаращивъ глаза, разглядывать его.

— У него, Саша, вотъ что-то подъ язычкомъ... меня безпокоитъ... показывала я нашему Ѳедору Христіанычу. Онъ говоритъ: ничего, а я боюсь: какъ бы онъ не сталъ заикаться.

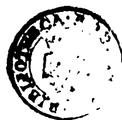
Параша подвела Мишу къ окну.

— Раскрой ротикъ.

Мишѣ эта операція не нравилась. Онъ проявилъ желаніе задать легкую дерябочку.

Крутицынъ погладилъ его по головкѣ, и заглянулъ подъ язычекъ.

— Ну, что? спросила озабоченно Параша.

— Я то же скажу, что и Ѳедоръ Христіанычъ: ничего нѣтъ.

— Да вѣдь ты какой докторъ, только дипломъ имеешь, а никогда ни одной козы не лѣчилъ.

— Могу тебя завѣрить, мой другъ, что не видно ни малѣйшей красноты.

— Я не красноты боюсь; а приросло что-то... ему трудно будетъ говорить.

— Ничего не приросло.

— Ему бы давно слѣдовало болтать; а онъ только еще бормочетъ кое-что.

— Говорить, матушка, что это вы! вмѣшалась няня: — извѣстное дѣло, дитя... Объ эту пору много ли можетъ выговорить... а что ему надо, все говоритъ, какъ есть...

Параша даже сморщила лобъ. Мальчуганъ вырвался и побѣжалъ къ дѣтской. Взглядъ матери провожалъ его до двери.

— Прелестный бутузъ! сказалъ Крутицынъ:—только онъ на Ивана Ѳедорыча столько же похожъ, какъ и я, онъ — вылитая мать.

— Пустяки какіе, Саша. Ты нарочно меня хочешь сердить... Что̀ же въ немъ моего? Развѣ однѣ ямочки на щекахъ, такъ у всѣхъ дѣтей бываютъ ямочки.

Въ передней раздался опять звонокъ.

X.

Явился Иванъ Ѳедорычъ. Крутицынъ могъ засвидѣтельствовать, что мужъ Параши цвѣлъ здоровьемъ и всяческимъ довольствомъ. Его небольшая, широкая, коренастая фигура была выточена изъ чего-то ядренаго и нестарѣющагося. Круглое лицо, румяныя щеки, лоснящійся синеватый подбородокъ, крупные бѣлые зубы, блестящіе черные, какъ смоль, усы и такіе же, коротко остриженные, немного вьющіеся, волосы составляли наружность Ивана Ѳедорыча. Глаза были на выкатѣ, темнокаріе, съ большими вѣками и рѣзкими бѣлками. Въ костюмѣ сказывались крайняя чистоплотность и франтоватость, подъ которой опытный взглядъ сейчасъ узналъ бы отставнаго военнаго.

Онъ поздоровался съ Крутицынымъ радушно, но не по родственному. На его лицѣ трудно было, впрочемъ, различить оттѣнки выраженія: оно постоянно улыбалось улыбкой человѣка, который на все, кромѣ своей собственной особы, смотритъ съ кондачка. Они были съ Крутицынымъ на вы. Параша, какъ только пришелъ мужъ, начала умильно ухмыляться и то и дѣло

на него взглядывала. Словоохотливость ея тотчасъ же значительно сократилась.

— Слышалъ, любезнѣйшій Александръ Павловичъ, что отправляетесь на выставку, въ качествѣ корреспондента... и даже, если я не ошибаюсь, агента какого-то дома?

Иванъ Θедоровичъ проговорилъ это, садясь за столъ съ особой, ему свойственной развязностью и вмѣстѣ съ тѣмъ серьёзностью, не то добродушнымъ, не то поощрительнымъ тономъ. Кончивши, онъ перекусилъ пирожокъ и сдѣлалъ три скорыхъ хлѣбка супу.

Крутицынъ ограничился наклоненіемъ головы.

— Благое дѣло, продолжалъ Иванъ Θедоровичъ:—въ теоріи вамъ не повезло, надо за практику приниматься... Такое теперь время... Нужны дѣятели, нужны-съ. Вотъ вы наглядитесь тамъ разныхъ аппликацій (Иванъ Θедоровичъ любилъ иностранныя слова) и примѣните ихъ дома. У насъ теперь обширное поле для всякой работы... Хотимъ все имѣть собственными средствами...

— Вотъ и я тоже говорю ему, Jean, замѣтила Параша:—чтобы земству-то послужилъ...

— Хе, хе... Чернорабочимъ-то Александру Павловичу быть нежелательно... А безъ нашихъ земскихъ трудовъ, позвольте спросить, чтò же станется съ вашимъ, высшимъ, прогрессомъ? Вотъ у славянофиловъ такой эпиграфъ былъ кажется: коли корень крѣпокъ, такъ и древо совершенно... Нынче одними выспренними мечтаніями много не возьмешь. Нѣтъ, пускай каждый, кто считаетъ себя умнѣе и ученѣе другихъ, попотѣетъ такъ, какъ мы потѣемъ... Надо сѣсть на мѣстѣ, заявить себя членомъ общества, довѣріе и извѣстный почетъ пріобрѣсти, и тогда только нашъ братъ имѣетъ право, безъ ложной скромности, сказать: во мнѣ есть толкъ, я столько-то стою, какъ говорятъ наши заатлантическіе друзья, американцы... Такъ ли я сужу, любезнѣйшій Алексадръ Павловичъ, или по вашему, быть можетъ, все это мѣдь звѣнящая!

Иванъ Θедоровичъ выставилъ всѣ свои бѣлые зубы и откинулся на спинку стула.

— Всеблагая истина, отвѣтилъ съ тихой улыбкой Крутицынъ, занятый очищеніемъ отъ кости окуня подъ краснымъ соусомъ.

«Неужели это онъ готовилъ для меня сей спичъ?» подумалъ Крутицынъ и взглянулъ на лицо Параши: она внимала мудрымъ рѣчамъ мужа. Ротъ у ней даже полураскрылся, точно желалъ глотать каждое слово.

Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ особенномъ ударѣ. Онъ излагалъ Крутицыну свои земскіе планы съ снисходительною обстоятельностью и мнѣнія его не спрашивалъ; а Крутицынъ только поддакивалъ и заставлялъ его говорить. Параша продолжала внимать.

— Мы здѣсь образуемъ маленькій, но солидный кружокъ работящихъ людей, объявилъ Иванъ Ѳедоровичъ за пирожнымъ.— Вотъ сегодня, если не побрезгуете нашимъ хлѣбомъ-солью, увидите кое-кого. По судебной реформѣ есть молодые люди отлично умные и съ принципами твердыми... Дѣльцы въ полномъ смыслѣ слова... Да, тутъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, настало время земскихъ дѣятелей... Идей съ насъ довольно. Намъ газъ, водопроводы, взаимное страхованіе, желѣзные пути нужны, а прочее все одно умничанье. Гг. теоретики и благодѣтели рода человѣческаго могутъ повременить со своими разглагольствованіями.

— Ну, а газомъ-то скоро освѣтите тетушкинъ переулокъ? перебилъ его Крутицынъ.

Иванъ Ѳедоровичъ небрежно улыбнулся.

— Елена Петровна все надъ нами подсмѣивается. Газъ у нея будетъ непремѣнно, но прежде того надо другимъ нуждамъ удовлетворить... Тетушкѣ вашей не вѣрится, что можно на свои средства добиться блистательныхъ результатовъ-съ! Разумѣется, время Елены Петровны прошло... Сантименты и всякіе идеалы... а въ концѣ концовъ выходитъ пшикъ!

Крутицынъ взглянулъ съ боку на Ивана Ѳедоровича и выговорилъ не торопясь:

— Такъ, стало быть, газъ-то скоро будетъ?

Иванъ Ѳедоровичъ покраснѣлъ, но улыбка тотчасъ же явилась на красныхъ губахъ.

— Къ вашему возвращенію зажжется и газъ!...

Параша сперва испуганно взглянула на Крутицына, потомъ на мужа: ей показалось, что они побранятся; но Крутицынъ доѣдалъ спокойно свое пирожное, а супругъ закуривалъ сигару и продолжалъ улыбаться.

— Ты, Саша, сказала она Крутицыну: — вѣдь помнишь, Jean послѣ обѣда отдыхаетъ, онъ съ тобой безъ церемоніи...

— Трудовому человѣку отдыхъ нуженъ... Это и по Молешоту такъ выходитъ! возвѣстилъ Иванъ Ѳедоровичъ, крякнулъ вставая изъ-за стола, и минуты черезъ двѣ удалился къ себѣ въ кабинетъ.

— Молешота-то зачѣмъ онъ тутъ припуталъ? спросилъ Крутицынъ, идя за Парашей въ ея спальню.

Имъ подали кофе. Параша суетливо стала наливать и класть сахаръ въ чашку. Когда дѣвушка ушла, она погрозила Крутицыну пальцемъ и сказала:

— Злой ты, Саша, мужа моего совсѣмъ не любишь.

— Чѣмъ же я провинился?

— Ты словами-то и тономъ ничего, тихенькій; да я ужь видѣла, какъ ты слушалъ, когда Jean тебѣ разсказывалъ и какъ ты его перебилъ насчетъ газа... Онъ, правда, къ мамѣ строгонько относится. Онъ такой практическій человѣкъ; а она восторженная.

— Тетушку-то лучше бы оставить въ покоѣ.

— Да вѣдь это онъ такъ, къ слову пришлось... Нѣтъ, ужь ты, голубчикъ Саша, не огорчай меня.

— Чѣмъ же?

— Мы съ мужемъ, какіе ни на есть, а живемъ-себѣ, какъ я и тебѣ желаю... Ты обзаведись-ка семьей, да сдѣлай такъ, чтобы у тебя было солидное положеніе... вотъ ты и увидишь тогда, что это потруднѣе, можетъ быть, чѣмъ...

И Параша остановилась. Глаза ея разгорѣлись, въ губахъ видна была даже дрожь; но щеки взяли свое и сложились въ улыбку.

— Да ты это на кого же сердишься? спросилъ Крутицынъ, беря ее за подбородокъ: — ужь не на меня ли? За что же это, дружокъ? Не за то ли, что я такъ усердно уписывалъ твоихъ окуней и пирожное?... Я не противорѣчу Ивану Өедорычу и, право, по совѣсти говорю тебѣ, что мнѣ весь складъ его мыслей, а главное самъ онъ замѣняетъ наилучшее житейское нравоученіе... Вы съ нимъ цѣльные люди... Это мы и съ тетушкой рѣшили.

— Да ты все это говоришь съ ироніей...

— Ни мало.

— И ты Jean моего уважаешь?

— Весьма.

Параша поцаловала его.

— Если ты со мной хитришь, тебѣ же хуже... Ну, теперь я тебѣ покажу Олю съ кормилицей.

Она ушла въ дѣтскую, откуда Крутицынъ слышалъ уже пискъ.

«Параша очень перемѣнилась», думалъ онъ: «но къ худшему ли? Это—вопросъ. Она нашла свою норму. Ей нужно было Ивана Өедорыча. Да и чѣмъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, плохъ? Вѣритъ въ себя, идетъ по твердой почвѣ, подавляетъ нашего брата своимъ житейскимъ превосходствомъ, всякое лыко ставитъ въ строку и не считаетъ свою науку ниже нашей...

Онъ зубрилъ въ артиллерійской академіи какую-нибудь «Баллистику» или «Теорію повозокъ», отнюдь непригодныя въ вопросахъ самоуправленія; но это нисколько не смущаетъ его... Онъ знаетъ, что онъ «земецъ» и всякая премудрость должна ему открыться: только будь дѣльцомъ»...

Дверь изъ дѣтской отворилась и «чадо» предстало предъ Крутицынымъ на рукахъ колоссальной кормилицы въ шугаѣ и парчевомъ кокошникѣ, съ роскошными локтями и очень масляными глазами. Параша конвоировала процессію.

Крутицинъ нагнулся надъ дѣвочкой, въ кружевномъ чепчикѣ и нарядной баветкѣ.

— Видишь, Саша, выпрямляется носикъ... совсѣмъ, какъ у Ивана Өедорыча.

«Кусокъ мяса», подумалъ Крутицынъ: «и носа-то никакого нѣтъ»; но кивнулъ головой, въ знакъ согласія.

Параша любовно всматривалась въ «кусокъ мяса». Кормилица выпятила губы и чмокнула въ воздухъ, подмигнувъ правымъ глазомъ. Въ созерцаніи прошло добрыхъ пять минутъ, послѣ чего чадо было препровождено въ дѣтскую.

— Я немного прилягу, сказала Параша Крутицыну, примащиваясь къ кровати... ты мнѣ разскажи про себя-то побольше, а то завтра, гляди, улетишь, такъ ничего толкомъ отъ тебя и не узнаешь.

Крутицынъ началъ ей разсказывать; но минутъ черезъ десять увидалъ, что Параша заснула... Онъ не обидѣлся; только тихо разсмѣялся и вышелъ изъ спальни.

Онъ засталъ Елену Петровну за чаемъ.

— Стала любить въ сумеркахъ чайку напиться, Саша, вотъ какія старушечьи затѣи.

Такъ она оправдывала свое невинное «чревоугодіе».

— И я съ вами попью, напросился Крутицынъ.

— Ну, что Параша и супругъ? спросила съ грустной улыбочкой тетушка.

— Да оба започивали.

— Супругъ, конечно, тотчасъ же изъ-за стола, а Параша...

— И она не вытерпѣла—заставила меня разсказывать о себѣ, да и прикурнула...

— Это—беременность... Такъ-то она вѣдь все на ногахъ... а кончитъ тѣмъ, что станетъ и безъ беременности спать по послѣ обѣдамъ... Читать она не охотница, желанія ея всѣ исполнены, говорить не съ кѣмъ, мечтать и подавно не о чемъ. Ну, и разваляется и расплывется... Ты вотъ что̀ мнѣ скажи: какъ Иванъ Өедорычъ тебя принялъ?

— Ничего, излагалъ все свои земскіе планы.

— Такъ, такъ, министръ... одно слово...

— И просилъ сегодня на вечеръ... Хвалился кружкомъ солидныхъ молодыхъ людей, съ принципами твердыми.

— Ты пойдешь?... Пойди, пойди, хоть ненадолго, а то Параша огорчится.

— Что же за народъ у нихъ собирается?

— Да такой же, какъ самъ Иванъ Өедорычъ... знаешь, судейскіе эти нынѣшніе, изъ правовѣдовъ... по гласности-то... Одинъ особенно... разглагольствуетъ... Какъ бишь его фамилія, все забываю... Они дѣло дѣлаютъ,—кто говоритъ?—да ужь очень себя-то величаютъ... Такъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ и чувствуется, какъ они отечество спасаютъ... И сушь какая, Господи Боже мой!.. Какой-нибудь птенецъ, только со скамейки соскочилъ, а вѣдь по сухости, что твой Талейранъ... Ни одного слова не вымолвитъ отъ сердца... молодость бы показалъ, немножко бы увлекся чѣмъ-нибудь... Для одного земство, для другого окружной судъ, а все остальное—бредни и глупости; вотъ ты увидишь.

— Такъ всегда бываетъ, голубушка, когда что-нибудь вновь...

— Положимъ, что и такъ, да вѣдь человѣкъ-то всегда человѣкомъ оставаться долженъ... Неужели весь міръ промѣнять на какой-нибудь окружной судъ?.. Будь дѣльцомъ, да хоть крошечку имѣй... молодого-то, искренняго... поэзіи хоть капельку... а то въ двадцать-два года мальчикъ бакенбарды отроститъ и Өемиду изъ себя представляетъ. Я-де правосудіе и выше моего званія ничего нѣтъ!..

Щоки Елены Петровны разгорѣлись... Она отставила чашку и сняла съ головы черную кружевную косынку.

— И говорите вы все это Ивану Өедорычу? спросилъ Крутицынъ.

— Нѣтъ, дружокъ!... Не желаю, чтобы онъ на меня фыркалъ—стара я... Больше помалчиваю, но улыбаться тому не улыбаюсь, что̀ мнѣ не по вкусу... Да и зачѣмъ бы я стала свои взгляды высказывать? — Ни Ивана Өедорыча и ни тѣхъ, кто на него похожъ—не передѣлаешь... Парашу хотѣлось бы иначе направить; но она совершенно въ рукахъ мужа... скоро разучится и ѣсть-то посвоему, не то что ужь говорить... Ты навѣрно ужь замѣтилъ, какіе она по этой части успѣхи дѣлаетъ.

— Порядочные...

— Вмѣшиваться я не имѣю права, да и то сказать: она въ

блаженствѣ обрѣтается, чего же еще больше? И женскимъ своимъ обществомъ не нахвалится...

— Это барынямъ-то, что̀ въ рамсъ играютъ?

— А ты какъ знаешь?

— Она мнѣ сегодня говорила.

— Ну, извѣстное дѣло... Безъ картъ онѣ погибли...

— Молодыя женщины?..

— Тебя это возмущаетъ?.. И я, признаюсь тебѣ, до сихъ поръ не могу съ этимъ помириться... Цѣлые вечера просиживаютъ за картами... бабёнки двадцати—двадцати-пяти лѣтъ... неужели онѣ ушли дальше насъ, сантиментальныхъ дуръ тѣмъ, что въ стуколку навострились и по пятнадцати рублей въ вечеръ выигрываютъ?... Да это бы еще ничего... Коли въ себѣ не чувствуешь никакого... какъ бы это сказать...

— Душевнаго содержанія?

— Да, да... игривости, ума, поэзіи, такъ надо хоть рамсомъ коротать время; но ужь тогда такъ бы на себя и смотрѣть слѣдовало... А то нѣтъ: строгость непомѣрная, такъ и рѣжутъ. Все у нихъ глупо, смѣшно, вздорно, что̀ хоть чуточку отзывается чѣмъ-нибудь повыше ихъ рамса и баветокъ дѣтскихъ... И съ добродѣтелью своей тоже носятся, точно съ писаной торбой... Надѣла на себя чепецъ, и давай на весь свѣтъ фыркать... И эта распутная, и та распутная, и то безнравственно, и это неприлично... Про наше время Богъ-знаетъ что толкуютъ... Мы, видишь ли, Жоржъ-Занда все читали и были скверными матерями, а онѣ материнство все полагаютъ въ пичканьѣ, да въ купаньѣ, а какъ будутъ душу-то воспитывать—ужь не знаю!.. Коли онѣ добродѣтельны, такъ прежде всего наблюдали бы евангельскую заповѣдь всепрощенія, не подражали бы фарисеямъ, и своими бы добродѣтелями не кичились... Ну, да ужь Богъ съ ними! Поговоримъ о другомъ, Сашенька. Вотъ сегодня пойдешь, самъ разглядишь лучше меня... Я тебѣ повторю просьбу Параши: поразскажи-ка еще о себѣ и о поѣздкѣ своей, не бойся, я не засну...

И дѣйствительно Елена Петровна не проронила ни одного словечка. Она любила слушать Крутицына. Пробило восемь часовъ, а они все еще сидѣли на диванчикѣ и тетушка задавала ему, полегонечку, короткіе вопросцы.

— Ну, пора тебѣ, сказала она ему въ половинѣ девятаго:— попріодѣнься немножко... Хоть барыни-то и картежницы, а все испанцемъ явись передъ ними, авось оставятъ карты-то...

Крутицынъ нашелъ у Параши трехъ барынь. Онѣ ужь сидѣли вчетверомъ за зеленымъ столомъ. Параша представила

его; но гости были такъ поглощены игрой, что занимать ихъ оказалось лишнее. Онъ оглядѣлъ этихъ «стукольщицъ», нашелъ, что на всѣхъ лежитъ печать сухой чопорности и безмятежнаго довольства... Ему тотчасъ же сдѣлалось необычайно скучно. Одна была недурна, но ея пухлое и улыбающееся лицо отзывалось чѣмъ-то овечьимъ... Добродѣтелью дѣйствительно пахло отъ всѣхъ, но большаго содержанія не значилось...

Перешелъ Крутицынъ въ кабинетъ Ивана Ѳедоровича. Тамъ его познакомили съ длиннымъ, сухимъ молодымъ человѣкомъ, почти юношей, во фракѣ и жилетѣ съ огромнымъ выемомъ.

— Нашъ товарищъ прокурора, Петръ Петровичъ Кандауровъ, отрекомендовалъ съ особеннымъ вкусомъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Крутицынъ оглядѣлъ прокурора, его желто-пепельные зачатки бакенбардъ, тонкія губы и стоячій, высочайшій воротничокъ, и уже почувствовалъ, что вѣрно объ этомъ «жрецѣ правосудія» говорила тетушка.

Было въ кабинетѣ и еще человѣка три, служащихъ по земству, съ помѣщичьими лицами. Они кричали о чемъ-то, что наканунѣ случилось въ управѣ. Примкнуть къ ихъ разговору не было рѣшительно никакой возможности. Приходилось бесѣдовать съ прокуроромъ. Да Крутицыну и хотѣлось немножко разсмотрѣть этотъ экземпляръ.

Иванъ Ѳедоровичъ усиленно занимался своимъ гостемъ, и въ пятый, по крайней-мѣрѣ, разъ, повторилъ:

— Такъ что же новенькаго у васъ, Петръ Петровичъ?

— Обвиняемъ, помаленьку, обвиняемъ-съ, отвѣтилъ женоподобнымъ картавымъ голосомъ прокуроръ, силясь придать себѣ басистую интонацію.

— И хорошо идетъ? допрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Идетъ прекрасно-съ... У насъ слѣдователи имѣютъ esprit de corps... Университетскихъ намъ не надо... тѣ все философствуютъ, а прокурорскій надзоръ долженъ быть поддержанъ слѣдователями такъ, чтобы это шло... comme sur des roulettes...

Юный жрецъ правосудія указалъ рукой, какъ долженъ идти прокурорскій надзоръ... Иванъ Ѳедоровичъ выставилъ всѣ зубы отъ внутренняго удовольствія...

— Общественная совѣсть... la conscience publique... тогда только можетъ быть удовлетворена, когда ея представители... я разумѣю члены прокурорскаго надзора... держатъ въ рукахъ своихъ... всѣ орудія вмѣненія...

Иванъ Ѳедоровичъ внималъ, а Крутицына начинало подмывать... Онъ, однако, еще удерживался...

— Мы хотимъ на первыхъ же порахъ, продолжалъ картавить прокуроръ: — поставить наше сословіе... la magistrature... выше всякихъ претензій... du barreau...

— Адвокатуры, перевелъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да, адвокатуры... Вотъ въ Москвѣ уже явились молодые люди...

«А который вамъ годъ?» завертѣлось на языкѣ у Крутицына; но онъ опять удержался.

— Эти скороспѣлыя знаменитости воображаютъ, что главное — barreau... и позволяютъ себѣ неприличную полемику съ особами прокурорскаго надзора... Что̀ такое адвокатъ?... Это простое частное лицо, и никогда не должно забывать, что оно стоитъ передъ тѣми, кто представляетъ собою принципъ вмѣненія...

— А позвольте спросить, перебилъ его Крутицынъ: — какъ бы вы назывались... хоть бы во Франціи?

— То-есть какъ это я?...

— Во французскомъ переводѣ ваше званіе: substitut de l'avocat impérial.

— Ну, такъ что-же-съ? выговорилъ выпрямившись прокуроръ.

— Вы видите, стало быть, что члены прокурорскаго надзора — тѣ же адвокаты, только они говорятъ отъ имени правительства...

Иванъ Ѳедоровичъ такъ взглянулъ на Крутицына, точно хотѣлъ сказать: «ну, что ты тутъ суешься, гдѣ тебѣ тягаться съ дѣльцами?».

— Во Франціи, заговорилъ прокуроръ: — мы должны взять за образецъ духъ... магистратуры... тамъ прокурорскій надзоръ — всесиленъ... и никакой недоучившійся студентикъ не осмѣлится однимъ словомъ задѣть les prérogatives du ministère public.

— И вамъ это, конечно, нравится? справился Крутицынъ.

— Только тогда общественная совѣсть и будетъ... dignement représentée, когда вмѣненіе пойдетъ.

— Comme sur des roulettes, подсказалъ Крутицынъ.

— Да-съ! отрѣзалъ прокуроръ и слегка покраснѣлъ.

Глаза Ивана Ѳедоровича пренебрежительно смотрѣли на Крутицына и только губы, по привычкѣ, улыбались.

— Извините меня, началъ Крутицынъ смиреннымъ тономъ, пододвигаясь къ прокурору: — я не спеціалистъ вашего дѣла, но меня поражаетъ въ вашихъ словахъ вотъ какая вещь: вы смотрите на судъ, какъ на какую-то государственную регалію... какъ на нѣчто безусловное... По вашему выходитъ, будто не судъ учрежденъ для подсудимыхъ, а подсудимые для суда...

— Какъ это? Я васъ не понимаю-съ.

— Да какъ же: вы ставите выше всего прокурорскій надзоръ?

— Ну, да...

— И называете его представительствомъ общественной совѣсти?

— Кто жь въ этомъ сомнѣвается?!...

— Цѣлыя націи... Въ Англіи бы вы назывались совѣтникомъ королевы и были бы просто-на-просто адвокатомъ, защищающимъ интересы короны... и не думали бы изображать собою общественную совѣсть...

— Je proteste! воскликнулъ прокуроръ.

— Сколько вамъ угодно: я не хочу пускаться съ вами въ тонкости юриспруденціи; мнѣ хотѣлось только разъяснить вамъ взглядъ на дѣло...

— Вы, быть можетъ, изъ тѣхъ, которые не признаютъ вовсе права вмѣненія?

— А вамъ нужно это знать?

— Очень нужно-съ... У насъ въ обществѣ уже столько разрушительныхъ принциповъ... и наше призваніе... je parle du ministère public... всячески бороться съ такими законопреступными воззрѣніями.

— Стало быть и воззрѣнія могутъ быть законопреступны?

— Конечно-съ.

— Ну, такъ я попридержу языкъ за зубами, сказалъ, смѣясь, Крутицынъ: — а то вы, пожалуй, по долгу службы принуждены будете меня арестовать...

— Вы его извините, вмѣшался покровительственно Иванъ Өедоровичъ, указывая прокурору на Крутицына: — онъ мечтатель... на высотахъ все больше паритъ, вотъ ему нашъ братъ, дѣлецъ, и не по вкусу приходится...

Прокуроръ снисходительно усмѣхнулся.

— Вопросъ о вмѣняемости и правѣ наказывать... c'est vieux comme le monde... заговорилъ онъ, покачивая правой ногой, закинутой на лѣвую. — Есть теоріи... вотъ хоть бы теорія психическаго принужденія...

Глаза Ивана Өедоровича заискрились отъ довольства; гость просто приводилъ его въ телячій восторгъ.

— Какъ вы сказали, спросилъ онъ даже съ робостью: — психическаго?

— Принужденія... это философія права...

— Такъ, такъ, поддакивалъ Иванъ Өедоровичъ.

— Теорія эта развита была Фейербахомъ...

— Позвольте, Фейербахъ, перебилъ Иванъ Өедоровичъ: —

вѣдь это одной шайки съ Молешотомъ?... Молешотъ, Фейербахъ... вотъ еще Бюхнеръ...

— Это другой Фейербахъ, рѣшилъ прокуроръ.

— И онъ стоялъ, значитъ, за настоящее дѣло? освѣдомился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Много есть другихъ теорій, продолжалъ прокуроръ:—но всѣ авторитеты согласны...

— Стало быть, и толковать нечего, выговорилъ съ тихой улыбочкой Крутицынъ и отошелъ къ группѣ земцевъ.

У нихъ все еще шелъ горячій разговоръ, но уже больше объ уѣздныхъ новостяхъ.

— Нѣтъ, каковы Оболдуевцы, кричалъ бородатый, приземистый земецъ, должно быть изъ кавалеристовъ: — по двѣ тысячи пятисотъ закатили членамъ... и теперь тамъ бывшій голова Плѣшковской волости засѣдаетъ... Ну, на что ему, подлецу, двѣ тысячи пятьсотъ рублей...

Крутицынъ отошелъ и отъ земцевъ. Въ залѣ встрѣтилъ онъ Парашу.

— Мы кончили первую пульку, сказала она ему на ходу:— пойди пока полюбезничай съ дамами.

Но онъ ужаснулся этого предложенія, и пошелъ опять въ кабинетъ. Его одолѣвала особая, непривычная скука шатанья изъ угла въ уголъ безъ всякой надежды куда-нибудь приткнуться.

Въ кабинетѣ составилась партія. Прокуроръ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ и съ двумя земцами сѣли въ рамсъ; оставался еще третій земецъ.

«Неужели я его долженъ буду занимать?» съ ужасомъ подумалъ Крутицынъ, и тотчасъ же допросилъ себя: «не играю ли я во что̀-нибудь?»

Нѣсколько минутъ вспоминалъ онъ, и вспомнилъ-таки, что имѣлъ нѣкоторое наивное понятіе о пикетѣ.

Земецъ пододвинулся уже къ нему, и спросилъ:

— Изъ Питера изволили прикатить?

— Изъ Москвы, отвѣтилъ Крутицынъ, и поторопился добавить:—у васъ партнера нѣтъ?

— Да я ничего, вотъ съ полчасика подожду, за кого-нибудь поиграю.

— Если вамъ угодно... Я плетусь кое-какъ въ пикетъ...

— И разлюбезное дѣло!... Это моя любимая игра... Мы вотъ тутъ и сядемъ... вы по маленькой?...

— По самой маленькой...

— И я также... чтобы, знаете, не на шереметевскій только...

— Вотъ и я за картами, говорилъ про себя Крутицынъ, и почувствовалъ:—какое благодѣяніе — карты, если судьба закинетъ въ бытовой станъ, гдѣ процвѣтаютъ Иваны Ѳедоровичи.

Сидѣлъ Крутицынъ цѣльныхъ два часа, игралъ отвратительно, и выигралъ четыре рубля пятнадцать копеекъ. Онъ съ какимъ-то дѣтскимъ самодовольствомъ положилъ эти деньги въ кошелекъ.

Подали ужинъ. Прокуроръ обращался къ дамамъ пофранцузски. Дамы отвѣчали вокабулами. Оказалось, что онѣ—жоны трехъ земцевъ. Партнёръ Крутицына началъ прохаживаться насчетъ остротъ совершенно мѣстнаго свойства. Параша и ея гостьи громко смѣялись. Потомъ мужчины опять заговорили объ управѣ, а въ женскомъ углу пошелъ толкъ о Мишѣ, Машѣ, Олѣ, Гришѣ, Микѣ, Сашѣ и Митрошѣ. Перебраны были всѣ няньки и кормилицы поименно, и обсуждены ихъ качества, жаловались на поднятіе цѣнъ гувернантокъ, и на непомѣрныя требованія прислуги... И такъ лились рѣчи у всѣхъ, что мужской любезности некуда было бы и словечка вставить.

Ужинъ далъ Крутицыну не то головную боль, не то отяжеленіе мозга. Онъ вдругъ отупѣлъ, сѣлъ въ кабинетѣ курить, глядѣлъ на красныя лица земцевъ, на песочные бакенбарды «представителя общественной совѣсти», воспринималъ зрительныя впечатлѣнія, но думать ни о чемъ не могъ...

Только, когда онъ очутился на улицѣ, морозъ заставилъ его встрепенуться.

— Молодые люди съ принципами твердыми, повторялъ онъ фразу Ивана Ѳедоровича: — да, очень твердыми... Но что̀ бы изъ меня осталось черезъ двѣ недѣли, еслибъ меня запереть въ одну клѣтку съ этими молодыми людьми?... Я бы запилъ...

Поворачивая въ переулокъ къ тетушкѣ, Крутицынъ думалъ:

«Счастливцы! Какъ они между собою спѣлись! Какая чистота и опредѣленность міровоззрѣнія, нуждъ, позывовъ и задора! Любо-дорого смотрѣть. Какъ радъ Иванъ Ѳедорычъ, что онъ узналъ о теоріи психическаго принужденія, и о томъ, что сочинитель ея Фейербахъ, да не изъ «шайки» Молешота, а другой... Ему до этого, въ сущности, никакого дѣла нѣтъ, а онъ все-таки радъ... И субститутъ доволенъ, что онъ особа, ministère public, и что прокурорскій надзоръ пойдетъ у нихъ въ губерніи comme sur des roulettes... И аппетитъ у всѣхъ прекрасный... На ночь ѣдятъ утку съ груздями и запиваютъ квасомъ... А эти «земскія жоны»! Ничего имъ не нужно... *Ничего*... Вѣдь это значитъ достичь полнаго самопознанія и са-

моотожествленія... Мужья у нихъ есть, у каждой мужъ, здоровый, красивый, плечистый, есть Миши и Саши, есть кормилицы и няньки... и ни одна лукавая мысль не забредетъ имъ въ голову, ни во снѣ, ни на яву. Онѣ не только дышутъ, пахнутъ добродѣтелью, но онѣ подавляютъ ею... Страшно становится прикасаться къ этой добродѣтели, того и гляди замараешь ее однимъ звукомъ, однимъ трепетаніемъ мозговаго фибра... Что̀ ты такое въ ихъ глазахъ?... Шатунъ, бобыль, шальная голова, хуже того: срамишь дворянское званіе, отыскивая работишки у кого ни попало... Только славянская мягкость даетъ ихъ тону и обхожденію такой мало-обидный складъ, а прибавь имъ пигмента, пускай они почувствуютъ дѣйствительную опасность отъ прикосновенія всеразъѣдающей идеи, они покажутъ тебѣ: что̀ такое быть отщепенцемъ, не преклоняться передъ ихъ премудростію, не держаться за ихъ жизненные устои».

Крутицынъ остановился, спохватившись, что онъ пришелъ уже домой.

XI.

Въ домикѣ Елены Петровны стояли тишина и безмолвіе. Въ передней дремалъ Евстигней, свѣсившись надъ столикомъ съ потухающимъ ночникомъ.

Крутицынъ вошелъ въ нее такъ тихо, что старикъ не проснулся. Такъ же тихо поднялся Крутицынъ и наверхъ. На площадкѣ онъ остановился, что-то ощупалъ въ карманѣ жилета, вынулъ оттуда ключъ, отперъ дверь и переступилъ порогъ комнаты, куда тетушка не хотѣла помѣщать его.

Комната смотрѣла жилой, хотя никто ужь не жилъ въ ней больше пяти лѣтъ. Занавѣски, пологъ кровати, чехлы на мёбели были такой чистоты, точно ихъ сегодня только обновили. Въ простѣнкѣ стояло палисандровое пьянино. Въ углу — трельяжъ съ плющемъ, рабочій столикъ и на немъ ящичекъ изъ желтой кожи. Надъ турецкимъ диванчикомъ висѣлъ большой фотографическій портретъ Крутицына въ круглой орѣховой рамкѣ. Онъ поставилъ свѣчу на туалетъ краснаго дерева, со старинной рѣзьбой, сѣлъ на диванчикъ и опустилъ голову.

Такъ просидѣлъ онъ нѣсколько минутъ. Вся повѣсть молодой страсти и первыхъ страданій предстала передъ нимъ и больно колола его сердце. Тутъ, въ этой дѣвичьей комнатѣ, полюбилъ онъ любимицу тетушки, Варю, черноокую, загадоч-

ную, нервную, поэтическую. Студентомъ онъ не мечталъ объ ней и даже долго не могъ привязаться къ ней такъ, какъ къ простой, мягкой, безмятежной Парашѣ. Парашу онъ называлъ своей «будущей женой» и совсѣмъ было-успокоился на этомъ рѣшеніи. Но вышло по другому. Варя стала быстро выростать нравственно, и ея натура сказывалась въ обаяніи пылкости, каприза, оригинальности. И красота ея развивалась не по днямъ, а по часамъ. Красота эта вдругъ запала въ душу Крутицына и Елена Петровна первая разъяснила ему его чувство. Она была этому глубоко рада. Она говорила ему, что Варя способна оцѣнить его, что въ ней онъ найдетъ то, чего не достаетъ Парашѣ. И онъ вѣрилъ этому, онъ самъ не взвидѣлъ, какъ имъ охватила страсть, и невозможно уже было сдержать ее дальнѣйшимъ анализомъ, разсудочнымъ наблюденіемъ. Варя и прежде, несмотря на то, что между ею и Парашей былъ условленъ выходъ Параши за Крутицына, проявляла, вспышками, болѣе чѣмъ родственную симпатію къ своему «развивателю». Крутицынъ былъ все тотъ же съ обѣими дѣвочками, а Варя очень измѣнчива съ нимъ: то суха, то порывисто-ласкова. И когда онъ полюбилъ ее, она приняла его страсть, какъ должное, какъ запоздалую дань. Онъ отдался ей съ серьёзностью и душевнымъ порывомъ человѣка мысли и дѣла и... едва-ли не на третій день супружества увидалъ, что посадилъ къ своему очагу даровитое, прелестное, но тревожное, измѣнчивое дитя... Драма пахнула на него сквозь пылкія ласки его подруги... Жизнь требовала труда и скромной доли. Варя способна была все понять въ стремленіяхъ и работахъ мужа; но и только. Легкое и быстрое пониманіе не переходило въ прочное сострастіе съ выдержкой и жертвой. Явилась скука, а за ней недовольство, хандра, затѣи, попреки, эгоизмъ тревожнаго темперамента. Крутицынъ удвоилъ свою мягкость. Ему отвѣчали насмѣшками, равнодушіемъ къ его душевному добру, все новыми и новыми требованіями чего-то пикантнаго, поэтическаго, неожиданнаго. Его находили прѣснымъ, слащавымъ, наклоннымъ къ «pot-au-feu» и, наконецъ, скучнымъ... Какъ только это роковое слово было выговорено, началось супружеское мученичество, ежедневное и безъисходное... Разрыва ему не объявляли, не говорили даже, что любви больше нѣтъ, что есть только формальная связь... Его даже ласкали иногда попрежнему, но вслѣдъ за этими чувственными вспышками шли недѣли равнодушія, ѣдкихъ намековъ, сухой прозы молчанія или крикливыхъ сценъ, гдѣ гистерія мѣшалась съ душевнымъ огрубеніемъ и поисками того «нѣчто», котораго не оказывалось у

мужа. Потомъ насталъ періодъ утомленія и нѣкотораго спокойствія. Явились порыванья къ художественнымъ наслажденіямъ, къ диллетантству. Крутицынъ обрадовался, что нервная пустота чѣмъ-нибудь наполняется. Съ особымъ удовольствіемъ платилъ онъ за дорогіе уроки пѣнія Вари. Учитель ея, молодой итальянецъ, открылъ въ ней необычайный талантъ. Она расцвѣла. Уроки длились шесть недѣль; на седьмую, Крутицынъ остался одинъ «у очага». Жена сбѣжала съ итальянцемъ. Извѣстила она его объ этомъ безсердечно, злобно, почти цинически. Но горечь и обида не ожесточили его. Онъ сказалъ сейчасъ же: «я самъ виноватъ, и долженъ безропотно носить рога». И полгода не зналъ, куда ему дѣваться: горе ѣло его, и еслибъ не любовь Елены Петровны, онъ плохо бы кончилъ. Черезъ полгода онъ узналъ, что бѣглянка покинута своимъ возлюбленнымъ и лежитъ больная. Онъ нашелъ ее. У ней ужь началось то, что̀ свѣтскіе врачи называютъ «легочнымъ катарромъ». Повезъ онъ ее за границу, на югъ, жилъ тамъ съ нею, лечилъ, ухаживалъ, кормилъ изъ рукъ, закрылъ глаза... и вернулся уже настоящимъ вдовцомъ. И все это *было*... и послѣ страданій, жертвъ, словъ и дѣлъ, гдѣ онъ ни одной секунды не думалъ о своемъ «я», все-таки вставалъ какой-то упрекъ.

«Виноватъ!» повторялъ Крутицынъ, «гнался за счастьемъ, торопился быть любимымъ, пріобрѣталъ себѣ навѣки закрѣпощонную сожительницу...»

Въ полутьмѣ комнаты ему точно видѣлся образъ Вари, такъ, какъ она стояла передъ нимъ въ тотъ мигъ, когда онъ ей сказалъ про любовь свою. Было это лѣтнимъ вечеромъ. Въ окнѣ пылало зарево заката. Ея роскошные волосы, падая густыми разметанными локонами на грудь, прикрытую легкимъ барежевымъ платьемъ, скрывали краску стыда и радости. Она опустила ему обѣ руки на плечи, долго глядѣла ему въ глаза и прикоснулась нѣсколько разъ горячими устами къ его лбу.

— Только одинъ мигъ, и былъ счастливъ, шепталъ онъ, про себя, отирая невольно скатившуюся слезу.

Взглядъ на бѣлую кровать вызвалъ другой образъ. Лежитъ она съ красными пятнами на желтыхъ щекахъ, съ зіяющими впадинами глазъ, въ жару послѣдняго истощенія и тѣлеснаго усилія, мечется, и все еще хочетъ жить, сердится на него за то, что не даетъ ей встать и быть «совсѣмъ здоровой».

Послѣднія ея слова были:

— Смотри же, найми завтра коляску. Довольно мнѣ валяться.

Дѣйствительно было уже довольно. Она забылась, повернулась къ стѣнѣ съ тихимъ вздохомъ и... заснула навѣки.

Дверь щолкнула. Крутицынъ вздрогнулъ. На порогѣ показалась Елена Петровна, вся въ бѣломъ. Она подошла къ нему, молча сѣла на диванчикъ и взяла его за руку. Когда Крутицынъ оглянулся на тетушку, она тихо плакала.

— Зашелъ, заговорила она, утирая слезы: — самъ зашелъ... Спасибо, голубчикъ. Тронулъ меня до слезъ, а я плакать нынче разучилась.

Она привлекла его къ себѣ и поцаловала въ голову.

— Тяжело тебѣ? спросила она полушопотомъ.

— Все это было, выговорилъ онъ: — и такъ ужь давно.

— А сердце все еще болитъ... я знаю... и дай ты мнѣ, Саша, еще разъ повиниться передъ тобой. Сантиментальная я дура была, да... не разглядѣла того, что̀ мнѣ знать слѣдовало. Ты лучше меня разумѣлъ, какая тебѣ жена нужна. И женился бы на Парашѣ. Она бы не кинула тебя. У ней, и простота, и доброта, и здоровье. Съ тобой-то бы она была не то, что̀ теперь; вся бы въ баветки, да въ скопидомство не ушла. Ты былъ увлеченъ... налетѣла на тебя страсть. Мнѣ бы тебя сдержать, а я еще пуще раздула. Охъ, любила я ее, грѣшницу, больше васъ троихъ! вотъ Господь-то и покаралъ.

И тетушка горько покачала головой.

— Полноте, голубушка, говорилъ ей Крутицынъ, цалуя ея руки: — обо мнѣ-то что жь сокрушаться. Варю больше нужно жалѣть. Не такой ей мужъ нуженъ былъ. Жестоко обвинять ее за то, что я ей пришелся не по вкусу.

— Нѣтъ, не оправдывай ее! больше любить ее нельзя, какъ я любила. Прощаю ее, но оправдать не могу, Саша. Обманъ — это постыдно, безсердечно. Сдѣлать тебя добраго, любящаго, достойнаго обожанія... чѣмъ же?

— Рогоносцемъ, выговорилъ твердо Крутицынъ.

— Не употребляй ты этого слова.

— Слово дурное! но вѣдь оно ужасно только пошлякамъ. Я уже пережилъ личную обиду, и смотрю на мою супружескую долю точно со стороны. Тяжелъ не обманъ, не тотъ фактъ, что жена тебя провела, покинула, одурила. Все это случайность и я способенъ говорить о ней не краснѣя, но смерть привязанности — вотъ чего не переживаешь даромъ.

— Да, да, сознался, наконецъ: — и чего тебѣ скрывать предо мной... сердечныя-то раны. Ты все забылъ, все простилъ, а одиночество-то давитъ, любви-то нѣтъ... ласки-то нѣтъ... Безталанный ты мой мальчикъ!

Елена Петровна начала ласкать Крутицына, какъ малое дитя.

— А вы-то, голубушка?! вскричалъ онъ, глубоко тронутый этимъ потокомъ доброты и нѣжности.

— Что я, много ли мнѣ жить. Не чаю дождаться твоего возврата. Не задалось твое счастье, за то на душѣ чисто. Мое благословеніе давала я тебѣ съ завязанными глазами. Ты долго и горько страдалъ, и вышелъ все такой же честный, добрый, всепрощающій. Вотъ твое счастье — оно выше всего, Саша. И нѣтъ на землѣ божьяго правосудія, если тебѣ не выпадетъ еще семейной любви и радости. Но я все-таки скажу: пускай считаютъ тебя восторженнымъ, какъ меня, грѣшную, пускай осуждаютъ за то, что нѣтъ у тебя ни мѣста, ни чина большого, ни прочнаго положенія. Нужды нѣтъ! Ты берешься за то, что̀ тебѣ подъ силу, и помогаешь всякому, и на все откликнешься сердцемъ. Чего еще, Саша? Не всѣмъ дана такая доля. Чище она и душевнѣе, чѣмъ одно скопидомство, да себѣ на умѣ, да самодовольство. Не промѣняю я тебя на Ивана Ѳедорыча, нѣтъ; они съ Парашей пятьдесятъ лѣтъ проживутъ, серій цѣлый сундукъ накопятъ и газомъ нашъ переулокъ освѣтятъ, а мое благословеніе будетъ съ тобой, дитя мое. И больно мнѣ, что я, старая и глупая, одна здѣсь говорю тебѣ эти слова. Такимъ людямъ, какъ ты, мало привѣта. На то они должны идти. А мы, вздорныя старухи, ихъ любимъ и молимся за нихъ; не спрашиваемъ у нихъ ни чиновъ, ни капиталовъ, а души.

Елена Петровна встала. Поднялся и Крутицынъ.

— Посидѣли мы въ вариной комнаткѣ... пожили въ ней... Знаетъ она тамъ, наверху, что мы ее любимъ... Помянемъ ея душу завтра на могилкѣ. Тебя я не зову, а мнѣ позволь... Снѣга у насъ ужасные и не проберешься теперь къ памятнику... И меня тамъ скоро положатъ рядомъ съ Варей...

Медленно уходили они изъ комнаты и на площадкѣ бросили въ нее послѣдній взглядъ...

Цѣлая полоса жизни прошлась и канула въ грядущее...

. . . .

Рано проснулся Крутицынъ. Къ нему постучались часовъ въ восемь. Онъ отворилъ дверь Маргаритѣ. Въ капорѣ и салопѣ она стояла на порогѣ, держа въ рукахъ блюдо съ кутьей и серебряной ложкой. Лицо смотрѣло кротко и благоговѣйно.

— Откушайте, батюшка...тихо вымолвила она. — За упокой рабы божьей... Варвары...

И голосъ ея дрогнулъ. Въ волненіи поставила она блюдо на столъ и приблизилась къ Крутицыну и схватила-было его руку. Онъ поцаловался съ ней.

Маргарита прослезилась и сдѣлалась еще красивѣе.

— Молимся... говорила она, все также тихо. — День и ночь молимся... о Варенькѣ... и за васъ, батюшка...

— Не оставляй тетушку, сказалъ ей Крутицынъ, кладя ей руку на плечо: — Богу можно вездѣ угодить.

— Оченно ужь мнѣ тошно на міру, Александръ Павлычъ, маешься-маешься...

— Прошу тебя, Маргарита.

Она подняла на него свои смиренные умные глаза, слегка покраснѣла и выговорила:

— Исполню... вашу просьбу... Только бы барынѣ со мной не было тоскливо.

И она торопливо вышла.

За ней явился Евстигней, попенялъ Крутицыну, что тотъ не разбудилъ его вчера, и заболталъ, какъ сорока, закидывая вопросами и о Москвѣ и о Парижѣ и о томъ, поступаетъ ли на службу и думаетъ ли жениться?... Кончилъ тѣмъ, что прослезился и сталъ прощаться, утверждая, что «безпремѣнно» долженъ умереть до петрова дня.

XII.

Крутицынъ, передъ отъѣздомъ, вспомнилъ о двухъ пріятеляхъ. Нельзя ихъ было не повидать. Оба учились съ нимъ, когда-то, въ университетѣ. Съ ними только онъ и сохранилъ пріятельскую связь, изъ всѣхъ коренныхъ обитателей города.

Позвонилъ онъ на крыльцѣ деревяннаго одноэтажнаго флигелька, стоявшаго по лѣвую руку деревяннаго или большаго дома кирпично-краснаго цвѣта. Было уже половина одиннадцатаго.

Отворилъ ему дверь служитель мрачнаго и воинственнаго вида, съ вдавленными щеками и плохо выбритой бородой. Усы торчали у него, какъ у таракана.

— Сергѣй Порфирычъ вѣрно еще спитъ? спросилъ Крутицынъ, входя въ маленькую прихожую съ старинныиъ лакейскимъ «ларемъ».

Служитель ухмыльнулся въ руку и глухимъ басомъ отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ-съ... изволилъ проснуться.

— Да всталъ ли?

— Никакъ нѣтъ-съ, изволятъ еще лежать.

— Въ грудку, значитъ, вступило?

Служитель опять ухмыльнулся въ руку и бережно снялъ шубу съ Крутицына.

— Въ гостиную пожалуйте, гудѣлъ онъ: — а я доложу-съ.

— Я самъ его подниму.

— Это какъ вамъ будетъ угодно...

Крутицынъ прошелъ комнату, раздѣленную на двѣ половины аркой съ колонками. Въ одной мёбель стояла такъ, какъ всегда она стоитъ въ провинціальныхъ гостиныхъ: диванъ, столъ и кругомъ кресла. Въ другой половинѣ видны были шкапъ, чайный столъ съ самоваромъ и нѣсколько соломенныхъ стульевъ. Въ слѣдующей комнатѣ былъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ цвѣтныхъ сторъ. Ширмы прикрывали кровать.

— Юсъ! крикнулъ Крутицынъ:—изволите дрыхнуть?

— Ммъ, раздалось изъ-подъ одѣяла и нѣчто повернулось лицомъ къ двери. Крутицынъ уже сидѣлъ на краю кровати и тормошилъ пріятеля.

— Ну, ну, ну... холоду нанесъ!

— А онъ умираетъ!

— Кровью харкаю — вотъ что, а вы думаете это баранья рожа, какъ говорятъ въ раззолоченныхъ гостиныхъ?...

Голова, наконецъ, показалась изъ-подъ стеганаго одѣяла.

— Ну, облобызаемся сейчасъ, вотъ рожу умою. Не ожидалъ спеціалиста, а спеціалистъ, какъ листъ передъ травой...

— Да часъ-то какой? вотъ вы мнѣ что̀ скажите, лѣнь непробудная!

— Что часъ? Счастливые часовъ не наблюдаютъ!... Вотъ сейчасъ, сейчасъ... дайте только бока оттереть.

— Завалы, небойсь?...

— А вотъ я вамъ что̀ скажу, если не досплю, сейчасъ вотъ въ этомъ мѣстѣ...

— Воспаленіе?

— Колотье, да какое... да вѣдь съ вами что толковать... Ну, пустите, встаю...

Всталъ, наконецъ, Сергѣй Порфирычъ; но обуваніе, умываніе, чесаніе и проч. вплоть до облаченія въ знакомый Крутицыну халатъ «съ внутренними задвижками» взяли, по крайней мѣрѣ, полчаса. Выйдя въ гостиную, онъ подбоченился и улыбнулся во весь свой широкій ротъ. Невзраченъ онъ былъ, даже совсѣмъ дуренъ: носъ картофелемъ, скулы выдались; но все лицо мирило съ собой особымъ добродушнымъ юморомъ...

— Спеціалистъ! наше вамъ, съ пальцемъ девять... Не ожидалъ.

И мѣняя тотчасъ голосъ и осанку, онъ указалъ рукой въ сторону самовара:

— Пожалуйте! пожалуйте! китайскихъ травъ... высшихъ сортовъ!

Они сѣли къ столу.

— Итакъ, началъ хозяинъ опять новымъ голосомъ, скорчивши старческую, нѣмецкую рожу:—мы кафариль о томъ, я сказаль, што... Кафъ!...

И онъ сплюнулъ.

Крутицынъ зналъ эту шутку давно, но все-таки разсмѣялся.

— Ешели, продолжалъ хозяинъ, разливая чай: — кдо-то фистрѣляетъ на бупличномъ мѣстѣ зъ булею и упьетъ друхахо...

Крутицынъ продолжалъ смѣяться.

— Актеръ! вскричалъ онъ, наконецъ: — зачѣмъ на сцену-то до сихъ поръ нейдете? Вѣдь года-то уходятъ... вонъ сѣдые волосы показались...

— Показались, государь мой, показались... И перемѣнивъ опять голосъ на свой собственный, Сергѣй Порфирычъ заботливо спросилъ:—вы вѣдь, чай, не забыли постукивать-то, специалистъ?

— Нѣтъ, а что?

— Послушайте-ка вотъ здѣсь... Точно будто глуше тутъ... И по утрамъ чувствую одышку, больше вотъ съ этой стороны.

— Да какъ же это одышка-то можетъ быть на одной сторонѣ, Юсъ?!

— А вы стукайте...

Крутицынъ выстукалъ оба легкія.

— Ну, что̀? спросилъ боязливо хозяинъ.

— Отличный звукъ...

— Теперь опять сердцебіенія происходятъ, какъ только что-нибудь лишнее съѣшь...

Обстукано и выслушано было и сердце.

— Ну, что̀?

— Всѣ звуки превосходные...

— Ужь это вы брешете, специалистъ, чтобы все было въ отличномъ порядкѣ!... Зачѣмъ же меня въ Маріенбадъ посылали — а? А теперь вотъ въ Ишль шлютъ, слыхали про такія воды — а?

— Слыхалъ... въ Тиролѣ.

— Отъ чего тамъ лечатся. Ну-ка?

— Кажется, отъ ревматизма...

— Вотъ то-то и дѣло. Отъ ревматизма-то отъ ревматизма, да еще-то отъ чего?

— Отъ желудочнаго катарра могутъ, я думаю, помогать, въ нихъ соли много.

— Все это не то.

— Ну, отъ золотухи, что ли?

— Вонъ она, ужь до золотухи доѣхала!... А я весь золотуха, да! И все еще не то. . Мнѣ какъ сказали въ Ишль, я хвать «Путеводитель» Майскаго, а тамъ что же стоитъ... Сначала, разумѣется, описываются красоты природы... и тирольки молъ... и ѣзда, молъ, отъ станціи въ почтовой каретѣ... и какой составъ воды, все это показано... Даютъ, говоритъ, ее отъ ломоты, ревматизма, катарра...

— Ну, вотъ видите.

— Те, те, те... не ву депешѐ пà... отъ ломоты, говоритъ, ревматизма, катарра...

— Мы ужь это слышали.

— Отъ золотухи, отъ чахотки.

И Сергѣй Порфирычъ всталъ во весь ростъ. Ротъ раскрылся, глаза смотрѣли на Крутицына съ комическимъ ужасомъ.

— Ну, такъ что же?

— Какъ что?!.. чахотку лечатъ!

— Коли лечатъ, тѣмъ лучше.

— Да чѣмъ это пахнетъ-то?... А вы говорите звуки превосходные... Кровью двѣ недѣли харкалъ...

— Гемороидальное выдѣленіе.

— Знаемъ мы вашу братью, вы все толкуете... экссудатъ, да экстравазатъ, а какъ скрючитъ тебя, ну, тогда вы настоящіе діагнозы ставить...

Началъ-было Сергѣй Порфирычъ совсѣмъ въ гнѣвномъ тонѣ, но тотчасъ же выпятилъ жеманно губы и, подавая Крутицыну корзину съ сухарями, запѣлъ речитативомъ:

«Ахъ, мой другъ, вообрази,
Я съ вельможами въ связи!»

Крутицынъ опять разсмѣялся.

— Никакой у васъ нѣтъ органической болѣзни, началъ онъ полусерьёзнымъ тономъ: — рѣшительно никакой. А просто вы отъ сидѣнья и лежанья нажили себѣ катарръ. И онъ развилъ въ васъ комическую мнительность. Бросьте вы эту дыру. У васъ талантъ есть, въ кускѣ хлѣба вы не нуждаетесь, поѣзжайте въ Москву или въ Петербургъ и дебютируйте.

— Ну, ну, ну! закипѣлъ спеціалистъ и руки заходили! Намъ и здѣсь не худо... Вотъ на той недѣлѣ, въ четвергъ, какъ лихо отмахали... пятьсотъ рублей сбору...

— Вы что изображали?

— Я въ двухъ роляхъ... Дерюгина, перво на перво... *Мадмуазель, пермете ву деранжè пуръ ёнъ сёль мо.*

Онъ выдѣлывалъ стоя передъ Крутицынымъ басъ Дерюгина и лицо своротилъ совсѣмъ на бокъ.

— А потомъ въ чемъ?

— Въ Любимѣ.

Онъ уже опять перемѣнилъ осанку и начиналъ съ сиплой одышкой:

— Митя, прими купеческаго брата, Любима Карпова, сына Торцова.

— Браво, Юсъ! большіе успѣхи; видно, что много игралъ въ эти два года! На сцену! Тысячу разъ на сцену!

— А то на чемъ же я играю-то?

— Да не здѣсь, не любителемъ. Это ни то, ни се, не вырветъ васъ изъ берлоги! Въ столицу, въ настоящіе актеры.

Опять новая рожа. Носъ Сергѣя Порфирыча шмыгнулъ по-васильевски, и его же голосомъ онъ заговорилъ:

— Выпить-то хочется, а выпить-то не на что!...

И такъ шло съ полчаса.

— А гдѣ статистика? спросилъ Крутицына.

— Статистика строчитъ, государь мой, и, поди, явится самолично, совершая утреннюю прогулку.

И дѣйствительно явилась «статистика». Это былъ другой пріятель Крутицына, однихъ лѣтъ съ обитателемъ флигелька и одного университетскаго времени. На взглядъ Крутицына онъ ни капли не измѣнился. Его длинная, худая, совершенно бѣлая фигура съ жидкой бородкой и блѣдными глазами, такъ же медленно двигалась и такъ же глядѣла на свѣтъ божій съ легкой усмѣшечкой. И покрой сюртука, и форма воротничковъ, и прическа, и хриплый басокъ—все было попрежнему. Онъ очень обрадовался Крутицыну и вмѣстѣ они начали бранить Юса за лѣнь непробудную и потерю лучшихъ силъ на провинціальное любительство, когда онъ могъ бы пуститься на всѣхъ парусахъ, въ настоящей художественной дѣятельности.

— Ну! примолчите, примолчите, запросилъ Сергѣй Порфирычъ:—вы вѣдь оба все такъ пуръ сепё ле танъ разсуждаете. А тутъ сунься-ка съ нашимъ суконнымъ рыломъ на столичную сцену, и смажутъ тебѣ коляску. Я, первое дѣло, гримироваться не умѣю. Вотъ дайте срокъ, скоплю лишнюю сотнягу и подъищу такого искусника: обучи, молъ, меня гримироваться, чтобы всякую физію могъ я собственноручно изобразить—это важнѣе всего...

— Да полноте, Юсъ, оспаривалъ Крутицынъ: — гримировка эта — подробность. Практика даетъ вамъ и умѣнье.

— Нѣтъ, батенька, безъ гримировки никакъ нельзя. Я ужь и теперь какъ бьюсь. Скажешь этому Гусеву, парикмахеру изъ Парижа: сдѣлай ты мнѣ, братецъ, вотъ такіе бакенбарды; а онъ чортъ его знаетъ что̀ налѣпитъ. И актерская-то братья не смыслитъ: умѣютъ вымазать тебя, какъ съ покон вѣку мажутъ: старикъ, такъ морщинъ дюжины двѣ наведутъ, толстякъ—такъ сурикомъ тебя исполосуютъ. Нѣтъ, государи мои, надо въ обученіе поступить къ такому искуснику, а потомъ уже и соваться.

— Это онъ для того такъ толкуетъ, замѣтилъ Крутицынъ:— чтобы ему еще двадцать лѣтъ просидѣть во флигелѣ.

— Разумѣется, подтвердилъ бѣлокурый пріятель.

— И неужели, спросилъ Крутицынъ, собираясь прощаться съ хозяиномъ: — найду я васъ, по возвращеніи сюда, все въ томъ же халатѣ съ внутренними задвижками?

— Чего найду! Будутъ ли еще ноги-то таскать.

— Да вотъ развѣ чахотка.

— А въ Ишль-то шлютъ, это, небойсь, забылъ?

— Такъ вы въ Парижъ заѣзжайте.

— Карашо! Ешели гдо-то фистрѣляетъ...

И опять пошло лицедѣйство. Крутицынъ, черезъ полчаса только очутился со статистикой на улицѣ. Статистика шла рядомъ съ Крутицынымъ, шагая размѣренно и не двигаясь вовсе туловищемъ.

— А по послѣобѣдамъ гуляете каждый вечеръ, попрежнему? спросилъ Крутицынъ.

— Попрежнему, проговорилъ съ спокойной усмѣшечкой пріятель.

— Ну, а какъ наполнена жизнь?

— Работаю цѣлый день, перебираю матеріалы.

— Вы все еще редакторъ... вѣдомостей?

— Нѣтъ, отъ редакторства я отказался... некогда; а статейки помѣщаю... о театрѣ и по этнографіи, а главное, редактирую теперь «Сборникъ». Онъ мое дѣтище.

— Что же бы не сдѣлаться сотрудникомъ большаго журнала или газеты!

— Я не лѣзу въ столичные писатели. Моя дорога — быть мѣстнымъ публицистомъ... столичные относятся къ намъ свысока... надо сдѣлать такъ, чтобы они, наконецъ, начали обращать серьёзное вниманіе на мѣстные труды.

— И довольны вы вашимъ положеніемъ?

— Какъ сказать... Обстановку вы знаете: все та же глушь и безлюдье. Я ни съ кѣмъ вѣдь въ городѣ почти-что не знакомъ. Вотъ зайдешь къ Юсу, онъ ко мнѣ завернетъ вечеромъ въ клубъ почитать журналовъ, и тутъ мы все съ Юсомъ враждуемъ. Онъ вѣренъ, по гробъ жизни, дворянскому, а я хожу въ клубъ всѣхъ сословій.

— И такой у васъ имѣется?

— Какъ же. Остальное время все въ работѣ. Жалованье небольшое у секретаря статистическаго комитета; но у меня и потребности маленькія; слышно, увеличатъ окладъ. Думаю, если будетъ побольше времени, подготовиться къ адвокатурѣ.

— А насчетъ законнаго брака?

На это «мѣстный публицистъ» только улыбнулся.

— И никуда не тянетъ?

— Кто говоритъ не тянетъ! да вѣдь надо средства... и потомъ, право, мы зря кидаемся въ столицы... на мѣстѣ сколько дѣла, а людей совсѣмъ нѣтъ. Да, забылъ вамъ сообщить, у насъ образовалось общество потребленія. Меня выбрали членомъ, завѣдующимъ пріемомъ товаровъ. На это уходятъ цѣлые дни, учотъ, собственный присмотръ—еле-еле успѣваешь.

— Что же бы вы Юса-то хоть немножко пріобщили къ своей дѣятельности?

— Гдѣ ему! Онъ, какъ вы сейчасъ сказали, двадцать лѣтъ просидитъ въ своихъ внутреннихъ задвижкахъ.

— И счастливъ?

— Хандритъ иногда, а, быть можетъ, ему такъ и слѣдуетъ скоротать вѣкъ мѣстнымъ любителемъ, какъ мнѣ мѣстнымъ статистикомъ.

Они стояли на углу площади. Погода хмурилась, западалъ частый и мокрый снѣгъ. Крутицынъ сталъ прощаться.

— Ко мнѣ-то такъ и не завернете? спросилъ пріятель.

— Я вечеръ обѣщалъ моей старушкѣ; она на васъ жалуется, что совсѣмъ ее забыли.

— Да, да, да что прикажете дѣлать? сидишь, сидишь, да совсѣмъ и одичаешь.

— Въ Парижъ я и васъ буду звать... какой бы вамъ матеріалъ!

— Гдѣ! вы счастливецъ! пишите большія корреспонденціи, мы станемъ читать.

Крутицынъ, расцаловавшись съ пріятелемъ, постоялъ еще нѣсколько секундъ, глядя, какъ его длинная фигура, въ бекешѣ, медленно двигалась по улицѣ, точно исполняла урокъ.

«Не я счастливецъ», думалъ онъ: «а ты, съ твоимъ хомутомъ».

Оба пріятеля предстали передъ нимъ въ особомъ свѣтѣ. Онъ ввелъ ихъ въ кругъ думъ и опредѣленій жизни, которыя не отвязывались отъ него. Казалось, какая рѣзкая разница была въ житейской физіономіи того и другого, и все-таки оба принадлежали къ одному стану, къ стану бытовому. Каждый изъ нихъ чувствовалъ на себѣ хомутъ только въ иныхъ формахъ. Любитель сидѣлъ въ клещахъ губернской лѣни, возился съ чахоткой, поучивалъ рольки Дерюгиныхъ и Торцовыхъ и роковымъ образомъ прикованъ былъ къ своей берлогѣ. У него всплывали, быть можетъ, кое-какія актерскія порыванія, но общаго протеста онъ не зналъ. Стало быть, его житейская доля была навѣки застрахована отъ пертурбацій. Желудочный катарръ дастъ ему хандроватость; но бытовыя клещи не позволятъ броситься ни съ какого обрыва, не позволятъ смутиться чѣмъ-нибудь больше показаннаго, даже и боязнью чахотки. Другой «бытовикъ» ведетъ осмысленную жизнь, работаетъ безъ устали, сознательно помирился съ безвѣстной долей мѣстнаго этнографа и публициста, искренно отдаетъ свои душевныя силы той же берлогѣ, но затѣмъ, чтобы во все, что̀ только можно, вносить идею и гражданское чувство, освѣтить факты, поддержать попытки самодѣятельности. Святой и высокій подвигъ, во всей своей скромности и незамѣтности! Но отчего же «Статистика» такъ спокойна и благодушна? Неужели отъ одной своей флегматической натуры? Вѣдь его коснулся лучезарный хвостъ идеи; вѣдь онъ долженъ, анализируя факты, обобщать ихъ съ высшей точки, сознавать и переживать глушь, непробудность, пошлость обстановки, порываться къ другимъ формамъ совмѣстной жизни и къ другимъ личнымъ удовлетвореніямъ? Все это онъ испытываетъ, и все-таки не мечется, а идетъ полегоньку, не мечтаетъ, ни о столицѣ, ни о литературномъ имени, ни о карьерѣ. Онъ мирится на двадцать лѣтъ впередъ съ долей секретаря статистическаго комитета, и можетъ быть, мѣстнаго адвоката. Двадцать, тридцать лѣтъ будетъ онъ собирать материалы, издавать сборники, участвовать въ мѣстномъ «движеніи», ходить по послѣобѣдамъ гулять мѣрной, неторопливой походкой, завертывая къ Юсу и полемизируя съ нимъ по вопросу о дворянскомъ и всесословномъ клубѣ. Что̀ же это такое?

— Бытъ, среда, московская селянка доктора Швецова, рѣшилъ Крутицынъ, и вслухъ выговорилъ, съ понурой головой:

— Счастливцы, счастливцы!

XIII.

Прощанье съ Еленой Петровной разстроило Крутицына. Онъ даже проронилъ нѣсколько слезинокъ. Тетушка не была суевѣрна, но тутъ, по какимъ-то признакамъ, предсказывала свой близкій конецъ и прощалась съ Крутицынымъ «совсѣмъ».

— Если умирать стану, запрещу депеши тебѣ посылать. Не зачѣмъ тебя разстроивать въ твоихъ дѣлахъ. Только, когда вернешься, исполни то, о чемъ я тебя буду просить... Параша передастъ тебѣ пакетъ...

И Елена Петровна ни одного дня не удерживала больше Крутицына. Послѣднія ея слова были:

— Устала я жить, Сашенька, очень устала... Только твое счастіе могло бы еще оживить меня... да не дается оно тебѣ...

Эти слова слышались ему во всю дорогу. Онъ сидѣлъ въ вагонѣ угрюмый, нервный, еле отвѣчалъ на вопросы другихъ пассажировъ. Надо было опять тащиться ночевать въ противныя «Челыши».

Корридорный подалъ ему письмо, пришедшее поутру, по городской почтѣ. Руку Крутицынъ не узнавалъ.

Онъ прочелъ французскую записку отъ одной московской барыни, которую давно упустилъ изъ виду. Она ему напоминала, что завтра ея имянины, и что со стороны Крутицына было-бы очень нелюбезно, еслибъ онъ не заѣхалъ къ ней вечеромъ. Барыня была «не изъ пущихъ», какъ выражался про нее самъ Крутицынъ; такъ себѣ добрая тараторка, вдова; любила кормить и собирала въ своемъ «салонѣ» московскихъ фельётонистовъ.

«Что я тамъ буду дѣлать?», спросилъ про себя Крутицынъ; но тутъ же сообразилъ, что выѣхать ему во всякомъ случаѣ придется завтра. Вечеръ въ нумерахъ, и даже въ одной изъ «комнатъ съ мебелью» его пріятелей совсѣмъ не улыбался ему.

Онъ полѣзъ въ чемоданъ и произвелъ осмотръ фраку. Нашелъ онъ даже и бѣлый галстухъ, хорошо вымытый и выглаженный. Фрачная пара оказалась еще очень приличной. Крутицынъ старательнѣе побрился, и когда черезъ полчаса онъ стоялъ передъ зеркаломъ, поправляя бѣлый галстухъ и обчищая щеткой борта фрака, онъ вспомнилъ слова Елены Петровны и подумалъ:

«А и въ самомъ дѣлѣ я смахиваю на испанца».

Ему бы и слѣдовало всегда ходить во всемъ въ черномъ съ бѣлымъ галстухомъ: наружность его пріобрѣтала тотчасъ же особое изящество мины и худощавая фигура дѣлалась внушительнѣе.

Имянинница жила на Сивцевомъ Вражкѣ. Крутицынъ взялъ ночнаго ваньку и таки назябся въ его лубочныхъ санишкахъ безъ полости. Онъ ѣхалъ поздновато и разсчитывалъ напасть гдѣ нибудь въ сторонкѣ на одного изъ городскихъ вѣстовщиковъ, какихъ всегда прикармливала вдова. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что всего пріятнѣе для него было бы слушать чью-нибудь болтовню... Крутицынъ ожидалъ танцевъ; но видъ залы сейчасъ же показалъ ему, что имянинный вечеръ—«soirée causante» Это его смутило: приходилось пожалуй очутиться въ кружкѣ московскихъ «beaux esprits» и поддерживать общій разговоръ, чего онъ терпѣть не могъ...

Имянинницу нашелъ онъ во второмъ салонѣ, въ à parte съ молодымъ человѣкомъ, который пускалъ въ ходъ цѣлый градъ шикарныхъ французскихъ фразъ, видимо только что вывезенныхъ изъ Парижа. По прическѣ онъ смотрѣлъ херувимчикомъ. Хозяйка засыпала Крутицына упреками; но онъ тотчасъ же замѣтилъ, что ей хочется побыть еще подъ трельяжемъ, гдѣ она сидѣла съ фешенеблемъ изъ Парижа. Она схватила Крутицына за руку и увлекла въ первую гостиную, говоря:

— Вы такъ рѣдко бываете у меня, что я васъ сейчасъ-же накажу: извольте занимать дѣвицъ. У меня сегодня не танцуютъ: я въ траурѣ, а ихъ видите сколько...

И дѣйствительно въ углу, цѣлой гирляндой усѣлись дѣвицы. Два офицерика и черноватый фрачникъ переминались около нихъ, въ довольно-таки томительномъ недоумѣніи: предложить ли «petits jeux», или еще найти какой нибудь сюжетъ разговоровъ?

Крутицына представили всему этому молодому обществу. Ретироваться было невозможно.

Онъ присѣлъ съ боку дивана. Около него сидѣла самая красивая изъ всѣхъ дѣвицъ. Ея наружность заставила Крутицына оглядѣть ее очень внимательно, что отъ нея не ускользнуло. Это была немного сухощавая, но съ высокой грудью, крупнаго роста дѣвушка, въ бѣломъ простомъ муслиновомъ платьѣ съ краснымъ кушакомъ и красной же бархаткой въ волосахъ. Голова ея особенно пріятно поразила Крутицына. Въ высокомъ изящномъ шиньонѣ съ пукомъ падающихъ изъ его средины локоновъ, въ проборѣ, въ положеніи головы, въ профилѣ сидѣла почти ан-

тичная правильность и пластичность. Лобъ бѣлѣлъ ровнымъ матовымъ блескомъ. Линія носа опускалась медленно и заострялась въ уголъ, въ которомъ было что-то смѣлое, но не чувственное. Только губы не вполнѣ гармонировали со всѣмъ обликомъ: въ нихъ оказывалась нѣкоторая язвительность, особенно когда ротъ улыбался. Глаза свѣтло-каріе, продолговатые, съ роскошными, но не томными рѣсницами взглядывали сначала какъ будто боязливо, и тотчасъ же мѣняли выраженіе: дѣлались высматривающими и даже строгими. Дѣвушку эту нельзя было причислить ни къ блондинкамъ, ни къ русымъ. Волосы ея были темно-огненнаго цвѣта; короткіе локоны шиньона ярко свѣтились и придавали головѣ еще болѣе своеобразную и пикантную живописность...

Крутицынъ приготовилъ-было первую фразу, но сосѣдка сказала ему тихимъ и низкимъ голосомъ, заставившимъ его немножко вздрогнуть.

— Васъ притащили занимать?..

И она вскинула на него глаза. Тонкія ея губы чуть-чуть улыбались, показывая бѣлую полоску зубовъ.

— Притащили, отвѣтилъ онъ простодушно.

— Жаль мнѣ васъ, бѣдненькаго...

Этотъ тонъ заставилъ его улыбнуться и посмѣлѣе заглянуть ей въ лицо. Она тоже оглядывала его опредѣленнымъ и смѣлымъ взглядомъ. Взаимный осмотръ сейчасъ же сблизилъ ихъ.

— Сѣли-то вы неудачно, сказала она потише.

— Почему такъ? спросилъ оживленнѣе Крутицынъ.

— Видите на томъ краю... этихъ двухъ полныхъ барышень... онѣ представляютъ собой пятьсотъ тысячъ приданаго.

Говоря это, она такъ обернулась къ Крутицыну, что отдѣлила его своей фигурой отъ остальнаго кружка, и ему сдѣлалось гораздо лучше и свободнѣе.

— Да вы принимаете меня развѣ за искателя невѣстъ?..

— Не знаю... во всякомъ случаѣ, общество дѣвицъ врядъ ли для васъ занимательно... Если васъ подводятъ къ нимъ...

— Стало-быть, я имѣю виды?

— Вѣроятно...

Крутицынъ начиналъ положительно заинтересовываться своей собесѣдницей.

— Я не хочу васъ гнать, продолжала она:—но, право, вы лучше полюбезничайте съ тѣми двумя невѣстами... Со мной, какъ говорится, не въ коня кормъ.

Звукъ голоса, интонація отдѣльныхъ фразъ, выраженіе лица, и помахиваніе вѣеромъ,—все было въ ней оригинально и необыкновенно какъ-то отчетливо, во всей своей преднамѣренности. Крутицынъ чувствовалъ, что это говорится не спроста.

— Да вы зачѣмъ же напрашиваетесь на комплименты? спросилъ онъ, подвигаясь къ ней и кладя шляпу на колѣни.

— Нѣтъ, я вамъ попросту говорю... Вѣдь въ этомъ обществѣ (и она оглянула всю гостиную) все держится еще за табель о рангахъ... Вы, я вижу, не московскій, но все-таки свѣтскій человѣкъ...

— Я?

— Конечно, сюда дѣловые люди не ѣздятъ...

Крутицынъ проглотилъ пилюлю безъ всякой горечи.

— Ну-съ, къ чему же вы все это подводите?

— А вотъ къ чему: вы, какъ добросовѣстный кавалеръ, пустите въ ходъ всю вашу любезность, просидите тутъ три часа и потомъ, когда захотите узнать: да на кого же я такъ тратился? вамъ скажутъ: — какъ это можно было провести цѣлый вечеръ съ какой-нибудь... demoiselle de compagnie...

Ларчикъ начиналъ открываться передъ Крутицынымъ.

«Соціальный протестъ», подумалъ онъ: «даже и сюда проникъ!»

— И только? спросилъ онъ съ улыбкой.

— И только.

— И не совѣстно вамъ было сочинять это предисловіе?

— Нисколько. Я, быть можетъ, потому и сказала его такъ пространно, что увидала въ васъ что-то не здѣшнее, не московское. А съ московскими я сейчасъ же ухожу въ свою раковину и говорю: идите къ другимъ, я для васъ — потерянное время...

Разговоръ получалъ немного странный, но занимательный оборотъ.

— Ну, прекрасно, началъ своимъ обыкновеннымъ, искреннимъ тономъ Крутицынъ:—вы demoiselle de compagnie... А потомъ что же? Я не искатель невѣстъ. И вамъ и мнѣ, можетъ быть, очень скучно, такъ сдѣлаемте, чтобы было повеселѣе. Признаюсь, я сюда поѣхалъ затѣмъ, чтобы меня кто-нибудь занималъ.

— Вотъ какъ!

— Да, и право мнѣ кажется, что я очень хорошо сдѣлалъ, что присѣлъ именно къ вамъ. Отчего-жь бы вамъ и не поразсказать мнѣ кое о чемъ.

— О чемъ же прикажете?

— Да вотъ хоть о себѣ, такъ-какъ вы повели рѣчь о вашемъ общественномъ положеніи.

— Ахъ Боже мой!.. Что-жь тутъ занимательнаго? Я вамъ сказала, кто я.

— Вы — demoiselle de compagnie.

— Да, и если ужь вамъ такъ хочется получить всѣ свѣдѣнія... я пріѣхала на вечеръ съ моей барыней.

— Барыней?

— А то какъ же?... Вонъ она тамъ, въ углу, играетъ въ карты...

— Которая?

— Старушка, съ бѣлыми буклями, въ зеленомъ платьѣ.

— Вижу.

— Удовольствовались?

— Нѣтъ... и, коли позволите, я подчеркну изъ вашихъ показаній одно слово.

— Какое вамъ угодно...

— Вы сказали *барыня*... Стало быть, вы недовольны вашимъ положеніемъ?

— Конечно... это удивляетъ васъ?

— Нѣтъ; но зачѣмъ же вы остаетесь въ немъ?

— Зачѣмъ?... всѣ мужчины—на одинъ покрой.

— То-есть?

— Фразы и фразы. Я знаю, чтò у васъ на губахъ.

— Чтò же?

— Постыдно прозябать въ такой роли... Служить барской скукѣ, превращаться въ рабу, по доброй волѣ, за нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ, когда можно работать и мозгомъ... нынѣшніе проповѣдники не говорятъ головой, а все мозгомъ... такъ мозгомъ и руками... вотъ чтò у васъ было на губахъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ совершенно ужь серьёзно Крутицынъ.

— Это, это...

— Нѣтъ, повторяю вамъ... Не всѣ мужчины проповѣдуютъ, когда ихъ объ этомъ не просятъ. Я бы вамъ ничего подобнаго не сказалъ; но...

— Кончили бы все-таки нотаціей.

— Еслибъ я имѣлъ на это какое нибудь право, я постарался бы указать вамъ, какъ вамъ выйти изъ ненавистнаго положенія... вотъ и все.

— Ненавистное положеніе! это все слишкомъ отзывается чѣмъ-то... мелодраматическимъ... Мнѣ, конечно, не особенно

весело, но жить можно... есть даже довольно много свободы... Напримѣръ, выѣзжать я вовсе не обязана.

— Стало-быть, вы любите свѣтъ?

— Да, люблю не людей, а именно свѣтъ, то-есть освѣщеніе, туалеты — чужіе, своихъ у меня нѣтъ, — блескъ, музыку... театръ... особенно театръ!

Глаза у ней разгорѣлись.

— Стало-быть, помирились со своей долей?

— Кто же вамъ говоритъ, что помирилась. Ни мало... Но я работать не люблю. Объявляю объ этомъ съ полной откровенностью и даже, если хотите, синизмомъ... Читать—да... но учить дѣтей, шить, переписывать, все это не по мнѣ. Стало-быть, я беру то, что̀ даетъ кусокъ хлѣба и средства ждать...

— Чего?

Она престранно улыбнулась и медленнѣе проговорила:

— Я суевѣрна... или лучше сказать, я вѣрю въ судьбу... За свою я не боюсь... Я должна кончить такъ, какъ я желаю кончить.

— Можно спросить, какъ?

— Я бы отвѣтила, но у меня еще все это не выяснилось.

— Что «это»?

— А моя судьба-то: или... роль, карьера...

— Даже карьера?

— Да... Меня къ чему-то тянетъ и не больше, какъ черезъ годъ, я найду дорогу...

— Безъ труда?

— Безъ такого труда, который мнѣ противенъ...

Она остановилась и взглянувши на Крутицына своими красивыми и смѣлыми глазами, продолжала:

— Вы подумаете, что я рисуюсь и больше ничего... Нѣтъ, вы не такой, я это сейчасъ разобрала... Оттого такъ и разболталась съ вами... Видите... ныть и драпироваться въ свое положеніе я терпѣть не могу... Я и словъ-то этихъ: страданіе, гражданскій протестъ, униженіе... и проч. и проч. не могу употреблять... меня просто отъ нихъ тошнитъ... Но я бы хотѣла вотъ теперь заняться одной вещью... а она требуетъ денегъ, а оныхъ денегъ у меня нѣтъ...

— Какой же?

— Учиться въ консерваторіи.

— Что же это стоитъ?

— Сто рублей, а я получаю жалованья триста, и должна быть прилично одѣта... Я ужъ начинаю копить и черезъ годъ начну...

— Учиться музыкѣ?

— Нѣтъ... я брянчу... но у меня вовсе не то въ головѣ... Я пѣть хочу учиться.

Крутицынъ давно уже вслушивался въ необыкновенно полный, звучный и ласкающій тембръ ея низкаго, контральтоваго голоса.

— Въ добрый часъ! вскричалъ онъ.—Вотъ видите: я оставляю въ покоѣ мозги и руки...

— Но пѣніе... Это, какъ бы вамъ сказать, не все... Концерты... стоять на эстрадѣ со сверткомъ нотъ... такъ это сухо и глупо...

— Знаете что̀, перебилъ ее Крутицынъ, оглядывая ее съ ногъ до головы, такъ что она выпрямилась: — вамъ надо на сцену!

— Почему вы такъ это рѣшили?

— Я не театралъ, но я еще не помню, чтобы, въ жизни своей, встрѣчалъ женщину, или дѣвушку, которая бы такъ просилась на подмостки, какъ вы.

— Будто-бы?

— По всему: по голосу, по тону, по фигурѣ, по значительности мины, по...

— Довольно и этого...

Она ласкова взглянула на Крутицына и протянула ему руку. Онъ пожалъ.

— Благодарю васъ... вотъ утѣшили... У меня къ сценѣ большая страсть. Только гдѣ же попробовать себя... Я былодумала, одно время, поступить экстерной въ театральное училище, да кто тамъ учитъ... голоса я тамъ не разовью...

— А у васъ большой голосъ?

— Кажется...

— Какой бы онъ ни былъ, заговорилъ съ убѣжденіемъ Крутицынъ: — большой или маленькій, все равно, вамъ надо на подмостки...

— Да, но какъ-нибудь, на авось, я не хочу... Я готова поучиться, и идти потомъ по прямой дорогѣ къ успѣху... По моему, театръ — единственное мѣсто, гдѣ женщина царитъ...

— А вамъ хочется царить?

— Хочется... На сценѣ она не только равна мужчинѣ, но гораздо выше его... Безъ нея нѣтъ интереса, нѣтъ граціи... публика холодна...

— Такъ, такъ... вы правы. На сценѣ женскій трудъ не нуждается въ мужской поддержкѣ... Тамъ сама женщина — существо полноправное...

— Я это и говорю... И вмѣсто того, чтобы кидаться Богъ-

знаетъ на что, выдумывать вздорныя занятія, корпѣть, биться какъ рыба объ ледъ и, все-таки безъ толку—не лучше ли прямо завоевать себя мѣсто тамъ, гдѣ всѣ таланты...

— И даже всѣ недостатки, подсказалъ Крутицынъ.

— Ну да, но и недостатки даютъ такой прекрасный процентъ!

— Вы, я вижу практикъ.

— Если хотите, да...

Она перевела духъ и добавила медленно:

— Глупо насиловать себя во имя идей тому, кто до нихъ не доросъ...

Крутицынъ опять оглядѣлъ ее.

— Что̀ вы такъ на меня смотрите? спросила она. — Или я говорю глупости?

— О, нѣтъ! но гдѣ вы набрались такой житейской мудрости?

— Ахъ Боже мой! Какъ будто только въ книжкахъ ее вычитываютъ... жила... этого довольно.

— Но я желалъ бы знать, какъ вы развивались?

— Вижу, что вы любите нынѣшніе разговоры съ дѣвицами... насчетъ развитія?

Она заставила его почти покраснѣть.

— Любилъ прежде, сознался онъ.

— Да и теперь, я вижу, не прочь поэкзаменовать немножко... Извольте, я вамъ скажу, въ двухъ словахъ, все мое прошедшее: училась въ институтѣ...

— Не можетъ быть! вскричалъ Крутицынъ: — вы — бывшая институтка?

— Да, институтка, что-жь тутъ ужаснаго?... Увѣряю васъ, что и студенты, какъ и мы грѣшныя, ничего порядочно не знаютъ... думала, по выходѣ, жить въ свое удовольствіе, въ семьѣ...

— На даровыхъ хлѣбахъ...

— Да. А вмѣсто того осталась круглой сиротой и безъ всякаго прилагательнаго... Вотъ и пришлось быть demoiselle de compagnie.

— И сколько лѣтъ ведете вы такую жизнь?

— Четвертый годъ... Мнѣ двадцать-второй пошелъ... Надо кончить съ этой лямкой.

И она, какъ будто, задумалась.

— Какъ мнѣ жаль, началъ Крутицынъ, опустивши голову:— что я такъ мало смыслю въ вопросѣ сценическаго образованія, и уже конечно не пущусь давать вамъ рѣшительные совѣты; но вотъ, что мнѣ кажется...

— Что это? говорите...

— Вамъ надо, прежде всего, выработать изъ себя актрису, даже если вы и съ огромнымъ голосомъ; а въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, учиться негдѣ.

— Въ томъ-то и дѣло!...

— Дать вамъ выправку жеста, мимики, и въ особенности дикціи, тона могутъ только французы...

— Гдѣ, въ Парижѣ?

— Да, въ Парижѣ...

— Какъ туда попадешь... вы живали тамъ?

— Живалъ.

— Что̀-жь тамъ есть по этой части?

— Многое, сколько мнѣ приводилось слышать... вопервыхъ, консерваторія декламаціи.

— А какъ въ нее поступить иностранкѣ... да и гдѣ взять средства?

— Во Франціи учатъ даромъ и нѣтъ различія между своими и чужими... Есть частные профессора...

— Ахъ, какъ бы хорошо!... Но легко сказать Парижъ... Попасть-то туда, пожалуй, не такъ трудно, но какъ прожить?... вѣдь надо остаться два-три года.

— Года два...

— Во всякомъ случаѣ это прекрасный совѣтъ. Благодарю васъ.

Она еще разъ протянула ему руку.

— Скажите, спросила она тотчасъ же:—вѣдь выставка тамъ скоро начнется?

— Съ весны...

— А вы собираетесь?

— Я ѣду завтра въ Парижъ.

— Не можетъ быть!... И на долго?

— На все время выставки... вѣроятно пробуду цѣлый годъ...

— Знаете... мы, можетъ быть, встрѣтимся...

— Былъ бы очень радъ...

Она отвѣтила на его улыбку суховатымъ, но вызывающимъ взглядомъ и приподнялась.

— Куда вы? вырвалось у Крутицына.

— А вонъ видите барыня моя дѣлаетъ мнѣ знакъ... ей меня нужно...

Она подошла къ старушкѣ съ буклями. Та ей что-то сказала на ухо, послѣ чего она направилась въ залу. Ея походка еще болѣе убѣждала Крутицына, что ей слѣдуетъ на сцену...

«Что̀ за эфектная и бойкая особа», думалъ онъ: «и карьеру такъ или иначе сдѣлаетъ».

Не замѣчая того, онъ все продолжалъ смотрѣть въ сторону залы, дожидаясь ея возвращенія.

— Monsieur! окликнулъ его кто-то.

Онъ обернулся... Предъ нимъ стоялъ офицерикъ въ уланкѣ.

— Хотите играть въ secrétaire?

Крутицынъ отказался. Молодое общество разсѣлось у стола. Онъ остался одинъ и все глядѣлъ на дверь въ залу. Вотъ показалась опять бѣлая фигура съ золотымъ пукомъ локоновъ.

— Какъ однако она хороша! почти вслухъ сказалъ Крутицынъ и всталъ.

Доложивши о чемъ-то старушкѣ, она вернулась къ дивану.

— Играютъ въ secrétaire, сказалъ ей Крутицынъ:—вы будете?

— Разумѣется, я должна дѣлать, что̀ другіе дѣлаютъ... а то какая же бы я была дѣвица для компаніи?

Она взяла съ дивана вѣеръ и, памахивая имъ, добавила:

— Вы конечно не будете играть...

— Вамъ угодно, чтобы...

— Вотъ этого я отъ васъ не ожидала... Зачѣмъ же это вамъ съ ребятишками коротать скуку...

Крутицынъ опять почувствовалъ стѣсненіе.

— Я съ вами не прощаюсь, поспѣшилъ онъ заговорить другимъ тономъ:—мнѣ что-то сдается, что мы дѣйствительно встрѣтимся...

— Знаете, у меня сложился цѣлый планъ.

— Когда же это?

— А вотъ когда я ходила справляться, пріѣхалъ ли возокъ.

— Такъ быстро?

— И очень хорошій...

— Стало быть, до свиданія, вымолвилъ съ удареніемъ Крутицынъ, протягивая ей обѣ руки:—да позвольте узнать, какъ васъ зовутъ?...

— Зачѣмъ это?

— Мы встрѣтимся... и я не буду знать, какъ васъ привѣтствовать; мнѣ всегда пріятнѣе, когда я знаю имя и отчество.

— Имя мое ужасное... Аксинья.

— Быть не можетъ!

— Ей-Богу, Аксинья... если хотите, поэтически: Ксенія...

— Прекрасное имя... Ксенія... а дальше...

— Николавна... И довольно. Этого очень достаточно... а вашего имени я не спрашиваю... Мнѣ скажутъ; вы, вѣроятно, писатель, вѣдь да?

— О, нѣтъ! Я просто химикъ...

— Химикъ... Какъ это странно... съ вашей наружностью...

— А развѣ она не подходящая?

— Къ химіи — нѣтъ... Вы смотрите какимъ-то испанцемъ...

«Такъ и есть», подумалъ Крутицынъ, «точно сговорились съ тетушкой».

— Mademoiselle! подлетѣлъ все тотъ же уланъ:—угодно въ secrétaire?

— Угодно, отвѣтила она, и низко нагнула голову, кланяясь, въ послѣдній разъ, Крутицыну.

Онъ скрылся, не прощаясь съ хозяйкой и на порогѣ залы еще разъ взглянулъ на пучокъ золотыхъ локоновъ и античный носъ Ксеніи Николаевны.

Въ «Челышахъ» Крутицынъ не могъ долго оторваться душой отъ «дѣвицы для компаніи», но кончилъ тѣмъ, что разсмѣялся надъ самимъ собой и обозвалъ себя «ферлакуромъ» и «пошлякомъ».

«Все это у меня гнилой диллентантизмъ», рѣшилъ онъ. «Всякую дѣвчонку беру въ серьёзъ. Докторъ Швецовъ сугубо правъ, и не такъ еще слѣдовало бы еще ругать меня! Смазливая рожица — я и растаялъ. На сцену она пускай поступаетъ, но не на одну сцену ей хочется: быть ей на содержаніи у какого-нибудь валашскаго бояра въ Парижѣ, или у концессіонера желѣзной дороги въ Петербургѣ».

Но величавый и ласкающій образъ снился ему всю ночь, въ греческомъ пеплумѣ, съ діадемой на головѣ, съ античными руками, съ вызывающимъ и горделивымъ взглядомъ...

XIV.

«Мягкотѣліе» проводилъ Крутицына на дебаркадеръ николаевской дороги.

— Терапія укатила третьяго дня, вы ее ужь не захватите въ Питерѣ, говорилъ онъ, стоя на платформѣ передъ вагономъ, куда поднялся Крутицынъ.

— Ѣдете на вакацію, юноша?

Турусовъ ухмыльнулся.

— Нѣтъ, остаюсь.

— Или Сонечка?..

— Дѣло, значитъ, пошло по душѣ... А терапія-то вѣдь ни съ чѣмъ отъѣхала въ маскарадѣ... Она не мало надъ нимъ потѣшалась...

— Такъ, на всю вакацію и пойдутъ амуры?

— Что это вы, ей-же-ей, я работать буду еще пуще, а знаете, Александръ Павлычъ, бабенка-то она душевная... и безъ всякаго призора...

— То-то... смотрите, чтобы хватило на заграничную поѣздку...

— Еще-бы! Вы не подумайте, чтобъ у ней, то-есть, жадность насчетъ денегъ была... Ни боже мой!.. Даже презентика никакого не беретъ...

— А акушерство?

— Ходитъ въ воспитательный домъ каждый день...

Раздался третій звонокъ.

— Прощайте, Александръ Павлычъ! крикнулъ Турусовъ, поднимаясь на ступеньки облобызаться съ Крутицынымъ:— не напишите ли писулечку? Какъ бы утѣшили! Вамъ, значитъ, Парижъ, посте-рестанте...

— Да, рестанте!

И Крутицынъ невольно разсмѣялся.

Поѣздъ двинулся, скобля колесами по мерзлымъ рельсамъ. Окно, у котораго сѣлъ Крутицынъ, на половину замерзло. Видны были только: обликъ широкой фигуры Турусова и то, какъ рука махала шапкой.

Когда Крутицынъ садился въ вагонъ на дальній путь, имъ тотчасъ же овладѣвала непробудная молчаливость. Онъ курилъ съ небольшими промежутками, и, если спалось, спалъ. Чтеніе утомляло его, и только въ началѣ дороги онъ пробѣгалъ газеты. До самаго Петербурга онъ не проронилъ больше пяти словъ. Остановился онъ въ какой-то безвѣстной гостиницѣ, по близости варшавской станціи, и такое уныніе навела на него петербургская оттепель, что онъ не дождавшись курьерскаго поѣзда, взялъ другой, отправляющійся послѣ обѣда и приходящій на границу ночью.

Къ границѣ, въ поѣздѣ сдѣлалась совершенная пустота. Кондукторъ пришелъ-было составить ему компанію, но бесѣда оборвалась. Въ отдѣленіи вагона Крутицынъ сидѣлъ одинъ-одинёшенекъ, и глядя въ отпотѣвшія окна, силился проникать въ мракъ кислой ночи... Телеграфные столбы мелькали, наводя особую желѣзно-дорожную одеревенѣлость.

«Вотъ и граница», думалъ Крутицынъ, когда поѣздъ миновалъ «Пильвишки» и «Провенишки» — двѣ станціи, которымъ судьба дала такія смѣхотворныя прозвища: «еще одинъ жизненный ломоть отрѣзанъ; а съ какими итогами ѣду я?»

Онъ подвелъ ихъ, эти *итоги*, превращающіеся тотчасъ же

въ ряды суммъ для новыхъ и новыхъ итоговъ. Всѣхъ онъ видѣлъ, къ кому былъ привязанъ... Тетушку, Парашу... поставилъ крестъ на своей прошлой семейной жизни, вычеркнулъ ее затѣмъ, чтобы помириться безвозвратно...

«Но гдѣ же пуповина?» спрашивалъ онъ, вспоминая интонацію Швецова. «Какія зацѣпки, связи, крупные интересы? Кому я нуженъ? Гдѣ сила и вліяніе?»

Отъ этихъ вопросовъ стало ему холодно и уныло на душѣ.

«Приходится начинать опять съизнова», говорилъ онъ съ горечью, «точно первому попавшемуся студентику, — мягкотѣлому Турусову. Да и онъ, если поѣдетъ за границу, двинется полный.надеждъ и иллюзій, для рѣшенья вопроса: Гамлетъ онъ или Кёлликеръ? Для него будущее — все и можно кинуть въ какой угодно опытъ хоть цѣлый десятокъ лѣтъ. А мнѣ? Пройдетъ годъ, кончится выставка, и ступай опять на перепутье, и «взыскуй грядущаго града»... Гдѣ люди, за которыхъ могу я ухватиться, съ которыми пойду рука объ руку, къ одной высокой цѣли, сильный ихъ круговой порукой, сочувственной и осмысленной солидарностью? Ихъ нѣтъ. Случайныя знакомства, два-три пріятеля, разсыпанные по разнымъ угламъ матушки-Руси, нѣсколько студентовъ, бывшихъ учениковъ — неизвѣстно гдѣ... двѣ женщины... и обчелся. Среды нѣтъ, нѣтъ»...

Все унылѣе и холоднѣе становилось у Крутицына на душѣ. Поѣздъ сталъ. У фонаря виднѣлась укутанная фигура и сквозь полуотворенную дверь доносилось выкрикиваніе ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Вирболэ-э! Эдкунэ-э!

Крутицынъ отдалъ свой паспортъ; но сѣвъ опять на мѣсто, не могъ оторваться отъ нервной думы...

«И зачѣмъ я отдаюсь всякимъ вздорнымъ впечатлѣніямъ? Вотъ хоть бы эта дѣвица... съ желаньемъ сдѣлать карьеру на сценѣ... Неужели я еще способенъ откликаться на такой пустякъ?»...

Онъ не отвѣтилъ на вопросъ. Опять остановился поѣздъ. Вагонъ обдало свѣтомъ дебаркадера. Заслышался нѣмецкій говоръ. Крутицынъ вышелъ на платформу, посмотрѣлъ скучно на каску прусскаго жандарма и поплелся за служителемъ, который несъ его сакъ въ таможню. У окошечка въ сѣняхъ размѣнялъ онъ свои бумажки на талеры, и управившись съ таможенными пошелъ въ залу ужинать. Былъ часъ первый ночи. Зала, еле освѣщенная, казалась еще внушительнѣе со своими готическими линіями и украшеніями. У буфета за столомъ си-

дѣло нѣсколько желѣзнодорожныхъ чиновниковъ и капитанъ съ трубкой. Всѣ они пили пиво и то и дѣло хохотали.

«Экъ ихъ пронимаетъ!» разсердился Крутицынъ, глядя на ихъ грубыя, красныя лица, подъ хмѣлькомъ.

Два кёльнера, одинъ бѣлый, другой черный, расхаживали, позѣвывая въ руку, между столами. Крутицынъ заказалъ черному «Schmorbraten mit Kartoffel», и помѣстился скромненько на углу стола. Противъ него сидѣлъ уже пассажиръ, ѣхавшій одинъ въ первомъ классѣ, въ енотовой шубѣ съ рыжей бородой.

— Куда ѣдете? спросилъ онъ понѣмецки Крутицына.

— Въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

Крутицынъ объяснилъ ему весьма кратко цѣль своей поѣздки.

— Вы русскій?

— Русскій.

— Почему же вы такъ хорошо говорите понѣмецки?

И это объяснилъ ему Крутицынъ и получилъ отъ него въ награду обстоятельныя показанія. Узналъ онъ, что енотовая шуба—временный выборгскій купецъ, родомъ изъ Тильзита, что ѣдетъ онъ въ Кёнигсбергъ и торгуетъ пенькой и тряпьемъ, а также свѣжей икрой.

Пришелъ русскій кондукторъ, подсѣлъ къ нѣмцамъ и сталъ съ ними болтать, выпивши предварительно большую рюмку коньяку. Минутъ черезъ десять явился за нимъ русскій «унтеръ», въ сѣрой шинелѣ съ тесакомъ черезъ плечо, на широкомъ ремнѣ, видимо изъ евреевъ, съ черными бакенбардами, выпилъ у буфета тоже рюмку чего-то и махая рукой звалъ кондуктора и еще какого-то нѣмца.

— Иванъ Христьяновичъ! Пожалуйте... Ценъ минутенъ оуфъ ейнсъ!..

Разошлись нѣмцы. Буфетъ погрузился въ мракъ. Кельнеры захрапѣли. Крутицынъ присѣлъ на диванъ. Его всего разломило, лицо горѣло и чесалось, глаза томительно слипались. Но онъ то и дѣло вздрагивалъ и поднималъ голову...

Раздался свистъ. Поползъ онъ въ новый вагонъ, сунулъ въ руку кондуктора талеръ и залегъ одинъ въ купѐ... Но ему все-таки не спалось отъ дорожнаго раздраженія.

«Еще двое сутокъ ѣзды!.. Что за нелѣпость таскаться по желѣзнымъ дорогамъ!»

Это восклицаніе, сдѣланное про себя, заставило его улыб-

нуться. Онъ вспомнилъ, что ѣдетъ не отъ скуки и бездѣлья, не на чужія деньги, а за «собственную работу». И сознаніе своего «пролетаріата», своей «поденщины» пахнуло на него особой отрадой.

«Ну, и пускай не будетъ града», повторялъ онъ, глядя на зеленый абажуръ выпуклаго фонаря: «только бы остались голова и руки и къ нимъ приливалъ трудъ... И живи, пока живется!».

Поѣздъ пошелъ ходче. Миновали Кёнигсбергъ. Крутицынъ задремалъ-было, но его разбудилъ картавый прусскій крикъ:

— Kobbelbude. Eine minute, Bitte einsteigen... Meine Herrn!..

И опять загудѣлъ паровозъ...

Петръ Боборыкинъ.

ДѢДУШКА.

(Посвящается З-н-ч-ѣ).

I.

Разъ у отца, въ кабинетѣ,
Саша портретъ увидалъ,
Изображенъ на портретѣ
Былъ молодой генералъ.
«Кто это?» спрашивалъ Саша,
«Кто»?... —Это дѣдушка твой. —
И отвернулся папаша,
Низко поникъ головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова въ отвѣтъ.
Внукъ передъ дѣдушкой стоя
Зорко глядитъ на портретъ:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умеръ онъ... живъ? говори!»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
«То-то... ты скажешь, смотри!...»

II.

«Дѣдушку знаешь, мамаша?»
Матери сынъ говоритъ.
«Знаю», — и за руку Саша
Маму къ портрету тащитъ,

Мама идетъ противъ воли:
«Ты мнѣ скажи про него,
Мама! не добрый онъ, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сдѣлай
Милость, скажи что-нибудь!»
— Нѣтъ, онъ и доброй и смѣлой,
Только несчастный. — На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхаетъ, дрожитъ —
И зарыдала... А Саша
Зорко на дѣда глядитъ:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдемъ-ка гулять...

III.

Въ домѣ тревога большая.
Счастливы, свѣтлы лицомъ,
Заново домъ убирая,
Шепчутся мама съ отцомъ.
Какъ весела ихъ бесѣда!
Сынъ подмѣчаетъ, молчитъ.
— Скоро увидишь ты дѣда!
Сашѣ отецъ говоритъ...
Дѣдушкой только и бредитъ
Саша, — не можетъ уснуть:
«Что же онъ долго не ѣдетъ?...»
— Другъ мой! Далекъ ему путь!
Саша тоскливо вздыхаетъ,
Думаетъ: «Что за отвѣтъ!»
Вотъ, наконецъ, пріѣзжаетъ
Долго ожиданный дѣдъ.

IV.

Всѣ, ужь давно поджидая,
Встрѣтили стараго вдругъ...
Благословилъ онъ, рыдая,

Домъ и семейство, и слугъ,
Пыль отряхнулъ у порога,
Съ шеи торжественно снялъ
Образъ распятаго Бога
И перекрестившись сказалъ:
«Днесь я со всѣмъ примирился,
Что̀ потерпѣлъ на вѣку!»...
Сынъ предъ отцомъ преклонился,
Ноги омылъ старику;
Бѣлыя кудри чесала
Дѣдушкѣ Сашина мать,
Гладила ихъ, цаловала,
Сашу звала цаловать.
Правой рукою мамашу
Дѣдъ обхватилъ, а другой
Гладилъ румянаго Сашу:
— Экой красавчикъ какой!
Дѣдушку пристальнымъ взглядомъ
Саша разсматривалъ, — вдругъ
Слезы у мальчика градомъ
Хлынули, къ дѣдушкѣ внукъ
Кинулся: «Дѣдушка! гдѣ ты
Жилъ-пропадалъ столько лѣтъ?
Гдѣ же твои эполеты,
Что не въ мундиръ ты одѣтъ?
Что̀ на ногѣ ты скрываешь?
Ранена что ли рука?...»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцалуй старика!...

V.

Повеселѣлъ, оживился,
Радостью дышетъ весь домъ.
Съ дѣдушкой Саша сдружился,
Вѣчно гуляютъ вдвоемъ.
Ходятъ лугами, лѣсами,
Рвутъ васильки среди нивъ,
Дѣдушка древенъ годами,
Но еще бодръ и красивъ;
Зубы у дѣдушки цѣлы,
Поступь, осанка тверда,

Кудри пушисты и бѣлы,
Какъ серебро борода;
Строенъ, высокаго роста,
Но какъ младенецъ глядитъ,
Какъ-то апостольски-просто,
Ровно всегда говоритъ...

VI.

Выйдутъ на берегъ покатой
Къ русской великой рѣкѣ —
Свищетъ куликъ вороватой,
Тысячи лапъ на пескѣ;
Барку ведутъ бичевою,
Чу, бурлаковъ голоса!
Ровная гладь за рѣкою —
Нивы, покосы, лѣса.
Легкой прохладою дуетъ
Съ медленныхъ, дремлющихъ водъ...
Дѣдушка землю цалуетъ,
Плачетъ — и тихо поетъ...
«Дѣдушка! что ты роняешь
Крупныя слезы, какъ градъ?...»
— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я радъ...

VII.

— Радъ я, что вижу картину
Милую съ дѣтства глазамъ.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее самъ!
Двѣ-три усадьбы дворянскихъ,
Двадцать господнихъ церквей,
Сто деревенекъ крестьянскихъ
Какъ на ладони на ней!
У лѣсу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Пѣсенка гдѣ-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропотъ: «подайте же руку

Бѣднымъ крестьянамъ скорѣй!»
Тысячелѣтнюю муку,
Саша, ты слышишь-ли въ ней?...
Надо, чтобъ были здоровы
Овцы и лошади ихъ,
Надо, чтобъ были коровы
Толще московскихъ купчихъ, —
Будетъ и въ пѣснѣ отрада,
Вмѣсто унынья и мукъ.
Надо-ли? — «Дѣдушка! надо!»
— То-то! попомни-же, внукъ!..

VIII.

Озими пышному всходу,
Каждому цвѣтику радъ,
Дѣдушка хвалитъ природу,
Гладитъ крестьянскихъ ребятъ.
Первое дѣло у дѣда
Потолковать съ мужикомъ,
Тянется долго бесѣда,
Дѣдушка скажетъ потомъ:
«Скоро вамъ будетъ не трудно,
Будете вольный народъ!»
И улыбнется такъ чудно,
Радостью весь расцвѣтетъ.
Радость его раздѣляя,
Прыгало сердце у всѣхъ.
То-то улыбка святая!
То-то плѣнительный смѣхъ!

IX.

— Скоро дадутъ имъ свободу,
Внуку старикъ замѣчалъ:
— Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ —

Ѣдутъ туда комисары,
Глядь — ужь деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро.
Ужь запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Вновь черезъ годъ побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы;
Гуси кричатъ, поросята
Тычутъ въ корыто носы...

X.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ —
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!
Сколько тамъ, Саша, свиней,
Передъ селеніемъ бѣло
На полверсты отъ гусей;
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка —
Изъ соболей воротникъ!

XI.

Дѣти до возраста въ нѣгѣ,
Конь хоть сейчасъ на заводъ,
Въ кованой, прочной телегѣ

Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужь за то и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока,
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ-жь та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь, за Байкаломъ...
Такъ-то, голубчикъ ты мой,
Ты еще въ возрастѣ маломъ,
Вспомнишь, какъ будешь большой...

XII.

— Ну — а покуда подумай
То ли ты видишь кругомъ?
Вотъ онъ, нашъ пахарь угрюмой,
Съ темнымъ, убитымъ лицомъ:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянетъ косулю клячонка,
Съ голоду еле жива!
Голоденъ труженикъ вѣчный,
Голоденъ тоже, божусь!
— «Эй! отдохни-ка, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянулъ крестьянинъ съ испугомъ,
Барину плугъ уступилъ,
Дѣдушка долго за плугомъ,
Потъ отирая, ходилъ;
Саша за нимъ торопился,
Не успѣвалъ догонять:
«Дѣдушка! гдѣ научился
Ты такъ отлично пахать?
Точно мужикъ управляешь
Плугомъ, а былъ генералъ!»

— Выростешь, Саша, узнаешь
Какъ я работникомъ сталъ!

XIII.

— Зрѣлище бѣдствій народныхъ
Невыносимо, мой другъ;
Счастье умовъ благородныхъ
Видѣть довольство вокругъ.
Нынче полегче народу:
Стихъ, притаился въ тѣни
Баринъ, прослышавъ свободу...
Ну, а какъ въ наши-то дни!
. . . .
Словно какъ омутъ усадьбу
Каждый мужикъ объѣзжалъ.
Помню ужасную свадьбу,
Попъ уже кольца мѣнялъ,
Да на бѣду помолиться
Въ церковь помѣщикъ зашелъ:
«Кто имъ позволилъ жениться?»
«Стой!...» и къ попу подошелъ...
Остановилось вѣнчанье!
Съ бариномъ шутка плоха —
Отдалъ наглецъ приказанье
Въ рекруты сдать жениха,
Въ дѣвичью—бѣдную Грушу!
И не перечилъ никто!...
Кто же имѣющій душу
Могъ это вынести?... кто?...

XIV.

— Впрочемъ, не то еще было!
И не одни господа,
Сокъ изъ народа давила
Подлыхъ подъячихъ орда.
Что ни чиновникъ — стяжатель,
Съ цѣлью добычи въ походъ
Вышелъ... а кто непріятель?
Войск казна и народъ!

Всѣмъ доставалось исправно.
Стачка, порука кругомъ:
Смѣлые грабили явно,
Трусы тащили тайкомъ.
Непроницаемой ночи
Мракъ надъ страною висѣлъ...
Видѣлъ — имѣющій очи,
И за отчизну болѣлъ.
Стоны рабовъ заглушая
Лестью да свистомъ бичей,
Хищниковъ алчная стая
Гибель готовила ей...

XV.

Солнце не вѣчно сіяетъ,
Счастье не вѣчно везетъ:
Каждой странѣ наступаетъ
Рано иль поздно чередъ,
Гдѣ не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянетъ бѣда роковая —
Скажется мигомъ страна.
Единодушье и разумъ
Всюду дадутъ торжество,
Да не придутъ они разомъ,
Вдругъ не создашь ничего, —
Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! Народъ угнетенной
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ разоренной!
Горе странѣ отсталой!...
Войско одно — не защита.
Да вѣдь и войско, дитя,
Было въ то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...

XVI.

Дѣдушка кстати солдата
Встрѣтилъ, виномъ угостилъ,
Поцаловавши, какъ брата,
Ласково съ нимъ говорилъ:
«Ныньче вамъ служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а какъ въ наше-то время!
Что ни начальникъ, то звѣрь!
Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда.
Какъ ни трудись, недостатки
Сыщетъ начальникъ всегда:
«Есть въ маршировкѣ старанье,
Стойка исправна совсѣмъ,
Только замѣтно дыханье...»
Слышишь ли?... дышутъ зачѣмъ!

XVII.

А недоволенъ парадомъ,
Ругань польется рѣкой,
Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй!
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе прiищетъ
Остервенившiйся волкъ:
«Франтики! подлыя души!
Подъ карауломъ сгною!»
Слушалъ—имѣющiй уши,
Думушку думалъ свою.
Брань пострашнѣй караула,
Пуль и картечи страшнѣй...
Кто же, въ комъ честь не уснула,
Кто примирился бы съ ней?...
«Дѣдушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»

— Выростешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...

XVIII.

Дѣдъ замолчалъ и уныло
Голову свѣсилъ на грудь.
— Мало ли, другъ мой, что было!...
Лучше пойдемъ отдохнуть.
Отдыхъ недологъ у дѣда —
Жить онъ не могъ безъ труда:
Гряды копалъ до обѣда,
Переплеталъ иногда;
Вечеромъ шиломъ, иголкой
Что нибудь бойко тачалъ,
Пѣсней печальной и долгой
Дѣдушка трудъ сокращалъ.
Внукъ не проронитъ ни звука,
Не отойдетъ отъ стола:
Новой загадкой для внука
Дѣдова пѣсня была...

XIX.

Пѣлъ онъ о славномъ походѣ
И о великой борьбѣ,
Пѣлъ о свободномъ народѣ
И о народѣ-рабѣ.
Пѣлъ о пустыняхъ безлюдныхъ
И о желѣзныхъ цѣпяхъ;
Пѣлъ о красавицахъ чудныхъ
Съ ангельской лаской въ очахъ.
Пѣлъ онъ объ ихъ увяданьи
Въ дикой, далекой глуши
И о чудесномъ вліяньи
Любящей женской души...
О Т——ой и В——ой
Дѣдушка пѣлъ — и вздыхалъ,
Пѣлъ — и тоской вавилонской
Келью свою оглашалъ...
«Дѣдушка, дальше!... А гдѣ ты

Пѣсенку вызналъ свою?
Ты повтори мнѣ куплеты —
Я ихъ мамашѣ спою.
Тѣ имена поминаешь
Ты иногда по ночамъ...»
— Выростешь, Саша, узнаешь —
Все разскажу тебѣ самъ:
Гдѣ научился я пѣнью,
Съ кѣмъ и когда я пѣвалъ...
«Ну! пріучусь я къ терпѣнью!»
Саша уныло сказалъ...

XX.

Часто каталися лѣтомъ
Наши друзья въ челнокѣ.
Съ громкимъ, веселымъ привѣтомъ
Дѣдъ приближался къ рѣкѣ:
— Здравствуй, красавица Волга!
Съ дѣтства тебя я любилъ. —
«Гдѣ жь пропадалъ ты такъ долго?»
Саша не смѣло спросилъ.
— Былъ я далеко, далеко...
«Гдѣ же?...» Задумался дѣдъ,
Мальчикъ вздыхаетъ глубоко,
Вѣчный предвидя отвѣтъ.
«Что жь, хорошо ли тамъ было?»
Дѣдъ на ребенка глядитъ:
— Лучше не спрашивай, милой!
(Голосъ у дѣда дрожитъ):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчикъ мой, трудно!
По году вѣсточки ждешь,
Видишь, какъ тратятся силы —
Лучшіе Божьи дары,
Близкимъ копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
«Что жь ты тамъ, дѣдушка, жилъ?...»
— Выростешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронилъ...

XXI.

«Господи! слушать наскучитъ!
Выростешь! мать говоритъ,
Папочка любитъ, а мучитъ:
Выростешь — то же твердитъ!
То же и дѣдушка... Полно!
Я уже выросъ — смотри!...»
(Сталъ на скамеечку чолна)
«Лучше теперь говори!...»
Дѣда цалуетъ и гладитъ:
«Или вы всѣ заодно?...»
Дѣдушка съ сердцемъ не сладитъ,
Бьется, какъ голубь оно.
«Дѣдушка, слышишь? хочу я
Все непремѣнно узнать!»
Дѣдушка, внука цалуя,
Шепчетъ: — Тебѣ не понять,
Надо учиться, мой милой!
Все разскажу, погоди!
Пособерись-ка ты съ силой,
Зорче кругомъ погляди.
Умникъ ты, Саша, а все же
Надо исторію знать
И географію тоже. —
«Долго ли, дѣдушка, ждать?»
— Годикъ, другой, какъ случится. —
Саша къ мамашѣ бѣжитъ:
«Мама! хочу я учиться!»
Издали громко кричитъ.

XXII.

Время проходитъ. Исправно
Учится мальчикъ всему —
Знаетъ исторію славно
(Лѣтъ уже десять ему),
Бойко на картѣ покажетъ
И Петербургъ и Читу,

Лучше большого разскажетъ
Многое въ русскомъ быту.
Глупыхъ и злыхъ ненавидитъ,
Бѣднымъ желаетъ добра,
Помнитъ, что̀ слышитъ и видитъ...
Дѣдъ примѣчаетъ: пора!
Самъ же онъ часто хвораетъ,
Сталъ ему нуженъ костыль...
Скоро ужь, скоро узнаетъ
Саша великую быль...

Н. Некрасовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОЛЬТЕРЪ-ЧЕЛОВѢКЪ И ВОЛЬТЕРЪ-МЫСЛИТЕЛЬ.

Романы и повѣсти Ф. М. Вольтера. Переводъ Н. Н. Дмитріева. Спб. 1870.
Voltaire: Sechs Vorträge von David Strauss. Leipzig. 1870.

Статья первая.

Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что издатель или переводчикъ повѣстей Вольтера не снабдилъ своей книги предисловіемъ. Въ этомъ отношеніи непремѣнно слѣдовало бы руководствоваться благимъ примѣромъ г. Бибикова, трудолюбиваго издателя «классическихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка», который, между прочимъ, готовитъ къ изданію, какъ видно изъ объявленій, и собраніе сочиненій Вольтера и, безъ сомнѣнія, постарается при этомъ случаѣ объяснить историческое значеніе «царя мысли» XVIII вѣка. Относительно Вольтера это нужнѣе, чѣмъ относительно кого-либо, и его повѣсти и романы отнюдь не могутъ подлежать въ этомъ отношеніи исключенію. По своей живой, впечатлительной, отзывчивой натурѣ, Вольтеръ не могъ служить такъ-называемому чистому искусству и запереться въ магическій кругъ «звуковъ сладкихъ и молитвъ». Въ формы повѣсти, философскаго трактата, трагедіи, полемической статьи онъ вливалъ всегда всего себя со всѣми волновавшими его въ данную минуту мыслями и чувствами, и потому его мнѣнія о различныхъ вопросахъ науки и жизни могутъ быть усмотрѣны изъ его бельлетристическихъ произведеній столь же наглядно ясно, какъ изъ «Traité de Métaphysique», изъ «Essai sur les Moeurs» или изъ статей «Философскаго Словаря». Мало того, онъ часто, какъ, напримѣръ, въ «Исторіи Женни», въ разсказѣ «Уши графа Честерфильда» и проч., прямо вставляетъ цѣлые научные и философскіе трактаты въ формѣ діалога. Спеціально эстетическому суду повѣсти и романы Вольтера не подлежатъ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы только кое-какія неважныя замѣчанія. Такъ, Штраусъ указываетъ, какъ на любимый пріемъ Вольтера, странствованія героевъ по самымъ разнообразнымъ государ-

ствамъ, народамъ («Свѣтъ, какъ онъ есть», «Исторія путешествій Скарментадо», «Похвальное слово разуму»), даже по разнымъ частямъ свѣта («Кандидъ», «Письма Амабеда», «Исторія Женни»), даже, наконецъ, по разнымъ мірамъ («Микромегасъ»). Но пріемъ этотъ, предоставляющій въ распоряженіе сатирика такую широкую канву, отнюдь не составляетъ какой-нибудь особенности Вольтера, потому что употреблялся и до него и послѣ него, и особенно въ сатирѣ. Можно замѣтить, вмѣстѣ съ Гэттнеромъ, что всѣ почти повѣсти Вольтера имѣютъ фантастическій характеръ, сюжетъ и краски заимствованы въ нихъ большею частью изъ восточныхъ сказокъ, вслѣдствіе чего нельзя искать въ нихъ характеровъ, типовъ. Исключеніе составляетъ только «Простодушный» (вѣрнѣе было бы перевести французское Ingénu русскимъ «дитя природы»). Но все это не важно. Форма у Вольтера всегда отступаетъ на задній планъ; это видно уже изъ того, что не найдется ни одной литературной формы, за которую бы онъ не брался, а между тѣмъ содержаніе онъ въ нихъ вкладывалъ всегда одно и то же. Не даромъ онъ самъ говорилъ, что въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, и онъ дѣйствительно всѣ, кромѣ скучнаго, и перепробовалъ. Важно то, что всѣ повѣсти и романы Вольтера, говоря нынѣшнимъ языкомъ, тенденціозны, и притомъ разработываютъ преимущественно вопросы философскіе и научные. Понятное дѣло, что эта тенденціозность не можетъ уже удовлетворить людей, пережившихъ и передумавшихъ со времени Вольтера такъ много. Многіе изъ вопросовъ, занимавшихъ Вольтера, не занимаютъ насъ вовсе, многіе рѣшаются съ совсѣмъ иной точки зрѣнія. Словомъ, вообще говоря, бельлетристическія произведенія, переведенныя г. Дмитріевымъ, имѣютъ для насъ только историческое значеніе. А между тѣмъ они такъ остроумны, такъ ловко сдѣланы, что могутъ внести нѣкоторую путаницу въ головы иныхъ читателей. Вотъ почему мы думаемъ, что предисловіе къ книгѣ г. Дмитріева было бы необходимо. Но оно было бы нужно еще въ виду и другихъ причинъ.

Относительное значеніе такъ-называемой литературы просвѣщенія и ея отдѣльныхъ представителей далеко не установлено. Историки философіи обыкновенно относятся свысока къ этой блестящей плеядѣ талантовъ, укоряя ихъ въ поверхностности, легкомысліи и недостаткѣ оригинальности. Если эти упреки и справедливы до извѣстной степени, то историки дѣлаютъ тѣмъ не менѣе непростительную ошибку, удѣляя такъ мало вниманія литературѣ просвѣщенія. Одинъ уважаемый русскій писатель справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Послѣдній блестящій рядъ философскихъ системъ въ Германіи возникъ на профессорскихъ каѳедрахъ и, представляясь безусловнымъ идеаломъ философскаго движенія всѣмъ историкамъ философіи, заставляетъ ихъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на всякое стремленіе

къ цѣльному міросозерцанію и послѣдовательной практикѣ жизни, несходное съ построеніями Канта, Фихте, Шеллинга или Гегеля. Подобныя стремленія даже вовсе исключаются изъ исторіи философіи. Такъ Куно Фишеръ отъ Лейбница перешелъ прямо къ Канту, едва коснувшись великаго движенія XVIII вѣка, охватившаго всю Европу, и даже для Френсиса Бэкона отвелъ *особое* мѣсто. Но исторія философіи очень суживаетъ свою область, ограничиваясь системами, созданными личностями, и скользя надъ міросозерцаніями, охватывающими цѣлые классы населенія, проявляющимися въ сотнѣ литературныхъ произведеній и проникающими въ самую жизнь общества (что̀ далеко не всегда бываетъ съ личными системами философовъ»). (Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ лабораторіи артиллерійской академіи, 90). Въ такомъ отношеніи къ литературѣ просвѣщенія грѣшна бо̀льшая часть историковъ философіи, не исключая и знакомаго русской публикѣ Льюиса, стѣсненнаго, впрочемъ, планомъ своей *біографической* исторіи философіи. Историки литературы, какъ ближе соприкасающіеся съ живою дѣйствительностью, смотрятъ на дѣло иногда нѣсколько иначе, и у Гэттнера читатель можетъ найти вполнѣ спокойный и безпристрастный очеркъ литературы и философіи XVIII вѣка. Но это все-таки явленіе рѣдкое и, вообще говоря, въ обществѣ не только русскомъ, а и европейскомъ, господствуютъ самыя странныя и сбивчивыя понятія о литературѣ просвѣщенія. Гораздо болѣе мальтретированія историковъ философіи этому обстоятельству способствуетъ историческое положеніе литературы просвѣщенія въ виду революціи 1789 года. Если историки философіи совершенно игнорируютъ значеніе просвѣтителей, то съ другой стороны весьма многими людьми исповѣдуется противоположное мнѣніе, будто бы литература просвѣщенія породила революцію и повинна даже въ террорѣ.

XVIII вѣкъ представляетъ поразительное зрѣлище. То было время Екатерины, Фридриха-Великаго, Тюрго, Леопольда Тосканскаго, Іосифа II, Аранды, Струэнзе, Помбаля, Густава III; время дружбы между государями и философами; время знаменитой «революціи сверху» и «просвѣщеннаго деспотизма»; удивительное время, когда каждый государь желалъ быть или казаться философомъ, а философы пользовались вліяніемъ, которому могли бы позавидовать государи. За государями тянулись высшіе классы, не подозрѣвая результатовъ движенія, а только что начинавшая поднимать голову буржуазія привѣтствовала просвѣтителей, какъ плоть отъ плоти своей. «Даже въ Татаріи (?)—какъ разсказываютъ записки Дома (Dohm's Denkwürd., ч. 3, стр. 56)—хотѣли для пользы народнаго воспитанія перевести на татарскій языкъ французскую Энциклопедію» (Гэттнеръ, «Исторія литературы XVIII вѣка», 423). Наше отечество не отставало въ этомъ отношеніи. Извѣстны дружескія сношенія и пе-

реписка императрицы Екатерины съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ. Сто лѣтъ тому назадъ бо̀льшая часть романовъ и повѣстей Вольтера, нынѣ переведенныхъ г. Дмитріевымъ, была уже издана порусски. И надо замѣтить, что предки наши переводили и читали эти повѣсти, повидимому, съ большимъ тактомъ, умѣньемъ и любовью; такъ по нѣскольку изданій вытерпѣли переводы лучшихъ романовъ, каковы «Кандидъ», «Простодушный»; такъ, далѣе, напримѣръ, «Кривой носильщикъ», «Cosi Sancta, маленькое зло ради большаго блага», разсказы неважные, хотя по обыкновенію остроумные, въ которыхъ фривольный, даже просто клубничный элементъ наиболѣе бросается въ глаза и не искупается, какъ въ другихъ повѣстяхъ, ни глубиною содержанія, ни меткостью сатиры—вовсе не были переведены нашими предками и являются нынѣ порусски въ первый разъ. Никогда еще критическая мысль не завоевывала себѣ во всей исторіи человѣчества такого блистательнаго положенія. Никогда борьба съ рутиной теологической, политической, философской, научной не достигала такой живости и напряженности. Покровительствуемая сверху, поддерживаемая самымъ фактомъ шатанія оригинальной структуры средневѣковаго механизма, она имѣла сверхъ того цѣлую массу необычайно талантливыхъ представителей, несоздавшихъ никакой стройной, оригинальной философской системы, но взамѣнъ того съумѣвшихъ бросить на почву общественнаго сознанія огромное количество умственнаго фермента, незамедлившаго сдѣлать свое дѣло. Нелѣпо утверждать, что первая французская революція была порожденіемъ литературы просвѣщенія. Великія историческія событія не бываютъ результатомъ одной причины или даже одного ряда причинъ: Москва загорѣлась не отъ копеечной свѣчки. Великія событія всегда оказываются лежащими въ точкѣ соприкосновенія равнодѣйствующихъ цѣлой системы параллелограмовъ соціальныхъ силъ. Революція была подготовлена рядомъ отрицательныхъ моментовъ, заключавшихся въ политическихъ и экономическихъ порядкахъ Франціи и Европы, и тѣми же моментами была вызвана и дѣятельность Вольтера, энциклопедистовъ и Руссо. Но несомнѣнно, что эта дѣятельность играла роль фермента и ускорила движеніе. Несомнѣнно также, что *принципы* революціи логически вытекаютъ изъ сѣмянъ, посѣянныхъ просвѣтителями. Этого было достаточно, чтобы реакція, вызванная ужасами революціи, наложила свою неумѣлую, неуклюжую лапу и на литературу просвѣщенія. Всякая крутая реакція необходимо слѣпа, нелогична и неразборчива, необходимо слишкомъ размашисто ворочаетъ переданной исторіею въ ея руки метлой и сметаетъ въ одну кучу вещи, неимѣющія между собой ничего общаго. Неопредѣленныя очертанія призрака «неблагонамѣренности» и «неблагонадежности» застилаютъ реакціонерамъ глаза, и сквозь этотъ туманъ они теряютъ всякую способность различать дѣйствительные раз-

мѣры и значеніе явленій. Само собою разумѣется, что рядомъ съ этою неспособностью видѣть неизбѣжно фигурируетъ и нежеланіе смотрѣть. Такова была и реакція, вызванная французской революціей. Не только у всѣхъ Татарій внезапно отпала охота переводить энциклопедію, но всѣ просвѣтители поголовно не замедлили превратиться въ атеистовъ и террористовъ, нарушителей и разрушителей. Вольтеръ и Анахарсисъ Клотцъ, Ла-Метри и Робеспьеръ, Маратъ и Гольбахъ оказались заметенными въ одинъ уголъ, надъ которымъ высился ярлыкъ «неблагонамѣренности». Путаница дошла до того, что, напримѣръ, у насъ въ Россіи именно самый умѣренный, хоть можетъ быть и самый яркій, представитель литературы просвѣщенія—Вольтеръ обратился въ «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй», чуть не въ поджигателя и во всякомъ случаѣ въ «вольтерьянца». А это слово было еще не такъ давно такъ же страшно и позорно, какъ теперь страшна и позорна кличка «нигилистъ», и, надо прибавить, такъ же безсмысленно. Быть можетъ, одни вольтеровскія кресла уцѣлѣли отъ этого погрома. Реакція, разумѣется, не хотѣла и не могла оцѣнить ясно совокупность фактовъ, изъ которыхъ вышли различныя стороны революціи. Она не давала себѣ труда припомнить, напримѣръ, указанія благороднаго Вобана или Буагильбера, задолго до лихорадочной дѣятельности просвѣтителей страшными красками обрисовавшихъ положеніе Франціи и почти предсказывавшихъ революцію. Реакціонеры не давали себѣ труда подумать о томъ, въ какихъ дѣйствительно отношеніяхъ стоитъ терроръ къ литературѣ просвѣщенія. Помимо изученія самыхъ произведеній литературы XVIII вѣка, рвеніе реакціонеровъ могло бы быть, повидимому, остановлено множествомъ фактовъ, просто бьющихъ по глазамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, гражданскій идеализмъ, такъ сильно сказавшійся въ періодъ революціи, и антропологическій и космологическій реализмъ, болѣе или менѣе послѣдовательно проводившійся французскими философами XVIII вѣка, родные братья, такіе же братья, какими на противоположной сторонѣ являются философскій идеализмъ и гражданскій матеріализмъ. Но это родство исключительно логическое, принципіальное, и эмпирическія условія могутъ совершенно разорвать его въ данной личности. Французская литература просвѣщенія ничего оригинальнаго не создала; она питалась англійскою мыслью, Локкомъ и Ньютономъ, то не подвигаясь дальше ихъ ни на шагъ, то логически слѣдуя впередъ по пути, указанному англичанами. Вся задача просвѣтителей состояла въ томъ, чтобы популяризировать англійскія идеи, разсыпать ихъ по всей Европѣ, оживить ихъ и вывести изъ нихъ нѣкоторыя слѣдствія, передъ которыми остановились англійскіе философы. Почему же въ Англіи матеріализмъ и родственныя съ нимъ міросозерцанія были не только не революціонны въ области дѣйствія, но, напротивъ, въ большинствѣ слу-

чаевъ строго консервативны и даже прямо ретроградны? До Локка и Ньютона Англія выставила Гоббза — матеріалиста и вмѣстѣ рьянаго сторонника абсолютизма въ политикѣ. Послѣ нихъ явился Юмъ, отчасти, такъ-сказать, отданный Англіи Франціей, — и этотъ крайній революціонеръ въ области мысли былъ политическій консерваторъ. Вотъ этого-то реакціонеры не видѣли или не хотѣли видѣть. Скажутъ, можетъ быть, что дѣло именно въ логическомъ родствѣ между просвѣтителями и революціей. Но это родство не идетъ дальше принциповъ революціи 89 года и нисколько не касается ихъ фактическаго осуществленія, способовъ и формъ ихъ введенія въ жизнь. Спрашивается: кто же изъ людей, уважающихъ свое достоинство, рѣшится отказать въ уваженіи этимъ принципамъ въ ихъ абстрактной формѣ? Даже г. Скаратинъ любилъ излагать въ покойной «Вѣсти», что «будущее принадлежитъ демократіи, но» и проч. Далѣе реакціонеры представляли себѣ всю литературу просвѣщенія, какъ нѣчто совершенно однородное, сплошное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этой однородности должны быть указаны относительно очень тѣсные предѣлы: Вольтеръ презиралъ доктрины Ла-Меттри, Ла-Меттри не могъ не смѣяться надъ ученіями Руссо, Руссо съ ужасомъ сторонился отъ Гельвеціуса, Вольтеръ и Дидро расходились въ самыхъ существенныхъ вопросахъ и т. д. Защита свободы мысли, проповѣдь терпимости, борьба съ рутиной — вотъ единственное, правда очень широкое поле, общее всѣмъ безъ исключенія представителямъ литературы просвѣщенія, и затѣмъ литература эта представляетъ цѣлый арсеналъ доводовъ въ пользу самыхъ разнообразныхъ теологическихъ, политическихъ и философскихъ тезисовъ. Мало того, Дидро, напримѣръ, прошелъ нѣсколько ступеней развитія, существенно между собою различныхъ. И тѣмъ не менѣе именно съ реакціи начала нынѣшняго столѣтія невѣроятно усилилась мода огульнаго уличенія въ неблагонамѣренности и неблагонадежности вообще, тогда какъ прежде имѣлись болѣе спеціальныя и гораздо яснѣе очерченныя обвиненія. Есть вѣчный полемическій пріемъ, состоящій въ томъ, чтобы возвышать мнѣнія противника въ квадратъ, въ кубъ и т. д. Такъ, напримѣръ, если мой противникъ не признаетъ догмата папской непогрѣшимости, то я могу съ большимъ удобствомъ обозвать его атеистомъ; если онъ говоритъ о крестьянскомъ самоуправленіи, я могу рекомендовать его, какъ республиканца и т. п. Пріемъ этотъ существуетъ испоконъ-вѣку и можетъ быть еще Адамъ пустилъ его въ ходъ, обвиняя Еву предъ лицомъ Бога и тѣмъ прикрывая собственный грѣхъ. Но онъ получилъ особенную силу и значеніе съ начала нынѣшняго вѣка, когда всѣ расшатанные революціей общественные элементы, забывъ свою исконную вражду и несовмѣстимость, протянули другъ другу руки и заключили до поры до времени миръ. До революціи было ясно, что строго-

монархическій принципъ враждебенъ феодализму и дворянскимъ привиллегіямъ, Людовикъ XIV доказалъ это всѣмъ своимъ царствованіемъ; до революціи было ясно, что свѣтская и духовная власть уже вышли изъ равновѣсія средневѣковой доктрины двухъ мечей и стоятъ другъ противъ друга въ качествѣ враговъ. Реакція, вызванная революціей, сгладила эти шероховатости, прикрыла хворостомъ логическія пропасти. И вотъ мы видимъ, что революціонеръ и атеистъ, даже демократъ и атеистъ, республиканецъ и матеріалистъ, матеріалистъ и проповѣдникъ безнравственности отождествляются, свертываются въ какой-то безсмысленный, фантастическій клубокъ, въ которомъ сами свертыватели не разберутъ ни конца, ни начала. Обвиненія во всевозможныхъ *измахъ* сыплятся даже на людей, неповинныхъ ни въ одномъ изъ нихъ, сыплятся единственно по недоразумѣнію и невѣжеству, по легкости, съ которою дѣйствуетъ расходившаяся метла реакціи. Послѣдующія событія, выдвинувъ буржуазію на мѣсто дворянства, не выдавили, однако, окончательно послѣдняго; поставивъ фабриканта и купца на мѣсто, дотолѣ нераздѣльно занимаемое крупнымъ поземельнымъ собственникомъ, они сдѣлали элементъ воинствующій элементомъ торжествующимъ, и такимъ образомъ пробовали свою лепту къ фантастическому клубку. Къ ряду страшныхъ *измовъ* прибавились новые *измы*, и теперь обществу еще труднѣе оглянуться, вернуться къ источникамъ этой нелѣпой исторіи и по достоинству оцѣнить значеніе литературы просвѣщенія.

Даже мыслящіе люди, сознающіе тотъ несомнѣнный фактъ, что въ средѣ самой литературы просвѣщенія шла живая борьба, что здѣсь проходитъ нѣсколько существенно различныхъ и сталкивающихся между собою теченій, не всегда умѣютъ опредѣлить истинное значеніе этихъ теченій. Такъ, недавно вышедшая книга г-жи Ройе (De l'origine de l'homme. Paris, 1870) занимается неблагодарнымъ дѣломъ полемики съ Руссо и восхваленія Вольтера, сводя ихъ ученія на очную ставку съ теоріей Дарвина. Дѣло ведется въ такомъ тонѣ, что вотъ, дескать, у насъ есть два знамени — Вольтеръ и Руссо, и далѣе доказывается, что первое несравненно важнѣе и плодотворнѣе втораго. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что знамена Вольтера и Руссо давно уже для насъ необязательны; что по нѣкоторымъ пунктамъ къ намъ ближе Вольтеръ, а по другимъ — Руссо; что, не говоря уже о томъ, что Вольтеръ осыпалъ градомъ насмѣшекъ одного изъ предшественниковъ Дарвина—Демарье, наиболѣе выдающіяся части его міросозерцанія отнюдь не совпадаютъ съ современною наукою и философіею. Съ другой стороны, мы полагаемъ, что Руссо своими выдающимися доктринами совершенно примыкаетъ къ правильно понятой теоріи Дарвина. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, самая важная несправедливость со стороны г-жи Ройе—это забыть Дидро, Дидро, котораго вліяніе на современ-

никовъ не только можетъ поспорить съ вліяніемъ Вольтера и Руссо, но который въ цѣломъ стоитъ къ современной мысли несравненно ближе ихъ обоихъ, не говоря уже о томъ, что она и оригинальнѣе, и послѣдовательнѣе, и глубже Вольтера. Вообще къ Вольтеру несправедливы. Одни видятъ именно въ немъ воплощеніе разрушительныхъ стремленій XVIII вѣка, тогда какъ онъ былъ, напротивъ, человѣкомъ середины во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ его современниковъ. Другіе, напротивъ, преувеличиваютъ его значеніе, видя въ немъ дѣйствительно «царя мысли» XVIII вѣка, что также несправедливо. Вольтеръ былъ дольше и больше всѣхъ просвѣтителей на виду — вотъ, по нашему мнѣнію, причина этихъ незаслуженныхъ обвиненій и восхваленій. Онъ первый началъ борьбу или, лучше сказать, первый послѣ Бейля и англійскихъ мыслителей. Онъ прожилъ 85 лѣтъ, началъ работать съ 20-ти. Онъ былъ въ сношеніяхъ чуть не со всѣми европейскими государями; благодаря своему богатству, могъ жить роскошно, быть, какъ онъ самъ себя называлъ, l'aubergiste de l'Europe, имѣть свой театръ, давать балы и проч. Это внѣшнія причины. Рядомъ съ ними стояли причины внутреннія. Его юркость, увертливость, его энергія, страшная полемическая сила и уничтожающее остроуміе, наконецъ, его умѣнье облекать свои мысли въ легкую, остроумную форму—въ этомъ онъ положительно не имѣлъ соперниковъ — дѣлали изъ него для Европы и всевидящее и всѣми видимое око. Не только тихая жизнь Дидро, а и мрачныя приключенія Руссо не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ бурною, блестящею жизнью Вольтера. И физическія условія, въ родѣ продолжительности жизни, и счастливыя особенности ума, и даже несчастныя особенности характера — все способствовало славѣ Вольтера въ ущербъ извѣстности другихъ просвѣтителей. Теперь мало уже читаютъ писателей XVIII вѣка, и фигура Вольтера часто по преданію заслоняетъ собою главнымъ образомъ Дидро, который, съ неменьшимъ талантомъ, усердіемъ, многосторонностью и успѣхомъ, преслѣдуя общую задачу вѣка, былъ, однако, въ то же время гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ основныхъ идей.

При имени Вольтера въ насъ невольно поднимается представленіе смѣлаго, неустрашимаго бойца. Но такое представленіе соотвѣтствуетъ истинѣ только при извѣстныхъ, весьма значительныхъ ограниченіяхъ. Вольтеру не трудно было быть смѣлымъ, когда онъ, благодаря своему вліянію въ высшихъ сферахъ, могъ, напримѣръ, по дѣлу Коласа или Сирвена, поднять на ноги цѣлую Европу. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ дорожилъ связанными съ этимъ вліяніемъ благами. Вольтеру ничего не стоило, когда ему, напримѣръ, захотѣлось попасть въ академію, льстить іезуитамъ, отрекаться отъ своихъ идей и т. д. (см. Штраусъ, стр. 108 и слѣд.). Нѣтъ ничего

удивительнаго, что онъ, при малѣйшей опасности, отпирался отъ своихъ книгъ, скрывалъ свое авторство и даже возвелъ этотъ образъ дѣйствія въ систему; онъ писалъ Гельвецiусу: «Не нужно никогда ставить своего имени; я не написалъ даже и Pucelle». (Гэттнеръ, III). Но мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду не этого рода недостатокъ смѣлости, а недостатокъ смѣлости мысли. При этомъ мы вовсе не имѣемъ въ виду мѣрить мiросозерцанiе Вольтера современной мѣркой и уличать его въ томъ, что онъ не дошелъ до выводовъ, сдѣланныхъ позднѣйшими поколѣнiями, отчасти благодаря его же дѣятельности. Нѣтъ, это было бы нелѣпо и несправедливо. Мы сравниваемъ Вольтера только съ его современниками, съ другими просвѣтителями. Вольтеръ разсуждаетъ почти всегда съ заднею мыслью, совершенно постороннею предмету изслѣдованiя, и эта задняя мысль иногда совершенно неожиданно останавливаетъ его логическую нить и сворачиваетъ ее въ сторону. И если мы захотимъ искать причины такой непослѣдовательности и недостатка смѣлости, то найдемъ ихъ въ несчастномъ нравственномъ характерѣ Вольтера. Вопросъ о томъ, насколько пятна на нравственномъ характерѣ Вольтера отразились на его литературной дѣятельности, занималъ многихъ, что̀ очень естественно: дѣятельность эта была такъ блестяща, характеръ этотъ былъ такъ тусклъ. Въ какомъ отношенiи они находятся другъ къ другу? Отвѣты получаются большею частiю неудовлетворительные, потому что значенiе нравственнаго элемента то преувеличивается, то слишкомъ съуживается, а иногда и совершенно отрицается. Штраусъ справедливо говоритъ, что нельзя разрубать человѣка на двое и, подобно Фридриху-Великому, предоставить весь свѣтъ Вольтера въ распоряженiе его таланта, а всю тьму взвалить на характеръ. Но Штраусъ ограничивается, къ сожалѣнiю, неопредѣленнымъ указанiемъ, что и умственный элементъ въ Вольтерѣ небезупреченъ, да и нравственный — не сплошная тьма. Онъ не пытается опредѣлить точки соприкосновенiя этихъ элементовъ, моменты ихъ границъ, не знаетъ ихъ взаимныхъ вторженiй.

XVIII вѣкъ боролся за свободу мысли и терпимость противъ рутины, преданiя и фанатизма. Ничто не должно ускользнуть отъ критики, отъ свободнаго изслѣдованiя, ничто не должно отзываться неподсудностью разуму, ничто не должно быть принято на вѣру,—таковъ общiй девизъ всѣхъ просвѣтителей. Во имя его Руссо требовалъ отчета у всего величественнаго зданiя цивилизацiи въ цѣломъ; во имя его Дидро и энциклопедисты допрашивали все, чѣмъ жила старая Европа; во имя его, Вольтеръ боролся съ догматизмомъ религiи. Дружная, горячая борьба на этомъ общемъ полѣ составляетъ великую заслугу XVIII вѣка вообще и въ частности Вольтера. Его лихорадочное участiе въ дѣлахъ Коласа, Сирвена и проч. свидѣтельствуетъ, что онъ не ограничивался словесною борьбою

и только проповѣдью терпимости. Очевидно, что онъ отдался этому дѣлу весь и работалъ не только словомъ, а и дѣломъ. Преслѣдуя въ общемъ одну и ту же широкую цѣль, просвѣтители поодиначкѣ болѣе или менѣе спеціализировали свои задачи. Вольтеръ избралъ борьбу съ религіознымъ догматизмомъ и фанатизмомъ. Здѣсь лежитъ центръ тяжести его дѣятельности, тотъ пунктъ, къ которому примыкаютъ всѣ другія стороны его міросозерцанія. Съ раннихъ лѣтъ, Вольтеръ вышелъ на эту дорогу и уже въ первыхъ его произведеніяхъ идетъ живая борьба противъ фанатизма и притязаній духовенства. Вольтеръ былъ неистощимъ въ формахъ этой борьбы: лирическое стихотвореніе, докладная записка, трагедія, памфлетъ — все шло въ дѣло. Но наиболѣе удавались Вольтеру тѣ маленькіе разсказы, которые вошли въ составъ книги г. Дмитріева. Никто лучше Вольтера не умѣлъ опошлить проявленія религіознаго фанатизма, никто не писалъ такихъ злыхъ и остроумныхъ карикатуръ. Прочтите, напримѣръ, хоть «Исторію путешествій Скарментадо» (Романы и повѣсти, 123). Молодой человѣкъ отправляется путешествовать. Въ Англіи онъ встрѣчаетъ слѣдующее: «Благочестивые католики рѣшились, для блага церкви, взорвать на воздухъ короля, королевское семейство и весь парламентъ и освободить Англію отъ еретиковъ. Мнѣ указали мѣсто, на которомъ, по повелѣнію блаженной памяти королевы Маріи, дочери Генриха VIII, было сожжено болѣе пятисотъ ея подданныхъ. Одинъ ирландскій священникъ увѣрялъ меня, что это былъ прекрасный поступокъ: вопервыхъ, потому, что убитые были англичане; а вовторыхъ, потому, что они никогда не пили святой воды и не вѣрили въ вертепъ святаго Патрика. Онъ крайне удивлялся тому, что королева Марія до сихъ поръ не причтена къ лику святыхъ; но онъ надѣялся, что это случится, какъ только у кардинала племянника будетъ побольше свободнаго времени». Скарментадо ѣдетъ въ Голландію, попадаетъ въ Гагѣ на казнь Барневельдта и спрашиваетъ, не измѣнилъ ли онъ отечеству. «Онъ сдѣлалъ гораздо хуже — отвѣчалъ мнѣ проповѣдникъ въ черной мантіи — онъ думалъ, что добрыми дѣлами можно спастись такъ же хорошо, какъ и вѣрою. Вы понимаете, что если подобныя мнѣнія утвердятся, то республика не можетъ существовать, а чтобы предупредить этотъ соблазнъ, необходимы строгіе законы». Одинъ глубокомысленный туземный политикъ замѣтилъ мнѣ со вздохомъ: «Ахъ, милостивый государь, хорошимъ временамъ придетъ когда-нибудь конецъ; усердіе этого народа — случайное: по существу своего характера, онъ склоненъ принять гнусный догматъ терпимости; одна мысль о томъ, что это когда-нибудь случится, приводитъ меня въ трепетъ». Отправляется Скарментадо въ Испанію и застаетъ въ Севильѣ праздникъ. На огромной площади, усыпанной народомъ, стоялъ высокій тронъ, предназначенный для короля и его семейства, а напротивъ его

стоялъ другой, еще болѣе высокій. На него взошелъ великій инквизиторъ, благословляя короля и народъ. «Затѣмъ, покорно вошло цѣлое войско монаховъ, бѣлыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, обутыхъ и босыхъ, бородатыхъ и безбородыхъ, съ остроконечными капюшонами и безъ нихъ; за монахами слѣдовалъ палачъ; наконецъ, полицейскіе чиновники и вельможи сопровождали около сорока человѣкъ, покрытыхъ мѣшками, разрисованными чертями и пламенемъ: то были іудеи, несоглашавшіеся отречься отъ Моисея, христіане, женившіеся на кумахъ, или непоклонившіеся образу Богородицы въ Атохѣ, или нежелавшіе отдать свои наличныя деньги въ пользу братьевъ-іеронимитовъ. Прежде всего набожно пропѣли нѣсколько прекрасныхъ молитвъ, затѣмъ, преступниковъ сожгли на медленномъ огнѣ, что̀, казалось, послужило къ великому назиданію всей королевской фамиліи». Затѣмъ, Скарментадо самъ попадаетъ за нѣсколько менѣе, чѣмъ неосторожныхъ словъ въ тюрьму инквизиціи, платитъ штрафъ, узнаетъ, что «испанцы въ Америкѣ сожгли, зарѣзали и утопили до десяти милліоновъ туземцевъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру», и ѣдетъ въ Турцію. Тамъ онъ застаетъ грызню между латинскими и греческими христіанами, попадаетъ въ непріятныя исторіи, потому что латиняне подозрѣваютъ его въ сочувствіи къ грекамъ и наоборотъ. Наконецъ, «утромъ явился имамъ, чтобы совершить надо мной обрядъ обрѣзанія, и такъ-какъ я нѣсколько сопротивлялся, то кади той части города, въ которой я жилъ, будучи человѣкомъ добросовѣстнымъ, предложилъ мнѣ посадить меня на колъ». Дѣло окончилось штрафомъ. Скарментадо ѣдетъ въ Персію, гдѣ попадаетъ, какъ между двухъ огней, между партіями «чернаго и бѣлаго барана». Въ Китаѣ его также съ двухъ сторонъ осадили «преподобные отцы іезуиты» и «преподобные отцы доминиканцы», враждующіе изъ-за уловленія китайскихъ душъ и т. д. Въ «Письмахъ Амабеда» пускается въ ходъ другой пріемъ. Рядомъ съ разсказомъ о насиліяхъ и мерзостяхъ, совершенныхъ монахами надъ молодымъ индусомъ Амабедомъ и его невѣстой, осмѣивается историческая теорія Боссюэта, по которой въ древности существовалъ только одинъ историческій народъ — еврейскій, какъ предтеча христіанства. Въ «Бѣломъ быкѣ» опять новый пріемъ. Пользуясь свободой, предоставляемой ему фантастичностью и восточнымъ колоритомъ разсказа, Вольтеръ безъ всякой видимой надобности приплетаетъ змѣя-соблазнителя и другія библейскія фигуры.

Это, впрочемъ, составляетъ единственный пунктъ, на которомъ Вольтеръ является крайнимъ радикаломъ. Мы сейчасъ увидимъ, что это обстоятельство не только не мѣшало, а и помогало ему быть весьма умѣреннымъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, быть, что-называется, человѣкомъ золотой середины. Онъ очень хорошо понималъ всю трудность предпринятой имъ борьбы, и искалъ союзниковъ. Союзники были указаны и

личными вкусами Вольтера, и его положеніемъ въ обществѣ, и, наконецъ, колоритомъ историческаго момента. Союзники эти были ни болѣе, ни менѣе, какъ европейскія правительства. «Революція сверху» и «просвѣщенный деспотизмъ» никогда не клали на исторію такой печати, какъ въ XVIII вѣкѣ; вмѣстѣ съ литературой просвѣщенія, съ философскимъ движеніемъ,—это наиболѣе характеристическая черта прошлаго столѣтія. Свободномыслящіе государи и министры въ родѣ Тюрго, Помбаля, Аранды очень тяготились тѣмъ, слишкомъ высокимъ положеніемъ, которое занимало въ государствѣ духовенство. Будучи отчасти проникнуты тѣми же идеями, которыя разносили по свѣту просвѣтители, находясь даже отчасти подъ прямымъ вліяніемъ просвѣтителей, они опирались, кромѣ философскихъ соображеній, на государственныя нужды. Такимъ образомъ философы и правительства дѣйствительно были союзниками, и, напримѣръ, уничтоженіе ордена іезуитовъ было дѣломъ ихъ обоюдныхъ усилій. Вольтеръ очень хорошо понималъ цѣну такого оборонительнаго и наступательнаго союза противъ общаго врага. «Не подумали о томъ — писалъ онъ въ 1765 году къ д'Аламберу, — что дѣло королей есть вмѣстѣ и дѣло философовъ; а между тѣмъ, ясно, что мудрецы, непризнающіе двухъ властей, составляютъ хорошую опору королевской власти». Или въ 1768 году: «Философы воротятъ когда-нибудь государямъ все то, что у нихъ отняли папы, но государи, пожалуй, все-таки будутъ посылать философовъ въ Бастилію; такъ мы убиваемъ быковъ, обрабатывавшихъ наши поля» (Штраусъ, стр. 323). Опасеніе, выраженное въ послѣднихъ строкахъ, не особенно смущало Вольтера. Онъ былъ совершенно удовлетворенъ современными ему европейскими порядками. Это видно изъ нѣкоторыхъ его повѣстей (см., напримѣръ, «Вавилонскую принцессу», «Похвальное слово разуму») и изъ многихъ другихъ его собственноручныхъ показаній. Такъ въ 1767 году онъ писалъ д'Аламберу: «Благословимъ революцію, совершившуюся въ умахъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ; она превзошла мои ожиданія». Или въ томъ же году и къ тому же: «Клянусь Богомъ, вѣкъ разума наступилъ. Вѣчная благодарность тебѣ, о, природа!» (Шраусъ, стр. 321).

Просвѣщенный деспотизмъ и революція сверху имѣютъ въ себѣ нѣчто обаятельное и нѣчто дѣйствительно цѣнное. Недаромъ эта идея играетъ такую важную роль въ надеждахъ и планахъ общественныхъ реформаторовъ, желающихъ быстраго движенія впередъ. Реформаторы эти очень хорошо понимаютъ, что свобода есть понятіе отвлеченное, и получаетъ практическое значеніе только сообразно тому реальному содержимому, которое вкладывается въ идею свободы. Тогда какъ такъ-называемые либералы бьютъ тревогу при всякомъ разговорѣ о правительственномъ вмѣшательствѣ, какія бы цѣли оно ни имѣло, а съ другой стороны, благодаря отвлеченному характеру идеи

свободы, связываютъ съ нею помощью различныхъ діалектическихъ нитей такія явленія, ни цѣли, ни результаты которыхъ отнюдь не служатъ дѣлу торжества свободы. Къ которой изъ этихъ политическихъ фракцій долженъ быть отнесенъ Вольтеръ? Безъ всякаго сомнѣнія, ни къ которой, потому что въ его время вопросъ о границахъ правительственнаго вмѣшательства не занималъ, и не могъ занимать общество въ такой мѣрѣ, чтобы онъ могъ быть теоретизированъ. Физіократы только что обрисовывали «новую науку», то-есть политическую экономію. Ни экономическая теорія laissez faire, ни соотвѣтственныя ей якобы либеральныя политическія теоріи, ни противоположныя имъ ученія еще не развертывались. Повидимому, Вольтеръ былъ ближе къ сторонникамъ правительственнаго вмѣшательства, чѣмъ къ чистокровнымъ либераламъ. Но всѣ подобныя сближенія, сводящіяся къ тому, что человѣка прошлаго столѣтія мѣрятъ мѣркою настоящаго, необходимо слишкомъ поверхностны. Притомъ же, Вольтера вопросы политическіе и общественные занимали въ несравненно меньшей степени, чѣмъ вопросы философскіе. Онъ занимался ими только изрѣдка, и, между прочимъ, не углублялся въ нихъ такъ, какъ въ вопросы о конечныхъ цѣляхъ, о добрѣ и злѣ, о душѣ, и проч. Благодаря этому съ одной стороны, и тому, что довлѣющій самому себѣ либерализмъ еще не обособился, какъ самостоятельное политическое направленіе, мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ и перепискѣ Вольтера самыя противорѣчивыя вещи. Любопытнѣе всего отношенія Вольтера къ монархическому принципу. Историческая роль этого принципа очевидна. Пока онъ занятъ отрицательной работой, приниженіемъ феодальныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ, и которыхъ ему слѣдуетъ опасаться, — онъ представляетъ собою принципъ необходимо прогрессивный. Вольтеръ, важный баринъ, помѣщикъ, камергеръ, и кавалеръ, но тѣмъ не менѣе вышедшій изъ средняго сословія, и всегда принадлежавшій ему по общему складу своего ума, не могъ не понимать этого. И мы дѣйствительно видимъ въ Вольтерѣ рядомъ съ уваженіемъ къ монархическому принципу отрицательное отношеніе къ такимъ движеніямъ, какъ, напримѣръ, фронда, въ которыхъ теперь многіе публицисты увидѣли бы, можетъ быть, нѣчто либеральное, но которыя въ невинное время отсутствія либерализма были въ глазахъ всѣхъ просто дворянскими, феодальными движеніями. Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Я пишу эти строки въ Германіи, въ началѣ августа. Кругомъ слышатся патріотическія рѣчи нѣмцевъ о единствѣ Германіи; южно-германскія государства, фактически проглоченныя Пруссіей еще въ 1866 году, и неизбѣжно имѣющія быть проглоченными и формально не въ 1871, такъ въ 1881, въ 1891 году, признали casus foederis, и дерутся съ французами за единую Германію. Представляетъ ли эта въ сотый разъ всплывающая идея единства Германіи прин-

нимъ прогрессивный? Ходячій либерализмъ, если только онъ не руководится какими-нибудь сторонними, мѣстными соображеніями, необходимо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но рѣшенія ходячаго либерализма, хотя бы онъ и не имѣлъ въ виду стороннихъ соображеній, и смотрѣлъ на событія съ высоты птичьяго полета, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Глубокій и оригинальный умъ Прудона выставилъ діаметрально противоположное рѣшеніе вопроса. Онъ полагаетъ именно, что объединеніе Германіи и объединеніе Италіи, представляя теченіе встрѣчное федеративному принципу, суть явленія регрессивныя. Но въ стотысячный разъ должно оказаться, что всѣ подобныя абсолютныя рѣшенія такъ же слабы въ политикѣ, какъ слабы они въ философіи и въ наукѣ. Въ стотысячный разъ должно оказаться, что всякій политическій фактъ, какъ и всякій другой фактъ, обставленъ многочисленными *если* и требуетъ оцѣнки относительной. Федерація для федераціи такъ же малоцѣнна, какъ и объединеніе для объединенія. Исчезновеніе Георговъ и Францисковъ не составляетъ большой потери и съ точки зрѣнія правильно понятаго федеративнаго принципа. Еслибы въ каждомъ швейцарскомъ кантонѣ сидѣло по Людовику или Франциску, то, какъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія аналогіи, они (кантоны) необходимо подверглись бы нѣкоторому объединительному процессу, и затѣмъ уже только могли бы принять свой теперешній видъ. Объединеніе составляетъ въ извѣстный моментъ необходимое и дѣйствительно прогрессивное явленіе, но опять-таки не безусловно прогрессивное, потому что тутъ же является вопросъ: можетъ ли Пруссія или Пьемонтъ, т.-е. вообще объединяющее начало вести объединенные элементы впередъ по пути развитія? Сообразно отвѣту на этотъ вопросъ, можно или желать немедленнаго объединенія, или желать, чтобы исторія отложила этотъ процессъ, пока объединяющій элементъ не выростетъ. Разъ объединеніе, помимо нашихъ желаній или нежеланій, произошло, мы должны смотрѣть, куда ведетъ объединенные народы Пруссія или Пьемонтъ. Роль монархическаго принципа совершенно аналогична роли объединяющаго государственнаго элемента, и даже часто совершенно примыкаетъ къ ней. Представимъ себѣ, напримѣръ, обширную федерацію русскихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ каждый чинитъ у себя дома судъ и расправу, чеканитъ монету, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, издаетъ законы и проч. Такая федерація несомнѣнно совершенно удовлетворила бы нашихъ либераловъ изъ партіи покойной «Вѣсти», и даже могла бы быть съ точки зрѣнія чистокровнаго либерализма не безъ успѣха поддерживаема. Однако, еслибы одинъ изъ членовъ этой фантастической федераціи сталъ постепенно возвышаться, и, наконецъ, поглотилъ бы своихъ соперниковъ, то это было бы явленіемъ не только очень естественнымъ, а и несомнѣнно прогрессивнымъ; инымъ

путемъ развитіе страны и не могло бы совершаться. Такъ именно и выросъ монархическій принципъ на Западѣ. Но разъ отрицательная работа кончена, разъ феодальное дворянство унижено силою оружія, или обращено въ служилое сословіе, прогрессивная задача монархическаго принципа усложняется. Онъ можетъ вести народъ впередъ, остановиться на мѣстѣ, идти назадъ, идти въ ту или другую сторону. Монархи и вообще правительства европейскія представляли въ этомъ отношеніи въ XVIII вѣкѣ отрадное зрѣлище. Имъ не приходилось уже стоять къ остаткамъ феодализма въ такомъ положеніи, въ какомъ стоялъ Людовикъ XIV, и всѣ свои силы направлять къ тому, чтобы, по выраженію Фридриха Вильгельма I, «gegen die Auctorität der Junkers ihre Souveränität wie ein Rocher von Bronce zu stabiliren». Рядомъ съ этою отрицательною дѣятельностію правительствъ XVIII столѣтія выступаетъ и дѣятельность творческая, которая всегда направляется главнымъ образомъ на низшіе слои общества, какъ на наиболѣе нуждающіеся въ обновленіи, и въ обновленіи которыхъ наиболѣе нуждается и само общество. Вольтеръ присутствовалъ при этомъ движеніи, видѣлъ его очень близко, но истиннаго его значенія во всемъ его объемѣ понять не могъ. Для этого онъ слишкомъ спеціализировалъ задачу своей жизни, сведя ее на борьбу съ догматизмомъ. Правда, онъ говорилъ и о справедливомъ распредѣленіи налоговъ, и о язвѣ крѣпостнаго права, и о смягченіи уголовныхъ кодексовъ, но все это только слабыя струи въ бурной рѣкѣ его дѣятельности. Да и то, напримѣръ, относительно налоговъ его преимущественно бѣсили привиллегіи именно духовенства и монастырей. Вообще, если онъ и возлагалъ большія надежды на просвѣщенный деспотизмъ и революцію сверху, то главнымъ образомъ только въ виду религіозной терпимости и свободы мысли. Конечно, это было бы завоеваніе огромное, и преимущественно по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя бы оно неизбѣжно имѣло. Но едва-ли Вольтеръ достаточно ясно видѣлъ и достаточно высоко цѣнилъ эти послѣдствія, потому что онъ ставилъ очень опредѣленныя границы тому «просвѣщенію», дѣлу котораго посвятилъ всю свою жизнь. «Мы — пишетъ онъ д'Аламберу — должны быть довольны тѣмъ презрительнымъ положеніемъ, которое l'infame занимаетъ теперь въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей въ Европѣ. Больше ничего не требовалось. Мы не имѣли претензіи просвѣщать сапожниковъ и кухарокъ». Или въ 1769 году: «Скоро у насъ будетъ новое небо и новая земля. Я разумѣю порядочныхъ людей (honnêtes gens), потому что сволочи (canaille) нужны именно глупѣйшее небо и глупѣйшая земля». Или въ 1768 году: «Народъ будетъ всегда глупъ и грубъ; это быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ» (Штраусъ, стр. 321, 323). Въ 1767 онъ пишетъ Дамилавилю: «Я думаю, что относительно народа мы не понимаемъ другъ друга; я пони-

маю подъ народомъ populace, чернь, у которой есть только руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Еслибы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, согласились бы со мной; quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu» (Гэттнеръ, стр. 163). Правда, мѣстами Вольтеръ высказываетъ мнѣнія совершенно противоположныя. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Вавилонская принцесса» отчасти вѣроятно, чтобы польстить нѣкоторымъ изъ своихъ царственныхъ покровителей, онъ говоритъ: «Словомъ сказать, въ этихъ обширныхъ государствахъ люди осмѣлились сдѣлаться разумными, между тѣмъ, какъ вездѣ еще думали, что только до тѣхъ поръ можно управлять народомъ, пока онъ глупъ» (Романы и повѣсти, стр. 401). Такъ въ «Похвальномъ словѣ Разуму» онъ замѣчаетъ, говоря о польскихъ порядкахъ: «Вотъ что̀ значитъ постоянно подавлять самую полезную часть человѣческаго рода, и обращаться съ земледѣльцами хуже, чѣмъ они обращаются съ рабочими животными» (Романы и повѣсти, стр. 513). Но обыкновенный тонъ его не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что для него лежитъ вѣчно непроходимая пропасть между «порядочными людьми» и «сволочью», — пропасть, неучтожимая даже союзомъ государей и философовъ. Достаточно замѣтить, что «Вавилонская принцесса», въ которой объясняется, что «сѣверные принцы» отбросили мнѣніе, что «только до тѣхъ поръ можно управлять народомъ, пока онъ глупъ», написана въ томъ же году, какъ и вышеприведенное мнѣніе о необходимости существованія невѣждъ. Разница только въ томъ, что первое мнѣніе высказано во всеуслышаніе передъ лицомъ всей читающей Европы, со включеніемъ «сѣверныхъ принцевъ», тогда какъ второе выражено въ частномъ дружескомъ письмѣ. Не трудно догадаться, въ которомъ случаѣ Вольтеръ былъ искреннѣе. Любопытна также обстановка втораго изъ приведенныхъ нами заявленій либеральнаго свойства. Выразивъ свое негодованіе противъ дурного обращенія съ земледѣльцами, путешествующая Истина говоритъ своему отцу, Разуму: «Я жалѣю добродѣтельнаго, умнаго и человѣколюбиваго монарха (Станислава-Августа); и я смѣю надѣяться, что онъ будетъ счастливъ, потому что другіе короли начинаютъ быть счастливыми, и потому что свѣтъ вашъ распространяется все болѣе и болѣе» (Романы и повѣсти, стр. 513).

Какъ одинъ изъ «порядочныхъ людей», Вольтеръ ненавидѣлъ l'infame; современные ему государи, несомнѣнно принадлежавшіе къ «порядочнымъ людямъ», должны были съ ней также бороться всѣми силами. Объ этомъ союзѣ Вольтеръ хлопоталъ постоянно; эту задачу правительствъ онъ никогда не упускалъ изъ виду. Но затѣмъ судьбы «сволочи» (canaille,

populace) отступали, смотря по обстоятельствамъ, на второй, на третій планъ, а то такъ и совсѣмъ исчезали со сцены. Не будучи такимъ образомъ въ состояніи охватить всю сферу правительственной дѣятельности и оцѣнить по достоинству творческую половину роли монархическаго принципа; не видя съ другой стороны, опять-таки ослѣпленный своею спеціальною задачею, нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ просвѣщеннаго деспотизма XVIII вѣка, именно нѣкоторой его поверхностности и непрочности — что̀ хорошо видѣли многіе изъ его современниковъ—Вольтеръ естественно долженъ былъ придать невѣрное освѣщеніе монархическому принципу, и видѣть въ немъ не средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а самую цѣль. Правда, онъ нигдѣ не формулировалъ такимъ образомъ своихъ политическихъ воззрѣній, но, какъ уже сказано, онъ сравнительно мало занимался политическими вопросами, и его политическія убѣжденія слагались изъ довольно противорѣчивыхъ и слабо продуманныхъ элементовъ. Но что таковы именно были воззрѣнія Вольтера, это очевидно. И очевидно, между прочимъ, изъ его отношенія къ Людовику XIV, этому монарху изъ монарховъ, блистательно совершившему свою отрицательную работу — съ этой стороны онъ прямой предшественникъ революціи, — но затѣмъ совершенно отклонившемуся отъ своей творческой миссіи. Для Вольтера Людовикъ XIV главнымъ образомъ блестящій покровитель наукъ и искусствъ. Для него это солнце, не безъ пятенъ, конечно, но пятна Вольтеръ намѣчиваетъ очень мягко, а если гдѣ и кладетъ густой слой мрачной краски, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность Людовика враждебно сталкивается съ спеціальною задачей жизни самаго Вольтера. Вольтеръ прощаетъ многое, даже слишкомъ многое Людовику, не видитъ слишкомъ многихъ темныхъ сторонъ его царствованія, но онъ не можетъ не видѣть, не можетъ простить драгоннадъ и отмѣны нантскаго эдикта.

Изъ всего этого видно, что Вольтеръ далеко не былъ ни политическимъ радикаломъ, ни республиканцемъ, ни революціонеромъ, ни даже мирнымъ демократомъ; словомъ, ничѣмъ такимъ, что̀ состояло бы въ какой нибудь связи не только съ ужасами революціи, но даже съ тѣмъ неопредѣленнымъ пугаломъ, которому время отъ времени мѣняютъ клички и которое въ свое время входило и въ составъ «вольтерьянства». Многіе изъ знаменитыхъ современниковъ Вольтера далеко оставили его за собой въ этомъ отношеніи, и однако и ихъ нѣтъ никакой логической возможности притянуть къ террору. Гэттнеръ пытается объяснить слишкомъ уже либеральныя воззрѣнія Вольтера на «сволочь» тѣмъ, что онъ, «какъ значительный и опытный землевладѣлецъ, слишкомъ близокъ былъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы безотчетно отдаваться тѣмъ сантиментальнымъ мечтаніямъ о настоящемъ положеніи народнаго образованія и народнаго характера, какимъ могли подчиняться

его друзья въ парижской салонной жизни» (162). Но это значитъ до несправедливости мягко относиться къ человѣку не безсильному, къ человѣку, который можетъ постоять за себя. Отношенія къ народу и въ XVIII вѣкѣ не исчерпывались дилеммой: либо иллюзіи, либо презрѣніе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ враждебнымъ столкновеніемъ нравственнаго уродства Вольтера съ его умственной мощью. Штраусъ говоритъ: «Въ посланіи Іуды говорится, что архангелъ Михаилъ и дьяволъ вели изъ-за души Моисея споръ, который скоро окончился въ пользу перваго; еслибы подобный споръ возникъ изъ-за души Вольтера, то онъ можетъ быть тянулся бы и до сихъ поръ» (339). Трудно поддерживать или опровергать подобную гипотезу. Несомнѣнно конечно, что и архангелу Михаилу было бы за что ухватиться въ душѣ Вольтера. Но вѣрно и то, что нравственный уровень царя мысли былъ очень и очень невысокъ. Его нравственное уродство, въ соединеніи съ нервозностью его натуры, вовлекало его въ жизни во множество самыхъ грязныхъ исторій. Мы не будемъ ихъ касаться, но что̀ для насъ здѣсь важно, такъ это то, что низменность его нравственнаго уровня слишкомъ часто давала, употребляя школьное выраженіе, подножку его логикѣ. Именно эта низменность и не позволила ему гармонизировать и расширять задачу жизни и допустила его только сквозь туманъ и мимоходомъ взглядывать на явленія, лежавшія за предѣлами infame.

Чрезвычайно интересенъ узкій, но тѣмъ не менѣе очевидный мостъ, связывающій воззрѣнія Вольтера на нѣкоторыя явленія общественной жизни съ его теологическими воззрѣніями. Это такъ-называемое (и очень неудачно называемое) нравственное доказательство бытія божія. Въ числѣ обвиненій противъ Вольтера и аттрибутовъ вольтерьянства очень часто фигурируютъ атеизмъ и матеріализмъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ обвиненій, представляющихъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ возвышенія мнѣній противника въ квадратъ. Враждебно относясь къ существующимъ религіямъ, Вольтеръ тѣмъ не менѣе былъ всю жизнь страстнымъ защитникомъ внѣміровой божіей личности и никогда не былъ послѣдовательнымъ матеріалистомъ. Недаромъ на построенной имъ въ Фернеѣ церкви онъ сдѣлалъ гордую надпись: Deo erexit Voltaire; недаромъ на памятникѣ его значится, что онъ combattit les athées et les fanatiques. Между двумя или тремя доказательствами бытія божія, выставляемыми Вольтеромъ, онъ придавалъ особенную цѣну нравственному или важнѣе практическому доказательству, и къ тому же доказательству прибѣгалъ онъ иногда и относительно вопроса о безсмертіи души, который рѣшалъ впрочемъ въ различное время различно. Ланге (Geschichte des Materialismus, 164) очень мѣтко говоритъ, что Вольтеръ *не хотѣлъ* быть матеріалистомъ, и точно также можно сказать, что онъ *не хотѣлъ* быть и атеистомъ. Онъ полагалъ именно,

что вѣра въ Бога, помимо своей истинности, *нужна* для поддержанія порядка въ обществѣ. Нѣкоторыя его выраженія въ этомъ смыслѣ сдѣлались классическими, какъ напримѣръ: «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer», то-есть, еслибы Бога и не было, такъ надо бы было его изобрѣсти. Извѣстно также возраженіе Вольтера противъ предполагаемой Бейлемъ возможности существованія цѣлаго государства атеистовъ. Вольтеръ никакъ не рѣшался допустить такую возможность нравственности при атеизмѣ. Онъ допускалъ ее, правда, но только для философовъ, для «порядочныхъ людей», но масса народа, «сволочь», должна, по его мнѣнію, быть всегда сдерживаема вѣрою въ Бога. Онъ насмѣшливо говорилъ, что еслибы Бейлю пришлось управлять нѣсколькими сотнями крестьянъ (какъ приходилось это самому Вольтеру), то онъ незамедлилъ бы приняться за распространеніе идеи наказывающаго и награждающаго Бога. Такимъ образомъ пропасть между «сволочью» и «порядочными людьми» даетъ себя знать и въ теологіи и существеннымъ образомъ вліяетъ на образъ мыслей Вольтера. Онъ часто развивалъ этотъ практическій доводъ и прямо говорилъ, что бытіе божіе должно быть утверждаемо не столько на метафизическихъ основаніяхъ, сколько на этомъ практическомъ доказательствѣ. Не имѣя сочиненій Вольтера, мы удовольствуемся слѣдующей цитатой изъ повѣсти «Исторія Женни или атеистъ и мудрецъ». Тенденція разсказа достаточно указывается уже этимъ противоположеніемъ атеиста и мудреца. Мудрецъ Фрейндъ ведетъ, въ присутствіи многочисленнаго общества, поучительную бесѣду съ атеистомъ Биртономъ. Фрейндъ очень краснорѣчивъ и дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ чудеса, обращая въ нѣсколько часовъ заблудшихъ людей на путь истины. Биртонъ играетъ роль болвана въ преферансѣ: карты его открыты и Фрейндъ выбираетъ изъ нихъ то, что ему нужно. Фрейндъ высказываетъ задушевныя мысли самаго Вольтера и разбиваетъ Биртона, которому впрочемъ позволяется также до извѣстной степени представлять собою Вольтера; рядомъ съ атеистическими воззрѣніями, побѣдоносно опровергаемыми Фрейндомъ, Биртонъ высказываетъ нѣсколько намековъ противъ infame, о которыхъ разсказчикъ говоритъ: «Мы не мѣшали ему высказывать эти грубыя шутки, въ которыхъ можетъ быть и была часть истины, но недоставало ни аттической соли, ни римской вѣжливости». Перебравъ аргументы болѣе слабые и немогущіе окончательно убѣдить и поразить слушателей и въ особенности атеиста Биртона, мудрецъ Фрейндъ говоритъ наконецъ: «И неужели же изъ-за этихъ вѣроятностей (атеистической доктрины) мы должны были бы отдаться на волю нашихъ пагубныхъ страстей, жить какъ живутъ дикія животныя, вмѣсто всякихъ законовъ признавать одни только свои желанія и сдерживать ихъ только изъ боязни другихъ людей, которые изъ-за этой боязни должны сдѣлаться вѣчными врага-

ми другъ друга, такъ-какъ мы всегда желаемъ гибели тѣхъ, кого боимся?... Предположимъ, что вся Англія приняла атеистическіе принципы, отъ чего, впрочемъ, избави насъ Господи; тогда, я понимаю, конечно, нашлось бы не мало гражданъ, *съ спокойнымъ и кроткимъ характеромъ, довольно богатыхъ, чтобы имѣть выгоду въ несправедливости, руководимыхъ, однако, чувствомъ чести и, слѣдовательно, слѣдящихъ за своими поступками; они могли бы ужиться другъ съ другомъ*; занимаясь искусствами, которыя смягчаютъ нравы, они могли бы наслаждаться миромъ и невинными забавами честныхъ людей; *но буйный и бѣдный атеистъ, увѣренный въ безнаказанности, былъ бы глупцомъ, еслибы онъ не убилъ васъ, чтобы украсть у васъ деньги.* Тогда прервались бы всѣ общественныя связи, тайныя преступленія наводнили бы міръ, подобно саранчѣ, едва замѣтной въ началѣ, но потомъ опустошающей наши поля: чернь превратилась бы въ шайку разбойниковъ, въ родѣ нашихъ воровъ, десятую часть которыхъ приговаривали къ висѣлицѣ на нашихъ сессіяхъ. Они проводили бы свою несчастную жизнь въ тавернахъ съ погибшими женщинами. Колотя ихъ и дерясь между собою, они засыпàли бы пьяные посреди свинцовыхъ кружекъ, которыми подчасъ разбивали бы другъ другу головы, и, просыпаясь только для грабежа и убійства, каждый день снова предавались бы своимъ скотскимъ страстямъ. Кто удержалъ бы тогда сильныхъ міра сего и царей въ ихъ мести, въ ихъ честолюбіи, и чего бы только не принесли они тогда имъ въ жертву? Король-атеистъ опаснѣе фанатика Равальяка. Въ XV вѣкѣ исторія кишѣла атеистами; что̀ же изъ этого вышло? Отравить кого нибудь было тогда такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ и угостить кого нибудь ужиномъ, и также охотно закалывали своихъ друзей, какъ и обнимали ихъ... Стало быть, нѣтъ ничего полезнѣе людямъ, какъ вѣра въ Бога, который награждаетъ за добрыя дѣла, наказываетъ за злыя и прощаетъ легкіе проступки; только онъ удерживаетъ сильныхъ міра сего отъ совершенія офиціальныхъ преступленій; только онъ удерживаетъ маленькихъ людей отъ тайныхъ преступленій. Я вамъ не совѣтую, любезные друзья, примѣшивать къ этой необходимой вѣрѣ суевѣріе, которое ее унижаетъ и даже дѣлаетъ пагубной; атеистъ — это чудовище, пожирающее все для утоленія своего голода; суевѣръ — то же чудовище, но терзающее людей по чувству долга».

Эта рѣчь доканала Биртона и другихъ слушателей. Будучи только атеистомъ, а не мудрецомъ, Биртонъ бросился къ ногамъ Фрейнда и воскликнулъ: «Да, я вѣрю и въ Бога и въ васъ». Человѣкъ, исполняющій роль болвана въ преферансѣ (кстати, Вольтеръ очень часто прибѣгаетъ къ такой игрѣ съ болваномъ), безъ всякаго сомнѣнія такъ именно и долженъ былъ кончить. Но не надо быть большимъ мудрецомъ, чтобы видѣть, до какой степени слабы и несостоятельны доводы му-

дреца Фрейнда. Въ избѣжаніе какихъ либо перетолкованій и возвышенія нашихъ мнѣній въ квадратъ, мы заявляемъ, какъ это дѣлали уже неоднократно, что смотримъ на атеизмъ, какъ на систему совершенно нефилософскую. Всѣ подобныя вторженія въ область, недоступную для человѣческаго разума, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, не выдерживаютъ критики. Но это не мѣшаетъ намъ стараться по достоинству оцѣнить и тѣ доказательства и положенія, которыя выставляются противъ атеизма, и въ частности находить, что вышеприведенныя возраженія Вольтера не имѣютъ никакой цѣны. Для насъ они драгоцѣнны, но только какъ указаніе—до какой степени Вольтеромъ управляютъ иногда соображенія, совершенно постороннія предмету разсужденія, и до какой степени пагубное вліяніе на его умъ имѣетъ спеціализація задачи жизни, связанная съ непривлекательными чертами его нравственнаго характера. Просимъ читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя нами въ тирадѣ мудреца Фрейнда фразы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать, что атеистъ не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ. Вольтеръ рѣшаетъ задачу такимъ образомъ, что *богатый и кроткій* атеистъ можетъ вести нравственную жизнь, а атеистъ *бѣдный и буйный* будетъ непремѣнно воромъ и преступникомъ. Ясно, что Фрейнду, болвану Биртону и другимъ слушателямъ только кажется, что они рѣшаютъ задачу объ атеизмѣ; ясно, что x и y рѣшаемой задачи вовсе не атеизмъ, а богатство и кротость съ одной стороны и бѣдность и буйство съ другой. Еслибы Биртонъ не исполнялъ назначенной ему роли болвана, онъ могъ бы сказать Фрейнду: «Мудрецъ, вы сворачиваете въ сторону. Вы, подобно страусу, прячете голову, воображая, что вы такимъ образомъ спасены, тогда-какъ даете мнѣ въ руки новое оружіе. Вы мнѣ не доказали, что атеистъ непремѣнно человѣкъ безнравственный; напротивъ, вы поддержали Бейля, вы доказали, что вполнѣ нравственное общежитіе совершенно возможно для атеистовъ, если только они не бѣдны и не буйны. Такъ-какъ атеистъ можетъ быть *добродѣтельнымъ*, если онъ, сохраняя свой атеизмъ, богатъ и притомъ руководится чувствомъ чести и слѣдитъ за своими поступками (т.-е. если онъ *добродѣтеленъ?*); такъ-какъ съ другой стороны атеистъ непремѣнно преступникъ, если только онъ бѣденъ и имѣетъ дурной характеръ, — то мнѣ кажется, что атеизмъ тутъ совсѣмъ не причемъ. Сокращая обѣ части уравненія на одну и ту же величину атеизма, я съ полнымъ правомъ вывожу его изъ круга нашихъ разсужденій и вижу, что человѣкъ, по вашему мнѣнію, добродѣтеленъ, если онъ добродѣтеленъ и богатъ, и безнравственъ, если онъ безнравственъ и бѣденъ. Я вычеркиваю плеоназмы, и у меня остается положеніе: человѣкъ добродѣтеленъ, если онъ богатъ, и преступенъ, если онъ бѣденъ. Это, разумѣется, несправедливо, но здѣсь есть доля истины, и меня удивляетъ, что вы,

имѣя титулъ мудреца, проглядѣли эту долю истины и замаскировали ее для самого себя такой кучей ненужныхъ и слабыхъ укрѣпленій. Мудрецъ, меня удивляетъ ваша логика. Вы утверждаете, что еслибы въ Англіи утвердились атеистическіе принципы, то буйные люди стали бы проводить время въ тавернахъ съ погибшими женщинами и разбивать другъ другу головы оловянными кружками. Но, скажите, о, мудрецъ, развѣ всѣ оловянныя кружки въ нашей теперешней богоспасаемой Англіи совершенно невинны? развѣ и теперь буйные люди не проводятъ времени въ тавернахъ? Не значитъ ли это придавать атеизму слишкомъ много значенія, когда вы въ немъ одномъ ищите причину преступленій, совершенныхъ въ Италіи въ XV столѣтіи? Французскій философъ XVIII вѣка, Вольтеръ, остроумный авторъ нашего съ вами разговора, вѣрилъ въ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ надувалъ, клеветалъ, поддѣлывалъ векселя. Что вы скажете, если я буду на этомъ основаніи утверждать, что г. Вольтеръ продѣлывалъ все это именно потому, что вѣрилъ въ Бога? Вы конечно не назовете меня мудрецомъ, а г. Вольтеръ даетъ вамъ этотъ титулъ за подобную же аргументацію и даже заставляетъ меня бросаться къ вашимъ ногамъ, тогда-какъ изъ дѣла видно, что вы именно, метафизически говоря, бросались къ моимъ ногамъ и просили пощады, хотя г. Вольтеръ обставилъ васъ гораздо лучше, чѣмъ меня. Припомните, что вы окончили свою бесѣду восклицаніемъ: «Пусть господинъ Биртонъ и его друзья отвѣтятъ мнѣ, какой вредъ можетъ имъ принести поклоненіе Богу и честная жизнь?» — Это уже значитъ просить пардону, хотя вы еще продолжаете коварно отождествлять поклоненіе Богу съ честною жизнью, тогда-какъ ихъ взаимныя отношенія и составляютъ нашъ вопросъ, предметъ нашихъ дебатовъ».

Такъ долженъ бы былъ отвѣтить мудрецу Фрейнду Биртонъ, еслибы Вольтеръ не игралъ съ болваномъ. Очевидно, Вольтеръ дѣйствительно *не хотѣлъ* быть атеистомъ, если онъ считаетъ дѣло деизма достаточно защищеннымъ подобными бьющими совсѣмъ мимо цѣли выстрѣлами. Не то, чтобы онъ при этомъ совершалъ надъ собой какое нибудь насиліе, заставлялъ себя убѣждаться доказательствами мудраго Фрейнда. Нѣтъ, это насиліе надъ собой никогда вѣроятно не обрисовывалось вполнѣ отчетливо въ душѣ Вольтера. Это *нежеланіе* быть атеистомъ и матеріалистомъ, ради соображеній совершенно посторонниxъ, никогда не принимало, такъ сказать, остраго характера, но обратилось въ хроническую болѣзнь, сдѣлалось подкладкой всей философіи Вольтера, очень рѣдко однако выступая наружу въ отдѣльныхъ случаяхъ. Сосредоточивъ всѣ свои силы на одномъ пунктѣ, Вольтеръ велъ войну слишкомъ одностороние. Его аттака противъ infame была до такой степени горяча и стремительна; его жажда побѣды на этомъ пунктѣ была до такой степени сильна, что для нея онъ готовъ

былъ пожертвовать всѣмъ. Онъ поступалъ такъ, какъ поступили бы теперь нѣмцы, еслибы, имѣя въ виду только побѣду на Рейнѣ, не замѣтили высадки французовъ съ моря и взятія Берлина и продолжали трубить побѣду, тогда-какъ въ сущности происходило отступленіе. Понятное дѣло, что это произошло потому, что Вольтеръ слишкомъ мало дорожилъ Берлиномъ, а это объясняется опять-таки недостаточною высотою его нравственнаго уровня. Вторженіе этого элемента въ развитіе приведеннаго практическаго аргумента очевидно до послѣдней степени. Какой нравственно развитый человѣкъ не то что рѣшится сказать, а какъ онъ сумѣетъ сказать, какъ это говорилъ Вольтеръ:

...Wird redlicher dein Pächter?
Glaubt er an keinen Gott, zahlt er gewiss dich schlechter.

Это переводъ Штрауса (225), и порусски значитъ: «если твой арендаторъ не вѣритъ въ Бога, такъ будетъ тебѣ плохо платить арендныя деньги». А Вольтеръ видѣлъ въ этомъ серьёзный аргументъ. Какой нравственно развитый человѣкъ, говоря о томъ, что есть люди, достаточно хорошо обставленные для того, чтобы не нуждаться въ несправедливости, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ валить вину преступленій на атеизмъ? Здѣсь низменность нравственнаго уровня Вольтера до такой степени отуманиваетъ его свѣтлую голову, что заставляетъ его говорить вещи не только отвратительныя, а и просто безсмысленныя. Никогда благородный Дидро не напиралъ на подобные аргументы въ періодъ своего увлеченія деизмомъ. Никогда Руссо не поднялъ бы такого жалкаго оружія противъ ненавистнаго ему, не менѣе чѣмъ Вольтеру, атеизма. Въ этомъ отношеніи самъ Вольтеръ отчасти приготовилъ тѣ безсмысленныя огульныя обвиненія, тотъ нелѣпый фантастическій клубокъ, о которомъ мы говорили выше и который захватилъ и Вольтера.

Читатель не могъ не замѣтить, что Вольтеръ очень охотно допускаетъ возможность нравственной жизни, при атеизмѣ, для «философовъ», для «порядочныхъ людей» и напираетъ преимущественно на то, что на «сволочь» должна быть налагаема вѣра въ Бога въ видѣ узды. Самъ собою является вопросъ: насколько самъ Вольтеръ довѣрялъ своимъ доказательствамъ бытія божія и не былъ ли его деизмъ только экзотерическимъ ученіемъ, которое онъ отнюдь не признавалъ для своей личности обязательнымъ? Однако такое подозрѣніе неосновательно. Многочисленные факты изъ окружающей его среды показывали ему, что атеизмъ и высоко нравственная жизнь не несовмѣстимы. Онъ не могъ и не хотѣлъ это наблюденіе надъ жизнью «порядочныхъ людей» распространить на жизнь «буйныхъ и бѣдныхъ» атеистовъ, не могъ по складу своей натуры и потому, что симпатіи его лежали совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Но самъ онъ никогда не былъ атеистомъ. Онъ

искренно вѣрилъ въ бытіе божіе, которое поддерживалось для него не только практическимъ доводомъ, а и другими доказательствами. Объ нихъ ниже Гэттнеръ прекрасно характеризуетъ сантиментализмъ Руссо и раціонализмъ Вольтера, говоря, что для перваго бытіе божіе есть потребность чувства, а для втораго — потребность разума. Наше время, реагируя противъ стараго идеализма и ношеной, вывороченной, перекрашенной, аппретированной, всѣмъ надоѣвшей сантиментальности, слишкомъ пугливо сторонится всякаго вмѣшательства чувства въ вопросы науки и философіи и охотнѣе склоняется къ раціонализму, при чемъ поднимается на пьедесталъ фигура Вольтера. Но эта реакція, надо надѣяться, скоро займетъ должныя границы, и мы убѣдимся, что голый сантиментализмъ Руссо односторонен въ такой же степени, какъ и голый раціонализмъ Вольтера; что здравое міросозерцаніе требуетъ гармоническаго отправленія всѣхъ функцій человѣка и взаимнаго ихъ контроля — что̀ и въ XVIII вѣкѣ было отчасти достигнуто, и именно Дидро. Въ Руссо чувство играло активную роль и иногда слишкомъ перевѣшивало дѣятельность умственнаго элемента. Въ Вольтерѣ мы имѣемъ обратное явленіе, но не слѣдуетъ думать, чтобы его раціонализмъ былъ чистъ отъ всякой примѣси элемента сантиментальнаго. Отнюдь нѣтъ, но, не давая этому элементу свободнаго развитія, то кастрируя его, то вытягивая его за волосы, Вольтеръ не могъ усмотрѣть той роли, которую онъ дѣйствительно не на словахъ игралъ въ его міросозерцаніи. А онъ несомнѣнно игралъ роль важную и, совершенно безъ вѣдома Вольтера, рвался на волю, рвался неправильно, вкривь и вкось, и при этомъ сбивалъ съ логическаго пути и умственный элементъ. Вольтеръ сплошь и рядомъ убѣждается доводомъ не потому, чтобы онъ былъ дѣйствительно убѣдителенъ, а просто потому, что въ глубинѣ души его ему подсказываетъ какой-то невѣдомый для него голосъ: убѣдись, повѣрь. Еслибы Вольтеръ могъ доискаться, что̀ это за голосъ, откуда онъ идетъ и куда зоветъ, словомъ, еслибы онъ привелъ себя себѣ въ ясность, онъ безъ сомнѣнія строже относился бы и къ своимъ силлогизмамъ, которые теперь слишкомъ часто оказываются совершенно прозрачными софизмами. Кромѣ того, руководясь въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда какою-нибудь заднею мыслью, но не подвергая ее анализу и иногда даже вовсе не замѣчая ее, Вольтеръ часто путается и впадаетъ въ противорѣчія, потому что не обращаетъ вниманія на то, что пружины не приведены въ систему.

Богъ непостижимъ, по мнѣнію Вольтера, за исключеніемъ одной стороны, именно правосудія. Богъ награждаетъ и наказываетъ людей за ихъ добрыя и злыя дѣла, — въ этомъ Вольтеръ не сомнѣвается ни на минуту. И это совершенно понятно, потому что сомнѣніе въ правосудіи Бога подкапываетъ самое основаніе практическаго доказательства бытія божія. Но изъ этой

неизбѣжности признанія божія правосудія возникаютъ для Вольтера безчисленныя затрудненія, изъ которыхъ онъ не всегда удачно выпутывается. Быть можетъ, Богъ награждаетъ и наказываетъ людей уже здѣсь, на землѣ? Этотъ вопросъ тѣсно примыкаетъ къ весьма занимавшему Вольтера вопросу о существованіи и причинахъ зла на землѣ, а этотъ въ свою очередь вяжется съ телеологическомъ доказательствамъ бытія божія и воззрѣніями Вольтера на природу, какъ на искусство, которыя слишкомъ обширны и серьёзны, чтобы занять мѣсто въ этой и безъ того разросшейся статьѣ. Всю эту группу воззрѣній Вольтера мы разсмотримъ во второй статьѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что Вольтеръ постоянно очень путался и, какъ говорится, вилялъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Такъ въ цитированной уже нами игрѣ Фрейнда — Вольтера съ болваномъ Биртономъ есть, напримѣръ, слѣдующій ходъ:

«Биртонъ. — ...Если Богъ снизошелъ до созданія, или до устройства вселенной, то это только съ тою цѣлью, чтобы создать счастливыхъ людей. Предоставляю вамъ разсудить, выполнилъ ли онъ свое намѣреніе, единственное намѣреніе, достойное его божественной натуры?

«Фрейндъ.—Да, безъ сомнѣнія, это намѣреніе удалось Ему относительно всѣхъ честныхъ душъ: онѣ будутъ когда-нибудь счастливы, если и несчастливы теперь.

«Биртонъ. — Счастливы! Какая мечта! Это дѣтскія сказки! *Гдѣ? Когда? Какъ? Кто это вамъ сказалъ?*

«Фрейндъ. — *Его справедливость.*

«Биртонъ. — Не собираетесь ли вы мнѣ повторять вслѣдъ за безчисленными витіями, что мы будемъ жить вѣчно послѣ нашей смерти, что мы обладаемъ безсмертною душой или лучше — что она обладаетъ нами, повторять послѣ того, какъ вы признались, что сами евреи, преемниками которыхъ вы себя считаете, никогда даже и не подозрѣвали до времени Ирода, что душа безсмертна?.. и т. д... Этотъ интеллектуальный могущественный принципъ, одушевляющій всю природу, какъ и вы, я назову Богомъ; но доступенъ ли онъ нашему пониманію?

«Фрейндъ. — Да, мы Его познаемъ въ Его дѣйствіяхъ.

. . . .

«Фрейндъ. — ... Все, что я вамъ могу сказать, это то, что если вы совершили преступленіе, злоупотребивъ своей свободой, то вы не можете доказать мнѣ, что Богъ не можетъ наказать васъ. Попробуйте докажите!

«Биртонъ. — Постойте; вы думаете, я не могу вамъ доказать, что Высшее Существо не въ силахъ наказать меня! Ей-Богу, вы правы; я изъ всѣхъ силъ старался убѣдить себя въ противномъ, но это мнѣ никогда не удавалось. Признаюсь, я часто злоупотреблялъ своей свободой и Богъ можетъ наказать меня, но, чортъ возьми, когда я умру, то ему нечего будетъ наказывать!

«Фрейндъ. — Всего лучше было бы для васъ, еслибы вы сдѣлались честнымъ человѣкомъ, пока вы еще живы». (Романы и повѣсти, 564).

Здѣсь Вольтеръ безпощадно эксплуатируетъ избранную имъ для изложенія своихъ воззрѣній діалогическую форму. Биртонъ спрашиваетъ: гдѣ? когда? и какъ? будутъ счастливы честные люди. Эти вопросы поставили бы Фрейнда-Вольтера въ немалое затрудненіе, и потому Биртону предписывается пробовать еще вопросъ: кто вамъ это сказалъ? На него Фрейндъ-Вольтеръ и отвѣчаетъ: его справедливость, пропуская мимо ушей предъидущіе и гораздо болѣе важные вопросы. Однако, и этотъ отвѣтъ Фрейнда не особенно удовлетворителенъ, опять-таки потому, что Вольтеръ забѣгаетъ впередъ и выставляетъ тезисъ, подлежащій обсужденію, уже какъ рѣшенный. Да и весь приведенный разговоръ совершенно ясно свидѣтельствуетъ, что воззрѣнія Вольтера на награды и наказанія въ земной жизни не отличаются отчетливостью. Впослѣдствіи, мы убѣдимся въ этомъ окончательно.

Что на землѣ далеко не всегда порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ — это фактъ слишкомъ осязательный, чтобы его можно было отрицать. Различными діалектическими тонкостями можно только напустить туману на это явленіе, но дѣйствительно перетолковать его нѣтъ возможности. Поэтому не только откровенная христіанская религія, а и большинство существующихъ на земномъ шарѣ религій принимали и принимаютъ загробную жизнь, гдѣ добрыя и злыя дѣла должны получать свой разсчетъ, а для этого требуется признаніе безсмертія души. Для Вольтера здѣсь возникаетъ новое затрудненіе.

Вольтеръ въ психологіи прямой ученикъ Локка. Еще въ своихъ «Англійскихъ письмахъ» онъ возсталъ противъ господствовавшаго на материкѣ психологическаго ученія Декарта и вызвалъ цѣлую бурю своею критикою врожденныхъ идей и признаніемъ чувственнаго опыта, какъ источника нашихъ познаній. Въ «Микромегасѣ» онъ такимъ образомъ сопоставляетъ различныя психологическія доктрины. Микромегасъ, житель Сиріуса, соединившись съ однимъ жителемъ Сатурна, отправляется путешествовать и попадаетъ, между прочимъ, на землю, гдѣ заводитъ разговоръ съ людьми о разныхъ предметахъ и наконецъ спрашиваетъ у нихъ, что̀ такое, по ихъ мнѣнію, душа и какъ слагаются ихъ идеи. «Философы, какъ и прежде, заговорили всѣ разомъ, но высказали мнѣнія самыя разнообразныя. Самый старый цитировалъ Аристотеля, другой произносилъ имя Декарта, третій — Мальбранша, четвертый — Лейбница, пятый — Локка». (Романы и повѣсти, 118). Перипатетикъ выразился такъ: «Душа есть энтелехія и та причина, по которой она можетъ быть такою, какова есть на самомъ дѣлѣ. Это именно говоритъ Аристотель, на 633-й страницѣ Луврскаго изданія». Онъ привелъ цитату. «Я не слишкомъ-то хорошо понимаю греческій

языкъ», сказалъ великанъ. «Я точно также», отвѣчалъ клещъ-философъ. «Зачѣмъ же вы — возразилъ обитатель Сиріуса — цитируете вашего Аристотеля погречески?» «Затѣмъ, что то, чего не знаешь вовсе, всегда надо цитировать на томъ языкѣ, который знаешь всего хуже». Картезіанецъ сказалъ: «Душа есть чистый духъ, который получилъ еще во чревѣ матери всѣ метафизическія идеи и, по рожденіи, отправился въ школу учиться тому, что онъ зналъ уже такъ хорошо и чего ему не суждено болѣе знать». «Такъ вашей душѣ—отвѣчало животное въ 8 льё — не стоило труда быть такой ученой во чревѣ матери, чтобы стать невѣждой, когда выростетъ борода. Но, что вы разумѣете подъ словомъ духъ?» «Что вы меня объ этомъ спрашиваете? — сказалъ резонеръ: — я не имѣю о немъ никакого понятія; говорятъ, что это не вещество». Послѣдователь Мальбранша на вопросъ Микромегаса, что такое душа, и въ чемъ проявляется ея дѣятельность, отвѣчалъ: «Да ни въ чемъ; за меня все дѣлаетъ Богъ, я все вижу и все дѣлаю черезъ него, самъ же ни во что не мѣшаюсь». «Это все равно, что не существовать», возразилъ мудрецъ съ Сиріуса. Четвертый философъ, ученикъ Лейбница, опредѣлилъ душу, какъ «стрѣлку, указывающую часы въ то время, какъ мое тѣло бьетъ ихъ, или, если хотите, она бьетъ часы въ то время, какъ мое тѣло ихъ указываетъ, или иначе, моя душа — зеркало вселенной, а мое тѣло — рамка этого зеркала: все это очень ясно». Наконецъ послѣдній философъ, сторонникъ Локка, сказалъ: «я не знаю, какъ я мыслю, но знаю, что мыслю не иначе, какъ вслѣдствіе моихъ ощущеній; я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть существа невещественныя и разумныя, но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Богу невозможно было вложить мысль въ вещество. Я почитаю Вѣчное Всемогущество, не смѣю его ограничивать, ничего не утверждаю и довольствуюсь тѣмъ убѣжденіемъ, что на свѣтѣ гораздо болѣе возможныхъ вещей, нежели объ этомъ думаютъ». Оба гостя съ далекихъ планетъ были въ восторгѣ отъ разсужденія локкіанца. Но незамѣченный до тѣхъ поръ человѣкъ «въ четыреугольной шапочкѣ» внезапно объявилъ, что рѣшенія обсуждаемыхъ вопросовъ слѣдуетъ искать въ «сокращенномъ изданіи сочиненій св. Ѳомы», и затѣмъ пояснилъ что все, со включеніемъ великановъ гостей, ихъ планетъ, ихъ горъ и проч., сотворено для человѣка. Жители Сиріуса и Сатурна расхохотались во все горло.

Въ «Исторіи о памяти» разсказывается о негодованіи музъ, когда Нонсобра (анаграмма Сорбонны; nonsobra — нетрезвая, невоздержная), лайолисты (іезуиты) и сеянисты (янсенисты) возстали противъ положенія Локка о происхожденіи нашихъ идей опытнымъ путемъ и несуществованіи врожденныхъ идей. Музы въ наказаніе людямъ отняли у нихъ память. Въ одинъ прекрасный день люди проснулись безъ памяти. Произошелъ рядъ забавныхъ и скандальныхъ qui pro quo, никто не понималъ

другъ друга, появился голодъ, такъ, что музы наконецъ сжалились надъ людьми и возвратили имъ память. Мнемозина, богиня памяти, сказала: «Безумные, я васъ прощаю; но помните, что безъ чувствъ нѣтъ памяти, а безъ памяти нѣтъ ума».

Словомъ, какъ изъ лежащихъ передъ нами повѣстей и романовъ, такъ и изъ множества другихъ сочиненій Вольтера совершенно ясно, что относительно вопроса о происхожденіи нашихъ знаній и понятій онъ сильно приближается къ матеріалистическому образу мыслей. Здѣсь у него нѣтъ колебаній. Они начинаются только тогда, когда дѣло идетъ о самой душѣ, о духовномъ началѣ человѣка. Правда, онъ и здѣсь въ общемъ близокъ къ матеріализму, и его деизмъ нисколько не препятствуетъ такому приближенію. Онъ очень охотно и часто пользовался извѣстнымъ аргументомъ Локка: Богъ, какъ существо всемогущее, могъ одарить мыслительною способностью и матерію. Вольтеръ ухитрялся даже повернуть это оружіе противъ нападающихъ дуалистовъ, признававшихъ два начала человѣка — тѣлесное и духовное; онъ говорилъ именно, что надо быть совершеннымъ безбожникомъ, чтобы до такой степени отрицать всемогущество божіе и не вѣрить въ возможность для Бога вложить мысль въ матерію. Аргументъ этотъ однако очевидно несостоятеленъ, потому что рѣчь не о томъ идетъ, *могъ* ли Богъ одарить матерію мыслительною способностью, а о томъ, одарена ли она этою способностью дѣйствительно, или же, рядомъ съ матеріею, надо признать въ человѣкѣ еще иное, отличное отъ матеріальнаго, начало. Противники Локка и Вольтера могли бы возразить имъ: Богъ могъ сдѣлать это, но могъ сдѣлать и иное. Какъ бы то ни было, но Вольтеръ, добросовѣстно доискиваясь истины, не считалъ себя вправѣ признать душу особою субстанціей. Такъ въ разговорѣ доктора Гудмана съ анатомомъ Содракомъ (въ повѣсти «Уши графа Честерфильда и капелланъ Гудманъ») читаемъ, между прочимъ: «Я чувствую и знаю, что Богъ далъ мнѣ способность мыслить и говорить, но я не чувствую и не знаю, далъ ли онъ мнѣ то, что называютъ душою... Такъ-какъ никто не видалъ этого дыханія, этого духа, то изъ него сдѣлали существо, котораго никто не можетъ ни видѣть, ни осязать; говорили, что оно пребываетъ въ нашемъ тѣлѣ, не занимая мѣста, двигаетъ нашими органами, не достигая ихъ: чего только не говорили?... Каждый сознаетъ, что имѣетъ умъ, что онъ воспринимаетъ идеи, собираетъ ихъ и разбираетъ; но никто не сознаетъ, чтобы въ немъ было другое существо, которое доставляло бы ему движеніе, ощущенія и мысли. Въ сущности смѣшно произносить слова, которыхъ никто не понимаетъ, и признавать существа, о которыхъ нельзя имѣть ни малѣйшаго понятія». Далѣе Содракъ, въ качествѣ медика, «препарировавшаго мозги и видѣвшаго зародыши», объясняетъ, что при этихъ операціяхъ онъ не находилъ никакихъ признаковъ души

и что онъ «никакъ не могъ понять, какимъ образомъ невещественное и безсмертное существо можетъ впродолженіе девяти мѣсяцевъ безполезно оставаться скрытымъ. Мнѣ трудно было постигнуть, чтобы эта мнимая душа могла существовать до образованія своего тѣла, потому что къ чему служила бы она нѣсколько вѣковъ, не будучи человѣческою душою? И затѣмъ какъ представить себѣ простое, метафизическое бытіе, которое цѣлую вѣчность ожидаетъ минуты оживить матерію на такое короткое время? Что̀ дѣлается съ этимъ неизвѣстнымъ существомъ, если зародышъ, который оно должно оживить, умираетъ въ животѣ матери? Но, что̀ всего хуже, такъ это то, что говорятъ, будто Богъ вызываетъ изъ ничтожества эти безсмертныя души, чтобы подвергнуть ихъ вѣчнымъ и невѣроятнымъ мученіямъ. Какъ! сжигать простыя существа, которыя не имѣютъ ничего сгораемаго! Какимъ образомъ могли бы мы сжечь звукъ голоса, или пронесшійся мимо насъ вѣтеръ? Еще этотъ звукъ, этотъ вѣтеръ были вещественны во время ихъ прохожденія; но чистый духъ, мысль, сомнѣніе? тутъ я теряюсь. Куда ни повернусь, встрѣчаю только тьму противорѣчія, невозможности, мечты...». (Романы и повѣсти, 578).

Такимъ образомъ, логическимъ теченіемъ мысли, Вольтеръ принужденъ перейти отъ отрицанія особаго духовнаго начала въ человѣкѣ къ отрицанію безсмертія души. Но разъ душа не безсмертна, разъ вмѣстѣ со смертью человѣкъ кончается весь безъ остатка и слѣдовательно по ту сторону гроба нѣтъ для него ни наказанія, ни награды, — приходится для сохраненія такъ дорогого Вольтеру практическаго доказательства бытія божія и божественнаго правосудія признать, что награды и наказанія раздаются уже на землѣ. Иногда Вольтеръ и принималъ это положеніе, но иногда, отчаяваясь въ солидности тезиса «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ», готовъ былъ принять идею безсмертія души; ту самую идею, которая стояла въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами его психологическаго ученія, и которая въ приведенномъ разговорѣ Содрака съ Гудманомъ и во множествѣ другихъ мѣстъ осыпается градомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ. Вольтеръ всю жизнь свою лавировалъ между этими подводными камнями, надъ которыми для него стояла только одна спасительная вѣра: практическое доказательство бытія Божія и идея правосуднаго Бога. Только бы «бѣдные и буйные» атеисты были убѣждены, что ихъ непремѣнно ждетъ наказаніе не мытьемъ, такъ катаньемъ, не на томъ, такъ на этомъ свѣтѣ; только бы нравственность была обезпечена, и ради этого обезпеченія Вольтеръ готовъ уступить все. Конечно, обезпеченіе нравственности есть дѣло великое, но и Александръ Македонскій былъ великій герой, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы нужно было стулья ломать. Обезпеченіе нравственныхъ отношеній между людьми есть нетолько великое, а прямо величайшее

дѣло, какое только можетъ представиться человѣческому уму. Но Вольтеръ хлопоталъ вовсе не о нравственности, онъ совершенно упускалъ изъ виду ея дѣйствительныя гарантіи и если ему и случалось иногда мелькомъ взглянуть на нихъ, то онъ никогда не останавливался на нихъ достаточно долго. Ему, напримѣръ, очень хотѣлось, чтобы арендаторы исправно платили деньги «значительнымъ и опытнымъ землевладѣльцамъ», чтобы «бѣдные и буйные» люди не разбивали другъ другу головъ оловянными кружками, чтобы Александры Шестые не убивали и не отравляли людей. Но ему не приходитъ въ голову, что для исполненія этихъ желаній требуется измѣненіе условій существованія — матеріальнаго и духовнаго — арендаторовъ, бѣдныхъ и буйныхъ людей, Александровъ Шестыхъ. Онъ ихъ оставляетъ въ томъ же положеніи, въ какомъ и засталъ, и полагаетъ, что дѣло сдѣлано, если арендаторамъ, бѣднымъ и буйнымъ людямъ и Александрамъ Шестымъ будетъ внушено, что такъ или иначе, а отъ возмездія имъ не уйти. Это не значитъ искать гарантій нравственности, это значитъ подпирать ее гнилыми подпорками. И у Вольтера была въ запасѣ еще одна. Онъ сдѣлалъ одно довольно важное измѣненіе въ психологической теоріи своего учителя Локка. Будучи съ нимъ совершенно согласенъ относительно происхожденія нашихъ идей и знаній, онъ допускалъ, однако, существованіе врожденной нравственности, врожденныхъ нравственныхъ идей. Когда человѣкъ столько и такъ хлопочетъ о нравственности, такъ дрожитъ надъ ней, не видя вмѣстѣ съ тѣмъ ея дѣйствительныхъ условій — такому человѣку не слѣдуетъ класть пальца въ ротъ. Карты открыты, жизнь Вольтера извѣстна, но, кажется, можно бы и безъ того было сказать, что̀ онъ былъ за человѣкъ, на основаніи его сочиненій. Мы здѣсь опять встрѣчаемся съ вторженіемъ нравственнаго элемента въ чисто теоретическую область. Очевидно, что именно этотъ элементъ обрѣзывалъ крылья Вольтеру, заставлялъ его впадать въ противорѣчія и дѣлать совершенно нелогическіе выводы, до такой степени нелогическіе, что трудно себѣ представить, что присутствуешь при умственной работѣ «царя мысли».

Можно съ большой вѣроятностью предположить, — хотя мы, къ сожалѣнію, не можемъ провѣрить это предположеніе хронологическими данными,—что шансы идеи безсмертія души поднимались именно въ тѣ времена, когда опускались шансы возмездія на землѣ, и наоборотъ; словомъ, что здѣсь происходило постоянное балансированіе. Понятно, что это балансированіе должно было оказывать воздѣйствіе и на психологическое ученіе: если душа безсмертна, то надо признать существованіе особой, самостоятельной нематеріальной субстанціи въ человѣкѣ. Вольтеру приходилось дѣлать и эту уступку. Такъ онъ говорилъ, напримѣръ, что «мы не знаемъ, что̀ именно въ насъ мыслитъ, а потому не знаемъ и того — не переживаетъ ли это

неизвѣстное существо наше тѣло; физически возможно, что въ насъ есть неразрушимая монада, скрытое пламя, частица божественнаго огня, вѣчно живущая подъ разными видами» (Штраусъ, 241). Или: «Вѣдь мысль не есть что-либо матеріальное; почему же нельзя думать, что Богъ вложилъ въ тебя нѣкоторое божественное начало, которое, будучи неразрушимымъ, безсмертно? Осмѣлишься ли ты сказать, что невозможно, чтобы ты имѣлъ душу? Конечно, нѣтъ. Но если это возможно, то слѣдовательно очень вѣроятно. Можешь ли ты отринуть систему, столь прекрасную и *столь полезную человѣчеству*?» (Штраусъ, 242).

Что колебанія эти происходятъ единственно изъ-за дурно понятыхъ практическихъ требованій, это очевидно изъ общаго характера сочиненій Вольтера и изъ нѣкоторыхъ его нисколько недвусмысленныхъ показаній. Въ одномъ изъ діалоговъ представитель Вольтера говоритъ: «Долгое время я, подобно тебѣ, боялся опасныхъ выводовъ, и потому удерживался отъ открытаго изложенія своихъ воззрѣній; но я думаю, что изъ этого лабиринта нетрудно выбраться» (Штраусъ, 243). Этотъ выходъ изъ либиринта состоитъ въ томъ, что дурныя дѣла и на землѣ получаютъ воздаяніе въ угрызеніяхъ совѣсти и въ мщеніи со стороны обиженныхъ. Изъ этого можно даже заключить, что Вольтеръ дѣйствительно кривилъ душой въ вопросахъ о нравственности. И такое предположеніе будетъ настолько же вѣроятно, насколько невѣроятно, чтобы его деизмъ былъ только экзотерическимъ ученіемъ. Существованіе Бога доказывалось для Вольтера, какъ увидимъ, не одними практическими соображеніями; соображенія телеологическія играли здѣсь весьма важную роль, и потому онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что говорилъ. Притомъ же въ деизмѣ телеологическія требованія шли почти въ унисонъ съ требованіями практическими и сталкивались съ ними враждебно только на одномъ пунктѣ — на фактѣ существованія зла на землѣ. И здѣсь мы опять встрѣтимъ колебанія, сбивчивость, противорѣчія и исканіе боковыхъ выходовъ изъ лабиринта. Не то съ практическими требованіями, введенными Вольтеромъ въ свое психологическое ученіе. Здѣсь практическія и теоретическія требованія отрицали другъ друга не на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, а на всемъ своемъ протяженіи.

Но Вольтеромъ иногда управляли соображенія еще болѣе побочныя и отдаленныя. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее остроумное и вполнѣ вѣроятное предположеніе Штрауса. Въ программѣ борьбы съ infame очень видное мѣсто занималъ Ветхій Завѣтъ. Въ Библіи нигдѣ не говорится о безсмертіи души, и догматъ этотъ былъ, повидимому, совершенно неизвѣстенъ древнимъ евреямъ, тогда какъ существовалъ у индусовъ, халдеевъ, египтянъ, грековъ. Штраусъ полагаетъ, что Вольтеръ могъ быть иногда побуждаемъ къ при-

нятію идеи безсмертія души и вѣчности личности желаніемъ унизить евреевъ и противопоставить имъ другіе народы и другія религіи, какъ болѣе древніе и болѣе высокіе. И дѣйствительно, читатель можетъ и въ романахъ и повѣстяхъ Вольтера очень часто встрѣтить указанія на то обстоятельство, что «варварская орда, невѣжественные евреи» не знали безсмертія души, тогда какъ въ него вѣрили почти всѣ ихъ современники.

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Своимъ путемъ. *Романъ въ четырехъ частяхъ.* Л. А. Ожигиной. *Спб. 1870.*

Что потребность найти «свой путь», и вступить на него твердою ногой, сдѣлалась настоятельнѣйшею потребностію современнаго русскаго общества, и въ особенности той его части, которую принято называть «молодымъ поколѣніемъ»,—въ этомъ нѣтъ ничего поразительнаго или внезапнаго. Явленіе это не чье либо произвольное изобрѣтеніе, не плодъ чьей либо личной фантазіи или увлеченія, а просто естественное слѣдствіе сокращенія средствъ и путей для безпечальнаго существованія при помощи чужаго содѣйствія. «Станешь плясать, какъ жрать-то нечего», говоритъ не помнимъ ужь какая героиня г. Горбунова, и говоритъ резонно, хотя вмѣсто слова «плясать» ей слѣдовало бы сказать: «думать и сознавать». Покуда разливанное море существуетъ, покуда «подъ каждымъ листкомъ готовъ и столъ, и домъ», только люди очень развитые могутъ критически относиться къ такому благодатному положенію, простодушное же большинство принимаетъ его безсознательно, не анализируя ни сущности факта, ни тѣхъ дурныхъ вліяній, которыя онъ оказываетъ на весь общественный строй. Но съ той минуты, какъ разливанныя моря изсякаютъ, и начинаетъ дѣлаться замѣтнымъ, что число праздныхъ мѣстъ за даровымъ столомъ несомнѣнно сокращается, — тогда не только для избранныхъ умовъ, но и вообще для каждаго изъ членовъ безмѣстнаго большинства является необходимость обратиться къ самому себѣ, уяснить свое личное положеніе и точнѣе опредѣлить свои отношенія къ тѣмъ матеріальнымъ и умственнымъ источникамъ, при помощи которыхъ можно было бы безъ страха взглянуть въ глаза будущему. Работа этого уясненія очень сложная, и исходнымъ пунктомъ ея, конечно, можетъ быть только осмысленный анализъ того «прежняго положенія», которое еще такъ недавно металось въ глаза, полное жизни, подкрѣпленное всевозможными аргументами теоріи

и практики, и которое тѣмъ не менѣе сдѣлалось отнынѣ невозможнымъ. Но, какъ и всегда, анализъ приводитъ къ открытіямъ, которыхъ до того не имѣлось и въ подозрѣніи. Прежде всего, разумѣется, обнаруживается самая несправедливая сущность господствовавшаго факта, потомъ, мало по малу, выясняются и другія его провинности въ отношеніи къ общему жизненному распорядку. Оказывается, напримѣръ, что все, къ чему въ свое время приводила старая тропа, уже взято и истощено; что все, что̀ расло и цвѣло не только въ концѣ ея, но и по сторонамъ, смято, вытоптано и уничтожено. Слѣдовательно ходить по этой тропѣ не только зазорно, но просто нѐзачѣмъ. И еще доказывается, что господствовавшій фактъ дѣлалъ несчастными не только тѣхъ, при содѣйствіи которыхъ спалось, пилось и ѣлось, но даже и тѣхъ, которые спали, пили и ѣли, не принося ни единаго проявленія своего творчества въ сокровищницу общественной производительности. Эти послѣдніе были лишены цѣлой обширной категоріи нравственныхъ наслажденій, доступныхъ только тому, кто самъ нѣчто создаетъ или устраиваетъ; они жили безсознательною жизнію, не вѣдая сами, что̀ творятъ, и только по наружности были людьми, внутренно же не обладали ни однимъ изъ типическихъ свойствъ, отличающихъ человѣка отъ звѣря. Для современнаго человѣка подобное существованіе немыслимо; въ его глазахъ нравственныя наслажденія не только въ равной степени необходимы, какъ и наслажденія матеріальныя, но послѣднія даже становятся какъ бы въ зависимость отъ первыхъ.

Такого рода открытія не могутъ имѣть иного результата, кромѣ окончательнаго и безвозвратнаго осужденія. Но это все-таки только первая половина предпринятаго уяснительнаго процесса; вторая половина его естественнымъ образомъ должна будетъ сосредоточиться на опредѣленіи отношеній современнаго человѣка къ будущему, на обезпеченіи этого будущаго болѣе разумнымъ и соотвѣственнымъ человѣческому достоинству путемъ. Этотъ путь одинъ, и названіе ему — личный трудъ. Онъ одинъ снимаетъ съ человѣка клеймо осужденія, одинъ дѣлаетъ его отвѣтственнымъ передъ своею совѣстью, одинъ даетъ возможность жить не краснѣя. Чтобы получить въ будущемъ не одно матеріальное, но и нравственное обезпеченіе, надо опереться на самого себя, надо воспитать свои силы, и извлечь изъ нихъ все, что̀ онѣ способны дать. Эта мысль выступаетъ впередъ, какъ самое естественное послѣдствіе обращенія къ прошлому. Сокращеніе возможности жить при чужомъ содѣйствіи, казавшееся, съ непривычки, обиднымъ, горькимъ и какъ бы произвольнымъ, становится явленіемъ вожделѣннымъ, естественнымъ и исполненнымъ правды. Идея о «своемъ пути», о свободномъ и самостоятельномъ трудѣ, о сознательномъ отношеніи къ природѣ и жизни дѣлается достояніемъ не однѣхъ избранныхъ натуръ, но общимъ, мірскимъ.

Она становится въ ряды обыденныхъ, жизненныхъ задачъ, неговорящихъ ни о подвигѣ, ни о заслугѣ, ни даже о порывахъ энтузіазма.

Мы искренно думаемъ, что современное русское общество уже дошло до сознательнаго отношенія къ этой идеѣ, и что въ этомъ собственно и заключается причина, почему на этомъ явленіи и его логическихъ отпрыскахъ какъ бы исключительно сосредоточивается все вниманіе нашей литературы. Какъ публицисты, такъ и беллетристы, безъ различія партій, указываютъ на него, какъ на типическую черту времени, и разница заключается только въ личномъ отношеніи того или другаго литературнаго дѣятеля къ этому знаменательному факту.

Существуетъ цѣлая литературная партія, которая въ настойчивомъ исканіи «своего пути» усматриваетъ не болѣе, какъ блажь, легкомысліе и даже уродливость. Она не можетъ отвернуться отъ факта, не можетъ не признать его конкретности, но это даетъ ей только поводъ относиться къ нему съ ожесточеніемъ. Всѣ наиболѣе существенныя задачи, вытекшія изъ этой главной идеи, трактовались этою партіей не иначе, какъ съ точки зрѣнія покушенія на прочность и неприкосновенность коренныхъ основъ бщества. Вопросъ о распространеніи естествознанія приурочивался къ вопросу о невѣріи, вопросъ о положеніи въ обществѣ женщины—къ вопросу о вольномъ обращеніи. Въ сущности, это единственная литературная партія, которая подлинно заслуживаетъ наименованія нигилистовъ. Не было той омерзительной картины, которую отказалась бы начертать рука благонамѣреннаго нигилиста-литератора по поводу самой скромной попытки человѣческой личности освободиться отъ ига безсознательности; не было той гнусной подробности, которая не ставилась бы на первый планъ, на которую не указывалось бы, какъ на самую суть всего дѣла. Упоенные минутнымъ успѣхомъ, эти господа доходили до опьяненія, смѣшивали понятія самыя разнородныя, и ставили ихъ одно на мѣсто другаго; свѣтъ называли тьмою, знаніе—невѣжествомъ, трудъ—праздностію, сознательность —распущенностію, хвастовствомъ и мальчишескою дерзостію. И что́ же? — какъ ни бойки были первоначальные успѣхи этой литературы, въ результатѣ оказалось, что это все-таки были то ько успѣхи скандала, скользнувшіе по поверхности, и никого ни въ чемъ не убѣдившіе. Никого; не только тѣхъ, надъ кѣмъ зубоскалили господа подлинные нигилисты, но и тѣхъ, на пользу которыхъ они думали зубоскалить. Даже талантливость перестала подкупать, ибо какою-то странною уродливостію кажется совмѣстное существованіе такихъ несовмѣстимыхъ элементовъ, какъ талантъ и упорный, слѣпой протестъ противъ всего, что́ знаменуетъ дѣйствительный прогрессъ общества. Исканіе «своего пути» все-таки осталось насущною потребностію времени, такъ что люди иныхъ привычекъ, иного склада, и тѣ пришли къ убѣжденію, что ежели времена без-

сознательности и жуированья на чужой счетъ еще не канули въ вѣчность окончательно, то обстоятельству этому нечего радоваться, но, напротивъ того, слѣдуетъ видѣть въ немъ коренную причину всѣхъ золъ и тревогъ, благодаря которымъ общество не можетъ сдѣлать ни одного твердаго шага на пути прогресса.

Но, само собою разумѣется, что ежели литература дала у себя пріютъ нигилистическимъ отношеніямъ къ современному направленію общества, то она же должна была воспитать и иныя отношенія къ тому же предмету. Да, эти отношенія существуютъ, и мы уже нерѣдко встрѣчаемся съ выраженіями ихъ въ литературѣ, хотя, въ художественномъ смыслѣ, эти выраженія и заставляютъ еще желать многаго. Неувѣренность, бѣдность замысла, отсутствіе тѣней, неумѣніе поставить дѣйствующія лица въ положеніе борцовъ и стремленіе замѣнить борьбу декламаціей, — вотъ капитальные недостатки той категоріи русской беллетристики, которую мы, въ отличіе отъ нигилистической, назовемъ положительною. Мы очень ясно сознаемъ эти недостатки, но и за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ никакого повода жаловаться на упадокъ нашей литературы. Главное сдѣлано: найденъ путь, по которому должна идти литература, ежели хочетъ имѣть въ обществѣ значеніе дѣйствующей силы; остальное, то-есть форма, придетъ сама собою, и придетъ непремѣнно.

Романъ г-жи Ожигиной, заглавіе котораго выписано нами выше, принадлежитъ къ числу произведеній второй категоріи, и мы, не покрививши совѣстью, можемъ сказать, что онъ довольно выгодно выдѣляется изъ общей массы беллетристическаго матеріала, съ которымъ наши журналы познакомили публику въ послѣднее время. Независимо отъ идеи, вполнѣ вѣрной и человѣчной, самое воспроизведеніе ея доказываетъ въ авторѣ присутствіе таланта несомнѣннаго, хотя, впрочемъ, и не весьма крупнаго. Задача романа — первые шаги дѣвушки на поприщѣ самовоспитанія. Обстановка дѣтства, пребываніе въ швейной мастерской, въ модномъ пансіонѣ и, наконецъ, въ качествѣ гувернантки въ дикомъ помѣщичьемъ семействѣ,— все это даетъ автору случай вывести на сцену множество разнообразныхъ типовъ и нарисовать большой рядъ сценъ, довольно вѣрно и живо характеризующихъ среду. Правда, что все это набросано нѣсколько небрежно, но есть одинъ признакъ, который въ глазахъ нашихъ до извѣстной степени искупаетъ эту небрежность, — это отсутствіе декламаціи, которая такимъ удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на читателя въ произведеніяхъ другихъ нашихъ беллетристовъ той же категоріи. Героиня г-жи Ожигиной не топчется на одномъ мѣстѣ, не надсаживаетъ свою грудь криками во славу самостоятельнаго труда и на погибель тѣмъ, которые ставятъ ему преткновенія, но дѣйствительно трудится, и по мѣрѣ силъ своихъ даетъ отпоръ тѣмъ

темнымъ силамъ, которыя посягаютъ на самостоятельность ея труда. Арена, на которой дѣйствуетъ эта героиня, не широка — это правда; результаты, которыхъ она достигаетъ, очень скромны, — и это опять-таки правда. Но кто же, положа руку на сердце, будетъ такъ смѣлъ, чтобы сказать, что арена болѣе обширная можетъ, при теперешнемъ положеніи нашей печати, умѣститься въ ней иначе, какъ въ изображеніи благонамѣреннаго нигилиста? Кто не затруднится утверждать, что наша жизнь когда-нибудь что-нибудь давала стучащимся въ двери ея, кромѣ скудной подачки, которая способна только раздразнить голодъ алчущаго, а не утолить его?

Повѣсти и разсказы. Анатолія Брянчанинова. *Москва. 1870.*

Г. Брянчаниновъ писатель тоже начинающій, но повидимому, рѣшившійся стать совсѣмъ особнякомъ въ нашей литературѣ. Никакіе «свои пути», никакіе женскіе или вообще соціальные вопросы его не занимаютъ ни съ какой стороны: ни съ точки зрѣнія глумленія, ни съ точки зрѣнія панегиризма. Идея, которую онъ проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ, есть идея влюбленности. Въ одной повѣсти кузенъ влюбляется въ кузину; въ другой—сосѣдъ помѣщикъ въ свою сосѣдку помѣщицу; въ третьей—Вадимъ въ Алину; въ четвертой — агрономъ въ экономку; въ пятой—молодой посредникъ въ одну изъ подвѣдомственныхъ ему помѣщицъ, въ шестой... но шестой повѣсти мы, сознаемся откровенно, не читали. Если послушать г. Брянчанинова, то во всѣхъ россійскихъ градахъ и весяхъ, подъ каждымъ кустомъ сидитъ прекрасная жена или дѣва, и только ждетъ случая, чтобы учинить если не подлинное прелюбодѣяніе, то, по крайней мѣрѣ, дать поводъ къ помышленіямъ о немъ. Самыя неожиданныя комбинаціи допускаются, чтобы провести эту мысль съ успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Три свиданія», мысль о влюбленности сначала возникаетъ въ Екатерингофѣ, а потомъ вдругъ разыгрывается на берегу рѣчки Хвостовки. Въ Екатерингофѣ казалось все конченнымъ; влюбленные влюбились другъ въ друга, подвергли другъ друга взаимнымъ лобзаніямъ, потомъ встрѣтили препятствіе и разбѣжались въ стороны. И вдругъ оказывается, что на берегу рѣки Хвостовки подъ кустомъ сидитъ прекрасная женщина. Видъ этой женщины вызываетъ наружу всю влюбленность отъ рожденія влюбленнаго героя; онъ всматривается въ прекрасную женщину и видитъ знакомыя черты! Оказывается, что это та самая, екатерингофская. Какими судьбами! на берегу рѣчки Хвостовки? ночью?—А такъ, мой другъ, по щучьему велѣнью, по твоему хотѣнію! любилъ ты меня въ Екатерингофѣ, такъ надо же попробовать, какова будетъ твоя любовь на берегу рѣчки Хвостовки! вотъ и все.

Но образецъ всевозможныхъ влюбленностей — это, конечно, влюбленность мирового посредника. Само собою разумѣется,

что это человѣкъ самый прекраснѣйшій: воспитывался въ артиллерійской академіи, исполняетъ свои новыя обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ, строгъ, но справедливъ и т. д. О должности своей онъ выражается такъ: «намъ вышла тяжелая и завидная доля перевоспитывать народъ, приготовить изъ него гражданина (въ единственномъ числѣ?), развивать зародышъ великой будущности... Мы должны знать, что встрѣтимся лицомъ къ лицу съ упорствомъ, невѣжествомъ, безнравственностью—но еслибъ не было борьбы, не было бы и заслуги!» Эти слова до того огорошиваютъ подчиненную помѣщицу, что влюбленность начинаетъ дѣйствовать въ ней, такъ сказать, не выходя изъ присутствія. Но посредникъ до того занятъ дѣломъ перевоспитанія народа, что не сразу рѣшается изъяснить помѣщицѣ о своей взаимной влюбленности. Долгое время онъ проводитъ въ разговорахъ о «разницѣ, которая существуетъ между истинною любовью и капризомъ», о томъ, что любовь «есть влеченіе одной души къ другой, сліяніе двухъ жизней, двухъ существованій во едино, а не просто (грустно подумать!) стремленіе одного пола къ другому!» Но, наконецъ, усматривается и для него минута досуга. Всѣ дѣла передѣланы; недоразумѣнія улажены, мужики усмирены, уставныя грамоты подписаны, гражданинъ приготовленъ; ни необразованность, ни безнравственность, ни упорство — ничто не мѣшаетъ влюбленности, ибо все уничтожено. Моментъ признанія насталъ, и мировой посредникъ, конечно, не упускаетъ его. «Я встрѣтился», говоритъ онъ помѣщицѣ, «съ женщиной, которая, какъ водная пропасть, притягиваетъ меня къ себѣ, а я не имѣю на столько силы, чтобы бороться съ нею, хотя вижу, что эта женщина такъ же холодна, такъ же равнодушна, какъ эта бездна!» И что же! — представьте какой пріятный сюрпризъ: оказывается, что женщина эта не только не имѣетъ ничего общаго съ бездною, но давнымъ давно ужь сидитъ подъ кустомъ и ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, пройдетъ прекраснѣйшій мировой посредникъ, и сорветъ цвѣтокъ...

Мы не спрашиваемъ: *съ кого они портреты пишутъ?* — въ этомъ несносномъ разглагольствіи нѣтъ даже намека на какой-либо портретъ—мы просто, по мѣрѣ нашихъ силъ, протестуемъ противъ намѣренія автора увѣрить публику, будто каждая помѣщичья усадьба есть арена для влюбленности, и что подъ каждымъ кустомъ помѣщичьяго сада сидитъ женщина «поразительной красоты». Это положительно несогласно съ истиной. Даже г. Тургеневъ, первый провозгласившій идею прекрасной помѣщицы, ожидающей подъ кустомъ прекраснаго помѣщика — и тотъ не подтвердитъ этого.

Къ мировому! *Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.* Виктора Крылова (Александрова). *Спб. 1870.*

Комедія г. Крылова имѣла, и имѣетъ большой успѣхъ на сценѣ, но въ чтеніи она утрачиваетъ значительную долю той

привлекательности, которую ей сообщаетъ полная живой дѣйствительности игра артистовъ. Хотя внѣшніе признаки, которыми обставлена пьеса (мировой судъ, женскіе курсы и т. п.), и напоминаютъ о современности, но внутренняя постройка очень немного отступаетъ отъ водевильныхъ преданій добраго, стараго времени. Конечно, авторъ и не заявляетъ претензій идти въ своемъ замыслѣ далѣе такъ-называемыхъ pièces de circonstance, но пора бы ужь и такія пьесы писать, не предерживаясь слишкомъ близко рецепта «Булочной». Какъ въ «Булочной» распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, относительно законнаго вѣса булокъ, содѣйствуетъ соединенію сердецъ любовниковъ, такъ и здѣсь тому же результату содѣйствуетъ мировой судъ, съ тою только разницею, что въ новой комедіи не поймешь, какое мѣсто занимаетъ любовникъ, и какое—женскіе курсы. Какого же рода поученіе можно изъ всего этого вывести? А то, что у насъ начальство продолжаетъ, само того не зная, издавать мѣропріятія съ главнѣйшею цѣлью устроять дѣла любовниковъ. Мы положительно думаемъ, что это единственный, сколько-нибудь подходящій выводъ, на который наводитъ трудъ г. Крылова. Но если такова была дѣйствительно цѣль, съ которою принялся г. Крыловъ за написаніе своей комедіи, то для чего же онъ не высказалъ ее яснѣе? и для чего онъ заставляетъ высказывать ее насъ, нисколько неповинныхъ въ его творческихъ мѣропріятіяхъ?

Скопцы. *Свѣдѣнія о русскихъ скопцахъ, извлеченныя изъ разныхъ документовъ и рукописей* Ефимомъ Соловьевымъ. *Кострома. 1870 г.*

Книга эта не даетъ никакихъ новыхъ фактовъ къ объясненію загадочной секты, надѣлавшей у насъ въ прошломъ году столько шуму, что даже скромный артистическій кружокъ въ Москвѣ счелъ нужнымъ заявить себя не чуждымъ этому дѣлу. Но въ книжкѣ помѣщенъ небезъинтересный разсказъ о томъ, какимъ образомъ скопческая секта была открыта въ Саратовѣ, а потому мы и находимъ нелишнимъ обратить на нее вниманіе читателей.

Дѣло было въ 1839 году; г. Ливановъ еще не дѣйствовалъ на поприщѣ обличенія; власти, по обычаю своему, дремали, не подозрѣвая, что кругомъ ихъ кишатъ неблагонадежные элементы. Въ особенности же, глубокимъ сномъ спалъ саратовскій губернаторъ Переверзевъ, оффиціально доносившій по начальству, что никакихъ скопцовъ въ городѣ Саратовѣ не было и нѣтъ. Посреди этого всеобщаго усыпленія, на стражѣ стояли только купцы: Пономаревъ и Залетновъ. Какимъ-то особеннымъ чутьемъ узнали они, что саратовскій купецъ Пановъ принадлежитъ къ скопческой сектѣ и поспѣшили открыть объ этой догадкѣ мѣстному преосвященному Іакову, который съ своей стороны сообщилъ жандармскому полковнику Быкову (по-

чему же не губернатору?). Что нужно было поймать скопцовъ, во что бы то ни стало—въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвался; но какъ поймать людей, которые ни подъ какимъ видомъ не хотятъ чтобъ ихъ изловили? Думали—думали, и наконецъ пришли къ такому заключенію, что самый вѣрный способъ—это найти такого человѣка, который согласился бы «вступить въ число членовъ скопчества», разумѣется, притворно, и потомъ тихимъ манеромъ устроилъ бы скопцамъ западню. Всѣ взоры обратились на купца Залетнова, который однакожъ понялъ деликатность предстоящаго ему порученія и поставилъ вопросъ: а что ежели, при исполненіи порученія, онъ подвергнется дѣйствительному оскопленію? И только тогда, когда преосвященный Іаковъ сказалъ ему (такъ свидѣтельствуетъ авторъ): «повѣрь, мой другъ, что еслибы было возможно, я самъ бы пошелъ къ скопцамъ и вступилъ въ секту ихъ, дабы истребить эти плевелы; вѣрую, что Господь сохранитъ тебя невредимымъ», и когда полковникъ Быковъ съ своей стороны подтвердилъ: «только дай мнѣ знать—въ случаѣ опасности для тебя, я размечу весь домъ»,—только тогда Залетновъ рѣшился окончательно, и подговорилъ вмѣстѣ съ собою на подвигъ купца Чекенева и мѣщанина Любимова. Однако, несмотря на ловкость придуманнаго плана, дѣло было совсѣмъ не такъ просто, какъ казалось съ перваго взгляда, ибо для того, чтобы захватить скопцовъ, нужно было получить разрѣшеніе изъ Петербурга. Покуда разрѣшеніе пришло (а шло оно чрезвычайно долго), Залетновъ съ товарищами, уже вступившіе въ «число членовъ скопчества», по всей вѣроятности, сильно дрожали за свою «невредимость» и съ каждымъ днемъ все больше и больше сознавали деликатность принятаго имъ порученія. Наконецъ, вожделенная минута, однакожъ, наступила; но здѣсь мы даемъ слово самому автору.

«Это случилось слѣдующимъ образомъ. За часъ до ихъ (скопцовъ) собранія Пономаревъ отправился ко владыкѣ, и, взявъ отъ него благословеніе на окончательный подвигъ, изъ архіерейскаго дома прямо прошелъ къ полковнику Быкову. Здѣсь все уже было готово: Быковъ, нарядивъ Пономарева жандармомъ, оставилъ его при себѣ, команда была раздѣлена на двѣ части: одни пѣшіе, переодѣтые простыми крестьянами, пошли впередъ, другіе, въ своей собственной формѣ и полномъ вооруженіи, слѣдовали за ними нѣсколько поодаль. Подойдя къ сборному мѣсту, Быковъ распорядился, чтобы пѣшіе съ Пономаревымъ шли впередъ и заняли, по его указанію, всѣ входы и выходы изъ дому, а конные остались съ нимъ на сборномъ мѣстѣ, готовые прибыть туда же по первому востребованію. Домъ Бекетова (мѣсто собранія) былъ на дворѣ, въ глубинѣ сада. Первый отрядъ тихо приблизился къ нему, благодаря темнотѣ и страшной мятели; нѣсколько человѣкъ немедленно перелѣзли черезъ заборъ, захватили часовыхъ, отбили ворота и заняли всѣ выходы; другіе окружили домъ и дали знать полковнику Быкову, который прибылъ съ остальною частію команды. Въ сопровожденія Пономарева онъ вошелъ внутрь дома; по страшной оплошности скопцовъ, двери въ сѣни оставались не запертыми; усердно занятые своимъ радѣніемъ, скопцы не слыхали ничего происходившаго на дворѣ. Быковъ и Пономаревъ вошли преспокойно въ

сѣни, оттуда въ прихожую, въ которую дверь была тоже не заперта, наконецъ и въ залу. Зала была ярко освѣщена лампами; посреди ея стоялъ столъ, покрытый бѣлою скатертью; на немъ положены были крестъ и евангеліе. По правую сторону стола стояли мужчины, босые, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ; у каждаго изъ нихъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платокъ и восковая зажженная свѣча. По лѣвую сторону стола стояли женщины, въ бѣлыхъ сарафанахъ, на головахъ повязаны бѣлые платки, въ лѣвой рукѣ тоже бѣлые платки и зажженныя свѣчи. Испуганные неожиданнымъ появленіемъ жандармовъ, сектанты разбѣжались въ разныя стороны. Залетновъ, Чекеневъ и Любимовъ, увидя своихъ избавителей, тотчасъ ухватились за пророковъ, какъ бы въ сильномъ испугѣ, жалобно умоляя ихъ: «помогите, родименькіе, спасите насъ, вотъ погибаемъ мы!» а въ сущности для того, чтобы воспрепятствовать имъ скрыться. Вошла команда и по указанію Пономарева стала вязать присутствующихъ, начиная съ пророковъ и пророчицъ; арестованныхъ сажали на лошадей Быкова и отвозили подъ карауломъ прямо къ нему въ домъ. Всѣхъ схваченныхъ оказалось до 10 человѣкъ обоего пола».

Такъ совершилось дѣло открытія скопческой секты въ Саратовѣ. Затѣмъ послѣдовали допросы и окончательное завершеніе дѣла, т.-е. ссылка главныхъ сектаторовъ въ Сибирь. Открытіе сопровождалось двумя очень интересными эпизодами. Вопервыхъ, одна изъ скопчихъ-пророчицъ успѣла спастись и на другой день по утру пришла къ Пономареву, считая его своимъ единомышленникомъ. Пономаревъ утѣшилъ, обнадежилъ и убѣдилъ пророчицу идти вмѣстѣ съ нимъ къ полковнику, увѣряя что онъ добрый. «Пророчица», прибавляетъ почтенный авторъ, «согласилась, и, конечно, была задержана вмѣстѣ съ прочими». Другой эпизодъ рисуетъ отношеніе губернатора Переверзева къ этому дѣлу. «Такое неожиданное извѣстіе», говоритъ авторъ, «какъ громомъ поразило губернатора, вспомнившаго, какъ незадолго передъ тѣмъ онъ доносилъ министру, что такой секты нѣтъ въ городѣ; однако, сдѣлалъ видъ, будто онъ душевно радуется такому счастливому открытію, поздравилъ Быкова съ заслугою, и поѣхалъ домой, затаивъ злобу въ душѣ, какъ на Быкова, такъ и на всѣхъ участниковъ этого дѣла»...

Можно ли не сказать послѣ этого, что какъ ни несомнѣнна была въ то время бдительность господъ губернаторовъ, но все же она не достигала той высоты, на которой издревле стояла бдительность господъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ.

По нашему мнѣнію, это единственный ясный выводъ, который можно сдѣлать изъ книги г. Соловьева.

Сочиненія Л. Г. *Томъ I. Драматическія сочиненія. Москва. 1870 г.*

Зеркало *современной жизни русскаго люда. Письма отца къ своему семейству и басни. Въ двухъ частяхъ. Сочиненіе* Е. Своехотова. *Москва. 1870 г.*

Какого рода умственный процессъ совершается въ человѣкѣ въ то время, когда онъ создаетъ нѣчто не вполнѣ удовлетво-

ряющее требованіямъ здраваго смысла, это, кажется, и донынѣ обстоятельно не раскрыто наукой. Вы видите человѣка, который всѣ вопросы обыденной жизни разрѣшаетъ довольно разумно, который не прочь даже отъ разрѣшенія высшихъ вопросовъ, и объ нихъ разсуждаетъ не безсвязно; вы знаете, что этотъ человѣкъ — хорошій семьянинъ, что онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стоитъ во главѣ дома, а иногда даже цѣлаго предпріятія... и вдругъ онъ подноситъ вамъ книжку собственнаго сочиненія. Вы перевертываете страницы и ничего не понимаете:

Тили-тили, тилишокъ
Терешенька женишокъ;
Тили-тили тѣста
Машенька невѣста!
Поднеси Мирону,
Накати Матрену. (Соч. Л. Г.).

Или:

Другъ супружница!
Ты читаючи
Письма грустнаго
Содержанія,
Ужь навѣрное
И сама въ печаль
Погружаешься! («Зеркало»).

Какимъ образомъ могло это случиться? Вѣдь долженъ же быть какой-нибудь законъ? Все въ мірѣ совершается въ силу закона, все, не исключая и безпорядка. Но вѣдь это даже не безпорядокъ, это не возстаніе противъ здраваго смысла, а совершенно не преднамѣренное уклоненіе отъ него. Въ силу какого закона оно совершается въ людяхъ, которые вездѣ, внѣ области творчества, считаются (и вполнѣ основательно) считаются лицами, отвѣтственными за свои дѣйствія? Въ силу какого закона могли быть выдуманы и написаны помянутые выше стихи?

Политическія движенія русскаго народа, *сочиненіе* Д. Мордовцева. *Гайдамачина. Спб. 1870 г.*

Подъ именемъ г. Мордовцева подвизаются въ русской литературѣ два писателя. Очень можетъ быть, что эти два писателя соединяются въ одной личности, но и въ такомъ случаѣ, они не имѣютъ между собою ничего общаго въ литературномъ отношеніи. Одинъ изъ двухъ гг. Мордовцевыхъ извѣстенъ, какъ бельлетристъ, другой — какъ историкъ; одинъ пишетъ романы и повѣсти, представляющіе болѣзненный бредъ крайне разстроенной фантазіи; другой, напротивъ того, въ своихъ историческихъ монографіяхъ проявляетъ трезвый, положительный, иногда довольно осторожный и часто вполнѣ свѣтлый взглядъ на событія минувшей исторіи нашего отечества; одинъ — тщетно старается уловить духъ современности, окружающей

его со всѣхъ сторонъ и, изображая жизнь, нравы, идеалы новыхъ людей — словно какъ будто переселяетъ васъ на другую планету, изображая передъ вами нравы Меркурія или Марса,— другой же, напротивъ того, углубляясь въ чуждое ему прошлое— весьма рельефно выставляетъ минувшую жизнь, умѣя воскресить ее изъ сухихъ и пыльныхъ историческихъ источниковъ; наконецъ одинъ отличается постоянствомъ въ выборѣ журнальнаго сотрудничества, по необходимости придерживаясь такихъ органовъ, въ которыхъ предпочитается, чтобы молодое поколѣніе изображалось не въ настоящемъ его видѣ, а въ фантастическомъ и необыкновенномъ во всѣхъ отношеніяхъ (каковъ напримѣръ былъ извѣстный органъ доктора Хана), другой же г. Мордовцевъ — отличается напротивъ того крайнимъ индифферентизмомъ въ выборѣ органа для напечатанія своихъ трудовъ; ему повидимому рѣшительно все равно, гдѣ бы ни напечатать статьи, вѣроятно на томъ основаніи, что прошлому, которымъ занимается этотъ писатель, — мало дѣла до настоящаго. Если эти два писателя столь различные, чтобы не сказать противоположные, существуютъ независимо другъ отъ друга, то вещь эта разумѣется естественная и простая, но если только они соединяются въ одномъ человѣкѣ, въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неразгаданнымъ чудомъ природы, способнымъ поразить васъ до крайности не только тѣмъ, что двѣ такія различныя дѣятельности, и по характеру, и по содержанію могутъ исходить изъ одного лица, но и тѣмъ, какъ стаетъ одного человѣка на такую курьёзную раздвоенность.

Въ настоящее время мы имѣемъ дѣло съ г. Мордовцевымъ— историкомъ, о чемъ читатели наши могли уже заключить, прочитавши заглавіе книги, предстоявшей нашему разбору. Книга эта, отличаясь легкимъ, популярнымъ изложеніемъ, не лишена и многихъ ученыхъ достоинствъ: видно, что авторъ, прежде чѣмъ начать изложеніе своего труда, основательно познакомился съ литературою эпохи, которою онъ занимается съ всевозможными источниками русскими, малороссійскими и польскими. Вмѣстѣ съ этимъ книга г. Мордовцева не можетъ не обратить на себя вниманія тѣмъ строгимъ безпристрастіемъ, съ какимъ онъ разсматриваетъ различные элементы, входившіе въ описываемую имъ борьбу, безпристрастіемъ совершенно чуждымъ руссофильства, хохломаніи и всякаго рода казенныхъ взглядовъ, отъ которыхъ въ настоящее время не могутъ вполнѣ освободиться многіе историки наши, пользующіеся бо́льшею извѣстностью и компетентностью въ наукѣ, чѣмъ г. Мордовцевъ. Предоставляя этимъ компетентнымъ судьямъ всестороннюю историческую оцѣнку труда г. Мордовцева, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ нашимъ читателямъ наиболѣе выдающіеся и остановившіе наше вниманіе взгляды автора на разбираемыя имъ событія.

Г. Мордовцевъ принадлежитъ всецѣло къ школѣ г. Костома-

рова: для него въ исторіи на первомъ планѣ стоитъ жизнь народа, его самостоятельныя движенія въ связи съ политическимъ строемъ его быта. «Предметомъ большей части своихъ историческихъ изслѣдованій, какъ неоднократно уже замѣчено въ печати, говоритъ г. Мордовцевъ въ началѣ своего труда, я избиралъ преимущественно темныя стороны изъ историческаго прошлаго русскаго народа. Я имѣлъ основаніе отдавать преимущество этимъ темнымъ сторонамъ передъ свѣтлыми вопервыхъ потому, что первыхъ, къ сожалѣнію, исторія русскаго народа — собственно народа, а не государства — представляетъ болѣе, чѣмъ послѣднихъ, вовторыхъ потому, что безъ нихъ русская исторія всегда являлась бы неполною, недоконченною книгою, картиною безъ тѣней, красокъ и достаточнаго освѣщенія».

Такимъ образомъ г. Мордовцевъ главное вниманіе свое обращаетъ на ту, такъ сказать, неофиціальную сторону нашей исторіи, на которую такъ недавно еще смотрѣли только какъ на печальныя исключенія, минутныя отклоненія отъ правильнаго хода развитія нашего народа и въ которой только въ послѣдніе годы начали видѣть существенную сторону жизни народа, заключающейся въ цѣломъ рядѣ порывовъ съ цѣлію вырваться изъ-подъ гнета той офиціальной исторіи, которая въ такомъ блестящемъ радужномъ свѣтѣ рисуется передъ нами подъ перомъ Карамзина. Но при всемъ вниманіи, которое обращено современными историками нашими на эти порывы, по большей части они разсматривались до сихъ поръ эпизодически, принимая во вниманіе связь ихъ только съ общимъ положеніемъ вещей въ данную эпоху, въ которую разыгрывалась та или другая драма, — но при этомъ совершенно опускалась изъ вида съ одной стороны поразительная аналогія, которую представляютъ народныя движенія въ разныхъ вѣкахъ и мѣстностяхъ, съ другой стороны та преемственная историческая связь, которая, безъ сомнѣнія, существуетъ между всѣми народными волненіями начиная съ эпохи самозванцевъ и кончая пугачевщиной, связь, зависящая не только отъ того, что во всѣ эти волненія входили одни и тѣ же элементы, съ одними и тѣми же преданіями, нравами и стремленіями, но часто однѣ и тѣ же личности, уцѣлѣвшія отъ разгрома одного волненія, явились въ послѣдующее время въ средѣ другаго, иногда въ совершенно другой мѣстности. Немаловажное достоинство труда г. Мордовцева заключается въ томъ, что онъ обращаетъ вниманіе на эти аналогіи и преемственность, замѣчая тѣсную, почти неразрывную связь между уманьскою рѣзнею за Днѣпромъ и пугачевщиною, которая разыгрывалась на Волгѣ, повидимому такъ далеко отъ Малороссіи, изъ другихъ мотивовъ.

«Какъ въ гайдамачинѣ, такъ и въ пугачевщинѣ, говоритъ г. Мордовцевъ, мы видѣли общія аналогическія явленія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія; одинаковые мотивы, одинаков

элементы дѣйствуютъ тамъ и здѣсь. По всему видно, что одинаковыя причины вызвали и явленія болѣе или менѣе одинаковыя. Самая подготовка гайдамачины имѣетъ много общаго съ подготовкой пугачевщины. Раньше общаго взрыва, совмѣстившагося цѣликомъ въ пугачевщинѣ, бродячія силы народныя начинаютъ дѣйствовать взрывами мелкими, разсѣянными. Предшественниками Пугачева являются атаманы понизовой вольницы, Шагалы, Дегтяренки, Буковы или самозванцы въ родѣ Богомолова, и Поволжье волнуется, партіи вольницы разъѣзжаютъ по Волгѣ, шалятъ на Каспійскомъ морѣ. Но страна еще покойна. Общаго взрыва нѣтъ, пока не приспѣла пора этого общаго взрыва, и тогда является Пугачевъ, которымъ и завершается великое народное движеніе на юго-восточныхъ окраинахъ. На юго-западныхъ окраинахъ Россіи было то же самое, въ одно и то же время, хотя нѣсколькими годами раньше, такъ-какъ и вообще юго-западная половина Россіи начала много раньше жить историческою жизнію, чѣмъ половина восточная [1]. Гайдамацкія вспышки, какъ и вспышки понизовой вольницы, начинаются—первыя въ низовьяхъ Днѣпра, къ морю, вторыя—въ низовьяхъ Волги, также къ морю. Волненіе изъ окраинъ переходитъ къ центру. На Волгѣ дѣйствуютъ понизовые атаманы, или изъ казаковъ, или изъ малороссіянъ (это вообще очень замѣчательный фактъ), или изъ дезертировъ, а иногда и изъ крестьянъ и даже семинаристовъ, поповичей. Въ днѣпровской Украинѣ дѣйствуютъ гайдамацкіе *ватажки* — тоже атаманы, большею частію запорожцы, подъ знаменемъ которыхъ идетъ все недовольное, одинокое, горемычное, идутъ тѣ, кому нечего терять въ жизни. Главный сбродъ въ шайкахъ понизовой вольницы, какъ мы видѣли, составляли безпріютныя головы, или доведенныя до разбоя несчастіями, или личности загулявшіяся, потерянныя. На Волгѣ дѣйствуетъ «голытьба, за Днѣпромъ, въ Польшѣ — голота», что̀ совершенно одно и то же не только въ этимологическомъ, но и въ логическомъ смыслѣ слова. И тамъ и здѣсь дѣйствуютъ «бурлаки». Въ пѣсняхъ понизовой вольницы мать говоритъ своему сыну, чтобъ онъ не водился съ «бурлаками»... Въ гайдамацкой пѣснѣ украинская понизовая вольница тоже называетъ себя «бурлаками»... Понизовая вольница разъѣзжаетъ въ косныхъ лодочкахъ, «хорошо разукрашенныхъ», а иногда и въ жалкихъ лодчонкахъ. Украинская вольница тоже разгуливаетъ въ «човнахъ», пока не выбралась на польскую землю. Однимъ словомъ, и волж-

[1] Въ этомъ замѣчаніи о позднѣйшемъ вступленіи восточной Руси на историческое поприще г. Мордовцевъ слишкомъ ужь размахнулся и перелилъ черезъ край, напомнивъ нѣсколько г. Мордовцева беллетриста. Онъ забылъ, что приволжскій край столѣтіемъ раньше пугачевщины испыталъ совершенно аналогическое волненіе Степана Разина. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Мордовцевъ гораздо естественнѣе объясняетъ явленіе пугачевщины послѣ уманьской рѣзни.

скіе «понизовые» бурлаки, «добрые молодцы», и украинскіе бурлаки, гайдамаки, которые тоже называли себя «добрыми молодцами» изъ «понизоваго» запорожскаго войска были родные братья».

Но этой общей аналогіи еще мало; на 474-й стр. мы читаемъ: «уже въ исторіи понизовой вольницы мы не могли не обратить вниманія на то обстоятельство, что между поволжскими разбойниками находился не одинъ атаманъ, вышедшій изъ Малой Россіи. Такими были атаманы Шагала, Дегтяренко и Беркутъ. Простыхъ разбойниковъ изъ малоросіянъ было еще больше; малороссіяне участвовали во всѣхъ народныхъ смутахъ, происходившихъ въ Поволжьѣ. Малороссіяне являются дѣятельными помощниками всѣхъ самозванцевъ, какъ это и можно видѣть изъ нашихъ монографій о самозванцахъ Богомоловѣ и Халанѣ. Мы замѣтили тогда гадательно, что между этими личностями были вѣроятно и такія, которыя участвовали когда-то въ гайдамачинѣ и въ уманской рѣзнѣ, и которые потомъ, по разгромѣ гайдамацкихъ шаекъ русскими, польскими и запорожскими отрядами, разбрелись по Россіи «съ ножами за голенищемъ».

«Въ настоящее время высказанныя нами предположенія подтверждаются документами, о которыхъ мы прежде не знали, и изъ этихъ документовъ видно, что дѣло Мельхиседека и Желѣзника, начавшееся за Днѣпромъ, въ тясминскихъ лѣсахъ, не остановилось на Умани, а пошло вглубь Великой Россіи, прошло черезъ Яикъ, Оренбургъ и Казань до Сибири, прошло по всему Поволжью, коснулось Нижняго, Воронежа, Тамбова, Саратова, Симбирска, даже Москвы и Петербурга, и кончилось казнью Пугачева. Въ одномъ архивномъ дѣлѣ, изъ эпохи пугачевщины [1], мы нашли допросъ однаго пугачевца, который былъ участникомъ гайдамачины и уманской рѣзни, и изъ показаній котораго видно, что южно-русскіе гайдамаки нетолько участвовали въ пугачевщинѣ, но и подготовляли ее, желая мстить «великороссіянамъ». Подобные факты и соображенія бросаютъ не мало свѣту на закулисную или, какъ мы выше назвали, неофиціальную сторону исторіи нашего народа. Г. Мордовцевъ обратилъ вниманіе только на связь уманской рѣзни съ пугачевщиною; но весьма было бы желательно, чтобы такая связь была прослѣжена въ болѣе обширный періодъ времени; казачество и всякаго рода бродящіе элементы по нашимъ окраинамъ, лѣсамъ и теченіямъ большихъ рѣкъ — ждутъ еще своего исторіографа, который изслѣдовалъ бы эту сторону народной жизни во всей ея послѣдовательности; весьма любопытно было бы, напримѣръ, прослѣдить развитіе бунта Степана Разина съ одной стороны въ соприкосновеніи съ тѣми остатками самозванскихъ смутъ, которые въ видѣ громадныхъ полчищъ и разбойничьихъ шаекъ мутили Россію впродолженіе

[1] Изъ стараго архива саратовскаго магистрата.

всего царствованія Михаила Ѳедоровича, съ другой стороны — въ связи съ малороссійскими движеніями того времени; затѣмъ не менѣе любопытно было бы изслѣдовать, что происходило съ тѣми же самыми бродячими элементами въ промежутокъ между бунтомъ Разина и пугачевщиной. Мы не говоримъ, чтобы до сихъ поръ ничего не было сдѣлано по всему этому... Мы ждемъ только, чтобы кто-нибудь взялся представить исторію этой любопытной стороны народной жизни, въ такой же связи, въ которой пишутся исторіи офиціальной, государственной стороны нашего отечества.

Что касается до уманской рѣзни, описаніе которой и составляетъ содержаніе книги, то г. Мордовцевъ старается объяснить ее нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно различнаго рода руссофилы и хохломаны. «Естественно, говоритъ онъ, что южно-русскіе историческіе дѣятели говорили только о томъ, сколько зла причинили южно-русскому народу «вражьи ляхи», и при этомъ умолчали о томъ, сколько зла причинили этому народу они сами, ихъ сподвижники и помѣщики. А что они много зла причинили южно-русскому народу, это несомнѣнная истина, хотя объ этомъ никто изъ нихъ не упоминалъ, а за ними, само собою разумѣется, не упоминаютъ историки. Вотъ на эту-то сторону исторіи южно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ мы и намѣрены обратить особенное вниманіе, такъ-какъ она до сихъ поръ всѣми историками оставляема была въ тѣни, и къ удивленію увидимъ, что не во всемъ виноваты поляки, но что, въ половинѣ XVIII вѣка, южно-русскій народъ доведенъ былъ до безвыходности своими собственными законами, своими собственными порядками и въ особенности своими собственными властями и помѣщиками: не все давилъ ляхъ, но и свой собственный братъ, возвысившійся насчетъ другаго, меньшаго брата. Мы по необходимости должны будемъ убѣдиться, что многіе изъ южно-русскихъ историческихъ дѣятелей прошлаго столѣтія, которые представлялись до сихъ поръ героями и мучениками за свободу своего народа, окажутся совершенно въ иномъ, непривлекательномъ свѣтѣ: герои превратятся въ грабителей, а мученики за народъ — въ мучители этого народа, который, еслибъ былъ подальновиднѣй, то этихъ самыхъ героевъ и мучениковъ повѣсилъ бы на одну осину вмѣстѣ «съ ляхомъ, жидомъ и сабакой», какъ это дѣлалъ онъ во время уманской рѣзни.

Эти слова г. Мордовцевъ подтверждаетъ обильными фактами, которыми онъ обрисовываетъ положеніе Малороссіи лѣвой стороны Днѣпра въ началѣ XVIII вѣка дѣйствительно въ ужасномъ видѣ.—Довольно одного того, кто край не имѣлъ какого либо одного опредѣленнаго статута, а судился разомъ и по литовскому статуту, и по магдебургскому праву, и по саксонскимъ, и по русскимъ закономъ, при чемъ выборъ статьи закона для опредѣленія наказанія или рѣшенія гражданской тяжбы по тому

или другому уложенію предоставлялся совершенно на произволъ сильнаго противъ слабаго. Не ограничиваясь страшными поборами, взяточничествомъ, рука объ руку съ административнымъ произволомъ, малороссійское панство систематически уничтожало свободное казачество, захватывая его земли и обращая его въ своихъ крѣпостныхъ. «Малороссія видимо приходила въ раззоръ, говоритъ г. Мордовцевъ. Изъ сильнаго и страшнаго для сосѣдей государства она становилась слабою, беззащитною страною. По количеству своего населенія она могла поставить подъ ружье 60,000 однихъ списковыхъ или реестровыхъ казаковъ, а съ выборными ея арміи могла выйти въ поле въ числѣ 150,000 воиновъ. Между тѣмъ уже въ половинѣ XVIII столѣтія оказалось, что хищничество умалило эту армію не на десять, не на двадцать процентовъ, а на 90%: полуторастатысячная украинская армія превратилась въ пятнадцатитысячную, и все это вслѣдствіе хищничества и насилія украинскихъ пановъ и денежныхъ людей. При разборѣ дѣлъ оказалось, что старшины, захватившіе государственныя земли съ находившимися на нихъ селами и казаками, сами себѣ написали фальшивыя купчія на эти имѣнія, и были примѣры, что какой-нибудь господинъ, пожалованный въ сотники только въ 1745 году, уже въ 1737 году подписывался подъ фальшивой купчей сотникомъ. Все это знали и судьи, и гетманы, но «воспященія никто не чинилъ», потому-что, въ противномъ случаѣ, приходилось бы «воспящать» самимъ себѣ дѣлать возмутительныя безобразія. Тѣ, которые еще были свободны и сидѣли на свободныхъ земляхъ, постоянно тѣснимые панами и доведенные до нищеты, сами продавали богачамъ и свою землю, и свою свободу. Такимъ образомъ каждый годъ южно-русскій народъ изъ свободнаго превращался въ кабальнаго, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялась и укрѣплялась помѣщичья власть. Самое свободное государство почти незамѣтно преобразовывалось въ самое крѣпостническое, и южно-русскіе паны дѣлались такими крѣпостниками, какими не удавалось быть даже полякамъ, которыхъ такъ боялся южно-русскій крестьянинъ. Этихъ печальныхъ сторонъ южно-русской исторіи не касались историки, а если и говорили о безотрадномъ положеніи Малороссіи, то во всемъ этомъ винили, по старой памяти, поляковъ, не вѣдая, а можетъ быть прикрываясь притворнымъ невѣдѣніемъ въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ роли въ Малороссіи перемѣнились, и потомки героевъ-защитниковъ украинскаго народа превратились въ его тайныхъ мучителей».

При такихъ печальныхъ условіяхъ жизни естественно, что народъ искалъ выхода, отчасти бросаясь въ южно-русскія степи и являясь оттуда въ видѣ шаекъ гайдамаковъ, отчасти переходя за Днѣпръ, гдѣ польскіе магнаты, желая заселить опустошенный край, обѣщали переселенцамъ всевозможныя льготы. — Но при этомъ естественно возникаетъ вопросъ: почему же уманская

рѣзня, возникшая изъ такого положенія вещей, обрушилась не на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ притѣсненіе было самое сильное, а на правомъ, гдѣ народъ, по словамъ г. Мордовцева, сравнительно былъ въ гораздо лучшемъ положеніи? Г. Мордовцевъ приводитъ нѣсколько причинъ для объясненія этого страннаго явленія. Съ одной стороны здѣсь надо принять во вниманіе, что шайки гайдамаковъ могли найти въ обезсиленной, смутной Польшѣ, въ которой почти не было въ то время регулярнаго войска, гораздо большій просторъ для набѣговъ и для грабежей, чѣмъ въ Россіи, гдѣ гайдамаки на каждомъ шагу могли ожидать встрѣчи съ хорошо вооруженными и организованными войсками; съ другой стороны гайдамаки руководились въ своихъ набѣгахъ на Польшу закоренѣлою враждою къ ляхамъ и жидамъ, «поддерживаемою цѣлымъ рядомъ преданій и пѣсенъ о подвигахъ знаменитыхъ гетмановъ и казаковъ былаго времени»; наконецъ, по мнѣнію г. Мордовцева, весьма важно совпаденіе уманской рѣзни съ военными дѣйствіями русскихъ войскъ противъ конфедератовъ и съ раздѣленіемъ Польши. Какъ съ одной стороны народные слухи и предположенія, такъ съ другой и многіе странные факты уманской рѣзни, которые приводитъ г. Мордовцевъ въ своей книгѣ, заставляютъ его предполагать, что уманская рѣзня произошла не безъ согласія русскаго правительства, тѣмъ болѣе, если взять во вниманіе, что она обрушилась главнымъ образомъ на владѣнія магнатовъ, стоявшихъ на сторонѣ конфедератовъ. Высказывая это мнѣніе только въ видѣ догадки и предоставляя будущимъ изслѣдователямъ, на основаніи документовъ, еще не подвергшихся изслѣдованію по своей недоступности, подтвердить или отвергнуть эту догадку, г. Мордовцевъ однако же весьма вѣрно замѣчаетъ, что въ случаѣ, если догадка его подтвердится, то уманская рѣзня можетъ служить «прототипомъ другой рѣзни, бывшей двадцать лѣтъ назадъ почти тамъ-же, именно въ австрійской Галиціи, когда австрійское правительство, улыбнувшееся двусмысленно и кивнувшее головой по направленію къ Галиціи, подняло на нее тѣхъ же малороссіянъ, которые рѣзали ляховъ въ уманскую рѣзню, а они стали рѣзать поляковъ-пановъ, обогнавшихъ въ австрійской Галиціи». Въ заключеніе мы прибавимъ, что г. Мордовцевъ совершенно справедливо относитъ уманскую рѣзню къ числу такихъ же громадныхъ массовыхъ историческихъ убійствъ, каковы были Варѳоломеевская ночь и Сицилійская вечерня, если только уманская рѣзня не превзошла обѣ эти знаменитыя катастрофы. «Такія народныя движенія, говоритъ г. Мордовцевъ, какъ пугачевщина и гайдамачина, тѣмъ именно и ужасны, что они истребительнѣе самыхъ ожесточенныхъ войнъ. Если въ крымскую и американскую войну погибло такъ много народу (въ первую 784,000, во вторую 800,000), это весьма естественно, такъ-какъ та и другая война велись впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ пугачевщина продолжалась

ровно годъ и погубила народу можетъ быть не менѣе крымской войны. Гайдамачина же, собственно рѣзня, произведенная по зову Мельхиседска и Желѣзника, въ какихъ-нибудь три или четыре мѣсяца истребила 200,000 народу».

Послѣднее слово о польскомъ вопросѣ въ Россіи. *Berlin. In Commission bei* B. Behr's *Buchhandlung. 27, Unter den Linden. 1869.*

Книжица сія, состоящая изъ 72 страницъ, изображаетъ рядъ различныхъ мѣропріятій, которыми, по мнѣнію автора, можно бы было радикально уничтожить полонизмъ въ западномъ краѣ, и навсегда тѣсно слить этотъ край съ Россіей. Всѣ рекомендуемыя авторомъ мѣры по существу и по духу своему принадлежатъ къ той же самой системѣ, которая прилагалась въ западномъ краѣ и во время возстанія. Потому мы рѣшительно не понимаемъ: зачѣмъ книжка напечатана заграницей? Сколько намъ извѣстно, Говорскій, Де-Пуле, Гогель, Кояловичъ и всѣ подобные обрусители западнаго края, державшіеся системы М. Н. Муравьева, печатали свои сочиненія въ Россіи не только свободно, но даже и съ поощреніемъ, имѣя при этомъ ту несомнѣнную выгоду, что ихъ сочиненія не обезображивались безчисленнымъ множествомъ опечатокъ, которыми до искаженія смысла переполнена книжка новаго обрусителя на старый ладъ. Кто этотъ новый обруситель, — мы не знаемъ. И хотя онъ говоритъ о себѣ, что онъ *лично* и *близко* былъ знакомъ съ М. Н. Муравьевымъ, что всѣ мѣры, имъ рекомендуемыя, кромѣ одной (именно переселенія русскихъ крестьянъ въ западный край), одобрены М. Н. Катковымъ, что проекты свои онъ неофиціально давалъ читать многимъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ судьба западнаго края, и получалъ отъ нихъ одобреніе,—но всему этому какъ-то плохо вѣрится. Какова бы ни была наша интеллигенція, управляющая западнымъ краемъ, но было бы очень прискорбно думать, что на нее можетъ имѣть вліяніе, и можетъ даже руководить ею такой человѣкъ, какъ авторъ «Послѣдняго Слова». Очень можетъ быть, авторъ—человѣкъ очень хорошій, и искренно преданный интересамъ Россіи, но... но онъ до того добродушенъ и наивенъ, что его измышленій невозможно читать безъ улыбки, а отчасти и сожалѣнія къ его крайней ограниченности. До какой степени доходитъ эта ограниченность,—пусть читатель судитъ по нижеслѣдующему образчику.

Мы уже замѣтили, что всѣ мѣры, рекомендуемыя авторомъ для обрусѣнія западнаго края, по существу и духу своему принадлежатъ къ системѣ мѣръ, начертанныхъ М. Н. Муравьевымъ. Базисомъ этой системы было, какъ извѣстно, военное положеніе западнаго края. Въ немъ она имѣла свое начало и свое, если не оправданіе, то извиненіе. Это была система крайностей, — она была иногда несправедлива, нераціональна,

жестока, но всѣ защитники ея говорили, что въ то время, когда она была примѣняема, иначе дѣйствовать было невозможно. Но какъ бы ни была строга и жестока система, дѣйствующая во время военнаго положенія того или другаго края, но и ея строгости и жестокости всегда есть извѣстный предѣлъ. Она можетъ принимать мѣры несправедливыя, мѣры нераціональныя и жестокія, но она принимаетъ ихъ случайно, по требованію критическихъ обстоятельствъ, и смотритъ на нихъ не иначе, какъ на случайныя, которыя съ минованіемъ этихъ обстоятельствъ немедленно должны прекратиться; никогда не выдаетъ она ихъ за нормальныя, которыя должны дѣйствовать въ мирномъ положеніи общества, тѣмъ болѣе за принципіальныя, изъ которыхъ послѣдовательно и логически могъ бы развиваться рядъ другихъ подобныхъ мѣръ. Еслибы это было иначе, то всякая система военнаго положенія дошла бы до неисполнимыхъ на практикѣ абсурдовъ, до невозможности дальнѣйшаго своего существованія. Ибо логическіе, строго-послѣдовательные выводы изъ каждой несправедливой мѣры неизбѣжно повели бы къ разрушенію всякихъ началъ справедливости, къ оскорбленію и развращенію внутреннѣйшаго нравственнаго человѣческаго существа, и, слѣдовательно, къ потрясенію самыхъ коренныхъ общественныхъ основъ. Вообразите же теперь человѣка, который въ мирное время становится на томъ же самомъ базисѣ, на которомъ основана была система покойнаго графа Муравьева, критикуетъ эту систему за то, что она удерживалась отъ самыхъ крайнихъ абсурдовъ, и эти именно абсурды предлагаетъ, какъ лучшее средство для братскаго сліянія западнаго края съ Россіей!!??

Автору кажется, напримѣръ, что все зло Россіи — всѣ бѣдствія ея настоящія, и всѣ бѣдствія, которыя она можетъ, и даже должна потерпѣть въ грядущемъ,—все это зависитъ отъ того, что въ разныхъ концахъ ея разсѣяны въ ссылкѣ или на службѣ поляки и урожденцы западнаго края.

«Всѣ правительства міра стараются составляться изъ людей имъ же приверженныхъ: во Франціи изъ числа тысячей меровъ и другихъ опредѣляемыхъ правительствомъ лицъ, нѣтъ ни одного орлеаниста, въ Италіи ни одного паписта, въ Пруссіи нѣтъ ни одного коронннаго чиновника, который бы не сочувствовалъ всѣмъ правительственнымъ мѣрамъ, который бы не считалъ своею священною обязанностію проводить всѣ правительственныя идеи, а уже тѣмъ болѣе ни одинъ гражданинъ, желающій распаденія своего государства, не получилъ бы никакого мѣста и преимущественно уже мѣста полицейскаго, мѣста при главныхъ управленіяхъ края, мѣста начальника какой-либо отдѣльной части, мѣста жандармскаго, прокурорскаго; у насъ же все это на оборотъ: въ центрѣ даже Россіи, всѣ вліятельныя и выгодныя мѣста въ рукахъ поляковъ, вездѣ безъ исключенія вы найдете поляка, руководящаго однимъ изъ главныхъ начальствующихъ лицъ, вращающаго имъ по своему, и старающагося уничтожить всѣхъ, кто сколько-нибудь отзывается истиннымъ патріотизмомъ. Изъ тысячи этихъ вліятельныхъ уроженцевъ западнаго края, которыхъ мы встрѣчали во всѣхъ концахъ Россіи, и съ которыми всегда легко сходились, мы

не встрѣтили ни одного, à la lettre, ни одного, который бы не желалъ отдѣленія отъ Россіи 9 западныхъ губерній, и присоединенія ихъ къ Польшѣ, для образованія отдѣльнаго государства, и не сочувствовалъ отдѣленію прибалтійскихъ губерній и Финляндіи; они и не скрываютъ этого, и это кажется такъ естественнымъ, что даже внутри Россіи, видя, какъ жены этихъ наглыхъ личностей надѣли трауръ, начальники ихъ ограничились шуточкой, насмѣшкой, но и то въ тѣсномъ кружкѣ и шепотомъ, чтобы не услышалъ и не обидѣлся кто-либо изъ мужей этихъ патріотокъ.

Но кто же эти патріотки? надо бы полагать, что исключительно уроженки Царства Польскаго, или, наконецъ, превращенныхъ нами въ Польшу западныхъ губерній? ни чуть не бывало, между этими патріотками есть много нѣмокъ и много чисто русскихъ, которыя до выхода замужъ никогда не слыхали польской рѣчи, а нынѣ по внушеніямъ своихъ мужей и ихъ интимнаго кружка, проникнутыя идеями, безпрерывно разработываемыми въ немъ, онѣ поютъ революціонные гимны, дѣтей своихъ съ колыбели пріучаютъ исключительно къ польскому языку и носили трауръ, пока это было «en vogue» въ польскихъ кружкахъ, т.-е. по день полученія горестнаго извѣстія о смерти государя наслѣдника, тогда появились на нихъ яркіе цвѣта. Мы говоримъ о десяткахъ, лично нами видѣнныхъ примѣровъ въ центральныхъ губерніяхъ и основываясь на словахъ весьма достовѣрныхъ очевидцевъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Казалось бы по здравому смыслу, что противъ изображаемаго авторомъ зла нельзя принять никакихъ другихъ средствъ, какъ не избирать такихъ безголовыхъ начальниковъ, у которыхъ нѣтъ своего царя въ головѣ, или привязать русскихъ — мужчинъ ли-то, или женщинъ такъ къ Россіи, чтобы имъ никогда и на мысль не пришло, подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ, чужую народность предпочитать своей. Авторъ «Послѣдняго Слова» приходитъ совершенно къ другому выводу. По его мнѣнію, 100,000 поляковъ и уроженцевъ западнаго края, проживающихъ въ Россіи на службѣ или въ ссылкѣ, надобно немедленно изгнать изъ Россіи, и поселить ихъ или въ Польшѣ, или въ западныхъ губерніяхъ.

«Всѣ дворяне, нынѣ сосланные на жительство въ великороссійскія губерніи, а слѣдовательно признанные врагами Россіи и за это, довольно страннымъ образомъ наказанные, если они уроженцы западныхъ губерній, должны бы быть возвращены на полгода на родину съ тѣмъ, чтобы они устроили свои дѣла и затѣмъ навсегда переселились въ привислянскія губерніи; единовременно съ этимъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, медиковъ и инженеровъ путей сообщенія, служащихъ внутри Россіи, оставить на мѣстахъ и на службѣ въ теченіи одного года для устройства дѣлъ своихъ, обязавъ ихъ подпискою, въ теченіи этого времени сдать дѣла и удалиться въ западныя или привислянскія губерніи, оставляя за первыми въ теченіи полугода, а за удаляющимися въ бывшее Царство Польское въ теченіи 2 лѣтъ или до полученія мѣста, полный окладъ жалованья и снабжая ихъ прогонами и суточными.

Тупоуміе автора такъ велико, что онъ называетъ «эту мѣру совершенно безобидною». О томъ, достойна ли эта мѣра не только русскаго, но даже и какого-нибудь коканскаго правительства, — авторъ не задаетъ и вопроса. Достоинство мѣры для него выше всякаго сомнѣнія. Авторъ, очевидно, и не догадывается, что если изъ исчисленныхъ имъ 100,000 поляковъ и

*

урожденцевъ западнаго края только 10,000 честно и съ пользою служили Россіи, то его мѣра въ наше время будетъ ужаснѣе «Варѳоломеевской ночи». Онъ не догадывается, что еслибы мы изгнали урожденцевъ западнаго края изъ Россіи, то не только никогда не связали бы его съ Россіей, а, напротивъ, оттолкнули бы его навсегда отъ себя, поселили бы въ немъ вѣчную ненависть къ себѣ. Какъ!? Называть край своимъ, русскимъ, чисто русскимъ, и изгнать сыновъ его изъ среды себя, изъ среды русскихъ,—слыхано ли когда-нибудь, приходило ли когда-нибудь кому-нибудь въ голову подобное безсмысліе? Наконецъ, какой у автора безсердечный, деревянный взглядъ на людей и ихъ отношенія! Для него изгнать человѣка изъ мѣста, гдѣ онъ жилъ 10, 20 лѣтъ, ничего не значитъ,—стоитъ только дать ему жалованье, пока пріищетъ мѣсто, и дать прогоны—и баста: вся справедливость исполнена. Ему и въ голову не приходитъ, что люди вовсе не деревяшки, что съ мѣстами, гдѣ они долго живутъ, они сростаются не только имущественными интересами,—и даже одни эти интересы часто нельзя вознаградить не только однимъ, но и десятью жалованьями,—а и многочисленными родами другихъ самыхъ разнообразныхъ интересовъ, далѣе привычками, наконецъ, нравственными связями, такъ что переселить человѣка, долго жившаго въ одномъ мѣстѣ, значитъ, не только разорить въ корень, что̀ бываетъ всегда съ людьми семейными, но часто подорвать его окончательно въ физическомъ и нравственномъ благосостояніи. Никакихъ этихъ и подобныхъ видовъ для автора не существуетъ. Человѣческимъ обществомъ, во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе цивилизованнымъ,—ибо не коканцы же мы, въ самомъ дѣлѣ, и не бушмены, — онъ распоряжается, какъ фельдфебель солдатами въ казармѣ. И этотъ человѣкъ лѣзетъ въ государственные люди, строчитъ государственные проекты, — человѣкъ, которому никакой порядочный начальникъ не довѣрилъ бы мѣста квартальнаго надзирателя въ болѣе значительномъ городѣ! Намъ очень жаль, что авторъ не выставилъ своего имени на книжкѣ. Желательно бы было знать: въ какой берлогѣ родился этотъ человѣкъ, какими звѣрьми воспитывался, въ кругу какихъ идіотовъ и варваровъ вращается?

Есть, однакожь, и хорошая сторона въ книжкѣ, которую мы разсматриваемъ, и мы были бы несправедливы, еслибы прошли ее молчаніемъ. Эту хорошую сторону книжки составляетъ та откровенность, съ которою авторъ говоритъ объ обрусѣніи западнаго края. Едва-ли съ 1863 года эта откровенность не въ первый разъ встрѣчается въ нашей литературѣ, и если эта откровенность не случайная, не *однажды* только дозволенная, то мы поздравляемъ и общество, и литературу съ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ. Какъ бы ни была горька истина, но лучше знать ее вполнѣ, дочиста, чѣмъ утѣшаться измышленною ложью. Если позволено будетъ откровенно высказывать

свои мысли относительно способовъ обрусѣнія западнаго края не только послѣдователямъ системы покойнаго графа Муравьева, но и другимъ инако мыслящимъ, то, можетъ быть, современемъ договорятся и до мѣръ, дѣйсвительно полезныхъ и ведущихъ къ цѣли. Какъ бы тамъ, впрочемъ, дѣло ни повелось впослѣдствіи, но въ настоящее время для насъ любопытны факты, которые сообщаетъ авторъ объ успѣхахъ мѣръ, принесенныхъ системою графа Муравьева въ въ дѣлѣ обрусѣнія западнаго края.

Насъ доселѣ увѣряли, что въ западномъ краѣ бунтовали только паны и шляхта, что крестьяне не принимали въ этомъ никакого участія, что они искренно преданы намъ, что они благонадежны, какъ несокрушимый оплотъ противъ всякихъ возстаній и на будущее время. Авторъ «Послѣдняго Слова» сообщаетъ совершенно другое. Онъ говоритъ, что въ западномъ краѣ существуютъ три народности: жмудины, бѣлоруссы и третья, которой онъ не называетъ по имени, сосѣдняя съ Польшей, населяющая губерніи Гродненскую, бо́льшую часть Виленской и Минской; этой народности авторъ насчитываетъ до 1½ мильйоновъ, говоритъ о ней, что она состоитъ изъ народа зажиточнаго и промышленнаго, гораздо выше стоящаго по развитію бѣлоруссовъ. Авторъ не сомнѣвается, что жмудиновъ и бѣлоруссовъ можно привязать къ Россіи (замѣтьте, только можно), но относительно послѣднихъ 1½ мильйоновъ надобно, говоритъ, смотрѣть зорко и зорко. Именно:

О жмудинахъ авторъ пишетъ:

«Жмудины по языку, по вѣроисповѣданію и по историческимъ преданіямъ никогда не имѣли ничего общаго съ русскими и они скорѣе *превратятся въ нѣмцевъ, съ которыми со временъ крестоносцевъ находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ, нежели сольются съ русскими и присвоятъ себѣ ихъ особенности*. Они, какъ люди развитые и здравомыслящіе, послѣ катастрофы 1863 года несомнѣнно сдѣлаются вѣрноподданными русскаго престола, но чисто русскими никогда,—никогда не перейдутъ въ православіе и не присвоятъ себѣ русскаго языка и тѣхъ типовъ, которые отличаютъ коренныхъ русскихъ простолюдиновъ отъ другихъ племенъ. Чтобы привлечь этихъ людей, необходимо дѣйствовать не на воображеніе, а на умъ и сердце; съ минуты, когда они станутъ уважать русскихъ, они совершенно предадутся намъ и мы въ теченіе столѣтія можемъ быть увѣрены въ ихъ преданности» (стр. 53).

(*Въ теченіе столѣтія*?! легко сказать. Но будутъ ли этого времени дожидаться другіе, напримѣръ, хоть бы графъ Бисмаркъ? Назадъ тому чуть ли не два года мы читали въ «Grenzbote» статью, въ которой доказывается принадлежность жмудиновъ Пруссіи).

Относительно бѣлоруссовъ, населяющихъ губерніи Могилевскую, Витебскую и часть Минской, авторъ говоритъ, что они по религіознымъ мнѣніямъ, языку и нравамъ люди—чисто русскіе, но только въ сравненіи съ послѣдними стоятъ на самой низкой ступени развитія — и слѣдовательно, — прибавимъ

мы,—въ политическомъ отношеніи совершенно ничтожны; они должны будутъ дѣлать то, что заставятъ обстоятельства.

Объ остальной части населенія, сосѣдней съ Польшей и простирающейся до $1^1/_2$ милліоновъ, авторъ говоритъ, что когда въ 1863 году началось вооруженное возстаніе, — она также зашевелилась и непремѣнно пристала бы къ польской партіи, еслибы не указъ 1-го марта о надѣлѣ крестьянъ землею. Но и къ указу 1-го марта она отнеслась не съ особенною довѣрчивостію. Когда въ мартѣ начальство духовное, гражданское, военное въ полномъ комплектѣ объявили ей высочайшее повелѣніе о томъ, что съ 1-го мая всѣ обязательныя отношенія крестьянъ прекращаются, что крестьяне перестаютъ быть временно-обязанными и дѣлаются тотчасъ собственниками земель, на которыхъ живутъ и проч., то очень многія волости объявили, что

«они не будутъ ждать ни 1 мая, ни повѣрочной коммисіи, а съ завтрашняго же дня не будутъ ни работать, ни платить помѣщику, и дѣйствительно никакія увѣщанія не заставили ихъ исполнить какія либо обязанности; въ отвѣтъ на поздравленіе ихъ властями, во многихъ волостяхъ крестьяне громогласно отвѣчали «нема чому радоваться; поляки дарма дали бы землю, а москали тилько думуть» и молча расходились, несмотря на присутствіе всѣхъ нотаблей уѣзда. Лѣтомъ послѣдовало распоряженіе о формированіи сельскихъ карауловъ, то-есть мѣстнаго ополченія; крестьяне шли неохотно, и не предвидѣлось возможности осуществить эту мѣру; но когда шайки были разбиты, когда русскіе мировые посредники замѣнили поляковъ и русское дѣло очевидно взяло верхъ, тогда крестьяне сами добровольно уже сформировали ополченіе и проч., то-есть вообще сдѣлались покорны (стр. 55). «Но — продолжаетъ авторъ — пускай явится шайка мятежниковъ и объявитъ имъ, что польскій *жондъ* прощаетъ имъ выкупъ, пускай правительство не уничтожитъ той разницы, которая существуетъ нетолько въ одной деревнѣ, но и въ одной избѣ между православными и католиками, то-есть говорящими и молящимися порусски и попольски, изъ которыхъ послѣдніе вслѣдствіе этого (?) и считаютъ себя поляками, пусть ограничатся полумѣрами, какъ это дѣлалось почти до нынѣ, а дворянство заговоритъ о «святей справѣ» и увѣритъ крестьянъ, что дѣйствительно земля дарится имъ безвозмездно, то крестьяне неминуемо перейдутъ въ ихъ лагерь и первая появившаяся шайка легко завербуетъ тѣхъ же крестьянъ, которые сегодня кажутся преданными правительству» (стр. 56).

Авторъ говоритъ далѣе, что «правительство, отдавши имъ 1-го марта все, чѣмъ располагало, и не оставя себѣ ничего для новой приманки, не будетъ въ состояніи вторично привлечь на свою сторону людей, ищущихъ только личной выгоды». Поэтому рекомендуетъ неотлагательно, «пользуясь эффектомъ, произведеннымъ на крестьянъ побѣдами русскаго войска, дѣятельностію русскихъ чиновниковъ, ласками членовъ коммисій, переселить по нѣскольку десятковъ великороссійскихъ крестьянъ во всякую волость». Авторъ такъ наивенъ, что надѣется, что «не пройдетъ и года, какъ вслѣдствіе этого поселенія въ каждой волости по нѣсколько десятковъ русскихъ крестьянъ, кре-

стьяне пограничные съ Царствомъ Польскимъ и занимающіе середину между Жмудіею и Бѣлоруссіею, выбросятъ уже изъ русской рѣчи своей полонизмы, исказившіе ее, сдѣлаются изъ полукатоликовъ и полууніатовъ чисто православными; не пройдетъ и трехъ лѣтъ, и они присвоятъ уже все харатеризующее великоруссовъ и проч.

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ очевидно, что сельское населеніе западнаго края вовсе не питаетъ къ намъ, какъ всѣ увѣрены—особеннаго расположенія. Одна часть его, жмудины, чужды намъ по происхожденію, по вѣрѣ, по языку, по историческимъ преданіямъ, тянутъ къ нѣмцамъ. Ихъ намъ надобно еще привязать. Другую часть — бѣлоруссовъ, положимъ, не нужно особенно привлекать,—но на особенную поддержку которой во время возстанія, по ея крайней неразвитости, разсчитывать нечего. Третья часть—сосѣдняя Польшѣ, въ такомъ настроеніи, что скорѣе станетъ противъ насъ, чѣмъ за насъ во время возстанія.

Далѣе насъ увѣряли, что среднее православное сословіе въ западномъ краѣ все на нашей сторонѣ,—противъ насъ только католики. Авторъ опять говоритъ совершенно другое.

Русскіе чиновники состоятъ изъ двухъ родовъ русскихъ: одни прибывшіе изъ внутреннихъ губерній, другіе мѣстные уроженцы православнаго исповѣданія. Эти послѣдніе или происходятъ отъ крестьянъ-уніятовъ, восприсоединенныхъ къ православію, и занимаютъ должности сельскихъ писарей, или же состоятъ изъ дѣтей бывшихъ уніятскихъ священниковъ, или изъ чистыхъ, революціонныхъ поляковъ, присоединяющихся теперь къ православію для полученія мѣстъ или, наконецъ, изъ дѣтей и внуковъ русскихъ солдатъ, а также военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ самаго низкаго слоя, служившихъ тамъ, затѣмъ оставшихся и женившихся на полькахъ; эти послѣдніе совершенно слились съ мѣщанскими и шляхетскими, а иногда и съ дворянскими семействами, принявшими ихъ въ свою среду. Всѣ мѣстные уроженцы православнаго исповѣданія душевно преданы польскому дѣлу, всѣ они гораздо болѣе дорожатъ мнѣніемъ мѣстныхъ неизмѣнныхъ жителей, съ которыми они росли, и своихъ патроновъ, нежели мнѣніемъ мѣняющихся представителей правительства; соблюдая интересы первыхъ и угождая имъ всѣми силами, они стараются только выказаться предъ правительствомъ, а пріобрѣвъ довѣріе, употребляютъ его во зло и приносятъ болѣе вреда русскому дѣлу, нежели прежніе поляки.

Въ числѣ тѣхъ мѣстныхъ жителей, которымъ открыты всѣ мѣста наравнѣ съ русскими, находятся и татары; они вполнѣ преданы польскому жонду, который нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ далъ всему безъ исключенія татарскому племени дворянское достоинство, оспориваемое нынѣ, и часто отнимаемое русскимъ правительствомъ, а многимъ, и значительныя помѣстья. Между тѣмъ татарамъ предоставляются мѣста, требующія особаго довѣрія и самыя вліятельныя, а разъ снискавъ расположеніе высшихъ начальниковъ, они подобно псеудо-полякамъ, всѣмъ вращаютъ по своему усмотрѣнію, стараясь парализировать благія мѣры правительства, и охранять все то, что напоминаетъ Рѣчь Посполитую.

Всѣ мѣстные уроженцы какъ православные, такъ и татары вредны русскому дѣлу, насмѣхаются надъ всѣми распоряженіями, критикуютъ всѣ дѣйствія правительства, развозятъ по польскимъ домамъ всѣ политическія новости, пред-

упреждаютъ о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, а когда имъ приходится принимать крутыя мѣры, то они исполняютъ это съ такимъ оханіемъ и съ такимъ очевиднымъ прискорбіемъ, что невольно приходится соболѣзновать о ихъ участи и считать ихъ жертвою необходимости. Очень естественно, что чиновники эти весьма легко измѣняютъ своему долгу, а можетъ быть и соблазняются подарками, которые съ одной стороны обогащаютъ ихъ, съ другой даютъ возможность оказать услугу поляку, что для нихъ всего дороже.

Далѣе насъ увѣряли, что русскіе чиновники въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказали чудеса въ дѣлѣ обрусѣнія края. Авторъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ сіи иллюзіи.

«Русскіе чиновники, нахлынувшіе на край, не подвинули дѣла впередъ, потому что, вообще, какъ духовенство имѣетъ сношенія исключительно съ лицами, такъ чиновники видятъ исключительно дѣла и бумаги; члены государственнаго совѣта и магистрата, министры и стряпчіе рѣшаютъ тысячи дѣлъ не встрѣчая никогда лицъ, къ которымъ они относятся, а потому они и не могутъ имѣть никакого вліянія на эти лица. Далѣе, прибывшіе русскіе не только какъ чиновники, но и какъ члены общества не имѣютъ вліянія на мѣстныхъ жителей, вопервыхъ, потому, что все дворянство, всѣ изгнанные чиновники изъ поляковъ съ ихъ безчисленнымъ родствомъ и всѣ мѣщане-католики питаютъ къ нимъ ненависть и стараются внушить всѣмъ презрѣніе къ пришельцамъ; вовторыхъ, потому, что и русскіе чиновники чувствуютъ себя на шаткой почвѣ: 50% не обезпечены имъ пожизненно, или даже на извѣстное число лѣтъ, на одно жалованье нѣтъ возможности жить съ семействомъ на чужбинѣ, а потому пріѣхали почти исключительно холостые, а женатые оставили семейства внутри Россіи; жениться на мѣстныхъ, которыя бы дали нѣкоторыя средства къ жизни, запрещено, что, впрочемъ, вполнѣ основательно, такъ что это неженатое нахлынувшее населеніе, образуетъ нѣчто въ родѣ казачины и имѣетъ совершенно такое же вліяніе на болѣе развитыхъ, нежели они, жителей края, какъ русская армія, занимавшая Парижъ, на его жителей. Разумѣется, что я не говорю здѣсь объ исключеніяхъ въ высшемъ чиновническомъ кругу.

«Но русская армія въ Парижѣ составляла по крайней мѣрѣ одно цѣлое и офицеры неоднократно проливали свою кровь за честь своихъ товарищей, армія же чиновниковъ въ западномъ краѣ, вслѣдствіе неопредѣленности положенія, не сливается въ одно, не имѣетъ одной цѣли, не побуждается одинаковыми чувствами, и тѣмъ слабо противодѣйствуетъ общему врагу.

«Холостые, лишенные женскаго общества и возможности жениться, нерѣдко предаются картамъ, а иногда и пьянству; окружаютъ себя женщинами, съ которыми живутъ нисколько не стѣсняясь, возбуждая справедливое негодованіе провинціальнаго дворянства и набожныхъ крестьянъ.

«Русскіе чиновники, неимѣющіе никакого вліянія на обрусѣніе края и на польское дворянство, могли бы все же принести пользу, еслибы по крайней мѣрѣ всѣ дѣла, веденныя ими, приняли русское направленіе, рѣшались въ русскомъ духѣ безъ послабленія полякамъ и прижимокъ всѣмъ преданнымъ правительству, всѣмъ имѣющимъ русскій отпечатокъ, но и это не осуществилось: русскіе чиновники не были перемѣщаемы изъ тѣхъ же должностей, занимаемыхъ ими внутри Россіи, а были только вызываемы охотники, которымъ давались первыя открывшіяся вакансіи, такъ что должности замѣстились людьми вовсе незнакомыми съ принятыми ими дѣлами, которыя вообще въ этомъ польско-шляхетско-еврейскомъ краѣ, имѣютъ совершенно другой характеръ, какъ внутри Россіи, а какъ теченіе дѣлъ не можетъ останавливаться, то всѣ безъ исключенія чины западнаго края отъ губернаторовъ и предсѣдателей до

становыхъ и ратмановъ, всѣ ищутъ подпоры въ прежнихъ польскихъ чиновникахъ, такъ что въ присутственныхъ мѣстахъ, всѣ почти секретари остались прежніе и даже въ нѣкоторыхъ строительныхъ коммисіяхъ или строительныхъ отдѣленіяхъ губернскихъ правленій, исключительно занятыхъ теперь постройками церквей и казармъ секретари, начальники искусственныхъ столовъ и архитекторы остались тѣ же, революціонные, поющіе гимны поляки, многіе изъ нихъ и нынѣ на своихъ мѣстахъ, члены же люди часто вовсе чуждые этому дѣлу. Нѣсколько молодыхъ архитекторовъ, присланныхъ теперь, большею частію прямо изъ училищъ, не имѣютъ практическаго понятія о дѣлѣ, а управляютъ всѣмъ архитекторы изъ прежнихъ польскихъ дѣятелей, которые десятки лѣтъ строили церкви, соблюдая при этомъ исключительно интересы польской справы и своего кармана, что совершенно совпадаетъ, потому что чѣмъ хуже позволятъ построить церковь, тѣмъ больше дастъ имъ подрядчикъ и тѣмъ скорѣй рушится храмъ ненавистныхъ схизматиковъ-москалей.

Въ полицейскихъ управленіяхъ, по новому учрежденію, нѣтъ штатной канцеляріи, а потому уволенные засѣдатели, секретари и столоначальники остались тамъ же вольнонаемными и ведутъ все дѣло, а неопытные члены, взятые изъ другихъ вѣдомствъ или изъ военныхъ, съ одной стороны мало понимаютъ эти жидовско-шляхетскія дѣла, съ другой находя въ прежнихъ чиновникахъ людей вполнѣ знающихъ дѣло и на видъ преданныхъ правительству, (они не видѣли ихъ въ 1861—1863 годахъ), совершенно довѣрились имъ.

Насъ увѣряли, наконецъ, что поляки стѣсняли совѣсть православныхъ, принуждая ихъ къ принятію католичества, что они старались уничтожить русскую народность и превратить ее въ польскую. Авторъ опять все это опровергаетъ.

«Заявленное нѣкоторыми опасеніе, что православные совратятся въ католичество, если оно будетъ выражаться порусски, не можетъ быть серьезнымъ, вѣдь же всѣ безъ исключенія православные западныхъ губерній знаютъ польскій языкъ лучше русскаго, однако жь не совращались въ католичество. Нѣкоторые православные ходили въ костелъ и будутъ ходить, потому что въ немъ говорится языкомъ пановъ, языкомъ шляхты, а подражаніе людямъ, стоящимъ выше насъ, всегда было и будетъ характеристическою чертою рода человѣческаго, но по удаленіи изъ костела языка пановъ, уже не за чѣмъ будетъ ходить туда простолюдину.

«Къ тому же прошедшее доказало намъ, какое слабое вліяніе имѣетъ католицизмъ на православіе. Въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій, православные, а тѣмъ болѣе уніяты были нетолько безъ защиты, но отданы въ жертву фанатическому католическому духовенству, дворянству и іезуитамъ, а много ли совратилось? мы видимъ нѣсколько древнихъ, русскихъ дворянскихъ фамилій, оставившихъ православіе не изъ-за органовъ и музыки, а потому что польскій католицизмъ сближалъ ихъ съ королемъ и знатными панами Польши, нѣсколько дворовыхъ, которые въ угожденіе своимъ господамъ крестили своихъ дѣтей по католическому обряду; крестьяне же никогда не переходили въ католичество, а между тѣмъ все католическое населеніе весьма охотно посѣщало уніятскія церкви и крестило въ нихъ своихъ дѣтей, теперь присоединенныхъ къ православію, такъ что въ общей сложности прозелитизмъ былъ болѣе на сторонѣ православія и число православныхъ и уніятовъ не уменьшилось, а значительно увеличилось при польскомъ владычествѣ. Какъ же думать о совращеніи въ католичество теперь, когда православная Россія, сознавъ свое высокое назначеніе и свою обязанность въ отношеніи исторіи, стала твердою ногою на родной себѣ западной окраинѣ.

. . . .

«Тѣ полтора милліона (крестьянъ, сосѣднихъ съ Польшей), о которыхъ я говорю теперь, не имѣютъ ни особой народности, ни племеннаго отпечатка, ни собственныхъ нравовъ, ни исторіи; православно-русскаго происхожденія, они впродолженіи столѣтій были распредѣлены между Радзивиллами, Сапегами и другими магнатами, которые не ополячивали ихъ, а только деморализировали во всѣхъ отношеніяхъ; теперь, проникнутые руссо-фильствомъ, и охотно преклоняясь передъ единственною осязательною для нихъ силою, они не только добровольно откажутся отъ несвойственныхъ имъ польскихъ привычекъ, но и сольются во всемъ съ великоруссами».

Мы могли бы продолжить наши выдержки въ доказательство того, что многое въ западномъ краѣ совсѣмъ не такъ стоитъ, какъ доселѣ сообщалось въ разныхъ органахъ нашей печати, и что обрусѣніе края идетъ далеко не удовлетворительно. Очевидно, что принятая система обрусѣнія не оправдала тѣхъ блестящихъ надеждъ, какія имѣла на нее извѣстная фракція нашего общества,—и самая сила вещей требуетъ ея видоизмѣненія въ другомъ направленіи.

Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская губернія. Составилъ полковникъ А. Ф. Риттихъ. *Казань. 1870 года.*

Первая часть этой книги (которая принадлежитъ къ цѣлому ряду изслѣдованій, предпринятыхъ, по порученію начальства, офицерами генеральнаго штаба) посвящена различнымъ предположеніямъ и соображеніямъ, кто именно въ древнія времена жилъ въ мѣстности, занимаемой нынче Казанской губерній. Предположенія эти и соображенія, какъ и слѣдовало ожидать, часто построены на весьма шаткихъ основаніяхъ, вызывая возраженія со стороны спеціалистовъ. «Казанская губернія, населенная по большинству алтайскою расою, пишетъ авторъ, для своего разоблаченія, невольно двинула насъ въ *неразъясненную часть науки*, которую, *принимая за основаніе*, со всѣми ея настоящими погрѣшностями, приводимъ *блуждающаго*, путемъ филологіи, ко многимъ утвердительнымъ фактомъ». Такъ-какъ блуждать по неразъясненной части науки, опираясь на нее же, способенъ только завзятый спеціалистъ, а читатели нашего журнала вовсе не обязаны быть такими спеціалистами, то мы обращаемся прямо ко второй части сочиненія, имѣющей общій интересъ, въ которой описываются домашняя жизнь, нравы и обычаи нынѣшнихъ коренныхъ обитатей Казанской губерніи.

Разсматривая коренное населеніе Казанской губерніи (въ которой русскіе изображаютъ собою какъ бы колонистовъ), авторъ прежде всего останавливается на татарахъ, имѣющихъ преимущество предъ другими племенами какъ количествомъ, такъ, отчасти, и умственнымъ превосходствомъ, хотя авторъ относительно этого предмета выражается какъ-то особенно сбивчиво и неясно, противорѣча на каждомъ шагу, тоже, какъ будто *блуждаетъ*, безъ всякой уже надобности. Опровергая ложное мнѣніе, будто татары годъ отъ году уменьшаются въ

количествѣ, то-есть вымираютъ, авторъ становится прямо на сторону татаръ: «нѣтъ, этотъ народъ не погибнетъ среди настоящаго направленія русской народности», говоритъ полковникъ: «но онъ неминуемо сольется, обогатитъ нашу семью, лишь только умъ и смѣтливость русскихъ почуютъ правильный исходъ своего обученія; но до этого татары всегда будутъ себя считать выше, доказывая это своею способностью къ торговлѣ и своею грамотностью. Увѣряютъ, будто первая мысль объ устройствѣ въ Казани биржи была подана татариномъ. *Не подастъ ли онъ* (татаринъ) *подобную же благую мысль по устройству въ Казани водопроводовъ, газоваго освѣщенія, шоссе и соединительнаго канала съ Волгою?*»

Изъ представленной выписки видно, что полковникъ Риттихъ ставитъ татаръ въ умственномъ отношеніи несравненно выше не только безотвѣтнаго, безгласнаго сельскаго населенія, но даже псевдо-европейски образованныхъ представителей высшихъ сословій, которые много лѣтъ уже засѣдаютъ въ водопроводномъ комитетѣ и все-таки оставляютъ городъ безъ воды, въ ожиданіи вмѣшательства въ дѣло лихого татарина. Очень можетъ быть, что такое предположеніе полковника совершенно справедливо, но зачѣмъ же было допускать противорѣчія, въ родѣ слѣдующаго: «Мухаммедане видимо набожны, грамотны (въ отличіе отъ русскихъ), хотя эта грамотность не приноситъ имъ *ни малѣйшей нравственной пользы, развивая лишь въ нихъ средне-азіатскія уловки и плутовство*» (?) (стр. 9). Намъ кажется, что, высказавши первую мысль объ умственномъ превосходствѣ татаръ предъ русскими даже высшихъ сословій, никакъ нельзя было придти къ подобному выводу! Неужели и первую мысль объ устройствѣ въ Казани биржи и способность ускорить постройку водопровода, г. Риттихъ серьёзно считаетъ проявленіемъ средне-азіатскаго плутовства? Если такъ, то дай Богъ и нашему народу хоть немножко татарскаго просвѣщенія, которое научаетъ *такому* плутовству! Дальнѣйшіе отзывы г. Риттиха о татарахъ всѣ въ такомъ же родѣ: всѣ одинаково поражаютъ читателя своею неожиданностью. «У богатыхъ татаръ, пишетъ г. Риттихъ, въ послѣднее время появились гувернантки, отъ одной до трехъ, обучающія дѣтей ихъ русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ»... Повидимому, гдѣ же тутъ дурное?—но г. Риттихъ съумѣлъ и здѣсь отъискать дурную сторону. «Все это—пишетъ онъ—*не болѣе, какъ толченіе воды*, такъ-какъ впослѣдствіи, выростая, дѣти эти не только не будутъ владѣть этими языками, но по причинѣ устраненія себя отъ того общества, гдѣ употребляются эти языки, они совершенно ихъ позабудутъ». Все это, не въ укоръ будь сказано г. Риттиху, не совсѣмъ справедливо. Богатые татары въ послѣднее время вовсе не чуждаются общества, что подтверждается и самимъ полковникомъ, и если имъ до сей поры не удалось войти въ высшее казанское общество, то

виною тому вовсе не татары, а татарщина мѣстнаго русскаго общества, ни на шагъ неотступающаго отъ принципа: чинъ чина почитай. Должно быть, полковнику неизвѣстно, что въ послѣднее время богатые казанскіе татары посылаютъ своихъ сыновей даже заграницу для усовершенствованія, и еще покуда неизвѣстно, кто больше тамъ совершенствуется: они ли, или молодые ученые, преимущественно изъ москвичей, отправляемые своими ворожеями бабушками, тетушками и дядюшками на казенный счетъ? Богатые татары въ послѣднее время начинаютъ скупать большія имѣнія отъ разорившихся русскихъ князей и не князей, и имѣнія эти, въ ихъ рукахъ, являются въ несравненно лучшемъ, благоустроенномъ видѣ: вмѣсто прежнихъ развалинъ появляется все новое, крѣпкое, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Очень немудрено, что не сегодня-завтра богатые молодые татары примѣнятъ свои знанія не къ одной пустой, безсмысленной болтовнѣ, какъ это дѣлаютъ наши отатарившіеся казанцы, а къ чему нибудь болѣе полезному въ промышленномъ отношеніи. Въ томъ случаѣ, если кто найдетъ наши предположенія слишкомъ смѣлыми, — ссылаемся на самаго полковника, который, хотя и противорѣчитъ себѣ безпрерывно, но, въ сущности, высказываетъ то же, указывая на татаръ, какъ на основателей биржи и какъ на единственную надежду казанскихъ обывателей, напрасно ожидающихъ водопровода, освѣщенія и путей сообщенія. Осуждая татарское образованіе, авторъ говоритъ: «во всякомъ случаѣ, самое серьёзное изъ всего обученія, составляетъ предметъ торговли, къ которой татары очень склонны»... Что̀ въ этомъ дурного — и понять нельзя. Ужь не отсутствіе ли классицизма? Но вѣдь авторъ—военный человѣкъ, а каждому извѣстно, что въ военныхъ гимназіяхъ классицизмомъ гнушаются, охотно уступая его гражданскимъ школамъ. «Татары стараются придать своей обстановкѣ нѣкоторое изящество, безъ котораго русскій крестьянинъ обходится легко, не увлекаясь желаніемъ казаться богатымъ и приберегая копѣйку на болѣе необходимые предметы, либо для увеличенія своего капитала». Опять-таки, упрекъ несправедливый. Напротивъ, желательно было бы, чтобы русскій крестьянинъ, подражая татарину, хотя немножко заботился объ изяществѣ, тѣмъ болѣе, что деньги, остающіяся отъ *изящества*, далеко не всегда идутъ у русскаго крестьянина на удовлетвореніе крайней необходимости или на увеличеніе капитала. Осуждая татарскую грамотность и вообще ихъ образованіе, авторъ замѣчаетъ, между прочимъ, что «ихъ (татаръ) можно встрѣтить въ большомъ числѣ въ русскихъ типографіяхъ, гдѣ они исполняютъ свою должность самымъ отчетливымъ образомъ, и что они вообще весьма скоро выучиваются русской грамотѣ, постоянно опережая русскихъ» (стр. 12). Далѣе, относительно нравственности татарскаго сельскаго населенія, авторъ приводитъ въ примѣръ, что въ одной деревнѣ отставному сол-

дату изъ крещенныхъ татаръ (значитъ уже просвѣтившемуся русскимъ свѣтомъ) татарка при всѣхъ слушателяхъ краснобая сказала: «языкъ твой стоитъ только того, чтобы отрѣзать его и бросить собакамъ» (стр. 35). Вообще, по показанію полковника, татары не терпятъ сквернословія, тогда какъ «многообразный оборотъ русскаго сквернословія породилъ поговорку, что честной женщинѣ можно спокойнѣе пройти мимо стада скотовъ, чѣмъ мимо толпы мужиковъ». Поговорка, надобно кстати замѣтить, достаточно глуповатая, потому что пройти мимо стада овецъ, напримѣръ, честной женщинѣ рѣшительно нѣтъ никакой опасности, но все-таки понятно, къ чему она придумана, хотя и неудачно. Все сказанное полковникомъ, какъ видитъ читатель, служитъ въ пользу татаръ и никто, разумѣется, не ожидаетъ, что полковникъ, при извѣстіи о томъ, что татары часто начинаютъ исчезать по одиночкѣ за Уралъ, либо въ Бухару, вдругъ скажетъ: «Разумѣется, это небольшая потеря, еслибъ ихъ и больше ушло изъ Казанской губерніи, чѣмъ какая нибудь единичная личность» (стр. 9). То-есть, другими словами, «пусть бы и всѣ провалились, *вилки поганые*», какъ ихъ обыкновенно честятъ русскіе ямщики, вскормленные и вспоенные на сквернословіи; но, спрашивается, за что̀ же? Хвалилъ-хвалилъ, да вдругъ, неожиданно, въ шею! Что̀-жъ это значитъ?—спроситъ и татаринъ, опомнившись у подножія полковничьей лѣстницы отъ полученнаго въ шею неожиданнаго удара. Полковникъ въ своей книгѣ даетъ удовлетворительное объясненіе на такой вопросъ. Онъ, какъ человѣкъ военный, и на различныя народности смотритъ съ чисто военной точки зрѣнія: тотъ народъ, по мнѣнію полковника, хорошій народъ, который охотно идетъ въ рекруты, и на оборотъ, тотъ народъ никуда не годенъ, который отнѣкивается отъ рекрутства. На татаръ полковникъ Риттихъ именно и негодуетъ за это. «Русскіе, пишетъ онъ, давно уже перестали себя уродовать и свыклись съ рекрутской повинностью, *какъ бы съ самимъ собою* (?), тогда какъ не проходитъ ни одного рекрутскаго набора безъ умышленнаго уродованія татаръ» (стр. 10). Разсматривая народности именно съ этой, такъ-сказать, солдатской точки зрѣнія, полковникъ Риттихъ мирится даже съ другимъ казанскимъ народцемъ, лѣсными или луговыми черемисами, совершеннѣйшими дикарями, хотя самъ же сравниваетъ этихъ полузвѣрей съ *пинчуками*, обитателями рѣки Припети, которые собственно и «не люди, а какіе-то выродки». «Воинственность черемисъ (т.-е. неудержимое пристрастіе къ грабежамъ), пишетъ полковникъ, отразилась на нихъ и донынѣ, въ смѣлой охотѣ и въ ихъ *безотвѣтной наглости* и безсознательной храбрости, *которая на службѣ, въ военное время, весьма пригодна*» (стр. 125). Что касается горныхъ черемисъ, у которыхъ лѣса уже всѣ вырублены, слѣдовательно *пинчуками* дольше имъ оставаться неудобно, то полковникъ, какъ видно, отъ нихъ

въ восторгѣ. «Вообще въ горныхъ черемисахъ—пишетъ онъ—замѣтна какая-то особенная примѣсь, какъ будто цыганская, которая, совокупившись съ русскою смѣтливостью, воспроизвела прекрасный типъ, *вполнѣ соотвѣтствующій службѣ въ гвардіи*, куда и направляютъ много молодыхъ солдатъ горныхъ черемисъ». Но этого мало: «многіе изъ черемисъ, береговыхъ жителей, привыкшихъ къ водѣ и къ управленію разной величины судовъ, съ дровами, лаптями и др. товарами, весьма смѣлые матросы и приносятъ существенную пользу волжскому судоходству». Изъ этого видно, что черемисскій типъ не только прекрасенъ, но даже, можно сказать, безподобенъ, потому что полезные волжскому судоходству люди съ большимъ удобствомъ могутъ быть превосходными земноводными солдатами. А между тѣмъ, не подумайте, что черемисы — народъ сколько нибудь цивилизованный, выше, напримѣръ татаръ. Ни чуть не бывало! Полковникъ предполагаетъ, что въ древнія времена уровень образованности черемисъ, быть можетъ, стоялъ не ниже другихъ, сосѣднихъ племенъ, но теперь, они отстали даже и отъ древнихъ народовъ... «И если они сдѣлались такими, какими они извѣстны намъ теперь, замѣчаетъ полковникъ, то это за время послѣднихъ 300 лѣтъ, по отсутствію всякаго о нихъ попеченія и желанія ихъ развить, хотя бы въ пользу всей страны» (стр. 129). Изъ этого ясно видно, что охоту идти въ солдаты, полковникъ ставитъ выше всего и по одной только чертѣ характера опредѣляетъ достоинства или недостатки цѣлаго племени; а такъ-какъ полудикій народъ, неимѣющій ни кола, ни двора, легче переноситъ рекрутчину, чѣмъ народъ сколько нибудь цивилизованный, подумывающій даже объ изяществѣ, то, очень понятно, почему всѣ симпатіи полковника клонятся на сторону черемисъ и чувашъ, а не татаръ.

Впрочемъ, полковникъ смотритъ на военную службу, какъ на единственный проводникъ цивилизаціи въ массу дикаго народа. Онъ говоритъ, что «войско, въ отношеніи массы народа, только тогда можетъ встрѣтить братское сочувствіе, когда масса убѣдится въ распространеніи войскомъ той матеріальной пользы, которая *матеріально его обогащаетъ, умственно развиваетъ, наводитъ на путь истины, христіанства и братолюбія*». При подобномъ, оригинальномъ взглядѣ на войско дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему полковникъ, быть можетъ, искренно желая добра ближнему, каждаго старается упечь въ солдаты, чтобы онъ въ этой должности попалъ на путь истины, христіанства и братолюбія. Въ этомъ отношеніи прусскій ландверъ былъ бы очень удобенъ: рано-поздно всѣ бы, въ свою очередь, научились братолюбію, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стрѣльбѣ въ ближняго своего изъ новыхъ ружей, заряжаемыхъ съ казенной части.

Выписками изъ книги полковника мы утруждать читателя не

станемъ, тѣмъ болѣе, что и самъ полковникъ не самостоятельно изслѣдовалъ бытъ, нравы и обычаи казанскихъ коренныхъ обитателей, а пользовался готовыми статьями, разбросанными по различнымъ, никѣмъ нечитаемымъ губернскимъ вѣдомостямъ и брошюрамъ. Мы касаемся только лишь тѣхъ немногочисленныхъ мѣстъ книги, въ которыхъ авторъ говоритъ отъ себя, и, надобно замѣтить, со многимъ изъ этого немногаго никакъ не можемъ согласиться. Трактуя о древнихъ обитателяхъ казанскаго края, авторъ приводитъ выписку изъ Тацита, который, описывая современныхъ ему лапонцевъ и финновъ, говоритъ, что они были дики, гнусной скудости и проч., и что они «достигли отсутствія желаній, считая себя блаженными». Указавши на эту тацитовскую характеристику, авторъ приходитъ къ слѣдующей, быть можетъ, остроумной, но едва-ли основательной догадкѣ: «изъ этого подпочвенника Казанской губерніи выступаетъ въ настоящую эпоху наружу описанное нравственное состояніе: отсутствіе желаній финско-тюркскихъ племенъ Казанской губерніи». Изъ этого выходитъ, что въ какомъ свободномъ, никѣмъ нестѣсненномъ состояніи ни живи финско-тюркскія племена,—они все-таки упорно и вѣчно будутъ придерживаться своей *гнусной скудости* и отсутствія желаній, между тѣмъ, какъ въ другихъ мѣстахъ книги авторъ говоритъ уже совсѣмъ другое, указывая на причины ихъ гнусной скудости. Причины эти всего рельефнѣе изображаются въ одной, нехитрой черемисской пѣснѣ, приведенной полковникомъ. Вотъ часть этой пѣсни:

...Глаза работу работать не видятъ;
Ѣсть больно хочу:
Хлѣба нѣтъ,
Соли нѣтъ,
Лошади нѣтъ,
Не знаю, чтó дѣлать;
Царь нашей нужды не знаетъ,
Правленскіе мужики бѣдныхъ дерутъ...

Дѣйствительно, какъ видите, скудость-то гнусная, такая же, какую и Тацитъ описываетъ, но причины скудости новѣйшія, чему яснымъ доказательствомъ служитъ послѣдняя строка жалкой во всѣхъ отношеніяхъ пѣсни. Еще одно замѣчаніе. Авторъ, въ своемъ военно-этнографическомъ изслѣдованіи, нѣсколько строкъ только посвящаетъ собственно русскому населенію губерніи, но эти немногія строки все населеніе губерніи навѣрное приняло бы за личное оскорбленіе, еслибы умѣло читать, и не было безгласно и безотвѣтно. «Не можемъ пройти молчаніемъ *ту отличительную черту русскаго народа Казанской губерніи* — пишетъ полковникъ, — *которая его ставитъ ниже своихъ собратьевъ другихъ губерній; это его безнравственность и въ особенности женщинъ*». Принимая свое указаніе за неоспоримый фактъ, полковникъ объясняетъ его сосѣдствомъ

съ ненавистными ему татарами, у которыхъ жениться на другой женѣ при жизни первой — и за грѣхъ не считается.

Пишущій эту рецензію самъ принадлежитъ къ уроженцамъ Казанской губерніи, и изучалъ ее не проѣздомъ, по особому порученію, а бо́льшую часть ее знаетъ основательно, и смѣло можетъ увѣрить всѣхъ и каждаго, что легкостью нравовъ она совсѣмъ не отличается. Вѣроятно, полковникъ, при своихъ многочисленныхъ разъѣздахъ по Россіи, смѣшалъ Казанскую губернію съ какою-нибудь другою, изъ фабричныхъ, гдѣ дѣйствительно семейныя узы очень некрѣпки, или же свои заключенія обо всей губерніи вывелъ изъ обслѣдованія какой-нибудь мѣстности губернскаго города, напримѣръ, Мокрой или Ямской улицъ. Дѣйствительно, если, напримѣръ, какой-нибудь ученый изслѣдователь по одному дому князя Вяземскаго на Сѣнной въ Петербургѣ вздумаетъ сдѣлать заключеніе о нравахъ всего русскаго народа, то онъ неизбѣжно скажетъ то же самое, что̀ сказалъ и полковникъ Риттихъ о Казанской губерніи. Дѣйствительно, есть и въ Казанской губерніи деревни, напримѣръ, по берегамъ большихъ рѣкъ, гдѣ назначенъ постоянный привалъ бурлаковъ, или гдѣ постоянно квартируютъ войска, въ которыхъ брачные союзы не имѣютъ особеннаго значенія, но, спрашивается, гдѣ же такихъ мѣстъ нѣтъ, и позволительно ли по нимъ дѣлать общія заключенія, въ особенности въ сочиненіи, которое претендуетъ на названіе ученаго изслѣдованія?

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо двѣнадцатое.

Одна изъ самыхъ яркихъ особенностей нашихъ захолустныхъ городковъ заключается въ томъ, что тамъ почти совсѣмъ нельзя встрѣтить посторонняго, наѣзжаго люда. Все, что ни видится на улицахъ, на площадяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ лавкахъ—все это *тутошное*, живущее здѣсь только потому, что постепенно нагуляло себѣ какъ бы естественныя кандалы, которыя мѣшаютъ бѣжать. Постороннему здѣсь нечего дѣлать, а потому незачѣмъ и пріѣзжать. Это до такой степени вѣрно; что нѣтъ ни одного провинціала, который не сознавалъ бы этой истины, и не взглянулъ бы удивленными глазами на пріѣзжаго, не спѣшащаго сломя голову вонъ изъ города. Провинціальный городъ никогда и ни для кого не служилъ цѣлью, а только стоялъ на пути, на томъ безконечномъ, постыломъ пути, который, такъ кажется, и перелетѣлъ бы, еслибъ были крылья. Заспанный путешественникъ, зѣвая вылѣзалъ изъ

тарантаса, потягиваясь напивался на станціи своего собственнаго чая, закусывалъ собственною провизіей, проглатывалъ рюмку собственной водки, и мчался дальше куда-то *въ свое мѣсто*. Даже на соборъ не засматривался, потому что всякій соборъ, такъ сказать, отъ рожденія въ стереотипномъ видѣ напечатлѣнъ въ сердцѣ каждаго русскаго проѣзжаго человѣка. Впереди у него есть *свое мѣсто*, съ *своимъ* неудобнымъ для обитанія домомъ, съ *своею* несъѣдобною провизіей, со своими тараканами, клопами и прочею нечистью. Зачѣмъ ему заглядываться на *чужую* нечисть, которая есть буквальное повтореніе его собственной нечисти?

Мѣстный обыватель понималъ эти соображенія, и никогда не претендовалъ на проѣзжаго человѣка за то, что онъ ни о чемъ не разспрашиваетъ, ни на что не глядитъ. Не о чемъ спрашивать, не на что глядѣть; все, что увидишь или узнаешь здѣсь — все это увидишь и узнаешь тамъ, *въ своемъ мѣстѣ*. Даже путешественникъ спеціалистъ, командированный отъ какого нибудь вѣдомства, а пожалуй и отъ двухъ (у насъ путешествіе безъ командировки немыслимо), съ ученою цѣлью— и этотъ лишь для проформы останавливался на нѣсколько часовъ на почтовой станціи, и для проформы же записывалъ въ свой ученый дневникъ: «былъ въ городѣ Навозномъ и имѣлъ совѣщаніе съ хлѣбными торговцами, причемъ оказалось, что хлѣба за границу и на внутренніе рынки отправляется множество (NB. *цифру проставить дома, по возвращеніи въ Петербургъ*); на станціи видѣлъ собственными глазами, что ямщики ѣдятъ нетолько хлѣбъ безъ примѣси лебеды, но и ватрушки, имѣвшія очень вкусный видъ (NB. *по этому поводу, пустить нѣчто пикантное противъ нашихъ охранителей и прогрессистовъ, утверждающихъ, что благосостояніе народа находится въ упадкѣ)*; сверхъ того, видѣлъ (NB. *Самъ не видѣлъ, но написать, что видѣлъ)*: въ соборѣ хранится пуговица отъ мундира великаго князя Святослава Игоревича, потерянная во время битвы съ Цимисхіемъ. Пуговица мѣдная, свѣтлая, какъ бы снятая съ новѣйшей ливреи», и т. д.

Записавши это, путешественникъ (съ ученою цѣлью) скакалъ дальше, въ городъ Ненасыть, за такою же надобностью, а по возвращеніи въ Петербургъ выпускалъ книжицу, съ громкимъ названіемъ «Изслѣдованіе о хлѣбной торговлѣ въ Россіи», за которую получалъ премію или двѣ, смотря по тому, отъ одного или двухъ вѣдомствъ былъ командированъ.

Таково было еще въ недавнее время положеніе нашихъ провинціальныхъ городковъ относительно привлеченія пришлаго населенія; въ будущемъ, оно едва-ли можетъ обѣщать сдѣлаться болѣе разнообразнымъ. Съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, всѣ заспанные люди, которые, до настоящаго времени, хоть лошадей перемѣняли на станціяхъ, конечно, устремятся въ *свое мѣсто* путемъ болѣе краткимъ и удобнымъ. И сдѣлаются эти го-

родки еще болѣе пустынными, и побѣгутъ изъ нихъ *тутошные* люди, которые до сихъ поръ кое-какъ кормились около проѣзжаго человѣка, сбывая ему на двѣ копейки веревокъ, да на копейку дёгтя, и повременамъ вытаскивая изъ невылазной пучины его загрязнувшій тарантасъ.

Что-то будетъ! какія-то измѣненія принесутъ за собою эти новые пути, новыя экономическія условія, свободный трудъ, попытки самоуправленія и проч. и проч. Возьмется ли провинціалъ за живое дѣло, дойдетъ ли до сознанія своего положенія, или, по прежнимъ примѣрамъ, скреститъ руки и будетъ отводить душу въ изобрѣтеніи мѣткихъ, но совершенно праздныхъ эпитетовъ, которыми онъ креститъ собственную вялость и непригодность? — Покамѣсть, ничего такого, что̀ давало бы возможность разрѣшить этотъ вопросъ въ томъ, или другомъ смыслѣ, — еще не видится...

Но судьба не всегда бываетъ благосклонна къ людямъ, и повременамъ предупредительно водворяетъ ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нечего дѣлать и куда незачѣмъ пріѣзжать. По большей части, это случается какъ-то вдругъ. Человѣкъ наслаждается жизнью гдѣ нибудь въ Разъѣзжей или Кабинетской улицѣ, мечтаетъ, строитъ планы, поднимаетъ завѣсу будущаго, и вдругъ, непосредственно изъ Разъѣзжей улицы, не только мыслію, но и тѣломъ переносится въ уѣздный городъ Ненасыть.

Я согласенъ, что это превращеніе не вполнѣ обыденно, и что его слѣдуетъ отнести къ числу волшебныхъ, но такъ-какъ въ сей юдоли плача покуда еще очень нелегко опредѣлить, гдѣ кончается волшебство и гдѣ начинается дѣйствительность, то люди компетентные утверждаютъ, что подобнаго рода превращенія нетолько возможны, но даже не вызываютъ особенныхъ удивленій.

Слѣдовательно, представить себѣ человѣка, сваливающагося откуда-то издалека и независимо отъ собственнаго произвола водворяющагося въ средѣ обывателей одного изъ такъ-называемыхъ «мирныхъ уголковъ» — очень нетрудно. Гораздо труднѣе прослѣдить самый процессъ водворенія, ибо оно совершается не механически только, но и со всѣми нравственными послѣдствіями, которыя влечетъ за собой всякій самоувѣренный натискъ на человѣка, застигнутаго въ расплохъ: съ укрощеніемъ, стушовкою и акклиматизированіемъ. Сталкиваются два элемента, ничего до сихъ поръ другъ о другѣ незнавшіе: пустынникъ Разъѣзжей улицы приходитъ въ соприкосновеніе съ пустынникомъ города Ненасытя. Встрѣчаются, и на первый разъ могутъ съ ясностью представить себѣ только одно: что имъ приходится жить вмѣстѣ. Очевидно, однакожь, что это первое впечатлѣніе слишкомъ недостаточно, чтобы можно было остановиться на немъ. Очевидно, что современемъ оно осложнится и для той и для другой стороны, что наступитъ минута, когда и акклиматизируемый человѣкъ и аборигенъ должны бу-

дуть подойти другъ къ другу и постановить условія взаимнаго сожительства. Какія будутъ эти условія? подъ вліяніемъ какого взаимнаго чувства они будутъ формулированы?

Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заключается возможность дальнѣйшаго существованія этихъ подневольныхъ людей, изъ которыхъ одни связаны тѣмъ, что они отъ рожденія *тутошние*, другіе—тѣмъ, что имъ предстоитъ, не будучи *тутошними*, во что бы ни стало сдѣлаться таковыми.

Что касается до человѣка, подлежащаго акклиматизаціи, то онъ долженъ испытывать не столько чувство враждебности, сколько чувство недоумѣнія. Для враждебнаго чувства еще нѣтъ непосредственнаго объекта, но для недоумѣнія есть поводы очень дѣйствительные. По крайней мѣрѣ, въ первую минуту по выброшеніи на берегъ, иначе не можетъ быть. Акклиматизируемый еще не умѣетъ объяснить себѣ, что̀ именно находится у него передъ глазами: необитаемый ли островъ или что-нибудь другое. Что это не необитаемый островъ — въ этомъ его убѣждаетъ, вопервыхъ, мельканіе субъектовъ, носящихъ, подобно ему, человѣческій образъ, вовторыхъ — ощущеніе близости исправника. Но что тутъ есть нѣчто, имѣющее и всѣ свойства необитаемаго острова — это доказывается полнѣйшимъ отсутствіемъ удобствъ жизни, то-есть именно того, что̀ всегда и вездѣ, помимо всѣхъ другихъ признаковъ, возвѣщаетъ о присутствіи творческой дѣятельности человѣка. Жилища не даютъ дѣйствительнаго успокоенія, пища не даетъ дѣйствительной питательности; кругомъ слышатся какія-то странныя, непривычныя рѣчи; нѣтъ книги, нѣтъ ничего, что̀ обезпечивало бы возможность дальнѣйшаго развитія; вездѣ видится нагота и неприкрытость. Рай Разъѣзжей улицы — потерянный рай! — такъ и мечется въ глаза. Правда, онъ былъ изгнанъ изъ этого рая, изгнанъ безъ разговоровъ, что̀ не совсѣмъ-таки свидѣтельствуетъ въ пользу его безопасности и безмятежія; но здѣсь... здѣсь вѣдь онъ еще менѣе прикрытъ въ этомъ смыслѣ. Здѣсь его вверхъ тармашками поставятъ (такъ ему кажется) и никто ничего не узнаетъ, не увидитъ, не услышитъ! Вотъ *онъ* идетъ, *онъ*, то-есть всякій, который имѣетъ возможность налечь всѣмъ корпусомъ на судьбу подневольнаго человѣчества — что-то у *него* въ головѣ? какая-то затѣя строится у *него* относительно его, бѣднаго, свалившагося съ неба странника? Какой у *него* характеръ? какія привычки? Говорятъ, *онъ* человѣкъ не злой, но, можетъ быть, *онъ* своенравенъ; можетъ быть, у *него* есть въ головѣ какой-нибудь гвоздь?.. Тысяча мелочныхъ, но мучительныхъ и никогда прежде неявлявшихся вопросовъ возстаютъ неизвѣстно откуда, осаждаютъ голову и — увы! — растлѣваютъ сердце... А вѣдь это только первый приступъ; это только матеріальныя условія предстоящей жизни; это вопросъ о норѣ, пищѣ, и возможности поддержать тѣло; что̀ же придется аз-

гадывать дальше, когда пойдетъ рѣчь объ условіяхъ жизни умственной?

Таково первое ощущеніе, испытываемое одной стороной—ощущеніе въ высшей степени горькое и тоскливое. Загадочность отовсюду, изъ всѣхъ норъ бѣжитъ на встрѣчу человѣку, а какъ она разыграется въ будущемъ, что̀ скрывается подъ этой корой, которую придется-таки пробивать,—все эта тайна, надъ раскрытіемъ которой умъ будетъ работать до тѣхъ поръ, пока слѣпой случай не разрѣшитъ томленій подневольнаго человѣка въ ту или другую сторону, то-есть: поворотитъ ему оглобли налѣво—и шабашъ. Говорятъ, правда, что вездѣ можно найти хорошихъ людей, а въ провинціи даже больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Можетъ быть, это и справедливо, но вѣдь справедливо и то, что хорошій человѣкъ тогда только дѣйствительно хорошъ, когда онъ хорошъ *понашему*. Это «понашему» отнюдь не означаетъ ни грубаго деспотизма съ одной стороны, ни рабскаго прилаживанья — съ другой; нѣтъ, тутъ скрывается довольно долгій и сложный процессъ, черезъ который, незамѣтно для самихъ себя, проходятъ живыя существа прежде, нежели сдѣлаются другъ другу угодными. Дѣйствительная «хорошесть» представляетъ совокупность множества опредѣленій, хотя приблизительно общихъ обѣимъ сторонамъ: общность стремленій и идеаловъ, равная степень развитости, одинаковый характеръ интересовъ, одинаковая возможность найти другъ въ другѣ помощь и провѣрку. Все это выработывается очень медленно, отнюдь не по щучьему велѣнью. «Хорошихъ» людей, то-есть людей добрыхъ, честныхъ и даже разумныхъ дѣйствительно встрѣчается довольно, но всѣ они хороши по своему, да, быть можетъ, хороши еще для другихъ, подобныхъ имъ же хорошихъ людей. Слово «хорошій» не имѣетъ обязательнаго или общепринятаго значенія; оно слагается изъ самыхъ разнообразныхъ понятій, которыя входятъ въ него не разомъ, а частями. Какое дѣло намъ до хорошаго человѣка, съ которымъ мы не можемъ сказать слова, чтобъ не взглянуть другъ на друга въ недоумѣніи или не почувствовать необходимости въ безконечныхъ предварительныхъ объясненіяхъ. А именно таковъ и есть хорошій человѣкъ провинціи. Онъ исключительно эмпирикъ; онъ не знаетъ болѣе того, что̀ видитъ собственными глазами и осязаетъ собственными руками, а ежели и знаетъ нѣчто болѣе, то-есть объясняетъ себѣ явленія не однимъ путемъ эмпиризма, то, пожалуй, лучше бы не зналъ и не объяснялъ. Мнѣ былъ, напримѣръ, извѣстенъ одинъ очень хорошій человѣкъ, который былъ глубоко убѣжденъ, что у мужчины во лбу крестъ, а у женщины креста нѣтъ, а потому — дескать кликуши и порченные встрѣчаются только между женщинами. И это былъ воистину «хорошій» человѣкъ, то-есть человѣкъ, никогда никого не обманувшій, не обидѣвшій, и, помимо нѣкоторыхъ дурацкихъ убѣжденій, довольно бодро смотрѣвшій въ глаза жизни. Я согласенъ, что примѣръ этотъ рѣ-

зокъ; но есть безчисленное множество примѣровъ, хотя и менѣе рѣзкихъ, но которые въ сущности отличаются отъ предъидущаго только тѣмъ, что обманываютъ хажущимся приличіемъ своихъ формъ. Не даромъ же сама провинція сложила пословицу, что тотъ хорошій человѣкъ, который сальныхъ свѣчей не ѣстъ и стекломъ не утирается. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой точки зрѣнія и приведенный выше поклонникъ креста во лбу и множество другихъ — хорошіе люди. Очень возможно также и то, что всѣ эти хорошіе люди могутъ современемъ развиться, что ихъ можно убѣдить и воспитать; но вѣдь это ужь будетъ совсѣмъ другой вопросъ, ибо тутъ рѣчь пойдетъ не объ удовлетвореніи потребности общественности, а о достиженіи воспитательныхъ цѣлей. Говорятъ еще, что съ хорошимъ человѣкомъ, помимо одинаковаго умственнаго уровня, можно сойтись на почвѣ человѣчности, и что эта почва сама по себѣ столь почтенна, что нечего тутъ много затрудняться и задумываться. Но и это, къ сожалѣнію, только отчасти справедливо, ибо отношенія, завязывающіяся исключительно на почвѣ человѣчности, никогда не бываютъ отношеніями полнаго равенства. Чувство человѣчности, хотя и очень почтенно, но въ то же время слишкомъ расплывчиво, чтобы на немъ можно было выстроить что-нибудь прочное. Оно никогда не бываетъ свободно отъ примѣси благосклонности съ одной стороны, и примѣси благоговѣнія — съ другой. Весьма похвально, ежели человѣкъ признаетъ человѣческое достоинство даже въ томъ изъ своихъ ближнихъ, съ которымъ онъ имѣетъ очень мало точекъ соприкосновенія; не меньше похвально, если онъ старается поднять этого ближняго до своего собственнаго нравственнаго и умственнаго уровня; но глазъ маломальски проницательный безъ труда увидитъ, что тутъ уже есть усиліе, и притомъ не само собою созрѣвшее, а потребовавшее извѣстнаго напряженія. Какой же можетъ быть послѣ этого вопросъ о равенствѣ? А вѣдь для человѣка, если онъ не звѣрь и не превозвысившійся въ чинахъ кантонистъ, равенство, въ смыслѣ общественности, есть именно та самая вещь, которая желательно всего болѣе, и безъ которой возможна не свобода отношеній, а только насильствованіе собственной природы.

Тѣмъ не менѣе, чувство одиночества выносимо съ трудомъ. Постепенно охватывая и одолѣвая человѣка, оно изнуряетъ его, наконецъ, до того, что потребность исканія и даже созданія «хорошаго» человѣка заглушаетъ въ немъ всѣ остальныя потребности и соображенія. Посмотримъ же теперь, какъ относится къ акклиматизируемому человѣку та другая сторона подневольнаго человѣчества, среди которой ему назначено судьбой акклиматизироваться. Сочувствуетъ ли она ему? имѣетъ ли желаніе приблизить его къ себѣ, сродниться съ нимъ, вступить въ союзъ?

Можно почти утвердительно сказать, что отношенія этой сто-

роны вполнѣ сочувственны акклиматизируемому. Она не хочетъ знать о тѣхъ высшихъ соображеніяхъ, которыя бросили странника въ ея захолустье; она съ участіемъ смотритъ на его недоумѣніе, она *жалѣетъ* его. Вопервыхъ, какъ ни скудно ея собственное прошлое, но оно все-таки существуетъ, а потому она понимаетъ, что прошлое должно быть и у этого человѣка. И чѣмъ нечаяннѣе произошелъ разрывъ съ этимъ прошлымъ, тѣмъ онъ долженъ быть для него больнѣе. Вовторыхъ, если не совсѣмъ ловко разставаться даже съ такимъ прошлымъ, въ которомъ ничего не отыщется, кромѣ воспоминаній о выѣденномъ яйцѣ, то тѣмъ тяжелѣе отказаться отъ такого прошлаго, въ которомъ имѣлся интересъ дѣйствительный. А что этотъ интересъ былъ — это доказывается тѣмъ, что акклиматизируемый не самъ отъ него *оторвался*, а нашлось нужнымъ *оторвать* его отъ него. Втретьихъ, «тутошныхъ» людей поражаетъ то обстоятельство, что акклиматизируемый человѣкъ никакъ не можетъ сразу приладиться на новомъ мѣстѣ, не ходко идетъ, а все какъ-будто озирается, нащупываетъ, пробуетъ. Онъ дѣлаетъ видимыя усилія, чтобъ переломить себя и попасть въ тонъ *новой* дѣйствительности; но напряженность этихъ усилій не ускользаетъ отъ наблюдательныхъ глазъ обывателей, и наводитъ ихъ на соображенія очень чуткія и вѣрныя. Стало быть, размышляютъ они, ему *тамъ* лучше было, въ своемъ-то мѣстѣ, если онъ никакъ не можетъ съ своимъ сердцемъ совладать! И сообразивъ это, начинаютъ *жалѣть* вдвое (повторяю: для обывателя высшія соображенія недоступны уже потому одному, что ему недоступенъ самый строй понятій, вызвавшій эти соображенія). Но есть еще и четвертая причина *жалѣнія* — это темное, почти инстинктивное сознаніе, что и они, обыватели, суть дѣти той же случайности, какъ и сей акклиматизируемый человѣкъ, и что если эта случайность однажды уже швырнула къ нимъ аэролитъ, то и для каждаго изъ нихъ можетъ тоже придти своя очередь быть аэролитомъ...

— Ахъ ты, касатикъ нашъ! тяжко тебѣ поди въ чужихъ-то людяхъ! хоромъ *жалѣютъ* обыватели, вдругъ преисполнившись любви и соболѣзнованья къ акклиматизируемому.

— Да вѣдь живете же вы! буду какъ-нибудь жить и я! отвѣчаетъ «касатикъ» искусственно-твердымъ голосомъ.

— Гдѣ ужъ тебѣ! мы что! мы люди тутошные! намъ, пожалуй, и бѣжать-то нѣкуда!

Этотъ послѣдній доводъ, это горькое сознаніе подневольности со стороны людей по наружности вполнѣ свободныхъ охватываютъ душу акклиматизируемаго какимъ-то страхомъ. До сей минуты, онъ былъ увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ хуже его положенія, нѣтъ несчастія горше его несчастія. И вотъ оказывается, что существуетъ несчастіе еще болѣе глубокое, несчастіе, преслѣдующее человѣка отъ колыбели до могилы, и даже самимъ имъ признаваемое за нѣчто нормальное, не-

избывное. Но рядомъ со страхомъ, это открытіе производить и иное явленіе, значительно смягчающее его, а именно: оно рождаетъ и въ другой сторонѣ то самое *жалѣніе*, о которомъ уже упоминалось выше. Изъ обывательскихъ сердецъ, это чувство переходитъ въ сердце акклиматизируемаго, и немедленно даетъ сильные и живые ростки. Ни въ комъ и нигдѣ онъ не только не видитъ озлобленія, но даже и тѣни предубѣжденія противъ себя. Самъ исправникъ, мужъ твердый въ бѣдствіяхъ,— и тотъ, проходя мимо него, разглаживаетъ морщины на хмуромъ челѣ, и съ какой-то почти ангельской улыбкой говоритъ:

— Что, молодецъ? поприлаживаешься? то-то! смотри у меня!

«Стало быть, и впрямь это «хорошіе люди», размышляетъ акклиматизируемый: «стало быть, и впрямь здѣсь жить можно; стоитъ только»...

Но это «только» никогда надлежащимъ образомъ не развивается, и афоризмъ «вездѣ люди живутъ» дѣлается единственною почвой, на которой начинается работа сближенія, работа исканія и созиданія «хорошаго человѣка»... Тѣмъ не менѣе, это «только» слишкомъ существенно для того, чтобы не отразиться въ самомъ непродолжительномъ будущемъ.

Здѣсь я долженъ, однакожь, сдѣлать небольшую оговорку, чтобы не дать повода къ болѣе или менѣе злостнымъ толкованіямъ, на которыя такъ тороваты наши благонамѣренные свистуны, ради пикантности готовые на всякую неправду.

Я констатирую одинъ изъ далеко не мелкихъ фактовъ нашей современной провинціальной жизни, и констатирую его безъ преувеличенія. Я не говорю, что на акклиматизируемаго набрасываются звѣри; я не заставляю его пропадать съ голода и холода, или изнывать подъ игомъ черезчуръ ревностнаго наблюденія. Напротивъ того, я ставлю его въ самое благопріятное положеніе: въ положеніе человѣка, къ которому устремлены искреннѣйшія симпатіи, которому всѣ рады помочь, и, по возможности, усладить горе. Эта *новая* дѣйствительность, съ которою сталкивается акклиматизируемый человѣкъ, вовсе не зубата, не недоброжелательна, не кипитъ враждою и злобою — я охотно о томъ свидѣтельствую и заявляю. Но въ то же время я говорю: есть на свѣтѣ нѣчто болѣе злое, нежели самые злые звѣри — это ничѣмъ невосполненное чувство одиночества, это ничѣмъ неутоленная тоска сердца, оторваннаго отъ своего прошлаго, и еще ненашедшаго пищи въ настоящемъ. И нѣтъ того доброжелательства, нѣтъ тѣхъ сожалительныхъ словъ, которыя могли бы помочь этому высшему горю изъ всѣхъ горестей, когда либо испытываемыхъ человѣкомъ...

Съ другой стороны, я отнюдь не хочу утверждать, что акклиматизируемый человѣкъ непремѣнно представляетъ собою высшій организмъ относительно тѣхъ существъ, съ которыми судьба его свела. Но я былъ бы неправъ, еслибъ умолчалъ, что это все-таки человѣкъ иныхъ привычекъ, иныхъ взглядовъ на

вещи. И еслибы кто-нибудь, сверхъ того, предложилъ мнѣ вопросъ: совершеннѣе ли эти привычки, чище ли эти взгляды, нежели тѣ, которые долгіе вѣка безсознательности выработали въ средѣ провинціальнаго захолустья,—я поступилъ бы недобросовѣстно, еслибы далъ другой отвѣтъ, нежели: да, совершеннѣе, чище. Въ этомъ заявленіи нѣтъ даже ничего такого, что̀ ставило бы акклиматизируемаго человѣка на пьедесталъ, ибо относительное совершенство, которымъ онъ пользуется, принадлежитъ не столько ему лично, сколько той иной средѣ, воздухъ которой онъ заноситъ вмѣстѣ съ собою. Предположивъ даже, что акклиматизируемый человѣкъ имѣетъ очень мало положительныхъ достоинствъ (бо̀льшею частію, однакожъ, мы отказываемъ человѣку въ такъ-называемыхъ «положительныхъ» достоинствахъ только потому, что его сужденія и пріемы для насъ невполнѣ обычны), то и въ этомъ случаѣ, тотъ сырой матеріалъ, который онъ принесетъ съ собою (независимо отъ его личныхъ взглядовъ и стремленій), будетъ нѣсколько высшаго качества, нежели тотъ, который выработался и сложился на мѣстѣ, никогда не подвергаясь провѣркѣ и анализу.

Сверхъ того, я ни слова не говорю и о тѣхъ «высшихъ соображеніяхъ», которыя играютъ въ этомъ случаѣ очень немаловажную роль. Я не призванъ быть судьей этихъ соображеній, а потому прохожу мимо нихъ молчаніемъ, констатируя лишь голый фактъ.

Вотъ все, что̀ я имѣю сказать въ пользу того права на воспитательное вліяніе, которое, впрочемъ, tacitu consensu и сама провинція признаетъ за акклиматизируемымъ человѣкомъ. Затѣмъ продолжаю.

Затрудненія, которыя неизбѣжно сопрягаются съ отыскиваніемъ «хорошихъ людей» въ провинціи, бываютъ двоякаго рода. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что, при настоящихъ условіяхъ, дѣло покоренія человѣческихъ сердецъ возможно только тогда, когда оно ведется въ формахъ самыхъ сдержанныхъ и уклончивыхъ; второе—въ томъ, что человѣкъ, занимающійся покореніемъ сердецъ, волею или неволею обязывается прежде всего открыть какое-нибудь посредствующее звѣно, которое связывало бы его личные идеалы и стремленія съ тѣми, которые стоятъ у него на пути. Что акклиматизируемый человѣкъ обязывается вести свои поиски въ формахъ до крайности уклончивыхъ — это ни для кого не тайна. Невозможно отрицать, что каждое его дѣйствіе, каждое слово подвергаются комментаріямъ, въ которыхъ предвзятая мысль и подозрительность играютъ роль очень видную. Исключительный характеръ положенія ставитъ его, такъ сказать, на юру, открытымъ для всѣхъ взоровъ и предположеній. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь смутьянъ? невольно спрашиваетъ себя обыватель, сбитый съ толку загадочной внѣшностью, облекающею фактъ появленія акклиматизируемаго человѣка; а наблюдающая власть даже и вопросами

не задается, а прямо и разъ навсегда говоритъ: да, смутьянъ. Это нимало не вредитъ *жалѣнію*, разлитому во всѣхъ сердцахъ (обыкновенно этотъ предполагаемый смутьянъ—молодой человѣкъ, а кто же съ молоду не былъ молодъ?), но не вредитъ лишь подъ условіемъ строгой выдержки и смотрѣнія въ оба. Но этого мало: угрозы, которыми дѣйствительно окружено существованіе акклиматизируемаго человѣка, въ весьма значительной степени усиливаются еще угрозами не существующими, но предполагаемыми. Наклонность преувеличивать есть одна изъ особенностей такого рода исключительныхъ положеній, и освободиться отъ нея очень трудно. Предположимъ, что акклиматизируемый человѣкъ настолько благоразуменъ, что уже не ждетъ особенныхъ ласкъ отъ судьбы, и слѣдовательно болѣе или менѣе равнодушно смотритъ на посылаемыя ею невзгоды, но та легкость, съ которою онъ на каждомъ шагу рискуетъ подвергаться всевозможнымъ ущемленіямъ и уязвленіямъ, невольнымъ образомъ должна наводить его на соображенія далеко не свѣтлаго свойства. Очень можетъ быть, что никто не воспользуется этою легкостью, но она существуетъ, какъ возможность, и этого достаточно, чтобы мысль самую смѣлую привести въ смущеніе. А отсюда слѣдствіе ясное: или необходимость уйдти въ себя, или же не менѣе горькая необходимость взвѣшивать каждое слово, обезцвѣчивать его и сообщать ему двойной смыслъ. Понятно, какою неясностью и запутанностью должны страдать отношенія, которыя завязываются при подобныхъ условіяхъ.

Второе затрудненіе еще важнѣе. Звѣно, которое связываетъ идеалы акклиматизируемаго человѣка съ идеалами аборигена, такъ длинно, что невозможно пустить его въ ходъ иначе, какъ укоротивши его, а это — по крайней мѣрѣ, для начала невозможно сдѣлать иначе, какъ съ явнымъ ущербомъ для первыхъ. Человѣкъ, отдающій себя дѣлу воспитанія (въ особенности, дѣлу воспитанія людей, уже находящихся подъ игомъ извѣстнаго сорта цивилизаціи), весьма рѣдко принимаетъ въ разсчетъ ту силу сопротивленія, которую оказываетъ сторона воспитываемая. Но суровая дѣйствительность незамедлитъ напомнить ему объ этомъ, и напомнить самымъ разочаровывающимъ образомъ. Тутъ дѣло нетолько въ терпѣливомъ повтореніи задовъ или тѣхъ первичныхъ истинъ, которыя служатъ подготовительнымъ матеріаломъ для истинъ болѣе сложныхъ, но и въ ниспроверженіи лжей и фантасмагорій, накопленныхъ эмпиризмомъ и суевѣріемъ. Тутъ дѣло идетъ не съ tabula rasa, а съ доскою, исписанною сверху до низу каракулями очень опредѣленнаго свойства. Каждая изъ накопленныхъ лжей отстаивается тѣмъ съ бо́льшимъ упорствомъ, чѣмъ меньше имѣется разумныхъ основаній для поддержанія ея. Въ бо́льшей части случаевъ самое прикосновеніе къ лжи считается дерзостью, почти что святотатствомъ.

— Нѣтъ, ты это оставь, говоритъ обыкновенно обыватель: — это такъ ужь отъ Бога положено.

И замѣтьте, такимъ образомъ говоритъ обыватель, который считаетъ себя снисходительнымъ; менѣе же снисходительнымъ даже разговаривать не будетъ, а просто вытаращитъ глаза, и пойдетъ строчить втихомолку просьбицу. Спрашивается, насколько же долженъ умалить себя человѣкъ, отыскивающій хорошихъ людей, насколько онъ долженъ поступиться, обезличиться, покорить самаго себя, чтобы провести какой-нибудь уровень между собою и этими искомыми людьми? Конечно, онъ можетъ утѣшать себя тѣмъ, что въ этомъ случаѣ работа самопокоренія имѣетъ чисто внѣшній характеръ, что она не затрогиваетъ ни одного существеннаго убѣжденія, не разрушаетъ ни одного основнаго вѣрованія, но вѣдь дней впереди много, и каждый изъ нихъ приноситъ за собою все ту же необходимость *внѣшней* работы самопокоренія. Устоитъ ли передъ этой хмурой перспективой дней та свѣтлая увѣренность въ неприкосновенности внутренняго строя, которою задается человѣкъ, сѣющій новое слово на почвѣ, уже поросшей крапивою и репейникомъ слова вѣтхаго, но глубоко пустившаго корни?

Сверхъ того, человѣкъ, который предпринимаетъ работу сближенія въ провинціи, долженъ сказать себѣ заранѣе, что это совсѣмъ не та работа, которую онъ велъ въ то время, когда онъ жилъ *въ своемъ мѣстѣ*. Возможность опредѣленнаго формулированія мысли, спокойная постановка возраженій и спокойное же обсужденіе ихъ, — вотъ характеристическія черты того взаимовоспитанія, которое *тамъ*, въ этой иной, болѣе благопріятной средѣ, зрѣло и упрочивалось, благодаря, вопервыхъ, одинаковой степени умственнаго развитія участвующихъ сторонъ, и, вовторыхъ, живости интереса, съ которою каждая сторона относилась къ вопросамъ, составлявшимъ предметъ общихъ изслѣдованій и разработокъ. Въ этомъ минувшемъ процессѣ самовоспитанія, несмотря на его недоконченность, уже существовало множество положеній, совершенно выработанныхъ и безспорныхъ, а это, въ свою очередь, устраняло съ арены споровъ такъ-называемыя азбучныя истины, и дозволяло мысли сосредоточивать всѣ свои усилія на главной задачѣ. Ничего подобнаго не найдетъ акклиматизируемый человѣкъ въ новой дѣятельности, которая предстоитъ ему въ провинціи. Прежде всего на него градомъ посыплются возраженія, и притомъ возраженія торопливыя, и требующія столь же торопливыхъ разъясненій. Не только мысль акклиматизируемаго, но и выраженіе ея представляютъ для обывателя тысячи преткновеній и недоумѣній, которыя онъ непремѣнно формулируетъ въ самой неясной формѣ, и на которыя тѣмъ не менѣе долженъ быть данъ отвѣтъ немедленно, вслѣдъ за самымъ возраженіемъ. Малѣйшее колебаніе въ этомъ случаѣ надолго подрываетъ репутацію популяризатора, и ставитъ его въ ряды

легкомысленныхъ людей, о которыхъ, какъ извѣстно, въ провинціи сложилось множество самыхъ смѣшныхъ поговорокъ, въ родѣ: «не сули журавля въ небѣ», «не хвались идучи на рать» и проч. и которыя, въ каждомъ колебаніи, находятъ себѣ подтвержденіе.

— На посулѣ-то ты, какъ на стулѣ, подсмѣивается обыватель надъ замявшимся популяризаторомъ: — а какъ до дѣла дошло—тутъ и нѣтъ тебя! А вотъ послушай-ко лучше, какую я тебѣ загадку загану:

Стоятъ вилы,
На вилахъ бочка,
На бочкѣ кивало,
На кивалѣ зѣвало,
На зѣвалѣ мигало,
На мигалѣ островъ,
На островѣ козы ходятъ...

— Что? не въ домёкъ? А еще ученый прозываешься! «Человѣка»-то и не узналъ! То-то, другъ! ты не больно надъ нами мудри! Мы сами головы проломленныя: теленка съ подковой съѣли, комара за семь верстъ ловить ходили, анъ онъ на носу сидѣлъ!

Что же касается до безспорныхъ подготовительныхъ положеній, которыя такъ облегчаютъ дальнѣйшую работу мысли, то ихъ нѣтъ вовсе. Тутъ все спорно, все надо начинать съизнова, надъ всѣмъ останавливаться, все разъяснять. А такъ-какъ это трудъ дробный и утомительный, то время уходитъ на него безъ остатка, и въ концѣ-концовъ популяризаторъ не безъ удивленія замѣчаетъ, что въ дѣлѣ собственнаго развитія онъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ, въ дѣлѣ же развитія ближнихъ достигъ лишь того, что пріобрѣлъ право гражданственности для такихъ безконечно-малыхъ крупицъ истины, которыя онъ предполагалъ уже съ колыбели присущими каждому человѣку. Ничтожество этого результата дѣйствуетъ тѣмъ поразительнѣе, что всякій акклиматизируемый человѣкъ непремѣнно до мозга костей проникнутъ любовью и сочувствіемъ къ массѣ. Работа, которая велась имъ еще тамъ, *въ своемъ мѣстѣ*, никогда не имѣла въ виду ничего, кромѣ массы и ея кровныхъ интересовъ, никогда не уклонялась отъ этой линіи, не преслѣдовала ничего болѣе. Но вотъ является случай сдѣлать массу участницею этой работы, и съ перваго же шагу возникаетъ безчисленное множество претккновеній. Масса не только не обладаетъ ни одною изъ элементарныхъ истинъ, составляющихъ необходимый отправный пунктъ для дальнѣйшихъ обобщеній, — она не знаетъ даже, отъ кого и какъ получить эти истины, гдѣ ея друзья, гдѣ ея враги. Тѣ тонкія, невидимыя нити, которыя связываютъ съ нею человѣка, живущаго въ обстановкѣ, вполнѣ отличной отъ ея обстановки, — совершенно ускользаютъ отъ ея пониманія. Кто этотъ чело-

вѣкъ, который упалъ въ среду ея подобно аэролиту? Съ какой стати онъ предпринимаетъ работу сближенія? Какой поводъ онъ имѣлъ подвергать себя разрыву съ прошлымъ, которое, повидимому, для него все-таки дорого? Не вѣрнѣе ли предположить, что, благодаря особенностямъ воспитанія и всему складо прошлой жизни, у него не должно быть ни малѣйшаго интереса для поисковъ «хорошаго человѣка» между ними, бѣдными *тутошными* людьми, которыхъ типическая особенность въ томъ только и состоитъ, что имъ бѣжать нѣкуда? *Онъ* ѣстъ *хорошую* пищу, пьетъ *хорошее* вино, носитъ *хорошую* одежду; *они* и ходятъ, и пьютъ, и носятъ — все худое. Очевидно, что естественное его мѣсто не между голодными оборванцами, а между сытыми и хорошо одѣтыми исправниками и другими пропагандистами всероссійской цивилизаціи...

Всѣ эти сомнѣнія невольнымъ образомъ закрадываются въ массу, и заставляютъ ее съ недовѣрчивостію относиться къ тѣмъ рѣдкимъ воспитательнымъ попыткамъ, которыя становятся къ ней лицомъ къ лицу. Масса, конечно, и сама чувствуетъ, что она страдаетъ и терпитъ лишенія (хотя, не имѣя подъ ногами сравнительной почвы, чувствуетъ это лишь весьма неясно), но чтобы этими ея страданіями страдалъ человѣкъ, который всѣми условіями жизни поставленъ внѣ необходимости страдать и терпѣть лишенія,—это для нея непонятно ни съ какой стороны. Никогда она не видала подобныхъ примѣровъ; никогда не было у нея ни ревнителей, ни печальниковъ, а ежели таковые и были, то она, конечно, ничего не знала о нихъ. Все ревнительство ограничивалось случайно брошеннымъ словомъ, которое тутъ же и замирало, а вслѣдъ за нимъ и сами ревнители исчезали въ какой-то пучинѣ. Масса ни разу не испытала на себѣ ни одного отголоска этого ревнительства, и продолжала протестовать противъ своихъ страданій единственнымъ оружіемъ, которое было у нея въ рукахъ: страданіями же, или много-много—частными нарушеніями нѣкоторыхъ обязательныхъ для нея правилъ. И вдругъ она видитъ этихъ ревнителей во очію, видитъ ихъ проникающими въ самое сердце ея... Зачѣмъ? Зачѣмъ эти сравнительно изнѣженные, набалованные люди прикасаются къ ея страданіямъ, къ тѣмъ страданіямъ, которыя не суть ихъ страданія, но составляютъ исключительный удѣлъ лишь массъ?

Вотъ какимъ образомъ разсуждаютъ «хорошіе люди» провинціи, «хорошіе» не въ ироническомъ смыслѣ, а въ дѣйствительномъ, люди, охотно сочувствующіе личной бѣдѣ пришлаго человѣка, но, къ сожалѣнію, необладающіе никакими данными, чтобы угадать истинный ея смыслъ. Предоставляю читателю самому рѣшить, насколько подобныя разсужденія благопріятны для акклиматизируемаго человѣка.

Но, кромѣ повѣрія о томъ, что хорошіе люди вездѣ живутъ, есть еще другое повѣріе, утверждающее, что и для массъ воз-

можны минуты прозрѣнія, — такія минуты, когда они въ свою очередь начинаютъ вліять на общее теченіе историческихъ событій. Противъ этого повѣрія возражать нельзя. Минуты прозрѣнія не только возможны, но составляютъ неизбѣжную страницу въ исторіи каждаго народа. Однако, для человѣка, взятаго изолированно, дѣло заключается не въ одной возможности подобныхъ минутъ, но и въ его личномъ отношеніи къ нимъ. Когда наступятъ эти минуты? Кто насладится ими? Для кого разступится мракъ, окутывающій лицо массъ, и дастъ увидѣть это лицо просвѣтленнымъ, безбоязненнымъ, носящимъ печать сознанія и рѣшимости? Слова нѣтъ, что даже отдаленная возможность чего либо подобнаго можетъ поддержать въ человѣкѣ героизмъ, но вѣдь герои не растутъ на свѣтѣ, какъ грибы въ лѣсу, а сколько же есть людей не героевъ, а просто честныхъ, полезныхъ и наклонныхъ къ добру, для которыхъ эти вопросы суть вопросы утѣшенія или отчаянія, и которыхъ неудержимо влечетъ къ нимъ, какъ къ единственной гавани, гдѣ мысль можетъ обрѣсти спокойствіе и бодрость?

Во всякомъ случаѣ, разрѣшенія этихъ вопросовъ покамѣсть еще не предвидится. Въ громадѣ убіенныхъ, которую представляетъ собой масса, и для которой, повидимому, нѣтъ въ настоящемъ никакого просвѣта, существуетъ какое-то неисповѣдимое тяготѣніе къ обсѣдающему ее со всѣхъ сторонъ злу, какой-то непреодолимый страхъ ко всему, что не разомъ, не по манію волшебства устраняетъ его. Сбитая съ пути разумныхъ отношеній къ окружающей природѣ, загнанная въ міръ чудесъ, эта громада отъ чуда ждетъ избавленія своего изъ земли египетской, и никакіе пророки въ мірѣ не убѣдятъ ее, что это избавленіе зависитъ отъ ней самой. И что жь за пророки! Добро бы это были пророки, являющіеся на вершинѣ горы, среди блеска молніи, а то пророки, ютящіеся въ самой низменной низменности города Ненасытя, — пророки, набравшіе въ ротъ воды, озирающіеся по сторонамъ, объясняющіе склады, и съ невольнымъ ужасомъ переносящіеся мыслью въ ожидающій ихъ безконечный рядъ дней, не обѣщающихъ ни единой радости, ни единаго свѣтлаго мгновенія! «Да дайте же пинка этому пророку!» резонно замѣчаетъ капитанъ-исправникъ. «Накаливай его!» словно эхо перекатывается изъ края въ край, въ массѣ убіенныхъ. Что жь! вѣдь и самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ не пророки, а просто на просто убіенныя единицы, одиноко разсѣянныя на поверхности убіенной громады, и предпринимающія борьбу съ положительной увѣренностію истощить въ ней свои силы.

Существуютъ, однакожъ, вопросы, къ которымъ масса не можетъ относиться иначе, какъ съ возбужденнымъ интересомъ. Это вопросы ближайшихъ нуждъ, изъ совокупности которыхъ слагается жизнь кореннаго обывателя и воздѣлывателя земли. На сценѣ — изнуряющая мысль о грошѣ; на сценѣ — вѣчная забота, вѣчная сутолока, имѣющая въ предметѣ завтрашній день, одинъ только завтрашній день. Мы знаемъ, что земля наша изобильна, а между тѣмъ, всѣ статистики свидѣтельствуютъ, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ страны, которая потребляла бы такъ мало мяса. Мы знаемъ, что земля наша велика, а между тѣмъ, нигдѣ коренной житель не живетъ такъ тѣсно, такъ сперто. Это не жилища, а логова. Ночью въ избѣ русскаго мужика невозможно полчаса выдержать, — до того она преисполнена всякаго рода міазмовъ, а онъ настолько уже обдержался, что вѣкуетъ тутъ цѣлую жизнь. Нигдѣ работа такъ не тяжела, не безотдышна, какъ у насъ. Рабочій человѣкъ каждый шагъ беретъ съ бою, каждую минуту борется съ препятствіями, потому что всѣ стихіи въ заговорѣ противъ него. Зимой грозятъ вьюги, оттепели, гололедицы; лѣтомъ — дожди, грозы, пожары, заразительныя болѣзни. Въ этомъ странномъ шалашѣ, называемомъ избою, онъ не защищенъ ни отъ чего. Онъ ѣстъ пищу, лишенную питательности, и притомъ ѣстъ безъ соли; онъ спитъ на голыхъ доскахъ, покрываясь собственною одеждою. Ученые свистуны, рыскающіе по Россіи съ цѣлью различныхъ экономическихъ изслѣдованій, увѣряющіе, что русскаго человѣка тошнитъ отъ ѣды, и указывающіе на громадныя цифры заграничнаго отпуска, утверждаютъ самую безсовѣстную неправду. Ихъ поражаетъ не изобиліе, а безграничность ихъ собственнаго самомнѣнія.

Такого рода вопросы были бы, конечно, понятны и въ Патагоніи, но не надо забывать, что покуда они представляются уму обнаженными отъ примѣненій и выводовъ, то самая удобопонимаемость ихъ можетъ принести мало пользы. А въ томъ-то и заключается дѣйствительное несчастіе массъ, что онѣ не имѣютъ досуга для развитій, что онѣ живутъ только настоящею минутой, и что для огражденія настоящей минуты имъ выгоднѣе признать зло застывшимъ, или, въ крайнемъ случаѣ, что-нибудь временно выторговать у него, нежели начать его прямое обличеніе.

— Врагъ силенъ, врагъ горами качаетъ! говоритъ обыватель, изнуренный не борьбою со зломъ, а подчиненіемъ ему: — какъ бы только въ конецъ не убилъ!

И только. Затѣмъ, съ какой стороны ни подойдите къ провинціальному патагонцу, вы встрѣтите его до такой степени вооруженнымъ афоризмами въ родѣ качающаго горами врага, что во всемъ его организмѣ не найдется ни одной точки, которая была бы чему-нибудь доступна, кромѣ безотчетнаго страха.

Такимъ образомъ, исканіе «хорошаго человѣка», начавшееся при условіяхъ, повидимому, благопріятныхъ, переходя отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, почти всегда разрѣшается полнѣйшимъ фіаско. Но ежели фіаско вообще нигдѣ не проходитъ даромъ, то тѣмъ менѣе прощаетъ ему провинція.

Для обѣихъ сторонъ наступаетъ минута разочарованія. Акклиматизируемый человѣкъ замѣчаетъ, что каждая новая минута сближенія приводитъ за собой только новый поводъ для недоумѣній. Азбука, которую онъ вынужденъ безнадежно повторять, до такой степени раздражаетъ его нервы, что въ глазахъ его даже затемняется смыслъ окружающей дѣйствительности. Рождается вопросъ: къ чему начата вся эта комедія? ростетъ жгучее желаніе покончить все разомъ, сію минуту, лица дѣлаются несносными, противными; наконецъ, вырываются движенія, которымъ лучше было бы оставаться подъ спудомъ. Хотѣлось бы сдѣлать такъ, чтобы вся эта исторія забылась и порвалась сама собою; хотѣлось бы пріютиться гдѣ-нибудь особнякомъ, запереться, уйти... Но простой разрывъ уже оказывается невозможнымъ, потому что абориrенъ въ свою очередь подмѣтилъ борьбу, овладѣвшую акклиматизируемымъ, и слѣдитъ за нею съ интересомъ тѣмъ живѣйшимъ, чѣмъ слабѣе развита въ немъ потребность слѣдить за своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, который не испытываетъ ни единаго потрясенія, ни единой бури.

Какъ ни непосредственно чувство *жалѣнія*, оно никогда не бываетъ, или ненадолго остается чувствомъ вполнѣ безкорыстнымъ. «Жалѣющій» любитъ, чтобъ «жалѣемый» цѣнилъ въ немъ это чувство, чтобъ онъ отвѣчалъ ему любезностью, и во всякомъ случаѣ готовъ былъ разводить съ нимъ тары да бары. Въ свою очередь, эти тары да бары производятъ такую несказанную назойливость, которая можетъ быть терпима лишь самое короткое время. Непрошенный глазъ врывается въ жизнь акклиматизируемаго, единственно въ видахъ удовлетворенія празднаго любопытства, и наполняетъ ее безтолковѣйшею путаницей самородныхъ міросозерцаній. Затѣмъ, являются попытки приручнить, осѣдлать и оболванить. Образуется убѣжденіе,

что «хоть баринъ-то и прытокъ, однако, поживетъ съ нами — авось и упрыгается». Самолюбія становятся чуткими до болѣзненности, а мысль о совершенной неприкрытост акклиматизируемаго не только не укрощаетъ охоты къ нетруднымъ подвигамъ, но разжигаетъ ее больше и больше.

— Вся-то цѣна тебѣ грошъ — плюнуть да растереть! — а ты еще ломаешься!

Съ такою опредѣлительностью выражается обыватель при видѣ попытокъ, дѣлаемыхъ акклиматизируемымъ, чтобы добыть себѣ хоть нѣсколько минутъ отдыха и уединенія.

Я не стану изображать здѣсь ни дальнѣйшаго хода этого страннаго процесса превращенія жалѣнія въ ненависть, ни картины оскорбленій и преслѣдованій, которыя являются неразлучными его спутниками. Трудно винить кого-нибудь въ такомъ фактѣ, который основывается исключительно на недоразумѣніи. Обѣ стороны дѣйствовали добросовѣстно. Благодушно подали другъ другу руки, еще благодушнѣе старались насиловать свои естественныя влеченія и привычки, и только тогда догадались, что имъ вовсе не слѣдовало сходиться, когда уже были перепробованы всѣ мотивы сближенія, и ни одинъ не оказался достаточно жизненнымъ, чтобы сдѣлаться дѣйствительно-скрѣпляющимъ звѣномъ. Понятно, что чѣмъ больше приносится жертвъ, тѣмъ живѣе чувствуется горечь неудачи; но нельзя не прибавить, что главнѣйшія уязвленія этой горечи все-таки обрушиваются лишь на одну сторону: на акклиматизируемаго. Этотъ послѣдній не только не можетъ язвить, но даже не имѣетъ средствъ обороняться.

Такимъ образомъ, въ покалываньяхъ и уязвленіяхъ (ихъ можно бы назвать безсовѣстными, еслибъ они не были вполнѣ безсознательны) уходятъ дни за днями, покуда всеисцѣляющее время не умиритъ вражды, и не изгладитъ самаго воспоминанія о выѣденномъ яйцѣ, которое послужило ей основаніемъ. Что̀ принесетъ съ собой это умиреніе акклиматизируемому человѣку? сдѣлается ли онъ тише воды ниже травы и будетъ прилежно присматриваться, прямо или косо взираютъ на него всякіе Трифонычи и Прохорычи, съ которыми ему суждено сталкиваться, или же запрется въ своемъ логовѣ и будетъ угрюмо и въ одиночествѣ влачить свое существованіе?—Какое бы рѣшеніе онъ ни предпринялъ, жизнь его уже исковеркана.

Передъ нимъ не спорый, а дѣйствительно - необитаемый островъ, существованіе въ которомъ тѣмъ отяготительнѣе, что

вокругъ мелькаютъ добрые люди, дѣлающіеся по временамъ очень злыми.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни посмотрѣли на картину, она не можетъ быть веселою.

Предположите, съ одной стороны, что человѣкъ на столько покорилъ себя, что въ самомъ дѣлѣ сдѣлался тише воды, ниже травы. Посмотрите, какъ онъ ёжится, какъ онъ ежеминутно то расцвѣтаетъ, то увядаетъ, какъ безпокойно онъ прислушивается и засматриваетъ въ глаза, какъ торопливы и такъ сказать укороченны всѣ его движенія! Когда этотъ человѣкъ остается одинъ на одинъ съ самимъ собою, когда въ немъ вдругъ пробуждается сознаніе проведеннаго дня,—сколько, сдается, долженъ онъ послать проклятій себѣ и судьбѣ! какое мучительное чувство тоски, униженія, безвыходности должно овладѣть имъ? Вотъ онъ быстрыми шагами ходитъ по своему тѣсному логову; онъ думаетъ, и не знаетъ самъ, о чемъ думаетъ; онъ безпрестанно хватается за голову, какъ бы желая собрать свои мысли воедино, сосредоточить ихъ, не дать разбѣгаться. Но одна только мысль держитъ его крѣпко; это мысль: все кончено! Эта мысль заѣдаетъ всѣ минуты его существованія; она дѣлается для него кошмаромъ, за которымъ гнѣздится цѣлый міръ уродливой фантазіи, неимѣющей ни единной черты, принадлежащей къ дѣйствительности. Благотворное дѣло! какое возможно благотворное дѣло, когда въ головѣ свила гнѣздо только одна реальная мысль: все кончено! Возьмите! вырвите! прекратите! вопіетъ онъ въ тоскѣ, и безслѣдно замираетъ этотъ вопль среди внимающихъ ему четырехъ стѣнъ его скромнаго логовища.

Съ другой стороны, предположите, что человѣкъ, вслѣдствіе ли пріобрѣтеннаго опыта, или еще не приступая къ процессу сближенія, уже рѣшилъ, что одиночество есть единственная форма существованія, возможная въ его положеніи. Онъ правъ: одиночество избавляетъ его отъ назойливости и даетъ возможность сохранить неприкосновеннымъ хотя тотъ запасъ, который пріобрѣтенъ имъ въ прошедшемъ. Но все это, однакожь, ни мало не утоляетъ горечи, которою переполнено его существованіе. Не говоря уже о томъ, что потребность общественности сама по себѣ есть живѣйшая потребность человѣка, не слѣдуетъ забывать, что тотъ умственный запасъ, который заготовленъ въ прошедшемъ, необходимо долженъ глохнуть и засыпать по мѣрѣ того, какъ прекращается процессъ освѣженія и возобновленія его. При отсутствіи живой провѣрки мысли, человѣкъ ставится въ странное положеніе своего собственнаго оппонента и своего собственнаго защитника. Этотъ недостатокъ могъ бы быть отчасти устраненъ, еслибъ была *книга*, но въ нашихъ провинціальныхъ мурьяхъ очень много навозу и всего меньше книгъ. Остается, стало быть, одинъ выходъ: переваривать и припоминать прошлое. Но когда прошлое уже

повторено и перебрано во всѣхъ подробностяхъ, когда мало по малу ослабѣваютъ и стираются даже мотивы, вызывающіе эти воспоминанія, тогда на арену выступаетъ все та же всесильная мысль: все кончено! Все кончено; жизнь прекратилась; будущее исчезло. Весь этотъ запасъ, который былъ такъ страстно лелѣянъ въ прошедшемъ — онъ погибъ подъ тяжестью одной невыносимо давящей мысли: все кончено! Чтобы возвратить себѣ бодрость, человѣкъ долженъ, по малой мѣрѣ, освободиться отъ кошмара, который его давитъ. И ежели онъ не взываетъ, подобно указанному выше покорившему себя его товарищу: вырвите! возьмите! прекратите!—то это означаетъ только, что онъ имѣетъ больше самообладанія, больше силы, чтобъ сдержать невольное движеніе взволнованной и оскорбленной души, а совсѣмъ не то, что онъ не имѣетъ нужды въ воззваніяхъ и воплахъ...

Я не говорю: жертвы безполезны; я говорю только, что дозволительно изумленіе. Люди и даже дѣла ихъ исчезаютъ на нашихъ глазахъ поистинѣ безпримѣрно. Точно въ яму, наполненную жидкой грязью, нырнутъ, и сейчасъ же надъ ними все затянетъ и заплыветъ. Вчера еще былъ человѣкъ, а сегодня его уже нѣтъ. Не только изъ жизни, но даже изъ хрестоматій и курсовъ словесности исчезаютъ люди. И за каждымъ исчезновеніемъ—молчокъ. Грады и веси продолжаютъ процвѣтать; нѣкоторые изъ нихъ постепенно познаютъ пользу употребленія картофеля, другіе—постепенно же привыкаютъ къ мысли о необходимости оспопрививанія и проч. Но нигдѣ, навѣрное, не скажется потребность освобожденія мысли, того освобожденія, безъ котораго немыслимо никакое умственное и матеріальное совершенствованіе.

Въ этомъ отношеніи, вездѣ, куда ни обратитесь — молчокъ.

Н. Щедринъ.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Слухи о борьбѣ между двумя цивилизованными націями сильно препятствуютъ правильному ходу мирныхъ гражданскихъ дѣлъ, потому что у большинства нашихъ соотечественниковъ и въ самое мирное время руки постоянно чешутся. — Причины, почему теперь еще рано давать рѣшительные отзывы о достоинствахъ и недостаткахъ новаго городоваго положенія? — Объ установившемся характерѣ нашихъ земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденій, съ поясненіемъ, въ чемъ именно заключается «органическій порокъ» этихъ учрежденій.

Очень незавидна участь мирныхъ реформъ, которыя вводятся въ то время, когда гдѣ-нибудь, хотя бы въ чужихъ краяхъ, происходитъ жесточайшая рѣзня и свалка. У насъ и въ мирное-то время правительственныя реформы интересуютъ публику очень умѣренно и недолго, много-много недѣли три-четыре, а въ

военное и совсѣмъ не интересуютъ, такъ-что настоящимъ дѣломъ считается лишь драка, а все другое признается бездѣльемъ. «Помилуйте, время ли теперь заниматься какимъ-нибудь городовымъ положеніемъ, замѣтилъ мнѣ одинъ знакомый: —когда тамъ, во Франціи, счастливыхъ нѣмцевъ и несчастныхъ французовъ закапываютъ въ ямы десятками тысячъ, какъ у насъ дохлыхъ лошадей на маріинской водяной системѣ? Да, притомъ, можно ли и ожидать чего-нибудь отъ этой реформы?» На сколько справедливо подобное замѣчаніе, покажутъ послѣдствія, а покуда безспорно только одно: что городовое положеніе возбудило очень мало толковъ, даже въ газетахъ, которыя рады всякому удобному случаю хотя чѣмъ-нибудь наполнить свои обширныя простыни, напихиваемыя, впрочемъ, теперь сверху до низу извѣстіями о взаимномъ истребленіи французовъ нѣмцами и нѣмцевъ французами.

Что чужая драка возбуждаетъ больше интереса, чѣмъ своя, домашняя мирная реформа, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Публика всегда охотнѣе побѣжитъ смотрѣть, какъ вѣшаютъ или разстрѣливаютъ или просто на площади дерутъ человѣка, чѣмъ, напримѣръ, на земское собраніе или на съѣздъ мировыхъ судей. Даже изъ мировыхъ съѣздовъ тѣ только привлекаютъ къ себѣ вниманіе, которые обходятся постоянно не безъ драки, или какого-нибудь скандала. Этимъ только, кажется, и можно объяснить, почему судебно-мировая реформа привлекла къ себѣ большее сочувствіе публики, чѣмъ всѣ другія реформы. Массу публики несравненно сильнѣе привлекаетъ къ себѣ всякій скандалъ, шумъ, пушечная пальба съ колокольнымъ звономъ и парадные выходы съ барабанами и знаменами, чѣмъ мирное обсужденіе своихъ запутанныхъ домашнихъ дѣлъ, самая запутанность которыхъ и вызываетъ необходимость пушечной пальбы и добровольное превращеніе разумныхъ существъ въ пушечное мясо. Этимъ только я и объяснялъ себѣ возможность сумасшедшей рѣзни мильоновъ, лично другъ другу никогда зла нежелавшихъ, Карловъ, Жаковъ и Адольфовъ, которые, мѣсяцъ тому назадъ, жили-себѣ попріятельски, почосѣдски, а тутъ вдругъ начали другъ друга разстрѣливать и пырять ножницами.

Конечно, трудно разсчитывать на особенный успѣхъ мирныхъ реформъ, вводимыхъ въ то самое время, когда всѣ мирные даже граждане интересуются лишь тѣмъ, сколько у насъ успѣли настроить картечницъ, обращаются ли выставленные противъ нихъ на версту деревянные щиты въ рѣшето, и достаточно ли пороховыхъ минъ подложено около Кронштадта. Одни уже слухи о варварской рѣзнѣ между цивилизованными націями неизбѣжно должны имѣть самое неблагопріятное вліяніе на общество, въ особенности на такое общество, въ которомъ еще существуютъ десятки задорныхъ и драчливыхъ бурскихъ исправниковъ; но, съ другой стороны, нельзя отвергать и того, что настоящая война заставитъ многихъ очень серьёзно кое

о чемъ поприздуматься. До самой послѣдней поры Францію всѣ считали страной образцовой во всѣхъ отношеніяхъ. Такая въ ней въ послѣднее время, повидимому, господствовала тишь да гладь — божья благодать; такъ въ ней всѣ, даже отъявленные буяны присмирѣли, что многіе изъ другихъ странъ начали ѣздить въ Парижъ совершенствоваться въ наукѣ государственнаго благоустройства и благочинія. Безъ разрѣшенія центральной власти, ни одинъ деревенскій житель отдаленнаго отъ Парижа департамента не смѣлъ у себя на дворѣ каретника перестроить и принципъ, выражаемый у насъ фразой *чинъ чина почитай*, уважался какъ нельзя болѣе; чего бы, кажется, еще и желать? А между тѣмъ, что же на дѣлѣ-то оказалось? Лишь только мѣсяцъ, какъ война началась, а непріятель уже недалеко отъ Парижа, да и какой непріятель? Тѣ, надъ которыми еще недавно сами же французы смѣялись, сдѣлались героями-побѣдителями, а храбрые французы все отступаютъ да отступаютъ, а начальство бѣжитъ и само даже не знаетъ, въ какую сторону бѣжитъ! Всѣ въ разъ растерялись, внезапно открыли посреди себя цѣлыя шайки грабителей; норовятъ спросить другъ у друга, въ которую сторону идти, такъ-какъ утратили всю способность распознавать, которая сторона правая, которая лѣвая, но спросить не у кого, а сами рѣшать уже отвыкли. Великая нація вдругъ какимъ-то будто чудомъ превратилась въ жалкую націю и сказка Лабуле неожиданно осуществилась на самомъ дѣлѣ: принцъ и даже самъ повелитель превращенъ волшебницей даже и не въ пуделя, а въ простаго цѣпнаго пса-дворнягу, котораго повара и судомойки ошпариваютъ кипяткомъ. Наконецъ повелитель этотъ самъ, безъ всякой повидимому крайности, является съ повинною ко врагу, по показанію нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ *въ согбенномъ*, а, по показанію другихъ, *въ удрученномъ* видѣ и сдаетъ ненужную ему шпагу, «такъ-какъ *ему не удалось умереть*», хотя опасность умереть ему предстояла только лишь отъ подагры. Чудныя дѣла творятся, право! А между тѣмъ, причины этихъ чудныхъ дѣлъ ясны какъ день для каждаго, умѣющаго смотрѣть на вещи не вскользь, а основательно.

Всѣ наши многочисленныя правительственныя реформы послѣдняго десятилѣтія служатъ неопровержимымъ доказательствомъ, что наше правительство вполнѣ сознало необходимость освободить русское общество отъ опеки, которая, еще въ неотдаленныя отъ насъ времена, стѣсняла всякое свободное движеніе взрослаго гражданина и напоминала нѣсколько знаменитую французскую централизацію, хотя въ формахъ своеобразныхъ, выработавшихся уже на Руси. У насъ тоже безъ разрѣшенія, присланнаго изъ Петербурга, нельзя было вымостить грязной улицы въ глухомъ городкѣ, отстоящемъ на пять тысячъ верстъ отъ Петербурга; нельзя было сдѣлать необходимой пристройки, хотя бы съ надворной стороны, къ какому-нибудь

общественному зданію. Изъ-за одного только разрѣшенія, жители по нѣскольку лѣтъ ходили по колѣна въ грязи, хотя по сторонамъ улицы наваленъ былъ готовый камень, а потомъ, нерѣдко, такъ и оставались въ грязи навѣки. У насъ даже нѣкоторыя, безспорно, полезныя сельско-хозяйственныя растенія, напримѣръ, картофель, распространялись въ народѣ не безъ военной команды, не безъ стрѣльбы изъ ружей, почему и до сей поры еще есть такія мѣстности, гдѣ народъ смотритъ на невинный картофель искоса, считая его исчадіемъ ада и выдумкой антихриста...

Все это въ наши счастливые дни давно уже обратилось «въ дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой». Теперь уже улицы въ уѣздныхъ городкахъ жители могутъ мостить сколько и когда угодно, но не мостятъ, потому что сами того не желаютъ, сознательно предпочитая ходить по грязи, потому что мягче. Теперь уже нечего крестьянъ сѣчь изъ-за того, чтобы они садили картофель: они и сами бы цѣлыя поля его насѣяли съ удовольствіемъ, но стѣсняются только лишь тѣмъ, что земли у нихъ мало. Общественныя зданія теперь возводить можно, сколько угодно, и дѣйствительно мы видимъ, что теперь, заботами земства, повсемѣстно воздвигаются срочныя и постоянныя тюрьмы для арестантовъ, сдѣлавшихся таковыми по рѣшеніямъ мировыхъ судей. Дороги и мосты въ настоящее время могутъ, сколько угодно, чинить уѣздныя земскія управы, и, если онѣ чинятъ ихъ рѣдко, то причиною этому вовсе не стѣснительная система централизаціи, а просто безденежье.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ опубликовано, наконецъ, и новое городовое положеніе, которое, говорятъ, многими ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, хотя нетерпѣніе это покуда выразилось только въ томъ, что какая-то городская дума потребовала къ себѣ вразъ 40 экземпляровъ печатнаго положенія, которое отдѣльной книжкой еще не появлялось. Потому ли, что война привлекаетъ къ себѣ все вниманіе, или потому, что отдѣльныхъ экземпляровъ еще нѣтъ въ продажѣ, но о городовомъ положеніи даже и газеты говорятъ очень мало. Очень немудрено, впрочемъ, что всѣ поджидаютъ, когда новое положеніе примѣнится къ дѣлу и пополнится неизбѣжными циркулярами: тогда виднѣе будетъ, каково оно въ приложеніи къ жизни. Вѣроятно, всѣ боятся такъ же опростоволоситься, какъ нѣкогда опростоволосились съ земскимъ положеніемъ, которое, послѣ двухъ, трехъ необходимыхъ циркуляровъ и разъясненій оказалось вовсе не такимъ, какимъ оно казалось прежде, при самомъ выходѣ въ свѣтъ. Прежде думали, напримѣръ, что засѣданія земскихъ собраній публичны и что предсѣдатель будетъ изображать изъ себя небольше, какъ «перваго между равными», но, послѣ необходимыхъ разъясненій, оказалось вовсе не то. Оказалось, что этотъ «первый между равными» можетъ

самостоятельно изгонять изъ залы не только стороннюю публику, но даже и равныхъ себѣ, то-есть гг. гласныхъ. Прежде, соображаясь съ книжкой «Положенія», думали, что земскіе вопросы будутъ разрѣшаться по большинству голосовъ, а оказалось, что президентъ каждаго уѣзднаго собранія, точь въ точь какъ Наполеонъ III, когда онъ числился еще президентомъ республики, можетъ сразу прекратить подачу голосовъ и даже пригрозить гг. членамъ арестомъ, какъ это и исполнилъ нѣкогда павшій французскій императоръ. Прежде думали, что имущества будутъ облагаться земскимъ налогомъ по цѣнности и доходности, какъ и написано въ «Положеніи»; что земство представляетъ собою учрежденіе общественное, а не частное, въ родѣ, напримѣръ, помѣщичьей вотчинной конторы; что къ земскому налогу можно привлекать одинаково всѣхъ, безъ различія сословій и рода занятій... да и мало ли чего еще прежде не думали и что̀, по надлежащемъ разъясненіи, оказалось чистѣйшимъ вздоромъ! Вѣроятно, умудренные недавнимъ опытомъ, теперь и остерегаются преждевременно говорить о новомъ городовомъ положеніи, чтобы опять не опростоволоситься.

Городовое положеніе во многомъ напоминаетъ собою земское, напримѣръ, относительно выборовъ, порядка засѣданій и проч., хотя въ немъ замѣчается несравненно больше точности и опредѣленности, чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, такъ-какъ городовое положеніе составлено чрезъ шесть лѣтъ послѣ земскаго, да и самые предметы вѣдомства городоваго управленія какъ-то виднѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ земскаго, которое обязано знать во всѣхъ подробностяхъ цѣлый обширный уѣздъ, до сей поры неизвѣстный рѣшительно никому, даже кореннымъ его жителямъ. Случалось, что, при обложеніи имуществъ земскимъ налогомъ, вдругъ гдѣ-нибудь, въ глуши уѣзда, въ лѣсахъ и дебряхъ, открывалось совершенно новое, никому невѣдомое селеніе, со всѣми угодьями, съ жителями и новыми гласными—точно островъ какой на океанѣ, выдвинутый наружу подземными силами. Очень естественно, что въ городахъ ничего подобнаго быть не можетъ. Относительно гласности и публичности, допущенной въ новомъ положеніи, покуда еще ничего опредѣленнаго сказать нельзя: неизвѣстно, значительнѣе ли она окажется, чѣмъ въ земскомъ. Нужно немножко подождать, чтобы не опростоволоситься. Въ статьѣ 68-й городоваго положенія говорится: «Копіи со всѣхъ опредѣленій городской думы безотлагательно представляются городскимъ головою губернатору, который, если не усмотритъ въ оныхъ нарушенія законовъ (ст. 151), передаетъ ихъ для напечатанія въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Независимо отъ сего, опредѣленія думы печатаются въ особомъ изданіи, если общественное управленіе признаетъ возможнымъ, съ надлежащаго разрѣшенія, предпринять таковое».

Если мы сравнимъ эту статью съ соотвѣтствующею статьею

земскаго положенія, то увидимъ, что гласность какъ здѣсь, такъ и тамъ, допущена одинаковая: и земскія учрежденія, съ разрѣшенія губернатора, могутъ печатать все, что имъ угодно. Если послѣдуетъ разрѣшеніе губернатора, то и земство на лишнія деньги можетъ выпускать особыя изданія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ «Земскій сборникъ Черниговской губерніи», выпускаемый черниговской губернской управой ежемѣсячно. Внимательно просматривая этотъ ежемѣсячный сборникъ, нельзя не убѣдиться, что бо̀льшая часть помѣщаемыхъ въ немъ статей можетъ представить интересъ единственно только для того уѣзда, въ которомъ онѣ пишутся, хотя періодическое изданіе должно бы заключать въ себѣ общій интересъ для всего земства въ Россіи: тогда бы только подобное изданіе появлялось не по пустякамъ; но, однакожъ, и въ этихъ книжкахъ, послѣ продолжительнаго чтенія, можно встрѣтить кое-что общеинтересное. Изъ 5-й книжки сборника видно, напримѣръ, съ какою осмотрительностью должно дѣйствовать земство, если оно желаетъ, чтобы какое-нибудь изъ его постановленій вошло въ силу. Борзенское собраніе, желая облегчить тягости крестьянъ при отправленіи рекрутской повинности, вздумало-было привлечь всѣ сословія земства къ покрытію издержекъ на обмундированіе, продовольствіе, награды рекрутъ и проч. Хотѣли-было внести уже въ смѣту необходимую на это сумму, но на другой день, сообразившись съ законами, одумались. «Если мы издержки эти внесемъ прямо въ смѣту — замѣтилъ одинъ гласный, съ которымъ сейчасъ же согласилось и все собраніе — то смѣты наши не утвердятъ и дѣло будетъ отложено до слѣдующаго собранія, такъ-какъ управа, безъ его постановленія, не будетъ имѣть права на ходатайство. Поэтому я полагаю — заключилъ гласный — что скорѣе можно надѣяться успѣха въ этомъ дѣлѣ посредствомъ ходатайства». Вѣроятно, только благодаря умѣренности и благоразумію членовъ, это рѣшеніе и вошло въ «Сборникъ», иначе оно навѣрняка не было бы пропущено, хотя подробности преній, обыкновенно выпускаемыя въ сборникахъ, во всякомъ случаѣ представляютъ собою значительный, даже главнѣйшій интересъ.

Сторонняя публика на городскія избирательныя собранія, нужно предполагать, будетъ допускаться, хотя въ законѣ объ этомъ не упоминается; что же касается до городской думы, то 62-я статья положенія заставляетъ нѣсколько сомнѣваться въ ихъ публичности. Въ статьѣ говорится, что «городская дума можетъ приглашать, чрезъ посредство городского головы, въ свои засѣданія (однако, безъ права голоса) лица постороннія, отъ коихъ, по ея мнѣнію, можно ожидать полезныхъ объясненій», а будутъ ли въ нее допускаемы такія лица, отъ которыхъ пользы ожидать невозможно, объ этомъ ни слова.

Всего вѣроятнѣе, что гласность и публичность въ новыхъ городскихъ учрежденіяхъ будетъ допущена точь въ точь такая

же, какая допущена и успѣла уже укорениться въ земскихъ, гдѣ размѣры ея вполнѣ зависятъ отъ личныхъ взглядовъ на этотъ предметъ предсѣдателя. Были у насъ и такія собранія, на которыхъ, около самаго сѣдалища гласныхъ, заботливо уставлялись диваны и стулья для публики; но были и такія, гдѣ публика допускалась только на хоры, съ которыхъ ничего не было слышно, да и то по билетамъ, добываемымъ съ большимъ трудомъ. По закону и судебныя и земскія учрежденія считаются вполнѣ открытыми для сторонней публики, но можно ли еще, основываясь только на законѣ, назвать ихъ въ дѣйствительности доступными? Далеко не вездѣ и не всегда. Въ судебныхъ учрежденіяхъ обыкновенно препятствуютъ размѣры судебныхъ камеръ, которыя въ городахъ со стотысячнымъ населеніемъ устроиваются на 40 человѣкъ, а съ шестисотъ-тысячнымъ много-много если на пятьдесятъ, а есть и такіе города, напримѣръ, Екатеринославль, гдѣ, по слухамъ, и десять человѣкъ публики считаются уже слишкомъ многочисленною толпою. Кромѣ обычной тѣсноты помѣщеній, въ нѣкоторыхъ судахъ препятствуетъ свободному доступу публики обычай раздавать заранѣе билеты знакомымъ пристава, а въ Кременчугѣ судебный приставъ придумалъ-было еще одно препятствіе, которое, впрочемъ, на первый разъ ему не удалось. Въ одно изъ засѣданій окружнаго суда — пишутъ въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» — должно было разбираться весьма интересное дѣло, о братьяхъ Софроновыхъ, которые слывутъ за какихъ-то ужасныхъ разбойниковъ. Очень многіе жители Кременчуга хотѣли присутствовать при разбирательствѣ этого дѣла, которое должно было начаться въ 11 часовъ утра. Тѣ, которые подогадливѣе, пришли часовъ въ 10, а иные и гораздо раньше, и конечно, заняли переднія мѣста. Въ 10½ часовъ всѣ мѣста были заняты. Зала была полна. Въ это время является судебный приставъ и громогласно объявляетъ: «Гг., не угодно ли переднія двѣ скамейки очистить для дамъ». Публика молчитъ. Приставъ повторяетъ свои требованія. (*Голосъ съ передней скамейки*): «Помилуйте, чего ради мы очистимъ мѣста, и на основаніи чего вы заявляете подобное требованіе? Мы пришли раньше всѣхъ, сидѣли здѣсь два часа и теперь должны уступить мѣсто дамамъ, а сами уйти потому, что больше нѣтъ мѣстъ; заявите вы это до засѣданія, мы бы не сѣли на первыя двѣ скамейки». *Судебный приставъ*: Гг., я объявляю требованіе предсѣдателя... (Молчаніе). «Итакъ, вы не сойдете съ мѣста?» *Отвѣтъ съ передней скамейки*: «Нѣтъ». *Судебный приставъ*: Ну, въ такомъ случаѣ» (?!)... Приставъ удаляется и больше не заявляетъ уже этихъ требованій.

Къ счастью еще, публика въ Кременчугѣ, должно быть, не трусливаго десятка, а попадись на этотъ случай наша петербургская, которая разъ разбѣжалась, сломя голову, безъ салоповъ и пальто отъ бумажки и карандаша предсѣдателя,—обя-

зательная уступка мѣстъ знакомымъ г. приставу дамамъ обратилась бы въ обычай, а тогда бы, открытыя по закону судебныя учрежденія, обратились бы для мужского населенія въ окончательно закрытыя. За то другая попытка въ томъ же родѣ, предпринятая уже не судебнымъ приставомъ, а предсѣдателемъ одного изъ уѣздныхъ собраній, оказалась несравненно удачнѣе.

Робкій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», сообщая публикѣ о замѣчательномъ происшествіи, которое я считаю необходимымъ включить въ свою хронику, вѣроятно, въ видахъ предосторожности, назвалъ губернію одною буквою С., а самое мѣсто происшествія, уѣздный городъ, тремя буквами Б—ма. Такъ-какъ изъ вѣдомости, приложенной къ «Положенію» о земскихъ учрежденіяхъ, ясно видно, что четыре напечатанныя въ корреспонденціи буквы, въ переводѣ на русскій языкъ, ничего иного не могутъ означать, кромѣ города *Бугульмы*, *Самарской губерніи* (и по напечатанному въ корреспонденціи законному числу гласныхъ тоже выходитъ Бугульма, Самарской губерніи), то я, для избѣжанія непріятныхъ звуковъ въ родѣ *Б — мы и С.*, прямо стану называть мѣсто происшествія Бугульмой[1].

Итакъ, въ городѣ Бугульмѣ, не далѣе, какъ въ маѣ нынѣшняго года, случилось вотъ какое происшествіе. Предсѣдатель бугульминскаго земскаго собранія, разумѣется тамошній дворянскій предводитель, не возлюбилъ за что-то земскаго врача, завѣдывавшаго земской больницей. Чѣмъ именно не угодилъ врачъ г. предсѣдателю — корреспондентъ не упоминаетъ, да оно и не важно. Важно здѣсь только то лишь, что врачъ былъ нанятъ еще въ 1865 году по контракту, должность свою исправлялъ безукоризненно и контрактъ съ своей стороны не нарушалъ, такъ что согнать его не совсѣмъ какъ-то было ловко. Какъ тутъ быть? Извѣстное дѣло, что если чего-нибудь сильно захочетъ какой-нибудь богатый купецъ изъ разряда Китъ Китычей, то онъ обыкновенно кричитъ: «тысячъ не пощажу, а ужь ты ндраву моему не препятствуй!», но въ данномъ случаѣ дѣйствующимъ лицомъ является не коммерческій самодуръ, а дворянскій предводитель, у котораго лишнихъ тысячъ нѣтъ, но за то есть власть. По контракту, врачъ обязался работать только въ городѣ. Срокъ контракта еще не кончился, а земское собраніе въ прошломъ году постановило уже присоединить къ городскому врачу часть уѣзда, на что врачъ имѣлъ полное право не соглашаться, изъ-за этого произошло

---

[1] Прошу извиненія у корреспондента «Русск. Вѣд.», подписавшагося «губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ», въ томъ, что я разоблачаю его буквы. При существованіи вѣдомости, приложенной къ Положенію, нельзя сомнѣваться, что рѣчь идетъ именно о Бугульмѣ, потому что другой Б—мы С. губерніи тамъ нѣтъ. Если это невѣрно, прошу поправить.

и столкновеніе. За два мѣсяца управа собственной властью которой, въ данномъ случаѣ, не имѣда, прекратила выдачу врачу жалованья и отстранила его отъ должности, что глубоко возмутило большинство городскихъ жителей, такъ-какъ лекарь, надо полагать, былъ хорошій.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки исторіи, и вотъ наконецъ насталъ вожделенный день, когда, по слухамъ, дѣло это назначено было къ докладу. Публика (судя по городу въ огромномъ количествѣ) заняла свои мѣста, и интересъ возросъ въ ней, по выраженію корреспондента, *до высшей точки*. Встаетъ г. предсѣдатель, и обратясь къ публикѣ, объявляетъ, что: «такъ какъ-дѣло, подлежащее къ докладу, по его мнѣнію, не подлежитъ гласному разбирательству, то онъ, въ силу высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта пункта 10, объявляетъ собраніе съ закрытыми дверями и проситъ публику на это время удалиться».

Дѣлать нечего: хотя трудненько съ интересомъ, *возросшимъ до высшей точки*, удалиться въ лакейскую, изъ которой двери въ залу затворены, но многотерпѣливая публика смиренно повиновалась предсѣдателю. Въ обвиненіи врача, къ удивленію, не оказалось ровно ничего неприличнаго, чего бы нельзя было слушать даже бугульминскимъ дамамъ: неприлично было только со стороны управы обвинять въ такихъ пустякахъ, въ какихъ она обвиняла. Всѣ преступленія врача заключались 1) въ томъ, что онъ, не допуская больныхъ валяться на улицѣ, приказалъ принимать ихъ въ больницу, по необходимости сверхъ штата; 2) приказалъ отпускать больнымъ говядину не въ уменьшенномъ количествѣ, а по положенію, и, наконецъ, что приказалъ выпустить изъ больницы безъ взысканія 4-хъ рублей выздоровѣвшаго бѣдняка, за котораго внесъ свои деньге. Если вѣрить корреспонденту, то преступленія врача этимъ и ограничивались!

«Гласные ожидали по этому обвиненію преній, и ясно видѣли возможность оправдать врача, который впрочемъ и самъ находился въ собраніи въ качествѣ уѣзднаго гласнаго, и слѣдовательно имѣлъ право голоса. Г. врачъ всталъ съ своего мѣста, и обратясь къ г. предсѣдателю, заявилъ, что проситъ позволенія высказать свои оправданія и принести жалобу собранію на дѣйствія противъ него уѣздной управы. Г. предсѣдатель отвѣчалъ на это, что жалобы частныхъ лицъ на уѣздную управу, на основ. ст. 119 Положенія о губ. и уѣзд. учрежденіяхъ, приносятся губернскому земскому собранію, и потому онъ, г. предсѣдатель, не дозволяетъ здѣсь г. врачу произносить жалобъ, предоставляя ему жаловаться въ своемъ мѣстѣ. Врачъ возвратился на свое мѣсто, и когда одинъ изъ гласныхъ хотѣлъ возразить, что желательно и справедливо было бы во всякомъ случаѣ выслушать оправданіе обвиняемаго, прослушавъ обвиненіе, то г. предсѣдатель на это объявилъ, что,

признавая постановленіе уѣзднаго земскаго собранія 1867 года сентября 26 дня незаконнымъ и составленнымъ неправильно, онъ своею председательскою властію его уничтожаетъ и предлагаетъ считать недѣйствительнымъ; а потому всѣ пренія по вопросу объ удаленіи отъ должности врача той же предсѣдательскою властью воспрещаетъ и никакихъ преній не допускаетъ. Г. предсѣдатель прибавилъ еще, что такъ-какъ контрактъ съ врачемъ составленъ на основаніи постановленія хотя и утвержденнаго собраніемъ, но сейчасъ его предсѣдательскою властью уничтоженнаго и признаннаго недѣйствительнымъ, то и контрактъ поэтому должно считать недѣйствительнымъ и никакой силы неимѣющимъ. Тѣмъ и закончено это дѣло. Врачъ позволилъ-было себѣ спросить г. предсѣдателя, какъ ему считать себя,—на службѣ земству или нѣтъ? Г. предсѣдатель коротко отвѣчалъ: за этимъ можете обратиться въ управу».

Видимое дѣло, что бугульминскій предсѣдатель, фамиліи котораго мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, поступалъ точь въ точь, какъ президентъ Бонапартъ. Вѣроятно, онъ нѣкоторыхъ членовъ собранія ночью бы и въ постеляхъ велѣлъ перехватать и по казематамъ засадить, еслибы, къ крайнему его прискорбію, къ нему не примѣнялась извѣстная поговорка: «сердитъ, да не силенъ...» Впрочемъ, по показанію корреспондента, бугульминскій предсѣдатель все-таки продѣлалъ нѣсколько чисто наполеоновскихъ штукъ, разумѣется такихъ, которыя болѣе приличны не настоящему, а бугульминскому Наполеону. Возвративши на нѣкоторое время злосчастную публику изъ сѣней и лакейской въ залу, бугульминскій президентъ вновь ее выгналъ и даже закрылъ двери засѣданія до самаго конца, такъ что публика осталась на дворѣ и на улицѣ, растопыривъ руки отъ изумленія и глаза вылупя. Во время перерывовъ засѣданій президентъ ходилъ по заламъ и *объяснялъ* гласнымъ, что «кто изъ нихъ хочетъ быть отправленъ въ губернскій городъ съ жандармами, тому стоитъ только подписать отдѣльное мнѣніе». Ко всему этому корреспондентъ прибавляетъ не безъ ироніи: «Можно, пожалуй, не считать достойнымъ вниманія и то, что когда гг. гласные вызывались къ подпису журналовъ по списку, то во время подписыванія слышались возгласы г. предсѣдателя: «безъ разговоровъ»; или наконецъ то, что въ одно изъ засѣданій, во время преній по какому-то вопросу, гдѣ дѣло коснулось до полиціи, г. предсѣдатель объявилъ во всеуслышаніе, что «полиціи въ Б-мъ уѣздѣ не существуетъ»; или то еще, что г. предсѣдатель, при баллотированіи вопросовъ о мировыхъ судебныхъ участкахъ посредствомъ вставанья и сидѣнья, вставалъ съ своего мѣста, подходилъ къ гг. гласнымъ и возглашалъ: «что же вы не встаете?»».

Оказалось однако же, что президентъ къ чужой дѣятельности привыкъ относиться чрезвычайно строго, безъ всякой потачки. Представивъ въ краткомъ очеркѣ дѣятельность мировыхъ судей,

избранныхъ изъ своей же братіи, президентъ произнесъ, если вѣрить корреспонденту, слѣдующую краткую, но, надобно правду сказать, безсвязную рѣчь: «Гг., вопросъ этотъ эластиченъ! *Мировымъ судьямъ законъ не писанъ, но покуда я предсѣдатель, мнѣ онъ писанъ;* дѣлать нечего, мы должны въ засѣданіе наше пригласить мировыхъ судей, и купно съ ними обсудить вопросъ о мѣстахъ заключенія, а потому вопросъ этотъ я оставляю открытымъ».

Корреспондентъ сообщаетъ, что мировые судьи обидѣлись на президента за его выраженіе, *будто для нихъ законъ не писанъ*, и подали даже жалобу въ сенатъ, но мнѣ кажется, что именно на эту фразу и нечего было обижаться, по ея безсмысленности, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она передана корреспондентомъ. Ну, разберите, что такое сказалъ президентъ? Вопервыхъ, онъ сознается, что законъ для него писанъ только лишь на короткое время, *«покуда онъ предсѣдатель»*, слѣдовательно, какъ скоро собраніе закрылось, то онъ, по своимъ же словамъ, немедленно долженъ быть причисленъ къ разряду тѣхъ, для которыхъ, по народному повѣрью, *законъ не писанъ*; вовторыхъ, такъ-какъ президентъ и во время своего предсѣдательства постоянно беззаконствовалъ, то слѣдовательно, и въ этотъ короткій срокъ не выступалъ изъ разряда людей, для которыхъ законъ не писанъ. Ну, можно ли обижаться?

Подобные примѣры, которыхъ можно привести цѣлыя дюжины, доказываютъ, что еще отъ однѣхъ только статей положенія, какъ бы онѣ ни были обдуманно составлены, толку большого ожидать нельзя, потому что общество, на практикѣ, само уже ихъ передѣлаетъ по своему. Я думаю, еслибы у насъ вдругъ ввели извѣстный англійскій Habeas Corpus, безъ котораго англичанинъ жить не можетъ, то и изъ него бы у насъ года въ два, три такую своеобразную штуку устроили, что каждый мыслящій, но не очень богатый человѣкъ хоть вонъ бѣги, такъ что безъ Habeas Corpus, пожалуй, будетъ лучше. Рѣшеніе вопросовъ по большинству голосовъ и свободная, закрытая подача голосовъ при баллотировкахъ, и у насъ закономъ не только допускаются, но даже предписываются, а между тѣмъ, на дѣлѣ, у насъ каждый свободный гражданинъ дрожитъ отъ страха, когда засовываетъ руку съ шаромъ въ ящикъ, какъ служащій французъ при знаменитомъ плебисцитѣ, принесшемъ такую громадную пользу Франціи. Дѣло въ томъ, что свободному гражданину еще за нѣсколько дней до баллотировки открыто приказываютъ класть направо или налѣво, кормятъ его, поятъ водкой, а потомъ, чтобы угощенье не пропало даромъ, зорко слѣдятъ за движеніемъ его свободной руки, всунутой въ дыру ящика. Рѣшеніе вопросовъ по большинству голосовъ тоже, по закону, допускается, но, что же вы станете дѣлать, если при первомъ же вашемъ возраженіи, предсѣдатель встаетъ и громко провозглашаетъ: «Господа! въ силу такой-то статьи, я оста-

навливаю преній и закрываю собраніе!» Положимъ, если послѣ разобрать, то окажется, что въ силу указанной статьи нельзя было остановить преній, но, что же вы станете дѣлать, если предсѣдатель и точно что имѣетъ силу закрыть собраніе, а всѣ остальные члены не имѣютъ ни малѣйшей силы даже ропотъ поднять иначе, какъ шопотомъ?

Не вникнувъ во всѣ эти особенности нашей общественной жизни, нѣкоторые изъ нашихъ многоглаголивыхъ публицистовъ до такой степени часто впадаютъ въ промахи, что, наконецъ, всѣ ихъ статьи въ совокупности можно считать однимъ, огромнымъ промахомъ. Трактуя, напримѣръ, о неудачной земской дѣятельности, или, выражаясь высокимъ слогомъ, объ «органическихъ порокахъ земства», они всю вину сваливаютъ на неудачное составленіе статей закона, хотя, въ сущности, законъ тутъ виноватъ на столько же, на сколько виновато ружье въ рукахъ дряннаго охотника, дающаго промахи. Извѣстно, что плохой охотникъ, при каждомъ изъ своихъ безчисленныхъ промаховъ, постоянно начинаетъ смотрѣть однимъ глазомъ въ отверстіе ствола и усердно его нюхать, чѣмъ пахнетъ, хотя ему заранѣе должно быть извѣстно, что изъ ружейнаго дула, изъ котораго только что выстрѣлили, пахнетъ скверно. Все это, натурально, продѣлывается съ тою цѣлью, чтобы вину промаха свалить на ружье, ничѣмъ невиноватое. Всѣ эти продѣлки, разумѣется, смѣшны и, отчасти, глуповаты; но, тѣмъ не менѣе, упоминаемые гг. публицисты, не во гнѣвъ будь имъ сказано, сильно напоминаютъ собою подобныхъ, постоянно нюхающихъ, охотниковъ.

Между публицистами такого сорта, а, съ легкой ихъ руки и въ публикѣ распространилось мнѣніе, будто главнѣйшая причина неудачнаго хода земскаго дѣла заключается въ численномъ преобладаніи гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, т.-е. дворянъ-помѣщиковъ надъ гласными изъ другихъ сословій, а, по преимуществу, надъ представителями сельскаго населенія. Этимъ воображаемымъ численнымъ превосходствомъ дворянъ, публицисты объясняютъ всѣ земскія невзгоды и неурядицы. «Еслибы, говорятъ публицисты, число гласныхъ изъ недворянскихъ сословій преобладало, то помѣщики (предполагаются крупные землевладѣльцы) не обложили бы крестьянскихъ земель тяжелыми налогами, а свои, сравнительно, легкими; не ушли бы отъ повинностей, лежащихъ исключительно на однихъ крестьянахъ, вообще не тянули бы въ свою сторону такъ успѣшно, какъ теперь тянутъ, и проч.» Кто никогда не заглядывалъ въ вѣдомость, приложенную къ положенію о земствѣ съ исчисленіемъ количества гласныхъ изъ разныхъ сословій, тотъ легко можетъ повѣрить гг. публицистамъ, точно также, какъ не стрѣлокъ легко можетъ на слово повѣрить нюхающему стволъ охотнику, что промахъ данъ дѣйствительно потому, что изъ него пахнетъ не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ; но не лѣнивый человѣкъ сейчасъ же можетъ убѣдиться

въ невѣрности предположеній промахнувшагося публициста: стоитъ только взглянуть въ вѣдомость. Вѣдомость эта показываетъ, что изъ 351 уѣзда, въ которыхъ введено земское положеніе, *въ семидесяти-двухъ*, т.-е. болѣе чѣмъ въ пятой долѣ, количество гласныхъ отъ сельскихъ обществъ значительно превышаетъ землевладѣльцевъ, а если считать крестьянъ вмѣстѣ съ городскими гласными, то оказывается, что въ этой пятой долѣ уѣздовъ они вдвое и даже втрое сильнѣе помѣщиковъ, если подъ землевладѣльцами подразумѣвать только помѣщиковъ, да еще только однихъ крупныхъ, какъ дѣлаютъ гг. публицисты. Въ Липецкомъ уѣздѣ, напр., гласныхъ отъ землевладѣльцевъ числится 9, а отъ сельскихъ обществъ 15, да еще къ нимъ же нужно присоединить 6 городскихъ, которымъ не изъ-за чего слишкомъ-то сильно тянуть на помѣщичью сторону. Въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи гласныхъ-дворянъ 7, а крестьянъ 11; въ Харьковскомъ 7 и 11, во многихъ уѣздахъ крестьянскихъ гласныхъ вдвое больше, чѣмъ землевладѣльческихъ. Затѣмъ въ 44 уѣздахъ гласныхъ отъ крестьянъ, въ сложности съ городскими гласными, значительно больше, чѣмъ гласныхъ землевладѣльческихъ, а въ трехъ или четырехъ уѣздахъ поселянъ и дворянъ поровну, такъ что городскіе даютъ перевѣсъ той сторонѣ, къ которой пристанутъ; затѣмъ, въ остальныхъ 232-хъ уѣздахъ гласныхъ отъ поселянъ и городовъ поровну съ землевладѣльческими.

Спрашивается, гдѣ же, въ какомъ уѣздѣ, какой губерніи публицисты нашли численный перевѣсъ землевладѣльческихъ гласныхъ надъ всѣми другими, если, по вѣдомости, перевѣса этого нѣтъ нигдѣ, ни въ одномъ уѣздѣ, а между тѣмъ въ 119-ти уѣздахъ изъ 351-го помѣщики составляютъ только третью, или четвертую долю всего количества гласныхъ? Далѣе—еще одно необходимое возраженіе. Публицисты, о которыхъ я упоминаю, подъ гласными отъ землевладѣльцевъ повидимому подразумѣваютъ исключительно однихъ только помѣщиковъ, и, притомъ, непремѣнно крупныхъ, тогда какъ въ числѣ гласныхъ отъ землевладѣльцевъ есть и крестьяне, владѣющіе цензомъ [1]. Я знаю уѣздъ, въ которомъ, въ числѣ землевладѣль-

[1] Одинъ изъ публицистовъ газеты «Недѣля», въ которой много и часто толкуютъ о земствѣ, какъ на главнѣйшую причину неуспѣшнаго хода земскаго дѣла, указываетъ на численное превосходство надъ всѣми другими гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то-есть собственно помѣщиковъ. Чтобы посредствомъ «вѣдомости» доказать то, чего въ ней нѣтъ, публицистъ присоединяетъ къ помѣщикамъ купцовъ и мѣщанъ, то-есть всѣхъ гласныхъ отъ городовъ, предполагая почему-то, что интересы городскихъ гласныхъ скорѣе подходятъ къ помѣщичьимъ, чѣмъ къ крестьянскимъ, хотя на дѣлѣ опять-таки этого нѣтъ. Публицистъ предполагаетъ, что, если, напримѣръ, помѣщики вздумаютъ освободить свои лѣса отъ налога, то городскіе домовладѣльцы непремѣнно станутъ тянуть на ихъ сторону, хотя практика земскаго дѣла доказываетъ совершенно противное. При обложеніи имуществъ налогами

-ческихъ гласныхъ, по крайней мѣрѣ въ первое трехлѣтіе, находился одинъ руссkій крестьянинъ и два мужика-татарина: неужели и этихъ можно заподозрить въ пристрастіи къ крупно-землевладѣльческимъ, дворянскимъ интересамъ? Если предположить, что и въ большей части уѣздовъ въ числѣ землевладѣльческихъ гласныхъ отыщутся крестьяне (а этого невозможно не предполагать), то предполагаемый численный перевѣсъ представителей дворянскаго элемента окажется еще слабѣе, а если мы, наконецъ, пожелаемъ о серьёзномъ дѣлѣ говорить толкомъ, на основаніи фактовъ, а не наобумъ, то предполагаемаго численнаго перевѣса и вовсе не окажется, потому что его въ дѣйствительности и нѣтъ. Окажется только, что публицистъ сдѣлалъ промахъ, и, вмѣсто того, чтобы винить невѣрность руки и глаза, начинаетъ нюхать, чѣмъ изъ ствола пахнетъ, хотя видимое дѣло, что запахъ тутъ не причемъ. У насъ водятся еще до сей поры такіе наивные люди, которые убѣждены, что стоитъ только на скамьи присяжныхъ и на

этимъ двумъ сословіямъ нечего разсчитывать на обоюдную поддержку: законъ, ограждающій городскихъ жителей отъ излишнихъ сборовъ, изъ-за котораго въ свое время поднялась такая катавасія, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Публицистъ видитъ «сословную тенденціозность» и преобладаніе помѣщиковъ даже въ томъ, что усадебныя земли оцѣнены «довольно высоко», а лѣса, которыхъ у крестьянъ нѣтъ, «довольно низко», но этими доводами публицистъ доказываетъ только полнѣйшее непониманіе дѣла, о которомъ взялся говорить. Ну, кому придетъ въ голову обложить десятину, удаленнаго отъ сплавной рѣки, недающаго почти никакого дохода, лѣса, наравнѣ съ десятиной земли, унавоженной, напримѣръ, подъ коноплянники? Чтобы высказать подобную мысль, необходимо совершеннѣйшее незнаніе самыхъ простыхъ сельско-хозяйственныхъ условій, которымъ, то-есть незнаніемъ публицистъ, какъ кажется, вполнѣ обладаетъ. Далѣе, Недѣльный (ужь именно не-дѣльный!) публицистъ, въ доказательство негодности земской дѣятельности, приводитъ выписку изъ рѣчи херсонскаго губернатора, который ставитъ на видъ земству, что «выздоровленіе больныхъ въ земской больницѣ, при гниломъ воздухѣ, немыслимо». Хотя самъ «Недѣльный» публицистъ осмѣливается *не замѣтить* въ словахъ его превосходительства «ничего такого, что бы ему не удавалось читать въ газетахъ», но, однакоже, онъ нашелъ нужнымъ помѣстить въ своей статьѣ оговорку, вѣроятно, съ цѣлью ослабить слишкомъ ужь рѣзкую, нечаянно сорвавшуюся съ языка, фразу: «Это заявленіе (его превосходительства), пишетъ Недѣльный публицистъ, должно обратить на себя *особенное вниманіе* потому, что оно исходитъ отъ административной власти, которая всегда обнаруживаетъ наклонность представлять дѣла въ нѣсколько лучшемъ видѣ, чѣмъ таковы они въ дѣйствительности». Бѣдный Недѣльный публицистъ даже и того не понимаетъ, что администрація обнаруживала наклонность представлять дѣла *въ нѣсколько лучшемъ видѣ* только лишь до той поры, пока всѣ учрежденія, переданныя теперь земству, находились еще подъ ея вѣдомствомъ, подъ ея личною отвѣтственностью, а что теперь, напротивъ, выгодно даже для упраздненной администраціи представлять все *въ нѣсколько худшемъ видѣ, чѣмъ въ дѣйствительности*. Ну, чѣмъ вы объясните подобные промахи публициста, который берется съ серьёзнымъ видомъ разсуждать обо всемъ, что первое попалось подъ руку?

мѣста гласныхъ въ собраніяхъ насадить, вмѣсто эгоистовъ дворянъ, хотя бы малограмотныхъ, но добродѣтельныхъ поселянъ и мѣщанъ—и все дѣло сейчасъ же двинется, какъ по маслу: судъ будетъ дѣйствительно правымъ и всѣ повинности распредѣлятся равномѣрно. Думать какъ кому угодно, разумѣется, не запрещается никому, если думаешь про себя; но, какъ скоро начинаешь говорить, въ особенности публично, то прежде всего необходимо опираться на факты, а не болтать зря, что на умъ взбредетъ. У насъ же существуютъ такого рода факты, что, напримѣръ, гласные изъ крестьянъ подписывались подъ дворянскими ходатайствами предъ правительствомъ о допущеніи владѣльцевъ тысячи десятинъ земли въ гласные безъ выбора. Такого рода случай былъ въ знаменитомъ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи (гдѣ на 12 землевладѣльцевъ полагается 8 крестьянъ и 4 горожанина), да, помнится, и не въ одномъ Холмскомъ. Въ томъ же уѣздѣ состоялось постановленіе о возвращеніи крѣпостного права, разумѣется съ розгами, ибо безъ розогъ крестьяне видимо обѣднѣли. Казалось бы, какая выгода восьмерымъ крестьянамъ отъ розогъ, которыми ихъ же станутъ драть, и четверымъ горожанамъ, которымъ и въ случаѣ успѣха ходатайства, все-таки никого драть не приведется?—а, между тѣмъ, мы помнимъ, что постановленіе о ходатайствѣ состоялось единогласное и всѣ присутствующіе крестьяне руку подъ нимъ приложили. Ходатайства о зачисленіи крупныхъ землевладѣльцевъ въ гласные безъ выборовъ были и въ другихъ губерніяхъ и, если иной разъ кто протестовалъ противъ нихъ, то вовсе не крестьяне, а гласные отъ землевладѣльцевъ же, преимущественно не изъ крупныхъ, а средняго достатка. Все, что только сдѣлано земствомъ до сей поры порядочнаго (напр., по народному просвѣщенію, сельскіе банки, артельныя сыроварни и т. п.), сдѣлано не крестьянскими гласными, а кѣмъ именно—каждому уже извѣстно. Настоятельная нужда у насъ ощущается лишь въ людяхъ знающихъ, образованныхъ, увлекающихся каждымъ общеполезнымъ дѣломъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, а вовсе не въ малограмотныхъ крестьянахъ, которые полезны исключительно на поляхъ, лугахъ и гумнахъ, а никакъ не на совѣщательныхъ собраніяхъ. Еслибы у насъ въ провинціяхъ, по деревнямъ, обрѣтались такіе люди, глубоко преданные не только личнымъ, но и общественнымъ интересамъ, то крестьяне сами охотно бы ихъ выбрали за себя въ гласные: тогда бы число дворянъ на земскихъ собраніяхъ хотя бы и увеличилось противъ нынѣшняго, но убытку бы отъ этого навѣрное никому не было. Бѣда вся въ томъ, что подобнымъ господамъ въ провинціяхъ не житье: ихъ немедленно оттуда вытѣснятъ и, очень не мудрено, что вытѣснятъ-то отчасти и сами крестьянскіе гласные, подписавшись ненарокомъ подъ какимъ-нибудь постановленіемъ, составленнымъ двоими-троими *крупными*, заправляющими, по обы-

чаю безпрекословно, дѣлами всего уѣзда. Кому случалось читать журналы земскихъ собраній перваго трехлѣтія, тотъ не можетъ не замѣтить, что въ первые два-три года въ рѣдкой изъ губерній не появлялось нѣсколькихъ дѣятельныхъ личностей, за которыми машинально шли и всѣ другіе; но эти личности давно уже куда-то скрылись, такъ что о протестахъ на собраніяхъ слышится все какъ-то рѣже и рѣже, а о наполеоновскомъ самовластіи президентовъ слышится все чаще и чаще. Прежнихъ земскихъ дѣятелей обыкновенно упрекали въ излишней горячности и въ недостаткѣ практичности. Со всѣхъ сторонъ сыпались упреки, что эти увлекающіеся господа, изъ желанія на сколько возможно уравнять земскія тягости, стремятся переложить всѣ повинности на деньги, въ чемъ многіе и успѣли. Нынѣшніе земскіе дѣятели, на сколько можно судить по свѣдѣніямъ, получаемымъ изъ провинцій, люди совсѣмъ иного сорта: это все люди практическіе, люди старые, которыхъ на соломѣ не проведешь, и ничѣмъ не увлекающіеся. Эти господа прежде были отъявленными врагами переложенія повинностей на деньги, но теперь, очутившись сами членами управъ, они, по слухамъ, вполнѣ примирились съ совершившимся переложеніемъ и находятъ его даже очень выгоднымъ. Предлагаю читателю выписку изъ статьи одного изъ современныхъ земскихъ дѣятелей, на дняхъ присланной въ редакцію. Статья эта тѣмъ преимущественно обращаетъ на себя вниманіе, что читатель по ней наглядно можетъ познакомиться съ современнымъ намъ, вновь сложившимся и, кажется, уже укоренившимся довольно прочно, характеромъ земской дѣятельности, — рѣзко отличающимся отъ того увлекающагося, живого характера, которымъ заявило себя вновь испеченное земство наше въ 1865 и, отчасти, въ 1866 годахъ. Статья, приводимая здѣсь почти цѣликомъ, начинается эпиграфомъ:

«Славны бубны за горами.

«Въ ожиданіи земства и другихъ реформъ, чуть ли не всѣ дѣятели того времени, и въ особенности сами жаждавшіе дѣятельности, носились съ самыми высокими прицыпами и гуманнѣйшими идеями: гласность, равноправность, сліяніе сословій и проч., и проч., а разрѣшились въ дѣйствительности только сліяніемъ властей и учрежденій въ одно цѣлое. Точно не доносили остальнаго. И образовалось что-то въ родѣ союза, особаго управленія надъ самоуправленіемъ въ земствѣ; образовалось—точно независимо отъ выборовъ; наоборотъ: пріобрѣло даже полное господство надъ выборами.

Представители заведеній «распивочно и на выносъ» съ собственными винокурнями, и вообще, предпріятіями на такихъ же началахъ, какъ и все сколько-нибудь вѣское, вліятельное,—всѣ за сліяніе, только не сословій, съ которымъ такъ носились, а тоже властей и учрежденій. «Если мы, т.-е. судъ и прочія

городскія и уѣздныя власти»—слышишь и теперь еще—«не станемъ *дружно* и за-одно, то... упеси Богъ: не познаемъ и мѣста своего». Жизнь наша яко трава», и т. д. Въ силу такого единомысленія вліятельныхъ, дѣла союза идутъ какъ по маслу. Населеніе, хотя чувствуетъ уже что-то неладное, но огромное большинство его не въ силахъ еще ни понять, ни поправить этого «чего-то неладнаго» и служитъ поневолѣ слѣпымъ орудіемъ другихъ. Такое благопріятное стеченіе обстоятельствъ дало, разумѣется, вліятельнымъ и практическимъ людямъ полную возможность распоряжаться общественными дѣлами, какъ своими домашними, и безцеремонно обращаться съ общественными дѣятелями, какъ съ своей крѣпостной прислугой въ добрыя старыя времена.

Правда, иной разъ приходится слышать ропотъ на непроизводительныя затраты, безцеремонность съ общественными интересами и потребностями, но изъ этого ропота никакихъ благихъ результатовъ ожидать, разумѣется, нельзя. Не обходилось безъ ропота и при существованіи крѣпостнаго права, а между тѣмъ крѣпостное право существовало себѣ преблагополучно, до вмѣшательства высшихъ властей. Остается только издали наблюдать и терпѣливо ожидать, удастся ли когда-нибудь несчастнымъ мухамъ выкарабкаться изъ паутины, въ которую ихъ запуталъ предусмотрительный паукъ.

За то, что задумано предусмотрительными пауками, то ужь сдѣлано. Предложитъ ли управа (центръ союза), положимъ, сооруженіе тракта вновь, съ измѣненіемъ направленія,—первымъ дѣломъ она заготовляетъ матеріалъ и все, что только можно заготовить. Затѣмъ проводится уже вопросъ о сооруженіи и, хотя бы новое направленіе стоило втрое дороже по сооруженію и содержанію, шло пустынной мѣстностью, было бы длиннѣй,—несмотря на ропотъ не только тѣхъ тысячъ жителей, отъ которыхъ отводятъ трактъ, а хотя бы всего населенія, предположенное направленіе дороги, съ затратой десятковъ тысячъ рублей — неизбѣжно. Заявленія, протесты, въ родѣ того: «до новыхъ ли дорогъ, — намъ кабы хлѣба, подати огорить, старыя дороги справить: проѣзда нѣтъ — коней покалечили, колеса поломали вси»... все гласъ — въ пустынѣ! Коней калечатъ, колеса ломаютъ, недоимки ростутъ, на хлѣбъ голодающимъ занимаютъ, закрываютъ даже школы съ принятіемъ ихъ на земство, а новый трактъ строится, и расходамъ на него конца не видно,—какъ на дворянскіе дома, строившіеся, бывало, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. И ничего съ этимъ не подѣлаешь: протестовать — не принято, да и безполезно—новая дорога будетъ; только враговъ себѣ наживешь вездѣ. Даже само земское собраніе предъ управой не значитъ ничего, точно также, какъ молодой, неопытный начальникъ отдѣльнаго вѣдомства ровно ничего не значитъ предъ старымъ, опытнымъ, прошедшимъ огнь и воду и мѣдныя трубы правителемъ канцеляріи. Ассиг-

новывай собраніе сколько хочетъ на школы, на врачебную часть, назначай хоть по пяти коммисій для предварительнаго обсужденія благихъ предначертаній, но, если сказано управой, что *потребность образованія не выяснилась и притомъ, потребность второстепенная*,—дѣло не пойдетъ и затормозится. Не захочетъ печатать докладовъ съ своими отчетами,—и не будетъ, несмотря на то, что вопросы: о необходимости печати, народномъ образованіи, и проч., возбуждаются на каждомъ собраніи и принимаются всегда единогласно, съ отнесеніемъ расходовъ на то и другое на счетъ земства. Не исполняются такія постановленія управой: *за недосугомъ, денегъ нѣтъ, содержанія мало, дорожныя работы одолѣли и т. п.* Попробуютъ облегчить занятія: отмѣнятъ хозяйственный способъ работъ и постановятъ въ собраніи сдать работы съ торговъ своему крестьянскому населенію преимущественно. Откроетъ и торги управа, а кондиціи и цѣны на работы оставитъ *канцелярской тайной*. Желающіе снять работы и стойки заломятъ цѣны на торгахъ большія: извѣстно—было-бъ съ чего скинуть—и, *не видя никакихъ цѣнъ отъ управы, кромѣ указанія торгующимся объ отвѣтственности ихъ въ случаѣ неточнаго исполненія работъ по условію съ управой*, торгующіеся изъ крестьянъ потопчатся на мѣстѣ, перетолкнутся и отпросятся «посовѣтаться».—«Ряда, братъ, не штобъ, а дорога-то, шабашъ—проваленная! Вѣстимо, подъ рукамъ работа-то, вотъ што. Неслышно только цѣна какая?...—Слышь ни гроша, коли не по ней...—Нѣтъ, не подхоже... Знамо, сама хочетъ ладить, пущай ее!» Такимъ образомъ порѣшатъ на совѣщаньи или «совѣтаньи» и скроются съ улицы... Торги, конечно, не состоятся и опять хозяйственный способъ за управой, и опять она вся въ дорогахъ.

Отчетность въ такихъ управахъ замѣчательна по своей простотѣ и несложности; кромѣ прихода и расхода денегъ хоть шаромъ покати, а что сдѣлано на израсходованыя деньги, гдѣ, сколько, почемъ — управы не придумали еще и, кажется, не думаютъ. Израсходуютъ десятки тысячъ на дороги и затруднятся дать отчетъ: «Нельзя, говорятъ: верстовыхъ знаковъ нѣтъ!» а сооруженія все капитальныя, смѣты составлены по-верстно и денегъ стоятъ. Отчетность по сооруженіямъ мостовъ и другимъ предметамъ идетъ туда же: «верстъ нѣтъ»... Нѣкоторыя изъ старыхъ управъ *не любили формальности* и, не допуская собраніе вмѣшиваться въ земское хозяйство, составляли сами постановленія, или обходили другія на всѣхъ пунктахъ. Говорятъ: не велось надлежащей отчетности съ самаго начала; вслѣдствіе чего настоящія управы валятъ все на старыхъ и сами слѣдуютъ ихъ примѣру, а ревизоры смѣются: да ну ихъ, говорятъ, и заказываютъ опять-таки управамъ различныя мѣропріятія къ скорѣйшему и безотлагательному исполненію своихъ проектовъ, особенно по сооруженіямъ, которыя обыкновенно куда-то пропадаютъ безслѣдно, въ формѣ ходатайствъ. Не даромъ сказа-

но: «отъ великаго до смѣшнаго — одинъ шагъ», а отъ самоуправленія до самоуправства, кажется, и того нѣтъ.

Пока смѣялись надъ прошлымъ «насиліе молъ-произволъ» и не видали, какъ создавались искусственныя отдѣленія на мѣсто управъ, которыя и теперь все сооружаютъ свои тракты, такъназываемые почтовые и торговые, зачатые еще предшественницами, на которыхъ и живутъ земскіе дѣятели и строители, а нынѣ сами уже, по крайней-мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, сдѣлались представителями этихъ «искусственныхъ отдѣленій». Остальными трактами вѣдаютъ больше члены изъ крестьянъ, и знаютъ хоть *огуломъ*, что сдѣлаютъ на дорогахъ: чего же и требовать больше, — когда техники и другіе не знаютъ, гдѣ, сколько они сдѣлали на своихъ трактахъ: «верстъ, молъ, нѣтъ».

Такой способъ веденія земскаго хозяйства не оправдываетъ тѣхъ *полезныхъ начинаній*, которыми задавались по началу, на словахъ, становившіеся во главѣ самоуправленія и замкнулись потомъ отъ всѣхъ съ этими *начинаніями*... Годами добиваются своевременной отчетности до собранія и печатанія ея съ докладами, но безуспѣшно,—назначались коммисіи, и тоже безполезно: повѣрка,—приведеніе въ извѣстность земскаго хозяйства не даются. А это лишаетъ возможности знакомиться съ вопросами прежде, чѣмъ они проведутся на собраніи и, вообще, съ дѣломъ, даже посѣщать собранія, особенно губернскія: что будетъ дѣлать гласный на собраніи, когда не знаетъ и не можетъ знать ни о положеніи своего земства, ни о ходѣ его хозяйства?!.. сидѣть и только, подписалъ и съ плечъ долой? Совѣстно, а другому и небезопасно. Памятны еще дѣла по недочетамъ въ нѣкоторыхъ казначействахъ и отвѣтственность *рукоприкладствовавшихъ подъ статьями свидѣтельствованія*. Нѣкоторымъ хотя и удалось выгородиться,—а другимъ пришлось поплатиться — и поплатиться-то нечѣмъ—вотъ бѣда!...

Казалось, очень гуманно по началу, со стороны земства, въ видахъ облегченія крестьянъ, принять на счетъ земства расходы на народное образованіе, — здравіе, натуральныя повинность и т. п... На дѣлѣ же не то: гдѣ натуральныя повинности остались еще попрежнему на крестьянахъ и особенно, гдѣ приплачивается имъ на этотъ предметъ надлежащая часть, причитающаяся съ имущества прочихъ сословій деньгами,—повинности отправляются удовлетворительнѣй и дороги въ лучшемъ состояніи, нежели тамъ, гдѣ переложены на деньги натуральныя повинности совсѣмъ и вѣдаютъ ими сами управы непосредственно. Тутъ нерѣдко уже слышишь относительно проѣзда по дорогамъ: «Нельзя купецъ, тутъ земство было». — Въ первомъ случаѣ, гдѣ натуральныя повинности не переложены на деньги, земство щедрѣй на расходы: по народному образованію, здравію и т. п., чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ. Тутъ на дороги больше.

Принять на счетъ земства удовлетвореніе земскихъ пот-

ребностей съ участіемъ въ томъ всѣхъ сословій, какъ и уравненіе налоговъ, день ото дня становится необходимѣй и благо, гдѣ оно совершилось; но переложеніе на деньги натуральныхъ повинностей съ передачей цѣликомъ въ вѣдѣніе управъ *рано еще*. Полезнѣй было бы предоставить прямо крестьянамъ отправленіе натуральныхъ повинностей за соотвѣтственное вознагражденіе (на дороги и стойки ассигнуется по нѣкоторымъ уѣздамъ до 20,000 р. въ годъ) — какъ ближайшимъ къ дѣлу по роду ихъ занятій,—полезнѣй и въ интересѣ земства и самихъ крестьянъ. Ввѣряютъ же они другимъ все земское хозяйство, судъ... просятъ даже. Предоставленіе крестьянамъ заработковъ *прямо* было бы только справедливо со стороны земскихъ хозяевъ съ судомъ и милостью въ рукахъ, а это стоитъ мѣстами тоже около 20,000 р.

«Какая гарантія, говорятъ нѣкоторые, что выполнятъ крестьяне добросовѣстно принявши на себя работы и проч., на такую сумму?...». Но, чѣмъ же, спрашивается, гарантировано все населеніе со стороны земскихъ дѣятелей, если при затрачиваніи ежегодно около полсотни тысячъ рублей, уѣздъ останется безъ школъ, безъ дорогъ, безъ денегъ... и безъ отчетовъ? Свободный трудъ крестьянина достаточно гарантируетъ земство при заключеніи условій съ сельскими обществами по подрядамъ, найму и т. п.

Свѣта бы побольше во всѣ щели — не отличишь добра отъ зла...»

Корреспонденція эта, написанная человѣкомъ, практически знакомымъ съ дѣломъ, очень рѣзко характеризуетъ нашу общественную дѣятельность, и доказываетъ, что органическій порокъ земства заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ ее видитъ неосновательный публицистъ. Вовсе не въ численномъ преобладаніи крупныхъ землевладѣльцевъ и не въ излишнебольшомъ жалованьѣ членамъ управъ бѣда заключается. Численнаго превосходства вовсе нѣтъ, что мы уже доказали, а жалованье членамъ, обыкновенно отъ четырехсотъ, шестисотъ и до полуторы тысячи рублей, вовсе не можетъ считаться излишне-громаднымъ, еслибы оно выдавалось дѣйствительно полезнымъ людямъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» пишутъ, что въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, общій сборъ земства съ различныхъ предметовъ обложенія въ 1868 году равнялся 11.000,000 р.; причемъ изъ этого сбора на каждую губернію приходилось около 400,000 р. *Стоимость земскаго самоуправленія*, какъ оказывается изъ этого же обзора, обходилась, въ 1868 году, во всѣхъ губерніяхъ около 1,925,000 руб., а на каждую губернію, среднимъ счетомъ, до 71,000 р., что составляетъ около $1/_{6}$ всего средняго земскаго сбора съ губерніи. Въ то же время *содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій* земству обходилось въ 1868 году до 3.755,000 р., а на каждую губернію до 126,000 руб. сер.

Конечно, желательно было бы тратить на жалованье служащимъ какъ можно меньше, но кто же, однако, пойдетъ тогда служить по земству, и изъ какихъ побужденій? Вѣдь у насъ не Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты, гдѣ прославившійся на общественной службѣ портной или сапожникъ можетъ впослѣдствіи сдѣлаться президентомъ! Этотъ неизбѣжный расходъ сдѣлался бы и совсѣмъ нечувствительнымъ, еслибы многочисленныя ходатайства земскихъ собраній о прекращеніи совершенно ненужныхъ издержекъ не пропадали постоянно безслѣдно. Давно уже многія собранія хлопочутъ, напримѣръ, объ упраздненіи ненужныхъ въ настоящее время мировыхъ посредниковъ, и указали даже на способъ, посредствомъ котораго было бы очень не трудно это исполнить. Они предлагали: а) все, что касается защиты имущественныхъ правъ помѣщиковъ и крестьянъ, и преслѣдованія крестьянъ за нѣкоторые роды проступковъ и преступленій, передать судебнымъ установленіямъ на общемъ основаніи; б) нѣкоторыя распорядительныя дѣла по рекрутской повинности, по засвидѣтельствованію актовъ и по взысканію текущихъ платежей — мировымъ судебнымъ установленіямъ по преимуществу, и в) дѣла по выкупу — мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ, или уѣзднымъ земскимъ управамъ. Сліяніе обоихъ мировыхъ институтовъ упростило бы мѣстное управленіе; нынѣшніе мировые посредники могли бы увеличить собою кругъ лицъ, которыми пополняются мѣстныя должности, сельскіе обыватели перестали бы путаться въ подсудности между мировыми посредниками и мировыми судьями, и сверхъ того, въ денежномъ отношеніи, послѣдовало бы, примѣрно, чистаго сбереженія для губерніи и уѣздовъ болѣе, нежели на 20,000 рублей.

Вотъ уже и здѣсь бы сохранилось уже болѣе, чѣмъ 20 тысячъ рублей, а если посмотрѣть повнимательнѣе, то нашлось бы и еще кое-чего посократить, и пріобрѣсть чрезъ то еще болѣе, чѣмъ 20 тысячъ рублей. Такимъ образомъ и вся необходимая цифра жалованья могла бы образоваться отъ уничтоженія ненужныхъ, и даже вредныхъ учрежденій, но, къ сожалѣнію, ненужное и вредное что-то до сей поры не уничтожается. Справедливо кѣмъ-то замѣчено, что мировые посредники въ настоящее время представляютъ собою какіе-то остатки уничтоженнаго крѣпостнаго права, уже вовсе не подходящіе къ новымъ порядкамъ. Они, напримѣръ, одни еще сохранили за собою старинную помѣщичью власть—наказывать крестьянъ розгами, и до сей поры пользуются этой властью, и возбуждаютъ такіе вопросы, по поводу которыхъ и толковать-то какъ-то стыдно. Недавно, напримѣръ, по слухамъ, какой-то мировой посредникъ офиціально спрашивалъ: *можно ли наказывать розгами почетныхъ мировыхъ судей, выбранныхъ изъ крестьянъ*? Конечно, возбуждались вопросы и о томъ: можно ли драть предсѣдателей, членовъ управъ и губернскихъ гласныхъ, потому что до той

поры, пока существуютъ посредники, постоянно будутъ возбуждаться и подобные вопросы; но, спрашивается, ловко ли все это, не заставляютъ ли многихъ краснѣть эти доморощенные юристы, которыхъ исключительно занимаютъ только вопросы о драньѣ? А между тѣмъ, содержаніе этихъ юристовъ обходится земству каждой губерніи болѣе двадцати тысячъ рублей! Почему же гг. публицисты, нападая на громадное, будто бы, жалованье членамъ управъ, ни слова не говорятъ о полутора тысячахъ, дѣйствительно ужь напрасно расточаемыхъ на этихъ, вѣчно праздныхъ помѣщиковъ, мечтающихъ, будто и они какое-то общественное дѣло дѣлаютъ, безпрестанно спрашивая сенатъ, можно ли, или нельзя имъ драть розгами предсѣдателей управъ и даже почетныхъ мировыхъ судей? Бѣда заключается не въ преобладаніи крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ удивительномъ равнодушіи, даже какъ будто презрѣніи большинства къ дѣламъ общественнымъ. Управы тратятъ *хозяйственнымъ способомъ* десятки тысячъ рублей, отчетовъ никакихъ не представляютъ, и книги ведутъ кое-какъ, а гг. ревизоры-гласные только посмѣиваются, и, махнувъ рукой, заказываютъ новыя мѣропріятія. Года два тому назадъ, изъ города Дмитрова (Московск. губ.) писали, что когда на вопросъ предсѣдателя собранія: «акуратно ли посѣщаютъ крестьянъ земскіе врачи», одинъ изъ старшинъ отвѣчалъ: «въ полтора года, ваше высокородіе, только разъ и изволили быть», то всѣ гласные разразились неудержимымъ хохотомъ, хотя бы, повидимому, смѣяться-то ровно нечему было. При такихъ весельчакахъ-контролерахъ гг. членамъ, разумѣется, служить весело, и они бы, конечно, тотчасъ согласились на убавку своего жалованья, лишь бы только ревизоры, при провѣркѣ ихъ потѣшныхъ отчетовъ, постоянно хохотали. Впрочемъ, бѣда невелика, если и не всѣ члены хохочутъ: предсѣдатель всегда съумѣетъ впору такъ строго прикрикнуть на неумѣстно серьёзныхъ членовъ, что и они сочтутъ за лучшее умолкнуть, и даже улыбнуться изъ приличія. Предсѣдатели наши очень хорошо знаютъ, что публика наша труслива до невѣроятности, и потому вездѣ держатъ себя одинаково, положительно отвергая рѣшеніе вопросовъ по большинству голосовъ. Фраза: «я такъ хочу!», «я такъ желаю!», замѣняетъ у насъ все, и никто противъ нея возражать не смѣетъ, хотя бы несогласныхъ съ мнѣніемъ предсѣдателя числилось двѣ трети голосовъ. Предсѣдатели очень хорошо знаютъ, что у насъ еще покуда—кто первый палку взялъ, тотъ и капралъ, а потому они и дѣйствуютъ постоянно такъ, чтобы каждый умственнымъ окомъ замѣчалъ въ ихъ рукахъ присутствіе палки: въ этомъ только и заключается вся хитрость русскаго *самоуправленія*. Недавно описанный въ газетахъ разборъ одного дѣла въ касимовскомъ мировомъ съѣздѣ доказываетъ, что предсѣдатели судебно-мировыхъ учрежденій тоже начинаютъ понимать, что съ подсудимыми, въ особенности

изъ крестьянъ, много деликатничать нечего, а выгоднѣе всего поступать согласно съ поговоркой: «кто первый палку взялъ». Касимовскій майоръ Мельгуновъ сгоряча отдулъ крестьянина Щербакова, и когда мировой судья приговорилъ майора къ аресту, то дѣло перешло, по апеляціи, на мировой съѣздъ. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это замѣчательное засѣданіе: «вечернее засѣданіе, слѣдовательно, довольно яркое освѣщеніе отъ большаго числа свѣчей; многочисленная и разнообразная публика, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящая за ходомъ дѣла; большое число мировыхъ судей въ золотыхъ цѣпяхъ и шитыхъ мундирахъ, а предсѣдательствующій въ гусарскомъ мундирѣ и въ орденахъ. Среди такой, можно сказать, великолѣпной обстановки, сиротливо стоялъ тщедушный и изнуренный, въ лаптяхъ, проситель Щербаковъ. Когда его ввелъ судебный приставъ за рѣшотку, еще до выхода суда, онъ робко, боязливо озирался и взглядывалъ на своего повѣреннаго г. Кочукова, который всячески старался его успокоить.

Предсѣдательствующій (крестьян. Щербакову). Встань!

Тотъ суетливо вскочилъ.

Предсѣдательствующій (повѣренному Кочукову). Г. защитникъ, что вы можете сказать *въ оправданіе крестьянина Щербакова?* (Читатель не долженъ забывать, что именно этого крестьянина и отдулъ майоръ Мельгуновъ).

Повѣр. Кочуковъ. Я не защитникъ, а повѣренный крестьянина Щербакова и частный обвинитель г. майора Мельгунова.

Г. Кочуковъ сначала объяснилъ составъ преступленія, въ которомъ обвиняется г. Мельгуновъ, затѣмъ разсказалъ вкратцѣ исторію самоуправства на Руси, и перешелъ къ обвиненію. Когда г. Кочуковъ коснулся выраженій, допущенныхъ г. Мельгуновымъ въ своемъ апеляціонномъ отзывѣ, что «судья отнесся къ дѣлу довольно пристрастно», предсѣдательствующій сказалъ: это не идетъ къ дѣлу.

Кочуковъ. Очень идетъ. Я прошу ваше замѣчаніе внести въ протоколъ.

Предсѣдательствующій. Съѣздъ отказываетъ вамъ, и не внесетъ въ протоколъ вашихъ словъ.

Кочуковъ. Я это выставляю на видъ для того, чтобы лучше охарактеризовать личность г. Мельгунова, который дозволилъ себѣ оскорбить мироваго судью на бумагѣ, поданной въ съѣздъ мировыхъ судей. Каковъ же онъ долженъ быть въ деревнѣ съ крестьянами! Впрочемъ, вы можете не вписать въ протоколъ, а я васъ объ этомъ прошу въ третій разъ.

Предсѣдательствующій. Это не идетъ къ дѣлу.

Кочуковъ. Ну, какъ вамъ угодно. (!)

Судъ удалился для постановленія приговора, и, возвратясь въ залъ засѣданія, объявилъ такой приговоръ: на основаніи 142 ст. 2 и 6 п. 13 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд., г. Мель-

гунова выдержать въ Рязани на военной гауптвахтѣ семь дней.

Предсѣдательствующій (крестьянину Щербакову). Доволенъ ли ты рѣшеніемъ?

Щербаковъ не знаетъ, что̀ отвѣчать.

Г. Кочуковъ (предсѣдательствующему). Позвольте мнѣ получить копію съ протокола и рѣшенія.

Предсѣдательствующій (не отвѣчая г. Кочукову, къ Щербакову). Доволенъ ли ты рѣшеніемъ?

Г. Кочуковъ (предсѣдательствующему). Позвольте мнѣ получить копію съ протокола и рѣшенія.

Предсѣдательствующій (опять, не отвѣчая г. Кочукову, къ Щербакову настоятельно). Доволенъ ли ты рѣшеніемъ?

Щербаковъ молчитъ.

Г. Кочуковъ (предсѣдательствующему). Позвольте мнѣ получить копію съ протокола и рѣшенія.

Предсѣдательствующій. Можете.

Впрочемъ, этимъ не ограничились непріятности *подсудимаго.* «Надо замѣтить — продолжаетъ корреспондентъ, — что гораздо прежде этого судебнаго засѣданія, вскорѣ послѣ произнесенія г. мировымъ судьею обвинительнаго противъ г. Мельгунова приговора, мѣстный посредникъ, г. Оленинъ (онъ же и предсѣдатель съѣзда) подвергнулъ Щербакова аресту за какую-то провинность, а между тѣмъ, во время ареста, семья Щербакова оставалась безъ хлѣба, и жена арестованнаго, съ четырьмя дѣтьми, вынуждена была побираться кой-чѣмъ въ Касимовѣ для прокормленія семьи, а чрезъ нѣсколько дней послѣ съѣзда, въ Касимовъ пришла вѣсть, что Щербаковъ, по распоряженію предсѣдательствовавшаго на съѣздѣ г. Оленина, занимающаго въ то же время и должность мироваго посредника,—былъ жестоко высѣченъ за какую-то новую вину, и послѣ экзекуціи немедленно арестованъ... Жена несчастнаго Щербакова пришла въ Касимовъ, и обратилась съ жалобою къ судебному слѣдователю. Теперь этому дѣлу данъ законный ходъ» и т. д.

Опять-таки и здѣсь вы видите, что статьи закона, какъ бы хорошо ни были онѣ составлены, сами по себѣ ничего еще не значатъ, а нужно сначала посмотрѣть, какъ онѣ будутъ примѣняться къ дѣлу. Въ судебныхъ уставахъ нигдѣ вѣдь не сказано, чтобы жалующійся, прибитый человѣкъ могъ называться подсудимымъ, нуждающимся въ оправданіи, а между тѣмъ, президентъ-гусаръ не стѣснился принять его за подсудимаго и порядкомъ напугать, дабы впередъ неповадно было съ мужицкимъ рыломъ соваться въ судъ правый и скорый. Выйдетъ опять-таки то, что̀ доказать требовалось: судебныя мѣста по закону устроены прекрасно, и для каждаго доступны, но на дѣлѣ, для громадной массы населенія, ихъ какъ будто и нѣтъ вовсе! Отпорютъ эдакимъ манеромъ одного, другаго, третьяго Щербакова,—четвертый-то ужь и самъ не пойдетъ въ

этотъ новый судъ, дѣйствительно *скорый*, но ужь никакъ не *правый*, тогда какъ въ одной только скорости, безъ правоты,— толку еще мало: и въ старинные годы существовалъ у насъ скорый, военный судъ, разрѣшавшій не болѣе, какъ въ 24 часа всякаго рода сложныя дѣла разстрѣливаніемъ или повѣшеніемъ.

Наше общество, по отношеніямъ его къ дѣламъ публичнымъ, требующимъ строгаго общественнаго контроля, покуда напоминаетъ еще собою того веселаго господина, изображеннаго у Беранже, который при самыхъ даже сквернѣйшихъ обстоятельствахъ «да ну ихъ! говоритъ. Вотъ, говоритъ, потѣха!» и т. д. Благодаря такому обстоятельству, положеніе нашихъ публичныхъ дѣятелей какое-то особенное, очень оригинальное: онъ только недѣльки двѣ-три по вступленіи въ должность, по непривычкѣ, чего-то какъ будто стѣсняется, а потомъ и самъ замѣчаетъ, что стѣсняться-то нечего; что онъ освобожденъ и отъ чиновничьяго контроля, какъ не чиновникъ, и отъ общественнаго контроля, потому что отъ этихъ контролеровъ только и слышитъ возгласы: «Вотъ, говорятъ, потѣха!

— Ей-ей, умремъ отъ смѣха!»

Безпокоютъ подчасъ нашего общественнаго дѣятеля литераторы-обыватели, играющіе незавидную роль мушкары въ прелестный, безоблачный лѣтній день, но, вопервыхъ, отъ мухъ и мушкары придуманы средства (на всероссійской мануфактурной выставкѣ даже машина такая была подъ названіемъ «мухомахалка»), вовторыхъ, наслаждающійся природою человѣкъ легко можетъ дойти до такого состоянія, при которомъ мушкара дѣлается совершенно незамѣтной. Такими-то вотъ способами образовалась у насъ такъ-называемая *лежачая магистратура*, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ обозрѣніи. Не трудно замѣтить, что наши мировые судьи, какъ участковые, такъ и почетные очутились въ такомъ завидномъ положеніи, о которомъ, быть можетъ, прежде и сами не мечтали. Содержаніе отпускается хорошее, вліяніемъ пользуются громаднымъ, потому что судья можетъ всякаго встрѣчнаго оштрафовать, засадить подъ арестъ, даже разорить окончательно, а ошибаться имѣетъ право безгранично. Если, напримѣръ, у судьи изъ сотни рѣшеній девяносто-пять окажутся послѣ ошибочными, то и въ такомъ случаѣ судьѣ вреда никакого нѣтъ. Вопервыхъ, изъ девяноста-пяти неправильныхъ рѣшеній, по свойству тяжущихся, наружу можетъ выплыть только какой-нибудь десятокъ (громадное большинство приговоренныхъ, напримѣръ, къ аресту, правильно или неправильно, идетъ подъ арестъ съ наслажденіемъ), а остальной десятокъ если и выплыветъ наружу, то судьѣ это нипочемъ, потому что нигдѣ не сказано, сколько дѣлъ онъ обязанъ рѣшать правильно, сколько неправильно. Въ цѣломъ рядѣ статей «Судебнаго Вѣстника» «Объ отвѣт-

ственности судей», къ которымъ мы отсылаемъ своихъ читателей, предметъ этотъ разобранъ подробно и основательно. Въ одной изъ этихъ интересныхъ статей говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Для предположенія, что хотя судья своими неправильными рѣшеніями и доказываетъ свое невѣдѣніе права, но его слѣдуетъ считать хорошимъ судьею,—нѣтъ имени на языкѣ юридическомъ. Это предположеніе есть крайность идеализма, для которой развѣ римскій соборъ епископовъ могъ бы придумать приличное названіе».

А между тѣмъ, дальше положительно доказывается, что непогрѣшимость мироваго судьи у насъ на практикѣ существуетъ въ полной силѣ и, что, слѣдовательно, на Римъ намъ кивать нечего: тамъ одинъ только старикъ папа считаетъ себя непогрѣшимымъ, а у насъ въ каждомъ уѣздѣ сидитъ по нѣскольку такихъ *непогрѣшимыхъ*. Литературныя обличенія въ данномъ случаѣ тоже дѣйствуютъ весьма слабо, въ особенности, если губернія обозначается буквою Z, а уѣздъ иксомъ; въ случаѣ же дерзкаго указанія на губернію, каждый изъ непогрѣшимыхъ всегда имѣетъ возможность объявить въ газетахъ, что опубликованнаго случая нигдѣ никогда не было и, что мерзавецъ вретъ, а, чтобы впередъ не вралъ, то подъ судъ его! Оправдываться русскому публицисту, при существующихъ у насъ законахъ о печати (напоминающихъ французскіе, которые тамъ, вѣроятно, скоро ужь измѣнятся, очень затруднительно. Непремѣнно ужь что-нибудь одно изъ двухъ: если публицистъ не можетъ доказать сказаннаго, то онъ клеветникъ, если можетъ доказать — то оскорбитель, а наказанія и за то и другое одинаково нелегкія: штрафъ и казематъ, штрафъ и военная гауптвахта или, наконецъ, въ самомъ счастливомъ случаѣ — одинъ только штрафъ. Очень естественно, что, при подобныхъ условіяхъ, и самый ярый публицистъ рано-поздно присоединится къ партіи епископовъ, признавшихъ папу непогрѣшимымъ! Такимъ-то манеромъ, все у насъ, признанное закономъ гласнымъ, черезъ годъ дѣлается полугласнымъ, а года черезъ два превращается и совсѣмъ въ безгласное и сами мировые судьи въ глухихъ мѣстахъ начинаютъ понимать, что они—тѣ же уѣздные судьи старыхъ временъ, только въ положеніи несравненно лучшемъ: прежніе судьи недостаточность жалованья принуждены были пополнять сторонними доходами, а нынѣшніе могутъ пополнять и безъ всякой надобности въ деньгахъ. Поѣздите сами, читатель, по глухимъ мѣстамъ и прислушайтесь къ молвѣ народной. Тамъ вы узнаете, что въ народѣ уже успѣли сложиться прочныя убѣжденія въ непогрѣшимости предъ *мировымъ* каждаго богатаго подрядчика и въ виновности нанимающагося. Если вы не полѣнитесь посидѣть часа два, не выпуская изъ виду подъѣзда въ квартиру мироваго судьи, то непремѣнно увидите весело сбѣгающихъ съ лѣстницы разбитныхъ, чистенько одѣтыхъ

малыхъ и за ними печальныя фигуры оборванныхъ, босыхъ, почесывающихъ затылки, людей. Никогда не ошибетесь, если предположите, что разбитная фигура получила полное удовлетвореніе, а мрачная фигура приговорена къ штрафу и спускается съ лѣстницы подъ вліяніемъ вѣжливой, неслыханной еще фразы: «довольны ли вы рѣшеніемъ? Если недовольны... и проч...» Нерѣдко вы слышите также и похвалы гг. непогрѣшимымъ, но похвалы эти высказываются, въ большей части случаевъ, въ формѣ весьма условной: «Этотъ-де ничего, такъ себѣ, почище будетъ прежняго-то, только ужь *мировиха-то* у него больно *тово...*» Подъ именемъ *мировихъ* слывутъ въ народѣ жены мировыхъ судей, которыя въ иныхъ мѣстахъ, по старому обычаю, тоже принимаютъ нѣкоторое участіе въ общественномъ самоуправленіи. Такимъ-то образомъ, все у насъ, до чего ни коснись, быстро получаетъ совершенно особый, часто вовсе неожиданный оттѣнокъ, какой иной разъ случается наблюдать неаккуратному химику, когда онъ вольетъ анализируемый растворъ въ нечисто-отмытую реторту. По соображеніямъ химика, растворъ въ ретортѣ долженъ бы оставаться прозрачнымъ, безцвѣтнымъ, но онъ вдругъ дѣлается мутнымъ, желтовато-бурымъ, потому что въ ретортѣ, по оплошности химика, оказались остатки сѣроводорода. При предполагаемомъ общественномъ контролѣ, и всѣ наши новѣйшія учрежденія должны бы оставаться свѣтлыми, прозрачными, какъ анализируемая жидкость; но всѣ они, къ величайшему изумленію наблюдателя, немедленно окрашиваются повидимому вовсе въ несвойственный имъ цвѣтъ, именно потому, что у насъ, если съ недавняго времени и существуетъ контроль, то единственно государственный только, а общественнаго покуда нѣтъ; неизбѣжнымъ же послѣдствіемъ его отсутствія является то обстоятельство, что у насъ каждое учрежденіе, каждое отдѣльное чиновное лицо считаетъ себя непогрѣшимымъ, какъ римскій папа. Припомните, напримѣръ, только что закрытую мануфактурную выставку, т.-е. собственно коммисію экспертовъ, правильный и безпристрастный судъ которыхъ имѣлъ бы большое вліяніе на успѣхъ будущихъ выставокъ. У насъ выставки представляютъ собою такую еще новость, что нужно было всевозможныя мѣры къ тому, чтобы поощрить и привлечь экспонентовъ, которые еще какъ-то дичатся выступать на показъ, а, между тѣмъ, что̀ сдѣлала наша секретная выставочная коммиссія? Она, повидимому, употребила всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы разогорчить экспонентовъ и отбить у нихъ всякую охоту являться впредь на выставки! Еще задолго до закрытія, «Листокъ выставки» заявлялъ, что болѣе 200 экспонентовъ подали прошенія министру финансовъ о неправильномъ присужденіи экспертною коммисіею наградъ, съ просьбой о назначеніи новой экспертизы. Прошеніе это, какъ видно, не было уважено, потому что, вслѣдъ за объявленіемъ наградъ, на нѣкоторыхъ витринахъ

стали появляться слѣдующія объявленія экспонентовъ: «За присужденную мнѣ экспертизою премію я остаюсь искренно благодаренъ, но отъ самой преміи отказываюсь», или въ родѣ слѣдующаго заявленія, поступившаго отъ московскаго шоколаднаго фабриканта Сіу: «Въ 1865 году, на московской выставкѣ, производство наше, которое не было тогда далеко столь значительно, какъ нынѣ, удостоилось серебряной медали. Если коммисія присудила одному изъ нашихъ московскихъ соперниковъ серебряную медаль за *хорошіе конфекты и шоколадъ*, то на какомъ основаніи назначена намъ бронзовая медаль за *очень хорошіе конфекты и шоколадъ*, и тогда какъ та же коммисія присудила другому петербургскому фабриканту такую же бронзовую медаль за *довольно хорошій шоколадъ*. Очевидно, что таковое рѣшеніе должно считаться ошибочнымъ или пристрастнымъ, и мы не можемъ не возразить. Возрастающее требованіе на наши продукты и значительность нашей фабрикаціи налагаютъ на насъ обязанность отказаться отъ бронзовой медали: *принимать такую награду, значило бы, съ нашей стороны признать превосходство нашихъ соперниковъ, противъ чего мы сильно протестуемъ*.

Результатъ получился опять-таки неожиданный, вовсе не тотъ, какого ожидали. Хлопотали о выставкѣ, дѣлали на нее значительныя затраты вовсе, разумѣется, не для того, чтобы доставить удовольствіе празднымъ петербургскимъ фланерамъ, какъ предполагали нѣкоторые наивные художественные обозрѣватели, а съ цѣлью болѣе серьёзной. Посредствомъ выставки хотѣли возбудить соревнованіе между фабрикантами, а возбудили только лишь злобу, зависть и сгоряча вырвавшуюся клятву: «нога моя никогда не переступитъ порога выставки!» Точно этого и добивались!

Много бы я могъ привести примѣровъ, какъ у насъ изъ самыхъ благихъ предпріятій результаты получаются прескверные, но на этотъ разъ ограничусь однимъ, очень рѣзкимъ, хотя очень не рѣдкимъ: какъ вновь пріобрѣтенныя права превращаются въ невыносимое бремя. Бронницкое земское собраніе, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разумѣется, въ видахъ облегченія крестьянъ, переложило дорожную повинность въ денежную. Деньги крестьянами и за нынѣшній годъ были внесены, по обыкновенію, аккуратно, потому что на переложеніе ими же самими и желаніе было заявлено, но, ко всеобщему изумленію, вдругъ полиція, по распоряженію земской управы, потребовала всѣхъ исправныхъ плательщиковъ на участокъ дороги съ подводами и лопатами. Крестьяне, по обычаю, повиновались безпрекословно, выѣхали изъ деревень лагеремъ, починили дорогу, а объ употребленіи управою тѣхъ денегъ, которыя заплатили взамѣнъ натуральной повинности, по обыкновенію, не спросили. Такимъ образомъ, вмѣсто одной, натуральной повинности, очутилось теперь двѣ: и старая натуральная, и новая де-

нежная, и добились они такихъ благопріятныхъ результатовъ единственно потому, что партія ихъ на собраніи имѣла перевѣсъ, какъ количественный, такъ и качественный. Спрашивается, какая-же выгода бронницкимъ мужикамъ, что они пользуются новыми правами? (Подробности объ этомъ происшествіи см. въ «Русск. Вѣд.»).

Безспорно, имѣть какія-нибудь права несравненно лучше, чѣмъ не имѣть никакихъ, но, тѣмъ не менѣе, необходимо еще умѣнье ими пользоваться, иначе пропадутъ они безслѣдно, какъ богатое наслѣдство у глупаго купеческаго сынка, котораго держали все взаперти, выдавали по полтиннику на гулянья, а потомъ вдругъ надѣлили тысячами. Не даромъ существуетъ поговорка: глупому сыну не впрокъ и богатство. Хотя права, данныя нашему народу, грѣшно сравнивать съ богатымъ купеческимъ наслѣдствомъ, да и самый народъ, если и можно съ кѣмъ сравнить, то ужь никакъ не съ купчикомъ-мотомъ, а, скорѣе, съ запуганнымъ чувашаниномъ, который каждую копейку, по недовѣрію ко всему окружающему, зарываетъ въ землю, но тѣмъ не менѣе однако мысль о неумѣньѣ пользоваться полученнымъ остается безъ опроверженія, опираясь на многочисленные факты. Новыя права въ рукахъ неумѣлыхъ—то же самое, что знаменитое международное право, о которомъ возбуждаются споры обыкновенно въ то время, когда цѣлыя, громадныя массы народа начинаютъ рѣзню не на животъ, а на смерть. Правою здѣсь всегда признается та сторона, которая бьетъ, а виноватою—которую бьютъ, т.-е. слабѣйшая, хотя бы и не по количеству.

Такъ-какъ однородныя причины производятъ одинаковыя послѣдствія, то и отъ городоваго положенія, въ особенности въ первое время, мы не можемъ ожидать для себя ничего утѣшительнаго, тѣмъ болѣе не можемъ, что положеніе это отчасти уже дѣйствовало въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и мы уже его видѣли въ примѣненіи къ практикѣ. Впрочемъ, введеніе «Городоваго Положенія» во всѣхъ городахъ тѣмъ уже окажетъ несомнѣнную пользу, что оно послужитъ новымъ шагомъ къ такъ-называемому *слiянiю сословiй*, которое, несмотря на безпрерывныя реформы, идетъ не такъ быстро, какъ бы хотѣлось. Дворянское сословіе, какъ отдѣльная корпорація (называемая встарину шляхетнымъ корпусомъ), не по днямъ—по часамъ теряетъ свое значеніе и все болѣе и болѣе сливается съ другими сословіями, слывшими еще не такъ давно *подлыми*. Земское и Городовое Положенія окончательно уничтожаютъ различіе между «благороднымъ» дворянствомъ и «подлыми», какъ городскими, такъ и сельскими обывателями, такъ что отличіе остается одно, да и то, вѣроятно, на время только: свобода отъ рекрутской повинности. Я говорю «на время только» въ томъ предположеніи, что послѣ прусскаго погрома, въ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ сокрушившаго силь-

ное государство, опиравшееся на армію, поневолѣ всѣмъ ближайшимъ сосѣдямъ Пруссіи приведется позаимствовать ея систему поголовнаго вооруженія. Хотя наши криминалисты-газетчики гг. Чебышевъ-Дмитріевъ съ Лохвицкимъ, защищая, какъ истые пруссаки, прусскаго короля и его систему, стараются убѣдить всѣхъ и каждаго въ совершеннѣйшей безопасности для насъ Пруссіи и, вообще, Германіи, которая, будто бы, вдвое слабѣе Россіи, такъ-какъ въ ней народу вдвое меньше, но мы давно ужь горькимъ опытомъ убѣдились, что какъ въ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ количество ничего еще не значитъ. Мы помнимъ, что наканунѣ Наполеоновскаго паденія затѣянъ былъ такъ-называемый плебисцитъ, и что огромная масса населенія по этому плебисциту оказалась на сторонѣ императора, а между тѣмъ онъ съ самаго начала войны поступалъ такъ, будто его выгнали; слѣдовательно на количество разсчитывать нельзя. Очень не мудрено, что сосѣднія съ Пруссіей державы, вынужденныя необходимостью, и у себя потянутъ всѣхъ лавочниковъ, прикащиковъ и буфетчиковъ подъ ружье; ничего нѣтъ мудренаго, что и у насъ, какъ *благородныя*, такъ и *подлыя* сословія принуждены будутъ прежде всего учиться стрѣльбѣ въ цѣль, но я удивляюсь, чему же тутъ криминалисты-то наши обрадовались? Казалось бы юристамъ-газетчикамъ слѣдовало бы хлопотать о распространеніи въ нашемъ, еще диковатомъ обществѣ, правильныхъ юридическихъ понятій, если предположить, что отъ распространенія юридическихъ понятій общество дѣйствительно становится менѣе дикимъ, а они, между тѣмъ, прутъ совсѣмъ въ другую сторону: они стараются доказать, что намъ во всемъ нужно брать примѣръ съ Пруссіи, любить ее и уважать. Положимъ, почему же не любить и не уважать сильную, богатую, просвѣщенную державу, почему и не позаимствовать намъ отъ нее кое чего хорошенькаго, но не трудно догадаться, что позаимствовать на первый разъ придется именно ея военную систему, а всѣ другія позаимствованія отложить до болѣе благопріятнаго времени, такъ-какъ, по нашей бѣдности, на все денегъ не хватитъ. Даже и теперь уже мы начинаемъ встрѣчать въ газетахъ извѣстія довольно страннаго свойства, заставляющія крѣпко призадуматься, напримѣръ:

Намъ пишутъ изъ Петрозаводска: «Надняхъ, на городскихъ столбахъ мы прочитали оригинальное объявленіе: «Мировой судья города Петрозаводска объявляетъ, что, *за неполученіемъ содержанія* по должности, онъ вынужденъ заняться частнымъ трудомъ, а подому всякое мировое разбирательство отлагается *на неопредѣленное время*».

Дѣло-то, какъ видите, грязное, а между тѣмъ много ли еще можно было сдѣлать позаимствованій отъ послѣдней, еще неоконченной войны? Отъ французовъ позаимствованы картечницы, которыя у насъ не такъ разгорячаются, какъ у францу-

зовъ, а, изъ подражанія просвѣщеннымъ прусскимъ офицерамъ, позволено и нашимъ офицерамъ носить чрезъ плечо кожаную сумку для картъ и трубки, т.-е. для географическихъ картъ, которыми такъ искусно пользуются прусскіе офицеры, и для зрительной, а не курительной трубки. Это еще самыя первыя, самыя необходимыя и ничуть неразорительныя нововведенія, вызванныя прусскимъ военнымъ могуществомъ, а сколько ихъ еще неизбѣжно послѣдуетъ въ скоромъ времени и во сколькихъ городахъ, быть можетъ, появятся объявленія о томъ, что, *за неполученіемъ содержанія, всякое мировое разбирательство отлагается на неопредѣленное время?* Впрочемъ, нашей судебной газетѣ и дѣла до этого нѣтъ: благоденствовалъ бы только Бисмаркъ, да прусская военная система, а тамъ хоть всѣ судебныя мѣста закройся! Кстати ужь и газету можно будетъ сдѣлать изъ полусудебной чисто военною; тѣмъ болѣе кстати, что съ будущаго года, говорятъ, петербургскіе присяжные повѣренные задумываютъ издавать свою газету, настоящую судебную, безъ всякой бисмарковщины.

Д.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

Внутреннія войны не перестаютъ изнурять насъ.

Едва замолкла побѣдная труба въ Рыбинскѣ, какъ зловѣщій кликъ ея уже раздается въ Петербургѣ, на балконѣ Загороднаго театра.

Два кровопролитныхъ сраженія имѣли мѣсто, и оба скорѣе походили на бойню, нежели на столкновенія цивилизованныхъ и уважающихъ другъ друга сторонъ.

Существовала ли связь между военными дѣйствіями, происходившими почти одновременно въ двухъ разныхъ пунктахъ нашего отечества, а также имѣли ли эти дѣйствія какое-нибудь отношеніе къ борьбѣ, совершающейся нынѣ между Германіей и Франціей — это извѣстно одному Богу.

Нельзя, конечно, предполагать, чтобъ исторія когда-нибудь не раскрыла этой связи, но мы еще слишкомъ близки къ событіямъ, чтобы ясно видѣть неуловимыя нити, заключающія въ себѣ дѣйствительный смыслъ совершившихся фактовъ.

Итакъ, покоримся закону природы, въ неисповѣдимости своей положившему предѣлы человѣческой проницательности, и занесемъ въ нашу хронику фактъ въ томъ сыромъ видѣ, въ какомъ его сообщили намъ газетныя реляціи.

Существенная черта обоихъ подвиговъ заключается въ томъ, что оба не имѣли въ виду никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Основа была чисто нравственная: въ одномъ случаѣ — оскорбленное чувство чинопочитанія, въ другомъ — врожденное

чувство гадливости, которое, въ нашемъ обиходѣ, формулируется такъ: «не могу я равнодушно этого человѣка видѣть!» или: «такъ и зудятъ у меня кулаки, какъ взгляну я на эту богопротивную морду!».

Первый случай происходилъ въ послѣднихъ числахъ іюля (быть можетъ, въ тотъ самый день, какъ французы заняли Саарбрюкенъ); въ городѣ Рыбинскѣ, въ гостиницѣ Соболева. Положеніе воюющихъ державъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: съ одной стороны «пріѣзжій генералъ» съ двумя союзниками — полковникомъ «изъ путейцевъ» (въ рукахъ его былъ чубукъ, которымъ онъ дѣйствовалъ совершенно такъ, какъ бы это былъ Шасспо) и какимъ-то офицеромъ; съ другой стороны — студентъ, одинъ безъ союзниковъ. Было поздно; генералъ съ союзниками только что поужиналъ; студентъ тоже «что-то съѣлъ», и, въ ожиданіи сдачи, надѣлъ фуражку, сбираясь уйти (онъ тоже имѣлъ въ рукахъ палку, которая, впослѣдствіи, замѣнила ему игольчатое ружье). Этой ничтожной причины (т.-е. фуражки на головѣ), было достаточно, чтобы произвести кровопролитіе.

Странно играетъ судьба людьми. Не существуй на свѣтѣ гостиница Соболева — не было бы кровопролитія. Не существуй на свѣтѣ генераловъ — тоже не было бы кровопролитія. Но тутъ оба зла соединились вмѣстѣ, и битва произошла.

Объявилъ войну генералъ. Онъ понадѣялся на союзниковъ, и кромѣ того, имѣлъ слишкомъ преувеличенное понятіе о своихъ собственныхъ силахъ. «Подчиненные меня боятся», сказалъ онъ себѣ, «начальники любятъ: дай-ка попробую, какой взглядъ имѣютъ на меня совсѣмъ посторонніе люди». И сказавъ это, назвалъ студента «скотиною». Студентъ, повидимому, былъ застигнутъ этимъ эпитетомъ въ расплохъ, но принялъ бой съ готовностью. Рѣшившись на такое рискованное дѣло, какъ возвращеніе генералу, въ виду окружавшихъ его союзниковъ, эпитета «скотина», онъ выказалъ не только несомнѣнную храбрость, но и тонкій разсчетъ. Зная, что генералъ и его союзники только что поужинали («выпили они изрядное количество шампанскаго», говоритъ корреспондентъ «Петербургскаго Листка»), онъ тотчасъ же сообразилъ, что удары этого войска, низведеннаго ужиномъ до степени иррегулярнаго, не могутъ быть ни мѣткими, ни цѣлесообразными. Однимъ словомъ, онъ разсчиталъ, что ежели, напримѣръ впередъ, генералъ пуститъ стаканомъ, то попадетъ не въ него, студента, а въ кого-нибудь посторонняго, который такимъ образомъ сдѣлается невольнымъ его союзникомъ. Послѣдствія оправдали эту тактику вполнѣ.

Едва успѣлъ «путеецъ» сбить съ студента фуражку, едва успѣлъ онъ въ свою очередь получить отъ студента отвѣтъ въ видѣ «классической пощечины» (таково было начало боя), какъ въ залу гостиницы вошелъ купецъ и вмѣсто того, чтобы быть скромнымъ зрителемъ побоища, началъ мирить враждующія сто-

роны. И что-жь! не успѣлъ онъ еще произнести слово мира и любви, какъ самъ моментально получилъ оплеуху.

Правильно ли получилъ купецъ оплеуху?—этотъ вопросъ разрѣшится лишь тогда, когда вообще установится твердый взглядъ на отношенія нейтральныхъ державъ къ воюющимъ сторонамъ. Что держава, объявившая себя нейтральною, не имѣетъ права оказывать дѣятельную помощь ни одному изъ воюющихъ—это, кажется, внѣ спора; но позволительно усомниться, чтобы можно было возбранить даже такое вмѣшательство, которое само себя ограничиваетъ цѣлями умиротворенія. Какъ бы то ни было, но неожиданность, постигшая рыбинскаго купца, доказываетъ, что положеніе миротворцевъ не всегда бываетъ блестящимъ.

Разсчетъ студента оказался вѣрнымъ. Едва получилъ купецъ оплеуху, какъ изъ миротворца онъ сдѣлался борцомъ и натурально сталъ на сторону менѣе сильнаго. Въ одно мгновеніе ока вырвалъ онъ у «путейца» его Шасспо̀, и началъ лупить имъ враждебную армію по головамъ...

Замѣтьте, однако жь, какой, съ божьею помощью, оборотъ! За минуту, студентъ былъ одинъ; теперь — ихъ ужь двое. При этомъ: оба они не «ужинали», оба горятъ нетерпѣніемъ сразиться, и оба обладаютъ превосходнымъ оружіемъ, тогда какъ противная армія, хотя все еще превосходитъ численностью, но уже деморализирована шампанскимъ и обезоружена!

Въ такомъ положеніи дѣла, генералу приходитъ счастливая мысль: онъ схватываетъ стаканъ и пускаетъ имъ впередъ. Но, увы! рука его не можетъ дѣйствовать съ тою мѣткостью, съ какой дѣйствуетъ рука человѣка неужинавшаго. Вмѣсто того, чтобы попасть въ врага, генералъ попадаетъ въ людей совершенно постороннихъ, а именно въ артистовъ мѣстнаго театра: Д—ва и А—скаго. Опять оправдался разсчетъ студента. Д—въ и А—скій, въ качествѣ невинныхъ, немедленно становятся въ ряды его союзниковъ и направляютъ свои удары на генерала. «Полетѣли бутылки, тарелки, стулья»...

Но бутылки летали зря и попадали въ «остальныхъ» гостей. «Остальные» гости тоже не выдержали нейтралитета, и начали общую свалку. Явилась прислуга, но понесла такія потери, что вынуждена была ретироваться. «Физіономія генерала», говоритъ корреспондентъ, «изображала карту англійскихъ желѣзныхъ дорогъ». Ясно было, что онъ долго не выдержитъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ изнемогъ. Удрученный, но съ достоинствомъ и безропотно, генералъ отдалъ себя въ плѣнъ извощику, который и привезъ его благополучно на квартиру.

Такъ кончилось достославное дѣло въ Рыбинскѣ.

12-го августа (въ самый день оставленія французами Шалона), оно уже нашло себѣ отголосокъ въ Петербургѣ, на балконѣ Загороднаго театра. Здѣсь два гостя били третьяго, били, въ теченіе одного вечера, три раза и притомъ въ трехъ мѣ-

стахъ (на балконѣ, въ саду и въ буфетѣ), хотя вся арена войны была на столько ограничена, что совершенно легко было сосредоточить кампанію въ одномъ мѣстѣ. Только доведенная до утонченности страсть къ маршамъ и контрмаршамъ можетъ объяснить эволюціи союзной арміи. Едва успѣлъ побитый освободиться изъ однѣхъ рукъ, какъ его тотчасъ же приняли вторыя руки; едва успѣлъ освободиться отъ вторыхъ, какъ его опять приняли первыя. Словомъ, человѣкъ, съ божьею помощью, въ одинъ вечеръ имѣлъ и свой Виссамбургъ, и свой Гравелоттъ, и свой Седанъ...

Замѣчательно, что побитый первоначально имѣлъ троихъ союзниковъ, но всѣ они тотчасъ же объявили себя нейтральными. Посѣтители тоже держали строгій нейтралитетъ. Полиція? — но о полиціи ничего неизвѣстно: быть можетъ, она отсутствовала; быть можетъ, держала нейтралитетъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль мы пережили два потрясающихъ момента, изъ которыхъ въ одномъ (въ битвѣ при Загородномъ театрѣ) сосредоточились почти всѣ фазисы войны, на которую въ настоящее время обращены взоры Европы. Еще и еще разъ мы убѣдились, что нѣтъ и не будетъ у насъ недостатка въ мужахъ, доблестно сражающихся въ трактирахъ (это очень важно, ибо доказываетъ, что у насъ существуетъ своего рода landsturm); еще и еще разъ мы доказали самимъ себѣ, что нѣтъ той незащищенной крѣпости, на которую мы не ринулись бы со всѣмъ пыломъ отваги и самоотверженія...

БЕСѢДЫ ПО ПОВОДУ ПРУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ.

I.

Поклоненіе всѣхъ странъ въ Европѣ бывшей императорской Франціи. — Нынѣшніе огульные приговоры пруссофиловъ относительно французскаго народа. — Кто лучше: Наполеонъ или Бисмаркъ? — Можетъ ли Германія замѣнить собою для Европы Францію? — Отношеніе нейтральныхъ державъ къ войнѣ. — О нейтралитетѣ вообще и о томъ: совмѣстимъ ли онъ съ началами справедливости и нравственности?

Я боюсь, что война между Франціей и Пруссіей погубитъ Россію, погубитъ не потому, чтобы Россія нарушила свой нейтралитетъ, взялась за оружіе, подверглась такимъ же тяжелымъ испытаніямъ и несчастіямъ, какъ Франція, — о, нѣтъ, погубитъ другимъ, совершенно мирнымъ путемъ. Война эта внесла вражду и нестроенія въ нашу мирную жизнь, день ото дня все болѣе и болѣе подтачиваетъ нашъ семейный союзъ — одинъ, какъ извѣстно, изъ основныхъ союзовъ всякаго общества. Отецъ воз-

сталъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, мужъ на жену, жена на мужа, — и все это изъ того: кому сочувствовать — Франціи или Пруссіи? Кому желать побѣды? Не можемъ скрыть, что стороны, принимающія участіе въ этой внутренней междоусобицѣ, далеко не равны между собою по своимъ силамъ и численности. На сторонѣ Пруссіи стоятъ большею частію все тузы... Защиту Франціи ведетъ такъ себѣ... болѣе мелкота. Далѣе по мѣрѣ успѣховъ прусскаго оружія число пруссофиловъ ростетъ все болѣе и болѣе, число сторонниковъ Франціи уменьшается. Бѣдная Франція! Ударъ за ударомъ, одинъ другого тяжелѣе, сыплются на тебя на поляхъ сраженія; та же участь постигаетъ тебя и въ сердцахъ когда-то преданныхъ тебѣ россіянъ. Обворовали тебя твои министры-креатуры, погубили тебя своею враждою и неспособностію твои маршалы и генералы, измѣнилъ тебѣ въ самую критическую минуту твой императоръ, передавшись съ цѣлой арміею въ руки врага. Вѣримъ мы, что оттерпишься ты отъ всѣхъ ударовъ судьбы, тебя постигшихъ, мужественно перенесешь всѣ утраты и потери, растопчешь съ презрѣніемъ всѣхъ твоихъ измѣнниковъ и всѣ ихъ послѣды. Но достанетъ ли у тебя духу мужественно перенести вѣроломство родного твоего чада — Россіи?— Да, родного чада, которое ты питала и ростила впродолженіе болѣе полутораста лѣтъ и для котораго была всегда предметомъ обожанія, а въ то время (что скрывать?), когда была императорскою, еще болѣе чѣмъ когда-нибудь. Чьею жизнью, чьимъ умомъ мы жили, кого копировали во всемъ, начиная отъ послѣднихъ мелочей ежедневной жизни до высшихъ правительственныхъ соображеній и мѣръ? Я могъ бы еще и въ настоящую минуту указать безчисленное множество россійскихъ военныхъ и не военныхъ недорослей, носящихъ усы, которые закручиваютъ ихъ неиначе, какъ закручивалъ французскій императоръ. Я могъ бы назвать безчисленное множество законовъ, мѣропріятій, уставовъ правительственныхъ и разныхъ обществъ, которые цѣликомъ взяты изъ императорской Франціи и остаются дѣйствующими доселѣ. Да и одни ли мы? Мы только нѣсколько ревностнѣе другихъ, а то вся Европа присматривалась и прислушивалась къ тому, что̀ дѣлается во Франціи, цѣликомъ или съ нѣкоторыми видоизмѣненіями вводила то же самое у себя, удивлялась и поклонялась геніальной изобрѣтательности императора. Намъ представляютъ теперь Пруссію, какъ образецъ честной, мудрой и либеральной политики, въ противоположность Франціи!! Пощадите Бога ради! Но что̀ же такое Бисмаркъ, если не двойникъ Наполеона, кость отъ костей его, плоть отъ плоти? Чѣмъ отношенія Бисмарка къ прусской палатѣ депутатовъ лучше отношеній Наполеона къ законодательному корпусу? У кого предвосхитилъ Бисмаркъ пріемъ и методъ собиранія прусской земли, если у не Наполеона III? Чей геній носился надъ Бисмаркомъ, чья мудрость осѣняла его, когда онъ писалъ зна-

менитую конституцію Сѣверо-германскаго Союза, если не геній и мудрость Наполеона III? Правда, за Бисмаркомъ нѣтъ 2-го декабря 1851 года; правда, его полиція не слѣдила такъ зорко и ревниво за жителями страны. Но вѣдь и нужды къ тому не предвидѣлось. Поставьте Бисмарка с еди тѣхъ же партій, среди какихъ стоялъ Наполеонъ, посадит его на тотъ же волканъ, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, — и ученикъ далеко превзошелъ бы своего учителя.

И вотъ намъ говорятъ, что Франція въ теченіе 20 лѣтъ совершенно порабощена, развращена, до мозга костей испорчена деспотизмомъ Наполеона, что она стала никуда не годна, что ей не стоять болѣе во главѣ европейскаго прогресса, что ея историческое поприще въ этомъ отношеніи кончено, и что это свое міровое назначеніе она должна отнынѣ передать своей счастливой соперницѣ Пруссіи. Признаемся, мы не можемъ назвать это сужденіе иначе, какъ легкомысленнымъ. Какъ! Потому только, что Франція находилась 20 лѣтъ подъ деспотизмомъ Наполеона, она сдѣлалась развращена, испорчена и неспособна нести знамя прогресса! Но Франція никогда не несла ига Наполеона по своей волѣ. Она постоянно протестовала противъ лежавшаго на ней гнета, постоянно старалась свергнуть его, постоянно боролась. Если она развращена и испорчена, то насколько развращены и испорчены должны быть тѣ народы, которые, находясь внѣ власти Наполеона, свободно подчинялись ей, свободно заимствовали для себя измышляемые имъ законы и мѣры угнетенія? Кромѣ того, если Франція испортилась и сдѣлалась никуда негодною оттого, что 20 лѣтъ несла иго Наполеона, то что же сказать о другихъ народахъ Европы, которые несли и несутъ это иго гораздо подольше? Сколько времени страдала Италія подъ игомъ австрійца? Да и одна ли Италія... Даже свобода самой Пруссіи насколько превосходитъ такъ-называемое наполеоновское иго, да и превосходитъ ли еще? Люди, которые произносятъ огульные приговоры объ измѣльченіи, о развращеніи, о нравственномъ паденіи Франціи, не имѣютъ для этого никакихъ основаній кромѣ успѣховъ прусскаго оружія. Но успѣхи оружія могутъ зависѣть отъ тысячи случайностей, вообще никогда не могутъ доказывать умственнаго и нравственнаго превосходства побѣждающаго надъ побѣждаемымъ. Народы, взявшіе Парижъ въ 1814 году и низложившіе Наполеона I-го, стояли по своему образованію гораздо ниже французской націи. Они побѣдили только своею численностію. Этою же численностію, а также особенною военною организаціею монгольскія орды покорили безчисленные царства и народы, стоявшіе безконечно выше ихъ на ступеняхъ цивилизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣшніе успѣхи германской арміи *главнымъ образомъ* зависятъ отъ новой ея организаціи, увеличившей до громадныхъ размѣровъ ея численность. По Кольбу народонаселеніе всей Германіи состоитъ

почти изъ 38 мильйоновъ душъ обоего пола. Это народонаселеніе на одинъ Рейнъ выставило нынѣ гораздо болѣе 1.500,000; съ присоединеніемъ къ этому числу войскъ, держащихъ внутреннюю стражу, цѣлая армія въ настоящую минуту простирается вѣроятно далеко свыше 2.000,000. И это еще не все, что въ случаѣ нужды можетъ выставить Германія. По конституціи Сѣверо-Германскаго союза, на основіи которой преобразована военная часть, какъ извѣстно, и въ южныхъ германскихъ государствахъ, каждый германецъ обязывается нести собственно военную службу 7 лѣтъ, начиная съ 21 года возраста своей жизни по 27 включительно,—изъ этихъ семи лѣтъ 3 года служить въ строю, 4 въ резервѣ,—и сверхъ того 5 лѣтъ въ ландверѣ. Такимъ образомъ въ случаѣ нужды могутъ быть призваны на дѣйствительную службу всѣ возрасты отъ 21 года до 32 лѣтъ включительно. Если мы возьмемъ таблицу народонаселенія по возрастамъ, составленную академикомъ Буняковскимъ для Россіи, но которая приблизительно, безъ сомнѣнія, годится и для Германіи, и исчислимъ по ней количество германской арміи, то найдемъ слѣдующее. Число лицъ мужскаго возраста отъ 21 до 27 лѣтъ включительно въ 10,000 народонаселенія, по исчисленію Буняковскаго, простирается до 1,249 человѣкъ,—слѣдовательно въ 1.000,000 народонаселенія до 124,900 человѣкъ,—и слѣдовательно въ 19.000,000 мужскаго германскаго народонаселенія будетъ составлять 2.373,100 человѣкъ. Число лицъ мужскаго возраста отъ 28 до 32 лѣтъ включительно въ 10,000 народонаселенія простирается до 755 человѣкъ, слѣдовательно въ 1.000,000 народонаселенія до до 75,500 человѣкъ,—и слѣдовательно въ 19.000,000 мужскаго германскаго народонаселенія будетъ составлять 1.434,500 человѣкъ. Такимъ образомъ Германія въ случаѣ нужды можетъ выставить со включеніемъ резервовъ и ландвера армію въ 3.807,600 человѣкъ. Хотя въ сѣверо-германской конституціи сказано, что союзная армія въ военное время должна состоять не болѣе какъ изъ 1½%, много 2% всего народонаселенія, представленная же нами цифра содержитъ 10% всего народонасенія, но 2% со всего германскаго народонаселенія могутъ доставить армію всего съ небольшимъ въ 750 тысячъ человѣкъ. Что эта цифра давно вдвое, можетъ, втрое перейдена въ нынѣшнюю войну, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія,—и слѣдовательно положеніе о составленіи арміи въ военное время не болѣе, какъ изъ 1½% или много 2% всего населенія, не болѣе какъ пустыя слова! «Московскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ, что нѣмецкая армія не имѣетъ никакого сходства съ другими европейскими арміями,—это непросто армія, но вмѣстѣ и армія и народъ. По составу и численности своей германская армія весьма близко подходитъ къ арміямъ монгольскихъ ордъ, гдѣ на войну долженъ былъ идти всякій способный носить оружіе. Такую армію Пруссія употреб-

ляетъ не для защиты своей земли, но для вторженія въ страну непріятеля. Если и другіе народы, слѣдуя примѣру Германіи, образуютъ свои арміи изъ 10% населенія, чему конечно не замедлятъ послѣдовать, и будутъ съ ними, подобно Пруссіи, вторгаться въ земли своихъ враговъ, то ужасы походовъ Чингисхановъ, Батыевъ, Тамерлановъ и т. п. будутъ ничто въ сравненіи съ военными походами нашего просвѣщеннаго времени. Замѣчательно, что Пруссія, устроивъ свою армію по образцу кочевыхъ ордъ, усвоила себѣ и ордынскіе пріемы въ способѣ веденія войны. Вторгаясь въ землю непріятеля почти со всѣмъ составомъ своего народонаселенія, способнымъ носить оружіе, она вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ угрозою разстрѣлянія или по меньшей мѣрѣ каторжныхъ работъ, запрещаетъ непріятельскому народонаселенію защищать свое отечество, требуя чтобы съ нею сражалась только военная сила страны и, конечно, очень хорошо зная при этомъ, что эта военная сила образована не по ордынскому способу, какъ ея, а по доселѣ принятому европейскому способу образованія армій. Изъ главной квартиры короля, въ Клермонѣ, въ Артѣ, обнародована пруссаками на французскомъ языкѣ слѣдующая прокламація къ французскому народу: «главнокомандующій доводитъ до свѣдѣнія жителей округа, что *каждый плѣнный для того, чтобы считаться военноплѣннымъ*, долженъ оправдать свое званіе французскаго солдата, ясно доказавъ, что, въ силу приказанія, исходящаго отъ законной власти, онъ былъ призванъ подъ знамена и внесенъ въ списки какого-нибудь корпуса, сформированнаго французскимъ правительствомъ для войны; въ то же время, его качество военнаго, принадлежащаго къ дѣйствующей арміи, должно быть обозначено военными принадлежностями и мундиромъ, нераздѣльными съ этимъ званіемъ и могущими быть распознаваемыми простымъ глазомъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. *Лица, взявшіяся за оружіе и неудовлетворяющія которому нибудь изъ этихъ условій, не будутъ* считаться военноплѣнными; они будутъ судиться военнымъ судомъ и, въ случаѣ, если они не будутъ подлежать болѣе строгому наказанію за проступки, совершенные вооруженною рукою, будутъ подвергнуты десятилѣтней каторжной работѣ въ Германіи».

При такихъ пріемахъ, какіе употребляетъ въ войнѣ Пруссія, успѣхи ея оружія едва-ли могутъ свидѣтельствовать о высшемъ уровнѣ ея моральнаго развитія въ сравненіи съ Франціей. Въ нѣмецкихъ газетахъ много кричали о варварствѣ Наполеона, призвавшаго во французскія войска тюркосовъ. Но обмануть всю Европу, образовать свою армію вмѣсто законныхъ 2% изъ 10% населенія, вторгнуться съ этою арміею или, что то же, почти со всѣми способными носить оружіе въ странѣ, въ землю непріятеля, затѣмъ, вѣшать и разстрѣливать или ссылать въ каторжныя работы каждаго гражданина, который вздумаетъ за-

щищать свое отечество,—такое азіатское коварство и варварство не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ призваніемъ въ армію горсти тюркосовъ.

Вообще успѣхи нѣмецкаго народа въ нынѣшнюю войну могутъ внушить скорѣе антипатію, чѣмъ симпатію къ нему. Что касается до того, который изъ народовъ, помимо своей военной дѣятельности, гдѣ люди вообще не дѣйствуютъ иначе, какъ съ страстнымъ ослѣпленіемъ и увлеченіемъ, достоинъ болѣе симпатій — французскій или нѣмецкій, это рѣшить не легко. Вопросъ этотъ не совсѣмъ легокъ даже въ отношеніи къ двумъ представителямъ и истиннымъ виновникамъ этой войны—Наполеону III и Бисмарку. Оба эти мужа, какъ извѣстно, равно велики, равно достойны уваженія. И тотъ выдаетъ себя за друга свободы,—за друга свободы выдаетъ себя и другой. Одинъ началъ свое поприще 2-го декабря, другой собираніемъ нѣмецкой земли по образцу московскихъ князей. Одинъ разыгрываетъ роль гасконца цѣлой Европы, другой роль гасконца Германіи. Въ довершеніе всего и тотъ и другой считаютъ себя равно безсмертными, оказавшими услуги человѣчеству, достойныя вѣчной памяти. Въ этихъ видахъ одинъ самъ написалъ свою біографію, изобразивъ себя подъ именемъ новаго Цезаря; другой самъ сочинять не такой искусникъ, потому поручилъ изобразить себя нѣкоторому литератору Гезекіилю, который изъ усердія настрочилъ чуть не цѣлыхъ три тома «біографіи Бисмарка», украсивъ ихъ 40 прекрасными политипажами. «Жизнь Цезаря» во Франціи встрѣтила отпоръ суровый и жестокій; нѣкоторые за пасквили на нее поплатились даже ссылкою. Добродушные нѣмцы не пикнули при выходѣ «жизни» Бисмарка. Они, напротивъ, такъ довольны собирателемъ нѣмецкой земли, что раскупаютъ уже третье изданіе и, говорятъ, въ скоромъ времени послѣдуетъ дешевое изданіе этой книги для народа. Черта очень любопытная для характеристики политическаго и моральнаго состоянія двухъ народовъ!—Гдѣ же намъ взять вѣсы, чтобы правильно, безобидно раздѣлить наши симпатіи между этими двумя равно великими и безсмертными мужами? Какъ рѣшить: кто болѣе имѣетъ правъ на уваженіе: открытый ли врагъ свободы, или тотъ, который an ihr (т.-е. Freiheit) zum Schelm wurde?

(Да извинитъ меня читатель, что сіе нѣмецкое выраженіе, которое я похитилъ у одного нѣмецкаго фельетониста и у котораго намѣренъ похитить и еще кое что впродолженіе моей статьи, я оставлю безъ перевода. Оно такъ характеристично и хорошо, что я не нахожу возможнымъ замѣнить его русскимъ равносильнымъ выраженіемъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что и Наполеонъ III-й и Бисмаркъ равно достойны всякой ненависти и презрѣнія народовъ и на основаніи усмотрѣнія ихъ личныхъ качествъ и ихъ подвиговъ прошедшаго, нельзя рѣшить, кто изъ нихъ болѣе заслуживаетъ антипатіи. Въ этомъ случаѣ, хотя бы одинъ изъ нихъ

сдѣлалъ больше, другой меньше, они остаются равноправны. Антипатіи къ нимъ могутъ быть измѣряемы только съ точки зрѣнія вреда каждаго изъ нихъ въ будущемъ.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы, вопреки общему мнѣнію, подаемъ нашъ голосъ рѣшительно за Наполеона, а никакъ не за прусскаго принципала. У насъ теперь вошло въ моду бранить Наполеона. Мы не къ тому это, конечно, говоримъ, чтобъ бранить его было не за что, но эта брань бо̀льшею частію огульная и очень нерѣдко доходитъ до пошлости и, что̀ всего противнѣе, такъ это то, что на эту безсильную и позднюю брань щедры болѣе всего тѣ, которые были самыми горячими поклонниками, послѣдователями и проводниками идей Наполеона. Общая ненависть къ Наполеону понятна. Онъ былъ выраженіемъ своего вѣка, центромъ и источникомъ того Lumpentum или *фу-фу* (о фу-фу въ слѣдующій разъ), которое царствуетъ въ Европѣ во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Съ удаленіемъ его со сцены, всѣ бывшіе на этой сценѣ почувствовали себя въ такомъ же положеніи, въ какомъ въ «Ревизорѣ» очутились герои уѣзднаго городка послѣ полученныхъ ими извѣстій о личности отъѣхавшаго Хлестакова.

Такой конецъ Наполеона III-го ни для кого однакожь изъ людей проницательныхъ не былъ тайною. Еще за долго до начала войны дни Наполеона были сочтены. Убрала ли бы его естественная смерть съ французскаго престола, или столкнула ли бы его сила его враговъ, во всякомъ случаѣ скорое исчезновеніе его было несомнѣнно, равно какъ было несомнѣнно и то, что это послѣдній изъ наполеонидовъ, владѣющій Франціей, что болѣе наполеониды на французскомъ престолѣ невозможны. Реальное содержаніе наполеонидовъ давно уже было исчерпано до тла и Франціи ожидать отъ нихъ было болѣе нечего; обаяніе ихъ личностей также давно исчезло: и дядя, и племянникъ были изучены до послѣднихъ мелочей и подробностей въ ихъ политикѣ, идеяхъ, характерѣ, образѣ дѣйствій и т. п. Никто изъ французской интеллигенціи болѣе не вѣрилъ ни въ умъ Наполеона, ни въ его честность, ни даже въ возможность продолженія его системы. Наполеонъ держался на престолѣ только интригами, обманомъ, насиліемъ; всѣ нравственныя силы исчезли. Плебисцитъ обнаружилъ колебаніе даже въ арміи. Эту шаткость и непрочность своего положенія очень хорошо понималъ самъ Наполеонъ, и настоящая несчастная война, въ которую онъ бросился, очертя голову, представлялась ему единственнымъ якоремъ спасенія для него самого и единственнымъ средствомъ для утвержденія его династіи. Но Наполеонъ мечталъ здѣсь и обманывался, какъ обманывается всякій утопающій, хватающійся за соломенку. Очень можетъ быть, и даже пожалуй, это несомнѣнно, что счастливый исходъ войны обезпечилъ бы лично для него спокойное царствованіе до конца жизни, и то потому только, что конецъ

этотъ очень недалекъ, — но для Люлю здѣсь конечно ни обезпеченія, ни надежды быть не могло. Съ смертію Наполеона революція была неизбѣжна во Франціи.

Война предупредила этотъ естественный ходъ дѣлъ и сама убрала Наполеона. Многіе отъ одного этого приходятъ въ самый яростный восторгъ, и до того благодарны нѣмцамъ, что чуть ли не служатъ молебновъ за успѣхи прусскаго оружія. Но подобное ликованіе, по нашему мнѣнію, было бы только тогда позволительно и резонно, когда бы Пруссія убрала Наполеона, не ослабляя и не разоряя Франціи, — далѣе, когда бы она, удаляя Наполеона со сцены дѣйствія, не выставляла на его мѣсто его двойника, Бисмарка, который, на нашъ взглядъ, въ будущемъ гораздо опаснѣе для Европы, чѣмъ Наполеонъ! До настоящаго времени фигура Наполеона стояла на сценѣ Европы на первомъ планѣ, мозолила всѣмъ глаза и затемняла собою даже отъ людей проницательныхъ фигуру Бисмарка, но, — мы думаемъ, — не въ силу своей дѣйствительной величины, а только по обыкновеннымъ законамъ перспективы. Фигура Бисмарка будетъ ясна для всѣхъ во всю свою величину только тогда, когда она станетъ на сценѣ дѣйствія на первомъ планѣ. А она только еще становится теперь... Бисмаркъ есть нераздѣльное лицо отъ Пруссіи: онъ ея знамя, онъ программа ея дѣйствія. И еслибы Пруссія повела войну съ Франціей такъ же счастливо, какъ вела доселѣ (отъ чего да сохранитъ насъ Господь Богъ!), и вслѣдствіе этого заняла бы въ Европѣ мѣсто Франціи, то-есть роль первенствующей державы, то Бисмаркъ сдѣлался бы такимъ же двигателемъ и рѣшителемъ политики и судебъ Европы, какимъ былъ и Наполеонъ. Мы не хотимъ снова обращаться къ рѣшенію неразрѣшимаго вопроса о томъ: кто изъ нихъ лучше по своимъ внутреннимъ качествамъ? «Оба лучше»—единственный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на этотъ вопросъ. Но вотъ какія обстоятельства нехудо принять во вниманіе. Въ ряду наполеонидовъ Наполеонъ III былъ свѣтиломъ заходящимъ. Онъ былъ племянникъ своего дяди, — и ничего больше. Кромѣ блеска прошедшаго имени, у него не было никакихъ украшеній. Но такъ-какъ и этотъ блескъ, по многократнымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ, оказался блескомъ мишуры, то Наполеонъ сидѣлъ на тронѣ совершенно обнаженнымъ. У него не было никакихъ нравственныхъ связей съ интеллигенціею французской націи,—онъ могъ держаться, и держался только силою и обманомъ. Бисмаркъ находится совершенно въ другомъ положеніи. Это не заходящее, но восходящее свѣтило. Бисмаркъ въ Германіи теперь точно то же, чѣмъ былъ, или, по крайней мѣрѣ, для своихъ современниковъ казался Наполеонъ I во Франціи. Онъ создатель Германіи, онъ ея спаситель. Теперь къ Бисмарку обращены симпатіи всего германскаго народа, всѣхъ лучшихъ людей Германіи. Даже

Штраусъ, извѣстный знаменитый критикъ, сочинитель книги: «das Leben Jesu», и недавно вышедшей о Вольтерѣ, думаетъ, что въ Бисмаркѣ Германія нашла давно желаннаго мужа, по сердцу своему, и нѣкоторымъ образомъ извиняется въ томъ, что извѣстная часть германской интеллигенціи не поняла сначала значенія австро-прусской войны, и вслѣдствіе этого отшатнулась отъ великаго человѣка.

«Въ жизни народовъ, какъ и частныхъ лицъ,—такъ пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ Ренану, напечатанномъ недавно въ «Allgemeine Zeitung», въ отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя Ренаномъ по поводу книги о Вольтерѣ и настоящей войнѣ Пруссіи съ Франціей,—бываютъ такія пріобрѣтенія, что мы въ нихъ не узнаемъ того, чего сами давно желали, и къ чему стремились,—не узнаемъ только потому, что эти пріобрѣтенія представляются намъ въ неожиданной для насъ формѣ, и не только не узнаемъ, но съ непріятностію и досадою отворачиваемся отъ нихъ: такъ случилось и съ прусско-австрійскою войною 1866 года и ея пріобрѣтеніями; она принесла намъ то, чего мы давно желали, но принесла не въ томъ видѣ, какъ мы желали, и поэтому бо̀льшая часть нѣмецкаго народа отвращалась отъ этого презента. Мы желали, чтобы единеніе Германіи вышло изъ идеи, изъ желанія народа, изъ мыслей лучшихъ ея мужей; теперь же намъ это единеніе было доставлено реальною силою посредствомъ крови и желѣза. Мы желали, — ибо идея обыкновенно паритъ высоко и далеко, — чтобы всѣ нѣмецкія племена слились въ одномъ общемъ, конституціонномъ устройствѣ; теперь же, такъ-какъ этого не позволяли отношенія дѣйствительности, внѣ этого устройства остались не только австрійскіе нѣмцы, но и южно-германскія государства. Что̀ помогло всего болѣе прозрѣть въ этомъ случаѣ даже и самымъ ослѣпленнѣйшимъ изъ нѣмцевъ, такъ это отношеніе Франціи къ этимъ событіямъ. Франція сначала предоставила идти этимъ событіямъ своимъ чередомъ, въ надеждѣ, что изъ внутренней борьбы сосѣдней страны возростетъ ея собственная сила; увидѣвъ же себя въ этомъ отношеніи обманутою, она не могла скрыть досады. Съ этого времени мы, нѣмцы, по французской оцѣнкѣ могли правильно регулировать наши политическія отношенія; ибо интересы политики для обѣихъ сторонъ были совершенно противоположны. По кислымъ минамъ Франціи противъ Пруссіи и Сѣвернаго союза мы могли понять, что въ обѣихъ ихъ заключается наше благо, а по одобрительнымъ подмигиваніямъ Франціи насчетъ необходимости отдѣльнаго союза южно-германскихъ государствъ мы уразумѣли, что тутъ наше коренное зло. На каждое движеніе, которое дѣлала Пруссія, не принудить южныя государства вступить въ Сѣверный союзъ, нѣтъ, — а только открыть имъ двери, Франція смотрѣла подозрительно, и дѣлала возраженія; даже по

такимъ неполитическимъ поводамъ, какъ желѣзная дорога чрезъ Сен-Готардъ, кричалъ, вызывая насъ на бой, гальскій пѣтухъ».

При всѣхъ этихъ симпатіяхъ, которыми пользуется Бисмаркъ въ Германіи, не должно забывать того, что владычеству Бисмарка здѣсь конца не предвидится. Франція находится въ такомъ особомъ положеніи среди другихъ государствъ Европы, что всякая династія здѣсь была и будетъ на будущее время только случайностію. Династія наполеоновская была случайностію еще болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая. Что касается до Бисмарка, то онъ безсмертенъ въ Германіи. Мы знаемъ только одного Бисмарка,—Бисмарка I. Но будетъ Бисмаркъ II, Бисмаркъ III, Бисмаркъ IV, Бисмаркъ V и такъ далѣе in infinitum. Бисмарки прекратятся въ Германіи только тогда, когда Пруссія покончитъ вполнѣ съ своими старыми традиціями, когда въ ней не будетъ милитаризма, когда исчезнетъ самый запахъ юнкерства, когда не президентъ-министры будутъ кричать палатѣ: «цыцъ», а сама палата будетъ чувствовать силу сказать, когда то потребуется, президентъ-министру: *цыцъ*. Но когда *вся сія будутъ?* И будутъ ли когда-нибудь? Очень можетъ быть, что путь Пруссіи и Германіи будетъ совершенно противоположный въ пользу вѣчнаго процвѣтанія въ ней бисмаркизма, что настоящее торжество ея есть начало ея конца, очень, конечно, отдаленнаго, но все-таки конца. Когда послѣ первыхъ еще побѣдъ пруссаковъ въ нынѣшнюю войну спросили Бисмарка: «что̀ онъ думаетъ дѣлать? Чего хочетъ добиваться отъ Франціи?», то Бисмаркъ отвѣчалъ, что «еще ничего не рѣшилъ, что имъ такъ везетъ, что онъ боится, чтобы отъ счастья не закружилась голова». Головѣ закружиться дѣйствительно не мудрено. Трудно быть на высотѣ военныхъ успѣховъ и оставаться умѣреннымъ въ своихъ завоевательныхъ поползновеніяхъ. Особенно трудно будетъ это для нѣмцевъ, которые были воспитаны, какъ справедливо выражается Штраусъ, «въ суровой школѣ несчастія и позора». Извѣстно, что̀ дѣлается съ холопомъ, когда онъ нечаянно попадаетъ въ бары. По крайней-мѣрѣ, на первыхъ порахъ торжества въ настоящее время Германія очень разгулялась, и плотоядныхъ инстинктовъ насчетъ Франціи проявляется немало въ разныхъ концахъ ея. Однако, оставимъ гаданія о далекомъ будущемъ, и будемъ говорить только о настоящемъ. Вѣрно одно, что Бисмаркъ есть въ Германіи, и, что, по всѣмъ даннымъ, какія представляетъ ея современный строй, онъ еще долго не истребится въ ней. Мы знаемъ послѣдняго изъ царствовавшихъ наполеонидовъ, Наполеонида выцвѣтшаго, или Наполеона *малаго*, какъ называетъ его Викторъ Гюго, но не знаемъ ни Бисмарка V, ни даже Бисмарка III. Передъ нами одинъ только Бисмаркъ, — Бисмаркъ I. А сравнивать Бисмарка I съ Наполеономъ III, такъ же нерезонно, какъ сравнивать Наполеона III съ Наполеономъ I. Только потомство, которое познакомится съ запахомъ Бисмарка III,

въ состояніи будетъ сказать, что было лучше для Европы: оставить временно Наполеона III, или уничтожить послѣдняго, и развести въ ней породу Бисмарковъ?

Однако, я очень долго остановился на двухъ представителяхъ двухъ борющихся націй; пора мнѣ обратиться къ самимъ націямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что французская нація легкомысленная, скажемъ болѣе, безумная нація. Въ настоящее время это рѣшено, утверждено и подписано, какъ нѣмецкими, такъ и русскими публицистами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, назвать націю, которая никогда не можетъ сидѣть спокойно, жить въ мирѣ съ сосѣдями, которая постоянно ищетъ войны и бросается на всѣхъ? Зачѣмъ она воевала съ Россіей? Зачѣмъ воевала съ Австріей? Зачѣмъ воевала съ Мексикой? Зачѣмъ, наконецъ, придралась къ доброй и мирной Пруссіи и вызвала ее на войну? Но главные симптомы ея безумія проявляются не въ этихъ внѣшнихъ, безцѣльныхъ и безполезныхъ походахъ, а въ ея сумасбродствахъ дома. Внѣшніе походы употребляются ея попечителями только какъ врачебныя средства для ея разсѣянія и для прекращенія ея домашнихъ сумасбродствъ. Французская нація не умѣетъ сидѣть смирно дома, въ мирѣ и тишинѣ заниматься своими дѣлами и не знать ничего болѣе, какъ то дѣлаютъ другія націи. Какъ только нѣтъ у ней никакихъ грандіозныхъ развлеченій, которыя могли бы поглотить ея вниманіе и занять ея ненасытное любопытство, она начинаетъ придираться дома ко всякимъ мелочамъ. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія: зачѣмъ у ней такое правительство, а не другое? Зачѣмъ дѣйствуетъ оно такъ, а не иначе? Зачѣмъ дѣлаетъ такія распоряженія, а не другія? и т. п. Затѣмъ начинаются сходки, сборища на улицахъ, пѣніе непозволительныхъ пѣсень, а чуть правительство оплошаетъ — баррикады, а потомъ и пошла писать. Безуміе націи проявляется въ постоянномъ раздраженіи и озлобленіи, и оно заставляетъ ее мѣшаться во всѣ дѣла, совать свой носъ, куда не слѣдуетъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть послѣдній случай — плѣнъ Наполеона. Предположимъ, что въ плѣнъ взяли бы не Наполеона, а короля Вильгельма и его сына Фрица. Что произошло бы въ Берлинѣ? Бисмаркъ созвалъ бы прусскую палату, съ прискорбіемъ объявилъ ей о постигшемъ прусскій народъ несчастіи, и вмѣстѣ о томъ, что согласно со всѣми министрами, онъ назначилъ чрезвычайную коммисію изъ такихъ и такихъ-то лицъ подъ своимъ предсѣдательствомъ для управленія страною. Палата поблагодарила бы его за такую попечительность и, можетъ быть, осмѣлилась бы при этомъ заявить свою надежду, что избранная коммисія будетъ строго держаться конституціи. Это единогласное рѣшеніе министерства и палаты было бы немедленно объявлено народу, который принялъ бы его съ восторгомъ, и, затѣмъ, дѣло пошло бы своимъ чередомъ. Въ Парижѣ

вышло совсѣмъ не такъ. Послѣ оффиціальнаго заявленія о взятіи въ плѣнъ императора, назначено было, 4-го сентября, засѣданіе законодательнаго корпуса для устройства чрезвычайнаго правительства. Графъ Паликао вноситъ предложеніе объ учрежденіи совѣта правительства національной обороны изъ пяти членовъ, избираемыхъ большинствомъ законодательнаго корпуса, съ предоставленіемъ этому совѣту права контролировать и назначеніе министровъ. «А кто жь будетъ назначать министровъ?»—«Члены совѣта», отвѣчаетъ графъ Паликао, но тотчасъ обязательно прибавляетъ, что «генералъ графъ Паликао назначается генералъ-намѣстникомъ этого совѣта». — «Это что значитъ?» кричитъ какой-то голосъ на лѣвой сторонѣ. Но графъ Паликао, какъ бы стараясь заглушить его, продолжаетъ, что онъ требуетъ *безотлагательнаго* обсужденія этого проекта. Но *безотлагательнаго* обсужденія своего проекта требуютъ и лѣвые, внесшіе еще наканунѣ свое предложеніе, которымъ предлагаютъ низверженіе династіи, оставленіе генерала Трошю въ должности парижскаго генералъ-губернатора и назначеніе коммисіи, по назначенію палаты, для обороны Парижа и изгнанія непріятеля. *Безотлагательнаго* же обсужденія своего проекта требуетъ и Тьеръ. Онъ предлагаетъ, чтобы палата назначила пока совѣтъ управленія и народной обороны, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ, какъ позволятъ обстоятельства, было созвано учредительное собраніе. Палата препровождаетъ всѣ эти три проекта на разсмотрѣніе одной коммисіи, а сама пріостанавливаетъ засѣданіе и остается въ ожиданіи заключенія коммисіи. Въ это время толпа, находившаяся на мосту Согласія и передъ зданіемъ законодательнаго корпуса, распространяется по двору, лѣстницамъ и корридорамъ палаты, наполняетъ трибуны, съ криками: «долой династію! Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ республика!» Десятка полтора депутатовъ съ предсѣдателемъ, а также и министръ Паликао, остаются еще въ палатѣ. Народъ уговариваютъ потерпѣть, подождать рѣшенія палаты, которое послѣдуетъ скоро. Но толпа прибываетъ все болѣе и болѣе, все съ тѣми же криками. Графъ Паликао и нѣкоторые изъ депутатовъ находятъ нужнымъ удалиться. Наконецъ, изъ трибуны народъ врывается въ залу засѣданія. Зала переполняется народомъ, съ криками «да здравствуетъ республика!» Президентъ Шнейдеръ закрываетъ засѣданіе. Такимъ образомъ республика волею народа объявляется ранѣе, чѣмъ рѣшилъ законодательный корпусъ. Что̀ сдѣлала палата по заключенію коммисіи—неизвѣстно; но говорятъ, что когда депутаты лѣвой стороны удалились въ городскую ратушу, чтобъ назначить временное правительство, то въ это время палата возобновила засѣданіе и, принявъ проектъ Тьера, назначила совѣтъ, въ которомъ бы засѣдали Паликао, Тьеръ и Дарю.

Признаюсь, я думалъ долго надъ происшествіемъ, которое я сейчасъ разсказалъ, чтобы рѣшить для себя: какое объ немъ

имѣть сужденіе? Съ одной стороны оно представлялось мнѣ совершенно противозаконнымъ, такимъ, за которое виновниковъ надобно было подвергнуть самому тяжелому наказанію, какъ бунтовщиковъ. Съ другой стороны, я не могъ не видѣть, что положеніе виновниковъ происшествія было крайне экстренное. Не вмѣшайся они, очень возможно и даже очень вѣроятно, что Паликао, этотъ приверженецъ императорскаго дома, остался бы управлять Франціей, и тогда все бы осталось по старому: попрежнему обманывали бы народъ, не давали ему оружія для защиты, придворныя креатуры остались бы попрежнему на важныхъ постахъ, дѣйствія честныхъ защитниковъ и патріотовъ были бы парализованы, рука кассельскаго плѣнника, теперь уже по желаніямъ Пруссіи, направляла бы все... а вдали въ перспективѣ виднѣлся бы для Франціи Наполеонъ IV-й и регенство, ибо оказывается теперь, что дальновидный графъ Паликао имѣлъ заботы и объ этомъ... А между тѣмъ непріятель знать не хочетъ законовъ, дѣйствующихъ въ странѣ, и не только не считаетъ незаконнымъ того, что тамъ считается незаконнымъ, напротивъ, именно незаконное вмѣняетъ въ долгъ гражданъ. Такъ король Вильгельмъ и пруссаки объявили сначала французскому народу, что они ведутъ войну не съ нимъ, а съ императоромъ Наполеономъ. А теперь, когда Наполеона нѣтъ болѣе, они говорятъ: нѣтъ, мы ведемъ войну и съ народомъ; онъ тоже виноватъ: зачѣмъ онъ повиновался несправедливо дѣйствующей власти? Зачѣмъ онъ позволилъ себя, если не хотѣлъ, вести на войну съ пруссаками? Нельзя не подивиться, читая это, какъ быстро у людей извращаются всѣ понятія подъ вліяніемъ страстей. Народъ французскій могъ бы, въ свою очередь, спросить не только народъ прусскій, но и ту интеллигенцію его, которая строчитъ въ газетахъ кровожадныя статьи и потомъ не менѣе кровожадные адресы: «а зачѣмъ вы сами позволили Бисмарку расходовать ваши кровныя деньги безъ утвержденія бюджета палатою? Зачѣмъ вы шли войной на вашихъ братьевъ австрійцевъ, съ которыми воевать не хотѣли?» и проч. и проч.

Какъ ни старался я убѣдить себя, что дѣйствія парижанъ по поводу плѣна императора были незаконны, но экстренныя обстоятельства, которыми вынуждены были означенныя дѣйствія, противъ моей воли оправдывали ихъ въ моихъ глазахъ. Тогда во мнѣ сталъ возникать вопросъ о томъ, дѣйствительно ли безуміе надобно всегда признавать безуміемъ? Не должно ли его въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ признавать за здравомысліе и, пожалуй, даже выше здравомыслія?

Не будучи самъ хорошо знакомъ съ юридическими науками, я хотѣлъ позаимствовать что-нибудь относительно этого предмета у нашихъ ученыхъ юристовъ и съ этою цѣлію сталъ перерывать «Судебный Вѣстникъ», въ которомъ, какъ извѣстно, работаютъ два профессора-доктора juris utriusque, гг. Чебы-

шевъ-Дмитріевъ и Лохвицкій. Въ это время между листами «Судебнаго Вѣстника» я нашелъ означенный выше нѣмецкій фёльетонъ и прочиталъ въ немъ слѣдующее:

«Что̀ такое безуміе? Говорятъ, болѣзнь души. Положимъ. Но очень ошибочно смотрятъ на болѣзнь, какъ на процессъ разрушенія. Законы жизни не могутъ быть совершенно разрушены и быть больнымъ, значитъ быть только въ другой формѣ, различной отъ обыкновенной. Безуміе развивается по тѣмъ же психическимъ законамъ, по которымъ развивается и *геройство*, и *геніальность* и только отъ успѣха зависитъ: кто кончитъ жизнь свою героемъ и кто *глупцомъ*. Разсказываютъ, что Магометъ разъ предложилъ вопросъ: для чего существуютъ въ мірѣ *пауки* и *безуміе*, такъ-какъ всѣ вещи должны имѣть какую-нибудь цѣль. Но вотъ, когда во время своего бѣгства изъ Мекки въ Медину, преслѣдуемый врагами, пророкъ искалъ спасенія въ одной пещерѣ, вдругъ откуда ни возьмись паукъ приползъ къ отверстію пещеры, соткалъ надъ нимъ паутину и враги, обманутые цѣлостію этой паутины, не сочли нужнымъ входить въ пещеру, думая, что тамъ давно никого изъ людей не могло быть. «Теперь я вижу—воскликнулъ Магометъ—на что можетъ быть пригоденъ паукъ!» Но безуміе? Какую пользу можетъ приносить *безуміе?* Добродушный пророкъ! Онъ не примѣтилъ, что безуміе соткало ту безсмертную паутину, которую называютъ *Кораномъ* и которая уловила сотни мильйоновъ душъ. Разрушая своими вспышками привычную рутину дѣйствительности, безуміе открываетъ и облегчаетъ путь для стремленій къ идеалу. Въ мірѣ идетъ вѣчная вражда между идеями и дѣйствительностію, вѣчно борется индивидуальный духъ съ тѣми законами и обычаями, которые создало общество, чтобы положить границы его безграничному развитію. Изъ этой борьбы идей съ тѣми препятствіями, которыя противопоставляетъ имъ внѣшній міръ, возможны только *три* исхода: или—и это самый обыкновенный, ежедневный исходъ борьбы—покоряется идеалъ и носитель его дѣлается *филистеромъ*,—или одерживаетъ побѣду идея и дѣлается господствующею, тогда внѣшній міръ преобразуется и носитель этой идеи получаетъ имя *героя*, или, наконецъ, идеалъ бѣжитъ съ поля битвы, обращается на мелочи и строитъ внутри себя свой собственный мірокъ—и однимъ *глупцомъ* въ мірѣ становится больше».

Кто станетъ на точку зрѣнія автора и внимательно подумаетъ, тому станетъ ясно, что не всегда безуміе есть безуміе и здравомысліе — здравомысліе, что, напротивъ, очень часто то, что̀ люди называютъ безуміемъ, именно и есть здравомысліе, и наоборотъ, что̀ называютъ они здравомысліемъ, есть чистѣйшее безуміе. Все несчастіе міра происходитъ отъ того, что онъ наполненъ исключительно людьми здравомыслящими, что безумцы попадаются въ немъ, какъ явленія слишкомъ рѣдкія и одиночныя. Оттого всѣ законы пишутся исключительно для людей здравомыслящихъ и притомъ средняго

уровня, въ родѣ батальйонныхъ командировъ; людьми же здравомыслящими создаются всѣ обычаи и нравы общества. Отсюда понятно, какимъ узкимъ горизонтомъ обведено здравомысліе и какъ трудно невыносимо жить подъ этимъ горизонтомъ безумцамъ. Обыкновенная участь ихъ, что ихъ не понимаютъ люди здравомыслящіе, преслѣдуютъ, упрятываютъ въ тюрьмы, предаютъ самымъ позорнымъ казнямъ. Такъ было это изначала человѣческой исторіи и такъ ведется доселѣ. А между тѣмъ безъ безумцевъ человѣчество не можемъ существовать. Кто пробѣжитъ исторію его, тотъ увидитъ, что люди здравомыслящіе въ немъ никогда ничего для него не пріобрѣтали. Они умѣли только ѣсть, пить, спать, вообще совершать физическія отправленія и приготовлять то, что для сихъ отправленій нужно. Все возвышенное, все великое въ человѣчествѣ совершено безумцами; ими только и двигается человѣчество.

Какъ же тутъ быть? Съ одной стороны человѣческія общества не могутъ существовать безъ безумцевъ, они сгніютъ безъ нихъ, придутъ въ скотоподобное состояніе; съ другой—безумцы нестерпимы для людей здравомыслящихъ, для ихъ понятій, для ихъ обычаевъ и нравовъ, для ихъ законовъ.

Побольше терпѣнія, побольше снисходительности, побольше человѣколюбія къ безумцамъ, господа здравомыслящіе люди,—и— немножко поменьше эгоизма и любви къ своимъ животамъ. И за эти маленькія уступки потомство благословитъ васъ и проститъ вамъ ваше здравомысліе. Ибо будущность человѣчества, какъ и каждаго общества, какъ прежде зависѣла, такъ и теперь зависитъ отъ возможности явленія и существованія въ нихъ безумцевъ.

..... Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой!
По безумнымъ блуждая дорогамъ
Намъ безумецъ открылъ Новый Свѣтъ,
. . . .
. . . .
Еслибъ завтра земли нашей путь
Освѣтить наше солнце забыло,
Завтра жь цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!

Обращаясь отъ индивидуумовъ къ націямъ, мы не считаемъ нужнымъ доказывать,—ибо думаемъ, что для читателя это само собою ясно,—что и между націями однѣ есть здравомыслящія, другія безумныя. Какія націи должно признать здравомыслящими и какія безумными, это не трудно разобрать по тѣмъ признакамъ безумія, которые выше указаны для индивидуумовъ.

Къ самымъ здравомыслящимъ націямъ должны быть отнесены тѣ, въ которыхъ доселѣ не проявлялось никакого стремленія

къ идеалу, которыя стоятъ въ уровень съ своею дѣйствительностію, которыя вполнѣ довольны ею, живутъ такъ же, какъ жили цѣлые вѣка назадъ, для которыхъ существующій фактъ есть вмѣстѣ и идеалъ. Къ такимъ націямъ должны быть отнесены тѣ, въ которыхъ есть уже нѣкоторая степень культуры, напримѣръ, Китай, Японія, равно какъ всѣ первобытныя страны и общества дикихъ, въ которыхъ самая культура находится еще на самой низкой степени.

Ко второму разряду здравомыслящихъ націй должны быть отнесены тѣ, въ которыхъ были и есть идеалы, которыя боролись и по временамъ борются за эти идеалы,—но въ которыхъ число носителей этихъ идеаловъ и борцовъ за нихъ очень ничтожно сравнительно съ массами. Оттого самые носители и борцы, утомленные неравною борьбою, очень часто или примиряются съ дѣйствительностію и дѣлаются филистерами, или уходятъ въ себя и строятъ внутри себя особые мірки,

Сочиняютъ системы, даютъ имъ названія...
Шлафрокъ надѣвши и старый колпакъ,
Штопаютъ дырки всего мірозданія.

Къ этой второй категоріи относится бо̀льшая часть европейскихъ націй, но во главѣ ихъ несомнѣнно стоитъ нѣмецкая, славная издавна и своими филистерами, и штопальщиками дырокъ мірозданія.

Подъ общій уровень здравомыслящихъ націй не подходитъ въ Европѣ одна только французская. Она одна не только строитъ идеалы, но постоянно и неутомимо борется за нихъ и умѣетъ осуществлять ихъ въ жизни. Эта нація вполнѣ заслужила имя націи-героя и достойно носитъ это имя и теперь, несмотря на темное время наполеоновскаго владычества. Своимъ героизмомъ она дала свѣтъ и жизнь Европѣ и, несмотря на разныя свои темныя стороны, остается и доселѣ единственною обновляющею силою Европы. Въ этомъ состоитъ ея неотрицаемое достоинство и превосходство надъ всѣми другими европейскими націями, и въ этомъ заключается тайна обаянія для другихъ народовъ, тайна нравственной высоты надъ ними.

Забавно читать современныя литературныя гасконады разныхъ нѣмецкихъ филистеровъ и штопальщиковъ дырокъ мірозданія, въ которыхъ они усиливаются доказать, что они ни въ чемъ не отстали отъ французовъ, что они точно такіе же двигатели прогресса, потому дескать, что и книжки либеральныя пишемъ, и школъ завели гораздо болѣе, чѣмъ французы, и даже конституцію имѣемъ, которой французы учредить не могутъ,—и что если, дескать, и за всѣмъ этимъ поклоняются французамъ паче, чѣмъ нѣмцамъ, то это зависитъ еще отъ рутины, тянущейся отъ временъ Людовика XIV, и оттого, дескать, что насъ нѣмцевъ не успѣли еще разгадать. Замѣчательно, что эту чушь строчатъ не какіе-нибудь только Бисмарковы

кліенты и поклонники, или нѣмецкіе гасконцы, а даже такой почтенный и независимый ученый, какъ Штраусъ.

«Франція,—говоритъ Штраусъ въ помянутомъ письмѣ къ Ренану,—не хочетъ поступиться своимъ европейскимъ первенствомъ; но только если она дѣйствительно имѣетъ право на это первенство, она имѣетъ право вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла. На чемъ однакожь основывается ея мнимое право на такое первенство? Въ образованіи Германія давно уже по меньшей мѣрѣ сравнялась съ нею; компетентность нашей литературы признана самими представителями французской литературы; что касается до той равномѣрности, съ которою вслѣдствіе устройства школьнаго ученія образованіе и гуманизація проникаетъ во всѣ классы народа, то этому завидуютъ лучшіе люди во Франціи. Даже въ политической зрѣлости мы хоть медленно, однако вполнѣ нагнали французовъ. Револющія 1789 года дала имъ, повидимому, сильное преимущество передъ нами; мы благодарны ей, что она разбила тѣ оковы, которыя въ противномъ случаѣ долго бы еще давили насъ; но что мы видѣли затѣмъ во Франціи, то вовсе не въ такомъ родѣ, чтобы мы не могли поспорить съ нею. Умѣренныя правительства, намъ кажется, для того только и являются во Франціи, чтобы быть низвергнутыми, уступить мѣсто анархіи, а потомъ деспотизму; дѣйствительно ли конституціонная монархія, въ которой и вы, и я видимъ единственно прочную государственную форму для Европы, можетъ когда-нибудь во Франціи пустить крѣпкіе корни, — относительно этого сомнѣваетесь вы сами въ вашемъ прекрасномъ письмѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе желаете, чѣмъ надѣетесь».

Кому придетъ въ голову, кромѣ нѣмца, сравнивать двѣ такія несоизмѣримыя величины — какъ литературу французскую и литерату нѣмецкую? — Какое можно отыскать сходство между ораторомъ на трибунѣ, двигающимъ стотысячныя массы и часто заставляющимъ ихъ немедленно ниспровергать цѣлый строй жизни и создавать новый, — и между школьнымъ учителемъ, преподающимъ малолѣткамъ первыя основанія граматы, или даже профессоромъ, посвящающимъ свою немногочисленную аудиторію въ тайны науки?—Литература германская была всегда, за немногими исключеніями, литературой кабинета, насущнымъ кормомъ для многочисленныхъ германскихъ гелертеровъ и назиданіемъ и средствомъ времяпрепровожденія еще для многочисленнѣйшихъ германскихъ филистеровъ; французская литература была всегда литературою общества, двигателемъ общественныхъ силъ. Во Франціи не только немедленно поняли, но и не усомнились приложить на дѣлѣ, насколько то было возможно и насколько хватало средствъ, даже такія странныя для міра теоріи, какъ Сенъ-Симона и Луи-Блана; Германія предварительно написала цѣлыя библіотеки объ этихъ теоріяхъ единственно съ цѣлію доказать ихъ нелѣпость,—и толь-

ко послѣ уже этого начали находиться люди, которые стали утверждать, что въ этихъ теоріяхъ есть здоровое зерно, которое можетъ принести хорошій плодъ для общества. Каждая литература, взятая во всей ея совокупности, представляетъ собою отраженіе духовнаго существа народа, свойственнаго ему міросозерцанія, его характеристическихъ особенностей, отличающихъ его отъ другихъ народовъ, точно также, какъ не только внѣшнія черты лица, но еще болѣе выраженіе самой физіономіи отличаетъ одного человѣка отъ другаго. Какъ бы далеко ни развивалась литература того или другаго народа, она всегда будетъ развиваться въ свойственномъ ей направленіи и съ каждымъ шагомъ своего дальнѣйшаго движенія впередъ будетъ чѣмъ далѣе, тѣмъ больше дифференцировать свою первоначальную разницу съ другими литературами, а никакъ не сглаживать ее. Выраженіе, что такая-то литература нагнала другую, можетъ имѣть нѣкоторый смыслъ только развѣ относительно внѣшнихъ аттрибутовъ литературы; т.-е. что та или другая литература усвоила лучшіе техническіе пріемы и формы, накопила достаточный запасъ знанія, что она производитъ не меньшее число хорошихъ сочиненій. Но все это нисколько не измѣнитъ внутренняго существа литературы, ея основнаго характера. И техническіе пріемы, и запасъ знаній каждый народъ употребитъ по своему, сообразно своему міросозерцанію и основнымъ своимъ стремленіямъ, для своихъ цѣлей. Поэтому никакъ нельзя сказать, не погрѣшая противъ здраваго смысла, что, дескать, литература нѣмецкая догнала французскую,—слѣдовательно нѣмецъ можетъ замѣнить для Европы француза. Нѣмецкая литература въ своемъ родѣ и направленіи можетъ далеко перегнать французскую, какъ перегнала, вѣроятно, уже и теперь. Но нѣмецъ француза для Европы все-таки не замѣнитъ. На всей нѣмецкой литературѣ сообразно характеру и историческому развитію народа лежитъ образовательный характеръ. Эта литература могла бы быть названа школою Европы точно такъ, какъ и сама Германія можетъ быть названа школою Европы, по количеству университетовъ, существовавшихъ тамъ издавна, и по ихъ значенію для Европы. Но человѣкъ родится не для школы, школа есть только средство для пріобрѣтенія знаній, которыя человѣкъ употребляетъ сообразно своимъ потребностямъ и цѣлямъ въ жизни. Послѣ лѣтъ школьнаго ученія въ немъ чувствуется потребность другой школы, школы жизни и лучшихъ людей, въ ней дѣйствующихъ. Часто одинъ только внѣшній складъ извѣстной жизни, одно поверхностное впечатлѣніе ея порождаютъ такой порядокъ идей и мыслей, которыя переворачиваютъ верхъ дномъ школьную науку, и если не всегда превращаютъ ее въ ненужный хламъ, то распускаютъ въ матеріалъ, который формируется и употребляется въ жизни по воззрѣніямъ совершенно другаго рода, чѣмъ какія пришивала къ нему школа. Мы уже не говоримъ о болѣе близ-

комъ и подробномъ изученіи жизни извѣстныхъ обществъ, о знакомствѣ съ ихъ лучшими дѣятелями и борцами. Часто одно только слово, сказанное людьми, видавшими виды, одинъ высказанный взглядъ проливаютъ болѣе свѣта на положеніе вещей, чѣмъ тысячи высиженныхъ въ кабинетахъ сочиненій. Вотъ въ этомъ-то отношеніи ни нѣмецкая жизнь, ни нѣмецкая литература не могутъ замѣнить французскихъ, такъ точно какъ не могутъ онѣ замѣнить американскихъ, хотя американская литература съ той точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ ее Штраусъ, т.-е. въ качествѣ книжной мудрости, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ нѣмецкою. Почти то же самое, что мы сказали о литературѣ, должно сказать и о школахъ. Школы неразрывно связаны съ характеромъ и міросозерцаніемъ народнымъ. Можно, конечно, завидовать и тому, что въ Пруссіи существуетъ обязательное обученіе, ибо грамотность можетъ быть пригодна всякому для его личныхъ интересовъ, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы цивилизація даже на одну іоту стояла въ прусскомъ народѣ выше, чѣмъ у народовъ сосѣднихъ съ нею, неимѣющихъ обязательнаго обученія. Въ Казанской губерніи нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы не было татарской школы, и нѣтъ ни одного татарина безграмотнаго; но никто не будетъ утверждать, чтобы въ силу этого татарская цивилизація вообще стояла выше русской. Чтобы школы способствовали поднятію умственнаго и нравственнаго строя, для этого нужно извѣстное устройство школъ, котораго, конечно, не допуститъ графъ Бисмаркъ. Французы, правда, не имѣли доселѣ обязательнаго ученія для народа, но не потому, чтобы не желали имѣть его, а потому, что не могли вслѣдствіе лежавшаго на нихъ гнета. Но народныя школы не литература. Не нужно вѣковъ, чтобы создавать ихъ. Въ десять лѣтъ въ свободной Франціи могутъ явиться народныя школы въ такомъ обиліи и на такомъ широкомъ основаніи, что лучшимъ германскимъ мужамъ придется не только завидовать имъ, но и понять всю разницу между школами народа свободнаго и школами, устроенными по дозволенію Бисмарка. Что касается, наконецъ, до прусской конституціи, то удивительно, какъ Штраусу неизвѣстно, что прусская конституція есть нѣчто пока еще вовсе несуществующее. Это пока не болѣе, какъ лоскутъ бумаги, которому позволяется оставаться только потому, что онъ нисколько не стѣсняетъ графа Бисмарка. Не будь этого, онъ давно былъ бы разорванъ. И нѣсколько забавно читать, когда Штраусъ, съ самодовольствіемъ говоритъ, что французы неспособны установить у себя такой конституціи, какою пользуются они, нѣмцы. Ну, ужь, конечно, неспособны. Какъ бы кто ни думалъ о французскомъ народѣ, но нельзя отрицать, что хотя не долго, по временамъ, но этотъ народъ пользовался дѣйствительной свободой и знаетъ,

что̀ такое свобода. Нѣмцы же пока только дѣти, играющіе въ свободу подъ руководствомъ Бисмарка....

Вообще тотъ пріемъ, который употребляетъ Штраусъ для доказательства равенства Германіи съ Франціей и даже нѣкоторымъ образомъ превосходства первой надъ послѣдней, очень неудаченъ. Тѣми достоинствами, которыя Штраусъ старается утвердить за Германіей, обладаютъ и другія европейскія государства, и нѣкоторыя въ безконечно большей степени, чѣмъ она, напримѣръ Англія, и даже Италія. Слѣдуетъ ли изъ этого, что которая нибудь изъ этихъ націй можетъ замѣнить для европейскихъ націй французскую, имѣть не первенство только силы, но и то нравственное первенство, которое имѣетъ она? Нисколько. Націи, эти коллективные индивидуумы, представляютъ собою въ этомъ случаѣ то же самое, что̀ каждый отдѣльный индивидуумъ. Разныя акциденціи, какъ внѣшнія, какъ-то положеніе, богатство и т. п., такъ и внутреннія—образованіе, знанія, разныя качества еще не составляютъ индивидуума. Его составляетъ та субстанція или та личность, которая держитъ эти акциденціи, проникаетъ ихъ собою, ассимилируетъ, такъ сказать, себѣ, налагая на каждое свойство свой особенный, ей только принадлежащій и свойственный отливъ и печать. Два человѣка, съ одинаковымъ образованіемъ, съ одинаковымъ запасомъ знаній, съ одинаковыми повидимому нравственными свойствами, могутъ имѣть совершенно различныя склонности и стремленія, представлять двѣ различныя идеи, воплощать совершенно разнородныя дѣятельности. Одинъ можетъ быть, напримѣръ, всецѣло поглощенъ идеею публичной дѣятельности, другой идеею искусства; одинъ можетъ быть отличнымъ ораторомъ, другой отличнымъ композиторомъ. Отчего происходитъ такое различное влеченіе въ людяхъ, при совершенно одинаковыхъ повидимому условіяхъ,— мы не знаемъ. Можетъ это зависѣть отъ первоначальныхъ условій жизни и воспитанія, отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, дающихъ извѣстный толчекъ силамъ, можетъ зависѣть отъ неуловимыхъ для насъ особенностей внутренней организаціи. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что они, сколько бы ни развивался каждый изъ нихъ въ свойственномъ ему направленіи, одинъ другаго замѣнить не могутъ. Каждый изъ нихъ при неотрицаемыхъ достоинствахъ, будетъ хорошъ только въ своемъ родѣ. Возьмемъ другой примѣръ. Въ исторіи Европы новѣйшаго времени очень часто играетъ весьма видную роль малоизвѣстная въ прежнее время народная си а, которую называютъ обыкновенно *демагогомъ*, *агитаторомъ*. Что это дѣйствительная и весьма важная сила, можно видѣть изъ того, что ею весьма серьёзно заняты почти всѣ европейскія законодательства и направляютъ противъ нея самые страшные удары. Но и безъ этого дѣйствительность этой силы каждый знаетъ изъ исторіи. Иногда, стоитъ убрать одного только человѣка, чтобъ прекра-

сить движеніе цѣлыхъ обществъ или массъ. Еслибы разбирать эту силу по тому же пріему, какой употребляетъ Штраусъ, то мы положительно никакой силы бы тутъ не нашли. Оказалось бы, что другіе, изъ членовъ того общества или массы, которыми руководитъ демагогъ, и образованы лучше, чѣмъ онъ, и свѣдѣній имѣютъ больше, чѣмъ онъ, и нравственныхъ качествъ больше. Казалось бы, очень многіе могли бы замѣнить его и продолжать его дѣло, — и однакоже убираютъ демагога, и все общество, до сихъ поръ крѣпко сплоченное и грозное, разсыпается, обращается въ ничто; все дѣло расклеивается. Въ чемъ же тайна могущества демагога? Какимъ талисманомъ владѣетъ онъ, чтобъ господствовать надъ умами и сердцами цѣлыхъ массъ и обществъ? Мы не знаемъ. И еслибы мы съумѣли разгадать этотъ талисманъ, и разложивъ его на составныя его части, увидѣли бы, что онъ очень не хитеръ и простъ, то все-таки было бы непонятно, почему эта простота дается только какимъ-то особаго рода избранникамъ? Почему люди, стоящіе повидимому гораздо выше демагоговъ и по образованію, и по учености, даже профессора, написавшіе по десятку томомъ, не въ состояніи усвоить себѣ этой простоты? И еще: какою печатью нужно быть отмѣченнымъ отъ рожденія, чтобы добровольно посвятить себя этому призванію? Быть демагогомъ и агитаторомъ — это вѣдь не то, что быть генераломъ-намѣстникомъ, какъ предлагалъ себя г. Паликао. Эти люди всю жизнь проводятъ въ тюрьмахъ, подъ слѣдствіемъ, въ судахъ, въ ссылкѣ, подъ наблюденіемъ шпіоновъ, — и однакожь они довольны своею судьбою, терпѣливо переносятъ ее и всецѣло поглощены идеею своего призванія. То же самое, что̀ мы сказали объ индивидуумахъ, вполнѣ прилагается и къ цѣлымъ націямъ. Особенности ли географическихъ и климатическихъ условій, особенности ли историческаго развитія, случайныя ли какія-нибудь особенности или все это вмѣстѣ взятое, дѣлаютъ то, что нація, развившись въ извѣстномъ направленіи, поглощается извѣстною идеею, на которой сосредоточиваетъ свои лучшія силы, получаетъ свой нравственный складъ, которымъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ. Франція играетъ въ Европѣ, говоря попросту, роль *мастера революціонныхъ дѣлъ*. Что̀ такое революція? Это ниспроверженіе одного государственнаго порядка и замѣна его другимъ, лучшимъ. Слѣдовательно народъ, который производитъ революцію, долженъ быть достаточно знакомъ съ разными государственными порядками не въ своихъ только представителяхъ, но въ массахъ, долженъ имѣть значительно развитую критическую общественную мысль, долженъ имѣть достаточно энергіи и мужества, вообще быть достаточно активнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единодушнымъ, чтобы въ случаѣ нужды постоять за себя. Кажется, требуется немного. Но этого немногаго нѣтъ въ другихъ націяхъ; онѣ еще не доросли до этого. Отъ этого революція во всякой другой

націи была бы народнымъ бѣдствіемъ. Сколько было бы несогласій, вражды, крови, воровства, грабежа, насилій! Во Франціи революція совершается точно по нотамъ, точно народъ въ школахъ обученъ, какъ нужно дѣлать революцію. Возьмемъ хоть прошедшую революцію. Всѣ впередъ знаютъ, чего нужно требовать; никакой розни по этому вопросу; всѣ знаютъ, когда нужно придти въ законодательный корпусъ, что тамъ дѣлать и говорить, когда нужно пойдти въ Тюильри, что нужно уничтожить согласно новымъ принципамъ, чего не касаться, какихъ нужно лицъ избрать и поставить на мѣсто прежнихъ! И нигдѣ ни воровства, ни грабежа, ни насилія, ни малѣйшаго оскорбленія кому бы то ни было!

Все это мы говоримъ не потому, чтобъ были защитниками государственныхъ переворотовъ. Мы напротивъ твердо убѣждены, что революція не должна существовать; что каждый народъ долженъ развиваться путемъ мирнаго прогресса, предупреждать всякіе крутые перевороты мирными, постепенными реформами. Тѣмъ не менѣе однакожь революціи есть, и нѣтъ сомнѣнія, будутъ существовать въ человѣчествѣ еще очень долго, по крайней-мѣрѣ, столько же, сколько будутъ существовать войны. И если нельзя отрицать, что народъ, рѣшающійся на революцію, неминуемо навлекаетъ на себя безчисленныя бѣдствія, то нельзя сказать и того, чтобы революція одного народа отражалась бѣдствіями же на другихъ народахъ. Напротивъ, опытъ показалъ, что революція того или другаго народа другимъ народамъ кромѣ пользы ничего не приноситъ, что послѣдніе, нисколько не участвуя въ тѣхъ жертвахъ и страданіяхъ, которыми она покупается, усвоиваютъ себѣ между тѣмъ всѣ хорошіе результаты, ею добытые. Такъ, по крайней-мѣрѣ, было съ революціями французскими. Въ настоящее время это признано и утверждено всѣми и составляетъ аксіому, которой не отрицаютъ даже такіе мирные люди, какъ германскіе ученые. Вотъ хоть бы, напримѣръ, самъ Штраусъ. Какъ ни старается онъ доказать равенство и даже превосходство нѣмецкаго народа предъ французскимъ, однакожь говоритъ, что безъ французскаго переворота не только 1789 года, но даже и 1848 года, Германія сидѣла бы теперь въ такомъ же безобразіи, въ какомъ находилась въ XVIII столѣтіи. Точно также революція 1830 года повела къ парламентской реформѣ въ Англіи, паденію тори, отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и вообще постепенному расширенію правъ представительства. И такъ-какъ французы, совершая свои революціи у себя дома, ни въ какія подобныя катастрофы не увлекаютъ другіе народы, а передаютъ имъ только добытыя ими новыя идеи и своими опытами предупреждаютъ подобные горькіе опыты у другихъ, давая возможность другимъ реформами достигнуть того, чего они достигаютъ путемъ переворотовъ, то нельзя не признать въ семействѣ европейскихъ народовъ французскую націю полезнѣйшею и нужнѣйшею для другихъ, и нѣмцы напрасно дума-

ютъ замѣнить ее собою, выставляя на видъ свою способность и усердіе къ книгодѣланію.

Въ то время однакожъ, когда публицистика ведетъ горячіе споры о томъ, кто лучше — французы или нѣмцы, и кто болѣе заслуживаетъ симпатіи, — событія идутъ своимъ чередомъ. Пруссакъ уничтожилъ французскую армію, разорилъ и продолжаетъ разорять въ корень занятыя имъ французскія области, теперь стоитъ грозно надъ самымъ сердцемъ Франціи, готовясь нанести ей послѣдній, рѣшительный ударъ. Затѣмъ онъ одному себѣ предоставилъ право и власть опредѣлить и будущія судьбы Франціи. Онъ самъ назначитъ себѣ вознагражденіе за тѣ убытки, которые онъ понесъ; онъ обезпечитъ себѣ безопасность на будущее время со стороны Франціи исправленіемъ ея границъ. Онъ шелъ одинъ; онъ не хочетъ, чтобы кто-нибудь вмѣшивался въ его дѣло (!?). Европа должна теперь смотрѣть и молчать. Самъ тотъ, кто вызвалъ на войну, кто велъ ее *предательски*, нарушая международныя и человѣческія права на каждомъ шагу, кто безпощадно грабилъ и разорялъ, и продолжалъ бойню безъ всякой нужды и цѣли, вопреки имъ самимъ объявленной программѣ, тотъ и будетъ и судьею въ собственномъ дѣлѣ. Понятно, чего ожидать Франціи...

Прискорбно, но должно сознаться, что просвѣщенный и гуманный XIX вѣкъ не сдѣлалъ шагу ни на одну линію отъ временъ блаженнаго кулачнаго права. Какъ въ то время, когда народы и племена жили во взаимной враждѣ между собою и сидѣли особнякомъ другъ отъ друга, каждый былъ радъ, когда два мирныя племени схватывались между собою и вступали въ ожесточенную борьбу, — въ надеждѣ, что на счетъ этой борьбы поживится онъ самъ; какъ Іоаннъ III-й, науськивая друга своего Менгли-Гирея на другія орды, потиралъ отъ удовольствія руки,—такъ точно теперь въ просвѣщенной Европѣ, связанной единствомъ религіи, единствомъ цивилизаціи, единствомъ экономическихъ интересовъ, одинъ народъ можетъ возстать на другой, чуть не уничтожить послѣдній, — и остальная Европа не тронетъ пальцемъ, но будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Всякій понимаетъ, что было бы безсмысленно и преступно соблюдать нейтралитетъ или, что̀ то же, невмѣшательство, когда какого-нибудь человѣка бьютъ на улицѣ, въ особенности если это битье угрожаетъ поврежденіемъ членовъ или убійствомъ; но никому не приходитъ въ голову спросить, не такъ же ли безсмысленно и преступно невмѣшательство, когда роль идетъ объ избіеніи цѣлаго народа... Назадъ тому цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ и даже болѣе, существовала цивилизація—греческая, цивилизація не Богъ знаетъ какая, по крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ нынѣшнею очень незначительная, притомъ цивилизація языческая, которая не знала христіанскаго закона — братолюбія, — однакожъ эта незначительная, эта языческая цивилизація домыслилась до того, что нельзя дозволить наро-

дамъ и народцамъ, которые входятъ въ ея семейство, грызть и истреблять другъ друга, изъ-за пустыхъ дрязговъ, — она учредила международный судъ, такъ-называемый *Анфиктіоновъ* союзъ, — составлявшійся изъ депутатовъ каждой принадлежавшей къ союзу народности, который разбиралъ всѣ споры и вражды между ними, преслѣдовалъ каждое нарушеніе международнаго права. Просвѣщенная христіаннѣйшая Европа, въ тысячу разъ, конечно, превосходящая языческую Грецію своею цивилизаціею, никакъ не можемъ домыслиться до подобнаго союза для себя. Она позволяетъ народамъ, входящимъ въ ея нераздѣльную семью, или точнѣе сказать ихъ владыкамъ, рѣшать пустые споры и ссоры между собою безчисленнымъ разореніемъ, потоками крови и безчисленными страданіями. И въ этой просвѣщенной Европѣ «къ несчастію—говоритъ Луи-Бланъ въ своихъ Письмахъ изъ Англіи, — глупость людей такъ велика, что тотъ, кто сталъ бы удивляться, что въ вѣкѣ телеграфа и пара нѣтъ всемірнаго Анфиктіоновскаго трибунала, рискуетъ быть принятымъ за жителя Сахарныхъ острововъ, описанныхъ оптимизмомъ добраго Фенелона».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы до начала нынѣшней войны, великія державы Европы, разсмотрѣвъ дѣло, изъ-за котораго началась война, признали котораго-нибудь изъ противниковъ правымъ и объявили себя на его сторонѣ, съ угрозою поддержать его правоту, война не могла бы состояться. Великія державы отнеслись къ дѣлу иначе. Онѣ сочли болѣе справедливымъ не вмѣшиваться въ чужое для нихъ дѣло. Было бы несправедливо обвинять за это одну какую-нибудь державу. Ихъ можно обвинять только всѣ вмѣстѣ, но порознь взятая ни одна не можетъ подлежать обвиненію, когда не будетъ доказано, что она именно была причиною состоявшагося невмѣшательства. При нынѣшнемъ своекорыстномъ, эгоистичномъ, хищническомъ направленіи политики европейскихъ державъ, одна какая нибудь, вступившись за правое дѣло, должна бояться нетолько того, что она останется изолированною, но и того, что другія не преминутъ воспользоваться ея рыцарствомъ и поживиться на счетъ ея рыцарскихъ чувствъ, и слѣдовательно должна бояться, что своимъ вмѣшательствомъ она не уменьшитъ, но увеличитъ бѣдствія войны.

Однакожь, вопросъ о невмѣшательствѣ вообще съ точки зрѣнія международнаго права стоитъ разсмотрѣнія. Принципъ невмѣшательства, подъ вліяніемъ Англіи, руководящейся въ политикѣ единственно коммерческими разсчетами, сдѣлался моднымъ въ наше время. Обыкновенно, когда между двумя государствами является столкновеніе, имъ предоставляютъ по прежнему, средневѣковому воззрѣнію, рѣшить дѣло судомъ божіимъ, то-есть войною, предоставляя драться другъ съ другомъ, и терзать другъ друга, сколько душѣ угодно. Остальныя государства остаются хладнокровными и спокойными зрителями всего,

что̀ бы ни случилось, въ твердой увѣренности, что они поступаютъ справедливо и нравственно. Дѣйствительно ли, однакожь, это такъ? Можетъ ли такое эгоистическое, безсердечное отношеніе къ проливаемой народной крови, часто совершенно по пустякамъ, назваться нравственнымъ и справедливымъ и, слѣдовательно, достойнымъ государствъ цивилизованныхъ, за какія любятъ выдавать себя современныя государства!

Мы будемъ разсматривать вопросъ болѣе по отношенію къ фактамъ настоящей прусско-французской войны, какъ общеизвѣстнымъ.

Кто желаетъ войнъ, кто начинаетъ войны? Народы ли или правительства?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать, что обыкновенно, по крайней-мѣрѣ, въ самой бо̀льшей части случаевъ, войны начинаютъ не народы, а правительства. Абстрактно каждое правительство представляется дѣйствующимъ не иначе, какъ по желанію и согласію народа; на дѣлѣ же очень часто правительство дѣйствуетъ не только безъ желанія и согласія народа, но вопреки ему, совершенно безъ его вѣдома. Народъ узнаетъ о войнѣ уже тогда, когда она началась.

Кто далѣе отвѣчаетъ, и долженъ отвѣчать за войну? Судя по тому, что̀ мы сказали, за войну должно было бы отвѣчать одно правительство, если оно начинаетъ ее безъ согласія и вѣдома народа. На дѣлѣ же отвѣчаетъ за нее единственно народъ, на голову котораго обрушиваются всѣ тягости и бѣдствія войны.

Возьмемъ въ примѣръ настоящую войну. Изъ-за чего она началась? Говорятъ, что Пруссія и Франція находились уже давно въ натянутыхъ отношеніяхъ, которыя непремѣнно рано или поздно должны были разрѣшиться войною. Но когда начинаютъ разбирать эти натянутыя отношенія, то оказывается опять подмѣна словъ. Оказывается, что эти натянутыя отношенія существовали вовсе не между народами, а между правительствами, и между послѣдними произошли они отъ взаимной интриги и недобросовѣстности дѣйствій. Не соревнуй Наполеонъ III Бисмарку въ пріобрѣтеніяхъ, веди себя честно и открыто, то-есть объявляй и предлагай на разрѣшеніе и обсужденіе всѣхъ европейскихъ державъ тѣ дѣйствія Пруссіи, которыя были противны трактатамъ и международному праву,—натянутыхъ отношеній не могло бы быть. Могла бы быть война, но война совсѣмъ другаго рода, не по личной инціативѣ Наполеона, но по инціативѣ всей Европы. Но положимъ даже, что натянутыя отношенія были не между правительствами только, но и народами. Натянутыя отношенія, однакожь, еще далеко не то, что̀ война. Русская пословица говоритъ: «худой миръ лучше доброй ссоры». Для Франціи, можетъ быть, было и непріятно собираніе нѣмецкой земли, производимое Бисмаркомъ. Но мало по малу она къ этому привыкла бы, поми-

рилась бы съ нимъ, какъ съ совершившимся фактомъ, натянутыя отношенія съ теченіемъ времени могли ослабѣть и окончиться пріязнью и дружбой. Ужь, кажется, какія отношенія могли быть натянутѣе отношеній между Франціей и Англіей? Однакожь, при согласіи правительствъ обѣ стороны могли жить не только безъ войны, а даже въ добромъ согласіи. И такъ, во всякомъ случаѣ, ближайшею причиною войны мы должны считать непосредственный поводъ къ ней, то-есть кандидатуру гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ. Кромѣ Наполеона и его креатуръ, въ чьихъ глазахъ подобный поводъ къ войнѣ могъ быть признанъ достаточнымъ и резоннымъ? Еслибы прежде начатія войны спросили у французскаго народа: «желаетъ ли вести войну противъ кандидатуры гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ», то онъ отвергъ бы подобное предложеніе съ негодованіемъ. Въ самомъ законодательномъ корпусѣ нашлись честные голоса, изъ которыхъ одни, какъ Жюль Фавръ, отвергали нужду, когда бы ни было, войны съ Германіей, говоря, что *Германіи должно предоставить право самой распоряжаться своими судьбами*,—другіе, какъ Тьеръ, отвергали войну, по крайней-мѣрѣ, по предложенному поводу. Но ни мнѣнія народа не было спрошено, ни мнѣніе честныхъ людей выслушано не было; casus belli правительствомъ былъ признанъ достаточнымъ въ силу оскорбительнаго отвѣта, даннаго королемъ прусскимъ французскому послу. Было ли тутъ дѣйствительно оскорбленіе, или нѣтъ,—объ этомъ говорятъ различно, и дѣйствительно можно говорить различно. Но если допустить, что оно и было, то, какъ вызванное вопросомъ, предложеннымъ не народомъ, и притомъ вопросомъ, неимѣвшимъ никакого отношенія къ интересамъ народа, — это оскорбленіе было личное. Европа могла бы смотрѣть спокойно, еслибы вслѣдствіе этого личнаго оскорбленія Наполеонъ вызвалъ на дуэль короля Вильгельма и Бисмарка и съ ними дрался. Но она не могла, не имѣла права, во имя человѣчества, цивилизаціи, справедливости, наконецъ, своей собственной разумности, допустить войны по такому ничтожному, мелочному, чисто-личному поводу между народами.

Но Европа уклонилась отъ вмѣшательства, и народы призваны отвѣчать своею кровью и безчисленными разореніями за капризъ и глупость своихъ правительствъ.

Намъ скажутъ, что народъ и долженъ нести тяжести и бѣдствія войны, потому что онъ пользуется и ея пріобрѣтеніями въ случаѣ побѣды. Но здѣсь мы опять встрѣчаемъ подмѣну словъ. Уменьшаются ли народные подати и налоги вслѣдствіе дѣлаемыхъ пріобрѣтеній посредствомъ войны? Нѣтъ. Уменьшаются ли его повинности? Также нѣтъ. Увеличиваются ли его промыслы, торговля внутренняя, однимъ словомъ, поднимается ли хотя на волосъ его благосостояніе? Не только нѣтъ, но часто вслѣдствіе хищническихъ пріобрѣтеній племенъ враждеб-

ныхъ, или вообще пріобрѣтеній отдаленныхъ, совершенно безполезныхъ, народъ еще болѣе вводится въ разореніе. Ясно, что пріобрѣтенія, дѣлаемыя войною, если они и бываютъ чѣмъ-нибудь полезны, то бываютъ полезны развѣ правительству, но никакъ не народу. Что пользы французскому народу, что за свои тяжелыя потери и пожертвованія въ крымскую, итальянскую, мексиканскую войну онъ пріобрѣлъ такой клочокъ земли, какъ Савойя и Ницца? Клочокъ этотъ ни на волосъ не увеличилъ его благосостоянія, когда былъ пристегнутъ къ Франціи, и ни на волосъ не уменьшитъ его, если сегодня или завтра будетъ снова отрѣзанъ отъ нея. Присоединеніе этого клочка къ Франціи, такъ точно, какъ измышленіе и торжество саарбрюкенской побѣды ни для чего болѣе не были нужны, какъ для суетности Наполеона. Мы не отрицаемъ того, что бываютъ войны, которыя должно признать народными, которыя ведутся чисто въ интересахъ народа; такова была, напримѣръ, наша война со шведами при Петрѣ-Великомъ для пріобрѣтенія балтійскихъ провинцій, такъ-какъ пріобрѣтенія ея должны были послужить базисомъ для цивилизаціи народа; такова была война крымская при Екатеринѣ II: очищеніе Крыма было необходимо, чтобы сохранить народъ отъ разореній и набѣговъ; такова была война 1812 года. Но такъ-какъ подобныя народныя войны очень рѣдки въ исторіи, большею же частію онѣ начинаются изъ честолюбія, суетности, вообще личныхъ интересовъ правительствъ, то мы стоимъ на прежде высказанномъ положеніи, что предполагаемыя правительствомъ черезъ войну пріобрѣтенія, если предположенія эти исходятъ отъ правительства, а не отъ народа, не могутъ возлагать на народъ отвѣтственности за войну.

«Нѣтъ, — разсуждаетъ «Times», — независимо отъ убытковъ ли-то, или пріобрѣтеній, нація должна отвѣчать за войну, которую вчинило ея правительство».

«Нація можетъ — такъ развиваетъ эта газета свою мысль по отношенію къ Франціи — низвергать своихъ правителей и отвергать политику, которой они слѣдовали, но она не можетъ освободиться отъ отвѣтственности за тѣ дѣйствія, которыя они совершили до сложенія съ себя власти. Мы имѣемъ основаніе думать, что временное правительство нехорошо сознаетъ эту истину,—и несомнѣнно, что она опущена изъ виду очень многими французами, которые имѣютъ претензію говорить во имя своей націи. «Мы низвергли Наполеона—говорятъ они, обращаясь къ нѣмцамъ, — и вполнѣ отказываемся отъ его политики по отношенію къ вамъ; слѣдовательно, война должна быть немедленно прекращена».

«Заключеніе слишкомъ повелительное. Республика наслѣдуетъ войну. Съ нею вмѣстѣ она наслѣдуетъ и тяжесть отвѣтственности—необходимое послѣдствіе объявленія войны. Франція республиканская должна заплатить за глупости, даже за

самыя преступленія Франціи императорской». «Но почему же все это, почему?» спрашиваетъ читатель. «Потому—отвѣчаетъ Times, — Франція должна нести отвѣтственность, что она избрала (?!) своего владыку, и утвердила его (?!) во власти, потому что она согласилась (!?) на послѣднія его дѣйствія».

Какой софизмъ, и какъ часто употребляетъ его немощная европейская печать, не зная, какъ согласить съ истиною и справедливостію безчисленныя безобразія современной европейской политики. Но для всякаго, имѣющаго смыслъ, очевидно, что это разрубаніе гордіева узла, а никакъ не развязываніе его, что подобные софизмы — чистая паутина, которая исчезаетъ отъ перваго, самаго легкаго прикосновенія къ ней.

Представимъ себѣ, что Россія вступила въ войну съ Англіей, и, чтобы нанести чувствительный ударъ послѣдней, перенесла войну въ остъ-индскія владѣнія Англіи. Война ведется мѣсяцъ, два, три, четыре; — Остъ-Индія страшно разорена и опустошена. Сипаи геройски дерутся за своихъ повелителей, но, наконецъ, одумываются, и приходятъ въ сознаніе: «съ какой стати—говорятъ они между собой — мы деремся за этихъ чертей англичанъ? Мы не имѣемъ никакого отношенія къ Россіи, не хотимъ воевать противъ нея, а англичане ни съ того, ни съ сего навели на насъ русскихъ, и разоряютъ, и опустошаютъ страну. Давай свергнемъ ихъ владычество и учредимъ республику». Сказано—сдѣлано. Учредивъ республику, сипаи вмѣстѣ со всѣмъ народомъ объявляютъ Россіи, что не они начали съ ней войну, что они желаютъ жить съ Россіей въ добромъ мирѣ и согласіи, потому просятъ немедленно прекратить войну и оставить ихъ; издержки же ея, если она не можетъ взыскать ихъ съ виновниковъ войны, они, хотя и ни въ чемъ неповинные, заплатятъ. Довольно ли этого?

Воображаемъ, съ какимъ презрѣніемъ взглянутъ на насъ всѣ пруссофилы. «Какъ!? — будутъ вопіять они. — Вы уподобляете французовъ индійцамъ; вы хотите, чтобы этотъ народъ, который надоѣлъ всѣмъ хвастовствомъ о своей свободѣ, трактовали такъ же, какъ безгласныхъ, невѣжественныхъ, непринимающихъ никакого участія въ управленіи индійцевъ». Позвольте, остановитесь; совсѣмъ мы этого не хотимъ. Примѣръ нашъ мы привели только для того, чтобы показать, что не всѣ народы могутъ избирать своихъ владыкъ; такихъ народовъ въ Европѣ почти-что и нѣтъ, а также не всѣ народы принимаютъ участіе въ управленіи, — и такихъ народовъ въ Европѣ найдется всего одинъ, два, — да и обчелся. Потому, если «Times» и вообще послѣдователи ея воззрѣній хотятъ выработать общія начала относительно вознагражденія побѣдителей за войны, они должны имѣть въ виду существующее положеніе дѣлъ. Иначе судъ всегда будетъ волчій, гдѣ за волка будетъ отвѣчать ни въ чемъ невиноватая овца. Если же и «Times», и ея

послѣдователи видятъ, что въ настоящее время положеніе дѣлъ въ Европѣ таково, что къ нему никакъ нельзя приложить началъ справедливости и истины, то такъ и сказать надобно откровенно. Тогда обратятся къ началамъ человѣколюбія и снисходительности, и любовію будутъ врачевать тѣ раны человѣчества, которыя производятъ глупость и насиліе. Чтò было бы съ Германіей, еслибъ Россія захотѣла взыскивать съ нея свои убытки за войну 1812 года? А вѣдь, на основаніи принциповъ «Times», имѣла бы право? Ибо Германія шла войною на Россію съ На полеономъI, слѣдовательно одобряла его походъ, соглашалась на него!

Но, возьмемъ еще одинъ примѣръ, чтобы показать, что начала, проповѣдуемыя «Times'омъ», неприложимы и къ современнымъ самымъ цивилизованнымъ народамъ Европы. Представимъ себѣ, что Пруссія, послѣ блестящихъ ея побѣдъ въ нынѣшнюю войну, развивая годъ отъ года все болѣе и болѣе свои завоевательные инстинкты и наклонности, черезъ 5, 6 лѣтъ объявитъ свои претензіи на остзейскія провинціи и войну Россіи. Представимъ себѣ, что Россія, имѣя это въ виду, въ теченіе 5, 6-ти лѣтъ приготовится для достойнаго отпора, образуетъ у себя прусскую военную организацію и при посредствѣ ея, такъ же *предательски*, какъ Пруссія, показывая на бумагѣ количество войска въ военное время всего 2% съ народонаселенія, то-есть съ 80 милліоновъ 1.600,000, на самомъ дѣлѣ приготовитъ его 10%, то-есть 8.000,000, и съ этой ордой вторгнется въ Германію, какъ съ подобной ордой вторглась Пруссія во Францію. Нѣтъ сомнѣнія, что Германія окажется тогда еще въ болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ теперь Франція. Представимъ теперь, что, вслѣдствіе этого бѣдственнаго положенія, нѣмцы одумаются, свергнутъ Бисмарка, учредятъ республику и скажутъ Россіи: «мы не виноваты въ войнѣ съ вами; мы не имѣемъ никакихъ видовъ на ваши остзейскія провинціи; это — затѣя и дѣло Бисмарка. Теперь мы его свергнули, желаемъ жить съ вами въ мирѣ; война кончена, возьмите деньги за ваши убытки и идите съ Богомъ домой».—«Нѣтъ», отвѣчала бы имъ на это Россія, держась принциповъ, проповѣдуемыхъ «Times», — этимъ, голубчики, вы отъ насъ не отдѣлаетесь. Вы вѣдь не то, что сипаи; у васъ конституція есть. Вольно вамъ было слушать Бисмарка. А чтобы вамъ и впередъ шалить было не повадно, то мы посчитаемся резонно, во сколько обошлась намъ война съ вами. Мобилизація восьмимильйонной арміи, при такихъ огромныхъ дистанціяхъ, какъ наши, стоитъ, по меньшей мѣрѣ, 100 рублей съ человѣка, слѣдовательно 800.000,000 рублей; ежедневное содержаніе ея въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ войны съ вами не менѣе 1 р. съ человѣка, всего 920.000,000 руб.; столько же, по меньшей мѣрѣ, надобно положить за отнятіе восьми мильйоновъ работниковъ отъ производительнаго труда въ теченіе 4 мѣсяцевъ; выбыло убитыхъ изъ строя

500,000 и слѣдовательно столько же производительныхъ силъ изъ государства, изъ которыхъ, капитализируя каждую въ 1,000 р., получимъ 500.000,000; половину этого — по меньшей мѣрѣ надобно положить на обезпеченіе ихъ семействъ — 250.000,000, потомъ осталось раненыхъ тоже 500,000, на обезпеченіе ихъ и ихъ семействъ, а также за утрату, которое понесло въ неспособности большей части изъ нихъ къ работѣ государство, надобно положить не менѣе 500.000,000 р. Издержки на вооруженіе, на перевозочныя средства нами еще не исчислены точно, но онѣ составятъ не менѣе трети совокупной суммы вышеисчисленныхъ издержекъ. Всѣхъ этихъ суммъ вы, господа, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ заплатить будете не въ состояніи, потому вы заплатите только часть, — а за остальное мы возьмемъ кой какіе куски изъ вашей территоріи, тѣмъ болѣе, что и взять необходимо для обезпеченія нашихъ границъ. Хотя вы и говорите, что вы намѣрены жить съ нами въ мирѣ, но въ теченіе многолѣтняго Бисмаркова владычества вы имъ испорчены до мозга костей и заражены завоевательными стремленіями какъ и онъ, и на слова ваши полагаться нельзя. А такъ-какъ вы съ сухаго пути для насъ не такъ опасны, какъ съ моря, да, пожалуй, и не такъ аппетитны, то мы беремъ у васъ ваше балтійское прибрежье со всѣми его городами и населеніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ флотомъ, который вы успѣли соорудить. Такъ-какъ война шла только между нами и вами безъ вмѣшательства другихъ державъ, то и въ заключеніе мира мы не допускаемъ ни чьего вмѣшательства. Давайте, что мы назначили. Это наше послѣднее слово... или съ лица земли сотремъ Германію; зане мы побѣдители... и все можемъ». Что сказалъ бы «Times» на такое проведеніе проповѣдуемыхъ имъ теперь принциповъ? Не запѣлъ ли бы онъ другую пѣсню? Не сталъ ли бы онъ говорить, что въ Европѣ есть только одна свободная страна Англія — да и въ ней представительство народа еще такъ незначительно, что было бы несправедливо и жестоко взваливать ошибки, глупости и преступленія правительства на народъ, — что въ Германіи конституція была не болѣе, какъ ничего незначущимъ лоскуткомъ бумаги, на дѣлѣ же всѣмъ распоряжается и управляетъ Бисмаркъ, — что противно наконецъ всѣмъ основамъ современныхъ монархій и даже опасно для спокойствія Европы требовать, чтобы народъ обсуждалъ каждое дѣйствіе своего правительства и немедленно отказывался отъ повиновенія и возмущался, какъ скоро онъ несогласенъ съ нимъ, что для этого предварительно во всѣхъ государствахъ должны существовать соотвѣтственныя формы и т. д., и т. д.? — Вотъ бы какъ говорилъ «Times», когда бы дѣло пошло объ уничтоженіи дружественнаго англійской націи народа и слѣдовательно въ ущербъ ея интересамъ. Теперь же дѣло поставлено иначе, — и Times самымъ безстыднымъ образомъ топчетъ въ грязь всякую справедливость и истину.

Мы должны отдасть честь прусскому королю Вильгельму, что онъ смотрѣлъ сначала на войну совершенно резонно. Правда, онъ не предлагалъ Наполеону личное недоразумѣніе и столкновеніе, возникшее между ними, рѣшить или третейскимъ судомъ Европы, или одиночнымъ поединкомъ между собою, а по сохранившемуся варварскому обычаю рѣшился взвалить войну, какъ и Наполеонъ, на плечи народу, но онъ, по крайней мѣрѣ, объявилъ и Европѣ, и французскому народу, что онъ смотритъ на войну, какъ на личное дѣло Наполеона, и воюетъ не съ *миролюбивымъ французскимъ народомъ*, а единственно съ Наполеономъ. На основаніи такого объявленія короля прусскаго Европа могла надѣяться, что война будетъ локализированною, а главное, не можетъ долго продолжаться. Но вотъ при Седанѣ, Наполеонъ, напрасно искавшій смерти, вмѣстѣ съ своими любимцами, также напрасно искавшими смерти, сдался плѣнникомъ королю прусскому. Въ это же самое время народъ французскій объявилъ Наполеона и династію его низверженною съ престола. Казалось бы,—конецъ войнѣ. Прусскій король и Бисмаркъ достигли удовлетворенія, о какомъ они не могли и мечтать въ началѣ войны. Врагъ ихъ не только въ ихъ рукахъ теперь, но и навсегда лишенъ возможности вредить имъ. Народъ французскій отказался отъ него и во главѣ французскаго правительства стали люди, которые протестовали противъ войны до начала ея, которые говорили, что не ихъ дѣло вмѣшиваться во внутренніе дѣла и распорядки Пруссіи и которые теперь вновь объявили то же самое, въ циркулярѣ ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ. «Мы громко осуждали войну,—такъ писалъ въ этомъ циркулярѣ министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи Жюль Фавръ,—и, выражая уваженіе наше къ праву народовъ, требовали, чтобы Германіи было предоставлено владѣть своими судьбами. Мы хотѣли, чтобы свобода была вмѣстѣ и нашею общею связью и нашимъ щитомъ; мы были убѣждены, что эти нравственныя силы обезпечили бы навсегда сохраненіе мира... Съ своей стороны король прусскій объявилъ, что онъ ведетъ войну не противъ Франціи, а противъ императорской династіи. Династія низвергнута; возстаетъ свободная Франція. Намѣренъ ли король прусскій продолжать нечестивую войну, которая отзовется ему по меньшей мѣрѣ такъ же тяжело, какъ и намъ? Хочетъ ли онъ дать міру XIX столѣтія жалкое зрѣлище двухъ націй, которыя истребляютъ другъ друга, забывая и человѣколюбіе, и разумъ, и науку, нагромождаютъ развалины и трупы? Воля его: пусть приметъ онъ на себя эту отвѣтственность передъ міромъ и исторіей!!». Какого лучшаго удовлетворенія и какого лучшаго залога для мира могла желать и требовать Пруссія!? Согласно объявленной ею Европѣ и французскому народу программѣ войны Пруссія немедленно должна бы была положить оружіе и самое бòльшее, чего она могла бы требовать отъ Франціи, даже держась

варварскихъ обычаевъ вѣка — за личный капризъ и глупость правительства заставлять расплачиваться народъ, — это вознагражденіе за тѣ убытки, которые она понесла до сихъ поръ, т.-е. до взятія въ плѣнъ Наполеона.

Какъ вдругъ, къ удивленію всѣхъ, послѣ седанской битвы Пруссія объявляетъ, что она ведетъ войну не съ Наполеономъ, а съ французскимъ народомъ, что этотъ *миролюбивый*, по прежнимъ словамъ короля прусскаго, народъ такъ жаденъ къ завоеваніямъ и безпокоенъ относительно сосѣдей, что его необходимо смирить окончательно и обезпечить границы Германіи пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ областей или крѣпостей. Этого мало: со времени седанской битвы или, лучше сказать, съ того времени, какъ Наполеонъ сдѣлался военноплѣннымъ прусскаго короля, Пруссія перемѣнила къ нему свой тонъ и отношеніе. Вскорѣ послѣ седанской битвы прусскій официальный органъ «Staats-Anzeiger» повѣдалъ міру, что онъ узналъ изъ *достовѣрныхъ* источниковъ и даже отъ *очевидцевъ*, что Наполеонъ во время седанскаго побоища, бросался подъ выстрѣлы, ища смерти. Любопытно бы узнать: изъ какихъ достовѣрныхъ источниковъ и отъ какихъ очевидцевъ получилъ «Staats-Anzeiger» свѣдѣнія объ отчаянной храбрости Наполеона? Конечно, не отъ нѣмецкихъ солдатъ, которые увидѣли Наполеона уже въ состояніи военноплѣннаго. Надобно полагать, отъ сподвижниковъ Наполеона въ седанской битвѣ, французскихъ солдатъ, мимо которыхъ, неизвѣстно почему, бросавшійся подъ пули товарищъ ихъ, по сдачѣ въ плѣнъ, не смѣлъ проѣхать иначе, какъ подъ прикрытіемъ прусскаго конвоя. Но «Staats-Anzeiger» увѣряетъ, что «намѣреніе императора Наполеона найти смерть — не подлежитъ никакому сомнѣнію», и мы должны ему вѣрить. Такъ точно, какъ не можемъ не вѣрить тѣмъ письмамъ изъ Намюра о пребываніи здѣсь императорскаго принца, въ которыхъ разсказываютъ, между прочимъ, что когда принцу сообщили извѣстіе о плѣнѣ императора, то онъ выслушалъ его не произнеся ни слова, стоялъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ опущенной головой, потомъ, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, сказалъ: «все это еще ничего, лишь бы Франція осталась цѣла». Затѣмъ, онъ попросилъ себя оставить одного, и слуга, дескать, слышалъ, какъ онъ рыдалъ. О чемъ, однакожь, хлопочутъ и «Staats-Anzeiger», и сочнитель намюрскихъ писемъ, повѣдающіе міру о великихъ душевныхъ качествахъ Наполеона III и проектированнаго, графомъ Паликао, Наполеона IV? Понять не трудно. По крайней мѣрѣ, Пруссія не находитъ нужнымъ говорить намёками, играть въ загадки; она прямо говоритъ что̀ думаетъ. Наполеонъ до плѣна — это язва Франціи, разъединяющая и растлѣвающая французскій народъ, это бичь Европы, это извергъ человѣчества, котораго уничтожить Пруссія почитала своей миссіею, теперь въ глазахъ Пруссіи является неповинно пострадавшимъ избранникомъ французскаго

народа. Пруссія не хочетъ знать новаго правительства во Франціи, она признаетъ правительство Франціи только въ лицѣ Наполеона и съ нимъ хочетъ заключить миръ. Своею миссіею — такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ прусскія газеты — она уже поставляетъ возстановленіе Наполеона на престолѣ Франціи.

Любопытно было бы однакожъ знать: что̀ такъ быстро измѣнило мысли и намѣренія короля Вильгельма? Что̀ означало его первоначальное миролюбіе, умѣренность, справедливость, и что̀ значатъ теперешнія разрушительныя стремленія, кровожадность, презрѣніе ко всѣмъ международнымъ и человѣческимъ правамъ? Съ начала войны до седанской битвы не прошло и двухъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ въ это короткое время Европой, въ особенности Германіей пережиты цѣлыя столѣтія. Передъ началомъ войны въ германскомъ войскѣ, начиная отъ его главнокомандующаго короля Вильгельма до послѣдняго солдата—никто не былъ твердо увѣренъ, чтобы имъ предстоящая война сошла благополучно съ рукъ. Въ такой неувѣренности относительно успѣховъ германскаго оружія находилась не только Германія, но и вся Европа. Побѣдоносность и слава французскаго оружія были слишкомъ всѣмъ извѣстны издавна. Понятно, къ какому смиренію и миролюбивымъ чувствамъ должна была настраивать короля Вильгельма предстоящая война съ французами. Въ его затруднительномъ и неспокойномъ состояніи ему все могло представляться: могло представляться, что ему скоро понадобится обратиться къ помощи другихъ европейскихъ державъ; могло представляться и то, что ему придется имѣть дѣло съ самимъ французскимъ народомъ вовсе не въ качествѣ побѣдителя, и на такой случай заручиться снисходительностію *миролюбиваго* французскаго дѣло вовсе не лишнее. Но Богъ благословилъ успѣхи прусскаго оружія. Рядъ блистательныхъ побѣдъ уничтожилъ всѣ первоначальныя малодушныя опасенія и сомнѣнія короля прусскаго. Седанская битва была такого рода, что послѣ нея въ самыхъ робкихъ нѣмецкихъ душахъ, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ, не могло оказаться и тѣни сомнѣнія относительно окончательной побѣды. Армія французская совершенно здѣсь уничтожена; одна половина ея взята въ плѣнъ, другая заперта въ Мецѣ, и ничего не можетъ ожидать кромѣ плѣна или истребленія. Путь изъ Седана къ Парижу представлялся не военнымъ походомъ, а нѣкоторымъ образомъ пріятною прогулкою, и не только пріятною прогулкою, но самою выгодною спекуляціей. За каждый нетрудный шагъ нѣмецкаго войска отъ Седана къ Парижу Франція заплатитъ впослѣдствіи сотни тысячъ. Кто будетъ контролировать этотъ нѣмецкій счетъ, который сведетъ Бисмаркъ относительно убытковъ и потерь, понесенныхъ прусской арміей?—Какъ война была локализирована, говорятъ нѣмецкія газеты, такъ долженъ быть локализированъ и миръ, т.-е. заключенъ на полной волѣ побѣдителя, безъ всякаго вмѣшательства Европы. Между тѣмъ для всякаго очевид-

но, что со времени седанской битвы, война теряетъ уже характеръ войны,—а переходитъ въ грабежъ, насиліе и бойню, ничѣмъ невызываемыя и ни для чего ненужныя. По законамъ справедливости за всѣ разоренія, опустошенія, кровопролитія, ею причиненныя, должна платить не Франція Германіи, а Германія Франціи.

Помимо экономическихъ соображеній, или правильнѣе сказать, соображеній хищничества и грабежа, Пруссію къ продолженію бойни не мало подстрекаетъ и суетность. Еще по старинной традиціи всѣ короли прусскіе должны быть вмѣстѣ и полководцами. Со времени пріобрѣтенія Пруссіей гегемоніи надъ остальною Германіею, это вошло даже въ сѣверо-германскую конституцію, въ силу которой король прусскій есть предводитель соединенныхъ силъ Германіи. Каждый вступающій на прусскій престолъ долженъ предварительно украсить себя военными лаврами, чтобы достойно занимать постъ предводителя арміи. Нынѣшній король прусскій украсилъ себя этими лаврами еще въ битвѣ при Ватерлоо. Будущій король прусскій въ этомъ случаѣ далеко счастливѣе своего отца. Уже прусско-австрійская война сдѣлала его вполнѣ достойнымъ его будущаго высокаго поста. О нынѣшней войнѣ и говорить нечего. Всѣ удары французовъ были направлены на южную армію, и Фрицъ почти во все время войны былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ. Вся Германія вслѣдъ за королемъ трепетала отъ восторга, читая о подвигахъ и побѣдахъ своего будущаго владыки и предводителя германскихъ силъ. Всего этого при другихъ обстоятельствахъ было бы не только очень довольно, но даже очень много для кандидата прусскаго престола. Но при настоящихъ обстоятельствахъ этого оказывается мало. Фрицъ — не заурядный король; онъ начинаетъ собою новую эру въ Германіи; онъ долженъ смыть окончательно то пятно позора, которое положено было на нее Наполеономъ I-мъ; онъ долженъ отплатить французамъ визиты ихъ Берлину и Вѣнѣ, и вообще всѣмъ столицамъ Германіи. Фрицъ долженъ быть въ Парижѣ, — это условіе sine qua non. Это твердо рѣшено Пруссіей, и, повидимому, не безъ участія и согласія нѣкоторыхъ кабинетовъ. По крайней-мѣрѣ, въ «Indépendance Belge» мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такое извѣстіе, сообщаемое однимъ изъ ея кореспондентовъ отъ 9-го сентября (21-го августа): «мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что лордъ Лайонсъ весьма расположенъ къ Франціи, но на его настоятельныя депеши и телеграммы отвѣчаютъ изъ Лондона уклончиво, или вовсе не отвѣчаютъ. Королева показываетъ сильное вліяніе на сентджемскій кабинетъ, и ей хотѣлось бы непремѣнно, чтобы прусскій король и прусскій наслѣдный принцъ, который, какъ извѣстно, женатъ на ея старшей дочери, могли торжественно вступить въ Парижъ. Предполагаютъ даже, что это обстоятельство будетъ однимъ изъ условій мира».

Если это извѣстіе справедливо, — а не довѣрять ему мы не

имѣемъ никакого основанія, соображая текущія событія,—то понятно, что за анфиктіоновъ союзъ представляетъ собою современная Европа. Въ то время, когда совѣсть, справедливость, человѣколюбіе требуютъ, чтобы Европа немедленно положила свое тяжеловѣсное veto на дальнѣйшее дѣйствіе германскаго оружія, одинъ изъ главныхъ кабинетовъ ея подстрекаетъ Пруссію къ дальнѣйшимъ грабежамъ, опустошеніямъ и кровопролитію, желая видѣть торжественный въѣздъ Фрица и отца его въ Парижъ!!

Послѣ всего, что мы сказали, намъ нѣтъ нужды говорить, что нейтралитетъ европейскихъ державъ въ нынѣшнюю войну не можетъ имѣть для себя никакого оправданія ни въ началахъ нравственности, ни въ началахъ справедливости. Мы не думаемъ даже, чтобы этотъ нейтралитетъ каждою изъ державъ былъ принятъ свободно, въ виду ея собственныхъ выгодъ.

Изъ униженія Франціи и возвышенія Германіи можетъ извлечь выгоду въ Европѣ одна только Англія. Недаромъ въ ставкѣ прусскаго короля пьютъ за процвѣтаніе трехъ великихъ націй нѣмецкой расы. Одинъ, по словамъ Луи-Блана, «почтенный человѣкъ, и весьма агличанинъ» говорилъ Луи-Блану слѣдующее о выгодахъ союза Англіи съ Пруссіей: «Какой союзъ можетъ найти Пруссія лучше нашего? Пруссія — нація военная; Англія — нація морская. Пруссія — нація земледѣльческая; Англія — нація мануфактурная; и такъ между ними не можетъ быть серьёзной вражды какъ съ точки зрѣнія войны, такъ и съ точки зрѣнія торговли. Онѣ отдалены одна отъ другой, и потому не рискуютъ начать между собою войну, которая такъ часто втягиваетъ въ нее сосѣдей. Онѣ обѣ протестантки; обѣ подвергаются опасности, если Франція сдѣлается слишкомъ сильною. Притомъ жена будущаго короля Пруссіи есть англійская принцесса, такъ же точно, какъ нѣмецкій принцъ есть супругъ теперешней королевы англійской».

Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ для Англіи выгодно возвышеніе Германіи и униженіе Франціи, оно невыгодно ни для Австріи, ни для Россіи. Почему же, спрашивается, и Австрія, и Россія спокойно смотрятъ на побіеніе Франціи Пруссіей?

Австрія ненавидитъ Пруссію, готова была бы уничтожить ее, но она боится Пруссіи. Эту робость еще болѣе увеличиваетъ въ ней ея нѣмецкая національность, душою и сердцемъ преданная дѣлу объединенія Германіи.

Россія не можетъ бояться Пруссіи, но, по всей вѣроятности, она не ожидала того оборота, который приняла война со времени седанской битвы, и не имѣла въ виду громадныхъ силъ, которыя втихомолку приготовила Пруссія для борьбы. Очень можетъ быть, что Россія не считаетъ себя въ настоящій мо-

ментъ на столько приготовленною для борьбы съ Пруссіею, на сколько бы то было нужно и желательно.

Но за всѣмъ тѣмъ, очень можетъ быть, что самая сила вещей невольно заставитъ выйти изъ нейтралитета какъ Австрію, такъ и Россію. Когда пойдетъ рѣчь о территоріальномъ раздробленіи Франціи, вообще о низведеніи ея на степень второстепенной державы, или, что̀ еще хуже, когда Пруссія захочетъ создать для себя изъ Франціи вассальное государство, давъ сей послѣдней изъ своихъ рукъ монарха, тогда ни Австрія, ни Россія, не рискуя своимъ европейскимъ значеніемъ и своими будущими интересами, не могутъ не протестовать противъ такого хищничества и насилія, и очень немудрено, что протестъ этотъ придется поддерживать вооруженною рукою.

Но къ этому предмету намъ еще придется возвратиться.

